

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

№ 2 (24)

2018

Главный редакторчлен-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук **А.Г. Ситдиков****Заместители главного редактора:**член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук **Ф.Ш. Хузин**доктор исторических наук **Ю.А. Зеленева**Ответственный секретарь – кандидат ветеринарных наук **Г.Ш. Асылгараева****Редакционный совет:****Р.С. Хакимов** – вице-президент АН РТ (Казань, Россия) (председатель)**Х.А. Амирханов** – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Москва, Россия)**И. Бальдауф** – доктор наук, профессор (Берлин, Германия)**С.Г. Бочаров** – кандидат исторических наук (Казань, Россия)**П. Георгиев** – доктор наук, доцент (Шумен, Болгария)**Е.П. Казаков** – доктор исторических наук (Казань, Россия)**Н.Н. Крадин** – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия)**А. Тюрк** – PhD (Будапешт, Венгрия)**И. Фодор** – доктор исторических наук, профессор (Будапешт, Венгрия)**В.Л. Янин** – академик РАН, доктор исторических наук профессор (Москва, Россия)**Редакционная коллегия:****А.А. Выборнов** – доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)**М.Ш. Галимова** – кандидат исторических наук (Казань, Россия)**Р.Д. Голдина** – доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)**И.Л. Измайлов** – доктор исторических наук (Казань, Россия)**С.В. Кузьминых** – кандидат исторических наук (Москва, Россия)**А.Е. Леонтьев** – доктор исторических наук (Москва, Россия)**Т.Б. Никитина** – доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)**Ответственный за выпуск:****С.Г. Бочаров** – кандидат исторических наук (Казань, Россия)**Адрес редакции:**

420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru<http://archaeologie.pro>

Индекс 80425, каталог «ПОЧТА РОССИИ»

Выходит 4 раза в год

© Академия наук Республики Татарстан, 2018

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2018

© Журнал «Поволжская археология», 2018

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **A. G. Sitdikov**

Deputy Chief Editors:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences **F. Sh. Khuzin**
Doctor of Historical Sciences **Yu. A. Zelenev**
Executive Secretary – Candidate of Veterinary Sciences **G. Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:

R. S. Khakimov – Vice-Chairman of the Tatarstan Academy of Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation) (chairman)
Kh. A. Amirkhanov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
I. Baldauf – Doctor Habilitat, Professor (Humboldt-Universität zu Berlin, Berlin, Germany)
S. G. Bocharov – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
P. Georgiev – Doctor of Historical Sciences (National Archeological Institute with Museum, Bulgarian Academy of Sciences, Shumen Branch, Shumen, Bulgaria)
E. P. Kazakov – Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
N. N. Kradin – Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation)
A. Türk – PhD (Institute of History, Research Centre for the Humanities, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary)
I. Fodor – Doctor of Historical Sciences, Professor (Hungarian National Museum, Budapest, Hungary)
V. L. Yanin – Doctor of Historical Sciences, Professor (Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Editorial Board:

A. A. Vybornov – Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)
M. Sh. Galimova – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
R. D. Goldina – Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)
I. L. Izmaylov – Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
S. V. Kuzminykh – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
A. E. Leont'ev – Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
T. B. Nikitina – Doctor of Historical Sciences (Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev, Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Responsible for Issue – Candidate of Historical Sciences **S. G. Bocharov**

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

<http://archaeologie.pro>

© Tatarstan Academy of Sciences (TAS), 2018

© Mari State University, 2018

© “Povolzhskaya Arkheologiya” Journal, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Древности Волжской Булгарии и археология Евразии

Кравченко Э.Е. (Донецк, Украина).

Оборонительные сооружения археологического комплекса
у с. Сидорово (среднее течение Северского Донца) 10

Макаров Л.Д. (Ижевск, Россия).

Дореволюционная коллекция городища Грохань
из фондов Сарапульского земского музея 33

Серегин Н.Н. (Барнаул, Россия).

Скальные погребения Алтая и сопредельных территорий раннего средне-
вековья: культурно-хронологическая и этносоциальная интерпретация..... 41

Борисов Б.Д. (Велико Тырново, Болгария).

Модель обработки массового керамического материала 52

Дьякова О.В. (Владивосток, Россия).

Горные городища Восточного Ся в Приморье
(фортификационные и стратиграфические особенности)..... 65

Шакиров З. Г., Хузин Ф.Ш. (Казань, Россия).

Комплексные исследования Билярской археологической экспедиции 85

Валиев Р.Р., Абдуллин Х.М., Ситдииков А.Г. (Казань, Россия).

«Старокуйбышевское VII селище»:
историко-археологические исследования 100

Булгарский улус и изучение материальной культуры Золотой Орды

Руденко К.А. (Казань, Россия).

Золотые украшения Волжской Булгарии и Булгарского улуса
Золотой Орды: опыт сравнительного анализа 111

Обухов Ю.Д. (с. Прасковья, Ставропольский край, Россия),

Бочаров С.Г. (Казань, Россия).

Новая находка костяной накладки с изображением дракона
на Маджарском городище 125

Пигарёв Е.М. (Йошкар-Ола, Россия).

Городище "Шареный Бугор" (город Хаджи-Тархан) и его округа 134

Айбабина Е.А. (Симферополь, Россия).

Резные камни городища Чуфут-Кале 150

Кирилко В.П. (Симферополь, Россия).

«Алустонский клад»: история находки 168

Мыц В.Л. (Санкт-Петербург, Россия).

Сарымамбаш-Кермен – укрепленная резиденция XIV–XVIII вв.
беков Яшлавских-Сулешевых 190

<i>Зенюк Д.И. (Ростов-на-Дону, Россия), Масловский А.Н. (Азов, Россия).</i> Керамический комплекс первой четверти XV в. из раскопок в городе Азове	204
<i>Чернецов А.В. (Москва, Россия).</i> Чингизиды на миниатюрах лицевого летописного свода Ивана Грозного.....	222

Новейшие археологические исследования Болгарского городища

<i>Лопан О.В., Волков И.В. (Москва, Россия), Ситдиков А.Г. (Казань, Россия).</i> Раскопки на южной окраине Болгарского городища в 2016 году (раскоп ССХVII).....	237
<i>Бочаров С.Г. (Казань, Россия).</i> Археологические исследования гончарных горнов на Болгарском городище в 2016 году (раскоп ССХVI)	253
<i>Бадеев Д.Ю., Коваль В.Ю. (Москва, Россия).</i> Исследования ремесленно-торгового района средневекового Болгара	270
<i>Зоря Р.С. (Казань, Россия).</i> Находка литейной формы из раскопа СХСIX Болгарского городища	290
<i>Губайдуллин А.М. (Казань, Россия).</i> Типы средневековых дерево-земляных оборонительных сооружений и способы их возведения	297
<i>Яворская Л.В. (Москва, Россия).</i> К вопросу об обеспечении мясными продуктами средневекового города Болгар.....	307
<i>Бездудный В.Г. (Ростов-на-Дону, Россия), Марчук В.Н. (Фрязино, Россия), Ситдиков А.Г. (Казань, Россия).</i> Комплексные геофизические исследования Болгарского городища в 2016 году	319
<i>Усманов Б.М., Гайнуллин И.И., Хомяков П.В. (Казань, Россия).</i> Комплексная оценка современного состояния территории Болгарского городища (Татарстан, Россия).....	326

Хроника

<i>Коваль В.Ю. (Москва, Россия), Баранов В.С. (Казань, Россия), Елкина И.И., Глазунова О.Н., Григорян С.Б. (Москва, Россия).</i> Л.А. Беляев и археология Поволжья	342
<i>Недашковский Л.Ф., Ситдиков А.Г., Асылгараева Г.Ш. (Казань, Россия).</i> Памяти А.Г. Мухамадиева (1933–2018).....	348
<i>Имашева М.М. (Казань, Россия).</i> Секция «Археология Нижнего Поволжья» в работе ежегодной международной научной конференции «Астраханские краеведческие чтения»	354
Список сокращений	360
Правила для авторов	363

*The issue is dedicated to the 80th anniversary
the Bolgar archaeological expedition*

CONTENS

Antiquities of Volga Bulgaria and archaeology of Eurasia

Kravchenko E.E. (Donetsk, Ukraine)
Fortification of the Archaeological Complex Near the Village of Sidorovo
(middle flow of the Seversky Donets river) 10

Makarov L.D. (Izhevsk, Russian Federation)
Pre-Revolutionary Collection of Grochan Hillfort from the Funds
of Sarapul Local Museum 33

Seregin N.N. (Barnaul, Russian Federation)
Rock Burials of the Early Middle Ages in Altai and Adjacent Territories:
cultural-chronological and ethnic-social interpretation..... 41

Borisov B.D. (Veliko Tarnovo, Bulgaria)
A Model for Pottery Material Processing 52

Dyakova O.V. (Vladivostok, Russian Federation)
Mountain Fortified Settlements of East Xia in Primorye
(fortification and stratigraphic features)..... 65

Shakirov Z.G., Khuzin F.Sh. (Kazan, Russian Federation)
Comprehensive Studies by Bilyar Archaeological Expedition..... 85

Valiev R.R., Abdullin Kh.M., Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation)
Starokuibyshevskoe VII Settlement: historical and archaeological studies 100

Bulgar Ulus and studies of the Golden Horde material culture

Rudenko K.A. (Kazan, Russian Federation)
Golden Adornments of Volga Bulgaria and the Bolgar Ulus
of the Golden Horde: comparative analysis experience..... 111

*Obukhov Yu.D. (Prskoveya, Stavropol Territory, Russian Federation),
Bocharov S.G. (Kazan, Russian Federation)*
New Bone Overlay with a Dragon Image Discovered at Madzhar Fortified Settlement... 125

Pigarev E.M. (Yoshkar-Ola, Russian Federation)
Shareny Bugor Fortified Settlement (the Town of Hajji Tarkhan)
and its Neighbouring Area..... 134

Aibabina E.A. (Simferopol, Russian Federation)
Carved Stones of Chufut-Kale Ancient Fortified Settlement..... 150

Kirilko V.P. (Simferopol, Russian Federation)
«The Treasure from Aluston»: history of the find..... 168

Myts V.L. (Saint Petersburg, Russian Federation)
Sarymambash-Kermen – a Fortified 14th–15th Century Residence
of Yashlavsky-Suleshevy Beks..... 190

<i>Zenyuk D.I. (Rostov-on-Don, Russian Federation), Maslovsky A.N. (Azov, Russian Federation)</i>	
Ceramic Complex of the First Quarter of the 15 th Century from Excavations in the Town of Azov	204
<i>Chernetsov A.V. (Moscow, Russian Federation)</i>	
Genghizids in Miniatures of the Illustrated Chronicle of Ivan the Terrible.....	222

Recent archaeokogical stadies of Bolgar Fortified Settlements

<i>Lopan O.V., Volkov I.V. (Moscow, Russian Federation), Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation)</i>	
Excavations on the Southern Outskirts of Bolgar Fortified Settlement in 2016 (Excavation CCXVII)	237
<i>Bocharov S.G. (Kazan, Russian Federation)</i>	
Archaeological Studies of Pottery Hearths at Bolgar Fortified Settlement in 2016 (Excavation CCXVI)	253
<i>Badeev D.Yu., Koval V.Yu. (Moscow, Russian Federation)</i>	
Studies of the Trade and Craft District of Medieval Bolgar	270
<i>Zorya R.S. (Kazan, Russian Federation)</i>	
Foundry Mould Discovered at Excavation CXCIX of Bolgar Fortified Settlement.....	290
<i>Gubaidullin A.M. (Kazan, Russian Federation)</i>	
Types of Medieval Wooden and Earth Defensive Structures and Methods of their Constuction	297
<i>Yavorskaya L.V. (Moscow, Russian Federation)</i>	
To the Question of Providing Meat Products to the Medieval City of Bolgar.....	307
<i>Bezudny V.G. (Rostov-on-Don, Russian Federation), Marchuk V.N. (Fryazino, Russian Federation), Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation)</i>	
Comprehensive Geophysical Studies of Bolgar Fortified Settlement in 2016	319
<i>Usmanov B.M., Gainullin I.I., Khomiakov P.V. (Kazan, Russian Federation)</i>	
Complex Study of Current State of the Bolgar Fortified Settlement Territory (Tatarstan, Russia)	325

Chronicle

<i>Koval V.Yu. (Moscow, Russian Federation), Baranov V.S. (Kazan, Russian Federation), Elkina I.I., Glazunova O.N., Grigoryan S.B. (Moscow, Russian Federation)</i>	
L.A. Belyaev and the Archeology of the Volga Region.....	342
<i>Nedashkovsky L.F., Sitdikov A.G., Asylgaraeva G.Sh. (Kazan, Russian Federation)</i>	
Ad Memoriam A. G. Mukhamadiev (1933–2018).....	348
<i>Imasheva M.M. (Kazan, Russian Federation)</i>	
Section "Archaeology of the Lower Volga Region" in the Annual International Scientific Conference "Astrakhan Regional Reading»	354
List of Abbreviations.	360
Submissions.	363

Уважаемые читатели, коллеги!

В 2018 году мы отмечаем 80-летний юбилей Болгарской археологической экспедиции. Появление экспедиции в 1938 году и её последующая планомерная работа вплоть до 1973 года неразрывно связаны с именем её первого начальника Алексея Петровича Смирнова. Благодаря его научным работам и исследованиям его коллег и учеников Николая Филипповича Калинина, Германа Алексеевича Федорова-Давыдова, Ольги Сергеевны Хованской, Александры Михайловны Ефимовой, Зулейхи Асфандияровны Акчуриной, Натальи Дмитриевны Аксеновой были заложены научно-методические основы работы постоянно действующей экспедиции. В результате было получено ясное представление о стратиграфии, хронологии, материальной культуре Болгара в X–XIV вв.

За 80 лет работы экспедиции исследования в Болгаре не велись только на протяжении тринадцати полевых сезонов. Это три тяжелых года с 1941-го по 1943-й в период Великой Отечественной войны (но уже в 1944 г. работы вновь возобновились) и краткие перерывы в 1955–1956, 1958–1963 и 1999 годах.

После 1973 года археологические исследования Болгарского городища были продолжены Тамарой Александровной Хлебниковой, Натальей Дмитриевной Аксеновой, Рафиндом Фуатовичем Шарифуллиным, Мариной Дмитриевной Полубояриновой, Петром Николаевичем Старостиным, Галиной Федоровной Поляковой, Людмилой Львовной Савченковой, Леонидом Андреевичем Беляе-

вым, Джамилем Габдрахимовичем Мухаметшиным, Вячеславом Сергеевичем Барановым, Муратом Мазитовичем Кавеевым, Айратом Маратовичем Губайдуллиным, Ильгизаром Равильевичем Газимзяновым, Ниной Александровной Кокориной, Аидой Григорьевной Петренко.

Постоянный, кропотливый, ежедневный труд двух поколений археологов благотворно повлиял на сохранность памятника. С 1960-х годов под эгидой Министерства культуры ТАССР началась системная реставрационная и музеефикационная работа на памятниках Болгара. В целях усиления охраны памятников в 1962 году в селе Болгары открывается историко-архитектурный музей. В 1969 году Болгарское городище получает статус историко-архитектурного заповедника, государственным актом были впервые утверждены границы зон охраны и режимы содержания его территории. С 2000 года Болгарский комплекс становится музеем-заповедником.

Новый этап в истории Болгарского городища связан с началом реализации в 2010 году проекта «Культурное наследие – остров-град Свияжск и древний Болгар», который координируется Республиканским Фондом «Возрождение». Сегодня Болгарский историко-археологический комплекс находится под защитой федерального и регионального законодательств и правительств.

В 2014 году памятник получил самую высокую оценку международного экспертного сообщества, ему присвоили статус Объекта Всемирного Культурного Наследия ЮНЕСКО. Огромный вклад в это знаменательное событие внесли именно археологи, исследовавшие Болгар.

К своему 80-летию Болгарская экспедиция подходит в очень хорошей форме. На памятнике вместе с опытными и заслуженными археологами – Леонидом Андреевичем Беляевым, Рафиндом Фуатовичем Шарифуллиным, Вячеславом Сергеевичем Барановым, Айратом Маратовичем Губайдуллиным, Айратом Габитовичем Ситдиковым, Ильгизаром Равильевичем Газимзяновым, Владимиром Юрьевичем Ковалём, Игорем Викторовичем Волковым, Ириной Игоревной Елкиной, Гульшат Шарипзяновной Асылгараевой, Лилией Вячеславовной Яворской работает молодая, уже третья генерация исследователей – Денис Юрьевич Бадеев, Александр Владимирович Беляев, Ренат Рафаилович Валиев, Максим Владимирович Сивицкий, Айназ Ильхамович Хазиев, Радион Наильевич Хамзин.

Редакционный совет и коллегия журнала единодушно решили посвятить второй номер журнала «Поволжская археология» этому знаковому событию в отечественной археологии. В июне 2018 года, когда этот номер журнала передается в издательство, уже начинается новый археологический полевой сезон в Болгаре, что по нашему мнению является лучшим проявлением жизни и деятельности этой экспедиции.

Поздравляем всех коллег с 80-летним юбилеем Болгарской экспедиции!

А.Г. Ситдиков, С.Г. Бочаров

Древности Волжской Булгарии и археология Евразии

УДК 902:623.1

<https://doi.org/10.24852/pa2018.2.24.10.32>

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА У С. СИДОРОВО (СРЕДНЕЕ ТЕЧЕНИЕ СЕВЕРСКОГО ДОНЦА)

© 2018 г. Э.Е. Кравченко

В статье анализируются оборонительные сооружения археологического комплекса у с. Сидорово – крупнейшего из поселений хазарского времени на этой территории. Оборонительные сооружения состоят из двух линий рвов и валов, расположенных на расстоянии 120 м. друг от друга. С восточной стороны склон городища укреплен эскарпом. Исследования, произведенные на внутренней и внешней линиях укреплений, показали, что укрепления возникли в разное время. Внутренней линией (периметр 1,2–1,3 км) было укреплено небольшое поселение. В процессе его роста возникла потребность в строительстве еще одной линии укреплений (периметр не менее 2,5 км). Время сооружения рвов и валов внутренней линии – не ранее середины IX в. – определено по предметам, найденным в их заполнении. Остатки деревянных конструкций в засыпке рвов свидетельствуют о том, что городище имело деревянные или деревоземляные стены. Автором рассмотрены материалы по укреплениям близкого типа, которые существовали на этой территории в XVII в., в которых содержатся данные о численности гарнизона, необходимого для нормальной обороны этих крепостей. Это позволило автору сделать предположение о том, что на городище у с. Сидорово должен был находиться значительный воинский контингент. В противном случае, строительство описанных выше оборонительных сооружений было бы лишено смысла.

Ключевые слова: археология, городище, хазары, валы, рвы, укрепления, Северский Донец.

Археологический комплекс у с. Сидорово (Славянский р-н Донецкой обл.) является крупнейшим среди городищ среднего течения Северского Донца. Памятник занимает холм высокого коренного правого берега р. Северский Донец. С северной и южной сторон холм отделен глубокими балками (Высла балка и Сидоровский яр). Еще одна балка (Средний яр) прорезает его, разделяя на две части. Плоская вершина холма имеет пологий уклон с юга на север. Южная, высокая, его часть (возвышается над

уровнем поймы на 50 м) была использована для сооружения городища (рис. 1: 1). За Средним яром располагается селище (площадь 100 га), отделенное с северной стороны Выслою балкой, которая представляла собой остатки древней степной реки. Еще одно селище, ныне застроенное современным селом, прилегает к комплексу с северо-востока. Точная его площадь неизвестна. За Выслою балкой на склоне находился крупный раннемусульманский могильник. Еще три некрополя размещены на склонах

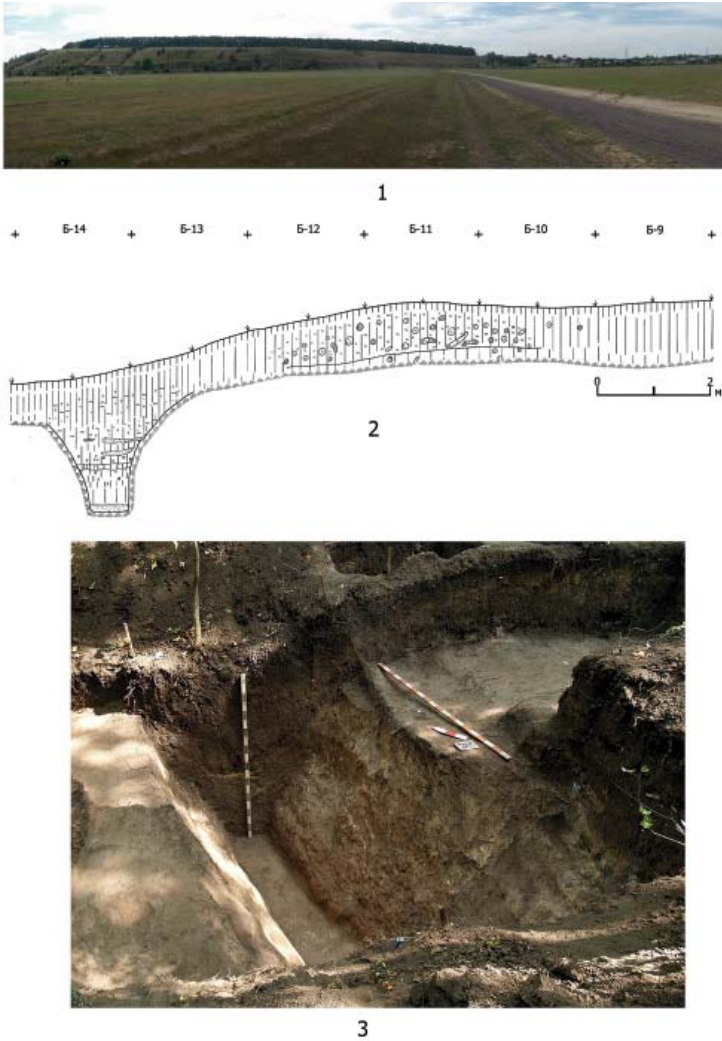

Рис. 1. 1 – археологический комплекс у с. Сидорова, вид с востока; 2 – раскоп 19, разрез основного рва с валом по восточной бровке квадратов Б; 3 – фото разреза рва с валом по восточной бровке квадратов В.

Fig. 1. 1 – archaeological complex near the village Sidorovo, view from the East; 2 – excavate 19, the cut of the main ditch with a rampart on the Eastern edge of the squares Б; 3 – photo cut ditch with a rampart on the Eastern edge of the squares В.

Среднего яра. В целом компактно расположенные городище, два селища и четыре могильника занимают площадь, превышающую 120 га (Кравченко, 2004; 2017).

Памятник известен с 1-й трети XX в. (Сибилев, 1930, с. 10–11; Сибильов, 1950, с. 99–101). Данные о нем фигурируют в обобщающих

работах, посвященных древностям салтово-маяцкой культуры Донского региона (Ляпушкин, 1958, с. 96; Плетнева, 1967, с. 192). В 1971 г. экспедицией ХГУ (рук. В.К. Михеев) на городище проводились раскопки, в результате которых было подтверждено отношение памятника к салтово-маяцкой культуре, составлены первое

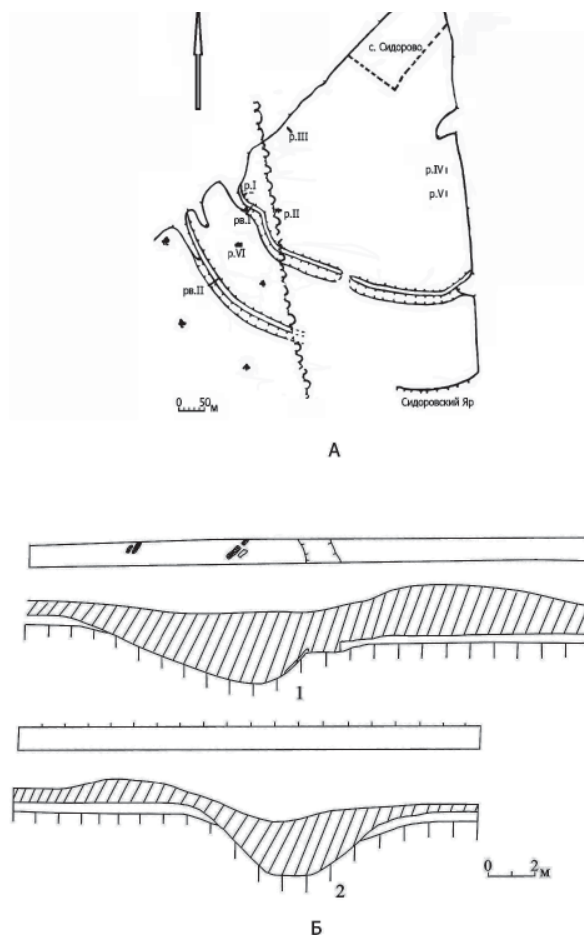

Рис. 2. План городища и разрезы линий укреплений памятника (по В.К.Михееву, 1971). А – план городища; Б-разрезы линий укреплений городища у с. Сидорово: 1-РВ-I; 2-РВ-II.

Fig. 2. Site plan of the hillfort and the breakdown by lines of fortification of the site (K. V. Miheev, 1971). А – site plan of the hillfort; В – sections of lines of fortification of the hillfort at the village Sidorovo: 1-PB-I; 2-PB-II.

его описание и план, произведены разрезы укреплений (Михеев, 1971; 1985, с. 18–20, рис. 2, 4). До конца XX в. эти сведения представляли единственную информацию об археологическом комплексе.

В 1982 и 1989 г. В.В. Давыденко на прилегающей к памятнику территории было обнаружено два крупных раннемусульманских могильника. Исследования их ознаменовали начало нового этапа в изучении памятника. В процессе работ 1996–1997, 2000–2004, 2006, 2009–2013 гг. на археологическом комплексе было вскрыто 6500 кв. м площади, расчищены остатки 26 полуземлянок, 97 хоз. ям,

отдельные погребальные и культовые комплексы. На некрополях, прилегающих к поселению, расчищено более 200 захоронений. Материалы раскопок некрополей и прилегающего поселения, показали, что в IX – 1-й пол. X в. на Сидоровском комплексе проживало несколько общин, объединенных по религиозному признаку, среди которых доминировала мусульманская община (Кравченко, 2017). Кроме этого были уточнены и дополнены данные по оборонительным сооружениям городища, описанию которых посвящена настоящая работа.

В.К. Михеев, как и С.А. Плетнева, относил группу донецких городищ к

категории «поселений с земляными валами», иногда называя их городищами «с деревянными стенами». В отличие от соседних лесостепных городищ (ближайшее из которых находится в 50 км выше по течению реки), где часто (но не всегда) в крепостном строительстве применялся известняк (Свистун, 2014), в конструкции стен донецких городищ камня зафиксировано не было. Показательно, что это не связано с отсутствием месторождений на интересующей нас территории. Они здесь имеются и, более того, находятся в непосредственной близости к рассматриваемым нами археологическим объектам. Одно из них расположено в 4 км к северу от памятника, на территории нынешнего с. Татьяновка. Второе, содержащее мощные залежи высококачественного мраморовидного известняка, находится у нынешнего с. Хрестыще Славянского района (6–7 км к западу от городища). В обоих случаях пласты камня залегают на небольшой глубине (0,5 м) или выходят на поверхность, благодаря чему этот вид строительного материала был доступен средневековому населению края в открытой разработке. Более того, известняк достаточно широко использовался жителями городища для строительства печей-каменок (Кравченко, 2011, с. 279). Вероятно, отказ от использования камня при строительстве фортификационных сооружений был связан со строительной традицией.

Описывая оборонительные линии Сидоровского городища, В.К. Михеев сравнивал их с укреплениями соседних Маяков, находящихся в 5 км к юго-востоку. В самом деле, в фортификации этих двух объектов наблю-

дается много общего. В Сидорове, как и на Маяках, при строительстве укреплений широко использовались всевозможные естественные преграды, в частности – балки. Со стороны реки оба городища были укреплены ступенчатым эскарпом, наличие которого делает их склоны труднодоступными и в настоящее время. Тем не менее Сидоровское городище, в отличие от Маяков, имело две оборонительные линии, расположенные на расстоянии 120 м друг от друга (Михеев, 1971, с. 3). Автор раскопок назвал их «внутренней» и «внешней» линиями укреплений (Михеев, 1985, с. 19). В раскопе, заложенном между ними, был выявлен культурный слой и котлован полуземлянки, что свидетельствовало о том, что эта территория была заселена (Михеев, 1971, с. 10–12; 1985, с. 19). Разрезы обеих линий (РВ-I и РВ-II) производились траншеями метровой ширины (рис. 2Б: 1–2). Они дали самые общие сведения о высоте валов и глубине рвов. Автор раскопок сделал вывод, что линии обороны городища проложили «...по границе естественных балок, которые были превращены во рвы. Дно балки при сооружении внутреннего рва искусственно углубили на 2,2 м, а внешнего – на 2,4 м» (Михеев, 1985, с. 19). Информация об укреплениях памятника, наиболее полно была отражена в отчете (Михеев, 1971, с. 2–3, 11–12). В сокращенном же виде эти материалы были опубликованы в монографии (Михеев, 1985, с. 19).

Осмотры памятника, производившиеся В.В. Давыденко и автором данной работы в 80–90-е гг. XX в., позволили добавить к этой информации существенные штрихи. Было установлено, что пологий спуск с

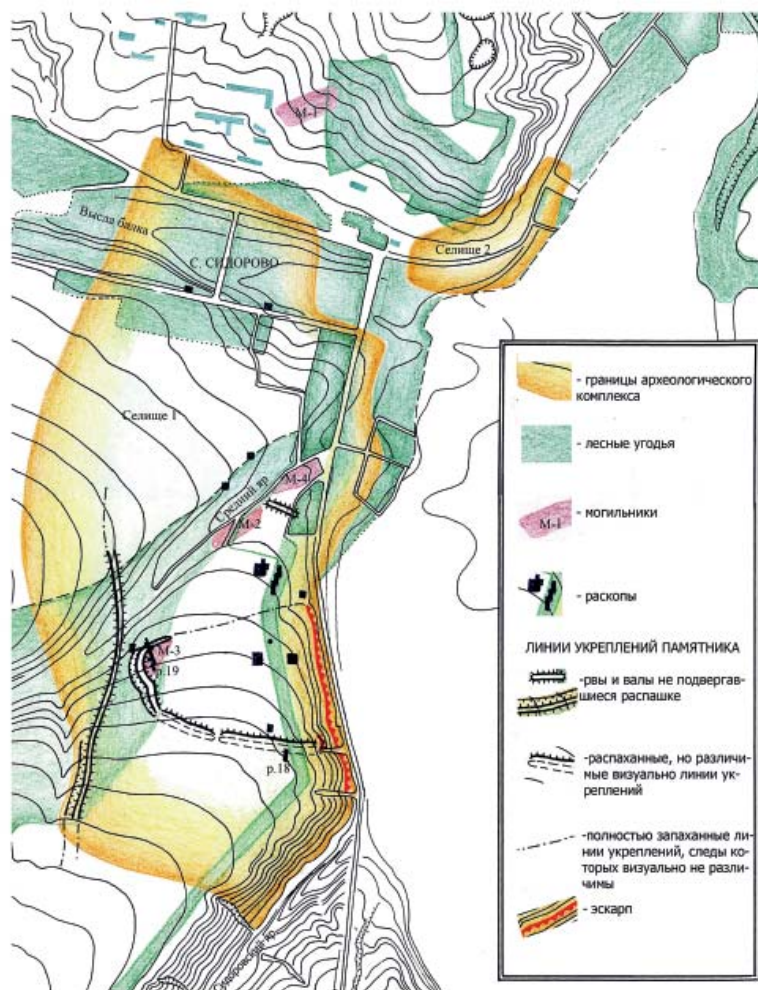

Рис. 3. Общий план археологического комплекса у с. Сидорова.

Fig. 3. General plan of the archaeological complex near the village Sidorovo.

городища в пойму представляет собой **въезд**, который выходил на пойменные луга. Исследования, производившиеся на нем в 2013 г. (р. 20) показали, что этот языкообразный выступ в древности был эскарпирован, благодаря чему приобрел правильную форму. У места выхода языка на площадку холма визуально прослеживаются **остатки вала** (высота 0,8 м) (рис. 3), который преграждал свободный проезд на укрепленную часть памятника и, скорее всего, не

был связан с внутренней или внешней линиями укреплений. Подобные дополнительные валы имеются на многих городищах салтово-маяцкой культуры (Афанасьев, 1987, рис. 64; Свистун, 2014, с. 63, 65, 74). В пределах рассматриваемого нами региона ими укреплен въезд на Кировское городище (Кравченко, 2004, с. 263–264, рис. 8). Еще один участок линии укреплений, представляющий **полосу из двух рядов рвов и валов**, был выявлен на склоне Среднего яра, в за-

падной части городища. Эта линия, являющаяся ответвлением от внешней линии укреплений, поднималась вверх по северному склону яра к площадке, на которой расположено селище 1, и, не доходя до плато, обрывалась.

Таким образом, оборонительные линии городища у с. Сидорово представляли собой более сложную систему укреплений, чем ранее предполагалось В.К. Михеевым, и отличались от всех прочих памятников рассматриваемого нами региона.

Внутренняя линия укреплений.

Располагалась в 150 м к северу от самой высокой точки холма. Представляла собой ров с валом, который ограждал площадку трапециевидной формы (рис. 3). Периметр ее составлял не менее 1,2–1,3 км. В.К. Михеев описывал эту линию следующим образом. «Искусственные оборонительные сооружения в виде земляных валов расположены в юго-западной части плато. Первый вал находится в 560 м от вершины треугольного плато. Концы вала подходят к обрыву плато со стороны Северского Донца и балки Средней... Этот вал и ров перед ним хорошо сохранились в лесу. На поле вал сильно распахан и выделяется небольшой всхолмленной грядой и коричневым цветом. По центру вала заметен вход в городище. Площадь городища, ограниченная этим валом, равна 17,9 га» (Михеев, 1971, с. 3).

Исследования на памятнике позволили уточнить и конкретизировать это описание. Было установлено, что внутренняя линия укреплений доходила до Среднего яра только в западной части городища. Далее она визуальнo не прослеживается, и попытка ее выявить не увенчалась успехом

(Кравченко, Давыденко, 2001, с. 239–240). Тем не менее в раскопе II, расположенном к югу от этого участка, В.К. Михеевым был вскрыт участок рва, протяженностью 39 м (Михеев, 1971, с. 7–9). Судя по всему, ров шел не вдоль Среднего яра (как считал В.К. Михеев), а отклоняясь от него к югу, пролегал по площадке «Малого городища» (рис. 3). Своей длинной осью он был направлен в сторону балки на восточном склоне холма, от которой начинается **ступенчатый эскарп**, ограждающий площадку городища с восточной стороны. За яром, к северу от балки, эскарп отсутствует (рис. 4: 2). Здесь были расчищены врезанные в склон постройки, которые в сочетании с данными раскопов №№ 5, 7, 14, расположенных на площадке холма, свидетельствуют, что в древности эта площадка, как и прилегающий к ней склон в пойму, были густо заселены.

Эскарп тянется на уровне 1/3 высоты склона холма и имеет ступень шириной 8–10 м. В южной части городища он упирается в балку, маркирующую место расположения южного края внутренней линии укреплений. Здесь, на середине высоты между эскарпом и площадкой городища, появляется дополнительный уступ, усиливающий крутизну склона. Далее эскарп продолжается и у поворота холма к югу, в Сидоровский яр, исчезает (рис. 4: 2). Таким образом, с восточной стороны холма рвов и валов не было, т.к. здесь склон был и так достаточно крутым.

На укреплениях, расположенных в лесу, В.К. Михеевым была прослежена интересная деталь, которая не нашла отражения в описаниях, однако была зафиксирована на плане городища (Михеев, 1971, табл. 2, 1; 1985,

1

2

Рис. 4. Эскарпы Сидоровского городища. 1 – центральная и юго-восточная часть; 2 – северо-восточная часть памятника.

Fig. 4. The scarps of the Sidorovo hillfort. 1 – Central and South-Eastern part; 2 – North-Eastern part of the site.

рис. 2, 4). В месте поворота внутренней линии укреплений к востоку, валы делают резкий изгиб, образуя дугообразный выступ, напоминающий куртину. Еще один такой же выступ находится к югу от этого места (рис. 3). Вполне возможно, что изгибов было больше, но проследить их можно только на той части памятника, которая ранее не подвергалась распашке. В целом же вышперечисленные данные могут свидетельствовать о наличии башен, которые находились в углах и у въезда на городище.

При разрезе внутренней линии укреплений (РВ-I) в 1971 г. на скло-

не, ниже основного рва, был обнаружен малый **ровик**. Он имел ширину 1,25 м, отличаясь от большого рва размерами. Участок этого же ровика был прослежен в раскопе 18 (2012), расположенном на противоположном (юго-восточном) крае городища.

Раскоп 18 (площадь 168 кв. м) был развернут перпендикулярно линии укреплений памятника. Имел вид траншеи, шириной 4 м, вытянутой длинной осью по линии север–юг. На участке, где были зафиксированы остатки оборонительных сооружений, раскоп был увеличен до десятиметровой ширины. Основной ров с валом в

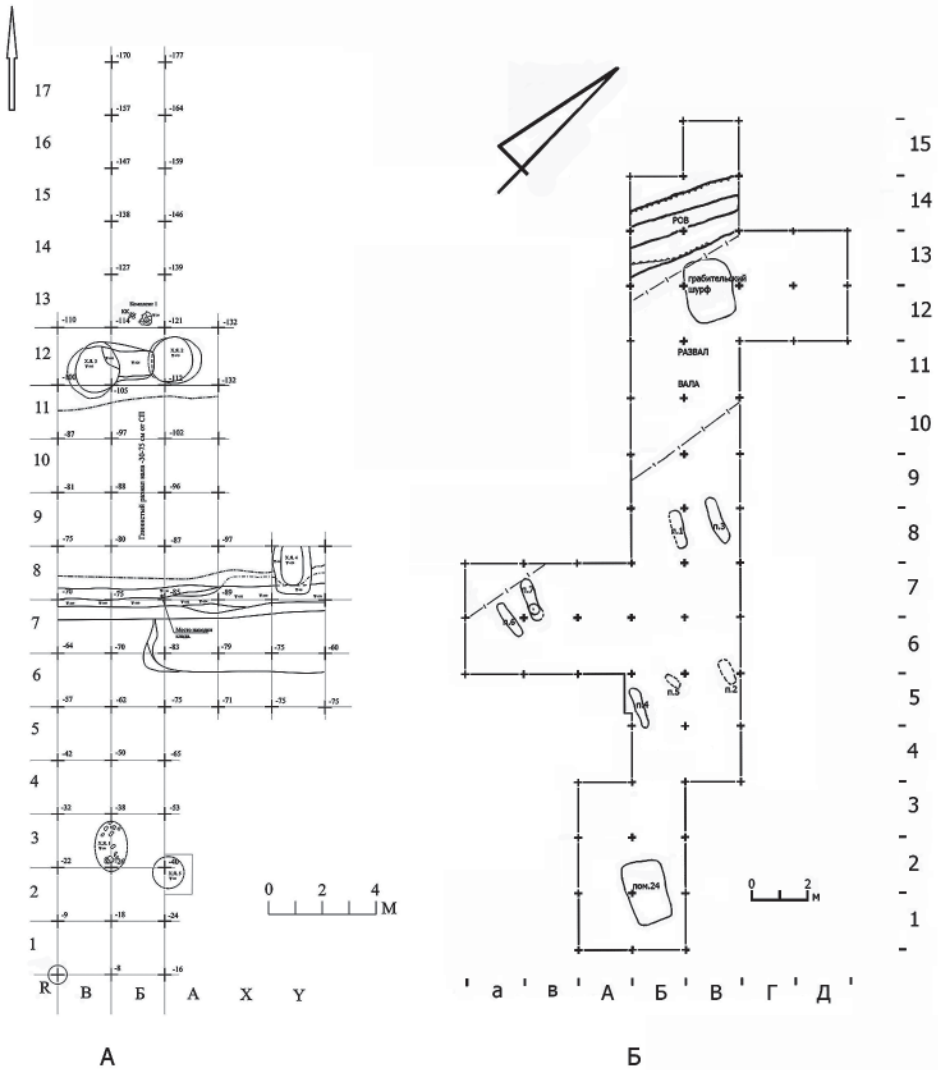

Рис. 5. Археологический комплекс у с. Сидорово. Планы раскопов.

А – раскоп 18; Б – раскоп 19.

Fig. 5. Archaeological complex near the village Sidorovo. Plans of the excavations.

A – excavation 18; B – excavation 19.

его площадь не попали. Тем не менее были зафиксированы дополнительные оборонительные сооружения, располагавшиеся на расстоянии 20–25 м от внешней стороны основных. В пределах площади, вскрытой раскопом, выявлены остатки распаханного невысокого вала, ровик, срезка грунта и группа хозяйственных ям, располо-

женных по обе стороны линии укреплений (рис. 5А).

Срезка грунта (котлован, углубленный в материк на 0,3–0,4 м с абсолютно ровной, отвесной, южной стенкой) непосредственно прилегала ко рву с южной стороны. Черное заполнение этого комплекса размещалось как надо рвом, так и над срезкой, что

А

Б

Рис. 6. Сидоровское городище. Раскоп 18. А – ровик в раскопе. Вид с востока. Б – ровик на восточной бровке раскопа.

Fig. 6. Sidorovo hillfort. The excavation 18. А – ditch in the dig. View from the East. В – ditch on the Eastern edge of the excavation.

свидетельствовало о том, что указанный котлован составлял со рвом единое целое. Нижняя часть котлована была заполнена гумусно-глинистым грунтом без находок. На дне встречены единичные фрагменты керамики салтово-маяцкой культуры, железная и свинцовая гири, нож и бронзовая деталь поясного набора (рис. 7, 5).

Ров пересекал раскоп по линии запад–восток. Его заполнение прослеживалось сразу под пахотным слоем. В верхней части шла гумусная линза, которая подстилалась слоем осветленного глиной гумуса (мощность 0,5–0,7 м), смытого с расположенного ря-

дом вала. В нем содержалось большое количество археологического материала. Нижняя часть рва была заполнена суглинком, представляющим собой слой замыва. В этом слое (мощность 0,5–0,7 м) находок было мало, и лишь ко дну количество их снова увеличивается.

Участок рва, расчищенный в пределах раскопа, имел ширину 1–1,3 м. В западной части ров клинообразно сужался книзу (рис. 6: А). Здесь глубина его достигала 1,7 м, при ширине у дна 0,15–0,2 м. К востоку от этого участка ров у дна расширяется в северную сторону, благодаря

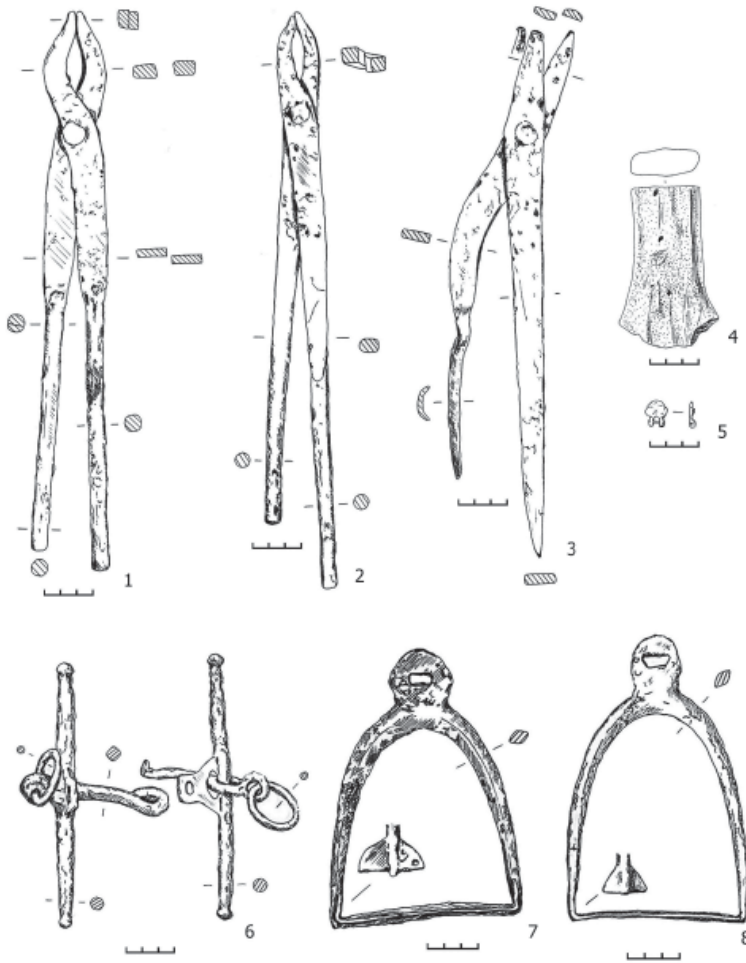

Рис. 7. Вещи из заполнения оборонительных сооружений Сидоровского городища: 1–3, 6–8 – раскоп 18, клад железных вещей; 4 – ручка кувшина, найденная в основании вала (раскоп 19); 5 – деталь поясного набора из срезки грунта (раскоп 18).

Fig. 7. Artefacts from filling of defensive constructions of the Sidorovo hillfort: 1–3, 6–8 – excavation 18, the hoard of iron items; 4 – the handle of a jug found in the shaft basis (excavation 19); 5 – detail of a waist set from cutting of soil (excavation 18).

чему вдоль северной стенки образуется подбой, углубленный в стену на 0,4 м (рис. 6: Б). Таким образом, здесь ров имеет наклон от ограждаемой им площадки городища. Длина участка с подрубкой составляла 2,5 м. Далее северная стенка рва выравнивается. На этом участке заполнение рва было прорезано хоз. ямой 4. Через 0,7 м начинается новая подрубка в се-

верной стенке рва, глубина которой достигает 0,5 м, уходящая в восточную бровку раскопа. Таким образом, ров в восточной части раскопа имел наклон наружу. При такой конфигурации он не мог долго стоять открытым. Кроме того, благодаря небольшой ширине и глубине этот ров вообще не представлял серьезного препятствия. Наиболее вероятно, что он служил

для установки щитов из заточенных кольев, часть которых была наклонена наружу, что существенно осложняло возможность преодоления данной преграды.

Остатки вала. Были зафиксированы к северу от ровика. На данном участке сразу под пахотным слоем шла глинисто-гумусная линза, насыщенная кротовинами и содержащая большое количество археологического материала. Указанный слой являлся остатками распаханного сооружения, которое прилегало к ровику с северной стороны и, вероятно, представляло невысокий вал, насыпанный из грунта, взятого из котлована и перемешанного со слоем с культурными остатками, срезанного с прилегающей территории поселения. Ширина вала на данном участке составляет 6–6,75 м при толщине сохранившейся части – 0,3–0,45 м. Вал залегал непосредственно на материковой площадке, с которой предварительно были срезаны верхние слои грунта.

Таким образом, наружная часть внутренней линии укреплений имела частокол или подобие «палисада», за которым на расстоянии 30 м находились основной ров и вал. Место их расположения видно на непаханом участке, расположенном к северо-востоку от раскопа 18. Разрез основных рва и вала был произведен на покрытой лесом юго-западной части памятника, где остатки укреплений хорошо сохранились.

Раскоп 19 (площадь 156 кв. м) пересекал территорию, на которой находились захоронения могильника 3, расплывшийся, но хорошо различимый визуально, вал и расположенная к северу от него западина, которая являлась остатками замытого рва.

Чуть севернее, за пределами раскопа, в верхней части склона Среднего яра, находится еще одна западина, являющаяся следами второго замытого рва, идентичного малым рвам, прослеженным в РВ I (1971) и в раскопе 18 (2012). Большой ров был вскрыт на ширину 4 м, а вал, прилегающий к нему с южной стороны, на ширину 8 м (рис. 5Б; 1: 2–3).

К моменту раскопок, в пределах исследуемого участка, вал и ров читались визуально. Перепад высот между его вершиной и западиной на месте заплывшего рва составлял 1–1,2 м¹. К югу от рва читались остатки расплывшегося вала (слой осветленного гумуса с кротовинами, глинистыми и золистыми линзами, мощностью до 1 м). В заполнении вала встречено достаточно много археологического материала. Количество находок резко увеличивается книзу, где с уровня 0,6–0,8 м начиналась листовая линза (мощность 0,2–0,25 м), которая лежала непосредственно на слое гумуса, являясь своеобразной «подушкой», на которую был уложен вал. На ее поверхности были расчищены остатки обгорелой плахи, лежащей поперек вала.

Ниже листовой линзы слой гумуса был насыщен белым тленом, который присутствовал только под центральной частью развала вала. Судя по всему, это был слой погребенной почвы, ширина которого соответствует изначальной ширине вала. Наличие «погребенки» позволило уточнить первоначальные параметры конструкции. Если ширина развала вала составляет 5,5–6 м, то его первоначальная ширина не превышала 4,5–5 м. Между

¹ Близкие размеры были прослежены В.К. Михеевым на РВ-I (Михеев, 1971, с. 11–12).

1

2

Рис. 8. 1 – дополнительный уступ на эскарпе городища; 2 – остатки деревянных конструкций в заполнении рва в раскопе 19.

Fig. 8. 1 – additional ledge on the hillfort's escarpment; 2 – remains of wooden structures in the ditch's filling in the excavation 19.

валом и рвом находилась берма шириной 1,6–2 м.

К северу от вала расчищен участок рва. В верхней части, на уровне материка (0,8–1,1 м от современной поверхности), его ширина достигала 2–2,4 м. Далее ров сужался книзу, где его стенки становились почти вертикальными. Ширина рва в нижней его части составляла 0,6 м (рис. 1: 2–3). В целом по своей конфигурации он напоминает рвы некоторых памятников в лесостепной зоне (в частности, Ютановского городища) (Афанасьев, 1987, рис. 59). Верхняя часть рва имела гумусное заполнение, насыщенное угля-

ми, кусками печины и золой. Здесь присутствовало значительное количество археологического материала, который, судя по всему, сполз в ров вместе с частями размытого вала. Гумусная часть заполнения завершалась ниспадающей вниз прослойкой углей, прослеженной в ряде квадратов. Наиболее вероятно, она представляла собой остатки обгорелых досок от деревянных щитов, из которых состояла крепостная стена. Нижняя часть рва была заполнена чередующимися гумусными и песчанистыми линзами, подстилаемыми слоем (0,1–0,15 м) чистого отфильтрованного песка.

Внешняя линия укреплений. Изучена намного слабее. Разрез вала, произведенный В.К. Михеевым (РВ-П), показал, что ее оборонительные сооружения были не менее мощными, чем укрепления внутренней линии. Целью строительства новой «внешней» линии укреплений, вероятно, был резкий рост населенного пункта. Эта линия строилась на ранее незаселенных участках. Грунт для сооружения ее валов брался с прилегающих площадей, благодаря чему в валах отсутствуют находки археологического материала (Михеев, 1971, с. 12). Функционировала ли в это время внутренняя линия рвов и валов, сказать трудно. В любом случае, в связи с тем, что северные границы внутренней и внешней линий совпадают, можно предположить, что северная часть старой линии могла функционировать вплоть до гибели памятника.

Периметр новой укрепленной линии составлял не менее 2,5 км (рис. 3). Ее остатки сохранились в западной, заросшей лесом, части поселения и на нераспаханных участках. Судя по ним, внешняя линия, как и внутренняя, состояла из двух рядов рвов и валов. Вероятно, в это время достраивается эскарп у юго-восточного края городища, а также строится два ряда рвов с валами, пересекающимися Средний яр, с целью вывести оборонительную линию на площадку селища 1. Наиболее вероятно, таким образом была сделана попытка создать единую линию обороны, которая должна была охранять городище и прилегающее к нему селище. Учитывая то, что на площадке селища каких-либо следов этой линии не зафиксировано, можно предположить, что она не была достроена. Причиной

остановки строительных работ, наиболее вероятно явился разгром памятника и прекращение на нем жизни. Стратиграфические наблюдения позволяют сделать некоторые выводы, касающиеся времени возникновения и функционирования описанных выше оборонительных сооружений памятника.

Вне сомнений, две линии укреплений на городище представляют собой разновременные сооружения, среди которых более ранней являлась внутренняя линия. Ее строительство велось вокруг уже существующего поселения, в пользу чего свидетельствует то, что валы ее были насыпаны из культурного слоя, срезанного с территории памятника. На этом первичном поселении также могли быть какие-либо укрепления (вероятнее всего, частокол), не оставившие визуально различимых следов. Вполне возможно, что первичный памятник, возникший на территории городища в нач. IX в., представлял поселение на площадке плато, близкое крупным селищам 3 группы (Красильников, 2010, с. 20–21). Особо интересным представляется тот факт, что на соседнем археологическом комплексе у с. Маяки В.К. Михеевым была зафиксирована такая же ситуация. Выброшенный изо рва грунт был уложен непосредственно на культурный слой, насыщенный материалами хазарского времени (Михеев, 1985, с. 12). Как на Маяках, так и на Сидорово, параллельно строительству рвов и валов, велось сооружение ступенчатого эскарпа, усложняющего доступ на площадку городища со стороны реки.

Время строительства внутренней линии укреплений определяется по материалу, встреченному в ее рвах и

валах. Он достаточно однороден и представлен фрагментами керамики и колотыми костями животных. Единичные находки металлических предметов имеют широкую датировку в рамках салтово-маяцкой культуры. Тем не менее на дне срезки у рва (р. 18) был найден щиток от пряжки, украшенный сильно стилизованным лотосовидным орнаментом (рис. 7: 5) (Кравченко, Петренко, Спинов, Шамрай, 2012, рис. 11: 7). Подобные пряжки, широко представленные в материалах салтовских могильников, обычно относят к IX в. (см. Плетнева, 1989, с. 77, 81, рис. 36: 8; Комар, 1999, с. 130, Табл. IV/III;). Есть они и в катакомбах Старосалтовского могильника, верхнюю дату которых В.С. Аксенов определяет 1-й пол. IX в. (Аксенов, 1999, с. 139, 141; рис. 6: 29) и могильника Красная Горка (2-я пол. VIII–нач. IX в.) (Аксенов, Михеев, 1998, с. 350, рис. 3: 31; Аксенов, 2017, с. 68). С.А. Плетнева также датирует поясные наборы с указанными пряжками, происходящие из катакомб Дмитриевского могильника, 1-й пол. IX в. (Плетнева, 2000, рис. 14).

Среди керамики, встреченной в основании вала (раскоп 19), выделяются немногочисленные фрагменты кувшинов с плоскими ручками. Ручка такого кувшина имеет на поверхности наколы, нанесенные до обжига (рис. 7: 4). Подобного рода метки достаточно часто встречаются на средневековой таре (Тесленко, 2001, с. 126–127, рис. 3). Кувшины с идентичными наколами на ручке были выявлены на месте кораблекрушения у поселка Новый Свет, которое произошло в X–XI вв. (Зеленко, 2001, с. 83–84, рис. 6, 1, 4). Известны такие же знаки и на кувшинах с плоскими ручками,

происходящими с территории Крыма, где их датируют IX–XI вв. (Якобсон, 1979, с. 75, 78). В материалах византийского Херсона они датируются от второй половины IX в. до конца XI» (Романчук, Сазанов, Седикова, 1995, с. 63–66, табл. 30–32). С.А. Плетнева датировала эти кувшины – IX–XI вв., выделяя среди них и более ранние формы (Плетнева, 1959, с. 249). Учитывая общую датировку подавляющего большинства амфорной тары, выявленной в пределах Сидоровского археологического комплекса, логичным будет предположить для наших находок кувшинов наиболее раннюю дату в рамках их существования, т.е. до сер. IX в.

Таким образом, внутренняя линия укреплений, наиболее вероятно, к сер. IX в. уже существовала. Ровик с палисадом, расчищенный в раскопе 18 и зафиксированный в РВ-I и к северу от раскопа 19, функционировал ограниченный промежуток времени. После строительства новой (внешней) оборонительной линии он был заброшен. Ровик замыло, его заполнение было прорезано хозяйственными ямами, и в нем был закопан клад железных вещей (Кравченко, 2012, с. 16, рис. 10).

Сооружение внешней линии укреплений, вероятнее всего, происходит в кон. IX в. В этом плане интересна датировка клада железных вещей, выявленного в р. 18, в заполнении засыпанного ровика (Кравченко, 2012, с. 16, рис. 10). Арочные стремяна из этого клада (рис. 7: 7–8) относятся к VI типу (по А.Н. Кирпичникову), который данный автор датировал в пределах VII–IX вв. (Кирпичников, 1973, с. 49). Более узкую датировку таких стремян (IA-2) предложила Е.А. Армарчук, по мнению которой, время

их бытования – кон. IX–X в. (Армарчук, 2006, с. 15–17, рис. 2: 1–2). Не противоречат такой датировке и обнаруженные в кладе удила (двусоставные, двуколычатые, асимметричные, с прямыми стержневидными псалиями) (рис. 7: 6). Петли для псалиев и поводка расположены перпендикулярно друг к другу. Этот тип является наиболее распространенным и достаточно поздним в древностях хазарского времени. Удила близкого типа были выявлены в Чистяковском погребении (по мнению А.В. Комара, произведено в 840–880 гг.) (Тахтай, 1999, с. 166, рис. 1: 1). В.С. Аксенов, обращал внимание на то, что подобного рода удила характерны для кремаций середины – 3-й четверти IX в. (Аксенов, 2005, с. 358). На псалиях имеются слабо выраженные, сглаженные, поперечные каннелюры, которые имели орнаментальное значение. Близкого вида украшение псалиев присутствует на удилах из кат. 126 Дмитровского могильника (Плетнева, 1989, рис. 38), датировка которых укладывается в рамки IX в. Присутствуют находки удил с подобного рода псалиями и в Юго-Восточном Крыму (Майко, Гаврилов, Гукин, 2009, с. 244–245, рис. 5: 1). Особо интересно наличие в составе клада инструментария, представленного двумя кузнечными клещами (большими и малыми) и ножницами по металлу (рис. 7: 1–3). Эта категория находок встречается достаточно редко. Единственные кузнечные клещи, выявленные при раскопках Саркела, происходят из славянского слоя памятника (Сорокин, 1959, рис. 8: 1–4). Клещи и ножницы по металлу найдены на городищах: Правобережном Цимлянском (Артамонов, 2001, с. 426; Плетнева, 1994, с. 324,

рис. 49: 1), Большая Гомольша, археологическом комплексе у с. Маяки (Михеев, 1985, с. 86–90, рис. 35: 23–29). Встречены они и на селищах: Мохнач-II в Харьковской обл., Тау-Кипчак в Крыму (Михеев, 1985, с. 89, рис. 35; Колода, 2002, с. 75, рис. 2, 6, 7; Колода, Колода, 2008, с. 208–209, рис. 3, 2; Баранов, 1990, с. 81). Близкого вида ножницы происходят с поселения в Государевом Яру на границе Харьковской и Донецкой обл. (Колода, 2013, рис.). К сожалению, условия, при которых данный предмет был обнаружен, не позволяют его датировать. Более того, невозможно даже определить тип комплекса, из которого он происходит (Колода, 2013; сравните: Давыденко, Гаврилова, 2011). В целом же, учитывая датировку всех этих предметов, наиболее реально предположить, что Сидоровский клад попал в землю не ранее кон. IX – нач. X в.

* * *

Анализ материалов, полученных в ходе изучения оборонительных сооружений Сидоровского археологического комплекса, позволяет сделать некоторые выводы.

Первый исследователь памятника – В.К. Михеев, указывая на обнаруженные в насыпи вала и во рвах обломки горелых бревен и плах, выдвинул предположение, что городища описанной группы имели деревянные стены (Михеев, 1971, с. 12, табл. VI, 1; 1985, с. 19, рис. 3–5). По его мнению, эти городища «были защищены деревянными стенами, которые сооружались двумя параллельными рядами и закреплялись с помощью вертикальных столбов. Стены образовывали внешний и внутренний панцири, а пространство между ними забутовыва-

валось на определенную высоту. Низ внутреннего и внешнего панциря присыпался снаружи грунтом» (Михеев, 1985, с. 23). Материалы раскопов 18–19 свидетельствуют в пользу этого предположения. Таким образом, укрепления раннесредневековых городищ среднего течения Северского Донца, вероятно, имели сходство с дерево-земляными укреплениями городков, появившихся на этой же территории во 2-й пол. XVII в.

Масштабы оборонительного строительства на рассматриваемом нами памятнике впечатляют. По самым скромным подсчетам, только для того, чтобы выкопать основной ров внутренней линии, надо было вынуть более 4000 куб. м тяжелого глинистого грунта. Для выполнения этих работ, по нынешним расчетам, потребовалось бы не менее 2000 человеко-дней. Кроме этого необходимо было рыть вспомогательные рвы, предназначенные для установки палисада, производить эскарпирование склонов, полностью изменившее конфигурацию холма, на котором стояло городище. Производились многочисленные срезки, строились валы, возводились стены и выполнялись прочие работы, связанные с крепостным строительством. Не говоря уже о сооружении внешней линии укреплений, которая по своим размерам более чем в два раза превосходила внутреннюю линию. Указанные работы были бы лишены смысла, если бы на территории населенного пункта отсутствовал воинский контингент, способный эти укрепления защищать.

К сожалению, о количестве защитников крепостей Хазарии имеется мало данных. Из пунктов, зафиксированных археологически, есть ин-

формация разве только по Саркелу. Константин Багрянородный сообщает о том, что в этой «крепости хазар... стоят 300 таксеотов, сменяемых ежегодно» (Константин Багрянородный, 1991, с. 171). По мнению комментаторов данного сообщения, под понятием таксеотов фигурировали наемные профессиональные воины (Там же, с. 369). М.И. Артамонов также считал, что эти таксеоты были наемниками, добавляя, что в данном случае это были тюркские кочевники, находившиеся «...в какой-то степени зависимости от хазар, или просто поступавшие к ним на службу целыми родами и коленами со своими вождями во главе» (Артамонов, 1958, с. 26). По его мнению, они проживали в цитадели, в пределах которой жило и какое-то салтовское население. Причем, если гарнизон ежегодно менялся, то это население оставалось постоянным и, возможно, находилось «на одинаковых с ним правах» (Артамонов, 1958, с. 37). Таким образом, основой охраны указанной кирпичной крепости являлся упомянутый выше гарнизон наемников со вспомогательным войском из местных жителей. Периметр кирпичных стен Саркела составлял около 600 метров (Артамонов, 1958, с. 14; Плетнева, 1996, с. 17). Таким образом, для этой крепости на 1 воина-профессионала приходилось 2 погонных метра крепостной стены.

Учитывая то, что стены донецких городищ хазарского времени, вероятнее всего, были дерево-земляными, интересно будет сравнить это с данными по деревянным городкам, которые существовали в среднем течении Северского Донца в период заселения края в XVII веке. Показательно что, несмотря на огромный хронологиче-

ский разрыв между Саркелом и этими крепостями, количество воинов в них, по отношению к длине укреплений представляется таким же.

Так, в 1666 г. в городке Маяцком (периметр стен 185 саженей) проживало 136 человек (Пирко, 2001, с. 78). В 1668 г. в этом же городке, периметр стен которого в это время составлял уже 205 саженей, находилось 137 человек гарнизона (Багaley, 1886, с. 64–65)². В крепости Тор (1684 г.) периметр самого укрепления составлял 167 саженей (не менее 350 м), при гарнизоне 151 человек (Багaley, 1886, с. 120–122). Общее же количество людей, служивших в Торе в этом году, составляло 201 человек (Пирко, 1995, с. 8–10). Часть людей обслуживала не саму крепость, а прилегающие к ней дороги (Пирко, 2001, с. 10). В свете вышесказанного особый интерес представляют данные челобитной (1690 г.). В ней жители Тора (Соленого) жаловались, что держать вновь отстроенный после разгрома городок не с кем, в связи с тем, что «...осталось

² На русских землях применялось множество разных саженей, размеры которых существенно варьировали, длина стен крепости могла составлять и 436 м (если употреблялась распространенная в XVII в. «казенная» 3-аршинная сажень – 2,13 м), и чуть более 500 м (если применялась 4-аршинная сажень). В статье, посвященной фортификации Маяцкой крепости, указан несколько больший размер (540 м) (Давыденко, Пирко, 2007, с. 79). Вероятно, эта цифра была получена при обмере площадки холма, на которой располагалась крепость. Вне сомнений, размер самого укрепления был несколько меньше. Поэтому нам представляется, что при обмерах использовалась 3-аршинная «казенная» сажень.

в Соленом жителям русских черкасс 50 чел. не болши...» (Багaley, 1890, с. 156). Т.е. для полноценной защиты крепости одного человека на 7 погонных метров крепостной стены было явно недостаточно.

Вне сомнений, в каждой из описанных выше крепостей, кроме гарнизона, находились жители, которые при необходимости также могли принимать участие в обороне населенного пункта. Тем не менее основная роль все же принадлежала гарнизону, состоявшему из профессиональных воинов. Именно они составляли ядро обороны, остальные же жители, принимавшие в ней участие, по видимому, играли вспомогательную роль.

Таким образом, несмотря на огромный временной разрыв, количество людей в крепостных гарнизонах находится в близком соотношении к периметру охраняемых стен. По приведенным выше данным (учитывая возможные погрешности при вычислении периметра стен, тот фактор, что часть воинов могла быть задействована на обслуживании прилегающих к основной крепости оборонительных объектов) получается, что для нормального функционирования подобного рода укреплений требовалось наличие как минимум 1 воина на 2–3 погонных метра стены. Таким образом, длина укреплений Сидоровского комплекса свидетельствует, что на городище должен был находиться значительный воинский контингент. В целом численность населения этого пункта была немалой, в пользу чего свидетельствуют крупные раннемусульманские некрополи, прилегающие к поздней части памятника.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксенов В.С. Старосалтовский катакомбный могильник // *Vita antiqua*. 1999. № 2. С. 137–149
2. Аксенов В.С. Комплексы конского снаряжения салтовского времени с начальниками (по материалам Верхнесалтовского катакомбного могильника) // *Степи Европы в эпоху средневековья*. Т. 4. / Отв. ред. А.В. Евглевский. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2005. С. 245–260.
3. Аксенов В.С. Могильник салтово-маяцкой культуры у с. Червонная Гусаровка на Северском Донце. Харьков, 2017. 140 с.
4. Аксенов В.С., Михеев В.К. Крымский импорт и хронология некоторых салтовских памятников верховий Северского Донца // *Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии)* / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В.Алабина, 1998. С. 344–357.
5. Армарчук Е.А. Конская упряжь из могильников Северо-Восточного Причерноморья X–XIII вв. М.: ИА РАН, 2006. 226 с.
6. Артамонов М.И. Саркел – Белая Вежа // *МИА*. № 62 / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.-Л.: АН СССР, 1958. С. 7–84.
7. Артамонов М.И. История хазар. СПб.: Лань, 2001. 687 с.
8. Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. // *Археологические открытия на новостройках*. Вып. 2 / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1987. 198 с.
9. Багалеи Д.И. Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковская и отчасти Курская и Воронежская губ.). Т. 1. Харьков: Тип. К.Л. Счасни, 1886. 360 с.
10. Багалеи Д.И. Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний. Т. 2. Харьков: Тип. К.Л. Счасни, 1890. 486 с.
11. Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). Киев: Наукова думка, 1990. 168 с.
12. Давыденко В.В., Гаврилова А.Н. Новый комплекс раннего средневековья «Государев Яр» в Святогорье // *Святогірський альманах 2011* / Отв. ред. П.В. Добров. Донецк: Ваш імідж, 2011. С. 20–31.
13. Давыденко В.В., Пирко В.А. Маяцкая крепость – первый укрепленный погранично – сторожевой пункт XVII в. на правом берегу Северского Донца (фортификация и планировка) // *Святогірський альманах 2007* / Отв. ред. П.В. Добров. Донецк: Донбасс, 2007. С. 76–95.
14. Зеленко С.М. Кораблекрушения IX–XI вв. в Судакской бухте // *Морська торгівля в Північному Причорномор'ї*. Киев, 2001. С. 82–92.
15. Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // *САИ*. 1973. Вып. Е-1-36. 112 с.
16. Колода В.В. Усадьба средневекового кузнеца на Мохначанском городище // *Хазарский альманах*. Т. 1 / Гл. ред. В.К. Михеев. Харьков: Каравелла, 2002. С. 69–78.
17. Колода В.В. Два салтовских комплекса из Государева Яра // *Салтово-маяцка археологічна культура: проблеми та дослідження*. Вип. 3 / Отв. ред. О.О. Савчук. Харків: ОКЗ «ХНМЦОКС», 2013. С. 73–81.
18. Колода В.В., Колода Т.А. Кузнечная мастерская нового ремесленного центра лесостепной Хазарии // *Хазарский альманах*. Т. 8 / Гл. ред. Н.Н. Олейник. Киев-Харков: Изд-во Международного Соломонова университета, 2009. С. 203–215.
19. Константин Багрянородный. Об управлении империей // *Древнейшие источники по истории народов СССР*. М.: Наука, 1991. 496 с.

20. *Кравченко Э.Е.* Городища среднего течения Северского Донца // Хазарский альманах. № 3 / Гл. ред. В.К. Михеев. Киев-Харьков: Изд-во Международного Соломонова университета, 2004. С. 242–276.

21. *Кравченко Э.Е.* Мусульманское население среднего течения Северского Донца и распространение ислама в Восточной Европе // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 4 / Отв. ред. А.В. Евглевский. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2005. С. 153–186.

22. *Кравченко Э.Е.* Постройки археологического комплекса у с. Сидорова (среднее течение Северского Донца) // Археологический альманах. № 25 / Гл. ред. А.В. Колесник. Донецк: Бытсервис, 2011. С. 270–296.

23. *Кравченко Э.Е.* Исследования линии укреплений археологического комплекса у с. Сидорова в 2012 году // Святогірський альманах 2012 / Отв. ред. П.В. Добров. Донецк: Донбасс, 2012. С. 12–25.

24. *Кравченко Э.Е.* Распространение христианства и ислама в Хазарии: исторические свидетельства и археологические реалии // Вопросы интеграции археологических и исторических исследований Материалы Всероссийской (с международным участием) археологической конференции (Астрахань, 29 сентября – 01 октября 2017 г.) / Отв. ред. Д.В. Васильев. Астрахань: Изд-ль Сорокин Роман Васильевич, 2017. С. 61–68.

25. *Кравченко Э.Е., Давыденко В.В.* Сидоровское городище // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2 / Отв. ред. А.В. Евглевский. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2001. С. 233–302.

26. *Красильников К.И.* Этнокультурные признаки населения степей Хазарской периферии (к вопросу об идентификации) // Научные труды по иудаике. Материалы XVII Международной ежегодной конференции по иудаике. Т. II / Отв. ред. В.В. Мочалова. М.: Пробел-2000, 2010. С. 16–32.

27. *Ляпушкин И.И.* Памятники салтовской культуры в бассейне р. Дона. // МИА. № 62. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 85–150

28. *Майко В.В., Гаврилов А.В., Гукин В.Д.* Комплекс оружия, конского снаряжения и бытовых предметов с праболгарского поселения IX – 1-й пол. X вв. в Юго-Восточном Крыму // Хазарский альманах. № 8 Гл. ред. Н.Н. Олейник. Киев-Харьков: Изд-во Международного Соломонова университета, 2009. С. 237–263.

29. *Михеев В.К.* Отчет о работе средневековой археологической экспедиции ХГУ им. А.М. Горького в 1971 г. // НА ИА НАНУ № 1971/76.

30. *Михеев В.К.* Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985. 148 с.

31. *Пірко В.А.* История Донецкого края в документах и материалах. Донецк, 1995.

32. *Пірко В.О.* Джерела до історії населених пунктів Донеччини XVI–XVIII ст. // Укладач В.О.Пірко. Донецьк, 2001. 103 с.

33. *Плетнева С.А.* Керамика Саркела – Белой Вежи // МИА. № 75 / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 212–272.

34. *Плетнёва С.А.* На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.: Наука, 1989. 288 с.

35. *Плетнева С.А.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура / МИА. № 142. М.: Наука, 1967. 198 с.

36. *Плетнева С.А.* Очерки хазарской археологии. Москва; Иерусалим: Гешарим / Мосты культуры, 1999. 280 с.

37. *Плетнева С.А.* Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958-1959 гг. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. IV. Симферополь, 1995. С. 271–369.

38. *Плетнёва С.А.* Саркел и шелковый путь. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1996. 168 с.

39. *Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В.* Амфоры из комплексов Византийского Херсона. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1995. 169 с.

40. Свистун Г.Е. Типология салтово-маяцких лесостепных городищ на современном этапе // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 12. Хазарское время. / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: Донецкий национальный ун-т, 2014. С. 51–102.

41. Сибилев Н.В. Древности Изюмщины. Вып. 4. Изюм, 1930.

42. Сибильов М.В. Археологічні пам'ятки на Дінці у зв'язку з походами Володимира Мономаха та Ігоря Новгород Сівєрського // Археологія. Вип. IV. Київ, 1950

43. Сорокин С.С. Железные изделия Саркела-Белой Вежи // МИА. № 75 / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 148–150.

44. Тахтай А.К. Погребальный комплекс хазарского времени из округи г. Чистяково Сталинской области // *Vita antiqua*. 1999. № 2. С. 160–169.

45. Тесленко И.Б. Средневековые амфорные клейма из раскопок крепости Алустон // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. К., 2001. С. 123–129.

46. Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л. 1979. 164 с.

Информация об авторе:

Кравченко Эдуард Евгеньевич, старший научный сотрудник, Донецкий Республиканский краеведческий музей (г. Донецк, Украина); sidae@mail.ru

FORTIFICATION OF THE ARCHAEOLOGICAL COMPLEX NEAR THE VILLAGE OF SIDOROVO (MIDDLE FLOW OF THE SEVERSKY DONETS RIVER)

E.E. Kravchenko

The fortification of the archaeological complex near the village Sidorovo – the largest hillfort of Khazar time on this territory is analyzed in the paper. Fortification consists of two lines of ditches and ramparts, located at a distance of 120 m from each other. The East side of the slope of the hillfort is fortified with the escarpment. Investigations produced on the inner and outer lines of fortification, showed that they were originated at different times. The small settlement was fortified by an internal line (perimeter 1,2–1,3 km). There was a need for the construction of another line of fortification in the process of its growth (the perimeter of at least 2.5 km). The time of the construction of ditches and ramparts internal lines – not earlier than the middle of the IX century – has been defined by the artefacts, found in their filling. Remains of wooden structures in the filling of the ditches indicate that the settlement had wooden or wood-earthen walls. The author considers the materials on fortifications of close type, existed in this territory in the XVII century, which contain data on the size of the garrison necessary for the normal defense of these fortresses. Comparison allows the author to suggest that there had to be a considerable military contingent on the hillfort near the village of Sidorovo. Otherwise, the construction of the fortifications described above would be meaningless.

Keywords: archaeology, hillfort, khazars, shafts, ditches, fortification, Seversky Donets

REFERENCES

1. Aksenov, V. S. 1999. In *Vita antiqua* (2). 137–149 (in Russian).
2. Aksenov, V. S. 2005. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia* (*Steppes of Europe in the Middle Ages*). Donetsk: Donetsk National University, 245–260 (in Russian).
3. Aksenov, V. S. 2017. *Mogil'nik saltovo-maiatskoi kul'tury u s. Chervonnaia Gusarovka na Severskom Dontse* (*Burial Mound of Saltovo-Mayaki Culture near Chervonnaya Gusarovka Village on the Seversky Donets*). Khar'kiv (in Russian).

4. Aksenov, V. S., Mikheev, V. K. 1998. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysyacheletia n.e. (voprosy khronologii) (Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD (Issues of Chronology))*. Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin, 344–357 (in Russian).
5. Armarchuk, E. A. 2006. *Konskaia upriazh' iz mogil'nikov Severo-Vostochnogo Prichernomor'ia X–XIII vv. (Horse Harness from the Burial Mounds of the North-Eastern Black Sea Region dated the 10th–13th cc.)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
6. Artamonov, M. I. 1958. In Artamonov, M. I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 62. Moscow; Leningrad: the USSR Academy of Sciences, 239–268 (in Russian).
7. Artamonov M. I. 2001. *Istoriia Khazar (History of the Khazars)*. Saint Petersburg: “Lan” Publ. (in Russian).
8. Afanasyev, G. E. 1987. *Naselenie lesostepnoi zony basseina Srednego Dona v VIII–X vv. (alanskii variant saltovo-maiatskoi kul'tury) (Population of the Forest-Steppe Area of the Middle Don Basin in 8th–10th Centuries (the Alan Variant of the Saltovo-Mayaki Culture))*. Series: Rescue Archaeological Investigations 2. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
9. Bagalei, D. I. 1886. *Materialy dlia istorii kolonizatsii i byta stepnoi okrainy Moskovskogo gosudarstva (Khar'kovskaia i otchasti Kurskaia i Voronezhskaia gub.) (Materials on the History of Colonization and Household of the Steppe Outskirts of the Moscow State (Kharkov and Partially Kursk and Voronezh Governorates)* 1. Kharkiv: Tipografia. K.L. Schasni, 1886 (in Russian).
10. Bagalei, D. I. 1890. *Materialy dlia istorii kolonizatsii i byta stepnoi okrainy Moskovskogo gosudarstva (Khar'kovskaia i otchasti Kurskaia i Voronezhskaia gub.) (Materials on the History of Colonization and Household of the Steppe Outskirts of the Moscow State (Kharkov and Partially Kursk and Voronezh Governorates)* 2. Kharkiv: Tipografia. K.L. Schasni, 1886 (in Russian).
11. Baranov, I. A. 1990. *Tavrika v epokhu rannego srednevekov'ia (saltovo-maiatskaia kul'tura) (Tauris in the Early Middle Ages (Saltovo-Mayaki Culture))*. Kiev: “Naukova dumka” Publ. (in Russian).
12. Davydenko, V. V., GavriloVA, A. N. 2011. In Dobrov, P. V. (ed.) *Sviatogir'skii al'manakh 2011 (Sviatogorsk Almanac 2011)*. Donetsk: “Vash imidzh” Publ., 20–31 (in Russian).
13. Davydenko, V. V., Pirko, V. A. 2007. In Dobrov, P. V. (ed.) *Sviatogir'skii al'manakh 2007 (Sviatogorsk Almanac 2007)*. Donetsk: “Donbass” Publ., 76–95 (in Russian).
14. Zelenko, S. M. 2001. In *Mors'ka torgivlia v Pivnichnomu Prichernomor'i (Sea Trade in the Northern Black Sea Region)*. Kiev, 82–92 (in Russian).
15. Kirpichnikov, A. N. 1973. *Snariazhenie vsadnika i verkhovogo konia na Rusi IX–XIII vv. (Munitions of Rider and Riding Horse in Rus' of 9th–13th Centuries)*. Series: Corpus of Archaeological Sources E1–36 (in Russian).
16. Koloda, V. V. 2002. In Mikheev, V. K. (ed.). *Khazarskii al'manakh (Khazar Almanac)* 1. Kharkiv: “Karavella” Publ., 69–78 (in Russian).
17. Koloda, V. V. 2013. In *Saltovo-maiats'ka arkheologichna kul'tura: problemi ta doslidzhennia (Saltovo-Mayaki Archaeological Culture: Issues and Achievements)* 3. Kharkiv: “KhNMTsOKS” Publ., 73–81 (in Russian).
18. Koloda, V. V., Koloda, T. A. 2009. In Oleynik, N. N. (ed.). *Khazarskii al'manakh (Khazar Almanac)* 8. Kharkiv: “International Solomon University” Publ., 203–215 (in Russian).
19. Konstantin Bagrianorodnyi. *Ob upravlenii imperiei (Constantine Porphyrogenitus. On the Administration of the Empire)*. 1991. In *Drevneishie istochniki po istorii narodov SSSR (Ancient Sources on the History of the Peoples of the USSR)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
20. Kravchenko, E. E. 2004. In Mikheev, V. K. (ed.). *Khazarskii al'manakh (Khazar Almanac)* 3. Kiev-Kharkiv: “International Solomon University” Publ., 242–276 (in Russian).
21. Kravchenko, E. E. 2005. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)*. Donetsk: Donetsk National University, 153–186 (in Russian).

22. Kravchenko, E. E. 2011. In Kolesnik, A. V. (ed.). *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological almanac)* 25. Donetsk: "Bytservis" Publ., 270–296 (in Russian).
23. Kravchenko, E. E. 2012. In Dobrov, P. V. (ed.). *Sviatogir's'kii al'manakh 2012 (Sviatogorsk Almanac 2012)*. Donetsk: "Donbass" Publ., 12–15 (in Russian).
24. Kravchenko, E. E. 2017. In Vasil'ev, D. V. (ed.). *Voprosy integratsii arkheologicheskikh i istoricheskikh issledovaniï. Materialy Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) arkheologicheskoi konferentsii (Astrakhan, 29 sentiabria – 01 oktiabria 2017 g.) (Issues of the Integration of Archaeological and Historical Studies. Materials of the All-Russian (with international participation) Archaeological Conference (Astrakhan, September 29 - October 1, 2017))*. Astrakhan: "Sorokin Roman Vasil'evich" Publ., 61–68 (in Russian).
25. Kravchenko, E. E., Davydenko, V. V. 2001. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 2. Donetsk: Donetsk National University, 233–302 (in Russian).
26. Krasil'nikov, K. I. 2010. In Mochalova, V. V. (ed.). *Nauchnye trudy po iudaïke. Materialy XVII Mezhdunarodnoi ezhegodnoi konferentsii po iudaïke (Scientific Works on Jewish Studies. Materials of the 17th Annual International Conference on Jewish Studies)* II. Moscow: "Probel-2000" Publ., 16–32 (in Russian).
27. Liapushkin, I. I. 1958. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 62. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 85–150 (in Russian).
28. Maïko, V. V., Gavrilov, A. V., Gukin, V. D. 2009. In Oleynik, N. N. (ed.). *Khazarskii al'manakh (Khazar Almanac)* 8. Kharkiv: "International Solomon University" Publ., 237–263 (in Russian).
29. Mikheev, V. K. 1971. *Otchet o rabote srednevekovoi arkheologicheskoi ekspeditsii Khar'kovskogo gosudarstvennogo universiteta. A.M. Gor'kogo v 1971 g. (Report on the Activities work of the Medieval Archaeological Expedition of the National University of Kharkov named after A.M. Gorky in 1971)*. Research Archive of the Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. No. 1971/76 (in Russian).
30. Mikheev, V. K. 1985. *Podon'e v sostave Khazarskogo kaganata (The Don Region in Khazar Khaganate)*. Kharkiv (in Russian).
31. Pirko V.A. 1995. *Istoriia Donetskogo kraïa v dokumentakh i materialakh (History of the Donetsk Region in Documents and Materials)*. Donetsk (in Russian).
32. Pirko, V. O. 2001. *Dzherela do istoriï naselenikh punktiv Donechchini XVI–XVIII st (Sources on the History of Settlements of the Donetsk Region in the 16th–18th cc.)*. Donetsk (in Ukrainian).
33. Pletneva, S. A. In Artamonov, M. I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 75. Moscow; Leningrad: the USSR Academy of Sciences, 212–272 (in Russian).
34. Pletneva, S. A. 1989. *Na slaviano-khazarskom pograniç'e. Dmitrievskii arkheologicheskii kompleks (In the Slavic-Khazar Borderlands. Dmitriev Archaeological Complex)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
35. Pletneva, S. A. 1967. *Ot kochevii k gorodam. Saltovo-maiatskaïa kul'tura (From Camps to Towns. Saltovo -Mayaki Culture)*. Materialy i issledovaniia po arkheologii (Proceedings and Research in Archaeology of the USSR) 142. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
36. Pletneva, S. A. 1999. *Oçerki khazarskoi arkheologii (Essays on Khazar Archaeology)*. Moskva; Jerusalem: "Gesharim"; "Mosty kul'tury" Publ. (in Russian).
37. Pletneva, S. A. 1995. In Aïbabin, A. I., Pletneva, S. A. (eds.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* IV. Simferopol: "Tavriia" Publ., 271–369 (in Russian).
38. Pletneva, S. A. 1996. *Sarkel i shelkovyi put' (Sarkel and the Silk Road)*. Voronezh: Voronezh University Publ. (in Russian).
39. Romanchuk, A. I., Sazanov, A. V., Sedikova, L. V. 1995. *Amfory iz kompleksov Vizantiiskogo Khersona (Amphoras from Byzantine Kherson Complexes)*. Ekaterinburg: Ural State University (in Russian).

40. Svistun, G. E. 2014. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 12. *Khazarskoe vremia (Khazar Time)*. Donetsk: Donetsk National University, 51–102 (in Russian).
41. Sibilev, N. V. 1930. *Drevnosti Iziumshchiny (Antiquities of the Izium Region)* 4. Izium (in Russian).
42. Sibil'ov, M. V. 1950. In *Arkheologiya* 4 (in Ukrainian).
43. Sorokin, S. S. In Artamonov, M. I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 75. Moscow; Leningrad: the USSR Academy of Sciences, 148–150 (in Russian).
44. Takhtai, A. K. 1999. In *Vita antiqua* (2). 160–169 (in Russian).
45. Teslenko, I. B. 2001. In *Mors'ka torgivlia v Pivnichnomu Prichornomor'ї (Sea Trade in the Northern Black Sea Region)*. Kiev, 123–129 (in Russian).
46. Jakobson, A. L. 1979. *Keramika i keramicheskoe proizvodstvo srednevekovoi Tavriki (Ceramics and Ceramic Production of Medieval Taurica)*. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).

About the Author:

Kravchenko Eduard E. Donetsk Museum of Local History. Chelyuskintsev 189-a, Donetsk, 283048, Ukraine; sidac@mail.ru

Статья поступила в номер 15.03.2018 г.

УДК 904(470.41)''653''069.5(045) <https://doi.org/10.24852/pa2018.2.24.33.40>

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ГОРОДИЩА ГРОХАНЬ ИЗ ФОНДОВ САРАПУЛЬСКОГО ЗЕМСКОГО МУЗЕЯ

© 2018 г. Л.Д. Макаров

В статье впервые публикуется коллекция средневековых археологических находок с городища Грохань из фондов Музея истории и культуры Среднего Прикамья (г. Сарапул). Автор прослеживает историю изучения памятника (А.А. Спицын, Ф.Д. Нефёдов, А.В. Збруева, разведочные работы). Исследуемая автором коллекция была собрана в дореволюционный период одним из основателей Сарапульского земского музея и главой городской земской управы Михаилом Семеновичем Тюниным и передана им в музейные фонды. В числе находок средневековые хозяйственные и бытовые предметы: фрагменты медной и бронзовой посуды, железный чашельник, обломок древнерусского керамического горшка, железные предметы (кресало, колчаный крючок, скоба для ношения топора, светец), фрагмент железного замка с медным покрытием, биметаллическая накладка от конской сбруи, часть костяной рукояти, каменный оселок. Автором сделан предварительный вывод о том, что проанализированные средневековые артефакты отражают полиэтничность материальной культуры обитателей памятника – болгар, славян, пермских финнов.

Ключевые слова: археология, Предкамье, городище Грохань, история изучения, средневековые материалы.

Городище Грохань располагается в Мамадышском районе Республики Татарстан на правом берегу р. Камычуть ниже места впадения в нее р. Вятки. Поселение занимает мыс подтреугольной формы, вытянутый с севера на юг, высотой около 30 м, длиной 134 м, шириной 64 м. Площадка защищена с южной, напольной, стороны кокошничкообразным валом длиной 94 м, высотой до 3 м, шириной в основании 15–16 м, и заплывшим вром глубиной ок. 2 м при ширине до 10 м. Поверхность площадки задернована, но ранее подвергалась раскопкам и распахивалась (Археологическая карта, 1981, с. 146).

Впервые памятник упоминается А.А. Спицыным (1884, с. 182, № 14), исследовавшим его в 1888 г. Во время осмотра обрывов ученый обнаружил немногочисленный материал (разби-

тые кости, гальки, два обломка медных пластинок, костяную рукоятку с дырочкой, немного керамики, в том числе «гладкий черепок болгарского типа»), а также описал найденные местными жителями металлические предметы (перстень, фрагменты весов, копьё, кинжалы, котлы и другие вещи) и на этом основании отнес городище к болгарам (Спицын, 1893, с. 90).

В 1894 г. небольшие раскопки городища осуществил Ф.Д. Нефёдов, изучивший три печи-каменки с внутренней стороны вала, насыщенные золой, углями, пережженными камнями и глиной, костями животных, медными шлаками, обломками бронзовых предметов и разновременными находками. У восточного края площадки было обнаружено погребение человека, расположенного головой на

юг, сопровождавшееся в ногах углями, костями животных, черепками, а около черепа – двумя бронзовыми сосудами (смятым котелком (?) и половиной чашки). В последующие годы раскопки памятника по поручению Ф.Д. Нефедова проводил местный кузнец Г.М. Большаков, вскрывший остальные печи вдоль вала и исследовавший площадку. Выявленные сооружения он описывал и доставлял сообщения о них вместе с находками своему наставнику. В опубликованных отчете и журнале раскопок за 1894 г. Ф.Д. Нефедов не берет на себя смелость давать культурно-хронологическую характеристику городища, но представленные им немногочисленные иллюстрации все же позволяют современному исследователю восполнить этот пробел (Нефедов, 1899а, с. 52–53; 1899б, с. 71, 72, 74, табл. 16, 17). Коллекция из раскопок Ф.Д. Нефедова находится в Музее антропологии МГУ (Талицкая, 1952, с. 18). В музейных собраниях Республики Татарстан также хранятся находки из сборов на городище Грохань, в т.ч. найденная в 1925 г. Н.И. Воробьевым бронзовая коньковая подвеска болгарского времени (Археологическая карта, 1981, с. 146).

Следующие по времени раскопки памятника были проведены в 1929 г. Вятско-Камской экспедицией Музея антропологии МГУ под руководством Б.С. Жукова. Материалы этих исследований обработала и отчасти опубликовала А.В. Збруева. Ей удалось более полно установить стратиграфию поселения, связав культурные напластования с тремя временными отрезками: началом I тыс. до н. э. (поздняя бронза), ананьинской эпохой (VII–IV вв. до н. э.), временем

существования Болгарского государства (X–XIV вв.) (Збруева, 1947). В 1943 г. городище было обследовано В.П. Мизиновой и А.А. Гавриловой (Институт истории..., 1946, с. 158). В дальнейшем каких-либо стационарных работ здесь не проводилось и, насколько мне известно, исследования ограничивались разведочными осмотрами (Археологическая карта..., 1981, с. 146; Казаков, Старостин, Халиков, 1987, с. 174–175).

Для получения полного представления о городище требуются современные полноценные раскопки, которым должно предшествовать обобщение всех предшествующих исследований. К числу последних относится дореволюционная коллекция из сборов на городище Грохань, хранящаяся в фондах Сарапульского Музея истории и культуры Среднего Прикамья (бывшего земского музея) (Фонды, СКМ-4106). Судя по всему, эту коллекцию собрал и затем передал на хранение один из создателей Сарапульского земского музея, глава Сарапульской земской управы М.С. Тюнин (Круликовский, 1914, с. 6; Мельникова, 2007, с. 101).

Коллекция состоит из хозяйственных и бытовых предметов эпохи развитого и позднего средневековья. Преобладают находки обломков медной и бронзовой посуды, возможно, предназначенной для переплавки в отмеченных выше печах: фрагменты верхней части сосудов, состоящих из двух слоев металла, соединенных заклепками (рис. 1: 2, 4, 6) и ушко для подвешивания котелка (рис. 1: 1). Аналогичные предметы находил и Ф.Д. Нефедов (1899б, с. 72, табл. 17: 4, 5). Несмотря на фрагментарность изделий, технологические детали позволяют отнести

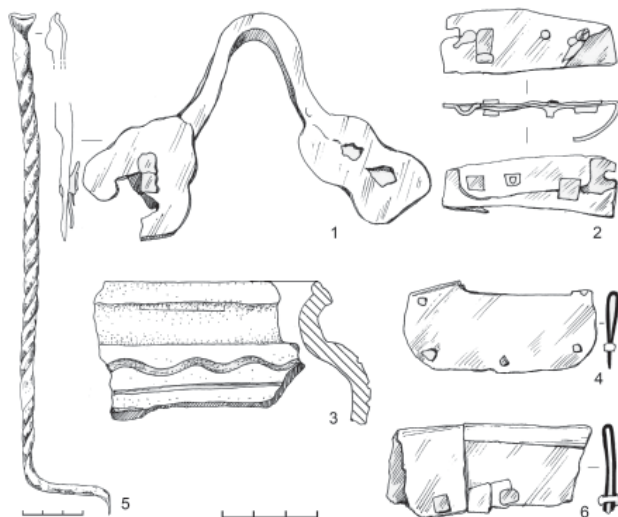

Рис. 1. Фрагменты посуды с городища Грохань из коллекции Музея истории и культуры Среднего Прикамья (г. Сарапул): 1 – медное ушко от сосуда; 2 – фрагмент бронзового котелка; 3 – обломок древнерусского глиняного горшка; 4, 6 – фрагменты медных котелков; 5 – железный чашельник (сковородник).

Fig. 1. Fragments of Grokhan settlement dishware from the collection of the Museum of History and Culture of the Middle Kama region (Sarapul): 1 – copper lug of a vessel; 2 – fragment of a bronze cauldron; 3 – fragment of an ancient Russian clay pot; 4, 6 – fragments of copper cauldrons; 5 – iron pot gripper (pan handle).

их к болгарскому производству домонгольского времени (Руденко, 2000, с. 14–24, рис. 1, 5, 9–12).

Железный чашельник (сковородник) длиной около 30 см (рис. 1: 5) представляет собой перекрученный дрот толщиной 6–9 мм, загнутый и заостренный со стороны рукоятки (дерево не сохранилось) и лишь с едва угадывающимся основанием развилля шириной 15 мм (оно обломано). Предмет аналогичен нескольким находкам из слоев XI–XIII вв. Новгорода Великого (Колчин, 1959, с. 105, рис. 93). Два чашельника XIV в. из Болгара заметно отличаются от древнерусских: они вдвое короче по длине и их стержень не перекручен (Савченкова, 1996, с. 60, рис. 26: 7, 8).

Фрагмент верхней части кругового глиняного горшка с высокой шейкой

и отогнутым наружу кососрезанным вниз венчиком с вытянутым сверху внутрь округлым выступом (рис. 1: 3). Сосуд темно-серого цвета с примесью песка в тесте, орнаментирован по тулову линейно-волнистым узором, имеет диаметр по венчику около 20 см. Данный фрагмент представляет древнерусскую керамику XIV группы Волжской Болгарии по Т.А. Хлебниковой (1984, с. 170–171, 198–200, 231–232), по оформлению он наиболее близок экземплярам домонгольского периода (Полубояринова, 1993, с. 35–57). Это подтверждается находками и на территории Древней Руси курганной и отчасти серой групп керамики (Московская керамика, 1991, с. 7–19, рис. 2, табл. 2: 4; 5: 4; 6: 1; 7: 7; 8: 2, 4, 5; 9: 1, 3; 10: 5; 17: 4, 7; Макаров, 2001, рис. 35: 15, 19).

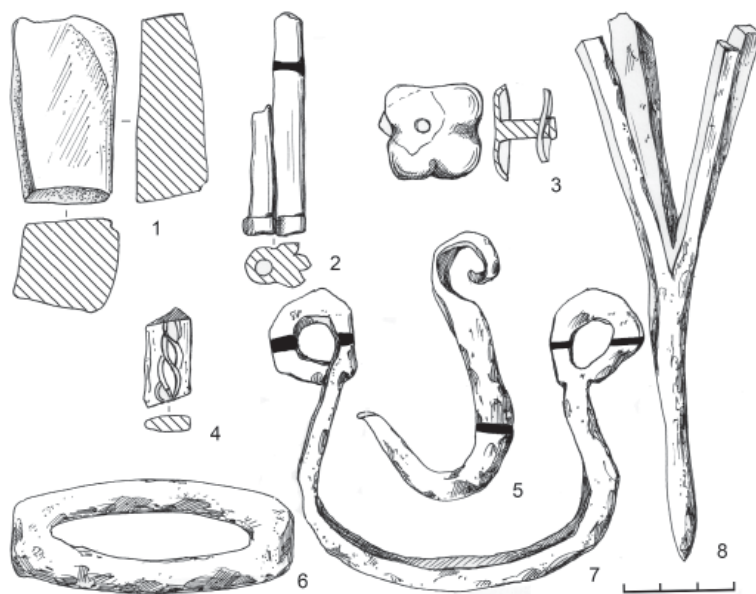

Рис. 2. Вещевой комплекс с городища Грохань из коллекции Музея истории и культуры Среднего Прикамья (г. Сарапул): 1 – каменный оселок; 2 – фрагмент замка (железо, покрытое медью); 3 – бронзовая накладка на заклёпке с железной шайбой; 4 – фрагмент костяной вещи (рукоятки ножа?); 5 – железный крючок (колчаный?); 6 – железное кресало; 7 – железная скоба для ношения топора; 8 – железный светец.

Fig. 2. The clothing complex of Grokhan fortified settlement from the collection of the Museum of History and Culture of the Middle Kama region (Sarapul): 1 – stone sharpener; 2 – fragment of a lock (iron covered with copper); 3 – bronze overlay with a rivet an iron washer; 4 – fragment of a bone article (possibly a knife handle); 5 – iron hook (possibly a quiver fragment); 6 – iron anvil; 7 – iron bracket for carrying an axe; 8 – iron cresset.

Железное кресало овальной формы (рис. 2: 6) длиной 79 мм, шириной 31 мм (тип III по Новгороду и Биляру или вариант БIII по Болгару), время бытования изделий такого типа – XIII–XV вв. (Колчин, 1959, с. 101, рис. 84: 9–11; 85; Культура Биляра, 1985, с. 126, табл. XLIII: 11, 12; Савченкова, 1996, 1996, с. 56–57, рис. 22: 15, 16).

Железный крючок размером 75×43 мм, возможно, колчаный (рис. 2: 5), хотя опубликованные из Биляра типы крючков все же значительно отличаются от рассматриваемого предмета (Культура Биляра, 1985, с. 137, 142, табл. XLVIII: 7–9).

Фрагмент костяной вещи размером 27×13 мм овального сечения

толщиной до 4 мм, орнаментированный узором в виде плетенки (рис. 2: 4). Возможно, это обломок рукоятки ножа, но на известных нам предметах господствует циркульный орнамент (Культура Биляра, 1985, табл. XXXI), зато аналогичный рассматриваемому элемент узора наносился на колчаные накладки (там же, табл. XLVII: 4, 5, 10, 12).

Железная скоба для ношения топора форматом 80–95×78 мм (рис. 2: 7) присуща культуре финно-угорских народов Прикамья II тыс. н. э. (Иванова, 1992, с. 31, рис. 18: 21, 22; 42: 16; Шутова, 1992, с. 47, рис. 28; 54).

Железный четырехрогий светец длиной 15 см с разбросом в стороны

ветвей-держателей на 5 см (рис. 2: 8) аналогичен находкам с поселений позднего средневековья и нового времени (XVI–VII вв.) (Никитин, 1971, с. 43, табл. 7: 1). Почти полностью соответствует рассматриваемому предмету светец из вятского города Хлынова, единственной дополнительной деталью которого является перекрученный верх несущей его основы книзу от ветвей (Макаров, 2006, с. 270, рис. 145: 19).

Фрагмент железного замка, покрытого медью (рис. 2: 2), явно цилиндрического типа, но не поддающегося реконструкции вследствие малочисленности деталей. Вероятная дата укладывается в рамки X–XV вв. В коллекции также имеется 4-лепестковая бронзовая накладка (26×26 мм) с цилиндрическим шпеньком диаметром 5 мм, длиной 17 мм и железной шайбой (16×12–14×1 мм) (рис. 2: 3) – очевидно, отвалившаяся от конской сбруи. Здесь же в коллекции каменный оселок из абразива серого цвета размером 48×12–20×26 мм (рис. 2: 1).

Таким образом, рассмотренный нами немногочисленный инвентарь из дореволюционной коллекции городища Грохань, хранящийся в фондах

МИКСП г. Сарапула, вкупе с другими доступными нам материалами памятника, позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, предположение А.А. Спицына об отнесении памятника к числу болгарских частично подтвердилось. Во-вторых, раскопки Ф.Д. Нефедова и Г.М. Большакова показали перспективность исследования оборонительных укреплений и предполагаемых металлургических комплексов. В-третьих, рекогносцировочные изыскания 1929 г. позволили А.В. Збруевой разобраться со стратиграфией напластований и выделить три разновременных культурных горизонта – поздняя бронза, ананьинская общность раннего железа, болгарская эпоха. В-четвертых, сарапульская коллекция, состоящая из средневековых артефактов, отражает полиэтничность материальной культуры обитателей городища Грохань. Пограничное местоположение крепости (а это северные пределы Волжской Болгарии) вполне допускает проживание здесь не только болгар, но также славян и пермских финнов. Однако данное предположение требует проведения дополнительных археологических раскопок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Археологическая карта Татарской АССР. Предкамье / Отв. ред. А.Х. Халиков. М.: Наука, 1981. 212 с.
2. Збруева А.В. Городище Грохань // КСИИМК. Вып. XVI. М.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 52–64.
3. Иванова М.Г. Погребальные памятники северных удмуртов XI–XIII вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1992. 184 с.
4. Институт истории материальной культуры в дни Великой Отечественной войны (1943) // КСИИМК. Вып. XII / Отв. ред. Б.Д. Греков. М.: Изд-во АН СССР, 1946. С. 153–162.
5. Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х. Археологические памятники Татарской АССР. Казань: Татар. кн. изд-во, 1987. 240 с.
6. Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (продукция, технология) // МИА. № 65 / Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II / Под ред. А.В. Арциховского, Б.А. Колчина. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 7–120.

7. Круликовский Л. Общее собрание членов музея: речь Л.К. Круликовского // Известия Сарапульского земского музея. Вып. IV. М.: Печатня С.П. Яковлева, 1914.
8. Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. / Отв. ред. А.Х. Халиков. М.: Наука, 1985. 216 с.
9. Макаров Л.Д. Древнерусское население Прикамья в X–XV вв. Ижевск: Издат. дом «Удмуртский университет», 2001. 143 с.
10. Макаров Л.Д. Древнерусское население Прикамья в X–XV веках: Дисс. ... докт. ист. наук. Ижевск, 2006. 544 с., 242 рис.
11. Мельникова О.М. Провинциальное археологическое сообщество Вятской, Казанской, Пермской губерний (вторая половина XIX – начало XX вв.). Библиографический словарь-справочник. Ижевск: УдГУ, 2007. 118 с.
12. Московская керамика: новые данные по хронологии / Отв. ред. С.З. Чернов, М.Д. Полубояринова. Сб. ст. М.: ИА АН СССР, 1991. 198 с.
13. Неведов Ф.Д. Отчет об археологических исследованиях, произведенных летом 1894 г. Ф.Д. Неведовым // МАВГР. Т. III. М.: МИАО, 1899а. С. 48–54.
14. Неведов Ф.Д. Журнал раскопок, произведенных в Прикамье летом 1894 г. Ф.Д. Неведовым // МАВГР. 1899б. Т. III. М.: МИАО. С. 55–74. Табл. 14–17.
15. Никитин А.В. Русское кузнечное ремесло XVI–XVII вв. // САИ. Вып. Е1-34. М.: Наука, 1971. 84 с.
16. Полубояринова М.Д. Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. М.: Наука, 1993. 123 с.
17. Руденко К.А. Металлическая посуда Поволжья и Прикамья в VIII–XIV вв. Казань: Издательство «Репер», 2000. 158 с.
18. Савченкова Л.Л. Черный металл Болгара. Типология // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН Татарстана, 1996. С. 5–88.
19. Спицын А.А. Дополнения к «Каталогу древностей Вятского края» // Календарь Вятской губернии на 1885 год. Вятка, 1884. С. 180–186.
20. Спицын А.А. Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии // МАВГР. Вып. I. М.: Типография Э. Лисснера и Ю. Романа, 1893. 192 с.
21. Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии: к вопросу об этнокультурном составе населения. М.: Наука, 1984. 241 с.
22. Шутова Н.И. Удмурты XVI – первой половины XIX в.: по данным могильников. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1992. 264 с.

Информация об авторе:

Макаров Леонид Дмитриевич, доктор исторических наук, доцент, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Российская Федерация); arch@uni.udm.ru

PRE-REVOLUTIONARY COLLECTION OF GROCHAN HILLFORT FROM THE FUNDS OF SARAPUL LOCAL MUSEUM

L.D. Makarov

The paper features the first publication of the collection of medieval archaeological findings discovered at Grokhan settlement from the funds of the Museum of History and Culture of the Middle Kama Region (Sarapul). The author traces the history of studying the site (A.A. Spitsyn, F.D. Nefedov, A.V. Zbrueva, exploration activities). The collection studied by the author was compiled in the pre-revolutionary period by one of the founders of Sarapul local museum and Head of the Local town administration Mikhail Semyonovich Tyunin, who granted the collection to museum funds. The findings include medieval household and utility items: fragments of copper and bronze dishware, an iron pan gripper, a fragment of an

old Russian ceramic pot, iron articles (an anvil, a quiver hook, an axe wearing bracket and a cresset), a fragment of an iron lock with a copper coating, a bimetallic overlay from a horse harness, a fragment of a bone handle, and a stone sharpener. The author makes a preliminary conclusion that the analyzed medieval artefacts reflect the multi-ethnicity of the material culture of the inhabitants of the sites - the Bolgars, the Slavs, and the Permian Finns.

Keywords: archaeology, the Cis-Kama region, Grokhan hillfort, study history, medieval materials.

REFERENCES

1. Chalikov, A.Kh. (ed.). 1981. *Arheologicheskaja karta Tatarskoj ASSR. Predkam'e (Archaeological map of Tatarskaya ASSR. Predkamye)*. Moscow: Nauka, 212 (in Russian).
2. Zbrueva, A. V. 1947. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 16. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 52–104 (in Russian).
3. Ivanova, M. G. 1992. *Pogrebal'nye pamiatniki severnykh udmurtov XI–XIII vv. (Burial Sites of the Northern Udmurts of the 11th–13th cc.)*. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
4. Grekov, B.D. (ed.). 1946. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* XII. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 153–162 (in Russian).
5. Kazakov, E. P., Starostin, P. N., Khalikov, A. Kh. 1987. *Arkheologicheskie pamiatniki Tatarskoj ASSR (Archaeological Sites of the Tatar ASSR)*. Kazan: “Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).
6. Kolchin, B. A. 1959. In Artsikhovskii, A. V., Kolchin B. A. (eds.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 65. *Trudy Novgorodskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Novgorod Archaeological Expedition)* II. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 7–120 (in Russian).
7. Krulikovskii, L. *Izvestiia Sarapul'skogo zemskogo muzeia (Proceedings of Sarapul Local Museum)*. Moscow: “Pechatnya S.P. Yakovleva” Publ. (in Russian).
8. Khalikov, A. Kh. (ed.). 1985. *Kul'tura Biliara. Bulgarskie orudiia truda i oruzhie X–XIII vv. (Bilyar Culture. Bulgar Tools and Weapons in 10th–13th Centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
9. Makarov, L. D. 2001. *Drevnerusskoe naselenie Prikam'ia v X–XV vv. (Ancient Russian Population in the Kama Area in 10th–15th Centuries)*. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).
10. Makarov, L. D. 2006. *Drevnerusskoe naselenie Prikam'ia v X–XV vv. (Ancient Russian Population in the Kama Area in 10th–15th Centuries)*. Doct. Diss. Thesis. Izhevsk (in Russian).
11. Mel'nikova, O.M. 2007. *Provintsial'noe arkheologicheskoe soobshchestvo Viatskoi, Kazanskoi, Permskoi gubernii (vtoraia polovina XIX – nachalo XX vv.). Biobibliograficheskii slovar'-spravochnik (Provincial Archaeological Community of the Vyatka, Kazan and Perm Provinces (Second Half of 19th – early 20th cc. Biobibliographical Reference Book)*. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).
12. Chernov, S. Z., Poluboiarinova, M. D. (eds.). 1991. *Moskovskaia keramika: novye dannye po khronologii (Moscow Ceramics: Actual Data on Chronology)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, Institute for Archaeology (in Russian).
13. Nefedov, F. D. 1899. *Materialy po arkheologii vostochnykh gubernii Rossii (Materials on the Archaeology of Eastern Russian Governorates)* 3. Moscow: Imperial Moscow Archaeological Society, 55–74 (in Russian).
14. Nefedov, F. D. 1899. Series: *Materialy po arkheologii vostochnykh gubernii Rossii (Materials on the Archaeology of Eastern Governorates of Russia)* III. Moscow: Imperial Moscow Archaeological Society, 48–54 (in Russian).

15. Nikitin, A. V. 1971. *Russkoe kuznechnoe remeslo XVI–XVII vv. (Russian Blacksmithing in the 16th–17th cc.)*. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1-34. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
16. Poluboiarinova, M. D. 1993. *Rus’ i Volzhskaja Bolgariia v X–XV vv. (Rus’ and Volga Bulgaria in 10th–15th Centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
17. Rudenko, K. A. 2000. *Metallicheskaia posuda Povolzh’ia i Prikam’ia v VIII–XIV vv. (Metal Dishware of Volga and Kama Regions in 8th–14th Centuries)*. Kazan: “Reper” Publ. (in Russian).
18. Savchenkova, L. L. 1996. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metalurgov, kuznetsov, liteishchikov (Town of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History Institute named after G. Ibragimov, Academy of Sciences of Tatarstan, 5–88 (in Russian).
19. Spitsyn, A. A. 1884. *Kalendar’ Viatskoi gubernii na 1885 god. (1885 Year Calendar of the Vyatka Province)*. Vyatka, 180–186 (in Russian).
20. Spitsyn, A. A. 1893. In *Priural’skii kraj. Arkheologicheskie rozyskaniia o drevneishikh obitateliakh Viatskoi gubernii (Priural’sky Region. Archaeological Investigations of the Ancient Inhabitants of Vyatka Governorate)*. Materialy po arkheologii vostochnykh gubernii Rossii (Materials on the Archaeology of Eastern Russian Governorates) 1. Moscow: “Tipografia E. Lissnera i Yu. Romana” Publ. (in Russian).
21. Khlebnikova, T. A. 1984. *Keramika pamiatnikov Volzhskoi Bolgarii: (K voprosu ob etnokul’turnom sostave naseleniia) (Ceramic Ware of the Volga Bulgaria Sites. On the Question of Ethnocultural Composition of the Population)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
22. Shutova, N. I. 1992. *Udmurty XVI – pervoi poloviny XIX v.: po dannym mogil’nikov (Udmurt People in 16th – First Half of 19th Centuries: by the Data of Burial Grounds)*. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

About the author:

Makarov Leonid D. Doctor of historical sciences, Associate Professor, Udmurt State University. Universitetskaya st., 1, building 2. Izhevsk, 426034, Udmurt Republic, Russian Federation. arch@uni.udm.ru

Статья поступила в номер 22.01.2018 г.

СКАЛЬНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ АЛТАЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ И ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ¹

© 2018 г. Н.Н. Серегин

В статье представлен опыт изучения особой группы погребальных комплексов раннего средневековья – скальных захоронений. Осуществлен анализ десяти объектов, исследованных на территории Алтая (Российского и Монгольского), Центральной Монголии и Минусинской котловины. Выделены и охарактеризованы две основные группы скальных комплексов – детские погребения и объекты, связанные с захоронением в скальных нишах взрослых людей. Несмотря на ограниченное количество анализируемых памятников, определены характерные традиции в обрядовой практике, а также устойчивые наборы предметов сопроводительного инвентаря. Анализ предметного комплекса позволил установить датировку рассматриваемых скальных захоронений в рамках IX–X вв. с возможным расширением верхней границы в первую четверть XI в. для отдельных объектов, что подтверждают имеющиеся результаты радиоуглеродного датирования. Более дискуссионным представляется вопрос об этнокультурной принадлежности населения, оставившего подобные памятники. Автор связывает скальные захоронения с раннесредневековыми тюрками, испытавшими влияние традиций других объединений кочевников в конце I тыс. н. э., либо с кыргызами, распространение которых за пределы Минусинской котловины произошло в середине IX в. Учитывая фрагментарность имеющихся материалов, предложенные варианты интерпретации могут быть дополнены и скорректированы с появлением новых сведений.

Ключевые слова: археология, раннее средневековье, скальные погребения, Алтай, Монголия, Минусинская котловина, хронология, погребальный обряд, этно-культурные процессы.

Выделение скальных погребений в особую группу археологических памятников Южной Сибири обосновано И.Л. Кызласовым в специальной статье (Кызласов, 1986). Ко времени выхода данной публикации количество известных объектов данного типа было весьма незначительным, но даже имевшихся материалов оказалось достаточно для демонстрации

перспектив изучения таких комплексов. За последние два десятилетия в обозначенном регионе, а также на сопредельных территориях выявлена довольно представительная серия скальных захоронений. Анализ этих материалов позволяет рассматривать данное явление в культурах кочевников региона на качественно новом уровне.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №18-09-00536а «Хронология археологических комплексов Алтая хуннуско-сяньбийского времени и раннего средневековья (II в. до н. э. – XI в. н. э.)»), а также в рамках реализации государственного задания Алтайского государственного университета (проект №33.867.2017/ПЧ «Реконструкции технологических приемов и методов производств древних обществ Северной Азии»).

В настоящей статье представлен опыт изучения скальных погребений раннего средневековья, исследованных на Алтае, а также на сопредельных территориях (главным образом в Монголии). Ключевым фактором, определяющим необходимость детального рассмотрения таких комплексов, является сохраняющаяся дискуссионность вопросов культурно-хронологической и этносоциальной интерпретации памятников. Данная ситуация не позволяет полноценно использовать их информационный потенциал для реконструкции сложных процессов, происходивших в рассматриваемых регионах во второй половине I – начале II тыс. н. э. Кроме того, накопленные материалы практически не доступны специалистам, так как почти во всех случаях опубликованы лишь частично и нередко в местных изданиях, не известных многим исследователям².

Высокая степень информативности скальных погребений определяется несколькими обстоятельствами. Прежде всего, подобные захоронения, совершенные в гроте, пещере или расщелине скалы, демонстрируют особый вариант реализации обрядовой практики, отличный от «стандартных» комплексов. Скальные погребения получили распространение на обширных территориях и совершались в различные хронологические периоды древности и средневековья.

² Выражаем благодарность к.и.н. Т.-О. Идрхангаю и к.и.н. Ч.Б. Мунхбаяру, оказавшим неоценимую помощь в поиске и переводе публикаций на монгольском языке, а также сотрудникам Монгольского национального исторического музея, предоставившим возможность изучения коллекций.

При этом практически везде такие объекты представляли собой весьма редкое явление, отражая специфику ритуальной практики для отдельных индивидов или группы лиц, связанную с обстоятельствами смерти, прижизненным статусом, отличной этнической принадлежностью, особыми традициями и др. По этой причине же рассматриваемые комплексы являются весьма ценным источником для реконструкции различных аспектов истории обществ прошлого. Кроме того, благодаря особым условиям совершения захоронения, при исследовании скальных объектов нередко наблюдается процесс естественной мумификации, что обеспечивает высокую степень сохранности органических материалов.

Анализ имеющихся сведений показывает, что скальные погребения сооружались населением центральноазиатского региона на протяжении длительного хронологического периода. К примеру, яркие материалы были получены в ходе раскопок захоронений эпохи неолита и энеолита в Нижнетыткескенской и Каминной пещерах (Кирюшин, Степанова, Кунгуров, 1995; Маркин, 2000). К наиболее поздним археологическим комплексам данного типа относятся объекты этнографического времени, известные на Алтае, в Туве и Минусинской котловине (Дьяконова, 1975, с. 70; Кызласов, 1986, с. 110–111; 1999; и др.).

Особую группу скальных захоронений составляют памятники раннего средневековья. Также как и для других периодов подобные объекты, датирующиеся в рамках второй половины I – начала II тыс. н. э., весьма немногочисленны. К сожалению, далеко

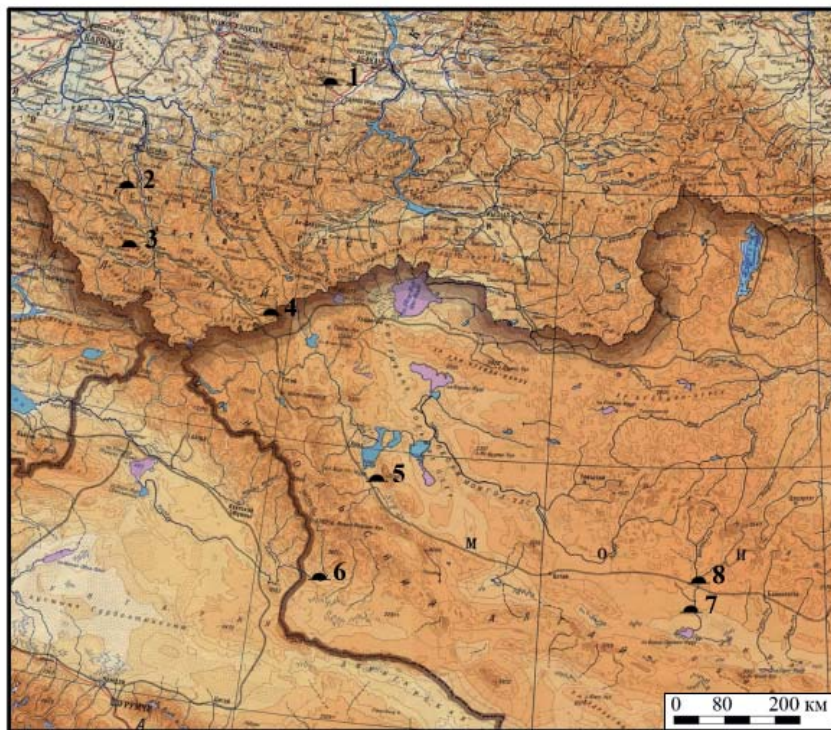

Рис. 1. Карта распространения скальных погребений раннего средневековья на Алтае и сопредельных территориях: 1 – Узун-Хая; 2 – Каменный Лог; 3 – Балтарган; 4 – Юстыд; 5 – Жаргалант Хайрхан; 6 – Узуур гялан; 7 – Арцат Дэл; 8 – Рашаантын Ам, Шавээт Цанхир.

Fig. 1. Map of the distribution of early medieval rock burials in the Altai and adjacent territories: 1 – Uzun-Khaya; 2 – Kamenny Log; 3 – Baltargan; 4 – Yustyd; 5 – Jargalant Khairkhan; 6 – Uzuur gyalan; 7 – Artsat Del; 8 – Rashaantyn Am, Shivet Tshanhir.

не все комплексы полноценно опубликованы и обеспечены достаточной для исследования информацией. При написании статьи использовались результаты раскопок десяти скальных захоронений, расположенных на Алтае (российском и монгольском) – 5 объектов, в Центральной Монголии – 3 объекта и Минусинской котловине – 2 объекта (рис. 1). Для сравнения привлекались сведения о подобных комплексах, представленных лишь отдельными находками и не сопровождающихся полной информацией о контексте захоронения (Кызласов, 1986, с. 109, рис. 10; Кубарев, 1998,

с. 266–269; и др.). Все анализируемые комплексы обнаружены при различных обстоятельствах, однако практически во всех случаях они были найдены местными жителями (чаще всего пастухами или охотниками) и в разной степени подверглись разрушению до обследования профессиональными археологами.

До недавнего времени целенаправленного изучения скальных захоронений раннего средневековья, обнаруженных на Алтае и сопредельных территориях, не предпринималось. Привлечению внимания специалистов к проблеме интерпретации таких

Рис. 2. Предметы конского снаряжения из скальных захоронений:
1 – Жаргалант Хайрхан;
2–4 – Арцат Дэл). Фото автора.

Fig. 2. The items of horse equipment from rock burials:

1 – Jargalant Khaikhan;
2–4 – Artsat Del.
Author's photo.

комплексов в последние годы способствовали находки в различных частях Монголии, представленные в серии публикаций (Хурэлсух, Мунхбаяр, 2004; Турбат и др., 2008; Хурэлсух, 2008; Törbat atal., 2009; Турбат, Батсух, Батбаяр, 2010; и др.). Сведения о скальных погребениях, исследованных на обозначенной территории, обобщены в монографии С. Хурэлсух (2012). По мнению археолога, появление таких объектов в большинстве случаев связано со стремлением верхушки общества номадов создать «секретное» захоронение, что было обусловлено нестабильностью военно-политической ситуации в регионе (Хурэлсух, 2012, т. 84–86). Большое значение имело введение в научный оборот материалов раскопок ряда комплексов данного типа, относящихся

к началу II тыс. н. э. и монгольскому времени (Эрдэнэбат, Хүрэлсүх, 2007; Эрдэнэбат, Амартувшин, 2010; Ahrens, Piezonka, Nomguunsuren, 2015; и др.), а также издание монографии-каталога «Наследие степных конных воинов» (Талын морьтон ..., 2014). Наконец в конце весны – начале лета 2017 г. в Монгольском национальном историческом музее была организована выставка находок из двух недавно исследованных скальных погребений Урд Улаан Унээт³ и Узуургялан и опубликован каталог (Худан

³ Вопросы культурно-хронологической интерпретации данного комплекса, относящегося к жужанскому времени, а также проблемы исследования археологических памятников Монголии этого периода в целом мы планируем представить в отдельной статье.

Рис. 3. Деревянная посуда и элементы костюма из скального захоронения Узуур гялан.

Фото автора.

Fig. 3. Wooden vessel and dish and elements of the costume from Uzuur gialan rock burial.

Author's photo.

гэрийн соёл, 2017). В целом, несмотря на сравнительно незначительное количество известных на сегодняшний день комплексов, они содержат весьма представительный материал. Анализ обозначенных скальных захоронений, а также сравнение этих объектов с результатами раскопок «стандартных» погребений Алтая и сопредельных территорий позволяют рассматривать различные аспекты их интерпретации.

Анализируемые скальные комплексы Алтая и сопредельных территорий раннего средневековья представляется возможным рассматривать в рамках реализации двух основных традиций: детские погребения и объекты, связанные с захоронением в скальных нишах взрослых людей.

Основные характеристики традиции создания детских скальных захоронений в раннем средневековье демонстрируют объекты, исследованные на комплексах Каменный Лог (Соенов и др., 2002), Узун хая (Кызласов, 1986, с. 100) и Юстыд (Кубарев, 2005, с. 372). К сожалению, по разным причинам информация о реализованном обряде для каждого из

обозначенных памятников фрагментарна. Вместе с тем известно, что во всех случаях обнаружены остатки деревянной конструкции в виде колоды, или колыбели, выполнявшей функции погребальной камеры (Кызласов, 1986, с. 100; Соенов и др., 2002, с. 118; Кубарев, 2005, табл. 56). В ходе исследования комплекса Каменный Лог зафиксированы предметы конского снаряжения (стремена, удила с псалиями, пряжки и украшения узды), хотя лошадь, судя по имеющимся сведениям, отсутствовала. Отметим, что в состав сопроводительного инвентаря данного захоронения входил также фрагмент металлического зеркала – случай исключительный для детских погребений раннего средневековья. При изучении памятника Юстыд зафиксированы керамический сосуд и деревянная чашечка.

Вторую группу скальных захоронений раннего средневековья составляют погребения взрослых людей. Подобные комплексы изучены на памятниках Балтарган на Алтае (Худяков, Кочеев, Моносов, 1996), Узун хая (грот I) в Минусинской котловине (Кызласов, 1986, 1999), а также в Мон-

голии: Арцат Дэл (Хурэлсух, 2008), Жаргалант Хайрхан (Törbatetal., 2009; Турбат, Батсух, Батбаяр, 2010; Талын морьтон ..., 2014), Рашантын Ам (Хурэлсух, Мунхбаяр, 2004), Узуур гялан (Мөнхбаяр и др., 2016; Мөнхбаяр, 2017), Шивээт Цанхир-I (Хурэлсух, Мунхбаяр, 2004).

Сопроводительное захоронение лошади находилось в трех скальных погребениях из обозначенной серии (Кызласов, 1986; Худяков, Кочев, Моносов, 1996; Мөнхбаяр и др., 2016). В двух случаях это была целая туша животного и однажды – шкура коня. При этом конское снаряжение, представленное удилами, псалиями, седлами со стременами, а также украшениями узды, находилось во всех погребениях, даже в тех, где лошадь отсутствовала (Хурэлсух, Мунхбаяр, 2004; Хурэлсух, 2008; Törbatetal., 2009) (рис. 2). Отметим, что подобная традиция реализована при создании серии «одинокных» захоронений раннесредневековых тюрков, которые раскопаны в различных частях центрально-азиатского региона (Серегин, 2013).

Анализ состава сопроводительного инвентаря, зафиксированного в ходе изучения рассматриваемых

скальных захоронений, демонстрирует целый ряд общих черт. Показательной характеристикой ряда объектов является наличие значительного количества предметов из органических материалов (ткань, дерево, кожа), что заметно выделяет эти комплексы (рис. 3). Однако, судя по всему, это следует связывать не столько с особыми традициями обрядовой практики, сколько с упомянутой выше прекрасной сохранностью комплексов благодаря условиям совершения захоронения. В этом плане более показательным представляется сходный состав инвентаря скальных погребений Арцат дэл, Балтарган, Жаргалант Хайрхан и Узун хая, в которых рядом с умершим воином находилось редкое клинковое оружие, полное снаряжение лошади, в большинстве случаев включавшее парадные украшения амуниции, лук со стрелами и др. Материалы раскопок данных комплексов позволяют говорить о существовании устойчивых наборов вещей, характерных для скальных захоронений мужчин. Вероятно, похожие традиции соблюдались и в отношении умерших женщин различного возраста. В данном случае обратим внимание на наличие редких фрагментов металли-

Рис. 4. Предметы быта из скального захоронения Узуур гялан.
Фото автора.

Fig. 4. Objects of everyday life from Uzuur gialan rock burial.
Author's photo.

ческих зеркал и наборы конского снаряжения в комплексах Каменный Лог и Узуур гялан (рис. 4).

Детализация вопросов хронологии скальных погребений Алтая и сопредельных территорий раннего средневековья требует подробного рассмотрения в рамках специальной публикации, включающей обоснование датировки каждого объекта. Поэтому в настоящей статье лишь отметим, что по совокупности характеристик все обозначенные памятники могут быть отнесены к IX–X вв. с возможным расширением верхней границы в первую четверть XI в. для отдельных захоронений. Наиболее показательными хронологическими маркерами рассматриваемых комплексов являются элементы конского снаряжения, имеющие многочисленные аналогии, главным образом, в памятниках кыргызской и сросткинской культур, а также предметы китайского импорта (металлические зеркала, шелковые изделия). Предложенная датировка скальных захоронений подтверждается имеющимися результатами радиоуглеродного анализа (Tögbatetal, 2009, p. 377, fig. 13; Хурэлсух, 2012, т. 70–71).

Гораздо более дискуссионным представляется вопрос о культурной принадлежности населения, оставившего скальные погребения. Нельзя не отметить очевидную тенденцию появления подобных объектов в конце I тыс. н. э. Ранее нами было высказано предварительное предположение о том, что скальные захоронения демонстрируют трансформацию традиций погребальной обрядности тюрок в результате контактов с другими группами кочевников в это время (Серегин, 2016, с. 275). О возможности

отнесения таких объектов тюнкам свидетельствует наличие захоронения лошади. Вместе с тем облик сопроводительного инвентаря, а также сам факт распространения скальных захоронений в период упадка традиций тюрок, скорее, являются доводами в пользу утверждения о том, что скальные захоронения могут быть связаны с другой группой населения. Как известно, основным сюжетом политической истории центрально-азиатского региона середины IX в. стало распространение кыргызов за пределы Минусинской котловины. Косвенным подтверждением возможности отнесения скальных захоронений кыргызам является опыт прочтения японским тюркологом Т. Осава (2014, с. 25) рунической надписи на музыкальном инструменте из памятника Жаргалант Хайрхан в Монгольском Алтае⁴. С другой стороны, следует учитывать, что традиция сооружения скальных захоронений не характерна и для кыргызской культуры. Поэтому пока и данный вариант интерпретации подобных комплексов должен рассматриваться как предварительный. Не исключено, что при накоплении материалов в дальнейшем станет возможной более точная характеристика группы населения, оставившего такие памятники.

⁴ По заключению исследователя, текст представляет собой типичную эпитафию, характерную для населения Среднего Енисея. Кроме того, в надписи имеется упоминание о «стране Кыргыз» (Osawa, 2014, с. 25). Вместе с тем, учитывая обычную дискуссионность чтения рунических надписей и обилие авторских трактовок при работе с одним и тем же источником, необходима проверка данной интерпретации.

Важной характеристикой раннесредневековых скальных захоронений, которая имеет большое значение при их этносоциальной интерпретации, является «богатство» сопроводительного инвентаря, демонстрирующее высокий статус покойных в обществе номадов конца I тыс. н. э. Особое место в этом отношении занимает погребение, исследованное на памятнике Жаргалант Хайрхан. В состав предметного комплекса захоронения молодого мужчины входили элементы набортного пояса, панцирные пластины, украшения костюма, многочисленные фрагменты шелка, остатки музыкального инструмента с рунической надписью и мн. др. (Törbatetal., 2009; Талын морьгон ..., 2014). Высокий уровень социального статуса женщины демонстрируют также находки комплекса Узуур гялан, представленные украшениями амуниции лошади, фрагментом металлического зеркала, изделиями из шелка и др. (Мөнхбаяр и др., 2016). Немногочисленность предметов, отмеченных в отдельных скальных захоронениях (Хурэлсух, Мунхбаяр, 2004), может быть связана с тем, что памятники были потревожены местными жителями до того, как стали известны археологам.

При рассмотрении вопросов интерпретации традиции сооружения скальных погребений в раннем средневековье следует учитывать, что создание конкретных объектов могло быть связано с особыми

обстоятельствами смерти человека, либо спецификой его общественного положения при жизни, не связанного с высоким социальным статусом. Ярким примером подобной ситуации являются материалы комплекса Балтарган на Алтае (Худяков, Кочеев, Моносов, 1996). У покойного отсутствовали кости обеих кистей рук и кости ног ниже коленных суставов. По мнению авторов публикации материалов данного памятника, отмеченные особенности обрядовой практики можно объяснить стремлением соплеменников умершего воспрепятствовать его «возвращению» к живым (Худяков, Кочеев, Моносов, 1996, с. 52).

В целом, учитывая ограниченный объем имеющихся материалов, сложно предложить единое объяснение распространению традиции создания скальных захоронений на территории Алтая и в сопредельных регионах в раннем средневековье. Очевидна необходимость дальнейшего детального анализа известных памятников, а также проведения целенаправленных полевых исследований по выявлению и комплексному изучению новых объектов. Работы в указанном направлении будут способствовать получению значительного объема сведений по истории номадов центрально-азиатского региона в конце I тыс. н. э. – в период, который с археологической точки зрения остается изученным весьма фрагментарно.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кубарев Г.В.* Кочедык из скального древнетюркского погребения на р. Кадрин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. IV. / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2003. С. 266–269.
2. *Кубарев Г.В.* Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. 400 с.

3. *Кызласов И.Л.* Новый вид погребальных памятников Южной Сибири // Материалы по археологии Горного Алтая / Отв. ред. А.С. Суразаков. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1986. С. 100–129.
4. *Кызласов И.Л.* Скальные захоронения – особая категория погребальных памятников // Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: Восточная литература, 1999. С. 169–199.
5. *Мөнхбаяр Ч.* Узуур гялангийн хадны оршуулгын археологийн малтлага судалгаа // Хадан гэрийн соёл / Отв. ред. Д. Сухбаатар. Улаанбаатар, 2017. Т. 29–33.
6. *Мөнхбаяр Ч., Пүрэвдорж Г., Бямбасүрэн Х., Сүхбаатар Б.* Үзүүр гялангийн түрэг хадны оршуулгын малтлага судалгааны урьдчилсан үр дүнгээс // Мөнххайрхан уул, Булган гол – Их онгогийн байгалийн цогцолборт газар / Отв. ред. Т. Лхагвадорж. Улаанбаатар, 2016. Т. 164–187.
7. *Серегин Н.Н.* «Одиночные» погребения раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии: этнокультурная и социальная интерпретация // Теория и практика археологических исследований. 2013. Вып. 2(8). С. 100–108.
8. *Серегин Н.Н.* Некоторые аспекты интерпретации раннесредневековых скальных погребений Алтае-Саянского региона и Монголии // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: Исторические науки и археология. 2016. № 4(92). С. 273–276.
9. *Соенов В.И., Трифанова С.В., Вдовина Т.А., Яжанкина С.И.* Средневековое скальное захоронение в Каменном Логу // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. № 9 / Отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2002. С. 117–124.
10. Талын морьтон дайчдын өв соёл: VII–XIV зууны Монголын хадны оршуулгын шилмэл хэрэглэгдэхүүн / Отв. ред. Ц. Турбат, У. Эрдэнэбат. Улаанбаатар: Адмон принт, 2014. 304 т.
11. *Турбат Ц., Батсүх Д., Батбаяр Т.* Скальное захоронение с музыкальным инструментом в Монгольском Алтае (предварительные оценки) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири / Отв. ред. А.Д. Цыбиктаров. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2010. С. 264–265.
12. *Турбат Ц., Батсүх Д., Батбаяр Т., Баярхуу Н., Идэрхангай Т.* Монгол алтайгаас илэрсэн хадны оршуулгууд // Археологийн судлал. 2008. Т. XXVI. Т. 274–292.
13. *Худяков Ю.С., Кочеев В.А., Моносов В.М.* Балгарганские находки // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. № 3. С. 46–53.
14. *Хүрэлсүх С.* Монгол нутах дахь агуйн эртний оршуулгын судалгааны байдал // Археологийн судлал. 2008. Т. XXVI. Т. 293–310.
15. *Хүрэлсүх С.* Хадны оршуулгын судалгааны зарим асуудал. Улаанбаатар, 2012. 144 т.
16. *Хүрэлсүх С., Мунхбаяр Л.* Рашаантын Ам ба Цанхирын агуйн оршуулгууд // Acta Historica. 2004. Т. V. Т. 20–30.
17. *Эрдэнэбат У., Амартувшин Ч.* Дугуй Цахирын хадны оршуулга (X–XII зуун). Улаанбаатар, 2010. 214 т.
18. *Эрдэнэбат У., Хүрэлсүх С.* Нартын хадны оршуулга // Археологийн судлал. 2007. Т. XXIV. Т. 332–359.
19. *Ahrens B., Piezonka H., Nomguunsuren G.* Buried with his bow and arrows: The exceptional cave burial of a 14th century warrior at Tsagaan Khad mountain, Mongolia // Ancient cultures of the northern area of China, Mongolia and Baikalian Siberia. Vol. 3: Historical Period. Huh-Hot: Museum of Inner Mongolia, 2015. P. 683–692.
20. *Osawa T.* Preliminary reading of the Old Turkic runic inscription on the harp typed musical instrument from the northwestern Mongolia // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2014. № 7. С. 19–27.

21. Törbat Ts., Batsükh D., Bemmann J., Höllmann T.O., Zieme P. A Rock Tomb of the Ancient Turkic Period in the Zhargalant Khaïrkhan Mountains, Khovd Aimag, with the Oldest Preserved Horse-head Fiddle in Mongolia – a Preliminary Report // *Current Archaeological Research in Mongolia* / Ed. J. Bemman. Bonn, 2009. P. 365–383.

Информация об авторе:

Серегин Николай Николаевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник. Алтайский государственный университет (г. Барнаул, Россия); nikolay-seregin@mail.ru

ROCK BURIALS OF THE EARLY MIDDLE AGES IN ALTAI AND ADJACENT TERRITORIES: CULTURAL-CHRONOLOGICAL AND ETHNIC-SOCIAL INTERPRETATION

N.N. Seregin

The paper considers the rock burials – a special group of funerary complexes of the early Middle Ages. The analysis of ten objects investigated on the territory of Altai (Russian and Mongolian), Central Mongolia and Minusinsk Basin has been carried out. The author allocates and characterizes two main groups of rock complexes – children's burials and burials of adults in the rock niches. Despite the limited number of analyzed sites, traditions in ritual practice and stable sets of items of accompanying inventory have been defined. The analysis of the finds made it possible to establish the dating of the considered rock burials within the framework of the IX–X centuries A.D. with a possible expansion of the upper boundary to the first quarter of the XI century A.D. for individual objects. The available results of radiocarbon dating confirm this assumption. The question of the ethno-cultural affiliation of the population that left such sites is more debatable. The recorded features allow author to link rock burial sites with early medieval Turks, which were influenced by the traditions of other groups of nomads at the end of the 1st Millennium A.D., or with the Kyrgyzes, whose distribution beyond the Minusinsk Basin occurred in the middle of the IX century. Given the fragmentation of available materials, the proposed interpretation could be supplemented and adjusted with the advent of new information.

Keywords: archaeology, early Middle Ages, rock burials, Altai, Mongolia, Minusinsk Basin, chronology, funeral rite, ethnic-cultural processes.

REFERENCES

1. Kubarev, G. V. 1998. In Derevianko, A. P., Molodin, V. I. (eds.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Issues of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and the Adjoining Territories)*. Vol. 4. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 266–269 (in Russian).
2. Kubarev, G. V. 2005. *Kul'tura drevnikh tiurok Altaia (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov) (Culture of the Ancient Turks of Altai (on the Basis of Materials from Burial Sites))*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian).
3. Kyzlasov, I. L. 1986. In Surazakov, A. S. (ed.). *Materialy po arkheologii Gornogo Altaia (Materials on the Archaeology of Gorny Altai)*. Gorno-Altai: Gorno-Altai History, Arts, Language and Literature Scientific and Research Institute, 100–129 (in Russian).
4. Kyzlasov, I. L. 1999. In Guliaev, V. I. (ed.). *Pogrebal'nyi obriad: rekonstruktsiia i interpretatsiia drevnikh ideologicheskikh predstavlenii (Funeral Rite: Reconstruction and Interpretation of Ancient Ideological Perceptions)*. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ., 169–199 (in Russian).

5. Mönkhbaia, Ch. 2017. In Sukhbaatar, D. (ed.). *Khadan geriin soel (Mountain Burial Complexes)*. 29–33 (in Mongolian).
6. Mönkhbaiar, Ch., Pyrevdorzh, G., Biambasyren, Kh., Sykhbaatar, B. 2016. In Lkhagvadorzh, T. (ed.). *Mönkhkhairkhan uul, Bulgan gol – Ikh ongogiin baigaliin tsogtsolbort gazar (Mönkhkhairkhan Mountain, Bulgan River – Sites of the National Park)*. 164–187 (in Mongolian).
7. Seregin, N. N. 2013. In *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniï (Theory and Practice of Archaeological Research)* 2(8). 100–108 (in Russian).
8. Seregin, N. N. 2016. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta (Izvestiya of Altai State University)* 4(92). 273–276 (in Russian).
9. Soenov, V. I., Trifanova, S. V., Vdovina, T. A., Iazhankina, S. I. 2002. In Soenov, V. I. (ed.). *Drevnosti Altaia. Izvestiia laboratorii arkheologii (Antiquities of the Altai. Bulletin of the Laboratory of Archaeology)* 9. Gorno-Altai: Gorno-Altai State University Publ., 117–124 (in Russian).
10. In Turbat, Ts., Erdenebat, U. (eds.). 2014. *Talyn mor'ton daichdyn ov soel: VII–XIV zuuny Mongolyn khadny orshuulgyn shilmel khereglegdekhyyн (Heritage of the Steppe Equestrian Warriors: Mongolian Mountain Burials of 7th – 14th cc. A.D.)*. Ulaanbaatar: Admon print (in Mongolian).
11. Turbat, Ts., Batsukh, D., Batbaiar, T. 2010. In Tsybiktarov, A. D. (ed.). *Drevnie kul'tury Mongolii i Baikal'skoi Sibiri (Ancient Cultures of Mongolia and Baikal Siberia)*. Ulan-Ude: Buryatia Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian). 264–265 (in Russian).
12. Turbat, Ts., Batsukh, D., Batbaiar, T., Baiarkhuu, N., 2008. In *Arkheologiin sudlal (Archaeological Investigations)*. XXVI. 274–292.
13. Khudiakov, Yu. S., Kocheev, V. A., Monosov, V. M. 1996. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri (Humanitarian Sciences in Siberia)* 3. 46–53 (in Russian).
14. Khurelsukh S. 2008. In *Arkheologiin sudlal (Archaeological Investigations)* XXVI. 293–310.
15. Khurelsukh, S. 2012. *Khadny orshuulgyn sudalgaany zarim asuudlal (Main Aspects of Studying Ancient Mountain Burials)*. Ulaanbaatar (in Mongolian).
16. Khurelsukh S., Munkhbaiar L. 2004. In *Acta Historica*. V. 20–30.
17. Erdenebat U., Amartuvshin Ch. 2010. *Dugui Tsakhiryn khadny orshuulga (X–XII zuun) (Dugui Tsakhir Mountain Burial (10th–12th cc.))*. Ulaanbaatar (in Mongolian).
18. Erdenebat U., Khyrelsykh S. 2007. In *Arkheologiin sudlal (Archaeological Investigations)* XXIV. T. 332–359.
19. Ahrens, B., Piezonka, H., Nomguunsuren, G. 2015. In *Ancient cultures of the northern area of China, Mongolia and Baikalian Siberia*. Vol. 3: Historical Period. Huh-Hot: Museum of Inner Mongolia, 683–692.
20. Osawa, T. 2014. In *Nauchnoe obozrenie Saiano-Altai (Scientific Review of Sayano-Altai)* 7. 19–27.
21. Törbat, Ts., Batsükh, D., Bemmann, J., Höllmann, T.O., Zieme, P. 2009. In Bemman, J. (ed.). *Current Archaeological Research in Mongolia*. Bonn, 365–383.

About the Author:

Seregin Nikolai N. Candidate of historical sciences, Altai State University, Lenin ave., 61, Barnaul, 656049, Russian Federation. nikolay-seregin@mail.ru

Статья поступила в номер 22.03.2018 г.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/pa2018.2.24.52.64>

МОДЕЛЬ ОБРАБОТКИ МАССОВОГО КЕРАМИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

© 2018 г. Б.Д. Борисов

Предметом настоящей статьи является примерная модель обработки наиболее массового археологического материала – керамики. Для этого автором разработана Типологическая система, которая состоит из Типологии целых сосудов (ТЦС) и Типологии фрагментарного материала (ТФМ). При обработке керамики с применением обеих типологий автором впервые была сделана попытка связать данные по целым сосудам с данными по фрагментарному материалу. Это дает возможность связать определенные детали – типы венчиков, украшение, днища и ручки – с определенными типами соответствующих категорий сосудов. Кроме того отдельные типы и подтипы по ТФМ очень хорошо датированы на ряде поселений и в отдельных горизонтах в них, что позволяет нам связать их с ТЦС и дает возможность точной датировки не только определенных типов и подтипов, но и целых типологических рядов. Это помогло сделать керамику довольно точным датировочным материалом средневековых поселений византийского культурного круга.

Ключевые слова: археология, математическая статистика, керамика, XI–XII вв., поселения, юго-восточная Болгария, хронология, синхронизация.

Идея написать настоящую статью возникла на Болгарском форуме, который проводился в Болгарах в прошлом году и был посвящен истории и культуре праболгар. Именно тогда в разговоре с коллегами возникла идея о создании единой типологической системы обработки наиболее массового археологического материала – керамики. Вот почему предлагаю вниманию читателя примерную модель обработки керамики, которая датируется более поздним временем – периодом византийского владычества на болгарских землях – XI–XII вв.

Разработанная типологическая система проверена на практике, и на ее основе обработаны 615 целых глиняных сосудов с 26 средневековых объектов на территории нынешней юго-восточной Болгарии, а также массовый керамический материал с раскопок 10 средневековых селений –

всего около 107000 фрагментов (Борисов Б., 2002. С. 20–24).

Типологическая система состоит из Типологии целых сосудов (ТЦС) и Типологии фрагментарного материала (ТФМ). Обе типологии базируются на самых новых достижениях современной археологической науки и приспособлены для машинной обработки информации (Robison W.S., 1961; Brainerd G.W., 1961; Driver H.E., 1965; Деопик Д.В., Карапетьянц А.М., 1970; Генинг В.Ф., 1973; Деопик Д.В., 1976; Деопик Д.В., 1981; Деопик Д.В., Дервиз П.Г., 1985; Orton C., et all., 1993). В основу всей типологической системы (ТЦС и ТФМ) был положен метод математической статистики, который дает наиболее точные и объективные данные. При обработке керамики с применением обеих типологий впервые была сделана попытка связать данные по целым сосудам с

данными по фрагментарному материалу. Это дает возможность связать определенные детали – типы венчиков, украшение, днища и ручки – с определенными типами соответствующих категорий сосудов. Кроме того, отдельные типы и подтипы по ТФМ очень хорошо датированы на ряде селений и в отдельных горизонтах в них, что позволяет нам связать их с ТЦС и дает возможность точной датировки не только определенных типов и подтипов, но и целых типологических рядов. Это помогло сделать керамику довольно точным датировочным материалом.

Стратиграфическая обработка массового керамического материала из точно датированных на основе монет закрытых комплексов и горизонтов некоторых из упоминаемых селений (Дядово, Знаменосец, Караново, Искрица, Крум) дает возможность хронологической синхронизации не только отдельных горизонтов и селений, которым принадлежат, но и позволяет дополнить ТЦС. Это, в свою очередь, повышает качество и ценность ТЦС. Вот почему обе типологии, ТЦС и ТФМ, используются в органическом единстве.

При разработке типологий мы руководствовались необходимостью создания таких моделей, которые удовлетворяли бы основным требованиям информатики. Это дает возможность создать информационную базу для машинной обработки многочисленного керамического материала.

Разработанные ТЦС и ТФМ отвечают двум основным требованиям: во-первых, имеют открытый характер, т. е. могут дополняться, и, во-вторых, их можно включить в более общие программы, обобщающие

данные по другим археологическим находкам.

Остановлюсь лишь на Типологии фрагментарного материала, выделив ее основные и принципиальные предимства, которые она дает при обработке массовой керамики. Типология разработана на базе фрагментов венчиков, определяющих отдельные категории сосудов – горшки, миски, кувшины, амфоровидные сосуды, чаши и подсвечники, которые входят в состав керамического комплекса XI–XII веков. Она включает в себя также фрагменты стенок с украшениями, представляющими целостную композицию, а также ручки и днища сосудов. Обработка керамики происходит на самом объекте на основе Типологии фрагментарного материала, а данные вносятся в специально разработанные статистические таблицы, в которые включены все категории сосудов соответствующих типов (рис. 1). В конце каждого археологического сезона данные таблиц обобщаются по соответствующим пластам и горизонтам, а по окончании обследования соответствующего селения получаются полные данные обработки всего массового керамического материала. Такой способ обработки керамики дает прекрасную возможность для сопоставления данных по соответствующим категориям, типам и вариантам. Это особенно ясно видно при обработке категории сосудов, наиболее широко распространенных среди керамических комплексов – горшков, составляющих 72,82% (ТФМ). Среди них, на основе профиля горловины и в зависимости от вида использованного гончарного круга, выделяются два основных типа.

Первый тип представлен горшками, сделанными с помощью ручного гончарного круга. По профилю различаются пять подтипов, обозначенных буквами – А-Д. Степень профилированности определяет отдельные варианты. В конкретном случае у горшков первого типа подтип А имеет пять вариантов – Г-1 А₁₋₅, подтип Б – четыре варианта – Б₁₋₄, подтип В – три варианта – В₁₋₃, подтип Г – три варианта – Г₁₋₃ и подтип Д – два варианта – Д₁₋₂ (рис. 2). Они имеют типичные для староболгарской керамики характерные черты и представляют ее дальнейшее развитие – сделаны с помощью ручного круга, имеют более грубые пропорции, глина смешана в различной степени с мелким песком, а иногда и с мелкой слюдой. После обжига она получила кремово-желтый, розово-красный, кирпично-красный, красный, красно-коричневый, серый или серовато-черный цвет. Сосуды отличаются толстыми стенками, которые у отдельных экземпляров достигают 1 см. Очень часто на внутренней стороне стенок видны неровности, которые получились вследствие медленного вращения колеса. Днища посыпаны песком и, хотя и редко, на них видны рельефные окружности или другие знаки. В то же время, однако, на лицо и тенденция к появлению и распространению типичных для керамики периода византийского владычества на болгарских землях черт, которые выражаются в постепенном сосредоточении украшений только на плечиках сосудов, уменьшении клейма на днищах, утончении стенок, в известной степени выпрямлении шейки, хорошо выраженное в Г-1 В, Г, Д и другие.

Второй тип представлен горшками, выточенными с помощью нож-

ного круга. Здесь также выделяются пять подтипов, а каждый из них имеет различное число вариантов – Г-2 А – четыре, Г-2 Б – шесть, Г-2 В – пять, Г-2 Г – семь и Г-2 – четыре (рис. 3).

В отличие от горшков первого типа, которые представляют собой более поздний этап развития староболгарской керамики, горшки второй группы характерны исключительно для периода византийского владычества на болгарских землях (XI–XII вв.). Они сделаны с помощью ножного круга, имеют более стройные и тонкостенные тела, по внутренней стороне которых заметны следы быстрого вращения круга, имеют одну ручку. Днища всегда с нарезками и дополнительно начищены, а в некоторых случаях на них заметны следы эксцентрических окружностей, оставшихся при отделении сосуда от круга. Глина очень хорошо прочищена, красного, кирпично-красного, красно-коричневого или серовато-красного цвета. Появившись в начале XI века, а, может быть, еще во второй половине X века, сосуды второй группы получили широкое распространение и составляют 79,42% от общего числа горшков, согласно данным ТФМ. Позже, во время Второго Болгарского царства (XIII–XIV вв.), они стали основным типом горшков в кухонном быту.

Два основных типа горшков имеют различную относительную долю в керамике с территории современной юго-восточной Болгарии. Так, например, Г-1 составляет около 20% от общего количества данной категории, в то время как сосуды Г-2 достигают почти 80%.

При сопоставлении данных обработки керамики обнаружена стабиль-

Рис. 2. Профили горшков I типа.

Fig. 2. Profiles of pots of type I.

ная тенденция к уменьшению доли горшков, сделанных с помощью ручного круга, и увеличению доли сосудов, сделанных с помощью ножного круга в начале XI – конце XII в.

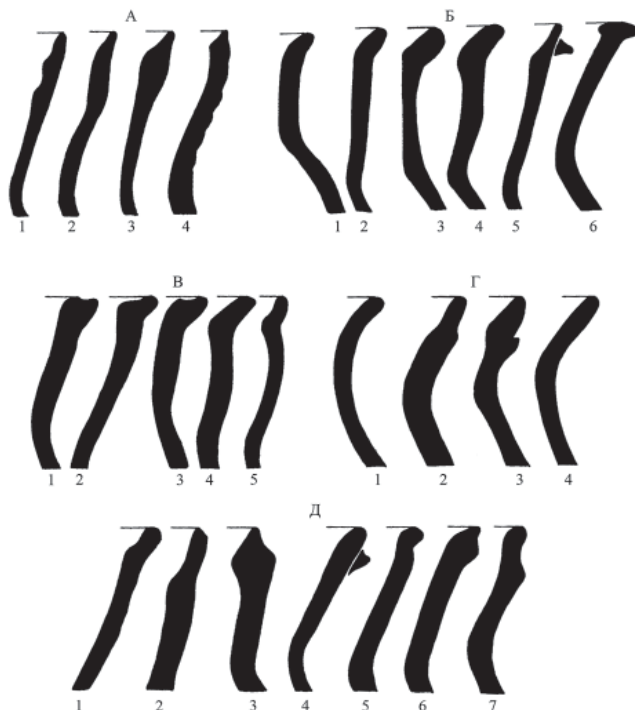
В группе Г-1, например, наблюдается спад в зависимости от времени возникновения селения к концу его существования. Для с. Знаменосец – от 56,18% до 36,83% (табл. 1), (Борисов Б., 1991, с. 228–229). Для крепости возле с. Искрица спад Г-1 выражен еще более ярко – от 55,06% до 21,73% (табл. 2), (Борисов Б., 1993, с. 138). Немного слабее выражен спад в Г-1 для Дядово – от 35,32% до 22,79% (табл. 3), (Borisov B., 1989, p. 167–175). Та же тенденция к спаду наблюдается и отдельных подтипах Г-1. Для сел Знаменосец и Искрица он выражен наиболее сильно в Г-1 Б – соответственно от 21,35% до 11,05% в первом и от 29,36% до 10,3% во втором. Для с. Дядово наиболее ярко

выраженный спад наблюдается для сосудов Г-1 А – от 23,55% до 14,93%. Там же и для с. Знаменосец тенденция спада стабильна у всех подтипов, в то время как для с. Искрица наблюдается известное колебание в Г-1 Г: в начале существования крепости имеют значение 1,84%, около середины, т. е. к концу XI и в первой половине XII в. достигают 2,36%, после чего полностью исчезают.

Обработка массового керамического материала дает возможность точной датировки отдельных подтипов в Г-1. В этом смысле важное значение имеет то обстоятельство, что для одной части селения некоторые подтипы бывают налицо, а для других мест – полностью отсутствуют. Так, например, сосуды варианта Г-1 Б присутствуют в селениях Знаменосец, Искрица, П. Градец и Караново, возникших во второй половине X в. и первой половине XI в., а полностью отсутствуют в более поздних – Дядово, Гипсово, Асеновец, Гледачево-1 и Крум, которые датируются серединой XI в. Следовательно, горшки варианта Г-1 В бытуют до середины XI в., что очень важно для датировки отдельных селений. Необходимо пояснить, что огромная часть фрагментарного керамического материала из Караново происходит из т. н. сектора II, где обследован

Рис. 3. Профили горшков II типа.

Fig. 3. Profiles of pots of type II.

полностью один квартал селения второй половины XII и начала XIII в., соотношение между двумя группами горшков составляет 8,03 : 91,62%. В то же время в секторе I исследован материал, который указывает на более раннюю дату. По этой причине данные по ТФМ из Караново показывают, что селение было обитаемо сравнительно долгий период – от XI до начала XIII в.

Для сосудов типа Г-2 наблюдается абсолютно обратная тенденция, которая в отличие от Г-1 нестабильна у всех подтипов. Увеличение в зависимости от времени возникновения селения к концу его существования выражено лучше всего для окрестностей с. Искрица – от 44,94% до 77,94%.

Для с. Знаменосец Г-2 повышается от 42,71% в начале до 62,64% в конце, а для Дядово – от 64,68% до 77,21%. Внутри типа, в подтипах А и Б, наблюдается прочная тенденция к повышению относительной доли сосудов во всех селениях. Однако в Г-2 В в Искрица налицо известный спад с 6,42% на 4,42%, подобно сосудам Г-1. Колебание наблюдается и для сосудов Г-2 Г из с. Знаменосец, где спад в границах от 13,50% до 12,64%. В то же время в остальных селени-

ях – Искрица и Дядово – Г-2 Г растет соответственно от 3,67% до 7,36% и от 11,50% до 12,30%. В то время как у сосудов в Г-2 В и Г-2 Г наблюдаем колебания в тенденции в отдельных селениях юго-восточной Болгарии, Г-2 Д показывает опять же прочную тенденцию спада с начала к концу периода существования селения.

Так, например, в Дядово Г-2 Д уменьшается с 2,94% до 1,61%, а в Знаменосец – с 4,49% до 2,10%. Колебания тенденции, причиной которых в различных селениях являются, вероятнее всего, локальные особенности керамического производства, показывают низкие значения, которые в ни в коем случае не изменяют в целом тенденцию к повышению относительной доли Г-2 по ТФМ от возникновения селения к концу его существования. Что касается Г-2 Д, наблюдения показывают, что его варианты включают сосуды с профилем переходной Г-3 по

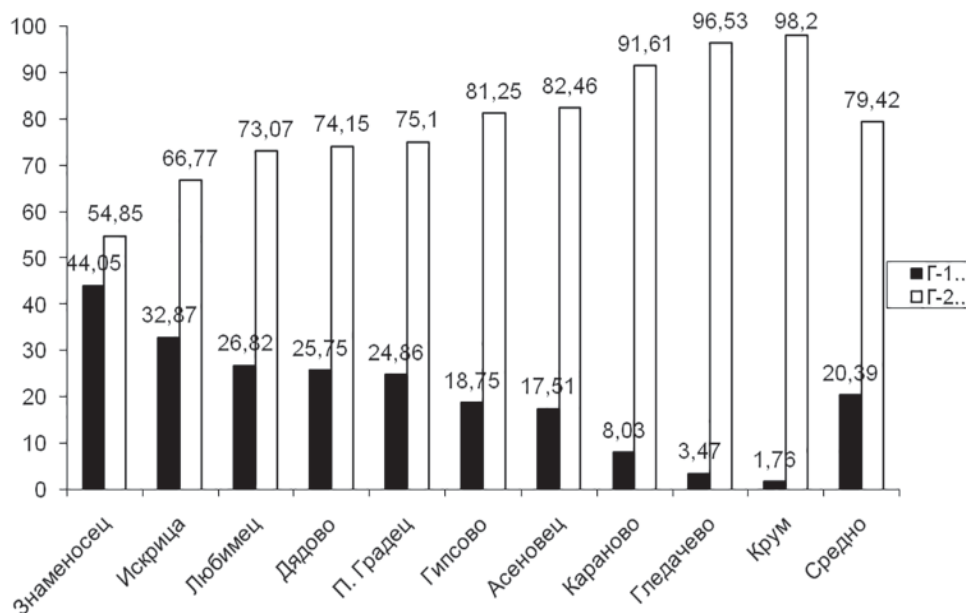

Рис. 4. Соотношение горшков I и II типа в различных селениях.

Fig. 4. Ratio of pots I and II in different villages.

ТФМ, которые присутствуют в быту ближе ко времени перехода от ручного гончарного круга к ножному. Совсем естественно появление в этот момент переходных форм, которые некоторое время проявляют тенденцию к развитию, после чего постепенно уступают чертам, характерным для нового производства.

На основе вышеизложенного и полученных данных от обработки керамики по ТФМ из 10 обследованных селений в юго-восточной Болгарии приходим к выводу, что самое раннее селение – возле с. Знаменосец. Здесь соотношение горшков, сделанных с использованием ручного и ножного круга 44,05 : 54,85% (рис. 4). Для Дядово соотношение двух основных типов составляет уже 25,75 : 74,15%, Караново – 8,03 : 91,62%, чтобы достигнуть в возникшем в конце третьей четверти XII в. селении Гледачево –

3,47 : 96,53%. Для крепости возле с. Искрица соотношение двух групп горшков 32,87 : 66,77%, а селения возле Любимец достигает 26,82 : 73,07%. Следовательно, в хронологическом отношении последние два селения попадают между селами Знаменосец и Дядово. Для селения возле с. П. Градец соотношение двух групп горшков совсем близко к этому в Дядово – 24,86 : 75,10 %. Для двух селений, возле Гипсово и Асеновец, соотношение Г-1 к Г-2 соответственно 18,75 : 81,25% и 17,51 : 82,46%. Для селения в окрестностях с. Крум соотношение достигает 1,76 : 98,20%. Из сказанного следует, что синхронизация десяти селений юго-восточной Болгарии на базе данных ТФМ выглядит следующим образом: самое раннее возникло возле с. Знаменосец – во второй половине X в. За ним следуют крепость возле Искрица и селения возле Люби-

Таблица 1

Количественные стойности горшков из с. Знаменосец в отдельных горизонтах

Сбор		Тип	Подтип	Вариант	Хоризонт			Сбор	
за типа	за подтипа				I	II	III	за подтипа	за типа
56,18	26,96	I	А	1	8,43	12,59	10,53	21,57	36,83
				2	10,67	4,85	5,26		
				3	4,49	4,07	3,16		
				4	0,56	-	1,57		
				5	2,81	1,48	1,05		
	21,35		Б	1	14,04	4,85	5,26	11,05	
				2	5,06	4,07	7,74		
				3	2,25	1,85	1,05		
				4	-	-	-		
	3,37		В	1	2,25	3,33	1,05	1,58	
				2	-	-	-		
				3	1,12	-	0,53		
	2,25		Г	1	-	1,11	0,53	1,06	
				2	0,56	0,37	0,53		
				3	1,63	0,37	-		
	2,25		Д	1	-	0,37	-	1,57	
2		2,25		1,85	1,57				
42,71	6,74	II	А	1	5,06	8,89	12,63	15,78	
				2	-	0,74	0,53		
				3	1,12	2,96	1,57		
				4	0,56	-	1,05		
	12,92		Б	1	1,69	4,81	2,11	23,7	
				2	4,49	4,81	7,37		
				3	5,06	5,19	12,11		
				4	1,12	1,85	1,58		
				5	0,56	0,37	0,53		
	5,06		В	1	1,69	1,11	4,21	8,42	
				2	0,56	1,48	2,11		
				3	1,12	2,96	1,05		
				4	1,69	3,33	1,05		
				5	-	-	-		
	13,50		Г	1	-	0,37	-	12,64	
				2	1,12	0,74	0,53		
				3	1,69	-	-		
				4	2,25	3,70	4,21		
				5	1,69	2,22	1,05		
				6	1,69	3,33	0,53		
				7	5,06	4,81	6,23		
	4,49		Д	1	-	-	0,53	2,1	
				2	3,93	3,70	1,57		
3		0,56		-	-				

Таблица 2

Количественные стойности горшков из с. Искрица в отдельных горизонтах

Сбор		Тип	Подти	Вариант	Горизонт			Сбор	
За типа	За подтипа				I	II	III	за подтипа	за типа
55,06	10,09	I	А	1	1,83	2,94	2,94	5,88	21,73
				2	2,75	6,47	2,20		
				3	4,59	0,59	0,74		
				4	0,92	-	-		
				5	-	0,59	-		
	29,36		Б	1	11,01	11,18	7,35	10,3	
				2	2,75	1,76	0,74		
				3	3,67	2,94	0,74		
				4	11,93	3,53	1,47		
	8,26		В	1	8,26	7,06	4,41	4,41	
				2	-	-	-		
				3	-	-	-		
	1,84		Г	1	-	1,18	-	-	
				2	0,92	-	-		
				3	0,92	1,18	-		
	5,51		Д	1	0,92	-	-	0,74	
2		4,59		3,53	0,74				
44,94	11,00	II	А	1	9,17	8,82	12,50	13,97	77,94
				2	-	-	-		
				3	1,83	-	1,47		
				4	-	0,59	-		
	22,93		Б	1	6,42	4,71	10,29	44,85	
				2	3,67	5,88	8,09		
				3	2,75	8,82	11,76		
				4	3,67	1,18	1,47		
				5	6,42	10,59	13,24		
	6,42		В	1	3,67	1,18	0,74	4,42	
				2	1,83	1,76	2,20		
				3	0,92	1,76	0,74		
				4	-	1,76	0,74		
				5	-	-	-		
	3,67		Г	1	-	-	-	11,02	
				2	0,92	1,76	1,47		
				3	1,83	-	2,20		
				4	0,92	0,59	1,47		
				5	-	-	-		
				6	-	-	3,68		
0,92	Д	1	-	2,94	-	3,68			
		2	0,92	0,59	3,68				
		3	-	-	-				

Таблица 3

Количественные стойности горшков из с. Дядово в отдельных горизонтах

Сбор		Тип	Подти	Вариант	Хоризонт			Сбор			
за типа	за подтипа				I	II	III	за подтипа	за типа		
35,32	23,55	I	А	1	11,22	6,95	6,45	14,93	22,79		
				2	7,01	4,14	3,63				
				3	2,38	1,95	2,02				
				4	2,52	1,26	2,02				
				5	0,42	0,98	0,81				
	9,81		Б	1	7,01	7,13	5,44	6,45			
				2	1,12	1,95	1,01				
				3	1,68	1,09	-				
				4	-	-	-				
	0,00		В	1	-	-	-	0			
				2	-	-	-				
				3	-	-	-				
	1,96		Г	1	-	-	-	1,41			
				2	-	0,98	1,01				
				3	1,96	0,69	0,40				
	0,00		Д	1	-	-	-	0			
				2	-	-	-				
	64,68		14,61	II	А	1	11,36	14,94		16,73	22,98
						2	1,29	0,86		0,40	
						3	1,96	4,37		5,85	
4		-				-	-				
28,04		Б	1		7,85	3,22	7,26	28,63			
			2		12,06	15,46	10,28				
			3		6,17	4,47	5,24				
			4		1,96	3,85	5,85				
			5		-	-	-				
7,4		В	1		-	1,66	2,02	11,69			
			2		0,42	3,16	2,02				
			3		1,96	2,36	4,23				
			4		2,66	1,26	3,22				
			5		2,10	0,98	0,20				
11,50		Г	1		0,42	-	-	12,3			
			2		0,84	2,47	2,22				
			3		1,96	0,52	0,81				
			4		0,28	4,20	3,43				
			5		2,81	0,40	0,20				
			6		0,42	1,95	3,02				
			7		4,77	3,28	2,62				
2,94		Д	1		-	-	-	1,61			
			2		0,98	0,11	1,21				
			3		1,96	0,29	0,40				

мец, Дядово и П. Градец – в первой половине и около середины XI в. Значительно позднее возникли селения возле Гипсово, Асеновец и Караново – около середины и во второй половине XII в. Позже всех появилось летнее сезонное селение Гледачево-1 – к концу третьей четверти XII в.

Вероятно, приблизительно в это же время возникло и селение возле с. Крум (Borisov B., 2001, p. 146–148).

На основе данных обработки керамики по ТФМ могут быть синхронизированы и отдельные горизонты в многослойных селениях. В этом смысле наиболее ранним является первый горизонт селения возле с. Знаменосец, которое относится ко второй половине X в.

Первые горизонты крепости возле с. Искрица и селения у с. Дядово, которые датируются концом первой половины и серединой XI в., синхронизируются со второй фазой второго горизонта для с. Знаменосец и с возник-

новением селений возле П. Градец и Любимец.

Третий горизонт в с. Знаменосец, который охватывает почти весь XII в., синхронен со вторым и третьим горизонтами крепости возле с. Искрица и селения у с. Дядово.

Последние (самые поздние) горизонты в Дядово и Искрице, датируемые второй половиной XII в., синхронны со второй фазой третьего горизонта с. Знаменосец, однослойного квартала селения возле с. Караново и селений возле Асеновец, Гипсово, сезонного селения Гледачево-1 и Крум (Borisov B., 2001, p. 144–147).

В заключение следует отметить, что данные, полученные при обработке керамики с территории юго-восточной Болгарии, являются основательной базой для синхронизации и остальных селений на территории как всей нынешней Болгарии, так и других селений византийского культурного круга, существовавших в XI–XII вв.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисов Б. Средневековно селище и некрополи край с. Знаменосец // “Марица-изток” Археологически проучвания. 1, София, 1991. С. 205–306.
2. Борисов Б. Керамиката от средновековната крепост край с. Искрица и мястото и в керамичния комплекс Североизточна Тракия през XI–XII в. // Североизточна Тракия и Византия през IV–XIV в., София-Сливен, 1993. С. 130–145.
3. Борисов Б. Керамика и керемично производство през XI–XII в. на територията днешна Югоизточна България // «Марица-изток» Археологически проучвания, 2002. № 6. Раднево. 300 с.
4. Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. 1973. № 1. С. 114–136.
5. Деопик Д.В. Соотношение статистических методов классификаций и культурно-стратиграфических характеристик в археологическом исследовании // КСИА. Вып. 148. М.: Наука, 1976. С. 3–9.
6. Деопик Д.В. Керамический комплекс и культурный слой // Математические методы в социально-экономических исследованиях / Отв. ред. Н.Д. Ковальченко Москва: Наука, 1981. С. 222–267.
7. Деопик Д.В., Дервиз П.Г. Морфологический анализ керамики из погребений срубной культуры Нижнего Подонья // СА. 1987. № 1. С. 23–38.

8. Деоник Д.В., Караетьянц А.М. Некоторые принципы описания применительно к возможностям статистического анализа // Статистико-комбинаторные методы в археологии / Отв. ред. Б.А. Колчин, Я.А. Шер. М.: Наука, 1970. С. 100–119.
9. Borisov B. Djadovo 1. Mediaeval Settlement and Necropolis 11th – 12th Century. Tokai. 1989. 396 с.
10. Borisov B. Synchronization der mittelalterlichen Siedlungen des 11–12 Jahrhunderts in Nordostthracien. Karasura 1, Beier & Beran, Weissbach, 2001. p. 141–148.
11. Brainerd G. W. The Place of Chronological Ordering in Archaeological Analysis. American Antiquity, XVI, 4, 1961. p. 293–301.
12. Driver H.E. Survey of Numerical Classification in Anthropology. The Use of Computers in Anthropology, 1965. p. 302–322.
13. Orton C. et al. Orton C., P. Tyers, A. Vince. Pottery in Archaeology. Cambridge University Press. 1993.
14. Robinson W. S. A Method for Chronologically Ordering Archaeological Deposits. American Antiquity, 1961. p. 293–301.

Информация об авторе:

Борисов Борис Донеv, доктор, доцент, Великотырновский университет им. „Св. Кирила и Мефодия“ (г. Велико Тырново, Болгария); profbdborisov@gmail.com

A MODEL FOR POTTERY MATERIAL PROCESSING

Boris D. Borisov

The subject of the present paper is an exemplary model for the processing of the mass archaeological material – the pottery. For this aim, a typological system has been developed and it consists of Whole Vessels Typology (WVT) and Pottery Fragment Typology (PFT). During the pottery processing by the two typologies, an attempt for relating the whole vessels' data with the fragmentary material was made. This gives the opportunity to make a connection between certain pottery details – like different types of rims, decoration, handles and bottoms – with certain types of the respective categories of vessels. In addition, separate types and subtypes of the PFT are very well dated in a number of settlements and separate layers in them which let us relate the fragmentary material with WVT and gives a chance for a precise dating not only of certain types and subtypes, but entire typological lines. This way the pottery becomes a reliable dating material for the medieval settlements of the Byzantine cultural circle.

Keywords: archaeology, mathematical statistics, ceramics, 11th–12th cc., settlements, South-Eastern Bulgaria, chronology, synchronization.

REFERENCES

1. Borisov, B. 1991. In “Maritsa-Iztok”. Arkheologicheski prouchvaniia (“Maritsa-Iztok”. Archaeological Research) 1. Radnevo, 205–306 (in Bulgarian)
2. Borisov B. 1993. In *Severoiztochna Trakiia i Vizantiia prez IV–XIV v. (North-East Thracia and Byzantium in the 4th–14th cc.)*. Sofia-Sliven, 130–145 (in Bulgarian).
3. Borisov, B. 2002. *Keramika i keremichno proizvodstvo prez XI–XII v. na territorita dneshna Yugoiztochna Bolgariya (Ceramics and Ceramic Production in 11th–12th centuries on the territory of present day South east Bulgaria*. Series: “Maritsa-Iztok”. Arkheologicheski prouchvaniia (“Maritsa-Iztok”. Archaeological Research) 6. Radnevo (in Bulgarian).
4. Gening, V. F. 1973. In *Sovetskaia Arkheologiiia (Soviet Archaeology)* (1), 114–136 (in Russian).

5. Deopik, D. V. 1976. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 148. Moscow: "Nauka" Publ., 3–9 (in Russian).
6. Deopik, D. V. 1981. In Koval'chenko, N. D. (ed.). *Matematicheskie metody v sotsialno-ekonomicheskikh issledovaniakh (Mathematical Methods in Social and Economic Studies)*. Moscow: "Nauka" Publ., 222–267 (in Russian).
7. Deopik, D. V., Derviz, P. G. 1987. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 23–38 (in Russian).
8. Deopik, D. V., Karapet'yants, A. M. 1970. In Kolchin, B. A., Sher, Ya. A. (eds.). *Statistiko-kombinatornye metody v arkheologii (Statistical and Combinatorial Methods in Archaeology)*. Moscow: "Nauka" Publ., 100–119 (in Russian).
9. Borisov, B. 1989. Djadovo 1. Medieval Settlement and Necropolis 11th – 12th Century. Tokai.
10. Borisov, B. 2001. Synchronization der mittelalterlichen Siedlungen des 11–12 Jahrhunderts in Nordostthrakien. Karasura 1, Beier & Beran, Weissbach. 141–148.
11. Brainerd, G. W. 1961. In *American Antiquity*, XVI, 4, 293–301.
12. Driver, H. E. 1965. In *The Use of Computers in Anthropology*, 302–322.
13. Orton, C. et al. 1993. Orton C., P. Tyers, A. Vince. *Pottery in Archaeology*. Cambridge University Press.
14. Robinson, W. S. 1961. In *American Antiquity*, 293–301.

About the Author:

Borisov Boris D. Doctor. Veliko Tarnovo University "St. Cyril and Methodius". Theodosius of Tarnovo St., 2, Veliko Tarnovo, Bulgaria; profbdborisov@gmail.com

Статья поступила в номер 23.04.2018 г.

ГОРНЫЕ ГОРОДИЩА ВОСТОЧНОГО СЯ В ПРИМОРЬЕ (ФОРТИФИКАЦИОННЫЕ И СТРАТИГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ)

© 2018 г. О.В. Дьякова

В статье анализируются археологические памятники Приморья чжурчжэньской культуры периодов империи Цзинь (1115–1234) и государства Восточное Ся (1215–1234). В 1215 году военачальник Пусянь Ваньну создал чжурчжэньское государство Восточное Ся. Приморье вошло в его состав. Пусянь Ваньну необходимо было обосноваться в Приморье и контролировать морские и сухопутные пути сообщения. Сейчас в Приморье зафиксировано 34 горных укрепления. Раскопками выявлены единые фортификационные и планиграфические стандарты горных укреплений. Горные городища были возведены на отрогах хребтов Сихотэ-Алиня. Их валы повторяют морфоструктуру отрогов. В плане горные городища не замкнуты к реке. Видимо, это было связано с выпасом коней. На примере городища Сибайгоу автором анализируются детали фортификации: валы, стены, башни, ворота, склады каменных ядер, редуты. Большинство горных городищ являются однослойными. Однослойные горные укрепления делятся автором на две группы: 1) использовавшиеся, 2) недостроенные. Многослойные горные укрепления: Ананьевское, Лазовское, Новогордеевское, Куналейское содержат два строительных горизонта. Нижний горизонт относится к империи Цзинь, верхний – к государству Восточное Ся. Установлено, что жилища нижнего горизонта Ананьевского городища были покинуты населением в спокойной обстановке. На этом месте Восточное Ся построило горное городище. Многие жилища верхнего горизонта городища были сожжены, но не разграблены. По мнению автора, артефакты верхнего слоя Ананьевского городища находят аналогии в монгольском слое Каракорума.

Ключевые слова: археология, Приморье, Цзинь Юань, Восточное Ся, чжурчжэни, городище, фортификация, жилища.

История возникновения и существования чжурчжэньского государства Восточное Ся (1215–1234) сложна и неоднозначна. Чжурчжэньская империя Цзинь (1115–1234), владевшая огромными территориями, регулярно сталкивалась с монгольской агрессией. В марте 1211 г. монголы потревожили западные районы Цзинь, затем северные. В 1212 г. они вторглись на территорию Ляоси и Ляодуна. Захват северо-востока Цзинь являлся главной частью военного плана Чингисхана. Борьба велась за важнейший

стратегический район Ляоси, через который проходили пути сообщения, соединявшие северо-восток (Дунбэй) со столичными областями Срединной равнины (бассейн Хуанхэ). Потеря Ляоси означала потерю всего Северо-Востока (Дунбэй). Кидани, находившиеся под властью чжурчжэней, воспользовались агрессией монголов и подняли мятеж. В результате чжурчжэни потерпели поражение. Это во многом предопределило гибель империи Цзинь. Начальнику ляодунской пограничной области Пусянь Вань-

ну¹ Цинским двором было предписано собрать разбитое войско и уйти в Дунцзин (ныне г. Ляоян провинции Ляонин). Перед Пусянь Ваньну встал выбор: 1) пойти по пути поддержки гибнущей династии с ожиданием, что когда его схватят монголы, то «выпустят дух наружу» (согласно древнему поверью «в результате казни он окажется чёртом»); 2) прибыть ко двору Цзинь и подвергнуться казни из-за всевозможных и неизбежных подозрений в измене; 3) сдать ся монголам, что означало приобрести позорное посмертное имя изменника Родины; 4) забыть про Цзиньский двор и избрать для себя совершенно новую дорогу. В сложившихся обстоятельствах Пусянь Ваньну решительно пошел по новой дороге – созданию своего государства (независимого девиза правления). Попытки опереться на соседние чжурчжэньские области оказались для Пусянь Ваньну трагичными. Во время одного из таких походов монголы захватили Восточную столицу, пленили жену и родственников Пусянь Ваньну. Находясь во враждебном окружении, Пусянь Ваньну со 100-тысячным войском совершил дерзкий переход на самый восток империи Цзинь, где в г. Кайюань провозгласил государство Восточное Ся (Дун Ся). И, как записано в «Истории Цзинь», «Истории Юань», в 10 месяце 1215 г. (весна 1215 г.) Сначала Пусянь Ваньну действовал от имени сюаньфуши².

¹ Пусянь Ваньну был четвертым сыном легендарного полководца Цзиньский Учжу, служившего при первом императоре Цзинь Ваньянь Агуды.

² Сюаньфуши – при династии Сун командующий войсками; при Мин-Цин – начальник пограничной области (округа). По Цыюань (словарь «источников слов»),

Цзиньский двор тоже использовал это имя вплоть до 1217 г. с целью призвать Пусянь Ваньну к покорности и полному возвращению под свою юрисдикцию. Самостоятельно Пусянь Ваньну не мог устоять против монголов и избрал гибкую и коварную политику. Во избежание монгольского вторжения он заявил о покорности Чингисхану и отправил к нему своего сына. Одновременно с этим Пусянь Ваньну заключил союз с Корё и помог корейцам разгромить киданей – союзников монголов. Пусянь Ваньну понимал, что сформировать государство он может только на северо-восточной и восточной территории империи Цзинь. Границы чжурчжэньского государства Восточное Ся, согласно письменным источникам, очерчиваются следующим образом: *западная граница* Восточного Ся доходила до южной части провинции Хэйлуцзян; *южные территории* граничили с Корё (по мнению китайских исследователей граница Восточного Ся проходила по восточному торцу корейской древней стены в местности Ляньпули, т.е. в современных районах КНДР Янгандо и Хамгёндо. Все, что южнее – это территория Корё, а то, что севернее – это территория государства Восточного Ся); *восточная граница* включала провинции Хамгён и Приморский край России, прилегающий к Японскому морю. Однако часть китайских ученых считают, что восточная граница Восточного Ся простиралась вплоть до о. Сахалин, включая нижнее течение р. Хэйлуцзян (Амур) (рис. 1). Перед Пусянь Ваньну стояла задача захватить, контролировать и защищать большую территорию, вхо-

с. 193. Приношу благодарность А.Л. Ивлиеву за предоставленную информацию.

Рис. 1. Карта государства Восточное Ся (китайская легенда).

Fig. 1. Map of the state of East Xia (Chinese legend).

дившую до 1215 г. в чжурчжэньскую империю Цзинь (1115–1234). Процесс смены власти в Приморье от Цзинь к Восточному Ся, а затем от Восточного Ся к Юань – задача, к решению которой еще предстоит приступить. Основным источником, кроме письменных, позволяющим выявить и конкретизировать события того сложного и во многом поворотного для Приморья времени, являются археологические памятники, в частности, горные городища, их фортификационные, стратиграфические и планиграфические особенности.

Горные городища государства Восточное Ся (Дун Ся) (1215–1234) в Приморье

Приморье – горная страна, освоение и управление которой диктуют

свои правила. Установить контроль над такой большой территорией и организовать безопасность границ невозможно без сети специализированных взаимосвязанных военно-административных объектов (гарнизонов). Поэтому появление на территории Приморья нового типа серийных археологических памятников, функционально предназначенных для выполнения таких задач, закономерно. Исполнять такую функцию могли горные городища, занимающие господствующие высоты, позволяющие контролировать окружающую местность и все подходы к ней, в том числе сухопутную и морскую дорожно-транспортную систему.

Большинство горных городищ известно с начала активного освоения

Рис. 2. Карта горных городищ Восточного Ся в Приморье.

Fig. 2. Map of mountain fortified settlements of East Xia in Primorye.

«дальневосточных окраин земли русской» (Буссе, Кропоткин, 1888, с. 1–19; Арсеньев, 1916, с. 23). Целенаправленное изучение чжурчжэньских городищ в Приморье началось с конца 50-х гг. XX века и связано с именами А.П. Окладникова, М.В. Воробьева, В.Е. Ларичева, Э.В. Шавкунова (Окладников, 1959; Ларичев, 1966; Воробьев, 1975; 1983; Шавкунов Э.В., 1990). М.В. Воробьевым, крупнейшим российским востокове-

дом, выделены два типа чжурчжэньских городищ: долинные и горные. Длительное время оба типа городищ считались чжурчжэньскими и относились к периоду империи Цзинь (1115–1234). В 90-х годах XX в., когда накопился достаточный объем стационарно исследованных чжурчжэньских памятников, это определение было пересмотрено. А.Л. Ивлиев, вслед за китайскими учеными, исследовавшими горные городища Северо-

Рис. 3. Планы горных городищ Приморья: 1 – Краснояровское городище; 2 – Ананьевское городище; 3 – Новогордеевское городище; 4 – Скалистое городище; 5 – Плахотнюкинское городище; 6 – Шайгинское городище.

Fig. 3. Layouts of the mountain fortified settlements of Primorye: 1 – Krasnoyarovskoe; 2 – Ananievskoe; 3 – Novogordevskoe; 4 – Skalistoe; 5 – Plahotnyukinskoe; 6 – Shaiginskoe.

Восточного Китая и сопоставившими их по письменным источникам с чжурчжэньским государством Восточное Ся (1215–1234), спроецировал

данное определение на приморские горные укрепления (Ивлиев, 1993). В итоге за долинными чжурчжэньскими городищами Приморья сохранился

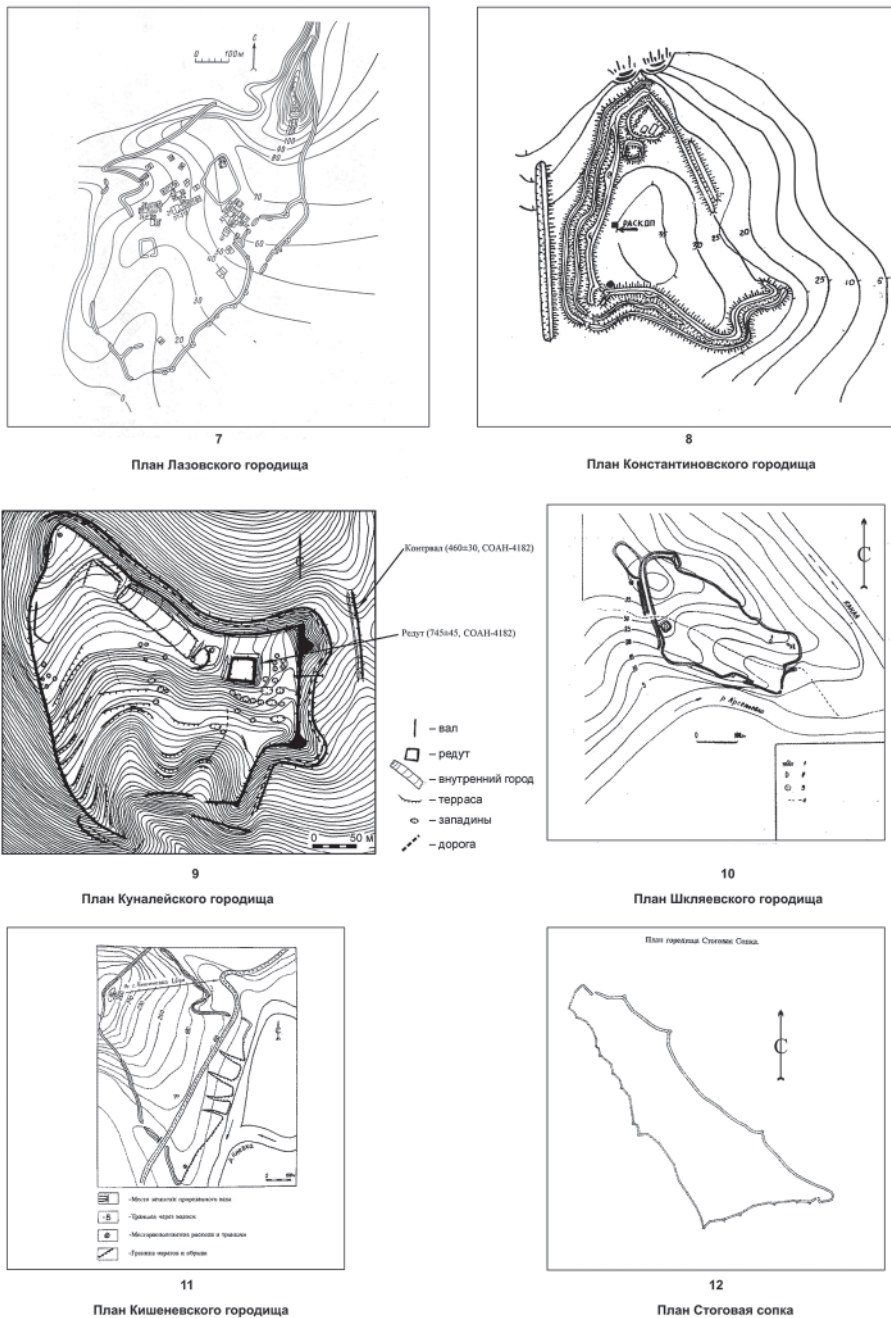
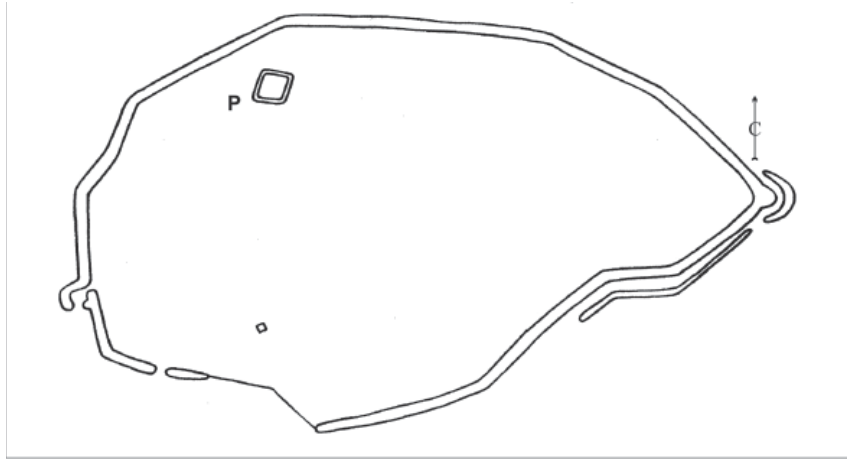

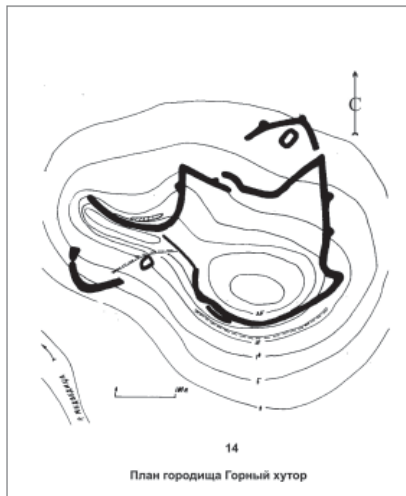
Рис. 4. Планы горных городищ Приморья: 7 – Лазовское городище; 8 – Константиновское городище; 9 – Куналейское городище; 10 – Шкляевское городище; 11 – Кишеневское городище; 12 – Стоговское городище.

Fig.4. Layouts of the mountain fortified settlements of Primorye: 7 – Lazovskoe; 8 – Konstantinovskoe; 9 – Kunaleiskoe; 10 – Shklyayevskoe; 11 – Kishenevskoe; 12 – Stogovskoe.

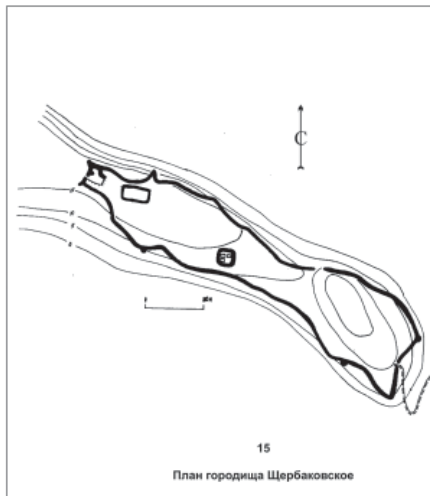
13

План городища Дубовая Сопка

14

План городища Горный хутор

15

План городища Щербакское

Рис. 5. Планы горных городищ Приморья: 13 – городище Дубовая Сопка; 14 – городище Горный Хутор; 15 – Щербакское городище.

Fig. 5. Layouts of the mountain fortified settlements of Primorye: 13 – Dubovaya Sopka; 14 – Gornii Hutor; 15 – Scherbakovskoe.

статус Цзиньских, а за горными закрепились статус городищ Восточного Ся, что вполне справедливо и отвечает историческим реалиям. Правителю Восточного Ся Пусянь Ваньну необходимо было обосноваться в Приморье и поставить под контроль как морские, так и сухопутные ключевые стратегические точки региона.

Именно в таких местах зафиксировано 34 укрепления, связанные с горной системой Сихотэ-Алиня (рис. 2). На многих городищах проведены масштабные раскопки, позволившие выявить фортификационные и планиграфические стандарты (Шавкунов, 1991; Ленков, 1987; Артемьева, 1998; Дьякова, 2009; Хорев, 2012).

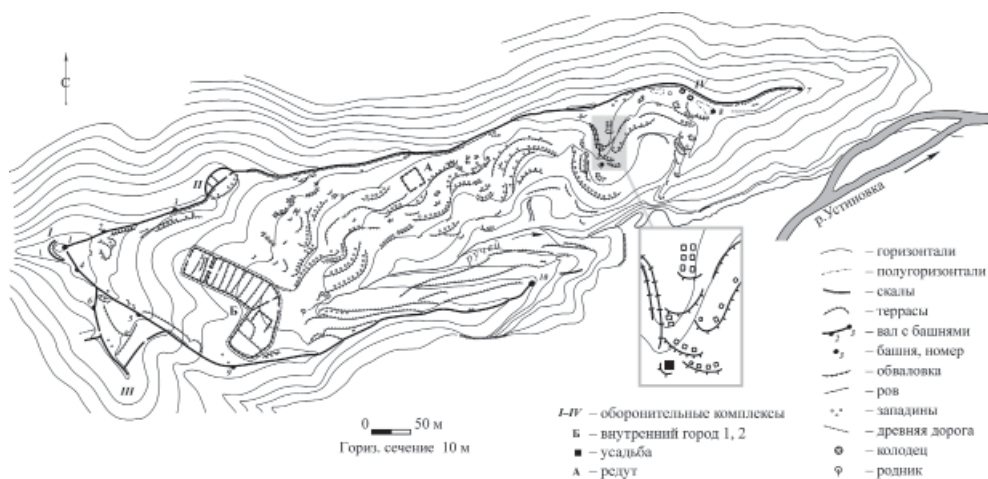

Рис. 6. План городище Сибайгоу.

Fig. 6. Layout of the fortified settlement Sibaigou.

Стационарные исследования горных городищ показали, что они однотипные и выполнены по жестким фортификационным правилам (рис. 3–5). Однослойные горные укрепления делятся на: 1) использовавшиеся, 2) недостроенные. Многослойные горные укрепления немногочисленные, но они есть: Ананьевское, Лазовское, Новогордеевское, Куналейское, на которых чжурчжэньский слой содержит два строительных горизонта. Нижний горизонт – периода империи Цзинь, верхний – периода государства Восточное Ся, что важно для установления характера перехода от Цзинь к Восточному Ся.

Однослойные горные городища

По однослойным горным городищам хорошо прослеживаются внутренняя планировка, фортификации и инженерно-технические приемы их возведения. Наиболее наглядным является горное укрепление Сибайгоу, имеющее подробное описание оборонительного комплекса и внутренней планировки (Дьякова, 2009, с. 43–51).

Городище Сибайгоу

Расположено в 2 км к юго-западу от с. Устиновки Кавалеровского района Приморского края. Находится на оконечности водораздельного хребта между р. Зеркальной и ее правым притоком – р. Устиновкой (Сибайгоу). В 2000 г. городище разведочно обследовано В.А. Татарниковым, в 2002–2004 гг. стационарные работы производила О.В. Дьякова. Вскрыты две башенные площадки, релдуг, усадьба, склад с каменными снарядами (200 м²).

Внутренняя и внешняя планировка памятника традиционна для чжурчжэньских горных городищ государства Восточная Ся. Оборонительные сооружения дислоцированы по вершинам отрогов. Административные, жилые и хозяйственные сооружения расположены по искусственно террасированным склонам водоносного распадка (рис. 6).

Фортификации

Городище окружено защитным валом, отсыпанным по вершинам отрогов, общая длина которого состав-

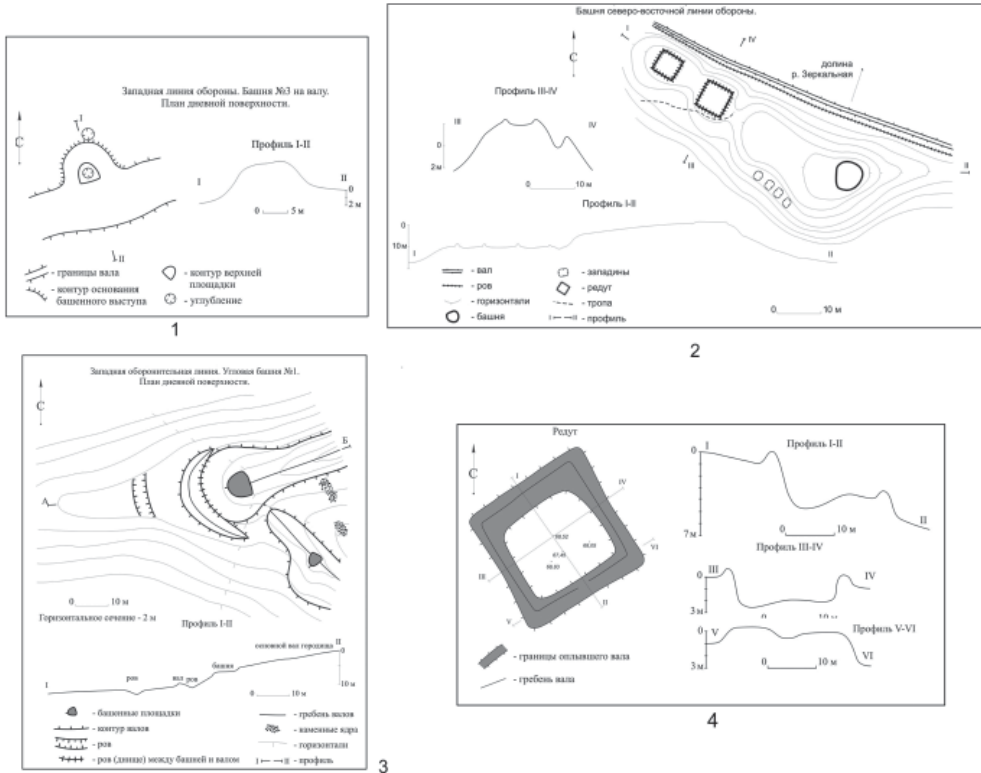

Рис. 7. Городище Сибайгоу: 1 – башня № 3; 2 – № 4; 3 – № 1; 4 – редут.
 Fig. 7. Fortified settlement Sibaigou: 1 – tower № 3; 2 – № 4; 3 – № 1; 4 – redoubt.

ляет 1686 м. Условно вал делится на северный (1005 м), южный (410 м) и западный (271 м) участки. Вал сложен дровяно-супесчаным грунтом с примесью неокатанных камней. Материал на отсыпку вала брался на вершине отрогов и вдоль вала. Следы дороги тянутся с внутренней стороны вдоль северного участка вала. Высота вала от уровня дороги редко превышает 1 м. С внешней стороны вал сливается с поверхностью склона, достигая в отдельных местах 3 м в высоту.

Ворота расположены в двух местах. Первый проход оформлен в виде 2-метрового разрыва вала. Ворота построены на вершине отрога в месте разветвления валов на северный и южный. Второй проход естественный.

Расположен в устье распадка, в месте прижима южного отрога (рис. 6).

По условиям расположения оборонительных сооружений фортификационная система городища состоит из трех узловых оборонительных линий: западная, северо-восточная и южная.

Западные фортификации являются самыми мощными и длинными по протяженности. Это обусловлено геоморфологическими особенностями местности из-за пологой, а следовательно, легкодоступной для неприятеля поверхности водораздела. Западная оборонительная линия замыкается фрагментом северного вала, образующего с внешней стороны треугольный в плане отсек с длиной сторон 270 м (северный участок) и 271 м

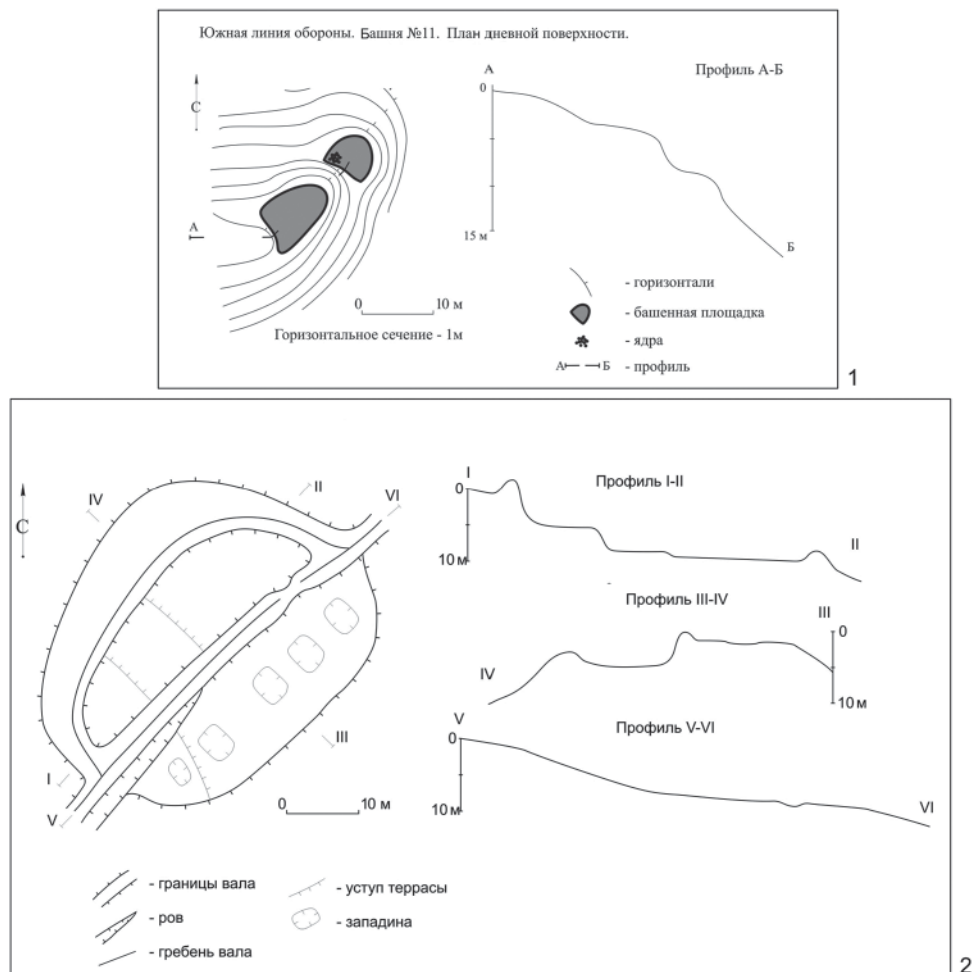

Рис. 8. Городище Сибайгоу: 1 – башня № 11; 2 – сторожевое помещение.

Fig. 8. Fortified settlement Sibaigou: 1 – tower No. 11; 2 – guard room.

(западный участок). Западные фортификации включают в себя три оборонительных комплекса.

Оборонительный комплекс I.

Представлен пятью башнями, рвом и валами (рис. 6; 7: 1, 3)

Угловая башня № 1 (рис. 7: 3). Расположена на стыке северного и западного валов в самой высокой точке городища (148 м над ур. р.). В основании башня имеет овальную форму размером 20×25 м. Верхняя башенная площадка полуовальной конфигурации размером 7,5×6,5 м. Высота

башни около 3,5 м. Боковые стороны крутые. За башенным выступом, поперек хребта, отсыпан дополнительный вал, повторяющий дугообразную форму основания башни. Длина вала 40 м, высота 0,3–0,5 м. Между валом и основанием башни – ров. Дно рва проходит по контуру основания башни, глубина достигает 1 м. В 10 м от дополнительного вала, поперек гребня водораздельного хребта, прокопан ров длиной 15 м, шириной 4 м, глубиной 0,4–0,5 м. Между башней и западным валом сделан проход, около кото-

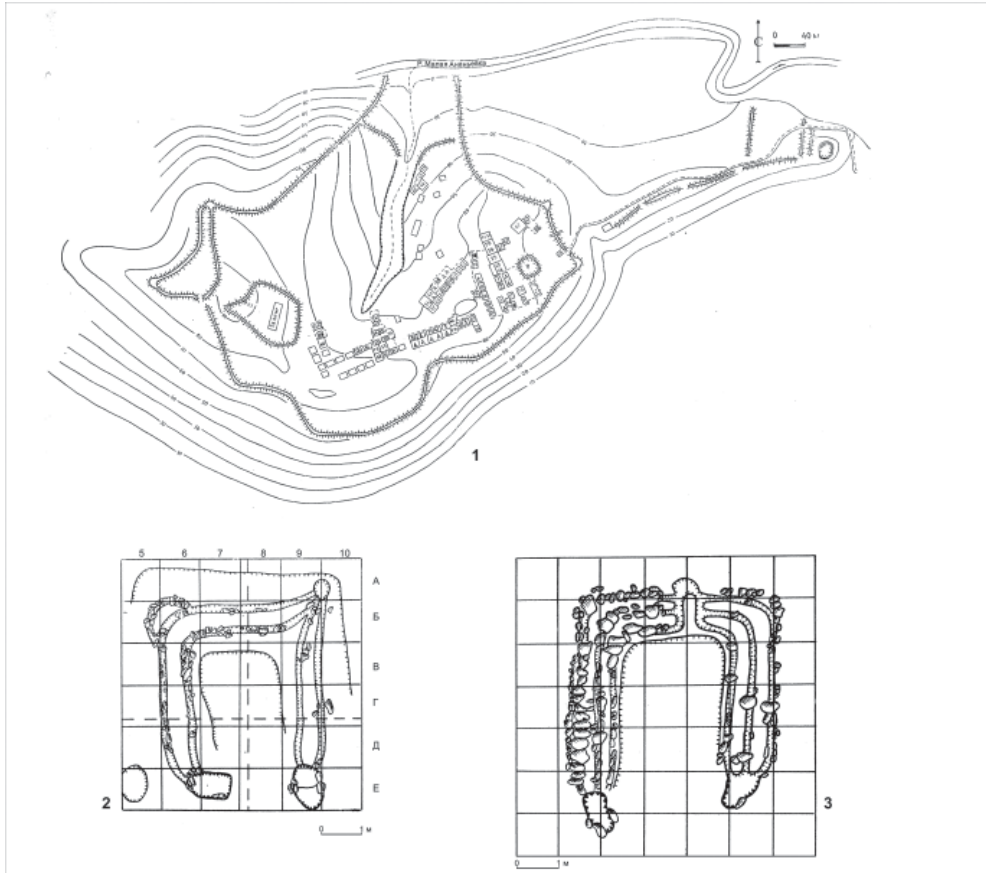

Рис. 9. План Ананьевского городища: 1 – жилище нижнего слоя; 2 – жилище верхнего слоя.

Fig. 9. Layouts of the Ananievskoe fortified settlement: 1 – dwelling of the lower layer; 2 – dwelling of the upper layer.

рого с внутренней стороны городища два склада каменных ядер. Ядра представляют собой округлые морские гальки размером 0,12–0,20 м и обтесанные камни диаметром 0,15–0,25 м. Вес каменных ядер не превышает 2 кг. Размеры складов 3×7 и 2×4 м.

Верхняя площадка башни имела полуовальную форму размером 4×5 м. В центральной части находилась каменный остов подтреугольной формы размером 1,3×0,9 м и высотой 0,3–0,5 м, сложенный из глыб и крупного щебня, повторяющий конфигурацию башенной площадки. Периметр

остава укреплен плотной каменной кладкой, где большая часть камней длинной стороной лежала на ребре. Верх боков башенного выступа вымощен плоским камнем с включением речных валунов. С южной стороны башни плотная слабонаклонная бессистемная каменная кладка длиной 3 м, шириной 1–1,9 м. Каменная кладка разрывалась метровым проходом, сохранившим остатки древесных углей и обломки обожженных, корродированных металлических предметов, – видимо, от деревянной конструкции. С северной стороны башни

кладка представлена четырьмя параллельными плотными ступенеобразными каменными рядами, спускающимися вниз. Длина верхних рядов 3,5–3 м, нижних – 2,5–1,5 м. Ширина ступеней 0,2–0,3 м. Стык башенной площадки с валом также укреплен камнями.

Башня № 2. Расположена в 54 м от угловой башни № 1. Представлена полуovalом размером 4×4,5 м и высотой с внешней стороны 3,5 м. Поверхность башенной площадки ровная, в центре незначительное круглое углубление диаметром 1,5 м. С западной стороны башни на валу находится сегментовидная обвалованная (0,2–0,25 м) площадка размером 5×2 м. Над площадкой по склону вала ступенчатый уступ.

Башня № 3 (рис. 6; 7: 1). Расположена в 148 м от угловой башни и в 25 м от башни № 2. Представлена полуovalной площадкой размером 12×15 м. Верх башенной площадки повторяет форму низа и имеет обваловку высотой 0,12–0,15 м. Ее площадь составляет 3×3,2 м. Поверхность площадки ровная, с круглым углублением в центре диаметром 2 м, глубиной 0,18 м. Выступом площадка ориентирована в сторону угловой башни. Высота башни с внешней стороны городища 4,6 м, с внутренней – 3,1 м.

Башня № 4 (рис. 6). Расположена в 33 м от угловой башни № 1. Представлена площадкой полуovalной формы размером 3×3,5 м, ориентированной на северо-запад в сторону угловой башни № 1. В центре площадки ovalное обвалованное углубление размером 1×1,5 м.

Башня № 5 (рис. 6). Расположена в 130 м от угловой башни № 1 и в

97 м от башни № 4. Верхняя площадка полуovalной формы размером 3×3 м, ориентирована выступом на юго-запад. В центре площадки круглое углубление диаметром до 0,5 м.

Оборонительный комплекс II (рис. 6; 8: 2). Расположен на северном валу в 220 м от угловой башни № 1 в оконечности небольшой мысовидной возвышенности. Представлен ovalной в плане платформой размером 50×30 м, ориентированной СВ–ЮЗ, рассеченной по длинной оси основным валом. Внешняя половина площадки оконтурена 60-метровым валом, высота которого с внешней стороны достигает 4, с внутренней – 1,3 м. Внутренняя поверхность площадки террасирована тремя уступами, площадь которых уменьшается по мере снижения от 45 до 150 м². Внутренняя половина площадки отделена уступом, на котором зафиксированы четыре подпрямоугольные западины размером 4×3 м. Ближе к вершине отрога – небольшая горизонтальная площадка с одной западиной размером 3×2 м.

С внутренней стороны вала к пристройке спускается дорога. На основном валу сделан проход шириной 2,5 м. Одна половина обвалованной площадки служила, видимо, камнеметным комплексом, где были установлены камнеметные машины, другая использовалась под караульные помещения.

Оборонительный комплекс III (рис. 6; 8: 2). Расположен в 65 м от угловой башни № 1. Представлен укрепленным отсеком подтреугольной конфигурации площадью 0,3 га и башней. Укрепленный отсек сооружен из дублирующего вала, насыпанного по вершине небольшого отрога.

Длина одной стороны дублирующего вала 115 м, другой, соединяющейся с основным валом, – 75 м. В центральной части вала устроены ворота в виде двухметрового прохода с прямым 20-метровым траверсом. Внутренняя территория укрепленного отсека террасирована.

Башня № 6 (рис. 6). Расположена в 82 м от угловой башни № 1 на дублирующем валу. Верхняя площадка башни полуовальной формы размером 4×5 м. Высота внешней стороны башни – 6,5 м. Видимо, оборонительный комплекс III являлся своего рода «захабом». Преодолев ложный вход, неприятель оказывался в западне перед основным валом городища, откуда выход ведет к обрыву.

Северные фортификации (рис. 6; 7: 2). Представлены оборонительным комплексом IV и башней № 7, расположенными на основном валу, проходящем по гребню северного отрога от оборонительного комплекса II до восточной оконечности хребта. Внутренняя высота вала около 1 м, внешняя сторона вала сливается с поверхностью склона. Протяженность северного оборонительного вала составляет 735 м.

Оборонительный комплекс IV. Устроен в восточной части северной оборонительной линии в том месте, где основной вал городища смещается с гребня отрога на склоновую поверхность. Занимает полуовальный уплощенный участок хребта размером 10–30×130 м. Включает в себя башни № 7–8 и два небольших редута.

Башня № 7. Расположена на северной оконечности вала восточной суженной и скалистой части водораздела. В плане башенная площадка округлой формы размером 5×6 м,

ориентирована выступом на восток. Высота башни около 3 м. В центре башенной площадки небольшое круглое углубление диаметром 3 м.

Башня № 8. Полуовальной в плане формы размером 15×12 м, ориентирована параллельно валу. Поверхность относительно ровная, с незначительным уклоном в западном направлении. На восточной стороне площадки уплощенный башенный выступ размером 7×6,5 м, возвышающийся над валом на 5,5 м.

Редут № 1 (рис. 6; 7: 2). Расположен в средней части оборонительного комплекса. Представляет собой обвалованный квадрат размером 7,5×7,5 м. Ориентирован углами по сторонам света. Высота вала с внешней стороны 0,2–0,4 м, с внутренней до 0,7 м. Вал с северной стороны сливается со склоном отрога и обрывается ко дну рва (дороги). Внутренняя поверхность редута равномерно понижается к центру.

Редут № 2 (рис. 6; 7: 2). Расположен в 8 м к северо-западу от редута № 1. Представляет собой обвалованный квадрат размером 7×7 м. Ориентирован углами по сторонам света. Высота вала с внешней стороны редута около 0,3 м, с внутренней – 0,5 м.

Южные фортификации (рис. 8: 1). Южная сторона городища по геоморфологическим условиям не требовала сложных фортификационных сооружений. Линия обороны проходила по вершине южного отрога, состояла из основного вала, двух башен, расположенных на его оконечностях, и отдельного фрагмента вала с внешней, юго-восточной, стороны городища. Основной вал отсыпан по вершине остроконечного хребта, круто обрывающегося к долине р. Устиновки.

Высота вала не превышает 0,5 м, в отдельных местах практически сливается с гребнем отрога. Длина вала 410 м.

Башня № 9. Расположена на углу между западным и южным валами. Верхняя площадка полуовальной формы размером 3×3 м. Ориентирована на перпендикулярно валу.

Башня № 10. Расположена на восточной оконечности южного вала, меняющего в данном месте направление. Башня состоит из двух полуовальных площадок. Верхняя площадка размером 9×6,5 м, нижняя – 6×5 м. Высотный перепад между площадками составляет 3,5 м. В центре нижней площадки фиксируется круглое углубление диаметром 1,5 м и глубиной 0,3 м. Рядом с площадкой хаотично насыпаны каменные ядра из морских галек диаметром 0,15–0,2 м и средней массой около 1,5 кг.

Отдельный вал (рис. 6). Расположен на восточной оконечности отрога на склоне, обращенном в р. Устиновку. Завершает оборонительную систему городища с южной стороны. Вал прямой, длина 30 м, высота до 0,8 м, каменный, с земляной засыпкой. Камни представлены преимущественно речными валунами и крупной галькой.

Планиграфия

Выдержана в достаточно жестких традициях и максимально вписана в рельеф местности. Пространство городища ограничивалось оборонительным валом и делилось на три части: редут, внутренний город, жилая зона.

Редут. Расположен в 29 м к югу от середины северного вала. Представляет собой обвалованный квадрат размером 25×25 м. Высота валов 1,5–2 м, с внутренней стороны до 5 м. В центре южного вала редута оборудован

вход в виде простого 2-метрового разрыва. К воротам редута подходит дорога (рис. 7: 4).

Жилая зона. Расположена на искусственных террасах северного и южного склонов распадка. Стратиграфически установлено, что террасы строились по жесткому модулю, использовавшемуся для возведения насыпных валов как способ ханту. Первоначально на склоне сопки делали угловой врез, на него насыпали «подушку», обжигали, создавая тем самым прочную платформу – фундамент, затем последовательно насыпали вязкие и сыпучие грунты. Иногда террасы имели очень высокие края – 10–12 м. На террасах северного склона зафиксировано 319 подпрямоугольных жилищных западин, большая часть которых близких размеров (3×5 м). Возле жилищ располагались хозяйственные постройки, образуя усадьбы.

Усадьба. Стационарно исследована одна усадьба, включавшая жилище и надворную постройку.

Жилище. Наземное, прямоугольной в плане формы, площадью 24 м², т.е. 6×4 м, каркасно-столбовое, с Г-образной трехсекционной кановой системой отопления. Ориентировано длинной стороной на север. Основной опорный столб расположен в центре жилища, о чем свидетельствовала круглая яма диаметром и глубиной 0,4 м с каменной вымосткой на дне. Остатки других столбов в виде ям диаметром 0,3–0,4 м зафиксированы по углам торцевой глухой стены, проходящей вдоль склона сопки и вдоль противоположной кану стены. Вход оборудован в южной стене жилища. Слева от входа устроен очаг квадратной формы с длиной сторон 1,4 м, имевший свод из плоских камней. Каменная кладка

сохранилась на уровне 0,4 м. Кановая подушка возвышалась над полом на 0,2 м, ее размеры составляли 1,5×4 м. Дымоходные каналы перекрывались преимущественно окатанными плоскими камнями. В северо-восточном углу жилища каналы сходились, и дым через трубу выводился наружу. Основание трубы круглое, диаметр 0,6 м, обложено камнями. Пол в жилище утрамбован 5-сантиметровым слоем суглинка с дресвой. В жилище обнаружена китайская северосунская монета «чуннин тунбао» (1102–1106 гг.).

Хозяйственная постройка. Расположена с восточной стороны жилища. Представляла собой, видимо, навес перед жилищем и несколько временных очагов, располагавшихся на террасе.

Внутренний город. Расположен в северо-западной части памятника, вблизи южного вала, выше родника. Представляет собой достаточно сложное сооружение, состоящее из трех частей – двух прямоугольных строений и примыкающего к ним пятиугольного, образующих в плане Г-образную фигуру. Сооружения по всему периметру обвалованы. Высота вала около 0,5 м. Вдоль обваловки проходит дорога, следы которой прослеживаются по террасированному склону северного отрога. Верхняя часть сооружения занимает самый высокий склон. Оно прямоугольной формы размером 30×35 м, ориентировано углами по сторонам света. Внутренняя поверхность террасирована пятью площадками. Вход в виде 1,5-метрового разрыва устроен в западной стенке вала и обращен к вершине городища. В восточной стенке, являющейся смежной, зафиксирован аналогичный вход,

использовавшийся как внутренний проход.

Вниз по склону располагалась вторая часть сооружения. Обе части разделялись насыпными стенами и проходящей между ними дорогой. Как и первая, вторая часть сооружения в плане имела подпрямоугольную форму размером 95,7×40×35 м. Внутренняя часть разделена на семь одинаковых горизонтальных площадок, спускающихся ступенями. Высотный перепад между террасами достигает 17 м. Под нижней площадкой находится отдельная треугольная терраса и примыкающая к ней под прямым углом третья часть сооружения пятиугольной конфигурации, придававшая запретному городу Г-образную форму. Длина сторон разная – 35, 30, 60 м. Вход в виде 1,5-метрового разрыва вала обращен к юго-востоку. В центре пятиугольного сектора запретного города обнаружена относительно ровная площадка с П-образной 30-сантиметровой земляной обваловкой размером 22×17 м. Юго-западная сторона отсутствовала. Углами обваловка ориентирована по сторонам света. По функциональному назначению внутренний город служил административным центром.

Вывод. Сибайгоу – крупный город-крепость, контролировавший пролежавшую здесь сухопутную магистраль, замыкающуюся на бухту Зеркальную Японского моря.

Многослойные горные городища

Многослойность зафиксирована на Ананьевском, Лазовском, Новогордеевском, Куналейском укреплениях (Хорев, 1990; Ленков, 1987; Болдин, Ивлиев, 2002; Дьякова, Сидоренко, 2002; Дьякова, 2009). Наиболее информативной является стратиграфия Ананьевского городища, содержа-

шая два строительных горизонта: нижний, относящийся к периоду империи Цзинь (1115–1234), верхний – к периоду государства Восточного Ся (1215–1234). Содержание и соотношение этих строительных горизонтов дает некоторое представление о характере перехода от Цзинь к Восточному Ся.

Ананьевское городище

Находится в Надеждинском районе Приморского края в 4.5–5 км к юго-западу от пос. Веневитово в долине р. Ананьевки (правый приток р. Раздольной), в 10–12 км к северо-западу от устья р. Раздольной – одной из главных водных артерий Южного Приморья (рис. 2: 3). В 1972 г. обнаружено В.А. Татарниковым. В 1973–1996 гг. стационарно исследовалось В.А. Хоревым. Площадь памятника 10.5 га, периметр валов 1800 м (вскрыто 9164 кв. м, 102 жилища, 15 свайных амбаров, хозяйственные ямы, здания с каменными базами, кузнечная мастерская) (Хорев, 2012). Городище возведено на восточной оконечности горного отрога Сихотэ-Алиня. По типу соответствует чжурчжэньским горным укреплениям государства Восточное Ся.

Нижний горизонт. «Жилища нижнего строительного горизонта занимали широкую и наиболее пологую часть склона распадка вдоль правого края оврага от его вершины до устья у северной границы городища. ... Другая группа жилищ выявлена в восточном районе городища. Жилища располагались в определенном порядке на самой пологой части восточного района вокруг «редута» и вдоль восточного участка крепостной стены» (Хорев, 1990, с. 56). Всего в нижнем горизонте раскопано 32 жилища. Все

жилища прямоугольные, небольших размеров (16–25 м²), с простой конструкцией отопительной системы: с Г или П-образным каном, практически без находок или с малым количеством (рис. 8: 1, 2). «Стратиграфически жилища нижнего строительного горизонта связаны с желтым суглинком с примесью дресвы, а на склонах распадка в центре городища с серым или темно-серым суглинком с дресвой... Жилища в большинстве своем не имеют на дневной поверхности четко выраженных внешних признаков», в частности, обваловки по периметру стен (Хорев, 1990, с. 57). В нижнем строительном горизонте прослежены жилища: 1) преднамеренно разрушенные с целью застройки занимаемых ими площадей; 2) брошенные, в большинстве случаев присыпанные, без последующих построек; 3) функционировавшие до гибели городища.

Верхний горизонт. Жилища верхнего строительного горизонта имеют четко выраженные внешние признаки в виде обвалованных западин овальной формы. «Простой анализ их размещения позволяет сделать вывод, что застройка территории проводилась строго по плану, с учетом рельефа местности. Жилища располагались правильными рядами, занимая наиболее возвышенные участки восточного склона над редутом, северо-западный, северный и северо-восточный склоны распадка, обращенные к верховьям оврага, а также плоскую поверхность гребня отрога ближе к южной границе городища. Расстояние между соседними жилищами в каждом ряду не превышало 3–3,5 м. ... Стратиграфически жилища верхнего строительного горизонта связаны с желтым или светло-желтым

суглинком. Полom жилищ часто служила рыхлая скальная дрсва, а то и прочная скальная порода» (Хорев, 1990, с. 61). Жилища наземные, прямоугольные в плане. «Большинство жилищ (23 постройки) уничтожены пожаром. ... С уверенностью можно сказать одно – постройки эти были деревянными. ... Столбовые ямы чаще всего встречаются в центральной части пола жилища, у средней части противоположных поперечных стен, иногда у углов задних стен. Глубина столбовых ям небольшая. Вместе с тем по периметру стен жилищ верхнего строительного горизонта с внешней стороны от кановой системы имеется каменная вымостка. Особенно тщательно она выполнена по углам жилищ. Вымостка могла служить своеобразным фундаментом, на который укладывался нижний венец бревенчатых рубленных построек или клеть в виде сруба, сложенного из нескольких рядов бревен. В верхнем венце сруба могли вырубить пазы, в которые крепились столбы каркаса. ... Жилища строились вплотную к материковым стенкам специально подготовленной террасы. Промежуток между деревянной и материковой стенками засыпался земляным грунтом, образуя завалинку вдоль периметра стен, за исключением входа. ... Крыши были двухскатными. Конек крыши опирался на столбы, расположенные у середины противоположных поперечных стен. Отопление, как и в жилищах нижнего строительного горизонта, производилось по-белому, с отводом дыма через вытяжную трубу, основание которой во многих жилищах сохранилось в виде высокой кольцевой каменной кладки. Отопительная си-

стема представлена трехканальными С-образными каналами с двумя очагами, расположенными по обе стороны от входа (рис. 9: 2). Многие жилища верхнего горизонта сожжены, но не разграблены и содержат много ценных находок. В верхнем слое содержались ремесленные металлические, керамические, стеклянные изделия, аналогичные материалам монгольского слоя Каракорума (Дьякова, 2016, с. 312–319; Силантьев, 2017, с. 264, рис. 20е).

Вывод. Ананьевское городище контролировало одну из проходивших здесь сухопутных магистралей, в частности, дорогу из соседней губернии Хэлань в губернию Сюйпинь и подходы к Красноярскому городищу – столице губернии Сюйпинь, находившейся в 40 км северо-восточнее Ананьевского городища.

Заключение. Горные городища на отрогах возводились как военно-административные объекты государства Восточная Ся (города-крепости) для контроля над бывшей территорией империи Цзинь. Города-крепости имели полное автономное самообеспечение. Планировка городищ свидетельствует об их одновременной застройке. Наличие двух строительных горизонтов на Ананьевском, Лазовском, Куналейском городищах показывает довольно спокойный переход от Цзинь к Восточному Ся. С чем связан пожар в верхнем горизонте Ананьевского городища пока не установлено. Известно, что при захвате городов поджоги для монголов были обычной практикой, но в этом случае жилища верхнего слоя должны быть разграблены, а не оставлены со всеми ценными вещами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арсеньев В.К.* Археография: памятники старины в Уссурийском крае и Маньчжурии // Вестник Азии. 1916. № 38, 39. С. 17–25.
2. *Артемова Н.Г.* Домостроительство чжурчжэней Приморья (XII–XIII вв.). Владивосток: Дальпресс, 1998. 267 с.
3. *Беляев В.А., Сидорович С.В.* Две новые эпитафические находки из Приморья // Средневековые древности Приморья / Отв. ред. Н.Г. Артемова. Владивосток: Дальнаука, 2015. С. 114–134.
4. *Болдин В.И., Ивлиев А.Л.* Многослойный памятник Новогордеевское городище. Материалы раскопок 1986–1987 годов / Актуальные проблемы Дальневосточной археологии / Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Т. XI / Отв. ред. О.В. Дьякова, А.Л. Ивлиев. Владивосток: Дальнаука, 2002. С. 46–58.
5. *Буссе Ф.Ф.* Остатки древностей в долинах Лефу, Даубихэ и Улахэ // Записки Общества изучения Амурского края. Т. 1. 1888. С. 1–28.
6. *Воробьев М.В.* Культура чжурчжэней и государства Цзинь. М.: Наука, 1983. 342 с.
7. *Воробьев М.В.* Чжурчжэни и государство Цзинь (X в.–1234 г.). М.: Наука, 1975. 327 с.
8. *Дьякова О.В.* Происхождение, формирование и развитие средневековых культур Дальнего Востока. Ч. 1–3. Владивосток: Дальнаука, 1993. 408 с.
9. *Дьякова О. В.* Военное зодчество Центрального Сихотэ-Алиня. Москва: Восточная литература, 2009. 245 с.
10. *Дьякова О.В.* Археологические памятники династии Юань в Приморье // VIII Международная научная конференция «Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая». г. Чанчунь (Китай), 11–15 сентября 2017 г. Сборник тезисов и авторефератов / Отв. ред. Лин Юан. Чанчунь (Китай): Цзилиньский государственный университет, 2017. С. 312–319.
11. *Дьякова О.В., Сидоренко Е.В.* Древние и средневековые культуры Северо-Восточного Приморья (по материалам Куналейского городища) // Актуальные проблемы Дальневосточной археологии / Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Т. XI / Отв. ред. О.В. Дьякова, А.Л. Ивлиев. Владивосток: Дальнаука, 2002. С. 7–47.
12. *Ивлиев А.Л.* Изучение государства Восточное Ся в КНР // Новые материалы по археологии Дальнего Востока России и смежных территорий / Отв. ред. В.Д. Леньков. Владивосток: Дальнаука. 1993. С. 8–17.
13. *Ивлиев А.Л.* О печати чжичжуна и статусе Шайгинского городища // Вестник Дальневосточного отделения РАН (ДВО РАН). 2006. № 2. С. 109–113.
14. *Ларичев В.Е.* Тайна каменной черепахи. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1966. 254 с.
15. *Леньков В.Д.* Некоторые итоги изучения жилых и производственных объектов Лазовского городища / Новые данные о культуре и хозяйстве средневековых народов Дальнего Востока. Владивосток, 1987. С. 7–12. (Препринт).
16. *Леньков В.Д., Артемова Н.Г.* Лазовское городище. Владивосток: Дальнаука, 2003. 283 с.
17. *Окладников А.П.* Далекое прошлое Приморья. Владивосток: Примор. кн. изд-во, 1959. 392 с.
18. *Хорев В.А.* О двух строительных горизонтах Ананьевского городища // Проблемы средневековой археологии Дальнего Востока: происхождение, периодизация, датировка культур / Отв. ред. О.В. Дьякова. Владивосток, 1990. С. 51–72.
19. *Хорев В.А.* Ананьевское городище. Владивосток: Дальнаука. 2012. 339 с.

20. Шавкунов Э.В. Культура чжурчжэней-удигэ XII–XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М.: Наука, 1991. 283 с.

Информация об авторе:

Дьякова Ольга Васильевна, доктор исторических наук, профессор, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток, Россия); emelianova49@mail.ru

**MOUNTAIN FORTIFIED SETTLEMENTS OF EAST XIA IN PRIMORYE
(FORTIFICATION AND STRATIGRAPHIC FEATURES)**

O.V. Dyakova

The archaeological monuments of the Primorye of the Jurchen culture of the Jin Empire periods (1115–1234) and the Eastern Xia state (1215–1234) are analyzed in the paper. In 1215, the commander Pusian Wannu created the Jurchen state of the Eastern Xia. Primorye became part of it. Pusian Vannu had to settle in Primorye and control the sea and land routes of communication. By now, 34 mountain fortifications have been recorded in Primorye. The uniform fortification and planning standards of mountain fortification structures have been revealed by the excavations. The mountain fortified settlements were built on the spurs of Sikhote-Alin. Their shafts repeated the morphological structure of the spurs. Layouts of these mountain settlements are not closed to the river. This seems to be due to the grazing of horses. The author analyzes the fortification details: ramparts, walls, towers, gates, warehouses, stone cores, redoubts on the example of the fortified settlement Sibaigou. Most of the mountain settlements are single-layered. The single-layered mountain fortifications are divided by the author into two groups: 1) used, 2) unfinished. Multy-layered mountain fortified settlements: Ananievskoe, Lazovskoe, Novogordecievskoe, Kunaleyskoe contain two construction strata. The lower horizon has been referred to the Jin Empire, the upper one – to the Eastern Xia state. It has been established that dwellings of the lower horizon were not destroyed. Consequently, they were abandoned by the population in a calm environment. A new mountain fortified settlement was constructed on this place by East Xia. Many of the upper horizon dwellings were burned but not looted. On the author's opinion, the artefacts from the upper stratum of Ananievskoe hillfort have the analogies in the Mongolian legacy of Karakorum.

Keywords: archaeology, Primorye, Jin, Yuan, East Xia, Jurchen, settlement, fortifications, dwellings.

REFERENCES

1. Arsen'ev, V. K. 1916. In *Vestnik Azii (Herald of Asia)* 38, 39. 17–25 (in Russian).
2. Artem'eva, N. G. 1998. *Domostroitel'stvo chzhurchzhenei Primor'ia (XII–XIII vv.) (Housebuilding of Jurchen Primorye (12th–13th cc.))*. Vladivostok: "Dal'press" Publ. (in Russian).
3. Beliaev, V. A., Sidorovich, S. V. 2015. In Artem'eva, N. G. (ed.). *Srednevekovyye drevnosti Primor'ia (Medieval Antiquities of Primorye)*. Vladivostok: "Dal'nauka" Publ., 114–134 (in Russian).
4. Boldin, V. I., Ivliev, A. L. 2002. In D'yakova, O. V., Ivliev, A. L. (eds.). *Aktual'nye problemy Dal'nevostochnoi arkheologii (Current Issues of Far Eastern Archaeology)*. Series: Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN (Proceedings of the institute of history, archaeology and ethnography of the people the far east). XI. Vladivostok: "Dal'nauka" Publ., 46–58 (in Russian).
5. Busse, F. F. 1888. In *Zapiski Obshchestva izuchenii Amurskogo kraia (Proceedings of the Amur Region Research Society)* 1. 1–28 (in Russian).
6. Vorob'ev, M. V. 1983. *Kul'tura chzhurchzhenei i gosudarstva Tszin' (Culture of the Jurchens and the Jin State)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

7. Vorob'ev, M. V. 1975. *Chzhurchzheni i gosudarstvo Tszin' (X v.–1234 g.)*. (The Jurchens and the Jin State (10th c. – 1234)). Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
8. Dyakova, O. V. 1993. *Proiskhozhdenie, formirovanie i razvitie srednevekovykh kul'tur Dal'nego Vostoka (Origin, Establishment and Development of the Medieval Cultures of the Far East)* 1–3. Vladivostok: “Dal'nauka” Publ. (in Russian).
9. Dyakova O. V. 2009. *Voennoe zodchestvo Tsentral'nogo Sikhote-Alinya (Military Architecture of the Central Sikhote-Alin)*. Moscow: “Vostochnaia Literatura” Publ. (in Russian).
10. Dyakova O.V. 2017. In Yuan', L. (ed.). *VIII Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Drevnie kul'tury Mongolii, Baykal'skoy Sibiri i Severnogo Kitaya». g. Chanchun' (Kitay), 11–15 sentyabrya 2017 g. Sbornik tezisov i avtoreferatov (8th International Scientific Conference “Ancient Cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China”, Changchun (China), September 11–15, 2017. Collection of Abstracts and Summaries)*. Chanchun' (Kitay): Jilin State University, 312–319 (in Russian).
11. Dyakova, O. V., Sidorenko, E. V. 2002. In Dyakova, O. V., Ivliev, A. L. (eds.). *Aktual'nye problemy Dal'nevostochnoi arkhologii (Current Issues of Far Eastern Archaeology)*. Series: Trudy Instituta istorii, arkhologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN (Proceedings of the institute of history, archaeology and ethnography of the people the Far East). XI. Vladivostok: “Dal'nauka” Publ., 7–47 (in Russian).
12. Ivliev, A. L. 1993. In Len'kov, V.D. (ed.). *Novye materialy po arkhologii Dal'nego Vostoka Rossii i smezhnykh territoriy (New Materials on the Archaeology of the Far East of Russia and the Adjacent Territories)*. Vladivostok: “Dal'nauka” Publ., 8–17 (in Russian).
13. Ivliev, A. L. 2006. In *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya RAN (Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences)* 2. 109–113 (in Russian).
14. Larichev, V. E. 1966. *Tayna kamennoy cherepakhi (The Stone Turtle Mystery)*. Novosibirsk: “Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo” (in Russian).
15. Len'kov, V. D. 1987. *Novye dannye o kul'ture i khozyaystve srednevekovykh narodov Dal'nego Vostoka (New Information on the Culture and Economy of the Medieval Peoples of the Far East)*. Preprint. Vladivostok, 7–12. (in Russian).
16. Len'kov, V. D., Artem'eva, N. G. 2003. *Lazovskoe gorodishhe (Lazovskoye Settlement)*. Vladivostok: “Dal'nauka” Publ. (in Russian).
17. Okladnikov, A. P. 1959. *Dalekoe proshloe Primor'ya (Distant Past of Primorye)*. Vladivostok: “Primorskoe kn. izd-vo” Publ. (in Russian).
18. Khorev, V. A. 1990. In D'yakova, O. V. (ed.). *Problemy srednevekovoy arkhologii Dal'nego Vostoka: proiskhozhdenie, periodizatsiya, datirovka kul'tur (Issues of Medieval Archaeology of the Far East: Origins, Periodization and Dating of Cultures)*. Vladivostok, 51–72 (in Russian).
19. Khorev, V. A. 2012. *Anan'evskoe gorodishhe (Ananyevskoye Settlement)*. Vladivostok: “Dal'nauka” Publ. (in Russian).
20. Shavkunov, E. V. 1991. *Kul'tura chzhurchzheney-udige XII–XIII vv. i problema proiskhozhdeniya tungusskikh narodov Dal'nego Vostoka (Culture of the Jurchen-Udige in the 12th –13th cc, and the Issues of the Origin of the Tungus Peoples of the Far East)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

About the Author:

Dyakova Olga V. Doctor of Historical Sciences, professor. Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Pushkinskaya St., 89, Vladivostok, 690001, Russian Federation; emelianova49@mail.ru

Статья поступила в номер 27.03.2018 г.

КОМПЛЕКСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ БИЛЯРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ¹

© 2018 г. З.Г. Шакиров, Ф.Ш. Хузин

В статье подводятся некоторые итоги комплексных исследований археологических памятников крупнейшего средневекового городского центра домонгольской Волжской Булгарии – Биляра (Великого города) и его округа. Описаны результаты изысканий последнего десятилетия, которые были направлены на реконструкцию эволюции системы освоения ландшафта в развитом средневековье на базе ГИС-анализа. Детальное изучение средневековых укрепленных поселений осуществлялось авторами с помощью инструментальной съемки и создания подробных топографических планов, а также уточнения сведений о предыдущих исследованиях. Эти работы способствуют постановке на государственный учет и охрану объектов культурного наследия округа Биляра и музеефицированных руин на территории Билярского городища. Авторами обобщаются результаты применения дистанционных методов зондирования. К таким методам относятся, в частности, анализ данных аэрофото-, космической и геофизической съемок, верификации их археологическими методами (разведки, раскопки), а также создания трехмерных моделей.

Ключевые слова: археология, средневековье, Биляр, округа, поселенческая структура, геоинформационные системы (ГИС), геодезия, геофизика.

В рамках проблемы «Археологические памятники Волжской Булгарии в X – начале XIII в. и их изучение» Институтом археологии им. А.Х. Халикова АН РТ ведется работа по темам «Биляр – Великий город: ремесло, архитектура, социальная топография», «Расселение и хозяйство болгар в Поволжье: сельские поселения и округа городов». Целью комплексных изысканий Билярской археологической экспедиции (рук. Ф.Ш. Хузин), проводимых совместно с Казанским (Приволжским) федеральным университетом, является всестороннее исследование одного из крупнейших центров урбанизации Восточной Европы – города Биляра с округой,

включающей территории современного села Билярск и его окрестности (рис. 1), с захватом части территории Аксубаевского, Алькеевского, Нурлатского и Чистопольского районов Республики Татарстан.

Биляр, упоминаемый в древнерусских источниках как Великий город, наибольшего расцвета достиг в XI – начале XIII в., являясь столичным центром Волжской Булгарии (здесь располагалась главная Соборная мечеть государства общей площадью около 2500 кв. м). В домонгольскую эпоху Биляр был крупнейшим экономическим и политическим центром Волго-Камского региона. В последний раз Великий город упоминается

¹ Работа выполнена в рамках гранта Президента РФ по государственной поддержке ведущих научных школ РФ №НШ-7170.2016.6. «Процессы урбанизации и градостроительства в Поволжье (X-XVI вв)».

Рис. 1. Билярское городище, снимок из космоса.

Fig. 1. Bilyar fortified settlement, space image.

при описании трагических событий 1236 года, когда столица булгар была полностью разгромлена монголо-татарами и перестала существовать как город (ПСРЛ, I, 1962, стб. 460). Биляр золотоордынский, возникший поблизости от сожженного города на левом берегу р. Малый Черемшан, становится одним из значительных периферийных центров Улуса Джучи, чеканивших свои собственные монеты. Билярская агломерация, представляющая компактное скопление средневековых населенных пунктов (рис. 2), объединенных в сложную

многокомпонентную систему с интенсивными производственными, торговыми, транспортными и культурными связями, является эталонным объектом, отражающим все многообразие исторических процессов региона в их динамике на протяжении X – первой половины XVI в. (Шакиров, 2012). К сожалению, работы Билярской экспедиции с начала 1990-х годов носили отрывочный характер из-за практически полного прекращения финансирования.

Изыскания последнего десятилетия были связаны с полевыми и ка-

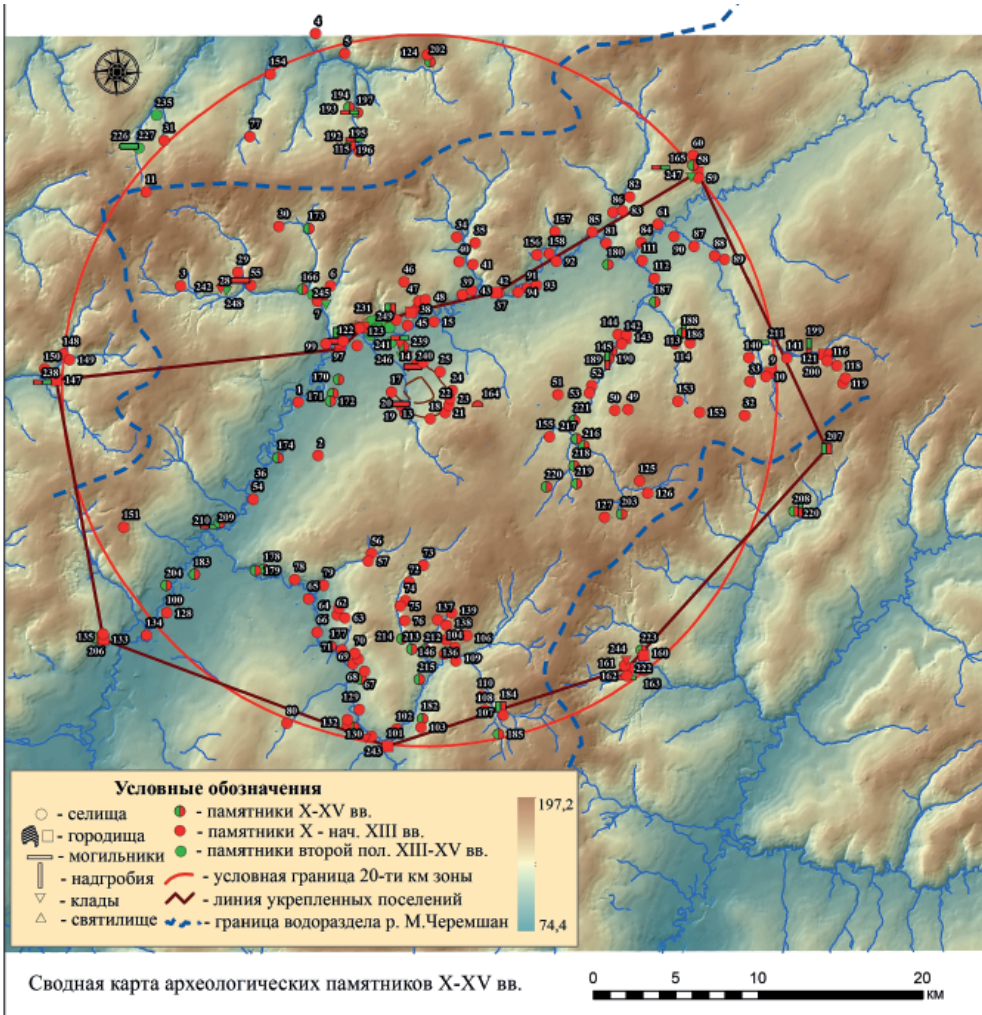

Рис. 2. Сводная карта археологических памятников X–XV вв. округа Биляра.

Fig. 2. General map of the archaeological sites of 10th–15th centuries in the Bilyar area.

меральными исследованиями непосредственно на Билярском городище и в его окрестностях. При анализе существующего ландшафта использовалась обладающая широким функционалом бесплатная утилита «SAS. Планета», взаимодействующая с различными спутниковыми и картографическими сервисами (геосервисы). В процессе работы было начато использование геоинформационных технологий, позволяющих осущест-

влять накопление, анализ и хранение информации различной направленности с пространственными характеристиками.

На основе сплошного обследования, картографирования, использования методов пространственного ГИС-анализа и ландшафтной археологии был предложен вариант эволюции системы землепользования и освоения региона лесостепной зоны Западного Закамья в среднем течении

челнинское (рис. 2: 147) городища могли прикрывать подходы с запада, юга и востока. Другая цепочка из Николаев-Баранских I (рис. 2: 95) и II (рис. 2: 181), «Святой ключ» (рис. 2: 122), Балынгузского (рис. 2: 167), Горкинских I (рис. 2: 37) и II (рис. 2: 38) городищ на ближних подступах высокого правого берега р. Малый Черемшан прикрывала Биляр от неожиданных нападений с севера, со стороны р. Кама. Не вписывается в отмеченные цепочки Старотатадамское городище (рис. 2: 142), расположенное в 11 км к востоку–северо-востоку от Билярска. Городище могло контролировать бассейн р. Адамка – левый приток Малого Черемшана (Шакиров, Хузин, Губайдуллин, 2017).

В процессе работы начали использовать методы дистанционного зондирования (МДЗ), геоинформационных технологий, позволяющих осуществ-

лять накопление, анализ и хранение информации различной направленности с пространственными характеристиками.

В 2016–2017 гг. впервые производилась инструментальная съемка и составление топографических планов на серии городищ к северо-западу, северу и северо-востоку от Биляра. Съемка проводилась с помощью тахеометра TrimbleM3, привязка координат GNSS приемником TrimbleR8. При построении топографических планов сплошные горизонталы проводились через 0,5 м, высотные отметки отсчитывались от эллипсоида WGS 1984. Работы, осуществлявшиеся на городищах над «Святым ключом», на Николаев-Баранском I, Горкинском I и II (Алексеевский район), Старотатадамском (Аксубаевский район), Крещелтанском (Чистопольский район) городищах, позволили установить

Таблица 1

Название городища	Сведения по Своду археологических памятников РТ, 2007 г.				Сведения по результатам анализа космических снимков, 2011 г.			Сведения по результатам инструментальной съемки, 2016-2017 гг.		
	№ по Своду	S общая, кв. м	S селитебная, кв. м	S укрепленный, кв. м	S общая, кв. м	S селитебная, кв. м	S укрепленный, кв. м	S общая, кв. м	S селитебная, кв. м	S укрепленный, кв. м
«Святой ключ (Шелом I)»	-	-	-	-	-	-	-	3137	939	2197
«Святой ключ (Шелом II)»	852	-	-	-	-	-	-	2180	1262	918
Николаев-Баранское городище I	788	7800	-	-	13600	9300	4300	13688	7988	5700
Горкинское городище II	639	2125 000	-	-	574 800	451 300	123 500	541 795	442 687	99 108
Горкинское городище I	638	13400	-	-	19400	11500	7900	21652	14207	7445
Старотатадамское городище	289	34000	-	-	38600	24800	13800	49901	37523	12378
Крещелтанское городище	3393	7500	-	-	43300	27200	16100	31988	22686	9302

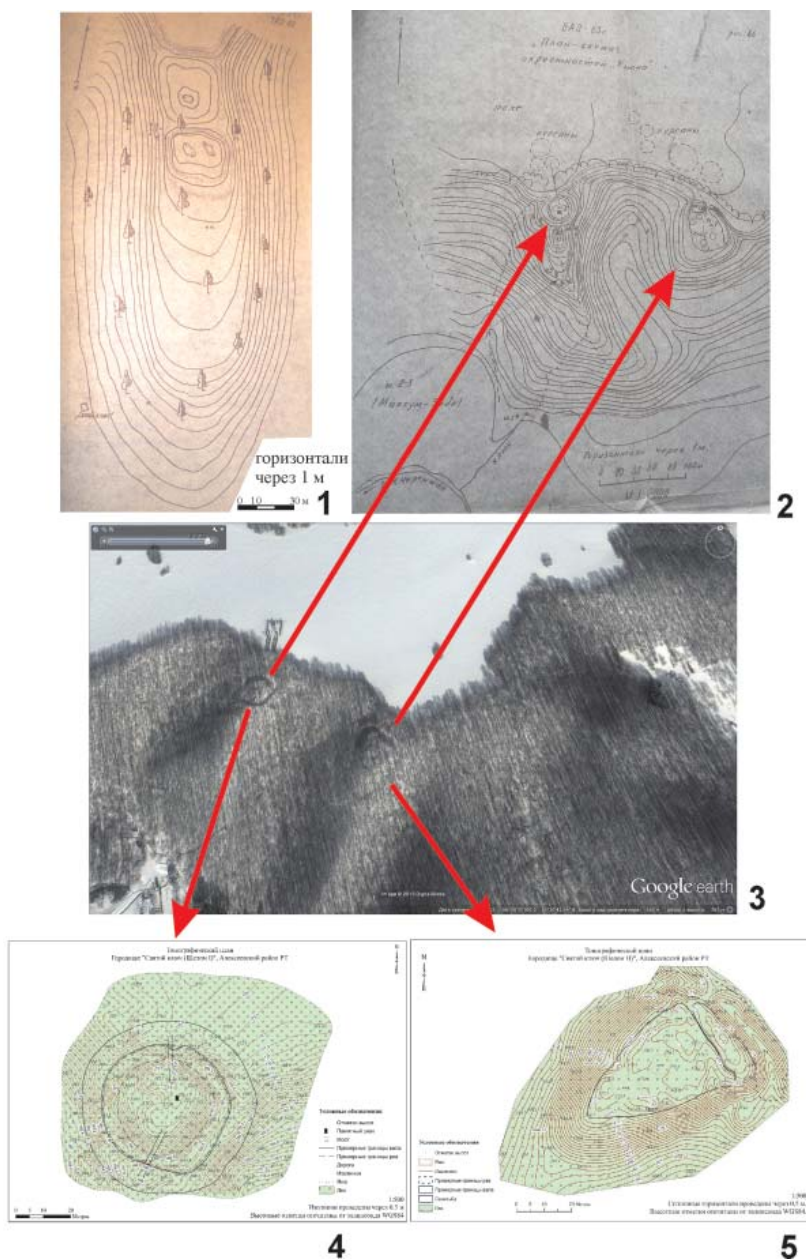

Рис. 4. 1 – план городища “Святой ключ”(по П.Н. Старостину, 1962 г.); 2 – план-схема окрестностей “Ключа”(по А.Х. Халикову, 1983 г.); 3 – район урочища “Святой ключ”, зимний снимок из космоса (Google earth, 2013 г.); 4 – городище “Святой ключ (Шелом I)” (съемка Г.Х. Вафиной, Л.В. Овечкиной, З.Г. Шакирова, 2017 г.); 5 – городище “Святой ключ (Шелом II)”(съемка Г.Х. Вафиной, Л.В. Овечкиной, З.Г. Шакирова, 2016 г.).

Fig. 4. 1 – plan of Svyatoi Klyuch hillfort (after P.N. Starostin, 1962); 2 – layout of the neighbouring areas of Klyuch (after A.Kh. Khalikov, 1983); 3 – area of the natural boundaries of Svyatoi Klyuch, winter space image (Google earth, 2013); 4 – Svyatoi Klyuch (Shelom I) hillfort (photography by G.Kh. Vafina, L.V. Ovechkina, Z.G. Shakirov, 2017); 5 – Svyatoi Klyuch (Shelom II) hillfort (photography by G.Kh. Vafina, L.V. Ovechkina, Z.G. Shakirov, 2016).

точные размеры объектов и получить данные для построения их трехмерных моделей. Точные топографические планы городищ (их данные порой довольно сильно отличаются от предыдущих замеров), могут использоваться при реконструкциях социально-исторических аспектов истории региона, дальнейшей постановке на государственный учет и охрану объектов культурного наследия округа Билярского городища (табл. 1).

Подробнее стоит остановиться на двух укрепленных площадках в урочище «Святой ключ». В Своде памятников археологии Республики Татарстан (2007 г.) описывается городище «Святой ключ», расположенный в 2,8 км к северо-северо-западу от с. Билярск на залесенном высоком мысу подтреугольной формы (65×25 м), вытянутом с севера на юг. С северной (напольной) стороны площадка городища защищена дуговидным проездным валом длиной до 50 м. При изучении полевых отчетов П.Н. Старостина за 1962 г. (Старостин, 1963, л. 216–218, см. также рис. 4: 1) и А.Х. Халикова за 1983 г. (Халиков, 1984, л. 135–142, см. также рис. 4: 2) было установлено, что в них приводятся разнящиеся сведения о расстоянии до с. Билярск, о форме и размерах городища «Святой ключ». При анализе Google снимков, сделанных из космоса в зимний период (при отсутствии листвы), довольно четко проявились очертания двух укрепленных площадок, расположенных на соседних, заросших лесом мысах (рис. 4: 3). Рассмотрев материалы экспедиции П.А. Пономарева и М.Г. Худякова 1915–1916 гг., мы увидели, что уже ими выделялись два объекта, имевших валы и рвы, названные Шелом I и Шелом II (Худяков, 1919, с.

63–66; Пономарев, 1919, с. 104–106). Таким образом, нами были составлены топографические планы для двух городищ, которые, исходя из традиции, были названы городище «Святой ключ (Шелом I)» – кольцеобразной формы (рис. 4: 4) и «Святой ключ (Шелом II)» – подтреугольной формы (рис. 4: 5).

С паспортизацией объектов культурного наследия непосредственно на территории Билярского городища была связана работа по привязке ранее изученных монументальных объектов. Глобальная спутниковая навигационная система (GNSS) позволила определить пространственное положение объектов местности путем обработки принимающим устройством спутникового сигнала. Привязка осуществлялась в системах координат WGS 1984 и WGS 1984 UTMZone 39N. В 2016–2017 гг. были установлены точные координаты поворотных точек музеефицированных «Караван сарая» (рис. 5: 1), Соборной мечети (рис. 5: 2), «Дома феодала» (рис. 5: 3) и руин общественной бани (раскоп XXVII) (Худяков, 2017, с. 14–23).

До сегодняшнего дня, из-за отсутствия жестких реперов, существует проблема с локализацией площадок предыдущих раскопов. МДЗ в виде анализа космических снимков в разных спектрах позволил определить более четкую привязку мест заложения раскопов 1970–1980-х гг. (рис. 6).

Продолжена работа с материалами аэрофотосъемки, произведенной при помощи аналоговых (плёночных) камер в 1973 г. (рис. 7: 1) (Халиков, Игонин, 1974, с. 67–72). Отсутствие первичных негативов было восполнено сканированием недавно обнаружен-

ных более четырехсот фотографий, хранящихся в научном фонде Музея археологии РТ. Для получения корректного ортофотоплана фотографии

были скомпонованы с использованием графического редактора для создания изображений в автоматическом режиме «AgisoftPhotoScan» (рис. 7: 2).

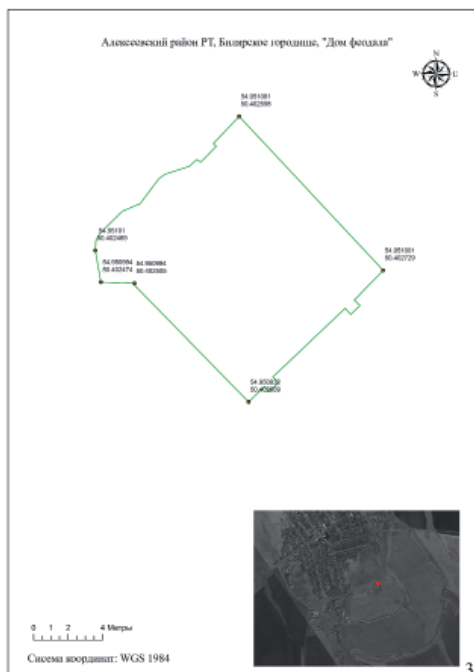
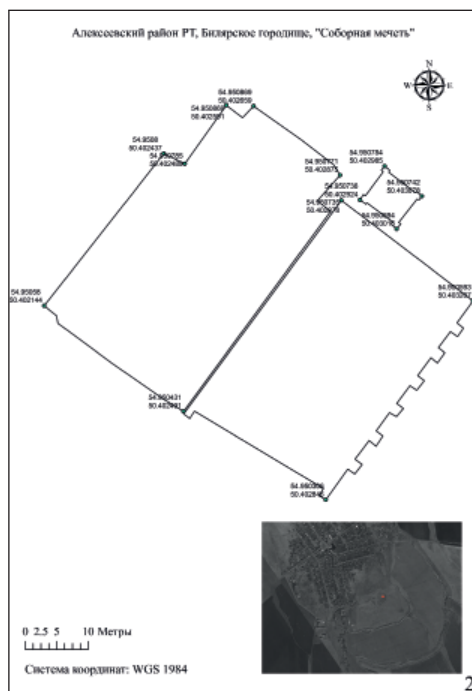
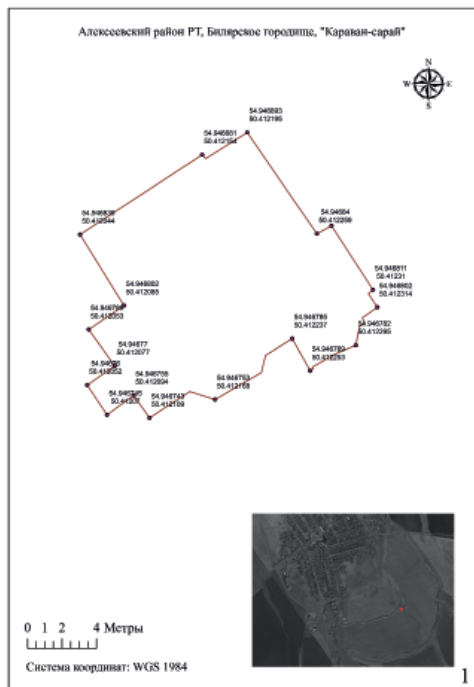

Рис. 5. 1 – “Караван сарай”, Биллярское городище (координаты WGS 1984); 2 – Соборная мечеть, Биллярское городище (координаты WGS 1984); 3 – “Дом феодала”, Биллярское городище (координаты WGS 1984).

Fig. 5. 1 – Caravanserai, Bilyar fortified settlement (WGS 1984 coordinates); 2 – Cathedral mosque, Bilyar fortified settlement (WGS 1984 coordinates); 3 – Feudal’s House, Bilyar fortified settlement (WGS 1984 coordinates).

Рис. 6. Следы раскопов во внутреннем городе Билярского городища, снимки из космоса.

Fig. 6. Traces of excavations in the inner town of Bilyar fortified settlement, space images.

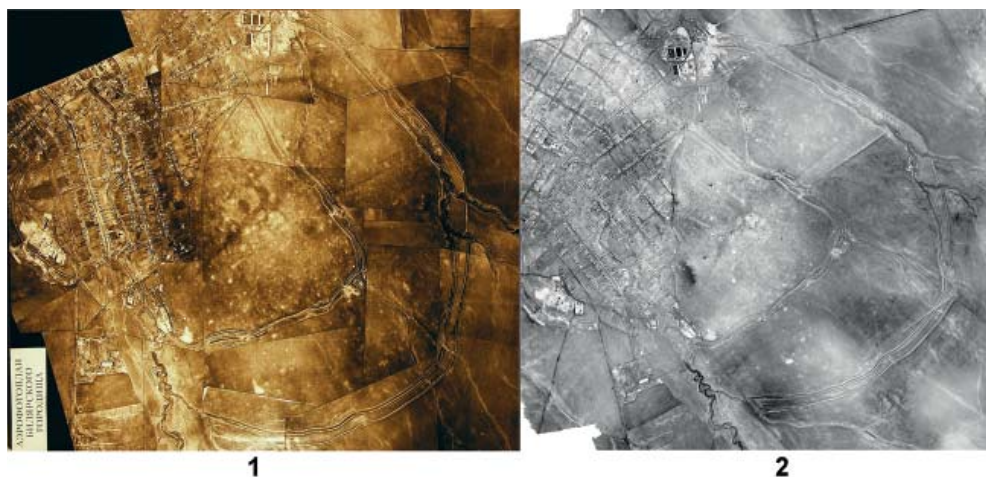

Рис. 7. 1 – аэрофотоплан Билярского городища на материалах съемки 1973 г. (распечатан помощью фотоувеличителя и составлен Н.И. Игониным с в 1974 г.);
2 – ортофотоплан Билярского городища на материалах съемки 1973 г. (составлен И.И. Гайнуллиным с помощью программы Agisoft PhotoScan в 2017 г.).
Fig. 7. 1 – aerial photograph of Bilyar fortified settlement from the materials of 1973 photographic surveying (printed using a photo magnifier and compiled by N.I. Igonin in 1974); 2 – orthophotomap of Bilyar settlement from the materials of 1973 photographic surveying (compiled by I.I. Gainullin using Agisoft PhotoScan software in 2017).

Еще одним направлением МДЗ стали геофизические методы зондирования, основанные на использовании отраженного объектами излучения. Под руководством В.Г. Бездудного с 2014 г. проводятся комплексные геофизические исследования: магнитометрическая (измерение вертикального градиента магнитного поля), георадарная съемка в центральной части внутреннего города Билярского городища. На одном из участков, в 280 м к западу от здания Соборной мечети, по результатам аэрофотосъемки с использовани-

ем ГИС были намечены GPS координаты пятна на пашне. При визуальном осмотре по выделенным координатам на современной поверхности отмечалось задернованное всхолмление, где и была определена первая площадка геофизических исследований (рис. 8). Предположительно геофизикой зафиксированы остатки отдельного комплекса, на территории которого была выделена крупная аномалия. Она представляла собой сокрытый под землей объект подквадратной в плане формы, ориентированный угла-

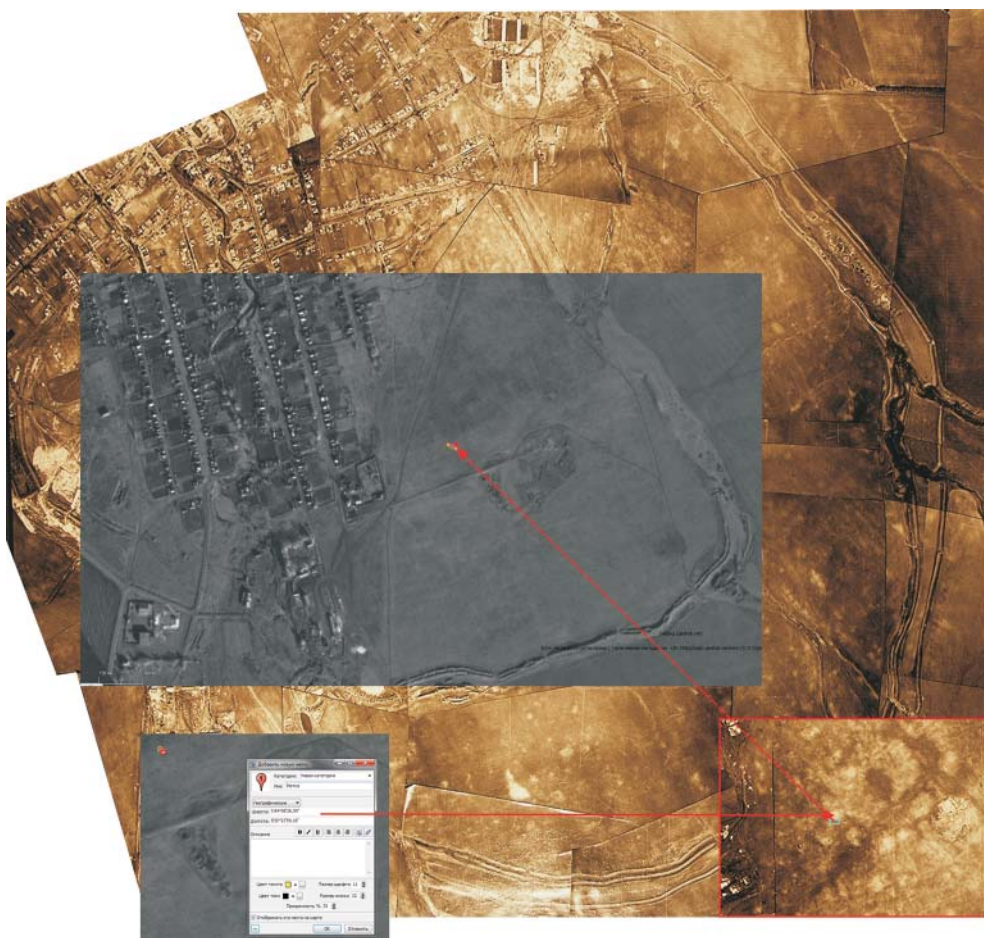

Рис. 8. Дешифровка аэро- и космических снимков с определением GPS координат.

Fig. 8. Decoding of aerial and satellite images with determination of GPS coordinates.

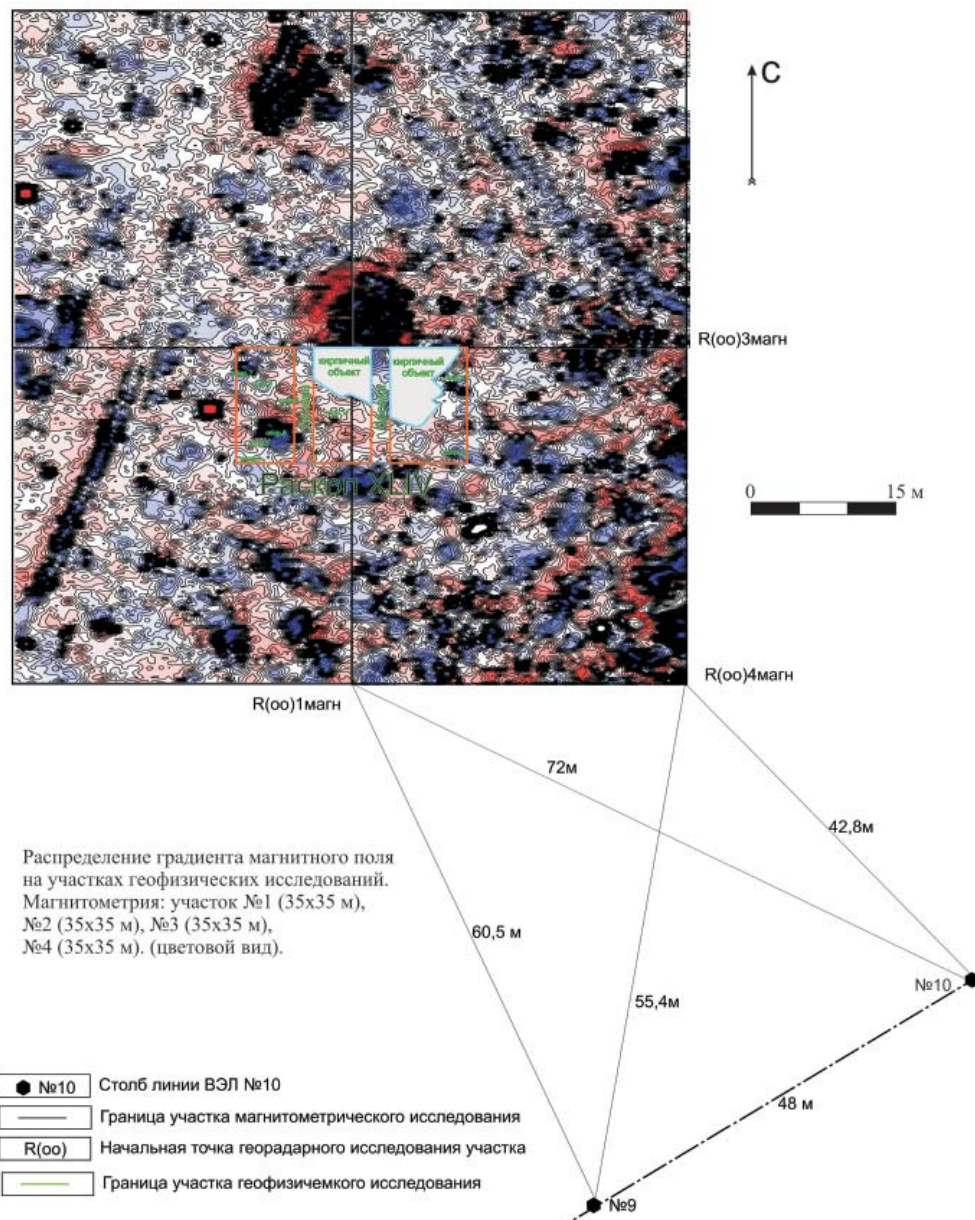

Рис. 9. Совмещение результатов геофизических исследований и материалов раскопа XLIV на Билярском городище.

Fig. 9. Combination of geophysical study results and materials from excavation 44 at Bilyar fortified settlement.

ми по сторонам света, с предположительными размерами 13×13,5 м (Шакиров, Бездудный, 2016, с. 225–228).

В 2015 г., для определения характера аномалии, раскопом XLIV начал

изучаться ее южный угол и прилегающая к нему территория. За сезоны 2015–2017 гг. изучено более 30 объектов: хозяйственные сооружения, подпольные ямы, остатки оград. Вы-

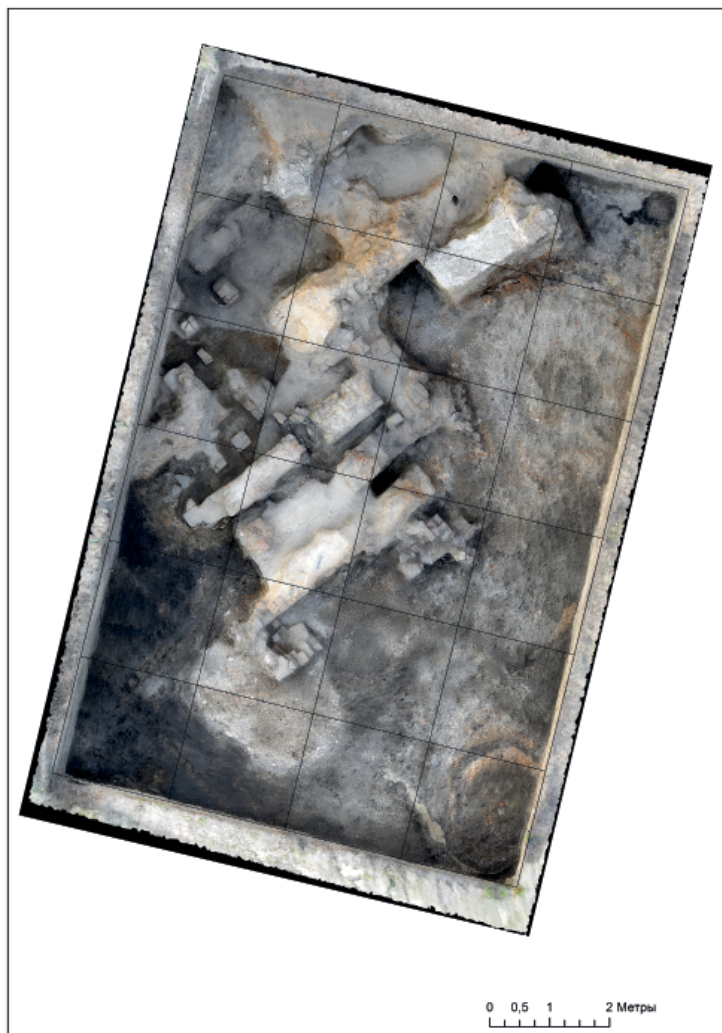

Рис. 10. Остатки стен, печи и подпольной системы отопления.
 Билярское городище, раскоп XLIV, сектор 3.

Fig. 10. Remains of walls, stoves and an underground heating system.
 Bilyar fortified settlement, excavation 44, sector 3.

деляется сооружение № 1 – фундаментная часть кирпичного здания с остатками цоколя. Оно представляет собой руины и отдельные фрагменты конструкций из кирпичной кладки (Хузин, Шакиров, 2017). Места наиболее больших всплесков при распределении градиентов магнитного поля во время раскопок показали наличие кирпичных кладок и их развалов, от-

дельных кирпичей, угля и золы. Стоит отметить, что помимо кирпичного здания геофизикой довольно четко оконтуривались заполнения крупных ям и подполов, изученных раскопом (Хузин, 2017; Бадеев, 2017).

В процессе полевой фиксации активно использовалась фотограмметрия руин архитектурного объекта (компановка ортофотопланов осу-

шествовалась при помощи программы «AgisoftPhotoScan», см. рис. 10), которая использовалась в процессе написания полевых отчетов и может быть применена при дальнейшей визуализации в музейных проектах Билярского историко-археологического и природного музея заповедника.

Комплексные изыскания, применяемые Билярской экспедицией, позволили вести работы в перспектив-

ных направлениях: по картированию (с большей или меньшей степенью детализации на большой площади), получению качественно новой и уточнению старой информации (на площади, на порядок больше, чем возможно было бы исследовать археологическими методами), а также по выделению наиболее перспективных участков для вскрытия архитектурных объектов с последующей их музеефикацией.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бадеев Д.Ю.* Отчет об археологических раскопках на Билярском городище (раскоп XLIV) в 2016 г. Т. 1–3, Казань, 2017 / НФ МА РТ. 131+124+92 л.
2. *Пономарев П.А.* Отчет об археологической экскурсии в Билярск в июле 1916 года // ИОАИЭ. Т. XXX, вып. 1. Казань, 1919. С. 104–106.
3. ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. М.: Вост. лит.-ра, 1962. 580 с.
4. *Старостин П.Н.* Отчет III отряда ТАЭ за 1962 г. // Отчет о работах Татарской археологической экспедиции в 1962 году. Казань, 1963 / Архив ИА РАН. Р-1, № 2447. Л. 186–243.
5. *Халиков А.Х.* Разведочные работы к северу от Билярского городища // Отчет о полевых исследованиях Билярского городища и его окрестностей летом 1983 г. Казань, 1984 / Архив ИА РАН. Р-1, № 10163. Л. 90–159.
6. *Халиков А.Х., Игонин Н.И.* Аэрофотосъемка крупных археологических объектов // Вестник АН СССР. 1974. № 7. С. 67–72.
7. *Худяков А.В.* Отчет об археологических исследованиях на территории Билярского городища и его округи в Алексеевском районе Республики Татарстан в 2016 г. Казань, 2017 / НФ МА РТ. 139 л.
8. *Худяков М.Г.* Разведки в Билярске летом 1915 г. // ИОАИЭ. Т. XXX, вып. 1. Казань, 1919. С. 59–66.
9. *Хузин Ф.Ш.* Отчет об археологических раскопках на Билярском городище (раскоп XLIV) в 2015 г. Т. 1–3, Казань, 2017 / Архив НФ МА РТ. 149+278+98 л.
10. *Хузин Ф.Ш., Шакиров З.Г.* Археологические исследования на Билярском городище // АО-2015 г. / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: Институт археологии РАН, 2017. С. 326–328.
11. *Шакиров З.Г.* Округа Биляра в X–XV вв. (поселенческая структура, ресурсный потенциал). Автореф. дис... канд. ист. наук. Казань, 2012. 27 с.
12. *Шакиров З.Г.* Средневековая округа Биляра: к методике исследования поселенческой структуры и ресурсного потенциала // Поволжская археология. 2014. № 2(8). С. 34–48.
13. *Шакиров З.Г., Бездудный В.Г.* Использование дистанционных методов выявления древних объектов и соотнесение их результатов с материалами раскопок (на примере Билярского городища) // Этнос и культуры Урало-Поволжья: история и современность: материалы юбилейной X Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых / Отв. ред. А.Т. Ахатов. Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2016. С. 225–228.
14. *Шакиров З.Г., Хузин Ф.Ш., Губайдуллин А.М.* Укрепления города Биляра и городища его округи как система обороны административно-политического центра Волжской Булгарии // Археология Евразийских степей. 2017. № 5. С. 133–143.

Информация об авторах:

Шакиров Зуфар Гумарович, кандидат исторических наук, заведующий отделом средневековой археологии, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); zufar_alchi@mail.ru

Хузин Фаяз Шарипович, член-корр. АН РТ, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); khuzinfayaz@mail.ru

**COMPREHENSIVE STUDIES
BY BILYAR ARCHAEOLOGICAL EXPEDITION****Z.G. Shakirov, F.Sh. Khuzin.**

The paper features a summary of the comprehensive studies of archaeological sites in the largest medieval urban centre of the pre-Mongol Volga Bulgaria – Bilyar (the Great Town) and its neighbouring areas. The article features the results of studies conducted over the last decade, which were intended to reconstruct the evolution of the landscape development system in the developed medieval period on the basis of GIS analysis. A thorough study of medieval fortified settlements was carried out by the authors with the aid of instrumental surveying and compilation of detailed topographic maps, as well as the updating of information from previous studies. These works contribute to the state registration and protection of cultural heritage sites in the neighbouring area of Bilyar district and the museumified ruins in the territory of Bilyar settlement. The authors summarize the results of application of remote sensing methods. In particular, such methods include the analysis of aerial, space and geophysical photography, their verification by archaeological methods (explorations and excavations), and the creation of three-dimensional models.

Keywords: archaeology, the Middle Ages, Bilyar, neighbouring area, settlement structure, geoinformation systems (GIS), geodesy, geophysics.

REFERENCES

1. Badeev, D. Yu. 2017. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh na Biliarskom gorodishche (raskop XLIV) v 2016 g. T. 1–3 (Report on archaeological excavations at the Bilyar Fortified Settlement (Excavation 44) in 2016. Vol. 1-3)*. Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. (in Russian).
2. Ponomarev, P. A. 1919. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University) XXX (1)*. Kazan, 104–106 (in Russian).
3. *Lavrent'evskaia letopis' i Suzdal'skaia letopis' po Akademicheskomu spisku (Laurentian Chronicle and Suzdal Chronicle according to the Academic Code)*. 1962. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) I. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ. (in Russian).
4. Starostin, P. N. 1963. *Otchet o rabotakh Tatarskoi arkheologicheskoi ekspeditsii v 1962 godu (Report on the Activities of Tatar Archaeological Expedition in 1962)*. Kazan. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, R-1, no. 2447 (in Russian).

The work was prepared within the framework of the grant of the President of the Russian Federation for state support of the leading Russian scientific schools No. NSH-7170.2016.6. "Processes of urbanization and urban development in the Volga region (10th–16th cc.)".

5. Khalikov, A. Kh. 1984. *Otchet o polevykh issledovaniikh Biliarskogo gorodishcha i ego okrestnostei letom 1983 g. (Report on the Field Studies of Bilyar Fortified Settlement and its Neighbourhood in the Summer of 1983)*. Kazan. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, R-1, no. 10163 (in Russian).
6. Khalikov, A. Kh., Igonin, N. I. 1974. In *Vestnik AN SSSR (Bulletin of Academy of Sciences of the USSR)* 7. 67–72 (in Russian).
7. Khudiakov, A. V. 2017. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniikh na territorii Biliarskogo gorodishcha i ego okrugi v Alekseevskom raione Respubliki Tatarstan v 2016 g. (Report on Archaeological Studies in the Territory of Bilyar Fortified Settlement and its Neighbourhood in the Alekseevsky District of the Republic of Tatarstan in 2016)*. Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. (in Russian).
8. Khudiakov, M. G. 1919. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* XXX (1). Kazan, 59–66 (in Russian).
9. Khuzin, F. Sh. 2017. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh na Biliarskom gorodishche (raskop XLIV) v 2015 g. T. 1–3 (Report on Archaeological Excavations at Bilyar Fortified Settlement (Excavation 44) in 2015. Vol. 1-3)*. Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. (in Russian).
10. Khuzin, F. Sh., Shakirov, Z. G. 2017. In Lopatin, V. N. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 2015 (Archaeological Discoveries of 2015)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 326–328 (in Russian).
11. Shakirov, Z. G. 2012. *Okruga Biliara v X–XV vv. (poselencheskaia struktura, resursnyi potentsial) (Bilyar Neighbourhood in the 10th–15th cc. (Settlement Structure, Resource Potential))*. PhD. Thesis. Kazan (in Russian).
12. Shakirov, Z. G. 2014. In *Povolzhskaiia arkheologiia (Volga River Region Archaeology)* (2), 34–48 (in Russian).
13. Shakirov, Z. G., Bezdudnyi, V. G. 2016. In Akhatov, A. T. (ed.). *Etnosy i kultury Uralo-Povolzhia istoriia i sovremennost' (Ethnic Groups and Cultures of the Ural-Volga Region: History and Modernity)*. Ufa: “Institute of Ethnological Studies” Publ., 225–228 (in Russian).
14. Shakirov, Z. G., Khuzin, F. Sh., Gubaidullin, A. M. 2017. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5. 133–143 (in Russian).

About the Authors:

Shakirov Zufar G. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Assistant Professor. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; zufar_alchi@mail.ru

Khuzin Fayaz Sh. TAS Corresponding Member. Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; khuzinfayaz@mail.ru

Статья поступила в номер 19.04.2018 г.

УДК 902.2

<https://doi.org/10.24852/pa2018.2.24.100.110>

**«СТАРОКУЙБЫШЕВСКОЕ VII СЕЛИЩЕ»:
ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**

© 2018 г. Р.Р. Валиев, Х.М. Абдуллин, А.Г. Ситдиков

В публикации рассматриваются результаты историко-археологических и картографических исследований «Старокуйбышевского VII селища» – объекта культурного наследия, выявленного в 2015 г. Анализ картографических источников, относящихся к г. Спасску, позволил выделить в его восточной части объект – древнее земляное укрепление. Отрезок его восточной части в виде рва проявился на раскопе 2016 г. Ров был сооружен в X в. болгарским населением и засыпан к XII в. При засыпке рва использовалась насыпь вала, которая частично состояла из напластований поселения более раннего периода, датируемого в целом I тысячелетием. В позднедомонгольское время (XII – первая треть XIII вв.) данный участок был повторно освоен, и здесь располагались хозяйственно-производственные объекты. Исследованный авторами ров не связан оборонительными укреплениями Старокуйбышевского городища, расположенного на противоположном берегу р. Бездны в 470 м восточнее селища. Результаты исследования позволяют предварительно отождествить выявленный на раскопах ров и остатки вала с земляными укреплениями, отмеченными на картах конца XVIII в.

Ключевые слова: археология, раскоп, объект культурного наследия, Старокуйбышевское VII селище, ров, оборонительные укрепления, план г. Спасска.

Старокуйбышевское VII селище выявлено в 2015 г. во время разведочного обследования островной и прибрежной зоны Куйбышевского водохранилища в пределах Спасского района РТ (Еремин и др., 2015, с. 29). Селище расположено в северо-восточной оконечности Спасского острова (или о. Старый город) на расстоянии 3,5 км к западу от центра с. Куралово, в 5,95 км к северу–северо-западу от центра пос. Совхоз КИМ и в 470 м к северо-западу от центра Старокуйбышевского городища. С юго-востока селище омывается водами Куйбышевского водохранилища, северо-востока окружено заболоченной поймой, с густой растительностью с лиственными деревьями и кустарниками. Площадка селища задернована, присутствуют впадины и всхолмления от строений

Спасска. Северо-восточный склон площадки пологий, юго-восточный – обрывистый высотой берега до 4 м от уровня воды (рис. 1) (Валиев, 2017а, с. 58–59; 2017б, с. 71).

Памятник получил обозначение по названию расположенного здесь бывшего г. Спасска, который в 1935 г. был переименован в город Куйбышев. До ввода в эксплуатацию Куйбышевского водохранилища исследуемая территория представляла собой левый берег р. Бездна и была занята северо-восточной частью города Куйбышева (бывш. Спасск).

Памятник выявлен по подъемному материалу, состоящему в основном из болгарской домонгольской круговой керамики, которая встречалась у края обрывистого берегового склона, на участке протяженностью около

Рис. 1. Топоплан Старокуйбышевского VII селища.

Fig. 1. Topographic map of Starokuibyshevskoe VII settlement.

80 м. Шурфовкой и зачистками обнажений установлены границы памятника. Площадь его составила 130×115 м, т.е 1,5 га, она в последующем может быть скорректирована. Мощность культурного слоя около 60 см и состоит из слоя г. Спасска (Куйбышева) XVIII–XX вв.; слоя периода Волжской Булгарии X – первая треть XIII в. с материалами, в том числе фрагментами лепной керамики с различными примесями в тесте, I тысячелетия, возможно, из разрушенного слоя именьковской культуры (V–VI вв.).

В 2016 г. в восточной части памятника у размываемой береговой линии проведены раскопки площадью 106 кв. м. Изучено 36 объектов, 9 из которых относятся к X – первой трети XIII в. (Валиев, 2017б, с. 71). Среди них наибольший интерес представляют горн для обжига керамических сосудов (ямы 3 и 4) и оборонитель-

ный ров (яма 9). Керамический материал, содержащийся в заполнении горна, предгорновой яме и в соседней с горном яме 11, куда складировалась битая посуда, имеет хороший обжиг, звонкая, орнаментированная, и характерна для развитого этапа истории Волжской Булгарии. Данный керамический комплекс датируется XII – первой третью XIII в. Горн и предгорновая яма располагались на месте засыпанного рва.

Ров шириной 380 см и глубиной 260–270 см от дневного уровня, треугольный в сечении и с канавкой по дну вытянут по оси северо-восток – юго-запад, практически параллельно руслу р. Бездна на данном отрезке. Ров на обнаруженном нами памятнике во второй половине домонгольского времени (к XII в.) был засыпан. Интересным моментом является появление первых южных укреплений Старокуйбышевского городища именно в XII в. (Измайлов, Губайдуллин, 1992, с. 81, 84).

Первоначально предполагалось, что выявленный нами ров может составлять единую оборонительную систему Старокуйбышевского городища (Археологическая карта, 1986, с. 57), который располагается на противоположном правом берегу р. Бездна «внутри полуострова (ныне остров – Р.В.), образованного крупным петлеобразным поворотом реки в полукилометре

к северо-востоку от северо-восточного края г. Куйбышева» (Калинин, 1946, с. 11–12). По данным Н.Ф. Калинина, городище с севера и юга имело оборонительные ров и вал, а также ров с восточной стороны. Общая площадь городища составляла более 1,7 га (Калинин, 1952; Калинин, Халиков, 1954, с. 68–71). Оборонительные сооружения с запада, со стороны Старокуйбышевского VII селища, отсутствовали. Таким образом, вполне логично выглядело наличие оборонительных укреплений с запада в системе обороны городища (на месте Старокуйбышевского VII селища), хотя и на противоположном берегу реки.

Однако начавшиеся изыскания архивных материалов по истории Болгара и Свияжска выявили в РГАДА ряд ранее не известных широкой научной общественности планов г. Спасска конца XVIII–XIX в. (данный картографический источник в фондовой описи был подписан как «План г. Свияжска»). На двух из них, копиях с плана 1795 г., в восточной части г. Спасска нанесены контуры объекта, обозначенного составителями плана как «Старинной земляной вал» (РГАДА Ф.1356. Оп.1. Д.1331) (рис. 2) и «Прежде бывший земляной вал» (РГАДА Ф.1356. Оп.1. Д.1333) (рис. 3). Данный объект имеет овальную форму размерами около 288×267 саженей (615×570 м), т.е. площадью более 3,5 га. Как видно из плана, концы «вала» не смыкаются в кольцо, отсутствует отрезок в восточной части, что может быть обусловлено двумя моментами: 1) возможно, на указанном участке действительно отсутствовал земляной вал, так как здесь находился проезд к реке и переправа через нее на площадку городища; 2) вал на

данном отрезке изначально существовал, но впоследствии был засыпан или размыт рекой, и на современной поверхности на момент составления плана никак не выделялся.

На последующих планах г. Спасска, составленных по факту и в целях планомерной регулярной застройки уже в 1822 (НА РТ. Ф.324. Оп.739. Д.101) и 1862 г. (НА РТ. Ф.324. Оп.739. Д.102), на указанном участке земляные укрепления отсутствуют (рис. 4–6). Это свидетельствует о том, что в промежутке с конца XVIII в. до 20-х гг. XIX в. «Старинной земляной вал» был сnivelирован.

Известно, что г. Спасск образован в 1781 г. на месте села Спасск (Чертыково), территория которого, как и других сел и деревень, не была огорожена земляными сооружениями (Зорин, 1989, с. 15). Таким образом, данный земляной вал был возведен до колонизации края русскими. По форме и характеру общей планировки данное земляное сооружение относится к III типу городищ по А.М. Губайдуллину – «городища, не подчиненные рельефу, расположенные на ровной местности или одной стороной примыкающие к обрыву, краю террасы» (Губайдуллин, 2002, с. 27). В рассматриваемом регионе подобные городища характерны для болгарских памятников домонгольского и золотоордынского периодов.

Первые памятники археологии на данной территории главным образом городища, окруженные валами и рвами, а также засечные укрепления были известны со второй четверти XIX в. Так, С.М. Шпилевский со ссылкой на статью неизвестного автора в «Казанских губернских ведомостях» сообщает о «признаках древнейшего

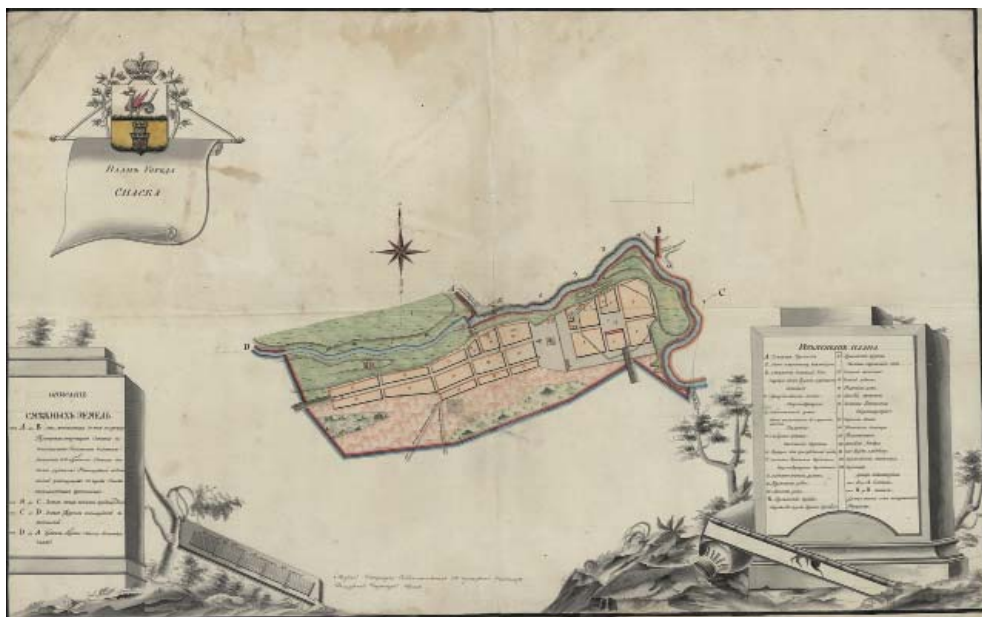

Рис. 2. План г. Спасска конца XVIII в. (РГАДА. Ф.1356. Оп.1. Д.1331.)

Fig. 2. Spassk town plan dated the end of 18th century.
Russian State Archive of Ancient Documents, fund 1356, inv. 1, dossier 1331.

поселения» на месте г. Спасска (Шпилевский, 1877, с. 329). В 1892 г. в «Известиях ОАИЭ» Казанского университета свои наблюдения опубликовал А. Обрезков, который прошел по Бездне от г. Спасска до с. Куралово. Он сообщает о могильных и хозяйственных ямах по обоим берегам р. Бездны, насыщенности культурного слоя археологическим материалом, в основном фрагментами лепной (скорее всего, именьковской) и круговой болгарской керамики, исходя из чего делает вывод о существовании здесь обширного поселения (Обрезков, 1892, с. 149–154). Однако эти данные С.М. Шпилевского и А. Обрезкова исследователи приводят в качестве первого упоминания Старокуйбышевского городища, открытого Н.Ф. Калининым в 1946 г. (Калинин, 1946, с. 11–12) и неоднократно посещавшегося и раскапывавшегося в

последующие годы (Казиков, 1979, с. 177; 1991, с. 10; Кавеев, 1985; Измайлов, Губайдуллин, 1992, с. 79–89; Губайдуллин, Кавеев, 1997; Губайдуллин, 2012, с. 223–229).

Сопоставление плана г. Спасска конца XVIII в. с современными космоснимками местности, топографическим планом и результатами археологических раскопок 2016 г. показывает, что раскопом I выявлен, скорее всего, тот отрезок оборонительных укреплений, который отсутствует на плане 1795 г. Вероятно, указанное на плане земляное сооружение представляло собой городище кольцевой планировки, укрепления которого состояли из рва и вала.

Как уже отмечено выше, ров шириной 310 см и глубиной 260–270 см вытянут по оси СВ–ЮЗ, треугольный в сечении с канавкой по дну (рис. 7). Ближайшая аналогия – раннедомон-

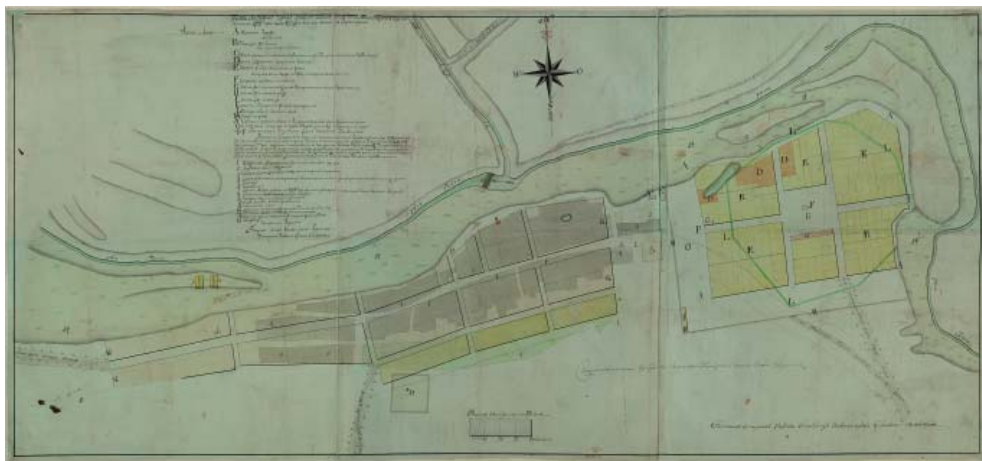

Рис. 3. План г. Спасска 1795 г. (РГАДА. Ф.1356. Оп.1. Д.1333).

Fig. 3. Spassk town plan dated 1795.

Russian State Archive of Ancient Documents, fund 1356, inv. 1, dossier 1333.

гольский ров Болгарского городища, также частично вытянутый вдоль Иерусалимского оврага. По мнению А.М. Губайдуллина, такого рода оборонительные укрепления датируются началом X в. (Губайдуллин, 2002; 2004, с. 78–79; 2011, с. 109–111), что не противоречит стратиграфическому положению рва.

Ров выкопан в материке, который состоит из трех геологических горизонтов: светло-коричневый (рыжий) суглинок толщиной 55–60 см залегает на светло-желтоватом песочном суглинке с карбонатными включениями толщиной 50 см, который покоится на светлом песке. Следов обмазки стенок рва глиной или иных конструкций, сдерживающих сползание и затекание рыхлых стенок, не прослежено. Данное обстоятельство, видимо, послужило причиной скорого затекания стенок и в конечном счете засыпки самого рва. Заполнение рва состоит из трех горизонтов: нижний – светлый песок с включениями рыжего суглинка – образовался в результате осыпания и затекания рыхлых песча-

ных стенок самого рва; средний горизонт, в котором выделяется несколько прослоек, вероятно, появился в результате засыпки рва и образования незначительного дернового покрова; верхний горизонт, скорее всего, – результат вторичной засыпки (досыпки) рва, перед вторичным освоением данного участка.

В качестве грунта для засыпки рва использовалась насыпь вала, которая, вероятно, была возведена *на* и частично *из* культурных отложений предшествующего периода, датируемого в целом I тысячелетием.

Находки с раскопа немногочисленны и представлены в основном фрагментами лепной керамики с примесями шамота, реже, органики и песка, болгарской круговой керамикой, фрагментами поздней русской посуды и костями животных. Часть лепной керамики относится к именьковской культуре IV–VII вв., другая часть находит аналогии в памятниках Самарского Поволжья, датируемых III–V вв. (Сташенков, 2005). Несколько фрагментов имеют признаки групп

Рис. 4. План г. Спасска, копия с конформированного в 1822 г. (РГАДА. Ф.1356. Оп.1. Д.1334).

Fig. 4. Spassk town plan, a copy from the one in 1822.
Russian State Archive of Ancient Documents, fund 1356, inv. 1, dossier 1334.

Рис. 5. План г. Спасска. 1822 г. (НА РТ. Ф.324. Оп.739. Д.101).

Fig. 5. Spassk town plan dated 1822. National Archive of the Republic of Tatarstan, fund 324, inv. 739, dossier 101.

Рис. 6. План г. Спасска. 1862 г. (НА РТ. Ф.324. Оп.739. Д.102).

Fig. 6. Spassk town plan dated 1862. National Archive of the Republic of Tatarstan, fund 324, inv. 739, dossier 102.

Рис. 7. Фрагмент плана г. Спасска конца XVIII в. с указанием раскопа I 2016 г.

Fig. 7. Fragment of Spassk town plan dated late 18th century with the indication of excavation I of 2016

керамики салтово-маяцких истоков. Данные артефакты происходят как из культурного слоя, так и из заполнения рва. Индивидуальные находки единичны и невыразительны.

Таким образом, в процессе проведенных исследований общая вскрытая длина рва составила более 11 м. Ров является наиболее ранним объектом на данном участке памятника и датируется X в., однако в последующем возможно выявление объектов предшествующих периодов. Неболь-

шая площадь раскопок не позволила проследить дальнейшее направление рва и подтвердить картографический источник о наличии в рассматриваемом районе неизвестного средневекового городища. Дальнейшие исследования позволят уточнить раннюю датировку памятника и проследить планиграфию оборонительного сооружения. Памятник находится в аварийном состоянии: восточная часть размывается водами Куйбышевского водохранилища.

ЛИТЕРАТУРА

1. Археологическая карта Татарской АССР. Западное Закамье. Ч. I / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1986. 112 с.
2. Валиев Р.Р. Проблемы локализации археологических объектов на примере Старокуйбышевского комплекса памятников // Археология евразийских степей. 2017а. № 1. С. 52–64.
3. Валиев Р.Р. Старокуйбышевский комплекс памятников: новый взгляд и перспективы исследований // Труды III Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй» / Ред. Н.Н. Крадин, А.Г. Ситдииков. Владивосток: Дальнаука. 2017б. С. 68–72.
4. Губайдуллин А.М. Фортификация городищ Волжской Булгарии. Казань: Институт истории АН РТ, 2002. 231 с.
5. Губайдуллин А.М. Исследование фортификационных сооружений X в. Болгарского городища // АО в Татарстане: 2002 год / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: «РИЦ» Школа, 2004. С. 78–79.
6. Губайдуллин А.М. Новые данные по оборонительным сооружениям Болгарского городища X в. // Научный Татарстан. 2011. № 2. С. 109–111.
7. Губайдуллин А.М. Исследования на Старокуйбышевском городище // Поволжская археология. 2012. № 2. С. 223–229.
8. Губайдуллин А.М., Кавеев М.М. Отчет. Археологические исследования Старокуйбышевского (Кураловского) городища в 1996 г. Казань, 1997. 51 л. Архив НФ ИА АН РТ.
9. Еремин И.О., Валиев Р.Р., Ситдииков А.Г. Разведочные работы в зоне Куйбышевского водохранилища в пределах Спасского района // Археологические исследования 2013 г.: Болгар и Свияжск / Авторы-составители Ситдииков А.Г., Валиев Р.Р., Старков А.С. Казань, 2014. С. 28–29.
10. Зорин А.Н. Уездные города Казанского Поволжья. Опыт историко-этнографического изучения планировки. Казань: Изд-во Казанского университета, 1989. 160 с.
11. Измайлов И.Л., Губайдуллин А.М. Укрепления Старокуйбышевского (Кураловского) городища / Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ КНЦ, 1992. С. 79–89.
12. Казаков Е.П. Работы в зонах Куйбышевского и Нижнекамского водохранилищ // АО 1978 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1979. С. 177–178.
13. Казаков Е.П. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. 176 с.

14. *Калинин Н.Ф.* Отчет об археологической экспедиции по рекам Ахтаю и Бездне. Казань, 1946. / НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф. 5. Оп. 29. Д. 1. 80 л.
15. *Калинин Н.Ф.* Экспедиция по западным районам Татарской АССР / КСИИМК. Вып. XLIV. Л.: Изд-во АН СССР. 1952. С. 52–66.
16. *Калинин Н.Ф., Халиков А.Х.* Итоги археологических работ за 1945–1952 гг. // Труды Казанского филиала Академии наук СССР. Серия исторических наук. Казань: Таткнигоиздат, 1954. 126 с.
17. *Обрезков А.* Следы древнего поселения в окрестностях г. Спасска Казанской губернии // ИОАИЭ. Т. X. Вып. 2. Казань, 1892. С. 149–154.
18. План г. Спасска / Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 324. Оп. 739. Д. 101.
19. План г. Спасска / Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 324. Оп. 739. Д. 102.
20. План г. Спасска / Российский государственный архив древних актов (РГАДА) Ф.1356. Оп.1. Д.1331.
21. План г. Спасска / Российский государственный архив древних актов (РГАДА) Ф.1356. Оп.1. Д.1333.
22. *Стаиенков Д.А.* Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I–V вв. н.э. // Раннеславянский мир. Вып. 7. / Отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2005. 150 с.
23. *Халиков А.Х.* Отчет о работах на Куйбышевском водохранилище в 1971 г. Т. I. Казань, 1971. 121 л. / НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 42.
24. *Шпилевский С.М.* Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань: Типография Казанского ун-та, 1877. 586 с.

Информация об авторах:

Валиев Ренат Рафаилович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); vtr80@yandex.ru.

Абдуллин Халим Миннуллович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); Xalimabd@mail.ru

Ситдиков Айрат Габитович, чл.-корр АН РТ, доктор исторических наук, директор, Институт археологии им. А.Х.Халикова АН РТ, зав. кафедрой, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

STAROKUIBYSHEVSKOE VII SETTLEMENT: HISTORICAL AND ARCHAEOLOGICAL STUDIES

R.R. Valiev, Kh.M. Abdullin, A.G. Sitdikov

The publication considers the results of historical-and-archaeological and cartographic studies of Starokuibyshevskoe VII settlement – a cultural heritage site discovered in 2015. An analysis of the cartographic sources related to the town of Spassk allowed to identify an ancient earth fortification in its Eastern area. A section of its Eastern part in the form of a moat was traced during the excavation of 2016. The moat was constructed in the 10th century by the Bolgar population and filled by the 12th century. The moat was filled with the use of rampart earthwork which partially consisted of the layers of an earlier settlement generally dated the 1st Millennium. This area was repeatedly populated in the late pre-Mongol period (12th – first third of the 13th centuries) to accommodate household and economic facilities. The moat studied by the authors is not related to the defensive structures of Starokuibyshevskoe settlement located on the opposite bank of the Bezdna river 470 meters the East of the

settlement. Study results facilitate preliminary identification of the moat and rampart remains as earth fortifications plotted on the maps of the late 18th century.

Keywords: archaeology, excavation, Cultural Heritage Site, Starokuibyshevskoe VII settlement, moat, defensive structures, plan of the town of Spassk.

REFERENCES

1. Starostin, P. N. (ed.). 1986. *Arkheologicheskaja karta Tatarskoj ASSR. Zapadnoe Zakam'e (Archaeological Map of the Tatar ASSR. Western Trans-Kama Region)* I. Kazan: Institute of Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).
2. Valiev, R. R. 2017. In *Arkheologija Evrazijskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1. 52–64 (in Russian).
3. Valiev, R. R. 2017. In Kradin, N. N., Sitdikov, A. G. (eds.). *Trudy III Mezhdunarodnogo kongressa srednevekovoi arkheologii evrazijskikh stepei "Mezhdu Vostokom i Zapadnom: dvizhenie kul'tur, tekhnologii i imperii" (Proceedings of 3rd International Congress on Medieval Archaeology of Eurasian Steppes "Between the East and the West: Movements of Cultures, Technologies and Empires")*. Vladivostok: "Dal'nauka" Publ., 68–72 (in Russian).
4. Gubaidullin, A. M. 2002. *Fortifikatsija gorodishch Volzhskoi Bulgarii (Fortification of hill-forts and towns in Volga Bulgaria)*. Kazan: Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
5. Gubaidullin, A. M. 2004. In Khuzin., F. Sh. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia v Tatarstane: 2002 god (Archaeological Discoveries in Tatarstan of 2002)*. Kazan: "Shkola" Publ. 78–79 (in Russian).
6. Gubaidullin, A. M. 2011. In *Nauchnyi Tatarstan (Scientific Tatarstan)* (2), 109–111 (in Russian).
7. Gubaidullin, A. M. 2012. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (2), 223–229 (in Russian).
8. Gubaidullin, A. M., Kaveev, M. M. 1997. *Otchet. Arkheologicheskie issledovaniia Starokuibyshevskogo (Kuralovskogo) gorodishcha v 1996 g. (Report. Archaeological Studies of Starokuibyshevsky (Kuralovsky) hillfort in 1996)*. Kazan.
9. Eremin, I. O., Valiev, R. R., Sitdikov, A. G. 2014. . In Sitdikov, A. G., Valiev, R. R., Starkov, A. S. (comp.). *Arkheologicheskie issledovaniia 2013 g.: Bolgar i Sviiazhsk (Archaeological Studies in 2013: Bolgar and Sviyazhsk)*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 28–29 (in Russian).
10. Zorin, A. N. 1989. *Uezdnye goroda Kazanskogo Povolzh'ia. Opyt istoriko-etnograficheskogo izucheniia planirovki (District Towns of the Kazan Volga Region. The experience of the Historical and Ethnographic Study of Planning)*. Kazan: Kazan University (in Russian).
11. Izmailov, I. L., Gubaidullin, A. M. 1992. In Starostin, P. N. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki zony vodokhranilishch Volgo-Kamskogo kaskada (Archaeological Sites in the Area of Water Reservoirs in the Volga-Kama Cascade)*. Kazan: Russian Academy of Sciences, Kazan Scientific Center, G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, 79–89 (in Russian).
12. Kazakov, E. P. 1979. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1978 g. (Archaeological Discoveries in 1978)*. Moscow: "Nauka" Publ., 148 (in Russian).
13. Kazakov, E. P. 1991. *Bulgarskoe selo X–XIII vekov nizovii Kamy (10th – 13th Century Bulgar Village in the Lower Kama Region)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
14. Kalinin, N. F. 1946. *Otchet ob arkheologicheskoi ekspeditsii po rekam Akhtaiu i Bezdne (Report on the Archaeological Expedition along the Akhtai and Bezdna Rivers)*. Kazan. Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Fund 5. Inv. 29, dossier 1, p. 80 (in Russian).
15. Kalinin, N. F. 1952. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* XLIV. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 52–66 (in Russian).

16. Kalinin, N. F., Khalikov, A. Kh. 1954. *Trudy Kazanskogo filiala Akademii nauk SSSR. Seriya istoricheskikh nauk (Proceedings of the Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences. Historical Sciences Series)*. Kazan: "Tatknigoizdat" Publ. (in Russian).
17. Obrezkov, A. 1892. In *Izvestiia obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* X (2). Kazan, 149–154 (in Russian).
18. *Plan g. Spasska... (Map of the Spassk town)*. National Archive of the Republic of Tatarstan, fund 324, inv. 739, dossier 101 (in Russian).
19. *Plan g. Spasska... (Map of the Spassk town)*. National Archive of the Republic of Tatarstan, fund 324, inv. 739, dossier 102 (in Russian).
20. *Plan g. Spasska... (Map of the Spassk town)*. Russian State Archive of Ancient Documents, fund 1356, inv. 1, dossier 1331 (in Russian).
21. *Plan g. Spasska... (Map of the Spassk town)*. Russian State Archive of Ancient Documents, fund 1356, inv. 1, dossier 1333 (in Russian).
22. Stashenkov, D. A. 2005. In Oblomskii, A. M. (ed.). *Osedloe naselenie Samarskogo lesostepnogo Povolzhia v I–V vv. n.e. (Settled Population of the Samara Forest-Steppe Volga Region in the 1st–5th centuries A.D.)*. Series: Ranneslavianskii mir. (Early Slavic World.) 7. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, (in Russian).
23. Khalikov, A. Kh. 1971. *Otchet o rabotakh na Kuibyshevskom vodokhranilishche v 1971 g. T. I (Report on Activities conducted at Kuibyshev Reservoir in 1971, Vol. 1)*. Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Fund 1. Inv. 1, dossier 42 (in Russian).
24. Shpilevskii, S. M. 1877. *Drevnie goroda i drugie bolgarsko-tatarskie pamiatniki v Kazanskoj gubernii (Ancient Towns and Other Bulgar-Tatar Sites in the Kazan Province)*. Kazan: Typography of the Kazan University (in Russian).

About the Authors:

Valiev Renat R. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; vrr80@yandex.ru

Abdullin Khalim M. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Xalimabd@mail.ru

Sitdikov Airat G. TAS Corresponding Member. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Head of department, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Статья поступила в номер 18.05.2018 г.

Булгарский улус и изучение материальной культуры Золотой Орды

УДК 902/904+737.1+671.41

<https://doi.org/10.24852/pa2018.2.24.111.124>

ЗОЛОТЫЕ УКРАШЕНИЯ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ И БУЛГАРСКОГО УЛУСА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

© 2018 г. К.А. Руденко

В статье рассматриваются золотые украшения, относящиеся к X–XIV вв. и связанные с Волжской Булгарией и Булгарским улусом Золотой Орды. Автор установил, что ассортимент изделий на протяжении этого периода был стабильным. Булгары носили перстни, браслеты, подвески, височные кольца, серьги. В эпоху Золотой Орды из золота изготавливались детали пояса, украшения одежды. Но дизайн и технология изготовления артефактов были разными. Золотые украшения булгар XI–XII вв. развивались на основе местных традиций с использованием технологий ювелиров Ближнего Востока (Сирия, Египет); может быть с их непосредственным участием. Часть золотых украшений в Булгарию в XII – начале XIII в. привозилась из стран Востока. В эпоху Золотой Орды золотые украшения были показателем социального статуса владельца. Большая их часть импортировалась, а другие артефакты производились в традициях ювелирного искусства Золотой Орды.

Ключевые слова: археология, материальная культура, булгары, Волжская Булгария, средневековое искусство, Золотая Орда.

Ювелирные украшения Волжской Булгарии постоянно привлекали внимание исследователей. Собственно, именно с них, точнее с публикации Спасского клада 1869 г., начался интерес к булгарским древностям в последней трети XIX в. в российской науке. Вместе с тем из всего массива ювелирных поделок, как правило, в поле внимания попадали изделия из серебра (как более многочисленные) и меньше – золотые. По вполне понятным причинам находки украшений из золота встречаются значительно реже, чем серебряные и в следствие этого наблюдается особое внимание к ним. Впрочем, таких примеров не очень много. Это Билярский клад

XII в., опубликованный А.Ф. Лихачевым (Руденко, 2011, с. 141, рис. XII), Джукетаусский клад XIV в., опубликованный В.Ф. Смолиным (Смолин, 1925, с. 16–28), состоявшие в основном из золотых изделий. Золотые украшения имелись в Карашамском кладе начала XV в. (Калинин, Халиков, 1954, с. 116–119). Правда, судьба этих уникальных сокровищ печальна – все они были полностью утрачены, за исключением нескольких случайно сохранившихся предметов.

Более многочисленны филигранные височные кольца, известные как в составе кладов, так и в виде отдельных находок (рис. 1). Они справедливо считаются характерными для бул-

Рис. 1. Золотые болгарские височные кольца. Типология (по К.А. Руденко: 2015, с. 230, рис. 28).

Fig. 1. Golden Bolgar temple rings. Typology (after K.A. Rudenko: 2015, p. 230, Fig. 28).

Рис. 2. Серебряные и золотой (2) перстни. 1 – II Билиярское селище (раскопки Е.А. Беговатова) (собрание БГИ-АПМЗ, инв. № 736); 2 – Измерское селище (собрание НКЦ, инв. № 930); 3 – Остолоповское селище (сборы К.А. Руденко) (собрание БГИАПМЗ, инв. № 735).

Fig. 2. Silver and gold (2) signet rings.
1 – Bilyar II settlement (excavations by E.A. Begovатов) (collection of the Bolgar Historical and Architectural Museum and Preservation Area, inv. No. 736);
2 – Izmeri settlement (collection of the National Cultural Center, inv. No. 930);
3 – Ostolopovo settlement (finds collected on the surface by K.A. Rudenko) (collection of the Bolgar Historical and Architectural Museum and Preservation Area, inv. No. 735).

гарских древностей домонгольского периода (Руденко, 2011). Эти украшения, изготавливавшиеся в нескольких крупных болгарских городах в XI–XII вв., можно отнести к нескольким ювелирным школам (Руденко, 2011, с. 165). Однако стоит отметить специфику большинства из них – они выполнены из меди (основа кольца) и золотой фольги, в пропорции примерно 1:1, поэтому однозначно причислять их к золотым изделиям (кроме нескольких артефактов (рис. 1: 9)) проблематично. Помимо кладов отдельные находки украшений из золота с болгарских памятников известны с XIX в.

Историография этой темы требует отдельного рассмотрения, поэтому отметим только, что в основном к золотым украшениям болгар обращались чаще всего исследователи болгарского искусства, а вот археологические аспекты анализа этих поделок остава-

лись, как правило, менее изученными. В археологических публикациях они приводились и приводятся как примеры ювелирного болгарского искусства (Смирнов, 1951, с. 122–124). Только отдельные артефакты были рассмотрены специально в небольших статьях с учетом археологического контекста и датировок (Смирнов, Янина, 1967, с. 303–306). Более того, такое невнимание к этой категории изделий имеет по сей день одно очень важное следствие: они плохо датированы. Конечно, случайность подавляющего числа этих находок является серьезным препятствием в решении этого вопроса, но не определяющим.

Рассмотрим известные нам золотые болгарские изделия с учетом их датировки. Предварительно отметим, что в VIII–IX вв. в болгарских могильниках золотые украшения чрезвычайно редки и в большинстве погребений

Рис. 3. а – браслет плетеный. Фрагмент. Золото, сердолик, зернь. Волжская Булгария, XII в. Собрание НМ РТ, инв. № 12482–5; б – височное кольцо. Золото, медь, скань, зернь. Волжская Булгария, XI–XII в. Мокрокурналинский клад. Собрание НМ РТ, инв. № 14404; в – височное кольцо и подвеска. Золото, медь, скань, зернь. Волжская Булгария, XI–XII в. Собрание ГМИИ РТ, инв. № П-3284; г – подвески дисковидные. Золото, скань, зернь. Волжская Булгария, XI–XII в. Собрание ГМИИ РТ, инв. № П-3281, 3282; д – накладка нашивная. Фрагмент. Золото, штамповка. Волжская Булгария, XII в. Собрание НМ РТ, инв. № 12476.

Fig. 3. а – braided bracelet. Fragment. Gold, cornelian, granulation. Volga Bulgaria, 12th c. Collection of the National Museum of the Republic of Tatarstan, inv. No. 12882-5; б – temple ring. Gold, copper, filigree, granulation. Volga Bulgaria, 11th–12th cc. Mokrye Kurnali hoard. Collection of the National Museum of the Republic of Tatarstan, inv. № 14404; в – temple ring and pendant. Gold, copper, filigree, granulation. Volga Bulgaria, 11th–12th cc. Collection of the State Museum of Fine Arts of the Republic of Tatarstan, inv No. P-3284; г – disc-shaped pendants. Gold, filigree, granulation. Volga Bulgaria, 11th–12th cc. Collection of the State Museum of Fine Arts of the Republic of Tatarstan, inv No. P-3281, 3282; д – sewn-on overlay. Fragment. Gold, stamping. Volga Bulgaria, 12th c. Collection of the National Museum of the Republic of Tatarstan, inv. No. 12476.

отсутствуют. Их нет в Большетарханском, Кайбельском Автозаводском могильниках, относящихся к этому времени (Генинг, Халиков, 1964; Ста-

шенков, 2003, с. 324–345). Отдельные золотые поделки появляются в Танкеевском могильнике в захоронениях IX–X в. (Казаков, 1992, с. 170–172).

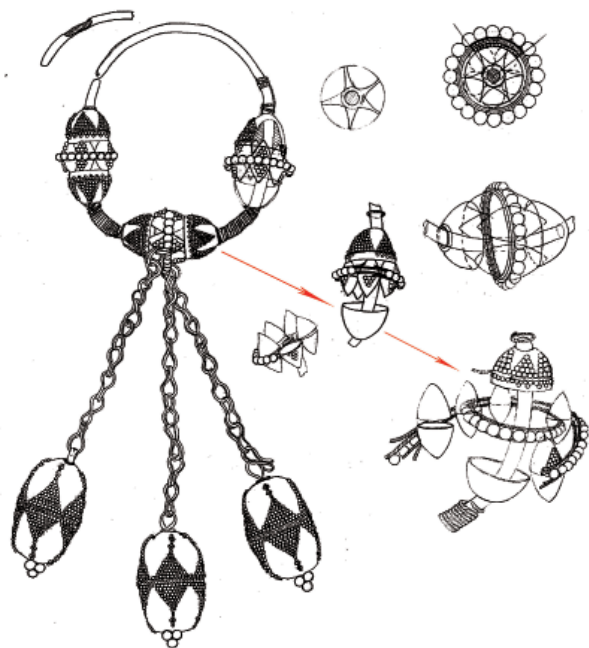

Рис. 4. Конструкция золотого филигранного височного кольца. Схема (по К.А. Руденко).

Fig. 4. Structure of a golden filigree temple ring. Diagram (after K.A. Rudenko).

Это крупная штампованная (?) накладка на серебряной основе из погребения 996 и перстень со вставкой из погребения 1007 (Казаков, 1992, рис. 61: 12, 25). Очевидно, что это привозные изделия.

Стоит отметить, что естественных источников золота, как и серебра, в

булгарской земле не было и сырье для их изготовления было исключительно привозным. Это обусловило и подавляющий процент импорта этих изделий в Волжскую Булгарию, а затем и в Булгарский улус Золотой Орды.

Первые золотые украшения у булгар (пока известны только перстни

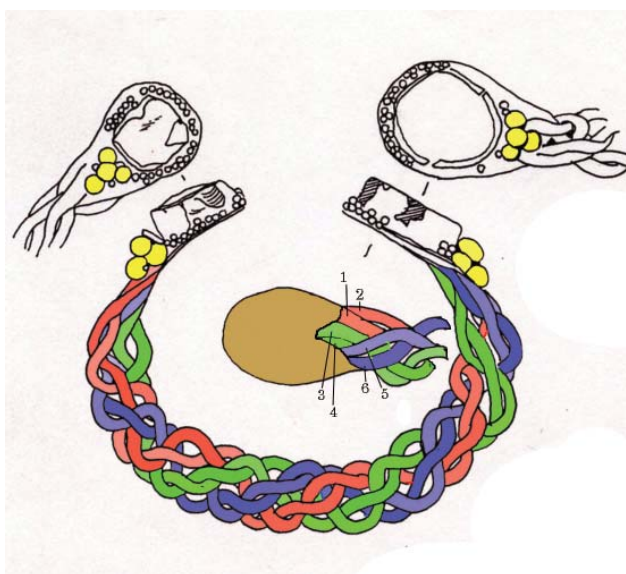

Рис. 5. Конструкция плетеного браслета со вставками. Схема (по К.А. Руденко).

Fig. 5. Structure of a braided bracelet with inlays. Diagram (after K.A. Rudenko).

со вставками из лазурита и мельчайшей зернью на касте) появляются во второй половине X – начале XI в. (рис. 2: 2) и являются импортными (Руденко, 2015, с. 167), как, собственно, и серебряные изделия такого же типа (рис. 2: 1). Один перстень найден на Измерском селище (собрание НКЦ (г. Казань)) (Руденко, 2015, с. 499, кат. № 395), расцвет которого приходится на это время.

В XI – начале XIII в. в Булгарии имели хождение следующие золотые поделки: перстни, браслеты (рис. 3а), височные кольца (рис. 3б; 3в), ожерелья-цепочки с подвесками (рис. 3г), нагрудные декоративные пластины, нашивные бляшки (рис. 3д). Все они выполнялись в разных техниках. Использовались: литье, штамповка, комбинированная техника; для декорирования – зернь, скань, вставки из драгоценных камней или сердоликовых бус. Так, например, филигранные височные украшения (рис. 3б) выполнялись с помощью нескольких последовательных приемов (рис. 4), отработанных именно на золотых украшениях, а вот браслеты выполнялись исключительно плетением из золотой проволоки по схеме, характерной для производства серебряных украшений (рис. 5). При этом болгарские ремесленники в домонгольское время никогда не украшали золотые украшения чернью.

Типологический состав изделий очень стабилен. Браслеты плетеные из золотой проволоки со вставками или без них (Руденко, 2011, рис. XII: 1–3) полностью аналогичные серебряным. Височные колечки сделаны из перекрученной проволоки с использованием тонкой скани;

одно колечко – с небольшой напускной бусиной (Руденко, 2011, с. 141, рис. XII: 14,15). Эти приемы характерны для древнерусских мастеров с X в. (Корзухина, 1954, табл. X: 3). Одно колечко из Билярского клада сделано из гладкой проволоки более толстой, скрученной в 1,5 оборота (Руденко, 2011, рис. XII: 8). Такие украшения весьма многочисленны в средневековых древностях региона и изготавливались из меди, бронзы и серебра. В единичных экземплярах изготавливались височные филигранные украшения из самородного золота с изображением птицы (Руденко, 2011, с. 220, 221, кат. № 28) (рис. 1: 9).

Перстни двух отделов: пластинчатые с прямоугольным плоским щитком и с шатонами. Последние двух типов: с круглой и прямоугольной вставками (Руденко, 2011, рис. XII: 4–7). Они имеют аналогии в болгарских серебряных изделиях XII в., а также в серебряных перстнях XI–XII вв. из южной Руси. В единственном экземпляре известен золотой нагрудник с желедевидными подвесками из Жигулевского клада (Руденко, 2011, с. 152, илл. 80).

В нескольких кладах встречены цепочки-ожерелья с круглыми медальонами двух типов: с полусферами, декорированными треугольниками зерни, верх которых венчает зерневая пирамидка в центральной части медальона (рис. 3г) и композицией из крупных полых золотых шариков вместо полусферы (Руденко, 2015, с. 209, илл. 350, 351). Нашивные накладки (рис. 3д) в виде многолепестковой розетки с пробитыми по краям сквозными отверстиями пользовались спросом в Биляре, там их найдено

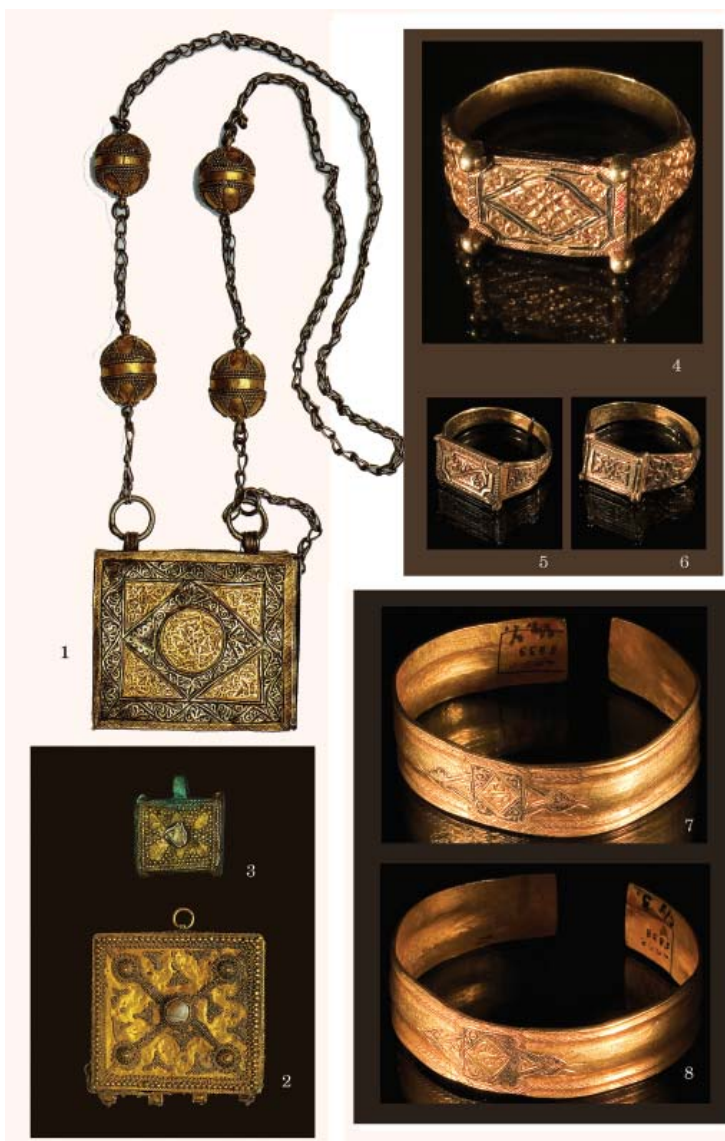

Рис. 6. Филактерий (1), подвески (2,3), перстни (4–6) и браслеты (7,8). Золотая Орда, XIV в.; 1 – собрание ГЭ, инв. №№ Vз-941 (по: Сокровища, 2000, с. 236, кат. № 80); 2 – Симферопольский клад: собрание ГИМ, инв. № 99264/2013, № 120 (по: Сокровища, 2000, с. 123, кат. № 487); 3 – БГИАМЗ, инв. № 1523; 4–8 – НМ РТ, инв. № 12474; 11422; 11424; 5839; 5838. 1 – серебро с чернью; 2 – золото, зернь, вставки; 4–8 – золото с чернью.

Fig. 6. Phylactery (1), pendants (2,3), signet rings (4–6) and bracelets (7,8). The Golden Horde, 14th century; 1 – collection of the State Hermitage, inv. Nos. Vз-941 (after: Hoards, 2000, p. 236, cat. No. 80); 2 – Simferopol hoard: collection of the State Historical Museum, inv. No. 99264/2013, No. 120 (after: Hoards, 2000, p. 123, cat. No. 487); 3 – Bolgar Historical and Architectural Museum and Preservation Area, inv. No. 1523; 4–8 – National Museum of the Republic of Tatarstan, inv. No. 12474; 11422; 11424; 5839; 5838. 1 – silver with black areas; 2 – gold, granulation, inlays; 4–8 – gold with black areas.

Рис. 7. Браслеты золотые и заготовка браслета (1). Золотая Орда. 1, 4 – собрание АГОИАМЗ, инв. №№ 31062; 14749; 14750 (по: Золотая Орда, 2005, с. 161, кат. №№ 107, 118); 2, 3 – ГЭ, инв. №№ 30-704, 705; 5, 6, 8 – Симферопольский клад: ГИМ, инв. № 99264/2013, №№ 52, 53, 55-57, 118, 119 (по: Сокровища, 2000, с. 79, 80, 88, кат. №№ 71, 72, 510, 511-516); 7 – собрание НМ РТ, инв. № 5837.

Fig. 7. Golden bracelets and a bracelet blank (1). The Golden Horde. 1, 4 – collection of the Astrakhan State Combined Historical and Architectural Museum and Preservation Area, inv. Nos. 31062; 14749; 14750 (after: The Golden Horde, 2005, p. 161, cat. Nos. 107, 118); 2, 3 – the State Hermitage, inv. Nos. 30-704, 705; 5, 6, 8 – Simferopol hoard: The State Historical Museum, inv. No. 99264/2013, Nos. 52, 53, 55-57, 118, 119 (after: Hoards, 2000, pp. 79, 80, 88, cat. Nos. 71, 72, 510, 511-516); 7 – collection of the National Museum of the Republic of Tatarstan, inv. No. 5837.

Рис. 8. Перстни со вставками и детали браслета (3). Золото, драгоценные и поделочные камни. Золотая Орда, XIII–XIV вв. Собрание НМ РТ, инв. №№ 12503; 5836-5; 5859; 5495; 12501; 5858.

Fig. 8. Signet rings with inlays and bracelet fragments (3). Gold, precious and ornamental stones. The Golden Horde, 13th–14th cc. Collection of the National Museum of the Republic of Tatarstan, inv. Nos. 12503; 5836-5; 5859; 5495; 12501; 5858.

около десятка, включая и медные аналоги. Датируются они XII – началом XIII в.

В эпоху Золотой Орды ассортимент изделий практически не изменился (рис. 6; 7; 8). Но к вышеперечисленным категориям предметов стоит добавить золотой наконечник пояса, найденный при раскопках на Булгарском городище (Крамаровский, 2001, с. 138); подвески, происходящие из Булгар (рис. 6: 3), имеющие серебряные аналоги (рис. 6: 1), в какой-то мере напоминающие домонгольские изделия (Руденко, 2015, с. 66, 67, илл. 115; 116); ажурные накладки, подвески и бляшки из сканой проволоки и золотых пластинок (рис. 9); составные браслеты со вставками из бирюзы (рис. 8: 6); серьги в виде колец или знака вопроса. Последние часто дополнялись жемчужинами и реже поделочными камнями, из которых выполнялись напускные бусины (Руденко, 2015, с. 270, рис. 69).

Вместе с тем при сравнении их с домонгольскими изделиями очевидны кардинальные отличия. Из украшений рук абсолютно преобладают пластинчатые браслеты как цельные (рис. 7: 1–4), так и шарнирные (рис. 7: 7,8). Последние являются привозными (Крамаровский, 2001, с. 260, 261, кат. № 111). В целом в Булгарском улусе Золотой Орды к концу XIII в. плетеные проволочные браслеты золотые и серебряные полностью вышли из употребления. Сменили их пластинчатые браслеты с изображением львиных морд, повсеместно встречающиеся на территории Золотой Орды. Правда, золотых изделий среди них единицы (Крамаровский, 2001, с. 191–193, кат. № 71, 72, рис. 99).

Особенно разнообразными стали золотые перстни (рис. 6: 4–6; 8). Типология их описана (Руденко, 2015, с. 306–308), поэтому ограничимся только несколькими замечаниями. Самыми распространенными являются

Рис 9. Украшения из золота. Золотая Орда, XIII–XIV вв. Собрание НМ РТ, инв. №№ 12457; 12460; 5851; 12459; 12466; 12461; 12465а,б,в.

Fig. 9. Golden adornments. The Golden Horde, 13th–14th cc. Collection of the National Museum of the Republic of Tatarstan, inv. Nos. 12457; 12460; 5851; 12459; 12466; 12461; 12465a,б,в.

Близок к вышеописанному тип перстня с овальным щитком, на поверхности которого из тонкой проволоки выложены стилизованные узоры, напоминающие арабески (рис. 10б). Такие перстни из серебра довольно часто встречаются в Булгаре. Они, безусловно, были местного производства. Единичные находки перстней со вставками из драгоценных и поделочных камней (рис. 8:

цельнолитые перстни с прямоугольным щитком с гравированными рисунками или без них (рис. 10а). Они воспроизводились не только в золоте, но и в серебре, бронзе, кости и стекле. Чаще встречаются перстни с выступающими шишечками на щитке иногда с дополнительным чернением (рис. 6: 4–6). Они изготавливались в крупных городах Золотой Орды, в том числе в Сарае и Булгаре (Григорьев, Егоров, Руденко, 2003, с. 508, рис. 1–1) и датируются серединой – второй половиной XIV в., а время бытования их – вторая половина XIV – первая четверть XV в.

1–5) в основном привозные. Из них редки перстни с ажурным филигранным кастом составленным из сердцевидных элементов, закрепленных у основания пояском зерни (рис. 8: 1).

Остальные перстни отличаются дополнительными деталями: вставками на боковых сторонах шинки (рис. 8: 4) или накладными орнаментированными пластинами (рис. 8: 3, 5). Дизайн перстней варьируется по форме и размеру каста, а также огранке вставки. Чаще всего использовалась вставка типа кабошон. Изготавливались они из бирюзы, граната, сердолика или горного хрусталя. Бли-

Рис. 10. а – перстень. Золото. Коллекция МА К(П)ФУ, инв. № АКУ–1/5;
б – перстень. Золото. Собрание НМ РТ, инв. № 15089.

Fig. 10. а – signet ring. Gold. Collection of the Archaeology Museum of Kazan (Volga Region) Federal University, inv. No. АКУ-1/5; б – signet ring. Gold. Collection of the National Museum of the Republic of Tatarstan, inv. No. 15089,

жайшие аналогии им мы находим в Иране и Средней Азии, где подобные изделия датируются XIII–XIV вв. (Древности, 1985, с. 325, кат. №№ 829–831).

Новым явлением для болгарского ювелирного дела золотоордынской эпохи стали ажурные накладки и подвески (рис. 9: 1, 2, 4–7). Простейшие их формы в виде многолепестковой розетки, выложенной из сканой проволоки (рис. 9: 1), вероятно, местного производства. Более сложные украшения (рис. 9: 5–7) производились в золотоордынских городах Нижней Волги и Хорезма со второй половины XIII в. (Крамаровский, 2001, с. 171).

Таким образом, сравнив золотые украшения болгар домонгольского и золотоордынского времени, можно отметить существенные отличия между ними. Большая часть ассортимента золотых украшений домонгольского времени полностью выходит из употребления к концу XIII в. и заменяется новыми типами изделий, связанными

в большинстве своем с унифицированной модой золотоордынского государства. Утрачиваются сложные технологии изготовления украшений в сканозерневой технике, как и популярное на протяжении двух столетий ажурное плетение из серебряной и золотой проволоки. Инновации во многом были обусловлены не развитием местных ювелирных традиций, а заимствованием уже готовых форм и приемов. Впрочем, этот же путь прошло и домонгольское ремесло болгар на этапе своего становления. Однако отличие в этих процессах связано с тем, что в домонгольское время элитарная мода следовала, в основном, за традиционными культурно-эстетическими стереотипами, сформировавшимися в полиэтничной среде болгарского государства (Руденко, 2016, с. 388–393), а в золотоордынское время она являлась продуктом регулируемого государством процесса создания социально-классовых маркеров, деления общества на дифференцированные социальные страты.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Генинг В.Ф., Халиков А.Х.* Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). М.: Наука, 1964. 200 с.
2. *Григорьев В.В., Егоров В.Л., Руденко К.А.* Ювелирные изделия с Селитренного городища // Археология Восточноевропейской лесостепи / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин, В.В. Ставицкий. Пенза: ПГПУ, 2003. С. 507–512.
3. Древности Таджикистана. Каталог выставки / Отв. ред. В.Е. Зеймаль. Душанбе: Дониш, 1985. 344 с.
4. Золотая Орда. История и культура. Каталог выставки. СПб.: Славия, 2005. 264 с.
5. *Казаков Е.П.* Культура ранней Волжской Болгарии (этапы этнокультурной истории). М.: Наука, 1992. 335 с.
6. *Калинин Н.Ф., Халиков А.Х.* Итоги археологических работ за 1945–1952 гг. / Труды Казанского филиала Академии наук СССР. Серия исторических наук. Казань: Таткнигоиздат, 1954. 126 с.
7. *Корзухина Г.Ф.* Русские клады IX–XIII вв. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 226 с.
8. *Крамаровский М.Г.* Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб.: Славия, 2001. 364 с.
9. *Руденко К.А.* Булгарское золото: филигранные височные подвески. Древности Биляра. Том I. Казань: Заман, 2011. 256 с.
10. *Руденко К.А.* Булгарское серебро. Древности Биляра. Том II. Казань: Заман, 2015. 528 с.
11. *Руденко К.А.* Культура Волжской Булгарии в отражении памятников ювелирного искусства // Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара. Каталог выставки / Сост. А.И. Торгоев, И.Р. Ахмедов. М.: Изд. дом Марджани, 2016. С. 388–393.
12. *Смирнов А.П.* Волжские болгары / Труды ГИМ. Вып. XIX. М.: ГИМ, 1951. 275 с.
13. *Смирнов А.П., Янина С.А.* Находка редких золотых перстней в Болгарах // СА. 1967. № 3. С. 303–306.
14. *Смолин В.Ф.* Клад восточных золотых предметов из болгарского города Джукетау // ВНОТ. № 3. 1925. С. 16–28.
15. Сокровища Золотой Орды. Каталог выставки / Авторы: Елихина Ю.И., Крамаровский М.Г., Полякова Г.Ф. СПб.: Славия, 2000. 346 с.
16. *Сташенков Д.А.* Раскопки Кайбельского средневекового могильника в 1953–1954 годах // Вопросы археологии Поволжья / Ред. И.Б. Васильев. Вып. 3. Самара: Изд-во Самар. НТЦ, 2003. С. 324–345.

Информация об авторе:

Руденко Константин Александрович доктор исторических наук, профессор, Казанский государственный институт культуры (г. Казань, Россия); murziha@mail.ru

**GOLDEN ADORNMENTS OF VOLGA BOLGARIA
AND THE BOLGAR ULUS OF THE GOLDEN HORDE:
COMPARATIVE ANALYSIS EXPERIENCE**

K.A. Rudenko

The paper considers gold adornments dating back to the 10th–14th centuries and associated with Volga Bulgaria and the Bolgar Ulus of the Golden Horde. The author determined that the range of products was stable during the period under study. The Bulgars wore signet rings, bracelets, pendants, temple rings and earrings. In the Golden Horde period, gold was

used to produce belt details and clothing decorations. However, the design and technology of crafting the artefacts were different. The Bulgars developed Golden adornments during the 11th–12th century on the basis of local traditions with the application of technologies practices by the jewellers of the Middle East (Syria, Egypt), and perhaps with their direct participation. A portion of golden jewellery was imported to Bulgaria in the 12th–early 13th centuries from Oriental countries. In the Golden Horde period, golden adornments were an indicator of the social status of the wearer. Most of them were imported, and other artefacts were produced in accordance with the jewellery traditions of the Golden Horde.

Keywords: archaeology, material culture, the Bulgars, Volga Bulgaria, medieval art, the Golden Horde.

REFERENCES

1. Gening, V. F., Khalikov, A. Kh. 1964. *Rannie bolgary na Volge (Bol'she-Tarkhanskii mogil'nik) (Early Bulgars on the Volga River (Bolshie-Tarkhany Burial Ground))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
2. Grigor'ev, V. V., Egorov, V. L., Rudenko, K. A. 2003. In Belorybkin, G. N., Stavitsky, V. V. (eds.). *Arkheologiya Vostochnoevropeiskoi lesostepi (Archaeology of the East-European Forest-Steppe Zone)*. Penza: Penza State Pedagogical University, 507–512 (in Russian).
3. Zeimal', V. E. (ed.). 1985. *Drevnosti Tadjikistana (Antiquities of Tadjikistan)*. Dyushambe: "Donish" Publ. (in Russian).
4. 2005. *Zolotaia Orda. Istoriia i kul'tura. Katalog vystavki (The Golden Horde. History and Culture. Exhibition Catalogue)*. Saint Petersburg: "Slaviia" Publ. (in Russian).
5. Kazakov, E. P. 1992. *Kul'tura rannei Volzhskoi Bolgarii (etapy etnokul'turnoi istorii) (Culture of the Early Volga Bulgaria: Stages of the Ethnic and Cultural History)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
6. Kalinin, N. F., Khalikov, A. Kh. 1954. In *Trudy Kazanskogo filiala Akademii nauk SSSR. Seriya istoricheskikh nauk (Proceedings of the Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences. Historical Sciences Series)*. Kazan: "Tatknigoizdat" Publ., 1-126 (in Russian).
7. Korzukhina, G. F. 1954. *Russkie klady IX–XIII vv. (Russian Hoards of 9th–13th Centuries)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
8. Kramarovskii, M. G. 2001. *Zoloto Chingisidov: kul'turnoye nasledie Zolotoy Ordy (Gold of Genghisid: the cultural heritage of the Golden Horde)*. Saint Petersburg: "Slaviya" Publ. (in Russian).
9. Rudenko, K. A. 2011. *Bulgarskoe zoloto: filigrannye visochnye podveski (Bulgarian Gold: Filigreed Temple Pendants)*. Series: *Drevnosti Biliara (Antiquities of Biljar)*. I. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).
10. Rudenko, K. A. 2015. *Bulgarskoe srebro (Bulgarian Silver)*. Series: *Drevnosti Biliara (Antiquities of Biljar)* II. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).
11. Rudenko, K. A. 2016. In Torgoev, A. I., Akhmedov, I. R. (comp.). *Kul'tura Volzhskoi Bolgarii v otrazhenii pamiatnikov iuvelirnogo iskusstva // Puteshestvie Ibn Fadlana: Volzhskii put' ot Bagdada do Bulgara. Katalog vystavki (The Journey of Ibn Fadlan: The Volga Route from Baghdad to Bolgar. Exhibition Catalogue)*. Moscow: "Izdatel'skii dom Mardzhani" Publ. 388–393 (in Russian).
12. Smirnov, A. P. 1951. *Volzhskie bulgary (Volga Bulgars)*. Series: *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum)*. XIX. Moscow: State Historical Museum (in Russian).
13. Smirnov, A. P., Yanina, S. A. 1967. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)*. (3), 303–306 (in Russian).
14. Smolin V.F. 1925. In *Vestnik nauchnogo obshchestva tatarovedeniia (Bulletin of the Scientific Society for Tatar Studies)*. 3, 16–28 (in Russian).
15. Elikhina, Yu. I., Kramarovskii, M. G., Poliakova, G. F. 2000. *Sokrovishcha Zolotoi Ordy. Katalog vystavki (Treasures of the Golden Horde. Exhibition Catalogue)*. Saint Petersburg: "Slaviia" Publ. (in Russian).

16. Stashenkov, D. A. 2003. In Vasil'ev, I. B. (ed.). *Voprosy arkheologii Povolzh'ia (Issues of Archaeology of the Volga Region)* 3. Samara: Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 324–325 (in Russian).

About the Author:

Rudenko Konstantin A. Doctor of Historical Sciences. Professor, Kazan State Institute of Culture. Orenburgsky Trakt St., 3, Kazan, 420059, Russian Federation; murziha@mail.ru

Статья поступила в номер 22.05.2018 г.

УДК 903.25

<https://doi.org/10.24852/pa2018.2.24.125.133>

НОВАЯ НАХОДКА КОСТЯНОЙ НАКЛАДКИ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ДРАКОНА НА МАДЖАРСКОМ ГОРОДИЩЕ¹

© 2018 г. Ю.Д. Обухов, С.Г. Бочаров

В рамках выполнения Государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2014–2019 гг.)» экспедиция «Каффа» Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ проводит систематические исследования на Маджарском городище. Маджарское городище является остатками золотоордынского города Маджар и расположено у современного города Будённовск Ставропольского края. Работа посвящена редкой находке костяного изделия на изучаемом городище. Прорезная костяная накладка, с изображением дракона обнаружена во время археологических раскопок 2016 года при зачистке вымостки средневековой городской улицы. Мощёная улица в Золотоордынских городах зафиксирована впервые. Изученный участок вымостки состоял из 174 фрагментов бракованных кирпичей местного производства, 115 камней песчаника и 127 фрагментов битого кирпича. Время функционирования городской улицы а следовательно и время потери костяной накладки приходится на правление хана Джанибека и датировано 12 монетами. Накладка выполнена из плотного рога. В четырёхлепестковом заостренном кверху под прямым углом медальоне размером 72×72 мм, напоминающем бутон лотоса, размещено прорезное изображение дракона с жемчужиной. Детально рассмотрена символика образа дракона. Выдвигаются предположения о возможном месте изготовления подобной продукции и использовании подобных предметов на территории Монгольской империи.

Ключевые слова: археологические исследования, Золотая Орда, городище Маджары, дракон, огненная жемчужина.

Целью данной работы является введение в научный оборот неординарной находки, сделанной в 2016 году при раскопках на памятнике археологии «Городище Маджары» в Ставропольском крае в рамках исследований, проводимых по Государственной программе Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2014–2019 гг.)» (Бочаров, Ситдилов, 2016, с. 193).

Работами на раскопе XII (по общей нумерации, принятой для памятника) было начато изучение восточного участка центральной части средневекового Маджарского городища периода Золотой Орды. Исследуемый участок находится в 1120 м восточнее завершения улицы Прикумской, у столярного цеха на восточной окраине г. Буденновск, в 1760 м южнее завершения улицы Садовой села Покойное Буденновского района (рис. 1).

¹ Работа выполнена за счет средств субсидии, выделенной в рамках государственной поддержки Казанского (Приволжского) федерального университета в целях повышения его конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров.

Рис. 1. Расположение раскопа XII на территории Маджарского городища.

Fig. 1. Location of excavation 12 in the territory of the Madzhar fortified settlement.

Раскоп XII находился на обрабатываемом поле в 700 м восточнее поймы реки Кумы. На месте размещения раскопа XII, в сельскохозяйственной распашке, фиксировалось большое количество поливных полихромных изразцов. Поле представляет собой достаточно ровный сnivelированный участок земли с перепадом в 1,5 метра с юга на север (рис. 1).

Костяная накладка (№ 220 в соответствии с коллекционной описью) обнаружена в кв. В1, при зачистке сооружения 3. Данное сооружение являлось частью вымостки средневековой городской улицы. Размеры открытой исследованиями части составили: длина – 4,30 м, наименьшая ширина – 0,8 м (в северо-восточном углу кв. В1), наибольшая – 2,30 м (кв. В2 и В2), наибольшая высота – 16 см. Вымостка состояла из 174 фрагментов бракованных кирпичей местного производства, 115 камней песчаника и

127 фрагментов битого кирпича. Сооружение 3 было повреждено сооружением 1 (рис. 2). Помимо описываемой костяной накладки при зачистке сооружения 3 зафиксировано 12 индивидуальных находок: монеты медные (№№ 209, 211–213, 215–219) – 9 экз.; фрагмент пломбы свинцовой (№ 210); фрагмент стенки сосуда стеклянного (№ 235); фрагмент бусины стеклянной (№ 214). Археологический контекст накладки датируется 50-ми годами XIV века (II ранний слой).

Прорезная накладка выполнена из плотного рога². В четырехлепестковом заостренном вершине под прямым углом медальоне размером 72×72 мм, напоминающем бутон лотоса, выполнено прорезное изображение дракона. Поле накладки выполнено в строгих

² Определение выполнено н.с. лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН, к.и.н. Л.В. Яворской

Рис. 3. Костяная накладка с изображением дракона.

Fig. 3. Bone overlay with a dragon image.

стом дракона», императорская церемониальная одежда – «платьем дракона». Изображениями и скульптурами этих существ украшались императорские дворцы (Ням-Осорын Цултем, 1984, с. 42). Для китайцев Императорский Дракон, считается основным из четырех доброжелательных духовных животных. Некоторые предания и легенды гласят, что настоящий император рождается с родинкой в форме дракона (Мифы народов мира, 1982, с. 605; Кравцова, 2004, с. 386–387). Учитывая влияние китайских административно-управленческих и культурных традиций на социально-политическое устройство Монгольской империи в целом и Золотой Орды, в частности, весьма привлекательно связать происхождение найденной в Маджаре накладки с территорией Китая и отнести ее к статусным предметам высшего сословия. Сразу уточним, предмет найден на поверхности улицы древнего города, мощеной кирпичем и камнем, при зачистке которой были зафиксированы девять медных

джучидских монет с шестилепестковой розеткой чеканки Нового Сарая (начало 1350-х гг.) (Фёдоров-Давыдов, 2003, с. 31), что может также иметь значение в датировке найденного предмета.

Ряд современных исследователей склонны отождествлять любое изображение дракона с важнейшим геральдическим символом власти. (Крамаровский, 2000, с. 146–147; Юрченко, 2013, с. 111). В теме сопряжения образа императора с драконом большую роль играет вопрос о количестве пальцев и соответственно когтей дракона. Так, у изображений драконов в династии Хань было три когтя, у династии Суй (581–618 гг.) обычно изображались три, иногда четыре когтя. Династия Юань (1271–1368 гг.) предпочитала изображать дракона с четырьмя когтями, а при династии Мин (1368–1644) законодательно было установлено, что изображения пятикоготных драконов предназначены исключительно для императора и его императорской се-

Рис. 4. Фрагмент костяной накладки с изображением дракона.

Fig. 4. Fragment of a bone overlay with a dragon image.

мы. Хотя известно, что эти правила не всегда строго соблюдались (Roy-Bates, 2007. p. 14).

В официальной китайской истории «Юань ши» династии Юань (1271–1368 гг.), записанной при последующей династии Мин (1368–1644 гг.), упоминается «Закон пяти когтей» (Исаков, Афоньков, Архангельский, Павленко, Шереметьев, 2014, с. 238), однако отсутствие на сегодняшний день качественного доступного перевода древнего текста и наличие других точек зрения заставляет оставить данный факт без комментариев. В поздний период правления династии Цин (1644–1912 гг.) пятипалый дракон с жемчужиной изображался на национальном флаге. Жемчужина в древней китайской мифологии означала «жизнь». Игра дракона с ослепительным шаром трактуется как игра силы с силой. Начиная с Ханьской империи пара драконов, сражающихся за обладание жемчужиной, служит символом китайского оружия, а образ дракона стал все чаще использоваться для описания военных действий и могучей армии (Ступникова, 2014, с. 327–328).

Сегодня в распоряжении исследователей имеется достаточное количество предметов, выполненных из различных, в том числе драгоценных, материалов с изображением трехпалых драконов, статусность которых остается достаточно спорным вопросом (Юрченко, 2013, с. 9). Отсутствие информативных первоисточников позволяет современным исследователям при рассмотрении поясных накладок с изображением дракона из погребения у с. Маляевка (Волгоградская область) игнорировать «огненную жемчужину» – важнейший элемент геральдического символа дракона и одновременно символа императора и рассуждать о статусности вещи, основываясь лишь на сырье, из которого она изготовлена: «... недорогой материал, из которого они сделаны, может указывать на не слишком высокий ранг их обладателя».³ (Исаков, Афоньков, Архангельский, Павленко, Шереметьев, 2014, с. 240). Авторы также утверждают: «Необходимо отметить, что изображения на маляевских бляхах стилистически не соответствуют китайским...». Однако стилистическую аналогию драконам с маляевских блях находим на орнамен-

³ Здесь речь идет о бляхах из Маляевского могильника (Сергацков И.В., Дворниченко В.В., Демкин В.А. Курганный могильник Маляевка V / Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград: ВолГУ.2001. № 1. С. 13–63)

те серебряного изделия провинции Цзян-су, датируемого XII в. (Кравцова, 2004, с. 386–387). При этом надо признать, что центральные заклепки со стеклянными вставками маляевских блях выполняли роль смысловой атрибутики «огненной жемчужины». Затраченные мастером усилия на изготовление подобных предметов как по времени, так и по использованию материалов вовсе не удешевляют данные вещи и не могут быть ориентированы на владельца с невысоким достатком. Что касается так называемого «дешевого материала» – рога и кости, – то, очевидно, его использование имело практический характер, облегчая снаряжение воина или чиновника. Это относится и к конскому снаряжению.

По свидетельству китайского путешественника Чжао Хун, посетившего в 1221 г. столицу чжурчженей Яньзин, конское снаряжение, седло и конские ремни, Чингисхана и его приближенных украшались фигурами свернувшихся драконов (Мэн-да бэй-лу, 1975, с. 76).

Чингисхан, объединивший монгольские племена и покоривший многие народы, создал действенную военно-административную систему монгольского государства по образцу китайской империи. Образование Монгольской империи создало предпосылки для знакомства монголов с культурным наследием многих государств и народов Азии и Европы. Прочные торговые связи, в том числе Золотой Орды с Китаем, способствовали развитию культурных и ремесленных традиций завоеванных территорий. На рынки городов Золотой Орды в большом количестве поступали изделия китайских мастеров:

шелковые ткани, бронзовые зеркала, фарфоровая посуда, декорированные, в том числе изображениями дракона, феникса, цветами хризантемы, пиона и лотоса – символами власти, бессмертия и святости (Кравцова, 2004, с. 378). Безусловно, статусные вещи ценились и соответственно, отвечая потребностям рынка, копировались. Высокий уровень квалификации ремесленников, проживающих в городах Золотой Орды, подтверждается письменными источниками (Рашид-ад-Дин, 1960, с. 40; Плано Карпини, 1957, с. 58) и археологическими исследованиями (Блохин, Яворская, 2006, с. 190–191; Пигарёв, 2015, с. 128). Затруднительно говорить о месте производства того или иного предмета, опираясь лишь на стилистику изображения. Не всегда маркером может служить и сырьевой материал, в нашем случае плотный рог мог быть добыт на всем пространстве Монгольской империи, а также перемещен в зависимости от спроса на рынке. Если действовала строго регламентирующая практика ношения административно-управленческой атрибутики, к которой относилась и публикуемая находка, то взамен потерянной на улице Маджара владельцем должна была быть заказана новая накладка и вряд ли для этого нужно было бы ехать в Китай, о наличии в Маджаре развитого косторезного производства свидетельствуют археологические исследования, в том числе и недавнего времени (Яворская, Антипина, 2014, с. 247).

Подводя итог, предположим, что Маджарский дракон выполнен под влиянием традиций Поднебесной империи. Изделие могло быть частью конского снаряжения или деталью

мужского пояса. Оно могло принадлежать владельцу любого сословия и ранга, при этом выполняя функцию как административно-управленческой атрибутики, так и декоративно-прикладного убранства. Публикация данного предмета – первой подобной находки на городище, датированного не позднее 1353 г., – является еще одним шагом к пониманию историко-культурных традиций Монгольской империи на территории Золотой Орды.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Блохин В.Г., Яворская Л.В.* Археология Золотордынских городов Нижнего Поволжья. Волгоград: ВолГУ, 2006.
2. *Бочаров С.Г., Ситдинов А.Г.* Керамический комплекс города Маджар, по материалам исследований 2015 г. (Нижняя Волга и Северный Кавказ) // Материалы V Международной Нижневолжской археологической конференции. Элиста: Изд. Калмыцкого университета, 2016. С. 192–197.
3. *Исаков Р.В., Афоньков Н.Н., Архангельский М.С., Павленко Ю.А., Шереметьев А.Г.* К вопросу атрибуции золотоордынских накладок из курганного могильника Маляевка-V // Поволжская археология. 2014. № 1(7), С. 233–246.
4. *Кравцова М.Е.* Мировая художественная культура. История искусства Китая: Учебное пособие. Saint Petersburg: Лань; ТРИАДА, 2004. 960 с.
5. *Крамаровский М.Г.* Золото Чингисидов: Джучидская сокровищница // Сокровища Золотой Орды: каталог выставки / Авторы: Елихина Ю.И., Крамаровский М.Г., Полякова Г.Ф. СПб.: Славия, 2000. С. 146–147.
6. *Мэн-да бэй-лу* "Полное описание монголо-татар" // перевод Н.Ц. Мункуева. М. Наука. 1975.
7. *Ням-Осорын Цултем.* Искусство Монголии с древнейших времен до начала XX века, М.: Изобразительное искусство, 1984. 232 с.
8. *Пигарёв Е.М.* Гончарное производство золотоордынского города Сарай (Селитренное городище) // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 7 / Отв. ред. Ю.А. Зеленев. Йошкар-Ола: МарГУ, 2015. 208 с.
9. Путешествия в восточные страны Плана Карпини и Рубрука. М.: Географгиз, 1957. 272 с.
10. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2 / Перевод с персидского Ю.П. Верховского. Примечания Ю.П. Верховского и Б.И. Панкратова. Редакция проф. И.П. Петрушевского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 248 с.
11. *Ступникова В.В.* Дракон в зеркале Чэньюев // Человек и культура Востока: Исследования и переводы. М.: ИДВ РАН, 2014. 368 с.
12. *Федоров-Давыдов Г.А.* Денежное дело Золотой Орды. М.: Палеограф, 2003. 352 с.
13. *Юрченко А.Г.* Элита Монгольской империи. Время праздников. Время казней. СПб: Евразия, 2013. 432 с.
14. *Яворская Л.В., Антипина Е.Е.* Золотоордынский город Маджар: первые результаты исследования археозоологической коллекции из ремесленного квартала (раскоп № X – 2014 г.) // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 4 / Отв. ред. В.И. Завьялов, С.В. Кузьминых. М.: Таус, 2017. С. 245–252.
15. Roy Bates, All about Chinese Dragons, Published by China history Press, 2007.

Информация об авторах:

Обухов Юрий Дмитриевич, директор, Краеведческий музей села Прасковья (с. Прасковья, Будённовский р-н, Ставропольский край, Россия); muzeypрасковья@yandex.ru

Бочаров Сергей Геннадиевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); sgbotcharov@mail.ru

NEW BONE OVERLAY WITH A DRAGON IMAGE DISCOVERED AT MADZHAR FORTIFIED SETTLEMENT

Yu.D. Obukhov, S.G. Bocharov

Systematic studies are conducted at Madzhar settlement by the “Kaffa” expedition of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan within the framework of the State Program of the Republic of Tatarstan “Preservation of the National Identity of the Tatar People (2014–2019)”. Madzhar fortified settlement represents the remains of the Golden Horde town of Madzhar located near the contemporary town of Budennovsk in Stavropol Krai. The work is dedicated to the discovery of a bone article at the fortified settlement in question. A carved bone overlay with a dragon image was discovered at the archaeological excavations of 2016. The bone overlay was found during cleaning of the pavement of a medieval town street. A paved street was discovered in a Golden Horde town for the first time in history. The studied area of the pavement consisted of 174 fragments of locally manufactured defective bricks, 115 sandstones and 127 broken brick fragments. The period of operation of the town street and, correspondingly, the time of loss of the bone overlay correspond to the reign of Djanibek Khan, and has been dated on the basis of 12 coins. The carved overlay was made of thick horn. A four-leaved medallion with a rectangular pointed upper edge dimensioned 72×72 mm, which resembles a lotus bud, features a carved image of a dragon. The symbolics of the dragon image was thoroughly studied. Suggestions are made in relation to the possible location of manufacture of such products and the use of similar articles in the territory of the Mongol Empire.

Keywords: archaeological studies, the Golden Horde, Madzhar fortified settlement, dragon, fire pearl.

REFERENCES

1. Blokhin, V. G., Yavorskaya, L. V. 2006. *Arkheologiya Zolotordynskikh gorodov Nizhnego Povolzh'ia (Archaeology of the Golden Horde Towns of the Lower Volga Region)*. Volgograd: Volgograd State University (in Russian).
2. Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. 2016. *Materialy V Mezhdunarodnoi Nizhnevolzhskoi arkheologicheskoi konferentsii (Proceedings of the 5th International Lower Volga Archaeological Conference)*. Elista: Kalmyk State University. 192–197 (in Russian).
3. Isakov, R. V., Afon'kov, N. N., Arkhangelsky, M. S., Pavlenko, Yu. A., Sheremet'ev, A. G. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (1), 233–246 (in Russian).
4. Kravtsova, M. E. 2004. *Mirovaia khudozhestvennaia kul'tura. Istoriia iskusstva Kitaia: Uchebnoe posobie (World Artistic Culture. The History of Chinese Art: Educational book)*. Saint Petersburg: “Lan”; “TRIADA” Publ. (in Russian).
5. Kramarovskii, M. G. 2000. In Elikhina, Yu. I., Kramarovskii, M. G., Poliakova, G. F. (comp.). *Sokrovishcha Zolotoi Ord. Katalog vystavki (Treasures of the Golden Horde. Exhibition Catalogue)*. Saint Petersburg: “Slaviia” Publ. (in Russian).
6. Men-da bei-lu. 1975. *Polnoe opisaniie mongolo-tatar (Complete Description of the Mongol-Tatars)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

The work was funded by a subsidy granted under the State support program of Kazan (Volga Region) Federal University in order to increase its competitiveness among the leading world scientific and educational centers.

7. Niam-Osoryn, Tsultem. 1984. *Iskusstvo Mongolii s drevneishikh vremen do nachala XX veka (The Art of Mongolia from Ancient Times to the Early 20th Century)*. Moscow: "Izobrazitel'noe iskusstvo" Publ. (in Russian).
8. Pigarev, E. M. 2015. In Zeleneev, Yu. A. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkhologii Povolzh'ia (Materials and Research on the Archaeology of the Volga Region) 7*. Yoshkar-Ola: Mari State University (in Russian).
9. *Puteshestvie v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka (The Journey of Plano Carpini and William of Rubruk to the Eastern Parts)*. 1957. Moscow: "Geografiz" Publ. (in Russian).
10. In Petrushevskii, I. P. (ed.). 1960. *Rashid-ad-Din. Sbornik letopisei (Rashid-al-Din. Collection of Chronicles) 2*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
11. Stupnikova, V. V. 2014. *Chelovek i kul'tura Vostoka: Issledovaniia i perevody (People and Culture of the East: Studies and Translations)*. Moscow: Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
12. Fyodorov-Davydov, G. A. 2003. *Denezhnoe delo Zolotoi Ordy (Coinage of the Golden Horde)*. Moscow: "Paleograf" Publ. (in Russian).
13. Yurchenko, A. G. 2013. *Elita Mongol'skoi imperii. Vremia prazdnikov. Vremia kaznei (The Elite of the Mongol Empire. Time for Festivities. Time for Executions)*. Saint Petersburg: "Evraziia" Publ. (in Russian).
14. Yavorskaya, L. V., Antipina, E. E. 2017. In Zav'yalov, V. I., Kuzminykh, S. V. (eds.). *Analiticheskie issledovaniia laboratorii estestvennonauchnykh metodov (Analytical Studies of the Laboratory of Natural Scientific Methods) 3*. Moscow: "TAUS" Publ., 245–252 (in Russian).
15. Roy, Bates. 2007. *All about Chinese Dragons*, Published by China history Press.

About the Authors:

Obukhov Yuri D. Director. Local History Museum of the village of Praskoveya, Lenina St., 50, village Praskoveya, Budennovskiy district, Stavropol Territory, 356817, Russian Federation; myzeypraskoveya@yandex.ru

Bocharov Sergei G. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sgbotcharov@mail.ru

Статья поступила в номер 13.05.2018 г.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/pa2018.2.24.134.149>

ГОРОДИЩЕ "ШАРЕНЬ БУГОР" (ГОРОД ХАДЖИ-ТАРХАН) И ЕГО ОКРУГА

© 2018 г. Е.М. Пигарёв

Автором анализируются новые данные по локализации золотоордынского города Хаджи-Тархан (городище Шарень бугор) и его округа. Предлагается версия о времени появления населенного пункта. Объясняются причины исчезновения города. Рассматриваются принципы формирования городской округи и оформления ее границ с учетом географических условий. Дается характеристика Волжской дельты, где естественные географические преграды, каковыми являлись крупные и средние реки, превращались в административные границы между микрорегионами, сформированными золотоордынскими городами и, связанными с ними административно и экономически многочисленными поселениями. Предлагается своя условная модель "микрорегиона Хаджи-Тархан" с описанием административных границ и археологических объектов золотоордынской эпохи, находящихся на этой территории. Подвергается критике радиальная методика определения административно-хозяйственных границ микрорегиона, предложенная Л.Ф. Недашковским. При описании округа города Хаджи-Тархан применяется осевая методика определения ее границ. При сравнении собственного списка золотоордынских поселений, входящих в эту округу, со списками, ранее предложенными коллегами, автор находит совпадение только с восемью археологическими объектами. Археологические памятники, не вошедшие в этот список, по мнению автора, относятся к другим дельтовым городам Золотой Орды, вокруг которых также формировались сельские округи. Все эти населенные пункты осуществляли контроль за многочисленными в волжской дельте водными торговыми путями.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, Хаджи-Тархан, Волга, дельта, город, поселение, могильник, округа.

Городище «Шарень бугор» находится на правом берегу р. Волги выше по течению современного города Астрахань и занимает площадь более 300 га. Западная, северная и южная стороны города представлены многочисленными усадьбами, расположенными на боровских буграх, растянувшихся на многие километры. Восточная его часть сильно разрушена течением Волги. О разрушении берегов волжским течением приводится информация в ряде источников: «После Бузана Волга отделяет от себя два замечательные рукава: Рычу и Балду; последний, год от году, по замечаниям

местных жителей, становится шире и шире, потому что быстрым стремлением реки заметно срывает левый ее берег. Это же самое замечают везде. Но, в то же время, Волга в одном месте отрывая целые яры или мысы, несет их дальше и приставляет их опять к берегу, или намывает новые берега ... таким образом, прорывая для себя новое ложе, прокладывая новые пути ... был еще городок по правому берегу Волги, на седьмой версте выше селения Солянки... Татарское название этого места – Куюк-Кала, что значит Горелый городок. Говорят, что Ямгурчей имел здесь свое

летнее пребывание. И нынче, когда случится, что Волга смоет и оторвет от берега часть яра, то в свежей стене берега находят человеческие кости, старинные кирпичи и татарские монеты» (Небольсин, 1852, с. 6, 58). Также: «Жители правого берега ее со временем должны будут во многих местах снять свои дома и переселиться, потому что стремлением Волги, имеющим направление преимущественно к нагорной стороне, ежегодно уносит значительную часть земель с огородами и жилищами» (Военно-статистическое..., 1852, с. 43). Известно, что ниже Волгограда русло реки Волги резко, практически под прямым углом, сворачивает на юго-восток. При этом весь водный массив, идущий сверху, ударяет в правый берег реки, что, естественно, приводит к его активному разрушению. В XX веке, после строительства ряда плотин, этот процесс стал менее заметен, но до этого он был весьма ощутим. Исследования морфолитодинамики русла Нижней Волги от Волгограда до Астрахани, выполненные Географическим факультетом МГУ и Институтом океанологии РАН, показали динамику горизонтальных деформаций русла Волги с 1917 г. до начала XXI в. Так, на различных участках береговая линия деформировалась со сдвигом на запад от 50 до 500 м, особенно это заметно на Енотаевском и Сероглазовском участках (Атлас..., 2009, с. 130). Анализ развития горизонтальных деформаций за исторический период времени (с 1914 г.) позволил установить общую тенденцию смещения русла Нижней Волги в сторону правого берега относительно своей оси. Эта тенденция отмечается практически на всех выделенных участках Нижней

Волги и заключается в преобладании размыва и отступления правых берегов (Атлас..., 2009, с. 213).

Таким образом, точную площадь города установить невозможно. Среди ученых не вызывает сомнений то, что именно здесь в золотоордынскую эпоху располагался один из крупнейших городских центров Нижнего Поволжья город Хаджи-Тархан, который обладал правом чеканки монет с 1374 г.; известны монеты с обозначением «белед Хаджитархан» – «округ Хаджи-Тархан» (Гончаров, 2000, с. 347). Возможно, первым упоминанием в письменном источнике о городе Хаджи-Тархане можно считать сообщение Рубрука о ставке Сартака на западном берегу Волги, где был построен новый поселок с церковью, которое датируется октябрем 1254 г. Вероятно, город возник на месте постоянной ставки орды Сартака (Пигарев, 2017, с. 46). В 1360-х гг. в Золотой Орде начались междоусобные войны, в ходе которых происходила частая смена ханов. Энергичные претенденты на верховную власть стали захватывать административные центры – города. Во второй половине 1360-х гг. Хаджи-Черкес, походный эмир хана Бердибека, сделал Хаджи-Тархан своей ставкой и в 1374 г. начал чеканить здесь монету с именем Черкес бека (Плахов, 2009, с. 228–229).

История изучения городища насчитывает несколько десятилетий и достаточно подробно изложена в научной литературе (Гузейров, 2004, с. 5–16; Недашковский, 2010, с. 123–155; Егоров, 1985, с. 119; Плахов, 2009, с. 225–230). В основном исследование городища проходило в виде научных экскурсий, в ходе которых производился сбор археологических

предметов и описание увиденного. Непосредственно археологические раскопки на памятнике проводились редко и не регулярно. В 1893 году археологическим исследованием городища «Шареный бугор» занимался член Императорской археологической комиссии А.А. Спицын (Спицын, 1893, с. 77–94). В 1913 году раскопки на городище проводились шведским археологом Арнэ (Образцов, 1925, с. 2–26.) В 1966 г. экспедицией под руководством А.М. Мандельштама и В.И. Филипченко был исследован один из бугров, находящийся в центральной части городища (Мандельштам, 1966; Шилов, 1966, с. 88–89). На сохранившейся южной окраине бугра был заложен раскоп 110×104 м. В ходе работ были обнаружены землянки, многочисленные ямы (мусорные, выгребные, очажные), две крупные печи для обжига керамики. В 1984 г. раскопки на окраине городища проводились археологическим отрядом Астраханского государственного объединенного историко-архитектурного музея-заповедника под руководством В.В. Плахова (Плахов, 1984; Плахов, 2009, с. 226–228). Их результатом было обнаружение комплекса усадьбы с четырьмя землянками. Кроме того, археологическим разведкам была подвергнута площадь вокруг средневекового города (Васильев, 1992; Гузейров, 2004, с. 5–6). В ходе этих работ были обнаружены десятки поселений, могильников и местонахождений материала, относящихся к золотоордынскому времени.

В последнее время был опубликован ряд работ, посвященных административному делению земель, входивших в состав Улуса Джучи, где также поднимался вопрос форми-

рования и взаимосвязи города и его округа. Город Хаджи-Тархан не является исключением. Формированию «микрорегиона Хаджи-Тархан» посвящены работы коллег В.В. Плахова, Р.А. Гузейрова и Л.Ф. Недашковского (Плахов, 2009, с. 229–230; Гузейров, 2004а; Недашковский, 2010). Плахов считает округой города территорию одного дневного перехода от Хаджи-Тархана и говорит о «свыше десяти» поселениях, входящих в его округу (Плахов, 2009, с. 229–230). По Р.А. Гузейрову, округа Хаджи-Тархана характеризуется 22 поселениями, 27 могильниками, 12 местонахождениями и 3 монетными кладами (Гузейров, 2004а, с. 163). Л.Ф. Недашковским в эту же округу вносится большее количество археологических памятников: 16 поселений (включая сам «Шареный бугор»), 57 местонахождений, 20 грунтовых могильников, 1 курганный могильник, 6 монетных кладов (Недашковский, 2010, с. 123–154, рис. 4). Критерием для «привязки» того или иного археологического объекта к округе Хаджи-Тархан являлось расстояние: коллегами «были отобраны все археологические памятники золотоордынского времени, располагающиеся не далее чем в 60 км (2–3 дня пути) от центров, рассматриваемых в работе четырех крупнейших золотоордынских городищ», в том числе и Хаджи-Тархана (Недашковский, 2010, с. 13). Здесь же Л.Ф. Недашковский отмечает: «Тот факт, что археологические памятники выделенных нами групп порой оказываются разделенными значительными водными преградами (например, Волгой), не может являться основанием для возникновения сомнений в правильности избранного нами принципа тер-

риториальной близости памятников, т. к. в средневековье передвижение по рекам часто являлось более быстрым и удобным, чем по суше (как в зимнее, так и в летнее время)» (Недашковский, 2010, с. 13–14). Такой подход к поднятому вопросу уже подвергался критике коллег (Блохин, 2008, с. 296–303; Пигарёв, 2010, с. 346–347).

Городская округа – это территория, формирование и развитие которой подчиняется интересам города. Эта территория выполняет важную функцию – снабжение городского населения сельскохозяйственной продукцией, одновременно являясь одним из основных потребителей товаров, производимых городскими ремесленниками. Кроме того, эта территория предоставляет налогооблагаемое население и людские ресурсы для трудовой или военной мобилизации. Город, таким образом, является административным центром для ряда сельских поселений, находящихся на определенной территории. Оформление границ этой территории происходит с учетом различных условий. И, в первую очередь, это транспортная (или пешеходная) доступность и экономическая целесообразность. На местности, чаще всего, границы таких территориальных образований проходят по видимым природным ориентирам там, где возникало препятствие в виде географического объекта – лес, река. Географический объект становился препятствием на пути экономического развития территории.

Волжская дельта, на территории которой находятся практически все известные нам золотоордынские памятники Астраханской области, формируется рекой Волга и ее крупными рукавами – реками Ахтуба, Бузан,

Бахтемир, Старая Волга, Кизань, Болда, Кигач. Главные рукава при своем движении к Каспийскому морю веерообразно разветвляются на многочисленные протоки и ерики, при впадении в Каспийское море Волга насчитывает порядка 800 устьев (Атлас, 1997, с. 4). Даже в настоящее время многие населенные пункты Астраханской области в периоды весеннего половодья или слабоморозной зимы становятся труднодоступными. Такая же ситуация была характерна и для XVIII–XIX вв.: «...Переправы производятся на паромах, судах, косных лодках; в сильные ветры и во время водополя сообщения через реку бывает только на косных лодках и бударках, почему экипажи и обозы тогда не перевозятся. В вешнее половодье переправы эти, в сильную погоду, чрезвычайно затруднительны, а в противных ветрах даже почти невозможны..., не редко тогда случается по целым суткам дожидаться у перевоза на берегу, да и само плавание продолжается часов 18–20... Перевозы скота гуртом весьма не удобны и увеличивают ценность прогона его из степей... Множество протоков и ручьев, наполняющих волжское займище, затрудняет перевозки и сообщения с селениями и станицами, расположенными за Ахтубой, так что в уездный город Красный Яр, отстоящий от Астрахани только на 34 версты, часто совсем не бывает проезда... проток Волги Бузан..., соединившись с Ахтубой, а ниже с Болдою..., потом с Кутумом, сливается с Волгой; наконец Царевка, Башмаковка, Камызяк, Каныз, Чаган и Иванчук... сливаются вместе и тогда прекращается сухопутное сообщение города с окрестною страной...» (Военно-статистическое..., 1852, с. 43, 52).

На наш взгляд, в золотоордынскую эпоху ситуация не могла быть лучше выше описанной. Естественные географические преграды, каковыми являлись крупные и средние реки, превращались в административные границы между микрорегионами, сформированными золотоордынскими городами, и связанными с ними административно и экономически многочисленными поселениями. Это также хорошо заметно на схемах потенциальных экономических зон поселений округа городища «Шареного бугра», подготовленных Л.Ф. Недашковским (Недашковский, 2010, с. 124, рис. 4; ил. 4, 15–19). На этих схемах мы наблюдаем минимум пять «скупенностей» различных золотоордынских объектов, находящихся в разных местах дельты и разделенных между собой водными преградами. «Скупенность» образовывается центральным населенным пунктом (город, крупное поселение) и тяготеющими к нему мелкими поселениями, могильниками, местонахождениями, поэтому вполне закономерно применение к такому явлению термина – «микрорегион» или «белед» (округ). При этом появление подобной структуры расселения приходится не на золотоордынское, а на более раннее время. Так, Васильев Д.В., описывая область Саксин, также отмечает особенности формирования сельских округ вокруг городских центров, находящихся в волжской дельте. Им обоснованно критикуется радиальная и предлагается осевая методика определения административно-хозяйственных границ микрорегиона (Васильев, 2015, с. 216–217).

Исходя из выше сказанного, мы предлагаем свою модель микрореги-

она (округа) Хаджи-Тархан (рис.1). Восточной границей округа Хаджи-Тархана, без всяких сомнений, являлась крупнейшая река Восточной Европы – Волга. И сам город, и поселения, связанные с ним административными и экономическими нитями, располагались на ее правом берегу. Северную и западную границы определить сложнее по причине слабой изученности территории, пока условно ее можно провести по известным нам памятникам. Южная граница этой округа образуется в месте разделения волжского русла на рукава (условно у современного пос. Ильинка): Старая Волга, Кизань, Бахтемир, Камызяк. В поймах каждого из этих рукавов формируются свои микрорегионы (округа), которые в настоящей работе мы рассматривать не будем. Также здесь не рассматриваются микрорегионы, сформированные по волжским рукавам Ахтуба и Болда, где расположены крупные городские поселения золотоордынского времени – городища Красноярское и Мошаик соответственно (Пигарёв, 2015, с. 183, рис. 1).

Таким образом, микрорегион «Хаджи Тархан» состоит из следующих известных нам памятников (рис. 2):

10. Поселение «Тинаки-1», расположено в 2,5 км к западу от пос. Карантинное. Площадь памятника 1200×1000 м. На его территории заложено 4 разведочных шурфа, которые показали наличие культурного слоя мощностью до 80 см, содержащего обломки костей животных и фрагменты круговой красноглиняной керамики золотоордынского времени. Кроме того, на памятнике найдена медная золотоордынская монета чекана Сарай ал-Джедид 1386 г. Поселение входит в

Рис. 1. Условные границы микрорегионов (округов, «белед») на Нижней Волге в золотоордынский период.
Fig. 1. Conventional borders of microregions (districts, "bleeds") on the Lower Volga in the Golden Horde period.

○ условная граница микрорегиона (округа, "белед") Хаджи-Тархан

округу города Хаджи-Тархан (Попов, 2006, с. 12–16).

11. Поселение «Становский», расположено в 800 м к северу от с. Николаевка. В ходе осмотра территории памятника были обнаружены обломки кирпича-плинфы и круговой красноглиняной керамики золотоордынского времени. Поселение входит в округу города Хаджи-Тархан (Попов, 2005, с. 14).

12. Поселение «Большой Джулер», расположено в 800 м к югу от с. Николаевка. Площадь памятника 500×250 м. В ходе осмотра территории памятника были обнаружены обломки кирпича-плинфы, фрагменты глазурованной кашинной и круговой красноглиняной керамики золотоордынского времени. В 1989 г. здесь был обнаружен клад, состоящий из 310 серебряных золотоордынских монет, чеканенных в периоды правления ханов Токты, Узбека и Джанибека. Поселение входит в округу города Хаджи-Тархан (Павленко, 2003, с. 6).

13. Поселение «Бердин», расположено в 50 м к северу от ильменя Бердин, на правом берегу р. Волга. Площадь памятника 1250×140 м. В ходе осмотра территории памятника были обнаружены обломки кирпича-плинфы и круговой красноглиняной керамики золотоордынского времени. Поселение входит в округу города Хаджи-Тархан (Васильев, 1992, с. 1).

14. Поселение «Камынкуль», расположено в 100 м к северу от ильменя Камынкуль, на правом берегу р. Волга. Площадь памятника 850×100 м. В ходе осмотра территории памятника были обнаружены обломки кирпича-плинфы и круговой красноглиняной керамики золотоордынского времени. Поселение входит в округу города Хаджи-Тархан (Васильев, 1992, с. 3).

15. Комплекс усадеб «Городок», расположен в 375 м к югу от Военного городка, на правом берегу р. Волга. Площадь памятника 800×200 м. В ходе осмотра территории памятника были обнаружены обломки кирпича-

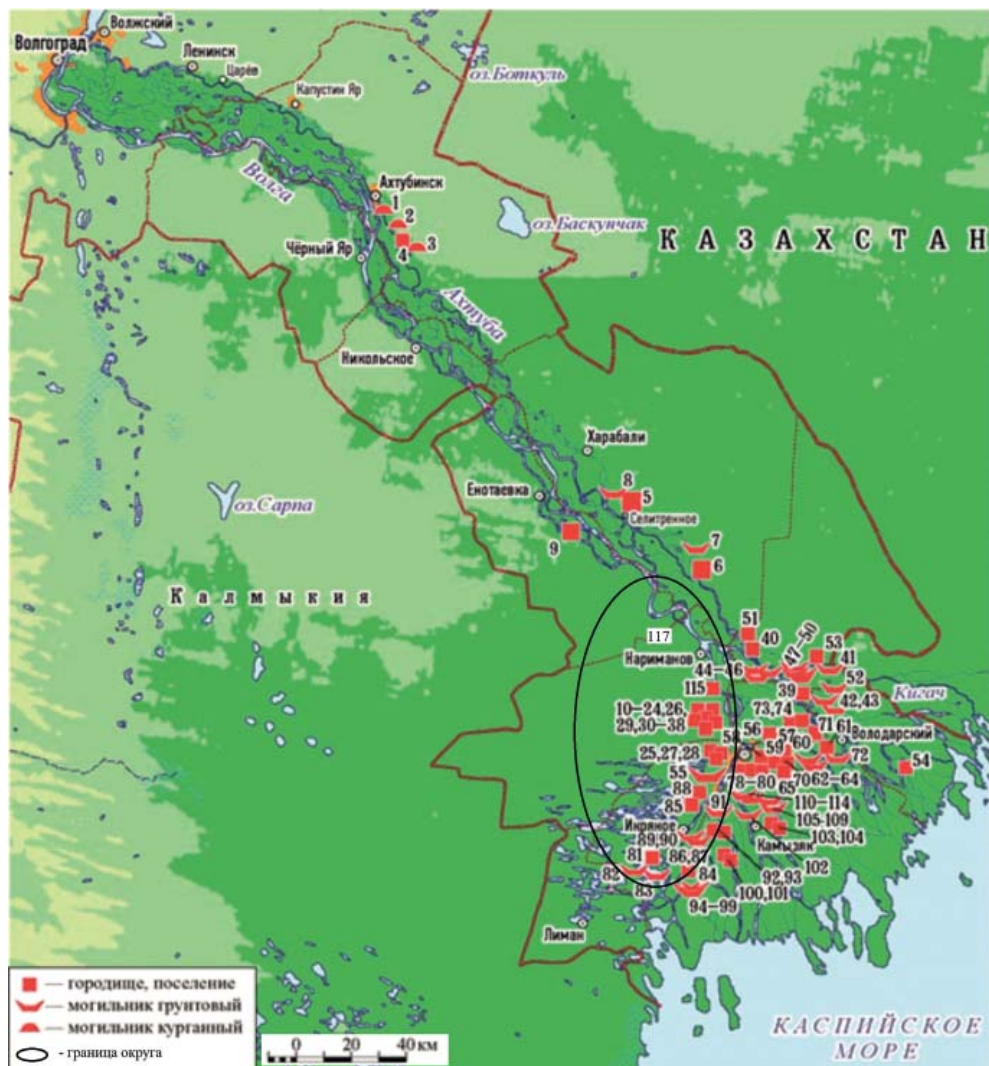

Рис. 2. Микрорегион (округ, «белед») Хаджи-Тархан.

Fig. 2. Hajji Tarkhan microregion (district, "beled").

плинфы и круговой красноглиняной керамики золотоордынского времени. Поселение входит в округу города Хаджи-Тархан (Васильев, 1992, с. 4).

16. Комплекс усадеб «Кизелькуль», расположен в 80 м западнее пос. Солянка, на правом берегу р. Волга. Площадь памятника 1700×200 м. В ходе осмотра территории памятника были обнаружены обломки кирпичи-плинфы и круговой красноглиняной

керамики золотоордынского времени. Поселение входит в округу города Хаджи-Тархан (Васильев, 1992, с. 5).

17. Комплекс усадеб «Саргуль», расположен 350 м к северо-востоку от центральной усадьбы колхоза им. Ленина, на правом берегу р. Волга. Площадь памятника 700×100 м. В ходе осмотра территории памятника были обнаружены обломки кирпичи-плинфы и круговой красноглиняной

и сероглиняной керамики золотоордынского времени. Поселение входит в округу города Хаджи-Тархан (Васильев, 1992, с. 6).

18. Комплекс усадеб «Водяной», расположен в 400 м к востоку от центральной усадьбы колхоза им. Ленина, на правом берегу р. Волга. Площадь памятника 400×70 м. В ходе осмотра территории памятника были обнаружены обломки кирпича-плинфы и круговой красноглиняной керамики золотоордынского времени. Поселение входит в округу города Хаджи-Тархан (Васильев, 1992, с. 7).

19. Комплекс усадеб «Турганши», расположен в 370 м к юго-востоку от центральной усадьбы колхоза им. Ленина, на правом берегу р. Волга. Площадь памятника 1050×120 м. В ходе осмотра территории памятника были обнаружены обломки кирпича-плинфы и круговой красноглиняной керамики золотоордынского времени. Поселение входит в округу города Хаджи-Тархан (Васильев, 1992, с. 7).

20. Комплекс усадеб «Долгий», расположен в 480 м к юго-востоку от центральной усадьбы колхоза им. Ленина, на правом берегу р. Волга. Площадь памятника 800×200 м. В ходе осмотра территории памятника были обнаружены обломки кирпича-плинфы и круговой красноглиняной и сероглиняной керамики золотоордынского времени. Поселение входит в округу города Хаджи-Тархан (Никоннов, 1991; Васильев, 1992, с. 8).

21. Комплекс усадеб «Джанак-Куль», расположен в 850 м западнее пос. Солянка, на правом берегу р. Волга. Площадь памятника 250×80 м. В ходе осмотра территории памятника были обнаружены обломки кирпича-плинфы и круговой красно-

глиняной керамики золотоордынского времени. Поселение входит в округу города Хаджи-Тархан (Васильев, 1992, с. 8).

22. Комплекс усадеб «Усадебный», расположен в 470 м южнее Военного городка, на правом берегу р. Волга. Площадь памятника 850×80 м. В ходе осмотра территории памятника были обнаружены обломки кирпича-плинфы и круговой красноглиняной керамики золотоордынского времени. Поселение входит в округу города Хаджи-Тархан (Васильев, 1992, с. 9).

23. Комплекс усадеб «Малый», расположен в 850 м к северо-западу от ст. Трусово, на правом берегу р. Волга. Площадь памятника 370×70 м. В ходе осмотра территории памятника были обнаружены обломки кирпича-плинфы, круговой красноглиняной и сероглиняной керамики золотоордынского времени. Поселение входит в округу города Хаджи-Тархан (Васильев, 1992, с. 10).

24. Комплекс усадеб «Куга», расположен в 450 м к югу от центральной усадьбы колхоза им. Ленина, на правом берегу р. Волга. Площадь памятника 900×100 м. В ходе осмотра территории памятника были обнаружены обломки кирпича-плинфы, круговой красноглиняной и сероглиняной штампованной керамики золотоордынского времени. Поселение входит в округу города Хаджи-Тархан (Васильев, 1992, с. 11).

25. Комплекс усадеб «Средний», расположен в 600 м к северу от ст. Трусово, на правом берегу р. Волга. Площадь памятника 230×60 м. В ходе осмотра территории памятника были обнаружены обломки круговой красноглиняной керамики золотоордынского времени. Поселение входит

в округу города Хаджи-Тархан (Васильев, 1992, с. 11).

26. Комплекс усадеб «Майле-Куль», расположен в 800 м к юго-востоку от центральной усадьбы колхоза им. Ленина, на правом берегу р. Волга. Площадь памятника 550×100 м. В ходе осмотра территории памятника были обнаружены обломки кирпича-плинфы, круговой красноглиняной и сероглиняной керамики золотоордынского времени. Поселение входит в округу города Хаджи-Тархан (Васильев, 1992, с. 12).

27. Комплекс усадеб «Бактубе», расположен в 500 м к северо-востоку от ст. Трусово, на правом берегу р. Волга. Площадь памятника 500×100 м. В ходе осмотра территории памятника были обнаружены обломки кирпича-плинфы и круговой красноглиняной керамики золотоордынского времени. Поселение входит в округу города Хаджи-Тархан (Васильев, 1992, с. 12).

28. Комплекс усадеб «Ильку-Тюбе», расположен на западной окраине ст. Трусово, на правом берегу р. Волга. Площадь памятника 1320×400 м. В ходе осмотра территории памятника были обнаружены обломки кирпича-плинфы, круговой красноглиняной и сероглиняной керамики золотоордынского времени. Поселение входит в округу города Хаджи-Тархан (Васильев, 1992, с. 13).

29. Комплекс усадеб «Карантинный», расположен 350 м к северу от курорта Тинаки, на правом берегу р. Волга. Площадь памятника 1700×250 м. В ходе осмотра территории памятника были обнаружены обломки кирпича-плинфы и круговой красноглиняной керамики золотоордынского времени. Поселение входит

в округу города Хаджи-Тархан (Васильев, 1992, с. 2).

30. Комплекс усадеб «Тинаки», расположен в 50 м южнее озера Тинаки, на правом берегу р. Волга. Площадь памятника 1400×200 м. В ходе осмотра территории памятника были обнаружены обломки кирпича-плинфы, круговой красноглиняной, сероглиняной штампованной и глазурованной кашинной керамики золотоордынского времени. Поселение входит в округу города Хаджи-Тархан (Васильев, 1992, с. 3).

31. Комплекс усадеб «Кара-Тобе», расположен в 575 м к востоку от Военного городка, на правом берегу р. Волга. Площадь памятника 1650×100 м. В ходе осмотра территории памятника были обнаружены скопления обломков кирпича-плинфы и круговой красноглиняной керамики золотоордынского времени. Поселение входит в округу города Хаджи-Тархан (Васильев, 1992, с. 4).

32. Грунтовый могильник и усадьба на бугре «Приволжский». Памятник расположен в 120 м южнее курорта Тинаки, на правом берегу р. Волга. Площадь памятника 13500×120 м. В ходе осмотра территории памятника были обнаружены обломки кирпича-плинфы, круговой красноглиняной и сероглиняной керамики золотоордынского времени. Могильник и усадьба входят в округу города Хаджи-Тархан (Васильев, 1992, с. 4; Гузейров, 2004а, с. 145).

33. Поселение «Петропавловка», расположено в 0,5 км к востоку от с. Петропавловка. Площадь памятника 470×170 м. В ходе осмотра территории памятника были обнаружены обломки керамического шлака, кирпича-плинфы и круговой красногли-

няной керамики золотоордынского времени. Поселение входит в округу города Хаджи-Тархан (Шнайдштейн, 1980, с. 5; Гузейров, 2004а, с. 131).

34. Грунтовый могильник «Петропавловка». Памятник расположен в 2 км к востоку от с. Петропавловка. Археологические исследования не проводились. Могильник входит в округу города Хаджи-Тархан (Шнайдштейн, 1980, с. 6).

35. Поселение «Рассвет», расположено на землях колхоза «Рассвет», на берегу ерика Дурной, между селами Стрелецкое и Дурной. Площадь памятника 350×200 м. В ходе осмотра территории памятника были обнаружены обломки кирпича-плинфы и круговой красноглиняной керамики золотоордынского времени. Поселение входит в округу города Хаджи-Тархан (Шнайдштейн, 1980, с. 6; Гузейров, 2004а, с. 136). У Л.Ф. Недашковского названы как местонахождения Дурное 1 и Дурное 2 (Недашковский, 2010, с. 132; Гузейров, 2004а, с. 136).

36. Поселение «Ильмень», расположено на берегу ильменя за заводом силикатных стеновых изделий. Площадь памятника 1500×300 м. В ходе осмотра территории памятника были обнаружены обломки кирпича-плинфы и круговой красноглиняной керамики золотоордынского времени. Поселение входит в округу города Хаджи-Тархан (Шнайдштейн, 1980, с. 7; Гузейров, 2004а, с. 137).

37. Поселение «Николаевка», расположено в 600 м к северу от с. Николаевка. Площадь памятника 1000×250 м. В ходе осмотра территории памятника были обнаружены стеклянная бусина, раковина с отверстием, обломки кирпича-плинфы и круговой

красноглиняной керамики золотоордынского времени. Поселение входит в округу города Хаджи-Тархан (Шнайдштейн, 1980, с. 9; Недашковский, 2010, с. 133; Гузейров, 2004а, с. 132).

38. Поселение «34-й км», расположен в 34 км к западу от с. Джакуевка в барханных песках. Площадь памятника 250×50 м. В ходе осмотра территории памятника были обнаружены пряслице из стенки гончарного сосуда, обломки кирпича-плинфы и круговой красноглиняной керамики золотоордынского времени. Поселение входит в округу города Хаджи-Тархан (Шнайдштейн, 1980, с. 9; Гузейров, 2004а, с. 136).

115. Город Хаджи-Тархан (городище «Шареный бугор»), расположен на правом берегу Волги, на 11 км выше современной Астрахани. В настоящее время городище практически полностью смыто Волгой и застроено современными сооружениями, сохранилась лишь небольшая его часть, представляющая собой загородные усадьбы и мелкие земледельческо-рыболовнско-скотоводческие поселения, входящие в его округу, расположенные на площади около 300 га. Сохранившаяся часть памятника представляет собой редкую усадебную застройку. На городище были изучены наземное жилище, три полуземлянки, 22 землянки с кучевой планировкой, два керамических горна и хозяйственные ямы. Мощность культурного слоя местами превышает 1 м. Находки с памятника представлены неполивной и поливной (кашинной и красноглиняной) керамикой, фрагментами архитектурного декора, каменных сосудов. В 1984 г. на городище была найдена каменная плита вертикального надгробия с над-

писью на арабском языке (рис. 3). Нумизматические материалы представлены медными и серебряными золотоордынскими монетами с 1313 по 1430-е гг. (Гузейров, 2004, с. 3; Недашковский, 2010, с. 123; Плахов, 2009, с. 229).

85. Поселение «Ильинка», расположено на северо-западной окраине пос. Ильинка на бэровском бугре Калмыцкий. Поселение занимает территорию площадью 1675×100/400 м. Юго-западная часть бугра нарушена в результате ранее проводимых земляных работ. На поверхности бугра и в местах разрушений обнаружены фрагменты гончарных красноглиняных сосудов с глазурью и без, кости человека и животных, элементы архитектурного декора на кашине с полихромной росписью, керамический шлак, глиняные рыболовные грузила, обломок бронзового зеркала. Возможно, что поселение входило в округу города Хаджи-Тархан (Кутуков, 2005, с. 11; Недашковский, 2010, с. 126; Гузейров, 2004а, с. 122).

88. Поселение «Шантемир», находится на окраине пос. Ильинка. Площадь памятника 150×70 м. В ходе осмотра территории памятника были обнаружены обломки круговой красноглиняной керамики золотоордынского времени. Возможно, что поселение входило в округу города Хаджи-Тархан (Шнайдштейн, 1989, с. 9).

117. Поселение «Верхне-Лебяжье 1», находится на северной окраине села Верхне-Лебяжье на правом берегу реки Волги. Площадь памятника 50×40 м. В ходе осмотра территории памятника были обнаружены обломки круговой красноглиняной и сероглиняной керамики золотоордынского времени. Поселение входит в

Рис. 3. Хаджи-Тархан.
Надгробие, камень.

Fig. 3. Hajji Tarkhan. Grave, stone.

округу города Хаджи-Тархан (Гузейров, 2004а, с. 135).

Сравнивая список золотоордынских памятников, по нашему мнению, относящихся к округе Хаджи-Тархана, со списками, представленными коллегами, мы находим только несколько совпадающих названий: город Хаджи-Тархан, поселения Петропавловка, Рассвет, Ильмень, Николаевка, «34 км», Ильинка, могильники Приволжский и Петропавловка. На наш взгляд, большинство археологических объектов, включенных коллегами в округу Хаджи-Тархана, никакого отношения к этой округе не имеют, т. к. отделены от центрального поселения многочисленными труднопреодолимыми водными преградами.

Итогом нашей работы стало объединение в одну административно-территориальную единицу – микрорегион (округ, «белед») Хаджи-Тархан – 31 поселение и 2 могильника, тяготеющих к городу Хаджи-Тархан и расположенных вдоль правого берега р. Волга. С продолжением археологических исследований в этом регионе количество памятников, безусловно, увеличится.

Анализируя схему расположения археологических объектов золотоордынской эпохи в дельте реки Волга, мы приходим к выводу, что центральный населенный пункт, образующий вокруг себя устойчивую округу, должен выполнять какую-либо государственную функцию. В дельтовой зоне Нижней Волги такая

функция была единой – контроль за водными торговыми путями и идущими параллельно им сухопутными трассами.

Выгодное месторасположение Хаджи-Тархана на правом берегу Волги, определенная обособленность от Сарая, экономический потенциал, основанный на торговом транзите, значительно повысили статус города. С 1374–1375 гг. начинается регулярная чеканка монеты на местном монетном дворе, продолжающаяся до середины XV в., а Хаджи-Тархан становится «городом власти» (Пигарёв, 2017а, с. 221). Позднее город неоднократно переходил из рук в руки многочисленных ханов – чингизидов, пока в конце XV в. не стал столицей Астраханского ханства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атлас Астраханской области. М.: Роскартография, 1997. 48 с.
2. Атлас русловой морфодинамики Нижней Волги (Волгоград – Астрахань). М.: МГУ, 2009. 260 с.
3. *Блохин В.Г.* О нижеволжских золотоордынских городах // Нижневолжский Археологический вестник. Вып. 9. Волгоград, 2008. С. 296–303.
4. *Васильев Д.В.* Отчет о научно-исследовательских археологических работах в Наримановском, Икрянинском, Приволжском, Лиманском и Камызякском районах Астраханской области в 1991 г. Астрахань, 1992. Архив Астраханского государственного объединенного историко-архитектурного музея-заповедника (АГОИАМЗ). НВ 13244.
5. *Васильев Д.В.* Новые данные о городе и области Саксин // Поволжская археология. 2015. № 2. С. 189–267.
6. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Астраханская губерния. Т. V. Ч. 5. СПб.: Типография Департамента Генерального Штаба, 1852. 219 с.
7. *Гончаров Е.Ю.* Старый и Новый Сарай – столица Золотой Орды (новый взгляд на известные источники) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1 / Под ред. А.В. Евглевского. Донецк: ДонНУ, 2000. С. 345–349.
8. *Гузейров Р.А.* Золотоордынский город Хаджи Тархан и его округа. Автореф. дисс.... канд. истор. наук. Казань, 2004. 19 с.
9. *Гузейров Р.А.* Золотоордынский город Хаджи Тархан и его округа: рукопись дисс. канд. ист. наук. Казань: Казанский государственный университет, 2004а. 231 с.
10. *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 224 с.
11. *Кутуков Д.В.* Отчет об археологических разведках на территории Приволжского, Володарского, Икрянинского, Камызякского и Лиманского районов Астраханской области в 2004 г. Астрахань, 2005 / Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 36275. 138 л.

12. *Мандельштам А.М.* Отчёт о полевых работах Первого отряда Астраханской археологической экспедиции // Архив ИА РАН. 1966. Ф. Р-1. Д. 3358; 3358/а.

13. *Небольсин П.* Очерки Волжского низовья. СПб.: Типография Министерства Внутренних Дел, 1852. 204 с.

14. *Недашковский Л.Ф.* Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа. М.: Вост. лит-ра, 2010. 352 с.

15. *Никонов В.А.* Отчет об исследованиях на буграх «Мечетный-1» и «Вакуровский-1» в Красноярском районе Астраханской области и на бугре «Долгий» в Трусовском районе г. Астрахани в 1990 г. Астрахань, 1991а / Архив ИА РАН. № 16978, 16979.

16. *Образцов М.И.* Золотоордынская Астрахань // Астрахань в кармане. Иллюстрированный альманах-ежегодник / Под ред. И.А. Лизунова, А.Д. Загорянского, Ф.П. Зыкова. Астрахань: Коммунист, 1925. С. 2–26.

17. *Павленко Ю.А.* Отчет об археологических разведках в Наримановском районе Астраханской области в 2002 г. Астрахань, 2003. Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 27729. 26 л.

18. *Пигарёв Е.М.* Золотоордынский город и его округа на Нижней Волге // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия. Материалы III Международной Нижневолжской археологической конференции / Отв. ред. Д.В. Васильев. Астрахань: ИД Астраханский университет, 2010. С. 346–351.

19. *Пигарёв Е.М.* Памятники золотоордынской эпохи на территории Астраханской области // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Кишинёв: Stratum Plus, 2015. С. 181–196.

20. *Пигарёв Е.М.* К вопросу о существовании посёлка Сартака (причины отсутствия памятников Золотой Орды на правом берегу Волги в Астраханской области // Вопросы интеграции археологических и исторических исследований. Материалы Всероссийской (с международным участием) археологической конференции (Астрахань, 29 сентября – 01 октября 2017 г.) / Отв. ред. Д.В. Васильев. Астрахань: Изд-ль Сорокин Роман Васильевич, 2017. С. 44–49.

21. *Пигарёв Е.М.* Формирование городских центров ханского домена Улуса Джучи (городище Мошайк) // Археология евразийских степей. Казань, 2017а. № 1. С. 283–290.

22. *Плахов В.В.* Текстовый отчет по раскопкам усадьбы XIV в. на городище Хаджи-Тархан Астраханской области, 1984 // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 11416; 11416/а.

23. *Плахов В.В.* Хаджи-Тархан и его округа в XIII–XIV вв. // История татар с древнейших времен в семи томах. Том III: Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. / Науч. ред. М.А. Усманов. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 225–230.

24. *Попов П.В.* Отчет об археологических разведках в Красноярском, Харабалинском и Наримановском районах Астраханской области в 2005 г. Астрахань, 2006 / Архив ИА РАН.

25. *Спицын А.А.* Отчёт о поездке члена Археологической комиссии А.А. Спицына летом 1893 года на Жареный бугор и на некоторые приволжские золотоордынские города // ОАК за 1893 г. СПб., 1895. С. 77–94.

26. *Шилов В.П.* Работы Астраханской экспедиции // // АО 1966 года. М.: Наука, 1967. С. 88–89.

27. *Шнайдитейн Е.В.* Отчет об археологических разведках в Наримановском районе Астраханской области в 1979 г. Астрахань, 1980 / Архив АГОИМЗ. НВ 14493.

28. *Шнайдитейн Е.В.* Археологические исследования Астраханского пединститута // Материалы второй краеведческой конференции / Отв. ред. Е.В. Шнайдитейн. Астрахань, 1989. С. 8–12.

Информация об авторе

Пигарёв Евгений Михайлович, кандидат исторических наук, МарГУ (Йошкар-Ола, Россия); pigarev1967@mail.ru

SHARENY BUGOR FORTIFIED SETTLEMENT (THE TOWN OF HAJJI TARKHAN) AND ITS NEIGHBOURING AREA

E.M. Pigarev

The author analyzes the new information on the localization of the Golden Horde town of Hajji Tarkhan (Shareny Bugor settlement) and its neighbouring area. The foundation period of the fortified settlement is proposed. The reasons for its disappearance are explained. The principles of the formation of town neighbourhoods and the establishment of its borders are formulation of its boundaries are considered with due account of the geographical conditions. A characteristic of the Volga delta is provided, where natural geographical barriers, such as large and medium rivers, became administrative boundaries between microregions formed by the Golden Horde towns and numerous settlements with administrative and economic relations. A new conditional model of the “Hajji Tarkhan microregion” proposed by the author illustrates the administrative boundaries and archaeological sites of the Golden Horde period located in this territory. The author criticizes the radial technique of determining the administrative and economic boundaries of a microregion proposed by L.F. Nedashkovsky. The neighbouring area of the town of Hajji Tarkhan is described with the use of the axial technique to determine its boundaries. When comparing the list of Golden Horde settlements located in this neighbourhood with the lists previously proposed by his colleagues, the author only finds similarities with eight archaeological sites. According to the author, the archaeological sites not included in this list belong to other delta towns of the Golden Horde with rural districts formed around them as well. All these fortified settlements controlled the numerous water trading routes in the delta of the Volga river.

Keywords: archaeology, the Golden Horde, Hajji Tarkhan, the Volga, delta, town, settlement, burial mound, neighbouring area.

REFERENCES

1. *Atlas Astrakhanskoi oblasti (Atlas of the Astrakhan Region)*. 1997. Moscow: “Roskartografiya” Publ. (in Russian).
2. *Atlas ruslovoi morfodinamiki Nizhnei Volgi (Volgograd – Astrakhan') (Atlas of Channel Morphodynamics of the Lower Volga (Volgograd – Astrakhan))*. 2009. Moscow: Moscow State University (in Russian).
3. Blokhin, V. G. 2008. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 9. Volgograd: Volgograd State University, 296–303 (in Russian).
4. Vasil'ev, D. V. 1992. *Otchet o nauchno-issledovatel'skikh arkheologicheskikh rabotakh v Narimanovskom, Ikryaninskom, Privolzhskom, Limanskom i Kamyziakskom raionakh Astrakhanskoi oblasti v 1991 g. (Report on Scientific Research and Archaeological Activities in Narimanovsky, Ikryaninsky, Privolzhsky, Limansky and Kamyzyaksky Districts of the Astrakhan Region in 1991)*. Astrakhan. Archive of Astrakhan State United Historical, Architectural Museum-Reserve. NV 13244 (in Russian).
5. Vasil'ev, D. V. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (1), 233–246 (in Russian).
6. 1852. *Voенно-statisticheskoe obozrenie Rossiiskoi imperii. Astrakhanskaia guberniia*. T. V. Ch. 5. (*Military Statistical Overview of the Russian Empire. Astrakhan Governorate. Vol. 5. Part 5*). Saint Petersburg: Printing House of the General Staff Department (in Russian).

7. Goncharov, E. Yu. 2000. In Evglevskii, A. V. (ed.). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 1. Donetsk: Donetsk National University, 345–349 (in Russian).
8. Guzeirov, R. A. 2004. *Zolotoordynskii gorod Khadzhi Tarkhan i ego okruga (Golden Horde Town of Hajji Tarkhan and its Neighbourhood)*. PhD. Thesis. Kazan (in Russian).
9. Guzeirov, R. A. 2004. *Zolotoordynskii gorod Khadzhi Tarkhan i ego okruga (Golden Horde Town of Hajji Tarkhan and its Neighbourhood)*. PhD Diss. Manuscript. Kazan: Kazan State University (in Russian).
10. Egorov, V. L. 1985. *Istoricheskaiia geografiia Zolotoi Ordy v XIII—XIV vv. (Historical Geography of the Golden Horde in the 13th—14th Centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
11. Kutukov, D. V. 2005. *Otchet ob arkhelogicheskikh razvedkakh na territorii Privolzhskogo, Volodarskogo, Ikrianiinskogo, Kamyziakskogo i Limanskogo raionov Astrakhanskoi oblasti v 2004 g. (Report on Archaeological Surveys in the Volga, Volodarsky, Ikryaninsky, Kamyzyaksky and Limansky Districts of the Astrakhan Region in 2004)*. Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, F-1, R-1, no. 36275 (in Russian).
12. Mandel'shtam, A. M. 1966. *Otchet o polevykh rabotakh Pervogo otriada Astrakhanskoi arkhelogicheskoi ekspeditsii (Report on the Field Activities of the First Group of Astrakhan Archaeological Expedition)*. Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, F, R-1, no. 3358; 3358/a (in Russian).
13. Nebol'sin, P. 1852. *Ocherki Volzhskogo nizov'ia (Essays on the Lower Reaches of the Volga)*. Saint Petersburg: “Tipografiya Ministerstva Vnutrennikh Del” Publ. (in Russian).
14. Nedashkovskii, L. F. 2010. *Zolotoordynskie goroda Nizhnego Povolzh'ia i ikh okruga (The Golden Horde Cities of the Lower Volga Region and their Suburbs)*. Moscow: “Vostochnaia Literatura” Publ. (in Russian).
15. Nikonov, V. A. 1991. *Otchet ob issledovaniiah na bugrakh «Mechetnyi-I» i «Vakurovskii-I» v Krasnoiarskom raione Astrakhanskoi oblasti i na bugre «Dolgii» v Trusovskom raione g. Astrakhani v 1990 g. (Report on the Research of the “Mechetni-I” and “Vakurovskii-I” Hillocks in the Krasny Yar District, Astrakhan Region, and the “Dolgii” Hillock in the Trusovsky District, Astrakhan City, in 1990)*. Astrakhan. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, no. 16978, 16979 (in Russian).
16. Obratsov, M. I. 1925. In Lizunov, I. A., Zagoryanskiy, A. D., Zykov, F. P. (eds.). *Astrakhan' v karmane. Illustrirovanniy al'manakh-ezhegodnik (Astrakhan in the Pocket. Illustrated Almanac and Yearbook)*. Astrakhan: “Kommunist” Publ., 2–26 (in Russian).
17. Pavlenko, Yu. A. 2003. *Otchet ob arkhelogicheskikh razvedkakh v Narimanovskom raione Astrakhanskoi oblasti v 2002 g. (Report on Archaeological Surveys in the Narimanovsky District of the Astrakhan Region in 2002)*. Astrakhan. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, F-1. R-1. no. 27729 (in Russian).
18. Pigarev, E. M. 2010. In Vasil'ev, D. V. (comp.). *Arkheologiya Nizhnego Povolzh'ia: problemy, poiski, otkrytiia (Archaeology of the Lower Volga Region: Questions, Research, Discoveries)*. Astrakhan: Astrakhan University Press, 346–351 (in Russian).
19. Pigarev, E. M. 2015. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaiia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)*. Kazan; Simferopol; Kishinev: “Stratum Plus” Publ., 181–196 (in Russian).
20. Pigarev, E. M. 2017. In Vasil'ev, D. V. (ed.). *Voprosy integratsii arkhelogicheskikh i istoricheskikh issledovaniy. Materialy Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) arkhelogicheskoi konferentsii (Astrakhan, 29 sentiabria – 01 oktiabria 2017 g.) (Issues of the Integration of Archaeological and Historical Studies. Proceedings of the All-Russian (with international participation) Archaeological Conference (Astrakhan, September 29 - October 1, 2017))*. Astrakhan: “Sorokin Roman Vasil'evich” Publ., 44–49 (in Russian).
21. Pigarev, E. M. 2017. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1. 283–290 (in Russian).
22. Plakhov, V. V. 1984. *Tekstovoi otchet po raskopkam usad'by XIV v. na gorodishche Khadzhi-Tarkhan Astrakhanskoi oblasti (Textual Report on the Excavations of a 14th Century Estate at Hajji*

Tarkhan Settlement in the Astrakhan Region). Astrakhan. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, F. R-1. no. 11416; 11416/a. (in Russian).

23. Plakhov, V. V. 2009. In Usmanov, M. A. (ed.). *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh. Tom III: Ulus Dzhuchi (Zolotaia Orda). XIII –seredina XV (History of the Tatars since Ancient Times in seven volumes. Volume 3: The Ulus of Jochi (the Golden Horde). 13th – mid-15th cc.)*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 225–230 (in Russian).

24. Popov, P. V. 2006. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh v Krasnoiarskom, Kharabalinskoi i Narimanovskom raionakh Astrakhanskoi oblasti v 2005 g. (Report on the Archaeological Survey in the Krasny Yar, Kharabali and Narimanov Districts, Astrakhan Region, in 2005)*. Astrakhan. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

25. Spitsyn, A. A. 1895. In *Otchet Arkheologicheskoi komissii za 1893 g. (Report of the Archaeological Commission from 1893)*. Saint Petersburg, 77–94 (in Russian).

26. Shilov, V. P. 1967. In *Arkheologicheskie otkrytiia 1966 goda (Archaeological Discoveries of 1966)*. Moscow: “Nauka” Publ., 88–89 (in Russian).

27. Shnidshtein, E. V. 1980. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh v Narimanovskom raione Astrakhanskoi oblasti v 1979 g. (Report on Archaeological Surveys in the Narimanovsky District of the Astrakhan Region in 1979)*. Astrakhan. Archive of Astrakhan State United Historical, Architectural Museum-Reserve. NV 14493 (in Russian).

28. Shnidshtein, E. V. 1989. In Shnidshtein, E. V. (ed.). *Materialy vtoroi kraevedcheskoi konferentsii (Proceedings of the Second Regional Conference)*. Astrakhan, 8–12 (in Russian).

About the Author:

Pigarev Evgeniy M. Candidate of Historical Sciences. Mari State University. Ryabinin St., 8, Yoshkar-Ola, 424000, Mari El Republic, Russian Federation; pigarev1967@mail.ru

Статья поступила в номер 12.05.2018 г

УДК 72.03

<https://doi.org/10.24852/pa2018.2.24.150.167>**РЕЗНЫЕ КАМНИ ГОРОДИЩА ЧУФУТ-КАЛЕ**

© 2018 г. Е.А. Айбабина

Атрибуция споллий, происходящих из раскопок мечети городища Чуфут-Кале, является задачей настоящей работы. Раскопки мечети XV века на городище Чуфут-Кале (Кырк-Ер) в Юго-Западной части Крыма, проводимые в 1928–29 гг., и ее исследование в 1956–59 гг. (У.А. Боданинский, Б.Н. Засыпкин, О.-Н.А. Акчокраклы, Е.В. Веймарн) выявили ряд споллий с орнаментальной резьбой, которые были применены в качестве кладочного материала и архитектурных деталей. Среди них: блоки со стилизованным растительным и геометрическим декором, украшавшим наличники входов мусульманских культовых зданий, из кладки стен мечети, сталактитовые конхи михраба и боковых ниш портала, замковый камень, детали порталного декора в виде рельефных розеток на блоках, а также фрагменты карнизов со сталактитовой и пальметтной порезкой. Помимо гладкотесанных блоков, в кладке стен мечети обнаружены детали со следами стесанного орнаментального декора и эпитафических надписей. На одном из них, вторично использованном в кладке северной стены мечети, сохранилась арабская надпись с датой 746 г.х. (1346 г. Донорами споллий являлись мусульманские культовые постройки – дюрбе, мечеть, медресе, возведенные в середине XIV в., в начальный период заселения городища мусульманским населением.

Ключевые слова: археология, Крым, Чуфут-Кале, мечеть, дюрбе, споллии, архитектурный декор, сталактиты, пальметты.

Раскопки 1928–1929 гг. на городище Чуфут-Кале открыли одну из самых обсуждаемых и до конца не разрешенных тем в археологии этого памятника – тему атрибутирования мусульманской мечети (Боданинский, Засыпкин, Акчокраклы, 1929, с. 170–187). Мечеть возведена на центральной площади, к которой сходились основные улицы поселения, и была доминантой восточной части городища в золотоордынский период (рис. 1). Заметим, что месторасположение мечети было определено ближе к южной стороне обрывистого мыса, там же, где в средневековый период складывались важнейшие компоненты градостроительного ансамбля: с восточной стороны – т.н. Средняя оборонительная стена с раннесредневековыми участками нижнего яруса, с

юга – Южные ворота «Кичик-Капу» с пещерным христианским монастырем и впоследствии с оборонительным пещерным комплексом (Герцен, Могаричев, 2016а, с. 31, рис. 19). Кроме того, мечеть северной стеной выходит на т.н. Среднюю улицу, ориентированную по направлению запад–восток через всю центральную часть от Южных ворот до Средних ворот Орта-Капу. Судя по строительным остаткам усадеб, этот район городища был в средневековый период довольно плотно застроен. По общему мнению ряда исследователей, этот район городища является наиболее древним на плато Чуфут-Кале, он начинает заселяться в раннесредневековый период и продолжает формироваться, включая золотоордынский этап, вплоть до начала XVI в. Дата строительства ме-

Рис. 1. Общий вид мечети перед началом раскопок 1928–29 гг. Вид с юго-востока.

Fig. 1. General view of the mosque before the excavations began in 1928–29.

View from the southeast.

чети обычно устанавливается в соответствии с надписью 746 г. х. (1346 г.), которая содержится на блоке, вставленном в кладку северной стены с внешней стороны (Акчокраклы, 1928, с. 168). Предполагая неоднократность перестройки мечети, О.-Н.А. Акчокраклы считает, что орнаментированные и эпиграфические плиты принадлежали другому, более раннему зданию, возможно, первоначальному сооружению или дюрбе. К этому можно добавить то, что расположенный в нескольких десятках метров от мечети к северу мавзолеей дочери Тохтамышша Джанике-ханым неоднократно перестраивался (Ломакин, 2017а, с. 219–221), в результате этого портал дюрбе, первоначально имевший, вероятно всего, форму сельджукского пиштака, приобрел современный вид. В районе дюрбе в золотоордынский период находилось разрушенное ныне кладбище (Акчокраклы, 1928, с. 168–169).

Не обнаружено и медресе, известное по сведениям письменного источника, построенное Хаджи Гиреем, предположительно рядом с мечетью (Герцен, Могаричев, 2016а, с. 184; 2016б, с. 99). О.-Н.А. Акчокраклы отмечает близость орнаментации спондильев мечети Чуфут-Кале декору солхатской мечети Узбека (1314 г.).

На основании этих наблюдений появляется предположение о существовании не менее двух фаз формирования градостроительного комплекса и соответственно двух строительных периодов мечети: возведение мечети при Джанибеке (Герцен, Могаричев, 2016б, с. 99) и начало формирования некрополя рядом с ней в период освоения мусульманским населением плато Чуфут-Кале и, затем, строительство медресе Хаджи Гиреем – перестройка первоначальной мечети в более презентабельное здание, перестройка мавзолея, в котором была погребена

в апреле 1438 г. Джанике-ханым (Сидоренко, 2016, с. 87). Несмотря на заманчивость выводов, на данном этапе исследований реально можно судить лишь о мечети 859 г. х. (= 1454/55 гг.), дату возведения которой сообщает турецкий автор Эвлия Челеби (Книга путешествия, 1999, с. 37).

Как известно, до настоящего времени, несмотря на проведенные исследования в 1928–1929 гг. и исследование здания в 1956–1959 гг. (Веймарн, 1968, с. 62), устройство перекрытия мечети вызывает вопросы. У.А. Боданинский и Б.Н. Засыпкин считали мечеть купольной (Боданинский, Засыпкин, Акчокраклы, 1929, с. 175). А.Л. Бертъе-Делагард указывал, что возле ворот города находятся развалины «большой и хорошей мечети, с двумя рядами колонн внутри, имевших сталактитовые капители», а также то, что «в ее стенах и вокруг попадают камни, прекрасно изукрашенные мусульманским ковровым узором стиля турок-сельджуков, судя по которому построение мечети можно отнести к XIV веку» (Бертъе-Делагард, 1920, с. 112). Разница суждений об архитектонике строения основана на находках, определяющих характер перекрытия мечети: следов от устройства колонн базиликального (стропильного?) здания, с одной стороны, и замкового камня купола в форме орнаментированного диска, а также фрагментов карниза, с другой (Боданинский, Засыпкин, Акчокраклы, 1929, с. 175–176, рис. 8). Интересно отметить, что в ходе исследований было найдено, по сведениям У.А. Боданинского и Б.Н. Засыпкина, множество легких туфовых камней от перекрытия свода. К сожалению, полные материалы археологических исследований не сохрани-

лись. В.И. Даниленко и Е.В. Крикун предложили реконструкцию мечети в виде трехнефной купольной базилики с двумя рядами колонн, стрельчатыми арками и коробовыми сводами боковых нефов, куполом над средней частью повышенного центрального нефа и общей двускатной крышей. Купол стрельчатый, на тропях, невысокого подъема и 2,5 м в диаметре, не выявленный во внешнем объеме (Даниленко, Крикун, 2005, с. 38). Эта реконструкция была призвана примирить все гипотетичные мнения, в результате ее находится место всем артефактам, обнаруженным в ходе археологического исследования. Однако возникает ряд вопросов, которые не решены ни в ходе проведения раскопок, ни при попытках восстановления архитектурного облика здания. Так, при исследовании не были выявлены указанные А.Л. Бертъе-Делагардом сталактитовые капители (как, например, в солхатской мечети Узбека), обнаружены лишь какие-то обломки со сталактитовой резьбой – «карнизники» (Боданинский, Засыпкин, Акчокраклы, 1929, с. 173). Не было найдено ни одной базы колонн (четыре колонны мечети, как считают У.А. Боданинский и Б.Н. Засыпкин, были просто «впущены» в пол и скальное основание). Реконструкция пола в виде толстого глиняного слоя с примесью серой рассыпчатой массы (зола?) не привела авторов к окончательному выводу. При раскопках мечети Узбека и медресе Инджи-бей Хатун в г. Старый Крым был обнаружен целый ряд этих необходимых деталей (Кирилко, 2015, с. 511, 523–524; Ломакин, 2015, рис. на с. 120–121, 125, 127). Малая археологическая изученность городища не дает возможности определен-

ного ответа на вопрос о внешнем виде мечети, но о том, что мечеть пережила ряд перестроек, говорят особенности ее конструкции, отмеченные в свое время первыми исследователями памятника (Боданинский, Засыпкин, Акчокраклы, 1929, с. 178).

В связи с этим обратимся еще раз к резным деталям и сполиям, обнаруженным при исследовании мечети в 1928–1929 гг.

Первым в научной литературе описал декор мечети А.Л. Бертье-Делагард, упомянув ее сталактитовые капители и определив его тюрко-сельджукскую стилистику (см. выше). Использование в лицевой кладке внутренней и внешней сторон северной стены блоков с художественной резьбой и арабской эпиграфикой неоднократно указывалось исследователями (подробнее см.: Ломакин, 2017б, с. 538–542). О.-Н.А. Акчокраклы, отметив разнородность кладки стен, предположил, что во время правления Менгли-Гирея мечеть была перестроена, а при строительстве в ее кладке были использованы фрагменты более ранних сооружений. Заметим, что наряду с орнаментированными камнями в кладке, и не только северной стены мечети, использованы сполии, представляющие собой разномерные обработанные блоки, среди которых попадаются и со следами стесанного рельефа на лицевой поверхности.

Орнаментированные сполии расположены на поверхности стены без определенного порядка, они не могли быть деталями продуманного архитектурного декора, а являются строительным материалом. В то же время использование сполий из ранее существовавших, имевших культовое значение построек и памятников, будь то

медресе, дюрбе или надгробие, а также светская постройка – дворец, было уместным в сооружении новой (или обновленной) мечети. Какие сооружения могли послужить донором строительного материала для мечети? Этот вопрос, вероятно, может быть решен в результате раскопок древнейшей части городища. Вспомним сведения о постройке рядом с мечетью медресе. Подобный комплекс известен в Солхате (г. Старый Крым) – медресе Инджи-бей Хатун (1332–1333 гг.), к которому на рубеже XV–XVI в. была пристроена мечеть Узбека (Кирилко, 2015, с. 523–524). С целью создания культурно-религиозного ансамбля построек мусульманского центра, каковым с середины XIV до начала XVI в. являлся Кырк-Ер, предполагалось сосредоточение в одном градообразующем узле общественных зданий (Гаврилюк, Ибрагимова, 2010, с. 12–13), а главное медресе, мечети и кладбища с особо почитаемыми мавзолеями. Оформленный художественной резьбой по камню величественный портал медресе Инджи-бей Хатун, сохранявшийся еще до конца XVIII века, портал и михраб мечети Узбека – примеры сельджукской стилистики в архитектуре и резном декоре, в том числе и для юго-запада полуострова.

Все резные находки из мечети можно разделить на две группы. Помимо сполий из кладки северной стены мечети, происходящих из более ранних строений (рис. 2, 3: 1–4, 4, 5: 1–2), раскопками был обнаружен ряд архитектурных деталей, относящихся непосредственно к последнему строительному периоду мечети: фрагменты консолей балкончика-шерфе минарета, мелкие части сталактитового кар-

Рис. 2. Фрагмент кладки северной стены мечети: вверху – надпись 746 г.х. (1346 г.), внизу – деталь наличника портала.

Fig. 2. Fragment of the laying of the northern wall of the mosque: at the top – inscription 746 AD (1346), below – detail of the casing of the portal.

низа с пальметтной резьбой, а также блоки арочных пролетов перекрытия мечети и другие конструктивные архитектурные фрагменты (5: 3–5). Определение стилистики декора обнаруженных при раскопках споллий позволяет установить относительную периодизацию их использования в архитектурном оформлении мечети.

Архитектурная орнаментированная деталь – часть наличника портала (рис. 2; 3: 2). Известняк. Обнаружена в кладке внешней стороны северной стены рядом с блоком, на котором сохранилась часть арабской надписи, содержащей дату: 746 г. х. (1346 г.) (Акчокраклы, 1928, с. 171); примыкает к нему снизу¹. Представляет собой подпрямоугольный блок, подтесанный для использования в качестве кладочного материала. Орнамент, напоминающий сплошной ковровый рисунок, состоит из пальметт, заключенных в стрельчатые арочки,

образованные плоской неширокой полосой, идущей зигзагом по всей длине орнаментальной каймы. Пальметты – из мелких переплетенных листьев. Рисунок дополнен циркульными завитками. Орнамент симметричен. Растительные и геометрические мотивы имеют изысканную графику, растительные детали проработаны тонкой линией. Линейные элементы выполнены неширокой рельефной двойной полосой. Широкая орнаментальная кайма заключена между простыми поясками, к ним с обеих сторон примыкают широкие неорнаментированные плоскости. Эта деталь является фрагментом резного наличника украшенного резьбой портала, по аналогии с известным наличником входа мечети Узбека (1314 г.) в г. Старый Крым. Ближайшим подобием растительного декора с циркульными завитками является резьба михраба мечети Узбека (Айбабина, 2001, с. 166–167, рис. 73: 8), который, по мнению В.П. Кирилко, принадлежал либо другой постройке (он был установлен в новом здании раньше портала), либо той же мечети Узбека (Кирилко, 2016, с. 163); подобным мотивом украшена также одна из нишек нижнего яруса сталактитов самого портала 1314 г. (Айбабина, 2001, с. 166–167, рис. 73: 5).

¹ БИКАМЗ, каталог фотонегативов, снимок № Н-54.

Архитектурная орнаментированная деталь – часть наличника портала (рис. 3: 1). Известняк. Во время раскопок мечети была обнаружена в кладке северной стены, с внутренней стороны, справа от кронштейна, на который опирается пята западной продольной арки². Кайма резного декора отделена с одной стороны прямым рельефным пояском, неорнаментированные плоскости отбиты. Резной орнамент очень напоминает предыдущий, однако рисунок пальметт из дольчатых листьев с большими «глазками» является иным, а детали растительного мотива – менее дробные.

Мотив пальметты с «глазками» в нижней части, который имеет несколько вариантов, представленный в резьбе ряда известных памятников Восточного Крыма, как правило, служит центром, вокруг которого строится растительный орнамент, состоящий из полупальметт, завитков и плетенок. Наиболее совершенные в художественном отношении примеры относятся ко времени начала – первой половины XIV в. Подобные пальметты с «глазками» декорируют капитель из медресе Инджи-бей Хатун (Бороздин, 1926, с. 301, рис. 15). Принимая во внимание все данные об этих деталях в совокупности, можно говорить и о неординарности постройки, из которой они происходят, и о предположительном времени иссечения ее резьбы.

Архитектурная деталь с рельефным пальметтным и «псевдокуфическим» рисунком (рис. 3: 3; 4). Известняк. Найдена во время археологических исследований в 1929 г.

² БИКАМЗ, каталог фотонегативов, снимок № 877.

(Боданинский, Засыпкин, Акчокраклы, 1929, с. 176, рис. 7)³. Представляет собой прямоугольный блок, перетесанный с целью использования его в качестве строительного материала. Резьба состоит из пальметт с «глазком», направленных в одну сторону, окруженных циркульными завитками и соединенных полупальметтами, образующими элемент из трех глазков. Линейные элементы выполнены неширокой рельефной двойной полосой, растительные мотивы проработаны тонкой врезной линией по краю и внутри. Растительный декор обрамлен по границам «псевдокуфическим», эпиграфическим по своему происхождению орнаментом. Рисунок симметричен. Орнаментальная кайма узким рельефным пояском отделена от гладко отесанной поверхности, такой же поясок завершает нижнюю часть рисунка. Также как и у вышеописанных деталей, орнамент, построенный в определенном геометрическом порядке, состоит из набора стилизованных растительных элементов. У.А. Боданинский и Б.Н. Засыпкин, считая, что найденный фрагмент был частью наличника портала мечети, датируют его резьбу XIV в. (Боданинский, Засыпкин, Акчокраклы, 1929, с. 177). «Псевдокуфический» мотив был неоднократно соотнесен с орна-

³ БИКАМЗ, каталог фотонегативов, снимок № Н-61. Условия находки блока являются неясными: на фотоснимке из фондов БИКАМЗ (каталог фотонегативов, снимок № 313) отражен завершающий момент раскопок у западной стены мечети, с внутренней стороны, где блок поставлен на верхний ряд сохранившейся кладки. Вероятнее всего, он был обнаружен в каменном развале при ее зачистке. В таком случае этот блок был использован как строительный материал.

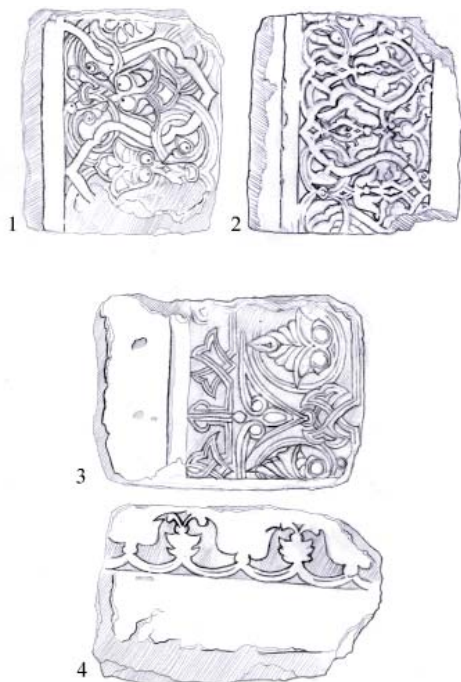

Рис. 3. Фрагменты архитектурных деталей из раскопок мечети на городище Чуфут-Кале: 1–3 – строительные блоки с резьбой – детали наличников порталов XIV – первой половины XV вв.; 4 – блок с резьбой, фрагмент архитектурной детали (рис. Любавиной Е.Д.).

Fig. 3. Fragments of architectural details from the excavations of the mosque on the Chufut-Kale ancient fortified settlement: 1–3 – building blocks with carving – details of the casing of the portals of the 14th – first half of the 15th centuries; 4 – block with a carving, fragment of an architectural detail (Figure by Lubavina E.D.).

ментацией портала солхатской мечети Узбека (Сидоренко, 1988, с. 125, рис. 4; Крамаровский, 1994, с. 135, рис. 11: 8; Айбабина, 2001, с. 165–167, рис. 73: 4, 14). Мотив пальметты в циркульном обрамлении также имеет аналогии в архитектурном декоре (см. выше).

Архитектурная деталь – замковый камень в форме плоского круга с врезной двенадцатилучевой звездой (рис. 5: 1). Известняк. Найден при раскопках мечети в 1929 г. (Боданинский, Засыпкин, Акчокраклы, 1929, с. 175–176, рис. 8)⁴. Орнамент выполнен узкой рельефной полосой без проработки поверхности. Центр, выделенный выпуклой «шишечкой» с витым рифлением (вихревой розеткой), почти полностью сбит. Лучи звезды образованы полигональными фигурами – неправильными шести-

угольниками, изображение по краю обведено рельефной полосой. Геометрический рисунок детали четкий и выразительный. Мотив звезды с двенадцатью лучами и плоским кругом в центре повторяется в резьбе двух блоков, происходящих из кладки и раскопок мечети (см. ниже). В.П. Кирилко считает эту сполию из мечети кладочным материалом (Кирилко, 2015, с. 550).

Архитектурные детали с геометрическим орнаментом. Известняк. Одна найдена при археологических раскопках мечети в 1929 г. (рис. 5: 2)⁵. Орнамент врезной, нанесен на плоскую поверхность. Представляет собой сплошной геометрический мотив, состоящий из двенадцатилучевых звезд, аналогичных по рисунку звезде на замковом камне. На поверхности блока сохранилась одна целая и частично, по четверти, еще две звезды. Звезды соединены между собой лучами и треугольниками. Лучи звезд образованы полигональными шестиконечными фигурами, сердцевина обозначена большим плоским кругом.

⁴ БИКАМЗ, каталог фотонегативов, снимок № Н-65.

⁵ БИКАМЗ, каталог фотонегативов, без №.

Рис. 4. Блок с резьбой – деталь наличника портала XIV в.

Fig. 4. Block with a carving – a detail of the casing of the portal of the XIV century.

Другой прямоугольный блок с идентичной звездчатой резьбой был обнаружен во время раскопок мечети в кладке северной стены, с внешней стороны, рядом с надписью 746 г. х. (1346 г.), на ряд ниже. На плоской поверхности сохранилось изображение половин четырех звезд. Детали со звездчатой резьбой, использованы в декоре мечети в ее условно последний строительный период не как архитектурные детали интерьера или портала, по своему прямому назначению, а в качестве строительного материала.

Геометрический звездчатый декор украшал плоскость михрабной конхи ныне не существующей Колець-мечети⁶ (Кирилко, 2016, с. 164). Орнамент, в обрамлении пальметтной каймы украшал прямоугольную панель над михрабом и широкой прямоугольной каймой выделял его на плоскости стены. Этот декор представлял собой гипсовые литые дополнения к сталактитовой конхе и резному наличнику, покрытому пальметтами. Резьба выполнена искусно, но в композиции резных и литых деталей михрабной стены виден недостаток мастерства, выражающийся в искажении пропорциональных соответствий. В верхней части обрамления находились гнезда для круглых, вероятно, орнаментированных вставок-розеток.

Ряд деталей и фрагментов архитектурного декора содержались в слое каменного развала, накопившегося в результате разрушения стен и сводов мечети, ряд камней могли быть перемещены в руинированную постройку в ходе разборки других сооружений. Среди архитектурных деталей были обнаружены не только профилированные, но и покрытые резным декором.

Фрагмент архитектурной детали с непрерывным орнаментом: поясом из сильно изогнутых дольчатых полупальметт между двумя прямыми плоскостями (рис. 5: 4)⁷. Известняк. Найден при раскопках внутренней части мечети. Рельефные элементы врезного декора проработаны тонкой линией. Рисунок изысканный, ажурный, с участками углубленного фона. Деталь обломана с обеих сторон.

Фрагмент архитектурной детали с непрерывным орнаментом в виде изогнутых полупальметт между двумя прямыми плоскостями (рис. 5: 5)⁸. Известняк. Найден при раскопках внутренней части мечети. Орнамент плотный, выполнен в низком рельефе. Между пальметтами – «глазки».

⁶ Разрушена в период Великой Отечественной войны и в последующие годы.

⁷ БИКАМЗ, каталог фотонегативов, снимок № Н-59.

⁸ БИКАМЗ, каталог фотонегативов, снимок № Н-59

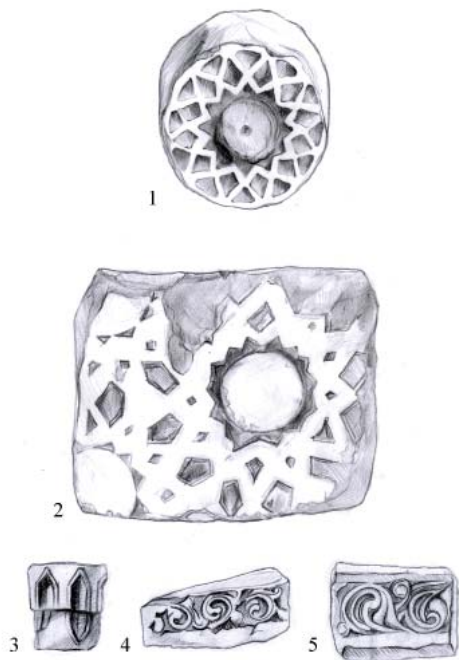

Рис. 5. Фрагменты строительных блоков и архитектурных деталей из раскопок мечети на городище Чуфут-Кале: 1 – замковый камень; 2 – блок с геометрическим звездчатым орнаментом; 3 – фрагменты сталактитовых карнизов; 4–5 – фрагменты архитектурных деталей с пальметтным декором (рис. Аметовой Э.С.)

Fig. 5. Fragments of building blocks and architectural details from the excavations of the mosque on the Chufut-Kale ancient fortified settlement: 1 – capstone; 2 – block with geometric star ornament; 3 – fragments of stalactite cornices; 4–5 – fragments of architectural details with palmetto decor (Figure by Ametova E.S.).

(Боданинский, Засыпкин, Акчокраклы, 1929, с. 187).

Архитектурная деталь – прямоугольная плита с рельефной «розеткой»⁹ (рис. 6). Известняк. На поверхности рельефного круга двойной линией иссечен орнамент из геометрическо-растительных элементов: в центре – гексаграмма, каждый из ее шести лучей образует по два «глазка» переплетающихся полупальметт. Орнамент основан на принципе нарастания четных элементов: от шести к двадцати четырем. Мотив шестиконечной звезды («печать Сулеймана», «печать Соломона», «щит Давида», «звезда Давида») был широко распространен в золотоордынской пластике, в частности, в резьбе надгробий из могильников Солхата-Крыма и Кырк-Азизлер (Эски-Юрт, Бахчисарай). На Чуфут-Кале этот знак был высечен дважды на блоках восточного фасада т.н. Средней оборонительной стены

Архитектурная деталь – квадратная плита с рельефной «розеткой»¹⁰ (рис. 7). Известняк. На поверхности рельефного круга двойной линией в низком рельефе высечена двенадцатилепестковая розетка в виде вращающегося цветка с острыми лепестками. Лепестки образуют шесть полупальметт с «глазками» в верхней и нижней части листа, их побеги создают круговое обрамление мотива. Орнамент состоит из четного количества элементов: двенадцати – шести – двенадцати, такой подход придает растительному мотиву геометрическую четкость. Некоторые детали изображения выполнены неточно.

Украшение верхней части портала розетками – распространенный декоративный прием мусульманской архитектуры полуострова. Мотивы резьбы – от растительных стилизованных до геометрических – отличаются большим разнообразием. Такой прием декорирования плоских поверхностей

⁹ БИКАМЗ, каталог фотонегативов, снимок № Н-63.

¹⁰ БИКАМЗ, каталог фотонегативов, снимок № Н-55.

Рис.6. Деталь декора портала: розетка с гексаграммой.

Fig.6. Detail of decor of the portal: rosette with hexagram.

стен, облицованных гладкими плитами или сложенными из чисто тесаных блоков, выразительно дополняет орнаментальные детали или профилированное обрамление входа, михрабной ниши или оконной рамы, как, например, в декоре михраба мечети Узбека (Кирилко, 2015, рис. 12). Прекрасной работы розетка, украшенная шестью пальметтами «с глазками» и выпуклой шестиконечной звездочкой в центре, высечена на замковом камне, происходящем из солхатского медресе (Кирилко, 2011, с. 175). Пальметты двух видов, в их симметричном расположении читается и гексаграмма, и звезда.

Рельефные розетки часто используются и в средневековых христианских постройках, в частности, армянских (Айбабина, 2001, с. 63, рис. 11: 12; с. 71, рис. 15: 3).

Блок верхней части сталактитовой конхи (рис. 8)¹¹. Известняк. По сведениям исследователей мечети, были найдены «сталактитовые сводики» боковых ниш портала (Боданинский, Засыпкин, Акчокраклы, 1929, с. 177, рис. 10). Деталь вытесана из цельного блока. Конха имеет три сталактитовых яруса: в нижнем ряду – четыре сталактита, разделенные консолями, в среднем три и в верхнем – один, двудольный. В нижнем ярусе – чередование стилизованных пятилепестковых заостренных

листьев (пальметт) с одинаковыми консольными выступами. Сталактиты всех трех ярусов неодинаковы по высоте: верхний ярус ниже остальных. Угловые участки поля передней поверхности на уровне второго яруса сталактитов занимают две двенадцатилепестковые рельефные розетки на круге. Лепестки объемные, с насечкой внутри. Центры розеток-цветков обозначены выпуклыми вихревыми розетками (почти полностью сбиты). На одной из боковых сторон, справа, сохранилась часть обрамления с косым рифлением. Сталактитовые конхи боковых ниш порталов – стандартный декор в памятниках полуострова. Изображения розеток с лепестками встречаются на надгробиях из Солхата, обнаруженных при раскопках на Зеленой площади¹². Сталактитовая ниша по контуру на плоской

¹¹ БИКАМЗ, каталог фотонегативов, снимок № 864.

¹² Розетки встречаются на надгробиях различных форм: на гранях и верхней части столбовидных, на боковых сторонах цельновырубленных. Они представлены на фотоснимках из фондов БИКАМЗ

Рис. 7. Деталь декора портала:
розетка со стилизованным
растительным орнаментом.

Fig. 7. Detail of decor of the portal:
rosette with a stylized floral ornament.

поверхности обведена ступенчатой врезной линией. Высота ступеней соответствует высоте ярусов. Линии ступени второго яруса перекрыты рельефными розетками. Прием очерчивания ниши был применен на портале Колечь-мечети, причем, поле между сталактитовой нишей портала и ступенчатой границей заполнено эпиграфическими надписями и пальметтным орнаментом. Это усиливает декоративность портала¹³. В декоре боковых ниш портала дюрбе Хаджи Гирея такая обводка ниши выполнена не врезной линией, а узкой плоской полоской, служащей границей между крупными деталями сталактитовой ниши и растительным декором прямой плоскости (Гаврилюк, Ибрагимова, 2010, с. 38, рис. 49). Композиция оформления верхней части боковой ниши портала мечети и мавзолея Хаджи Гирея идентична. Декор ниши из мечети отличается использованием деталей, выполненных в высоком ре-

(каталог фотонегативов, снимки № 8, 49, 60).

¹³ Фотоснимки портала и михраба Колечь-мечети содержатся среди материалов из фондов БИКАМЗ (архив фотонегативов, снимки № 262, 272).

льефе, он более выразителен, но менее украшен, не имеет надписей. Такой элемент, как ступенчатая линия, врезная или в виде полоски, которая, вероятно, в первоначальном виде служила для разметки сталактитового рисунка, некоторыми резчиками стала использоваться как дополнительная возможность выделить нишу портала или конху щечковой стены, имеющую сакральное значение.

Надгробие цельновырубленное, которому придан облик закрытого саркофага с двумя спинками, т.н. «двурогое» (Боданинский, Засыпкин, Акчокраклы, 1929, с. 182, рис. 16) (рис. 9)¹⁴. Изголовье является моделью четырехгранного дюрбе с чалмовидным навершием на месте купола, другая спинка – прямоугольной стелой. Постамент массивный, широкий, прямоугольной формы. Надгробие найдено среди памятников кладбища азиза Газы-Мансур у южного подножия плато Чуфут-Кале. В момент обнаружения оно уже было расколото на две части вместе с основанием, от которого также отколот большой фрагмент. Отбиты верхняя часть чалмовидного купола и спинки. На верхней части памятника высечена надпись, испорченная выветриванием и не поддающаяся прочтению. По форме надгробие близко группе памятников, которые были обнаружены раскопками,

¹⁴ БИКАМЗ, каталог фотонегативов, без №.

Рис. 8. Сталактитовая конха боковой ниши портала мечети.

Fig. 8. Stalactite concha of the side niche of the portal of the mosque.

проведенными в 1924 г. на некрополе Кырк-Азизлер в Эски-Юрте. Большая часть этих сохранившихся надгробий являются цельновырубленными, с широким прямоугольным основанием, они датируются по надписям в пределах с 1316 г. до 1409 г. (Гайворонский, 2006, с. 39–40). Такой тип погребальных памятников могильника в Эски-Юрте был распространен с начального период заселения его окрестностей мусульманским контингентом.

Боковые фасады модели дюрбе и самого надгробия украшены резьбой – плетенкой из шестиугольных перекрещенных фигур, образующих подквадратные элементы. Этот мотив часто встречается в резьбе памятников Юго-Западного Крыма: наличника дверного проема, надгробия и плиты с надписью 1425 года из Мангупа (Айбабина, 2001, рис. 74–76), надгробия, вторично использованного в ремонтной кладке дюрбе хана Хаджи Гирея 1501 г., в декоре базы одной из угловых пилястр самого дюрбе (Гаврилюк, Ибрагимова, 2010, рис. 27, 93), надгробий некрополя Кырк-Азизлер (Гайворонский, 2006, с. 39, А–II, D–II, D–IV). В орнаментации надгробий могильника Кырк-Азизлер находит аналогии мотив нишек со стрельчатым верхом. Использование геометрического плетеного рисунка в памятниках Юго-Западного Крыма, в архитектурном декоре и надгробных памятниках XV в., вероятно, может быть примером популярного моти-

ва, применявшегося в определенной местности. Последователем и очагом распространения этой моды, возможно, выступал Мангуп. Геометрический плетеный орнамент украшает стелы и боковые стороны «двурогого» надгробия из Солхата (Башкиров, 1926, с. 124, рис. 19).

Хачкар (рис. 10)¹⁵. Известняк. На камне подквадратной формы высечен равноконечный крест с трилистниками на концах крыльев. Верхнее крыло укорочено, работа выполнена грубо. Камень был найден при раскопках в центральной части мечети (Боданинский, Засыпкин, Акчокраклы, 1929, с. 174–175, рис. 6). Изображение сильно повреждено глубокими выбоинами. Из источников известно: наряду с мусульманским и иудейским, христианское население крепости Кырк-Ер указано в тарханном ярлыке 1459 г. Хаджи-Герая-хана, а, в частности, армянское в ярлыке 1468 г. Нур-Девлет-Герая. При этом отмечается, что «...все пусть будут тарханцами» (Смирнов, 1918, с. 8, 10). Как известно, христианское население Чуфут-Кале известно с периода раннего средневековья. Вопрос о христианизации населения в районе плато Чуфут-Кале связывается с возведением крепостных сооружений и в особенности со

¹⁵ БИКАМЗ, каталог фотонегативов, снимок № Н-52.

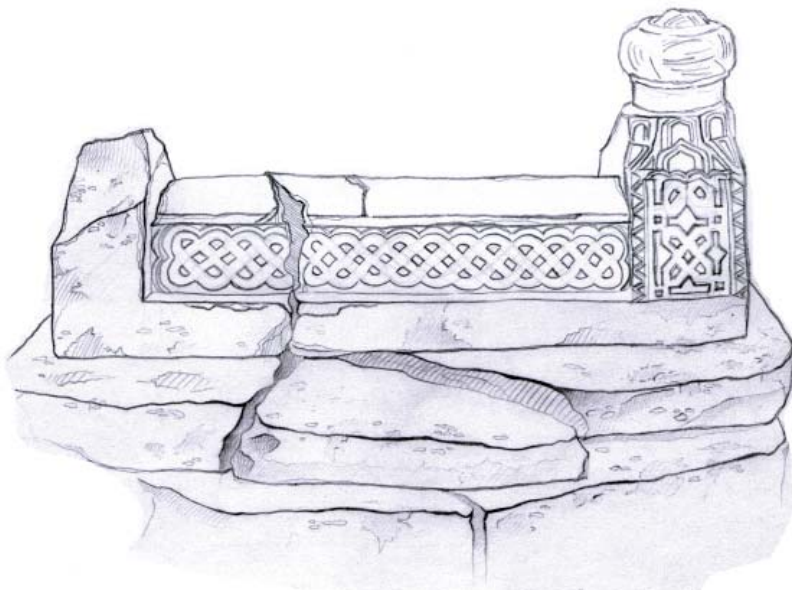

Рис. 9. Надгробие кладбища азиза Газы-Мансура у южной подошвы плато Чуфут-Кале (рис. Любавиной Е.Д.).

Fig. 9. Gravestone of the cemetery of the Aziza of Gaza-Mansur at the southern foot of Chufut-Kale plateau (Figure by Lyubavina, E.D.).

строительством раннесредневековой базилики¹⁶. Предполагается, что у т.н. Южных ворот крепости располагался пещерный христианский монастырь с храмом (Герцен, Могаричев, 2016а, с. 118–120, 126–127, рис. 83–84). Время существования пещерного монастыря – XI–XIV вв. (Герцен, Могаричев, 2016а, с. 129). Пещерный комплекс был подвержен перестройке при усилении участка оборонительных сооружений, с началом превращения крепости в оплот Крымского ханства в Юго-Западном Крыму. Армянского храма, также как и армян-

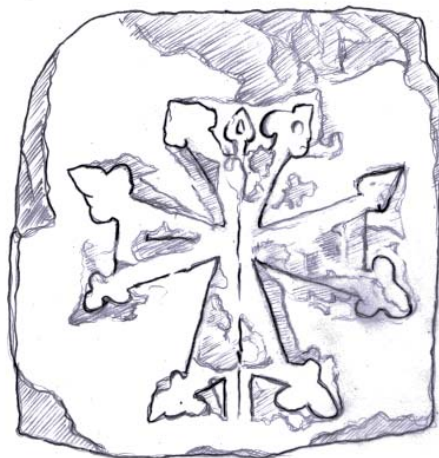
ских надписей, до настоящего времени на городище не обнаружено.

Заключение. Эвлия Челеби, который подробно описал крепость Чуфут-Кале (называя ее Гевхер-керман), приводит содержание надписи на портале мечети с датой 859 г. х. (1454–1455 г.) («Книга путешествия», 1999, с. 37). Исходя из контекста можно заключить, что путешественник не видел внутренней части мечети. Впрочем, и внешнего описания он не дает, ограничившись лишь словами, что Гази эль-Хаджи Герай-хан построил «соборную мечеть старинной архитектуры». Можно предположить, что она имела украшенный портал, снабженный строительной надписью. Все обнаруженные при раскопках мечети орнаментированные детали с пальметтами, представляющие собой части обрамления порталов, являются строительными блоками. Их фраг-

¹⁶ Этот вопрос связан с находками в поздних постройках капителей, которые могли принадлежать раннесредневековой базилике Чуфут-Кале. См.: Боданинский, Засыпкин, Акчокраклы, 1929, с. 174–175; Репников, 1932, с. 142; Кропоткин, 1958, с. 207; Веймарн, 1968, с. 61; Айбабин, 1999, с. 161; Хрушкова, 2016, с. 137–142.

Рис. 10. Хачкар с изображением процветшего креста из раскопок мечети на городище Чуфут-Кале (рис. Аметовой Э.С.).

Fig. 10. Khachkar depicting the bloomed cross from the excavations of the mosque on the Chufut-Kale ancient fortified settlement (Figure by Ametova E.S.).

ментарность не позволяет произвести полную реконструкцию порталов, из которых они происходят. Камни с геометрическим звездчатым орнаментом попали в кладку стен мечети. Сплоии, скорее всего, были взяты из другого строения, либо предположительно из этого же, выстроенного в середине XIV в., но достоверных сведений о точном местонахождении и назначении ранней постройки, датированной 746 г. х. (1346 г.) пока нет. Ряд камней могли накопиться, вероятно, в период запустения мечети, а разрушение ее произошло между концом XVII – серединой XVIII в. (Ломакин, 2017б, с. 548). Так, например, в конце XIX в. был произведен ремонт находящегося в непосредственной близости дюрбе Джанике-ханым, во время которого была изменена разрушенная к этому времени верхняя часть портала (Волошинов, 2015, с. 5; Ломакин, 2017а, с. 221, рис. 6). Был надстроен полуциркульный свод со щипцовой крышей. Верхние части пилонов и портала с горизонтальным парапетом были утрачены, а вместе с ними и их декоративные детали.

При рассмотрении ряда доступных для изучения материалов различного характера можно с некоторым основанием предположить, что постройка, соотносимая с датой 1346 г. и послужившая источником для споллий, также была мечетью, вероятно, имела

некий архитектурный декор, который по традиции, выработанной и получившей широкое распространение в Солхате и ближайших пунктах Юго-Восточного Крыма, имел в основном резьбу с применением стилизованных растительных элементов. Пальметта с «глазками» и составленная из двухдольных полупальметт, дополненная псевдокуфическим и плетеным мотивом, циркульным завитком, стала излюбленным мотивом. Мусульманское население Эски-Юрта и Кырк-Ера в XIV–XV вв. продолжает традиционно использовать в резьбе этот пластичный, имеющий целый ряд вариантов, выразительный и изысканный мотив. В период строительства ранней мечети на Чуфут-Кале в ее декоре появляются геометрические звездчатые мотивы. Для Хаджи Гирея, в первый период своего появления в Кырк-Ере не ранее 1450 г. построившего мечеть на городище Кырк-Ер, вероятно, тогда же был сооружен пиштак мавзолея Джанике-ханым (Сидоренко, 2016, с. 89–90), подобная орнаментация в резьбе могла быть выражением роскошного стиля, соответствующего его притязаниям на главенствующую

роль в государстве. При возведении мечети в ее кладку попадают камни с пальметтным и звездчатым декором, иссекаются сталактитовые конхи боковых ниши растительно-геометрические розетки портала-пиштака, консоли со сталактитовой порезкой шерфе минарета, сталактитовые карнизы, профилированные детали наличников входного проема, консоли арок перекрытия. Создание такого архитектурного декора вполне соответствует облику соборной мечети «старинной архитектуры». С начала XVI в. вряд ли можно говорить о существенных

перестройках мечети, скорее всего, речь идет о ремонтах здания.

Вероятно, в XV в. в каменной пластике Юго-Западного Крыма распространяется мода на геометрические мотивы, проводником которой был Мангуп, появляются сложные геометрические плетения. Растительный стилизованный и геометрический декор в каменной пластике региона сосуществуют, дополняя друг друга, вплоть до XVIII в., создавая ординарные примеры и высокохудожественные образцы каменной пластики.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Книга путешествия». Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666–1667 гг.) / Под ред. Е.В. Бахревского. Симферополь: Дар, 1999. 144 с.
2. *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар, 1999. 349 с.
3. *Айбабина Е.А.* Декоративная каменная резьба Каффы XIV–XVIII вв. Симферополь: «СОНАТ», 2001. 280 с.
4. *Акчокраклы О.[-Н.А.]* Новое из истории Чуфут-Кале // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии (ИТОИАЭ). Т. 2(59). / Отв. ред. Н.Л. Эрнст. Симферополь, 1928. С. 159–172.
5. *Башикиров А.С.* Сельджукизм в древнем татарском искусстве // Крым. 1926. № 2. С. 109–125.
6. *Бертъе-Делагард А.Л.* Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1920. № 57. С. 1–136.
7. *Боданинский У.А., Засыпкин Б.Н., Акчокраклы О.[-Н.А.]* Чуфут-Кале. По материалам раскопок 1928–29 гг. // ИТОИАЭ. Т. 3(60). / Отв. ред. Н.Л. Эрнст. Симферополь, 1929. С. 170–187.
8. *Бороздин И.[Н.]* Солхат: предварительный отчет о работах археологической экспедиции КрымСовнаркома, КрымЦика и Научной ассоциации востоковедения Союза ССР в 1925 году // Новый Восток. 1926. № 13–14. С. 271–301.
9. *Веймарн Е.В.* О двух неясных вопросах средневековья юго-западного Крыма // Археологические исследования средневекового Крыма / Отв. ред. О.И. Домбровский. Киев: Наукова думка, 1968. С. 45–77.
10. *Волошинов А.А.* О времени строительства дюрбе Хаджи-Гирея и Джанике-Ханым // III Бахчисарайские научные чтения памяти Е.В. Веймарна. Тезисы докладов и сообщений. Бахчисарай, 2015. С. 5–6.
11. *Гаврилюк Н.А., Ибрагимова А.М.* Тюрбе хана Хаджи Герая (по материалам археологических исследований 2003–2008 гг.). Киев; Запорожье: Дикое Поле, 2010. 176 с.
12. *Гайворонский О.* Ханское кладбище в Бахчисарайском дворце. Симферополь: Доля, 2006. 64 с.
13. *Герцен А.Г., Могаричев Ю.М.* Кырк-Ер – Чуфут-Кале. Крепость на краю седьмого климата: Исследование. Путеводитель. Альбом. Симферополь: Антикава, 2016а. 312 с.

14. Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Мусульманский период в истории Чуфут-Кале (середина XIV – начало XVI в.) // Материалы Конгресса исламской археологии России и стран СНГ / Под ред. Х.М. Абдуллина, А.Г. Ситдикова. Казань: Институт археологии АН РТ, 2016б. С. 95–102.

15. Даниленко В.И., Крикун Е.В.. Симферополь: Таврида, 2005. 160 с.

16. Кирилко В.П. Солхатское медресе // Stratum plus. 2011. № 6. С. 125–210.

17. Кирилко В.П. Строительная периодизация т.н. мечети Узбека в Старом Крыму // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Кишинёв: Stratum plus, 2015. С. 509–558.

18. Кирилко В.П. Споллии в архитектуре Крымского ханства // Материалы Конгресса исламской археологии России и стран СНГ / Институт археологии АН РТ; под ред. Х.М. Абдуллина, А.Г. Ситдикова. Казань: Институт археологии АН РТ, 2016. С. 160–170.

19. Крамаровский М.Г. Нейзацкий клад. Крым и Малая Азия // Византия и Ближний Восток: памяти А.В.Банк / Отв. ред. В.С. Шандровская. СПб.: Изд-во ГЭ, 1994. С. 126–142.

20. Кропоткин В.В. Из истории средневекового Крыма: Чуфут-Кале и вопрос о локализации города Фуллы // СА. 1958. Вып. 28 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков, В.Д. Блаватский. М.: АН СССР. С. 198–218.

21. Ломакин Д.А. Мусульманские памятники Старого Крыма XIII–XV вв.: история изучения, современное состояние. Симферополь: Соло-Рич, 2015. 240 с.

22. Ломакин Д.А. Мавзолей «Великой государыни» на городище средневекового поселения Кырк-Ер (Чуфут-Кале): опыт историографического изучения (последняя четверть XVIII – начало XXI вв.) // История и археология Крыма. 2017а. Вып. VI. С. 216–241.

23. Ломакин Д.А. «Обширная мечеть, развалины коей заметны и доныне»: отечественная историография последней четверти XVIII – начала XXI вв. о мечети средневековой крепости Кырк-Ер (Чуфут-Кале) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии (МАИЭТ). 2017б. Вып. XXII. С. 535–551.

24. Репников Н.И. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928–29 гг. // Известия ГАИМК. Т. 12, вып. 1–8: «Готский сборник» / Отв. ред. В. И. Равдоникас. М.-Л.: Соцэкгиз, 1932. С. 107–152.

25. Сидоренко В.А. Исследование архитектурных стилей памятников Юго-Восточного Крыма // Архитектурно-археологические исследования в Крыму / Под ред. С.Н. Бибикина. Киев: Наукова думка, 1988. С. 115–128.

26. Сидоренко В.А. Монетная чеканка Крымского ханства (1442–1475 гг.). Симферополь: Бизнес-Информ, 2016. 384 с.

27. Смирнов В.Д. Татаро-ханские ярлыки из коллекции Таврической Ученой Архивной Комиссии // ИТУАК. 1918. № 54. С. 1–19.

28. Хрушкова Л.Г. Ранневизантийские капители и другие элементы архитектурного декора из Юго-Западного Крыма // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Исторические науки. 2016. Т. 2(68), № 2. С.137–162.

Информация об авторе:

Айбабина Елена Акимовна, кандидат исторических наук, доцент, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (г. Симферополь, Россия); AibabinaE@mail.ru

CARVED STONES OF CHUFUT-KALE ANCIENT FORTIFIED SETTLEMENT

E.A. Aibabina

Attribution of the spolia originating from the excavations of the mosque of the Chufut-Kale ancient fortified settlement is the task and theme of this work. Excavations of the mosque of the 15th century on the site of the Chufut-Kale (Kirk-Er) situated in the South-Western part of the Crimea, conducted in 1928–29 and its further investigation in 1956–59 (U.A. Bodaninsky, B.N. Zasyupkin, O. Akchokrakly, E. Weimarn) revealed a number of spolia with ornamental carving that were used as building blocks and architectural details. Among them: blocks with a stylized vegetative and geometric decor ornamenting the casing of the entrances of Muslim religious buildings used in the masonry of the mosque, stalactite conchs of mihrab and side niches of the portal, a capstone, details of portal decor in the form of relief sockets on blocks, as well as fragments of cornices with stalactite and palmetto cutting. In addition to smooth blocks, in the masonry of the walls of the mosque, there were found details with traces of a skived ornamental decoration and epigraphic inscriptions. On one of them, inserted in the masonry of the northern wall of the mosque, there was an Arabic inscription with the date of 746 AD (1346), which, presumably, corresponds to the date of the initial construction of the mosque, which survived a number of rebuildings. The donors of the spolia were Muslim religious buildings - durbe, mosque, madrasah, built in the middle of the XIV century, during the initial period of settling the settlement by the Muslim population.

Keywords: archaeology, Crimea, Chufut-Kale, mosque, durbe, spolia, architectural decor, stalactites, palmettes.

REFERENCES

1. In Bakhrevsky, E. V. (ed.). 1999. «Kniga puteshestviia». Turetskii avtor Evliia Chelebi o Kryme (1666–1667 gg.) (Book of Travel. Turkish author Evliya Celebi about the Crimea (1666–1667)). Simferopol: “Dar” Publ. (in Russian).
2. Aibabin, A. I. 1999. *Etnicheskaia istoriia rannevizantiiskogo Kryma (Ethnic history of the early Byzantine Crimea)*. Simferopol: “Dar” Publ. (in Russian).
3. Aibabina, E. A. 2001. *Dekorativnaia kamennaia rez’ba Kaffy (XIV—XVIII vv.) (Ornamental Stone Carving of Kaffa in the 14th—18th Centuries)*. Simferopol: “Sonat” Publ. (in Russian).
4. Akchokrakly, O. [-N.A.]. 1928. In Ernst, N. L. (ed.). *Izvestiya Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii (Proceedings of the Taurida Society for History, Archaeology, and Ethnograph)* 2(59). Simferopol. 159–172 (in Russian).
5. Bashkurov, A. S. 1928. In *Krym (Crimea)* (2). 109–125 (in Russian).
6. Bert’e-Delagard, A. L. 1920. In *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of the Taurida Learned Archival Commission)* 57, 1–136 (in Russian).
7. Bodaninskii, U. A., Zasyupkin, B. N., Akchokrakly, O. [-N.A.] 1929. . In Ernst, N. L. (ed.). *Izvestiya Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii (Proceedings of the Taurida Society for History, Archaeology, and Ethnograph)* 3(60). Simferopol. 170–187 (in Russian).
8. Borozdin, I. N. 1926. In *Novyi Vostok (New East)* 13–14. 462–464 (in Russian).
9. Veimarn, E. V. 1968. In Dombrovskij, O.I. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniya srednevekovogo Kryma (Archaeological research of the medieval Crimea)*. Kiev: “Naukova dumka” Publ., 45–77 (in Russian).
10. Voloshinov, A.A. 2015. In *III Bakhchisaraiskie nauchnye chteniia pamiati E. V. Veimarna (3rd Bakhchisaray Readings in Memory of E. V. Veimarn)*. Simferopol: “Antikva” Publ., 5–6 (in Russian).
11. Gavriiliuk, N.A., Ibragimova, A.M. 2010. *Tiurbe khana Khadzhi Geraia (po materialam arkheologicheskikh issledovaniy 2003–2008 gg.) (Tomb of Khan Haci Giray (on the Basis of Archaeological Research Materials of 2003–2008))*. Kiev; Zaporozh’e: “Dikoe Pole” Publ. (in Russian).

12. Gaivoronskii, O. 2006. *Khanskoe kladbishche v Bakhchisaraiskom dvortse (Khan's Cemetery in Bakhchisaray Palace)*. Simferopol: "Dolia" Publ. (in Russian).
13. Gertsen. A. G., Mogarichev. Yu. M. 2016. *Kyrk-Er – Chufut-Kale. Krepost na kraiu sedmogo klimata: Issledovanie. Putevoditel. Albom (Qirq Yer – Chufut-Kale. Fortress at the edge of the seventh climate: Research work. Guide. Album)*. Simferopol: "Antikva" Publ. (in Russian).
14. Gertsen. A. G., Mogarichev. Yu. M. 2016. In Abdullin, Kh. M., Sitdikov, A. G. (eds.). *Materialy Kongressa islamskoi arkheologii Rossii i stran SNG (Materials of the Congress on Islamic Archaeology of Russia and the CIS Countries)*. Kazan: Institute of Archeology of the Tatarstan Academy of Sciences, 95–102 (in Russian).
15. Danilenko, V. I., Krikun, E. V. 2005. *Vozdushnyi gorod Dzhuft-Kale: ocherki arkhitektury (The Ethereal Town of Juft Qale: Essays on Architecture)*. Simferopol: "Tavrida" Publ. (in Russian).
16. Kirilko, V. P. 2011. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 125–210 (in Russian).
17. Kirilko, V. P. 2015. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)*. Kazan; Simferopol; Kishinev: "Stratum Plus" Publ., 509–558 (in Russian).
18. Kirilko, V. P. 2016. In Abdullin, Kh. M., Sitdikov, A. G. (eds.). *Materialy Kongressa islamskoi arkheologii Rossii i stran SNG (Proceedings of the Congress on Islamic Archaeology of Russia and the CIS Countries)*. Kazan: Institute of Archeology of the Tatarstan Academy of Sciences, 160–170 (in Russian).
19. Kramarovskii, M. G. 1994. In Shandrovskaya, V. S. (ed.). *Vizantiia i Blizhnii Vostok: pamiati A.V. Bank (Byzantium and the Middle East: in Memory of A.V. Bank)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 126–142 (in Russian).
20. Kropotkin, V. V. 1958. In Rybakov, B. A., Blavatskii, V. D. (eds.). *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (28), Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 197–201 (in Russian).
21. Lomakin, D. A. 2015. *Musulmanskie pamiatniki Starogo Kryma XIII–XV vv.: istoriia izuchenii, sovremennoe sostoianie (Muslim Monuments of Sary Krym of the 13th–15th cc.: the History of Studying and the Contemporary State)*. Simferopol: "Solo-Rich" Publ. (in Russian).
22. Lomakin, D. A. 2017. In *Istoriia i arkheologiia Kryma (History and Archaeology of Crimea)* 6. 216–241 (in Russian).
23. Lomakin, D. A. 2017. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* (22). 535–551 (in Russian).
24. Repnikov, N. I. 1932. In Ravdonikas, V. I. (ed.). *Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Reports of the State Academy for the History of Material Culture)* (12). Moscow-Leningrad: "Sotsekgiz" Publ., 107–152 (in Russian).
25. Sidorenko, V. A. 1988. In Bibikov, S. N. (ed.). *Arkhitekturno-arkheologicheskie issledovaniia v Krymu (Architectural and Archaeological Studies in the Crimea)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 115–128 (in Russian).
26. Sidorenko, V. A. 2016. *Monetnaia chekanka Krymskogo khanstva (1442–1475 gg.) (Minting in Crimean Khanate (1442–1475))*. Simferopol: "Biznes-Inform" Publ. (in Russian).
27. Smirnov, V. D. 1918. In *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Reports of the Tauric Scientific Archival Commission)* 54, 1–19 (in Russian).
28. Khrushkova, L. G. 2016. In *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki. T. 2(68) (Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Historical sciences. V. 2(68))* (2). 137–162 (in Russian).

About the Author:

Aibabina Elena A. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Vernadskogo Pr., 4, Simferopol, 295007, Crimea, Russian Federation; AibabinaE@mail.ru

Статья поступила в номер 20.04.2018 г.

УДК 902.2+930.2

<https://doi.org/10.24852/pa2018.2.24.168.189>**«АЛУСТОНСКИЙ КЛАД»: ИСТОРИЯ НАХОДКИ¹**

© 2018 г. В.П. Кирилко

В 1950 г. внутри храма на прибрежном некрополе средневековой Алушты Е.В. Веймарн раскопал плитовую могилу с богатым погребальным инвентарём XIV в. (137 предметов, из них 85 золотых). В настоящее время основная часть находок, которая хранится в фондах Музея исторических драгоценностей Украины, почти полностью уже введена в научный оборот, но ошибочно трактуется современными исследователями как клад. Ближайшими аналогиями этим находкам являются золотоордынские ювелирные изделия Болгара и Маджара. Также параллели этим находкам выявляются в предметах декоративно-прикладного искусства Молдавского княжества XV–XVI вв. На нынешнем этапе изучения памятника для устранения лакун и обусловленных ими противоречий особую значимость приобретают прежде не публиковавшиеся архивные материалы Тавро-скифской археологической экспедиции Крымского филиала АН СССР (дневники, полевые описи, чертежи, зарисовки, фотоснимки, переписка, документы), которые позволяют получить почти полное представление о ходе работ, топографии находок и самих вещах. Автор делает предположение о том, что в храме был погребён протос – глава местного самоуправления, должность которого обычно исполнял старейшина селения или священник.

Ключевые слова: археология, история, Алуштинский могильник, Н.В. Пяташева, П.Н. Шульц, Е.В. Веймарн, золотоордынское искусство, ювелирные изделия.

В 2015 г. научная сокровищница пополнилась публикацией уникального вещевого комплекса, получившего условное название «Алустонский клад» (Малюк, 2015а; 2015б). Он содержит малоизвестные ювелирные изделия золотоордынского времени из фондов Музея исторических драгоценностей Украины, которые были переданы тому Киевским государственным историческим музеем, куда, в свою очередь, экспонаты поступили в 1963 г. из Крымского областного краеведческого музея. Считается, что «музей стал обладателем части клада, обнаруженного в Алуште в

1950 г. при исследовании могильника X–XVIII вв., который примыкал к средневековому храмовому комплексу» (Малюк, 2015а, с. 159).

Автор публикации Н.И. Малюк сообщает, что клад, состоявший из 137 предметов (в том числе, 85 золотых), был найден внутри церкви в плитовой могиле, покровные плиты которой не сохранились, а все пять погребений оказались нарушенными. Изделия, представленные в музейной коллекции, исследовательница условно разделила на несколько групп. Самую многочисленную из них образуют розетки нескольких типов: шести-

¹ Исследование подготовлено в рамках выполнения плановой темы Отдела средневековой археологии ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН» – «Кросс-культурные связи населения Таврики и близлежащих территорий в эпоху средневековья» (Государственный регистрационный номер темы 1005-2015-0007).

лепестковые розетки, украшенные скаными кружками (41 ед.), шестилепестковые розетки, в трех лепестках которых изображения водоплавающей птицы (8 ед.), розетки многолепестковые с кастами в центре (3 ед.). К ней также примыкают четыре миниатюрных круглых пластины, украшенные скаными кружками. Вторая по численности группа содержит пластинки в виде цветка лотоса (всего 13 ед.). Остальные комплекты небольшие, отличаются разнообразием декора и форм артефактов: семь фигурных изделий (условно определены как пальметты, из которых пять орнаментированы сканью, а две украшены сканью и вставками альмандинами), четыре прямоугольные пластины, украшенные сканью, три пластины сложной формы с филигранным орнаментом и жемчужными вставками. В самостоятельные группы изделий выделены пластины с рельефными, пока не интерпретированными, изображениями без сканной орнаментации и три подвески (серьги?) разной формы (Малюк, 2015а, с. 159–165; 2015б, с. 39–42).

Сами находки Н.И. Малюк относит к числу произведений золотоордынского ювелирного искусства и небезосновательно считает возможным датировать их XIV в. Причиной тезаврации клада, по ее мнению, «могли быть многие события (с достаточно широким хронологическим диапазоном. – В.К.) – репрессии хана Узбека, генуэзско-венецианские войны за колонии, "великая замятня", завоевания Тамерлана», борьба «средневекового греческого княжества Феодоро и Лигурийской республики за юго-западное побережье Крыма» (Малюк, 2015а: 166–167). Более того, согласно выводам исследовательницы, золо-

тоордынская принадлежность клада выглядит спорной, поскольку тот обнаружен на территории, определенное время находившейся во владении феодоритов и, вероятно, был связан именно с последними, элита которых отмечена культурно-эстетической ориентацией на Золотую Орду (Малюк, 2015б, с. 43).

Атрибуция алуштинских экспонатов музея как части некоего клада, что, по утверждению исследовательницы, будто бы выяснилось «в процессе изучения фондовой коллекции», на мой взгляд, является ошибочной. Вероятнее всего, эту идею Н.И. Малюк позаимствовала у своего предшественника – М.Г. Крамаровского, непререкаемый авторитет которого (в ее публикации он представлен как «крупнейший специалист по торевтике») затмил иные возможные варианты (Малюк 2015а, с. 159).

Как бы то ни было, но название «Алустонский клад»² по отношению к находкам из Алуштинского могильника первым применил именно М.Г. Крамаровский. Одновременно с этим он ввел в научный оборот собственную версию результатов археологического изучения памятника, которая насыщена ошибками и совершенно фантастическими деталями. В частности, по его мнению, золотых

² Использованное обоими авторами словосочетание является крайне неудачным, ибо могильник традиционно считается Алуштинским, а расположен он вне византийской крепости Алустон, за пределами поселения. По сути, больше оснований так называться имеет находка кувшина с 17 серебряными платежными слитками-соммо (Адаксина, Мыц, 1999), которая не только была настоящим кладом, но и происходит из руин цитадели.

украшений было всего восемьдесят, а сама могила якобы находилась «у восточной стены храма», причем указывается, что клад обнаружен «на городище средневекового Алустана» при раскопках некрополя. Основанием для вывода о статусе вещевого комплекса являются два, неизвестно откуда им почерпнутых, умозаключения: «Находка не относится к погребальному инвентарю захоронения» и «Интересующие нас вещи найдены компактной группой» (Крамаровский, 2001, с. 120).

Чем руководствовались Н.И. Малюк и М.Г. Крамаровский, считая находку кладом, непонятно. Более того, сама по себе ситуация с вымышленной атрибуцией представляется немного странной, поскольку и оба специалиста ссылаются на предпринятую в свое время О.А. Махнёвой первую публикацию ряда артефактов комплекса, в которой речь однозначно идет о погребальном инвентаре могилы, среди вещей из которой кроме золотых изделий упоминаются также раковины каури, бубенчикообразные или шарообразные пуговицы, проволочные серьги (Махнева, 1968, с. 162, рис. 7: 2, 4–7; 8). К сожалению, им осталась неизвестной вторая, совместная с К.К. Когонашвили, работа того же автора, также основанная на материалах отчета о раскопках, любезно предоставленных О.А. Махнёвой для публикации непосредственным исследователем памятника Е.В. Веймарном. В ней содержатся дополнительные сведения о результатах вскрытия погребального сооружения: «Очень красивы найденные там же бусы из янтаря, сердолика, ажурные из золота и серебра, ожерелья с подвесками из янтаря и халцедона, золо-

тые и серебряные пуговицы, серьги, кольца, перстни. Среди костей покойных лежали отдельные жемчужины, раковины каури, мелкие изделия из кости и другие предметы». Наряду с другими находками отмечаются также остатки одежды в виде истлевших кусков «дорогой парчи» (Когонашвили, Махнева, 1971, с. 24–25).

В связи с проблемами, возникшими при изучении раритетов памятника, для устранения образовавшихся лакун и обусловленных ими противоречий сейчас особую актуальность приобретает необходимость введения в научный оборот прежде не публиковавшихся архивных материалов археологической экспедиции 1950 г. (дневники, полевые описи, чертежи, зарисовки, фотоснимки, официальная переписка, документы)³, которые позволят получить почти исчерпывающее представление о ходе работ, топографии находок и самих вещах, что, несомненно, будет способствовать установлению истины.

Кладбище, где были обнаружены золотые украшения, находится в г. Алушта на небольшой возвышенности над морем, между набережной и дорогой, ведущей к средневековому укреплению, считается полностью исследованным. В свое время на его территории располагался старый Алуштинский маяк, сейчас некрополь занят несколькими капитальными строениями и практически повсеместно ими перекрыт.

Официальная версия истории археологического изучения этого па-

³ Полевые материалы II Алуштинского отряда Тавро-скифской экспедиции 1950 г. / НА ИАК РАН. 1957. Шифр А. № 6. Папка 8.

мятника, введенная в научный оборот, имеет следующий вид: «Могильник в 1950 г. исследован Н.В. Пятышевой и Е.В. Веймарном, в 1951 г. его исследование продолжил Ю.В. Кухаренко» (Махнева, 1968, с. 160, прим. 6). За лаконичными строками сводки потерялось само событие, ставшее сенсацией первого полевого сезона, перипетии которого едва не привели к непоправимой утрате важной научной информации (НА ИАК РАН. 1957. Шифр А. № 6/1. Л. 10–11). Более того, как оказалось, в раскопках могилы с находками золотых изделий, получившей порядковый номер 21, поочередно и практически без перерыва, сменяя друг друга, в течение нескольких дней (с 11 по 17 сентября), приняло непосредственное участие гораздо больше исполнителей, чем упомянуто, и это были совершенно разные по квалификации специалисты, что не могло не отразиться на результатах и качестве работ.

Археологические исследования некрополя начались летом, предположительно в августе 1950 г. Первоначально они осуществлялись Алуштинским отрядом Тавро-скифской экспедиции под руководством кандидата исторических наук Н.В. Пятышевой, сотрудницы Государственного исторического музея по заказу Алуштинского краеведческого музея. В течение относительно непродолжительного полевого сезона ей удалось вскрыть раскопками территорию памятника на площади около 100 кв. м, в результате чего были обнаружены многочисленные могилы и остатки стен средневекового храма с тремя погребальными сооружениями внутри наоса (НА ИАК РАН. 1957. Шифр А. № 6/10.

Л. 2–3). Однако то, как развивались события на завершающей стадии работ, вызывает лишь недоумение, ибо, едва приступив к раскопкам могилы № 21, находившейся в северо-западной части церкви, она сразу же их прекратила, а затем внезапно уехала в Москву, забрав с собой полевой дневник. Несколько уточнить детали произошедшего, позволяет резолюция заседания Комитета полевых исследований ИИМК АН СССР от 7 мая 1951 г., специально рассматривавшего дело Н.В. Пятышевой. В документе отмечено, что исследовательница «покинула раскоп 12 сентября неожиданно, не закончив даже вскрытия могилы № 21, о которой она сама пишет в записи от 11 сентября: "с наступлением темноты зачистка могилы оставляется на следующий день"» (НА ИАК РАН. 1957. Шифр А. № 6/1. Л. 10). В качестве причины отъезда Н.В. Пятышева указала необходимость «составить отчет до конца отпуска, истекавшего 25 сентября», однако это ее оправдание членами комитета было признано «совершенно неудовлетворительным» и как таковое, которое «ни в коей мере не объясняет подобной спешки» (НА ИАК РАН. 1957. Шифр А. № 6/1. Л. 11).

Что успела раскопать Н.В. Пятышева накануне отъезда, и какие находки были получены ею при изучении могилы № 21, точно неизвестно⁴. Вероятнее всего, она обнажила

⁴ Надо полагать, ответ можно отыскать в дневнике полевых исследований, но он мне пока недоступен для ознакомления. Как не парадоксально, с подобной проблемой в свое время столкнулись также специалисты, продолжившие работы Н.В. Пятышевой в 1950 г. В частности, Е.В. Веймарну директором

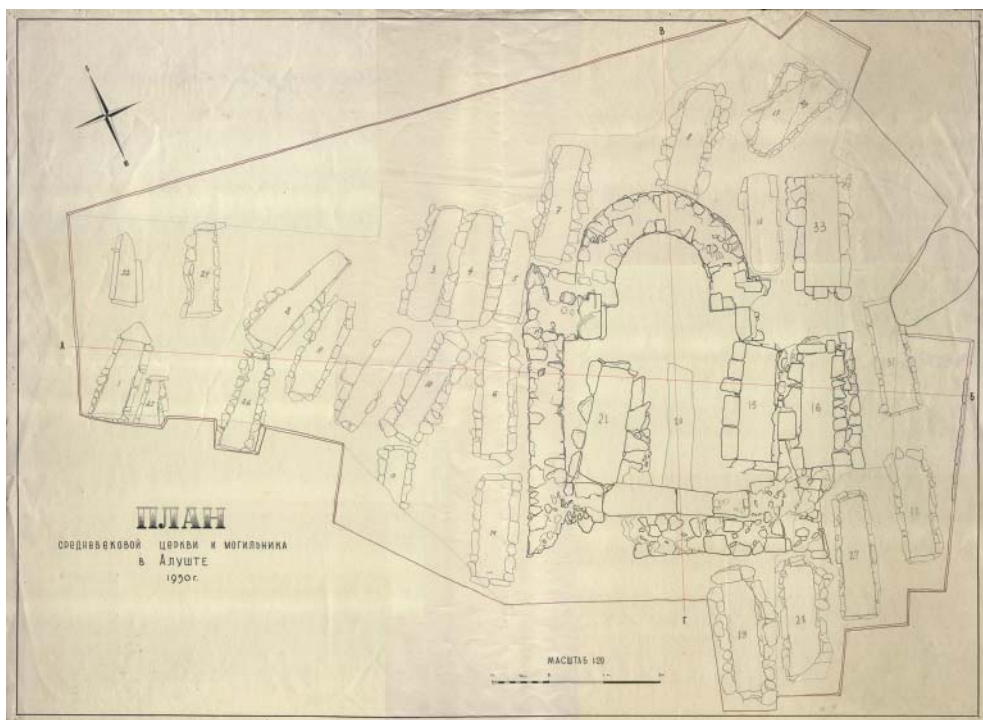

Рис. 1. План средневековой церкви и могильника в Алуште. 1950 г. Чертеж С.К. Себекина (НА ИАК РАН. 1957. Шифр А. № 6/7. Л. 2).

Fig. 1. Plan of the medieval church and cemetery in Alushta. 1950. Drawing of S. K. Sebekin (Scientific archive of the Institute of Archeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences, 1957. Cipher A. No. 6/7, sheet 2).

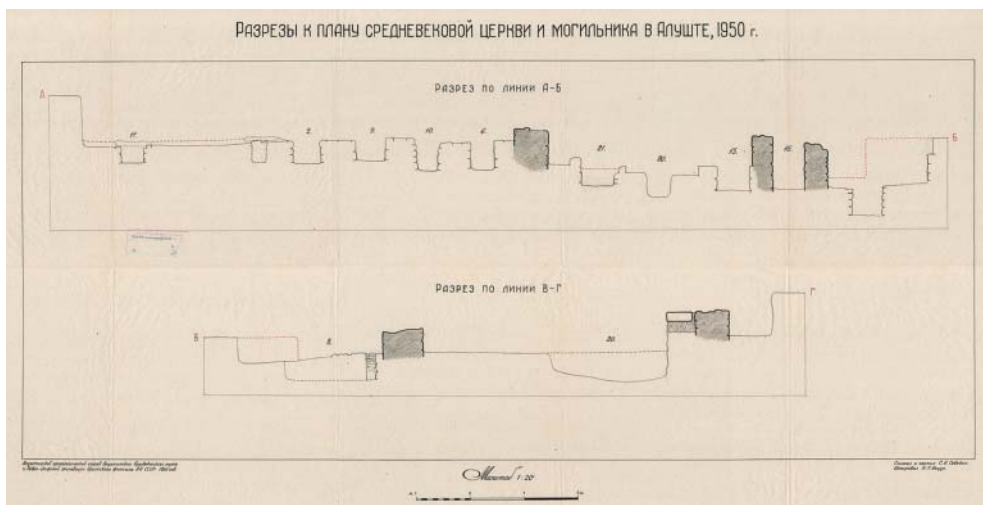

Рис. 2. Разрезы к плану средневековой церкви и могильника в Алуште. 1950 г. Чертеж С.К. Себекина, копия Н. П. Кацура (НА ИАК РАН. 1957. Шифр А. № 6/7. Л. 3).

Fig. 2. Sections to the plan of the medieval church and cemetery in Alushta. 1950. Drawing of S. K. Sebekin, a copy of N. P. Katsura (Scientific archive of the Institute of Archeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences, 1957. Cipher A. No. 6/7, sheet 3).

выступавшие над материком камни кладок погребального сооружения и, возможно, немного углубилась в заполнение могилы, до уровня верхней части ее восточной стенки. Более или менее уверенно об этом можно судить на основании появившихся позднее обмерных чертежей (рис. 1; 2), на которых согласно требованиям председателя Комитета полевых исследований ИИМК АН СССР, профессора, доктора исторических наук А.В. Арциховского, четко обозначены горизонтальная и вертикальная границы между раскопами разных исследователей (НА ИАК РАН. 1957. Шифр А. № 6/1. Л. 1).

Утром 12 сентября, видимо, сразу после отъезда Н.В. Пятышевой, телеграммой из Алуштинского краеведческого музея о случившемся был срочно поставлен в известность заведующий сектором истории и археологии Крымского филиала АН СССР, начальник Тавро-скифской экспедиции, кандидат исторических наук

Алуштинского краеведческого музея были предложены лишь некие «выписки» из дневника, и произошло это уже в момент завершения отчета, в марте 1951 г. Причем, по свидетельству ученого, они его не устроили, поскольку «не снабжены ни одной схемой, не соединены с фотографиями» (НА ИАК РАН. 1957. Шифр А. № 6/10. Л. 6). Не избежали этой участи даже члены Комитета полевых исследований, специально занимавшиеся разбирательством нарушений, допущенных Н.В. Пятышевой при раскопках, когда вместо затребованных дневников исследовательница им «предоставила 30 марта предварительное сообщение, не отвечающее ни на один из вопросов, имеющих значение для решения настоящего дела» (НА ИАК РАН. 1957. Шифр А. № 6/1. Л. 11).

П.Н. Шульц, который без промедления, в 11 часов 10 минут, выехал автобусом из Симферополя в Алушту. Вместе с ним на раскопки отправился еще один представитель организации – младший научный сотрудник, антрополог К.Ф. Соколова. Ближе к вечеру, уже на месте, их команда пополнилась третьим специалистом. К коллегам присоединился лаборант того же учреждения, топограф-чертежник С.К. Себекин, который добирался в Алушту самостоятельно, воспользовавшись следующим рейсом автобуса, с отправлением в 15 часов (НА ИАК РАН. 1957. Шифр А. № 6/3. Л. 1).

В период между внезапным отъездом Н.В. Пятышевой и прибытием около 2-х часов дня П.Н. Шульца с К.Ф. Соколовой раскопками на памятнике занялся сам директор Алуштинского краеведческого музея Д.А. Тарасюк при участии временно-го сотрудника музея К.А. Бредэ и трех рабочих – двух студентов первого курса Московского художественного института Академии художеств СССР А.В. Дронова и М.А. Каляяна, а также М.Г. Раскина, жителя г. Симферополь (НА ИАК РАН. 1957. Шифр А. № 6/3. Л. 1–2).

Известно, что в первую половину дня, до того, как на раскопе появились представители Сектора истории и археологии Крымского филиала АН СССР, ими при зачистке «из погребения № 21 извлечены свыше 10-ти изделий, из них 5 золотых» (НА ИАК РАН. 1957. Шифр А. № 6/3. Л. 2). Какие именно находки были сделаны, достоверно можно определить по описи, составленной Д.А. Тарасюком (НА ИАК РАН. 1957. Шифр А. № 6/3. Л. 4). Золотые изделия представлены следующими предмета-

ми: «Украшение филигранное в виде розеты с отверстием для нашивки» (№ 99, 2 экз.), «Пластина филигранной работы» (№ 100, 1 экз.), «Украшение филигранной работы в виде розеты с выступом в центре со следами пасты (сломан один кружочек с краю)» (№ 101, 1 экз., размер – 22 мм), «Украшение филигранной работы с отверстием для подвешивания» (№ 102, 1 экз., размер – 16×14 мм). Остальные артефакты достаточно разнообразны и не менее интересны: «Половина пуговицы» (№ 104, 1 экз., размер – 18×6 мм), «Заковка металлическая в виде грозди винограда» (№ 105, 1 экз.), «Подвески бронзовые» (№ 106, 4 экз., бронза?), «Подвеска в двух обломках» (№ 107, 1 экз., бронза?), «Монеты с дырочками» (№ 108, 2 экз., серебро, размеры – 13 и 14×12 мм), «Ракушка "Каури"» (№ 109, 1 экз.), «Пуговицы» (№ 111, 3 экз., паста?), «Костяное навершие (механическая обработка)» (№ 112, 1 экз.), «Обломок обработанной кости» (№ 113, 1 экз.), «Гвоздь кованый» (№ 114, 1 экз., железо), «Металлический образец с ушком» (№ 115, 1 экз., железо), «Фрагменты блюда с светлозеленой поливой» (№ 116, 5 экз., глина) (НА ИАК РАН. 1957. Шифр А. № 6/10. Л. 49–50). Точные расположение и глубина залегания находок в могиле неизвестны.

Директор Алуштинского краеведческого музея, временно взявший на себя обязанности руководителя археологических работ, при встрече с П.Н. Шульцем разъяснил тому, что зачистки проводились «по указанию начальника Алуштинского отряда Н.В. Пяташевой, которая не успела их произвести в последний день своих работ». Однако, надо полагать, Д.А. Тарасюк проявил излишнюю

инициативу, несколько превысив при этом свои полномочия, ибо, по свидетельству рабочих и практикантов, Н.В. Пяташева 11 сентября дала им распоряжение лишь засыпать раскоп, а «расчистку то они начали, убедившись, что могила № 21 недокопана» (НА ИАК РАН. 1957. Шифр А. № 6/3. Л. 1 об., 2).

По рекомендации П.Н. Шульца дальнейшая зачистка погребения была прекращена, а могила № 21 заложена плитами (НА ИАК РАН. 1957. Шифр А. № 6/3. Л. 2). Более того, П.Н. Шульц предложил пропустить через грохот грунт, выброшенный из могилы. Результат оказался положительным: «Во время просева земли обнаружено 5-ть золотых изделий: 4-ре розетки с отверстиями для нашивки⁵, филигранной работы, и одно золотое украшение, инкрустированное камнями (из двух камней сохранился лишь один, красный, может-быть гранат, второй камень отсутствует, выпал еще, судя по пасте, в древности⁶. Найден обломок иглы серебряной⁷. Может-быть она принадлежит к серебряному украшению, найденном в тот же день в первую половину дня (с виноградными лепестками)⁸. Найдена одна грушевидная "подвеска" из серебра, в виде бубенчика⁹» (НА ИАК РАН. 1957. Шифр А. № 6/3. Л. 3).

⁵ Кол. № 99 (НА ИАК РАН. 1957. Шифр А. № 6/10. Л. 49).

⁶ Кол. № 103. Размеры изделия – 28×10 мм (НА ИАК РАН. 1957. Шифр А. № 6/10. Л. 49).

⁷ Кол. № 110. Длина – 43 мм (НА ИАК РАН. 1957. Шифр А. № 6/10. Л. 50).

⁸ Кол. № 105 (НА ИАК РАН. 1957. Шифр А. № 6/10. Л. 49).

⁹ Точной идентификации не поддается. Предположительно, кол. № 106 (НА ИАК

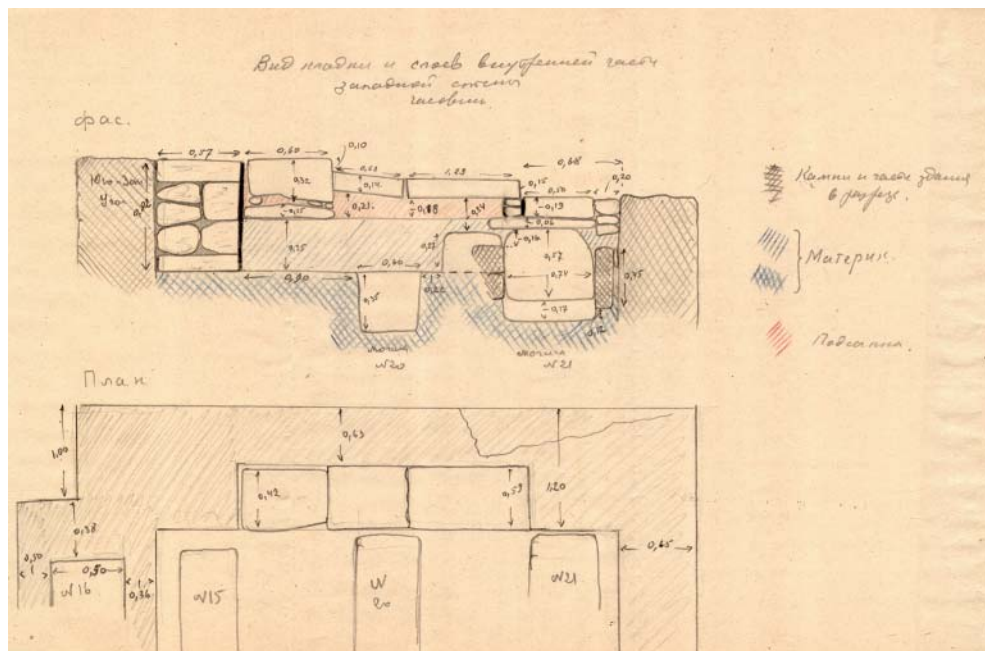

Рис. 3. Вид кладки и слоев внутренней части западной стены часовни. 1950 г.

Кроки Е.В. Веймарна (НА ИАК РАН. 1957. Шифр А. № 6/2. Л. 33 об.).

Fig. 3. The type of masonry and layers of the inner part of the western wall of the church. 1950.

Crosses of the E. V. Veimarn (Scientific archive of the Institute of Archeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences, 1957. Ciphers A. No. 6/2, sheet 33 r).

После коллективного осмотра памятника выяснилось, что вследствие отъезда в Москву Н.В. Пятышевой помимо могилы № 21 не до конца исследованными остались также многие другие участки некрополя, в частности, не везде изучение культурного слоя было доведено до материка. Особое внимание П.Н. Шульц обратил на отмечаемое повсеместно нарушение существующей методики проведения археологических раскопок, которое проявилось в отсутствии разбивки на квадраты, ломаной конфигурации бортов и безответственном отношении к антропологическому материалу (НА ИАК РАН. 1957. Шифр А. № 6/3. Л. 4–5).

РАН. 1957. Шифр А. № 6/10. Л. 49–50).

Обнаружился еще один серьезный недочет исследовательницы – полевые работы не сопровождались графической фиксацией полученных результатов, разве что, как считал П.Н. Шульц, «кроме отдельных деталей» (НА ИАК РАН. 1957. Шифр А. № 6/2. Л. 6). Данное обстоятельство позднее нашло отражение в резолюции заседания Комитета полевых исследований ИИМК АН СССР от 7 мая 1951 г., где со ссылкой на собственное письменное заявление Н.В. Пятышевой от 15 ноября, отмечено: «производила раскопки, не делая чертежей, поручив сделать их после своего отъезда городскому архитектору, т.е. лицу, не имеющему для этой необходимой археологической подготовки и не обязанному выполнять эту работу»

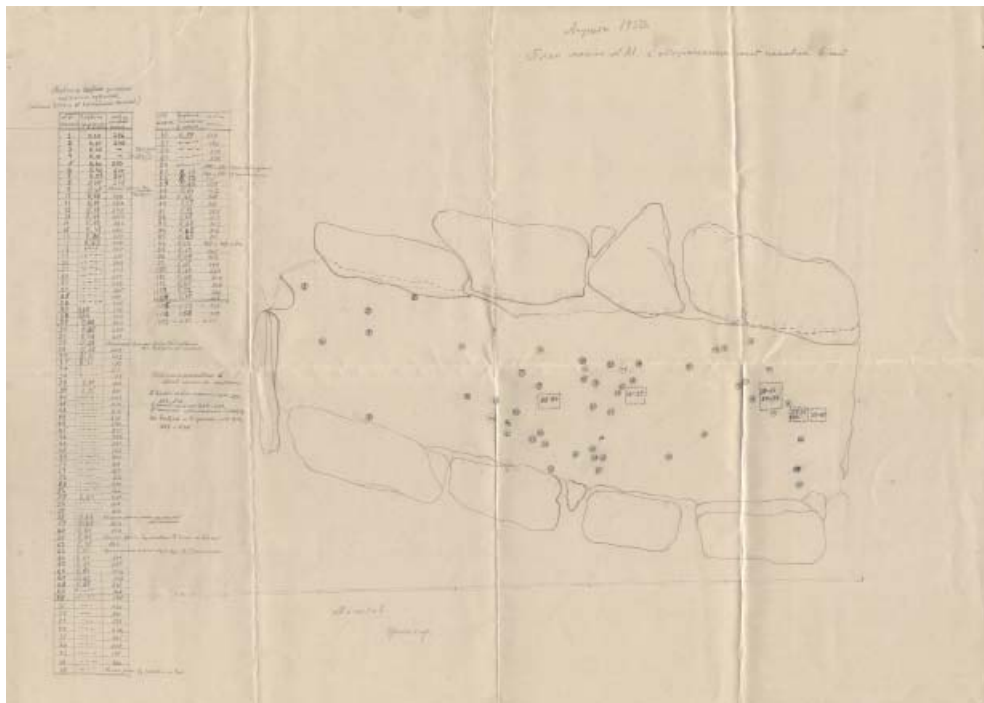

Рис. 4. План могилы № 21 с обозначением мест находок в ней. 1950 г.
(НА ИАК РАН. 1957. Шифр А. № 6/7. Л. 11).

Fig. 4. The plan of the grave No. 21 with the designation of the sites of finds in it. 1950
(Scientific archive of the Institute of Archeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences,
1957. Cipher A. No. 6/7, sheet 11).

(НА ИАК РАН. 1957. Шифр А. № 6/1. Л. 10).

После осмотра памятника и оценки состояния раскопа П.Н. Шульц, предварительно обсудив ситуацию с директором Алуштинского краеведческого музея, созвонился с кандидатом исторических наук Е.В. Веймарном, заведующим Бахчисарайской станцией Института археологии АН СССР и по совместительству старшим научным сотрудником Крымского филиала АН СССР, чтобы договориться с ним о приезде в Алушту для продолжения тем работ на памятнике. Выбор преемника не был случайным. По мнению П.Н. Шульца, «завершить их (раскопки. – В.К.) может, из археологов, находящихся в Крыму, один

Е.В. Веймарн, как специалист в области истории средневекового Крыма, имеющий открытый лис[т] на арх. разведки с вскрытием ограниченных площадей на Алуштинский район». Было принято решение отозвать Е.В. Веймарна из отпуска и назначить его с 14 сентября начальником II Алуштинского отряда, ставшего одним из подразделений Тавро-скифской экспедиции, а сам отряд рассматривать как совместное научное предприятие Алуштинского краеведческого музея и Крымского филиала АН СССР (НА ИАК РАН. 1957. Шифр А. № 6/3. Л. 5–6).

Вечером 12 сентября Д.А. Тарасюк, П.Н. Шульц и К.А. Бредэ встретились в музее для обсужде-

ния планов на ближайшее будущее. Ими была составлена программа дальнейших работ, одним из пунктов которой стало решение по захоронениям внутри храма: «в) Довершить раскопку могил №№ 20 и 21» (НА ИАК РАН. 1957. Шифр А. № 6/3. Л. 7–8).

13 сентября в первой половине дня, до приезда в Алушту Е.В. Веймарна, после завершения изучения могилы № 20 А.В. Дронов и М.А. Калаян «приступили к зачистке могилы № 21 в ее западной части». Надо полагать, работы велись под наблюдением П.Н. Шульца, отметившего в полевом дневнике следующие результаты: «Очистили могилу от завала, выявили ее восточную стенку. Показались кости. При зачистке найдено несколько обломков черепиц» (НА ИАК РАН. 1957. Шифр А. № 6/3. Л. 9–10). Вероятнее всего, именно последние представлены в описи находок, составленной в тот день К.Ф. Соколовой (НА ИАК РАН. 1957. Шифр А. № 6/3. Л. 10 об.), как «Кусок черепицы с крестом и буквами» (№ 185, 1 экз., глина) и «Край черепицы» (№ 186, 1 экз., глина) (НА ИАК РАН. 1957. Шифр А. № 6/10. Л. 54).

13 сентября в 13.30 Е.В. Веймарн «был уже в г. Алушта на месте археологических работ». После совместного с П.Н. Шульцем осмотра раскопок и детального ознакомления со сложившейся ситуацией, а также утверждения программы проведения предстоящих исследований он приступил к исполнению своих обязанностей, зарегистрировав Открытый лист № 7 от 28.04.1950 г. (форма 2) в соответствующих органах местной власти (НА ИАК РАН. 1957. Шифр А. № 6/3. Л. 10 об.; № 6/2. Л. 3–7). Все даль-

нейшие работы по археологическому изучению памятника и, в частности, раскопки могилы № 21 выполнялись исключительно под руководством и при непосредственном участии Е.В. Веймарна.

13 сентября датировано еще несколько находок, которые не упомянуты в полевых дневниках, но представлены в описи материалов: «Пуговица ажурная полая внутри» (№ 271, 1 экз., серебро позолоченное, размеры – 2,6×1,3 мм), «Подвеска халцедоная овальная» (№ 272, 1 экз., халцедон, размеры – 2,3×2,0 мм), «Оправа с колечком от верха креста» (№ 273, 1 экз., серебро, размеры – 0,8×1,0 мм) и «Ракушка "Каури"» (№ 274, 1 экз., размеры – 2,2×1,6 мм) (НА ИАК РАН. 1957. Шифр А. № 6/10. Л. 29). Судя по примечаниям к появившемуся на следующий день плану (рис. 4), они точной привязки не имеют. Подвеска происходит из восточной части могилы, оправа и раковина – из западной (НА ИАК РАН. 1957. Шифр А. № 6/7. Л. 11). Где была найдена пуговица, неизвестно.

Изучение могилы № 21 было продолжено 14 сентября. Ее раскопки велись только силами студентов, без привлечения рабочих. Приступая к исследованиям, Е.В. Веймарн отметил, что его предшественниками могила уже «зачищена на глубину 0,20 м». По свидетельству ученого, засыпь была «довольно крепкой, темно-серой, с мелкими обломками сланца». Направление работ определила первая же находка – «сердоликовая (?) уплощенная бусина»¹⁰, обнаруженная

¹⁰ Кол. № 283. Размеры изделия – 9×11 мм (НА ИАК РАН. 1957. Шифр А. № 6/10. Л. 30).

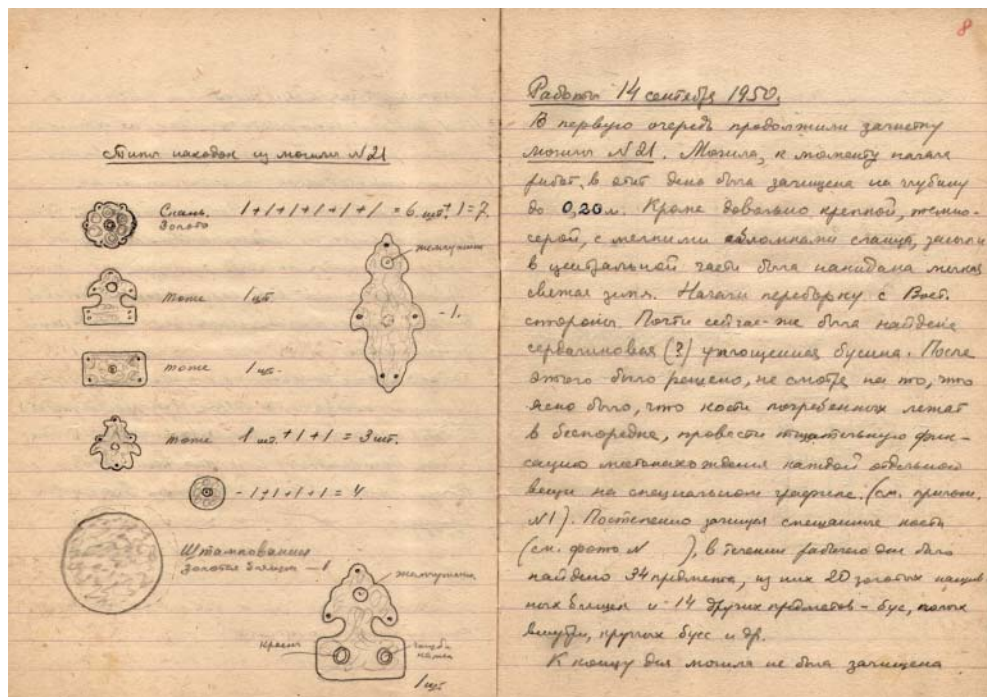

Рис. 5. Полевой дневник Е.В. Веймарна. Работы 14 сентября 1950 г.
(НА ИАК РАН. 1957. Шифр А. № 6/2. Л. 7 об. – 8).

Fig. 5. E. V. Weimarn's field diary of. Works on September 14, 1950.
(Scientific archive of the Institute of Archeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences, 1957. Cipher A. No. 6/2, sheet 7 r - 8)

в восточной части слоя почти сразу же с началом переборки грунта, заполнявшего внутреннее пространство погребального сооружения. После этого Е.В. Веймарн принял достаточно важное решение: «несмотря на то, что ясно было, что кости погребенных лежат в беспорядке, провести тщательную фиксацию местонахождения каждой отдельной вещи на специальном графике» (рис. 4). В примечании к плану им отмечено, что при определении глубины залегания найденных предметов «отсчет ведется от ближайших камней», надо полагать, от верха кладки боковых стенок могилы, который практически везде, за исключением восточного угла, частично утраченного, расположен почти на одном

уровне (рис. 3) (НА ИАК РАН. 1957. Шифр А. № 6/2. Л. 8; № 6/7. Л. 11).

По свидетельству Е.В. Веймарна, «в течение рабочего дня было найдено 34 предмета, из них 20 золотых нашивных бляшек и 14 других предметов – бус, полых внутри, круглых бус и др.» (рис. 5). Находки из могилы занесены в полевую опись под №№ 239–251, 263–269 и 275–287 (НА ИАК РАН. 1957. Шифр А. № 6/2. Л. 8) с одновременным обозначением мест их обнаружения на плане (рис. 4).

15 сентября «переборка могилы № 21» продолжилась. Поскольку первичная информация о выявленных предметах сразу фиксировалась на чертеже (рис. 4), в полевом дневнике Е.В. Веймарн отмечает только

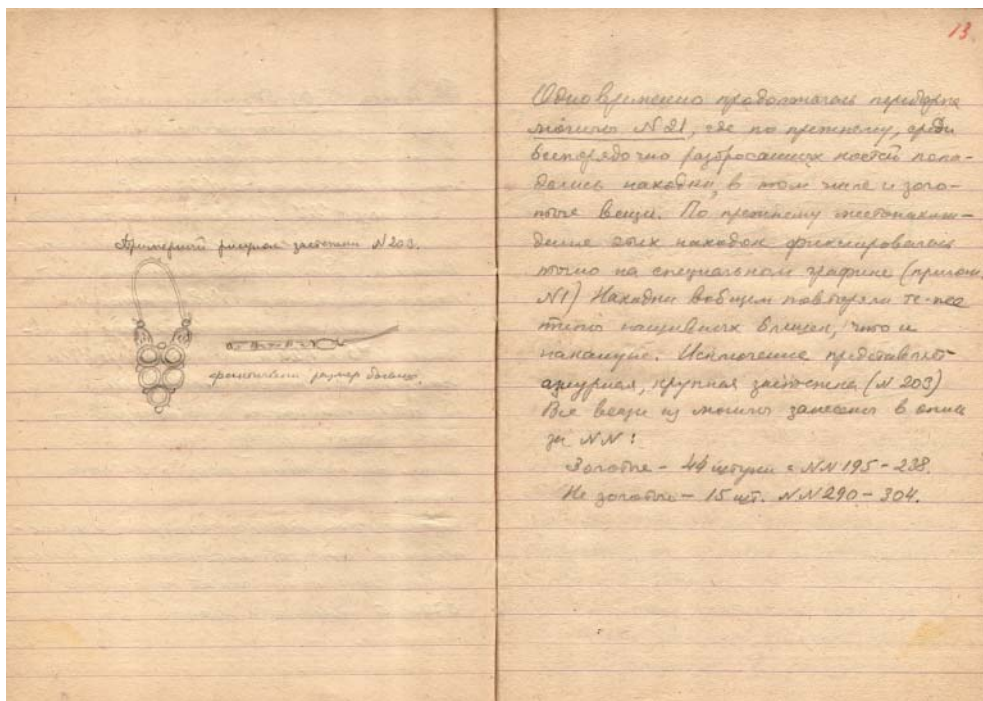

Рис. 6. Полевой дневник Е.В. Веймарна. Работы 15 сентября 1950 г.
(НА ИАК РАН. 1957. Шифр А. № 6/2. Л. 12 об. – 13).

Fig. 6. E. V. Weimarn's field diary of. Works on September 14, 1950.
(Scientific archive of the Institute of Archeology of the Crimea
of the Russian Academy of Sciences, 1957. Cipher A. No. 6/2, sheet 12 r – 13).

свои наблюдения и основные результаты раскопок (рис. 6). В частности, он сообщает: «по-прежнему, среди беспорядочно разбросанных костей попадались находки, в том числе и золотые вещи». <...> Находки в общем повторяли те же типы нашивных бляшек, что и накануне. Исключение представляет ажурная, крупная застежка (№ 203) Все вещи из могилы занесены в опись за №№: Золотые – 44 штуки = №№ 195–238. Не золотые – 15 шт. №№ 290–304» (НА ИАК РАН. 1957. Шифр А. № 6/2. Л. 13).

Еще более лаконично в полевом дневнике представлена информация о раскопках следующего дня – 16 сентября: «Одновременно велись работы

по дальнейшей тщательной переборке могилы № 21. Фиксация проводилась тем же методом, что и в предыдущие дни. Вновь было найдено 10 подобных предыдущим, золотых нашивных бляшек (по полевой описи №№ 253–262) и 10 других мелких предметов из недрагоценного металла и камней: пуговицы, бусы, жемчужины и проч. (по полевой описи №№ 307–316). На глубине 0,65–0,70 метров от верха боковой плиты был встречен материк» (НА ИАК РАН. 1957. Шифр А. № 6/2. Л. 17).

Раскопки могилы окончились 17 сентября, о чем свидетельствует соответствующая запись в дневнике: «На раскопке велась работа по пересеву земли из гробницы № 21. Эти работы

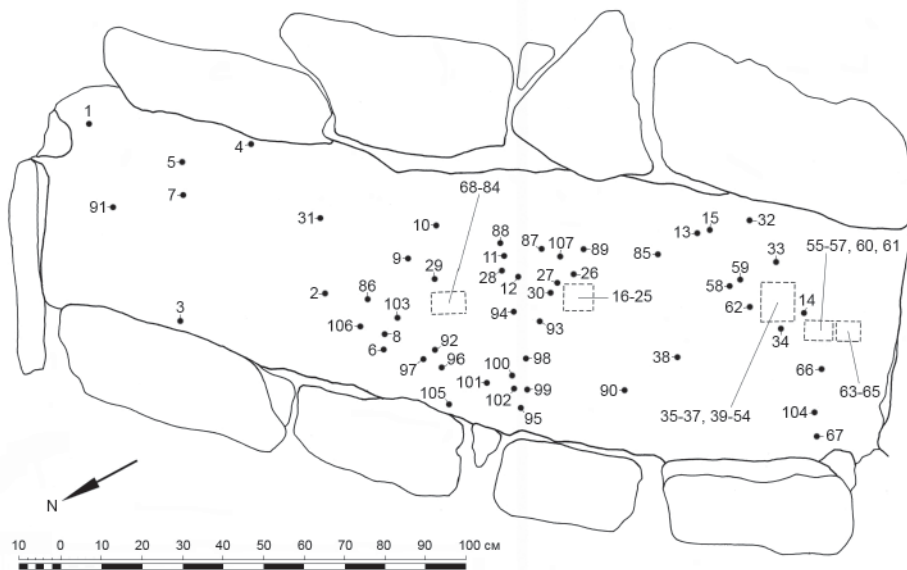

Рис. 7. План могилы № 21 с обозначением мест находок в ней. 2018 г. Чертеж автора.

Fig. 7. The plan of the grave No. 21 with the designation of the sites of finds in it. 2018.

Drawing of the author.

завершили изучение могилы. Вели работу студенты Каляин и Дронов. Пересчет крупных костей, вынутых при мне из этой могилы за 14–16 сентября показал, что в могиле, по-видимому, было 5 костяков» (НА ИАК РАН. 1957. Шифр А. № 6/2. Л. 18).

После завершения раскопок стало возможным получить полные сведения о самом погребальном сооружении (рис. 1–3). По свидетельству Е.В. Веймарна, могила представляла собой вытянутый с северо-востока на юго-запад прямоугольный вырез в материке, обложенный со всех сторон довольно крупными, подтесанными камнями. Ее общие размеры: длина – 2,05 м, ширина – 0,72 м, наибольшая глубина – 0,75 м. В свое время она, видимо, имела перекрытие из каменных плит, неизвестно когда утраченное (НА ИАК РАН. 1957. Шифр А. № 6/10. Л. 9). Благодаря тому что Е.В. Веймарном «были пред-

приняты все меры для тщательной переборки могилы и графической фиксации каждой отдельной находки на специальном графике» (рис. 4) (НА ИАК РАН. 1957. Шифр А. № 6/10. Л. 10), в настоящий момент их расположение в слое, исключая отдельные предметы, поддается относительно точной локализации (рис. 7, табл. 1).

Несмотря на довольно успешное завершение раскопок могилы № 21, камеральная обработка материалов, полученных в результате ее археологического изучения, оставляет желать лучшего, что, в частности, нашло отражение в официальном отзыве Комитета полевых исследований ИИМК АН СССР. По утверждению анонимного эксперта, основным недостатком научного отчета Е.В. Веймарна является то, что «в альбоме фотографий нет ни одного снимка или рисунка с найденных при раскопках вещей», равно как отсутствует определение монет, кото-

Таблица 1

Опись находок из раскопок могилы № 21 за 14-16 сентября 1950 г.
(НА ИАК РАН. 1957. Шифр А. № 6/7. Л. 11; № 6/10. Л. 25-36).

№№ точек	№№ пол. описи	Описание находки	Кол-ство	Материал	Размеры (мм)	Глубина (м)	Дата обнаружения	Примечание
Находки, обозначенные на плане могилы (рис. 4; 7)								
1	286	Пуговица в виде бубенчика, поляя внутри ажурная	1	серебро	12×21	0,20	14.09	
2	240	Нашивная бляшка филигранной работы в виде шестигранной розетки	1	золото	14×14	0,35	14.09	
3	-					0,30		черепок не взят
4	-					0,10		обл. гвоздь не взят
5	280	Бусина светлая, пастовая с глазками	1	паста	= 10	0,20	14.09	
6	250	Фигурная нашивная бляшка филигранной работы	1	золото	14×16	0,40	14.09	
7	241	Нашивная бляшка филигранной работы в виде шестигранной розетки	1	золото	14×14	0,28	14.09	
8	248	Фигурная нашивная бляшка филигранной работы	1	золото	14×16	0,40	14.09	
9	-					0,40		образец земли без находок не взято
10	277	Части цепочки	2	серебро	35	0,40	14.09	
11	279	Бусина круглая красноватая	1	сердолик?		0,40	14.09	
12	247	Нашивная бляшка филигранной работы прямоугольной формы	1	золото	9×16	0,48	14.09	
13	284	Бусина удлиненная темная	1	стекло	7×4	0,48	14.09	
14	276	Бляшка нашивная, круглая, штампована	1	серебро позолота	= 11	0,62	14.09	
15	282	Бусина круглая красная	1	сердолик	= 7	0,48	14.09	
16	239	Пришивная бляшка округлой формы с рельефным узором исполненным штампом	1	золото	31×27	0,62	14.09	
17	258	Бляшка нашивная филигранной работы фигурная	1	золото	11×13	0,62	16.09	
18	245	Нашивная бляшка филигранной работы в виде шестигранной розетки (обломана одна грань)	1	золото	12×12	0,62	14.09	
19	251	Фигурная нашивная бляшка филигранной работы	1	золото	15×16	0,62	14.09	
20	242	Нашивная бляшка филигранной работы в виде шестигранной розетки	1	золото	14×14	0,62	14.09	

21	243	То же	1	золото	11×11	0,62	14.09	
22	244	То же (обломаны две грани)	1	золото	12×12	0,62	14.09	
23	287	Пуговица в виде бубенчика, поля внутри ажурная	1	серебро	11×20	0,62	14.09	
24	275	Полудрагоценный камень, круглой формы, красного цвета	1	сердолик	1,2 тол. 7	0,62	14.09	
25	281	Бусина пастовая полосатая	1	паста	= 11	0,62	14.09	
26	249	Фигурная нашивная бляшка филигранной работы	1	золото	14×16	0,62	14.09	
27	296	Жемчужины	9	-	=	0,60	15.09	
28	304	Петля проволоочная	1	медь	5×10	0,64	15.09	
29	303	Петля проволоочная	1	медная	5×10?	0,60	15.09	
30	298	Пуговица бубенчкообразная с высокой петлей	1	серебро	27×11	0,60	15.09	
31	219	Нашивная бляшка филигранной работы в виде розетки (шестиконечная)	1	золото	13×13	0,48	15.09	
32	-					0,68		Маленький обломок бронзовой подвески при выборке рассыпался
33	209	Нашивная бляшка филигранной работы в виде розетки (шестиконечная)	1	золото	13×13	0,62	15.09	
34	207	То же	1	золото	13×13	0,75	15.09	
35	197	Нашивная бляшка филигранной работы	1	золото	12	0,75	15.09	
36	211	Нашивная бляшка филигранной работы в виде розетки (шестиконечная)	1	золото	13×13	0,75	15.09	
37	199	Нашивная бляшка филигранной работы	1	золото	13	0,75	15.09	
38	208	Нашивная бляшка филигранной работы в виде розетки (шестиконечная)	1	золото	13×13	0,74	15.09	
39	201	Нашивная бляшка филигранной работы	1	золото	15	0,75	15.09	
40	223	Нашивная бляшка филигранной работы в виде розетки (шестиконечная)	1	золото	13×13	0,75	15.09	
41	214	То же	1	золото	13×13	0,75	15.09	
42	213	То же	1	золото	13×13	0,75	15.09	
43	238	Нашивная бляшка филигранной работы шестигранная, штампованная	1	золото	13×13	0,75	15.09	
44	220	Нашивная бляшка филигранной работы в виде розетки (шестиконечная)	1	золото	13×13	0,75	15.09	
45	215	То же	1	золото	13×13	0,75	15.09	
46	227	То же	1	золото	13×13	0,75	15.09	

47	221	То же	1	золото	12×12	0,75	15.09	
48	226	То же	1	золото	12×12	0,75	15.09	
49	225	То же	1	золото	12×12	0,75	15.09	
50	218	То же	1	золото	12×12	0,75	15.09	
51	217	То же	1	золото	12×12	0,75	15.09	
52	216	То же	1	золото	13×13	0,75	15.09	
53	295	Монета	1	бронза	= 18	0,75	15.09	
54	206	Нашивная бляшка филигранной работы в виде розетки (шестиконечная)	1	золото	13×13	0,75	15.09	
55	235	То же	1	золото	13×13	0,64	15.09	
56	212	То же	1	золото	13×13	0,64	15.09	
57	210	То же	1	золото	13×13	0,64	15.09	
58	-					0,68		Обломок стекла, очень маленький рассыпался
59	203	Часть ажурной застежки	1	золото	35×17	0,68	15.09	
60	292	Монета	1	серебро	= 11	0,64	15.09	
61	-					0,64		Комок земли без находок (в опись не внесен)
62	222	Нашивная бляшка филигранной работы в виде розетки (шестиконечная)	1	золото	13×13	0,75	15.09	
63	-					0,64		Измельченные остатки стекл. бусс (2 ?) рассыпались
64	224	Нашивная бляшка филигранной работы в виде розетки (шестиконечная)	1	золото	12×12	0,64	15.09	
65	294	Земля с остатками парчи	-	-	-	0,64	15.09	
66	202	Фигурная нашивная бляшка филигранной работы	1	золото	16	0,64	15.09	Отломан кусочек
67	237	Нашивная бляшка филигранной работы в виде розетки (шестиконечная)	1	золото	14×14	0,65	15.09	
68	231	То же	1	золото	12×12	0,55	15.09	
69	204	Фигурная нашивная бляшка филигранной работы с жемчужиной посередине	1	золото	43×22	0,55	15.09	
70	198	Нашивная бляшка филигранной работы	1	золото	12	0,55	15.09	
71	230	Нашивная бляшка филигранной работы в виде розетки (шестиконечная)	1	золото	12×12	0,55	15.09	
72	301	Монета	1	серебро	= 11	0,55	15.09	
73	293	Жемчужины	6	-	= 4	0,55	15.09	
74	232	Нашивная бляшка филигранной работы в виде розетки (шестиконечная)	1	золото	13×13	0,55	15.09	
75	205	Фигурная нашивная бляшка филигранной работы с жемчужиной на конце	1	золото	40×22	0,55	15.09	

76	228	Нашивная бляшка филигранной работы в виде розетки (шестиконечная)	1	золото	13×13	0,55	15.09	
77	195	Нашивная бляшка филигранной работы в виде розетки, посредине красный камень	1	золото	17	0,55	15.09	
78	200	Нашивная бляшка филигранной работы	1	золото	14	0,55	15.09	
79	-					0,55		Комок земли без находок, не взят
80	234	Нашивная бляшка филигранной работы в виде розетки (шестиконечная)	1	золото	14×14	0,55	15.09	
81	196	Нашивная бляшка филигранной работы в виде розетки с голубым камнем	1	золото	18	0,55	15.09	
82	233	Нашивная бляшка филигранной работы в виде розетки (шестиконечная)	1	золото	12×12	0,55	15.09	
83	236	То же	1	золото	14×14	0,55	15.09	
84	229	Нашивная бляшка филигранной работы в виде розетки (шестиконечная)	1	золото	13×13	0,55	15.09	
	291	Жемчужина	1	-	1 1/2	0,55	15.09	
85	260	Бляшка нашивная филигранной работы в виде шестигранной розетки	1	золото	13×13	0,68	15.09	
	291	Жемчужины	2	-	1 1/2	0,68	15.09	
86	315	Жемчужины	3	-	1 1/2	0,52	16.09	
87	259	Бляшка нашивная филигранной работы фигурная	1	золото	13×14	0,62	16.09	
88	257	Бляшка нашивная филигранной работы в форме стилизованной лилии	1	золото	13×13	0,64	16.09	
89	308	Пуговица в виде бубенчика ажурная	1	серебро позолота	13×25	0,62	16.09	
90	261	Бляшка нашивная филигранной работы в виде шестигранной розетки	1	золото	13×13	0,55	16.09	
91	263	То же	1	золото	12×12	0,52	14.09	
92	253	Бляшка нашивная филигранной работы прямоугольной формы	1	золото	10×15	0,65	16.09	
93	262	Бляшка нашивная филигранной работы в виде шестигранной розетки	1	золото	13×13	0,60	16.09	
94	312	Бусина шаровидная желтая	1	сердолик?	= 9	0,65	16.09	
95	311	Бусина с глазками темная	1	паста	12×12	0,65	16.09	
96	267	Бляшка нашивная филигранной работы по форме круглая	1	золото	10×10	0,65	14.09	
	307	Земля с остатками парчи	-	-	-	0,65	16.09	
	310	Пуговица в виде бубенчика ажурная	1	серебро	12×25	0,05	16.09	

97	265	Бляшка нашивная филигранной работы по форме круглая	1	золото	9×9	0,65	14.09	
98	256	Бляшка нашивная филигранной работы в форме стилизованной лилии	1	золото	13×16	0,60	16.09	
99	268	Бляшка нашивная филигранной работы, большая фигурная с двумя жемчужинами. Одна жемчужина отвалилась	1	золото	22×43	0,65	14.09	
100	264	Бляшка нашивная филигранной работы по форме круглая	1	золото	10×10	0,64	14.09	
101	254	Бляшка нашивная филигранной работы прямоугольной формы	1	золото	10×5	0,60	16.09	
102	258	Бляшка нашивная филигранной работы фигурная	1	золото	11×13	0,60	16.09	
103	266	Бляшка нашивная филигранной работы по форме круглая	1	золото	9×9	0,52	14.09	
104	313	Обломки стекла	2	стекло	12×40	0,65	16.09	
105	269	Бляшка нашивная филигранной работы, большая в виде стилизованной лилии с двумя камнями красным и голубым (сломана на две части)	1	золото	32×22 (приблиз.)	0,52	14.09	
106	309	Пуговица в виде бубенчика ажурная	1	серебро позолота	12×22	0,52	16.09	
107	255	Бляшка нашивная филигранной работы в форме стилизованной лилии	1	золото	13×13	0,65	16.09	
Находки с неустановленным точно местом обнаружения								
-	246	Бляшка нашивная филигранной работы в форме стилизованной лилии	1	золото	14×15	-	14.09	В восточной части могилы
-	252	Фигурная нашивная бляшка филигранной работы	1	золото	14×16	-	14.09	У южного края могилы
-	278	Бусина круглая красная	1	сердолик?	= 11	-	14.09	На выбросе и в грохоте
-	283	Бусина удлиненная уплощенная красная	1	сердолик	9×11	-	14.09	В восточной части могилы
-	285	Перстень с двумя синими стеклами (кольцо сломано)	1	бронза	= 18	-	14.09	?
-	286	Пуговица в виде бубенчика, полая внутри ажурная	1	серебро	12×21	-	14.09	?
-	287	То же	1	серебро	11×20	-	14.09	?
-	288	Обломок пуговицы полой внутри	1	серебро	15×?	-	14.09	?
-	290	Бусины бочкообразные	3	стекло	7×4	-	15.09	?
-	297	То же	1	стекло	7×4	-	15.09	На выбросе и в грохоте
-	299	Пуговица бубенчикообразная с низкой петлей	1	серебро	12×20	-	15.09	?
-	300	Монета	1	серебро	= 12	-	15.09	?
-	302	Сережка проволочная	1	медная	= 18	-	15.09	?
-	314	Обломок стекла	1	стекло	8×30	-	16.09	На выбросе и в грохоте

рые могли бы существенно уточнить время совершения погребений (НА ИАК РАН. 1957. Шифр А. № 6/1. Л. 9). Как следствие, теперь, в случае необходимости идентифицировать отдельные находки, прежде всего, беспаспортные и те, что в настоящий момент известны исключительно под учетными номерами музейных коллекций, данное обстоятельство может ощутимо сказаться на достоверности результатов. Впрочем, не все настолько безнадежно. Примером тому является представленная в «Алустонском кладе» простая кольцевидная серьга из рифленой золотой проволоки (Малюк 2015а, с. 165, рис. 12: 5). Она несопоставима ни с одним ювелирным изделием, обнаруженным в могиле № 21, и, вероятнее всего, имеет совершенно иное происхождение. По крайней мере, судя по описи находок, ей практически полностью тождественна драгоценность, полученная Н.В. Пятшыевой при раскопках детской могилы Г – «Серьга проволочная с несмыкающимися краями, ложно витая» (№ 40, 1 экз., золото, размер – 1,5 см) (НА ИАК РАН. 1957. Шифр А. № 6/10. Л. 45). Других подобных предметов в полевом сезоне 1950 г. на Алуштинском некрополе не находили.

Не менее сомнительным является происхождение еще одной золотой (?) вещи из «Алустонского клада» – изысканной подвески в виде небольшого незамкнутого кольца (внешний диаметр 18,5 мм) с рифленой поверхностью, один конец которого завершается головой дракона-змея с раскрытой пастью, противоположный – утончен, загнут в петлю и обвит вокруг основы (Малюк, 2015а, с. 165, рис. 11). Она представляет собой высококу-

дожественное изделие с достаточно выразительными формами, которые не имеют даже близких совпадений с находками, полученными при археологическом изучении могилы № 21.

Подводя предварительные итоги рассмотрению полевых материалов археологической экспедиции 1950 г., на данном этапе исследований можно достаточно уверенно утверждать, что вещевой комплекс, полученный в результате раскопок могилы № 21, является исключительно погребальным инвентарем, но ни в коем случае не сокровищем. Последнее немаловажно. Авторы, ошибочно атрибутировавшие золотые изделия из Алуштинского могильника как клад (Крамаровский, 2001, с. 120; Малюк, 2015а, 2015б), по сути, исказили сведения о самом объекте и его хронологических реперах. Как следствие, эти артефакты, в большинстве своем обнаруженные *in situ*, превратились в перемещенные неизвестно откуда предметы, археологизация которых произошла не во время реального погребения, а якобы в результате некой вымышленной тезаврации. С сожалением приходится констатировать, что после появления в научном обороте мнимый клад уже успел дезинформировать исследователей других памятников, на которых совокупные находки с подобным ассортиментом изделий действительно представляют собой специально спрятанные драгоценности, а чаще всего просто разнообразное добро, награбленное и временно сокрытое злодеями (Рябцева, Дергачева, 2017, с. 95, 97–98, 106–107).

Несмотря на то что полевые материалы археологических исследований сохранились относительно неплохо, полноценная реконструкция погребе-

ний в могиле № 21 и связанных с ними событий пока невозможна. В настоящий момент наиболее перспективным для дальнейшей разработки является вывод Е.В. Веймарна, получивший свое отражение в кратком отчете о раскопках: «Здесь, надо полагать, до нескольких более поздних погребений, совершенных в этой могиле, был похоронен или знатный вельможа или служитель культа. В могиле, обрамленной крупными каменными плитами, были обнаружены остатки парчевой одежды и 86 золотых нашивных бляшек прекрасной, тончайшей филигранной работы, украшенных в отдельных случаях полудрагоценными камнями и мелкими жемчужинами» (НА ИАК РАН. 1957. Шифр А. № 6/9. Л. 2).

На мой взгляд, для правильного понимания объекта весьма существенным является то обстоятельство, что среди находок погребального инвентаря, соотносимых с наиболее ранним захоронением, отсутствуют специфические предметы церковного обихода, обычно сопровождавшие священнослужителей в последний путь (Тесленко, Лысенко, 2004, с. 262–263). Вместе с тем практически непотревоженное скопление вещей в западном конце могилы вполне могло быть частью тканного головного убора с золотыми накладками, вероятнее всего, принадлежавшего светскому лицу. Судя по многочисленным примерам Молдавского княжества конца XV – первой половины XVI в., где известны аналогичные ювелирные изделия, хотя и более позднего времени, но восходящие к золотоордынской культурной традиции, подобные атрибуты и роскошная

отделка одежды драгоценностями были характерными для сановников, причем самого высокого ранга (Рябцева, Дергачева, 2017, с. 99).

В Алуште XIV в. на столь богатый наряд и погребение в храме реально мог претендовать, пожалуй, лишь протос – глава местного самоуправления, должность которого обычно исполнял старейшина селения или священник¹¹. Достаточно большой представляется вероятность того, что роскошный костюм ему достался от ордынцев как вознаграждение за безупречную службу на подвластных улусу землях. По крайней мере, позднее, когда эта территория перешла под контроль генуэзцев, администрация последних, будучи вынуждена соблюдать сложившиеся на местах традиции, подобные поощрения, правда, в более скромном виде практиковала. Например, в 1381 г. за труды по сбору и выплате одного из налогов протосы ряда казалий, среди которых упомянута также Луста, получили в качестве подарков либо отрез шерстяной ткани (*una pecia clameloti*), либо уже готовую одежду (*una veste, una gauba*) стоимостью от 50 до 100 аспров (Джанов, 2018, с. 298, 307–308). Как все было на самом деле, возможно, удастся выяснить в результате дальнейшего изучения уцелевших материалов археологических раскопок некрополя, которое неизбежно приведет к появлению новых сведений о памятнике.

¹¹ Благодарю С.Г. Бочарова, обратившего моё внимание на такую возможность.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Джанов А.В.* Казалии Солдайи и Готии по данным книг массарии Каффы // История и археология Крыма. Вып. V. / Отв. ред. В.В. Майко. Симферополь: Феникс, 2017. С. 286–340.
2. *Когонашвили К.К., Махнева О.А.* Алустон и Фуна. Симферополь: Крым, 1971. 94 с.
3. *Крамаровский М.Г.* Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб: Славия, 2001. 364 с.
4. *Малюк Н.И.* Алустонский клад: малоизвестные ювелирные изделия золотоордынского времени в фондах Музея исторических драгоценностей Украины // Музейні читання. Матеріали наукової конференції “Ювелірне мистецтво – погляд крізь віки” / Відп. ред. Л.В. Строкова. Київ: Музей історичних коштовностей України, 2015а. С. 159–168.
5. *Малюк Н.И.* Золотые «розетки» из Алустонского клада // *Laurea I.* Античный мир и Средние века: Чтения памяти профессора Владимира Ивановича Кадеева. Материалы / Отв. ред. С.В. Дьячков. Харьков: ООО «НТМТ», 2015б. С. 39–44.
6. *Махнева О.А.* О плитовых могильниках средневекового Крыма // Археологические исследования средневекового Крыма / Отв. ред. О.И. Домбровский. Киев: Наукова думка, 1968. С. 155–168.
7. *Мыц В.Л., Адаксина С.Б.* Клад серебряных платежных слитков XV в. из Алустана // *STRATUM plus.* 1999. № 6. С. 159–169.
8. *Рябцева С.С., Дергачева Л.В.* О двух новых находках позднесредневековых кладов ювелирных украшений (в связи с вопросом о присутствии дериватов золотоордынских изделий в памятниках Молдавского княжества) // *STRATUM plus.* 2017. № 6. С. 91–116.
9. *Тесленко И.Б., Лысенко А.В.* Средневековый христианский храм на южной окраине с. Малый Маяк и его археологическое окружение // «О древностях Южного берега и гор Таврических»: Сб. науч. трудов (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения Петра Ивановича Кеппена). Киев: ИД Стилос, 2004. С. 260–296.

Информация об авторе:

Кирилко Владимир Петрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии Крыма РАН (г. Симферополь, Россия); kir.vlad33@gmail.com

«THE TREASURE FROM ALUSTON»: HISTORY OF THE FIND¹²**V.P. Kirilko**

In the 1950th, inside the church on the coastal necropolis of the medieval Alushta, E. V. Veimarn unearthed a gravestone with a rich burial inventory of the 14th century (137 objects, and 85 of which are golden). Currently, most of the finds, which are stored in the collections of the Museum of Historical Treasures of Ukraine, have almost completely been put into scientific circulation, but are mistakenly interpreted by modern researchers as a treasure. The nearest analogies of these findings are presented by the Golden Horde's jewelers of the Bulgar and Majar. It has parallels in the arts and crafts of the Moldavian

The study was prepared under the Medieval Archaeology Department of the Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Science Project “Cross-Cultural Links between the Population of Taurica and Its Neighbors in the Middle Ages” (State Registration Number of the Project: 1005-2015-0007).

principality of the 15th–16th cent. At this stage of the monument's study, for eliminate gaps and contradictions, which determinate of it, has special importance the unpublished archival materials of Tavro-Scythian archaeological expedition of the Crimean branch of the USSR Academy of Sciences. Among them: diaries, field inventory, drawings, sketches, photographs, correspondence, documents. They allow us to have almost a complete picture of the progress of the work, of the topography of the finds and information about the things. Presumably, in the temple was buried protos – the head of local government, whose post was usually performed by the village elder or priest.

Keywords: archaeology, history, Alushta burial ground, N. V. Pyatysheva, P. N. Shultz, E. V. Weimarn, Golden Horde art, jewelry.

REFERENCES

1. Dzhanov, A.V. 2017. In Majko, V.V. (ed.). *Istoriya i arkheologiya Kryma (History and archeology of the Crimea)*. Vol. V. Simferopol': "Feniks" Publ., 286–340 (in Russian).
2. Kogonashvili, K.K., Makhneva, O.A. 1971. *Aluston i Funa (Aluston and Funa)*. Simferopol': "Krym" Publ. (in Russian).
3. Kramarovskij, M.G. 2001. *Zoloto Chingisidov: kul'turnoe nasledie Zolotoj Ordy (The Gold of Chingisid's: the cultural heritage of the Golden Horde)*. Saint Petersburg: "Slaviya" Publ. (in Russian).
4. Malyuk, N.I. 2015a. In Strokova, L.V. (ed.). *Muzeini chytannia. Materialy naukovoi konferentsii "Ivelirne mystetstvo – pohliad kriz viky" (Museum studies. Proceeding of the scientific conference "Jewelry art - a view throw the times")*. Kyiv: "Muzei istorychnykh koshtovnosti Ukrainy" Publ., 159–168 (in Russian).
5. Malyuk, N.I. 2015b. In D'yachkov, S.V. (ed.). *Laurea I. Antichnyj mir i Srednie veka: Chteniya pamyati professora Vladimira Ivanovicha Kadeeva. Materialy (Laurea I. Antique World and the Middle Ages: Studies of the memory of Professor Vladimir Ivanovich Kadeev. Materials)*. Khar'kov: "NTMT" Publ., 39–44 (in Russian).
6. Makhneva, O.A. 1968. In Dombrovskij, O.I. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniya srednevekovogo Kryma (Archaeological research of the medieval Crimea)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 155–168 (in Russian).
7. Myts, V.L., Adaksina, S.B. 1999. In *STRATUM plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 159–169 (in Russian).
8. Ryabceva, S.S., Dergacheva, L.V. 2017. In *STRATUM plus Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 91–116 (in Russian).
9. Teslenko, I. B., Lysenko, A. V. 2004. «*O drevnostiakh Iuzhnogo berega i gor Tavricheskikh*»: *Sb. nauch. Trudov (po materialam konferentsii v chest' 210-letia so dnia rozhdeniia Petra Ivanovicha Keppena)* ("On the Antiquities of the Southern Coast and the Mountains of the Tauris" (based on the Proceeding of the Conference commemorating the 210th Anniversary of Peter Ivanovich Keppen). Kiev: "Stilos" Publ., 260–296 (in Russian).

About the Author:

Kirilko Vladimir P. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of Crimea of Russian Academy of Sciences. Academician Vernadsky Ave., 2, Simferopol, 295007, Crimea, Russian Federation; kir.vlad33@gmail.com

Статья поступила в номер 13.05.2018 г.

УДК 904 «04/14»

<https://doi.org/10.24852/pa2018.2.24.190.203>

САРЫМАМБАШ-КЕРМЕН – УКРЕПЛЁННАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ XIV–XVIII ВВ. БЕКОВ ЯШЛАВСКИХ-СУЛЕШЕВЫХ

© 2018 г. В.Л. Мыц

В статье представлены результаты изучения фортификации городища Сарымамбаш-Кермен в Крыму. Имеющиеся в распоряжении автора данные позволяют высказать предположение о том, что городище Сарымамбаш-Кермен построено беками Яшлавскими не ранее 60–80-х гг. XIV и использовалось ими в качестве укрепленной резиденции до первой трети XVIII в. Сохранившиеся оборонительные сооружения указывают на то, что крепость предназначалась для защиты от нападений противника не обладающего средствами активного штурма крепостей. Особенности фортификации данного памятника – отсутствие башен, узкий и не глубокий ров, толстая, но низкая заградительная стена, видимо, прикрытая с внешней стороны турлучным парапетом обмазанным глиной – указывает на то, что она могла служить защитой только от стремительной атаки конницы, но не предназначалась для долговременной обороны.

Ключевые слова: археология, городище, Сарымамбаш-Кермен, беки, Яшлавские, Золотая Орда, Крымское ханство, резиденция, XIV в., XVIII в.

Городище Сарымамбаш-Кермен¹ расположено в междуречье рек Альмы и Бодрак, в Юго-Западном Крыму. Находится в 1,5 км к юго-востоку от с. Трудолюбовка (бывший Бодрак) в долине р. Бодрак и формирует крутой правый берег в среднем течении реки (рис. 1: 1). Впервые о памятнике упоминает П.И. Кеппен (1793–1864), который вместе с кратким описанием приводит и схематический план крепости (Кеппен, 1837, с. 318–319). П.И. Кеппен предполагал, что это одно из укреплений, построенных в I в. до н. э. Палаком и другими сыновьями скифского царя Скилура (Кеппен, 1837, с. 318)². В свя-

¹ Прямой перевод с тюркского затруднителен, т.к. представляет собой сложносоставной топоним, где «сары» – «желтый», «баш» – «голова», «кермен» – «крепость». Иногда памятник на топографических картах обозначен просто – «Кермен», т.е. «крепость».

² Первоначально высказанное в 30-е гг. XIX в. П.И. Кеппеном предположение в значительной степени предопределило интерпретацию истории памятника последующими исследователями. Поэтому привожу его полностью: «Сарымамбаш-Кале, называемое также Сарымамбаш-Кермен, есть одно из укреплений, которые конечно принадлежат к старейшим в Тавриде. Должно думать, что оно из числа тех, которые в начале первого века до Р.Х., во дни Митридата Евпатора, были построены Палаком и другими сыновьями Скифского Царя Скилура. Оно находится на земле деревни Мангуш, расстоянием на полчаса пути к СВ. от этого селения и на ЮВ. от деревни Бодрак. Это опять край горы (А), пересеченной стеной (EG), которая от крепостных ворот (F), до одного скалистого края (E), была длиною в 150, а до другого в 220 шагов. Ныне эта стена совершенно развалилась, так что материал, служивший для ее построения, образует уже род вала, шириною сажени в три, поросшего густым кустарником, что одно только препятствует переправляться через него верхом. Оконечность укрепленного мыса (С) лежала против реки Бадрака; из яров же, находящихся по обе стороны этого отрогья,

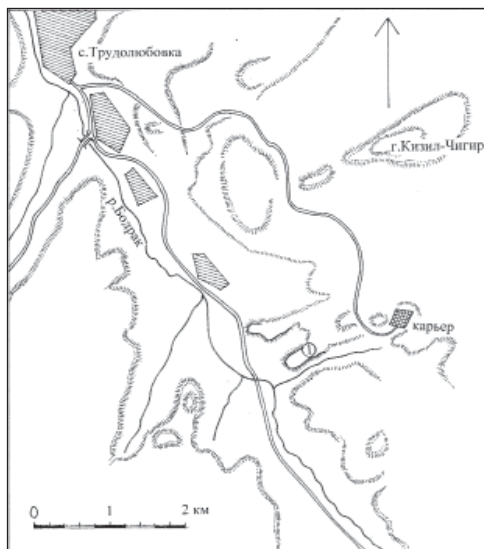

Рис. 1. План-схема долины р. Бодрак. 1 – укрепление на плато Сарымамбаш-Кермен.

Fig. 1. Layout of the valley of the Bodrak river. 1 – fortification on the Sarymambash-Kermen plateau.

зи с этим В.Н. Юргевич (1818–1898) считал возможным локализовать на данном местопозднескифское укрепление Хавон (Юргевич, 1889, с. 24–25). Н.Л. Эрнст (1889–1956) также относил городище к числу скифских памятников и планировал в 1927 г. провести на Сарымамбаш-Кермене раскопки.

В 1946 г. Горный отряд Тавроскифской экспедиции (рук. Е.В. Веймарн) осуществлял в данном районе разведки. Е.В. Веймарном (1905–1990) на Сарымамбаш-Кермене была обнаружена средневековая керамика. Однако начальник экспедиции П.Н. Шульц (1900–1983), основываясь на характере бутовой кладки оборонительной стены, отнес время существования укрепления к «таврской поре» (т.е. VIII–III вв. до н. э. – В.М.) (Шульц, 1947, с. 65–66).

один (ЕВ) называется Папас-Баир, другой же (GD) Джидазр-Дере. Водой обитатели Сарымамбаша могли пользоваться из находящегося тут фонтана. Внутри укрепленного места приметны следы жилищ» (Кеппен, 1837, с. 318–319).

Расхождение во мнениях исследователей в определении датировки памятника вызвало необходимость дополнительного изучения городища на г. Сарымамбаш-Кермен. В ходе визуального обследования памятника, осуществленного автором в 1978 г. (Мыц, 1979, с. 7–10, рис. 14–18)³, был получен подъемный материал, как тогда казалось, не выходящий за хронологические рамки XIV–XV вв.⁴ Тем не менее в середине 80-х гг. прошлого века И.А. Баранов (1946–2001) в своем очерке «Памятники раннесредневекового Крыма», не приводя каких-либо доказательств, время возникновения крепости на плато Сарымамбаш-Кермен отнес к V веку н. э. (Баранов, 1986, с. 236).

Укрепление занимает оконечность широкого мыса, вытянувшегося с северо-востока на юго-запад на правом берегу р. Бодрак и господствующего над этой частью речной долины. Максимальная высота возвышенности составляет немногим более 400 м над уровнем моря. Мыс, на котором находится городище, имеет естественный уклон от 1 до 3°. Понижается с востока–юго-востока (402,4 м) на запад–

³ В августе 2017 г. мне удалось побывать на укреплении Сарымамбаш-Кермен и поэтому пользуюсь современным представлением о состоянии памятника.

⁴ Хотя наиболее ранние находки относятся к IX–XI вв.

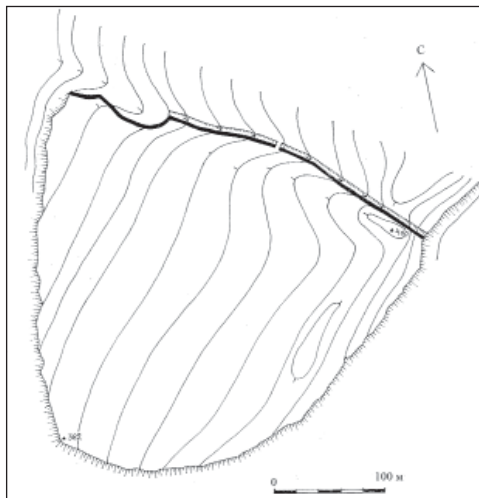

Рис. 2. План укрепления Сарымамбаш-Кермен.

Fig. 2. Layout of the Sarymambash-Kermen fortification.

северо-запад (382,3 м). С юго-востока плато ограничено глубокой балкой Папас-Баир («Монашеский лес»), с северо-запада – оврагом Джидаяр-Дере. Со стороны балки Джидаяр-Дере в мыс врезается устье балки, по которому выше по склону и на протяжении 220 м был вырыт ров (рис. 2).

Оборонительная стена, сложенная из разномерного бута сарматского известняка и диорита, отгораживает с востока в самом узком месте трапециевидную часть мыса (рис. 2). Толщина стены достигает 4,20 м. Сохранилась в высоту 1,70–2,10 м. Сложена из двух облицовочных кладок, пространство между которыми было плотно заполнено щебнем, бутом и землей. Лицевые кладки сооружены на глине (?) и установлены под углом 85–87°. Высота стены, судя по размерам развала, достигающего 8,0 м, не превышала 3,0 м. Вероятно, с внешней стороны поверх стены был устроен парапет с «мерлонами» (общая высота около 2,0 м?), за которым могли укрыться защитники. Данная надстройка, по-видимому, состояла из турлучной деревянной конструкции, обмазанной

глиной. Кроме того, с внешней стороны и лицевые поверхности стены покрывались глиняной обмазкой. На эти особенности устройства кладки указывают натеки и отложения желто-красной глины у основания стены и в донной части рва.

Перед стеной располагается ров, глубина которого в настоящее время составляет 1,70–1,75 м, ширина – 3,50–4,0 м. Земля, вынутая при сооружении рва, использовалась при сооружении оборонительной стены, т.к. вал перед рвом отсутствует. Общая протяженность стены составляет 327 м. Она тянется с юго-востока на северо-запад, доходит до одного из ответвлений оврага Джидаяр-Дере, глубоко врезавшегося в плато, и поворачивает под углом 120° к северу и, огибая склон оврага, преграждает доступ в укрепление. Длина этого участка 96 м. От поворота до воротного проема протяженность стены составляет 108 м. Таким образом, воротный проем делит оборонительную линию на два неравных участка: северо-западный – суммарная протяженность 204 м и юго-восточный – 121 м. В 121 м от обрыва балки Папас-Баир находится проем ворот шириной 2,80 м. Ров перед воротами полностью заполнен землей, а засыпь с боковых сторон облицована тщательно уложенным крупным бутовым камнем с относительно ровными гранями.

На юго-западной оконечности крепостной площадки находился фонтан, который питала линия водопровода, состоящего из керамических труб. Вода поступала из каптированного источника, расположенного примерно в 1,5 км к востоку в верховьях балки Папас-Баир. В 60-е гг. XX в. при строительстве дороги к карьеру по разработке диорита линия водопровода оказалась разрушенной и фонтан перестал функционировать⁵.

Размеры крепостной площадки составляют 345×325 м, площадь укрепления 7,8 га. На территории огороженной стенами видны следы руинированных построек (здесь фиксируется 62 каменных развала от домов) средневекового городища. Юго-западная часть поселения на 1/3 распахана. Из разрушенных при вспашке жилых и хозяйственных построек происходит собранный на памятнике подъемный материал (рис. 3; 4).

При осмотре памятника в 1978 г. на распаханном участке были собраны керамические находки, из которых в коллекцию отобрано 18 фрагментов сосудов (Мыц, 1979, с. 28–30, к.о. №№ 69–86, рис. 15–18). В целом материал хронологически относился к двум периодам: 1) IX–X вв. и 2) XIII–XV вв. Впоследствии памятник интерпретировался мной как укрепленное поселение и датировался XIII или XIV–XV вв. (Мыц, 1991, с. 15, 23, 127).

В настоящее время предлагавшаяся ранее датировка этого материала

⁵ Данная информация была получена мной в 1978 г. от местного лесника. Именно наличие примерно в 30 м от оконечности плато непересыхающего родника послужило причиной устройства здесь (на площади около 2 га) огородов и посадки питомника в виде березовой рощи.

явно нуждается в уточнении. Например, два фрагмента от высокогорного кувшина с плоской ручкой (рис. 3: 1, 2) можно датировать в широких пределах IX–XI вв. Место производства данного типа сосудов локализуют в Таматахе, где они составляют 50% всего состава керамики (Чхаидзе, 2008, с. 161–173, рис. 75: 88–91). Однако, несмотря на многочисленность находок этих сосудов на территории средневековых памятников Северного Причерноморья и многочисленности, посвященных им публикаций (Плетнёва, 1963, с. 133; Антонова и др. 1971, с. 91–92, рис. 20–21; Романчук, Сазанов, Седикова, 1995, с. 64, рис. 30–31, № 138; Sazanov, 1997, p. 97, fig. 4.44; Хапаев, 2016, с. 472, табл. А. 3 и др.), следует признать, что до настоящего времени так и не удалось создать их классификационную шкалу, разработать морфологию сосудов и возможные варианты их хронологического развития (Чхаидзе, 2008, с. 167, рис. 91).

К следующей хронологической группе XII–XIII вв. относится обломок прямого венчика с овальной ручкой и дно кувшина-амфоры с внутренней бугристой поверхностью (рис. 2, 3, 7). Обычно данные сосуды сформованы из плотной светлокрасной глины с большой добавкой известковой крошки и бурых частиц, что придает черепку пестрый характер. Поверхность покрыта тонким слоем светло-серого ангоба. В свое время А.Л. Якобсоном было высказано предположение, что данный тип амфор генетически восходит к высокогорным кувшинам с плоскими ручками X–XI вв. (Якобсон, 1979, с. 113, рис. 69: 6, 7). Однако в ходе раскопок последних десятилетий не удалось

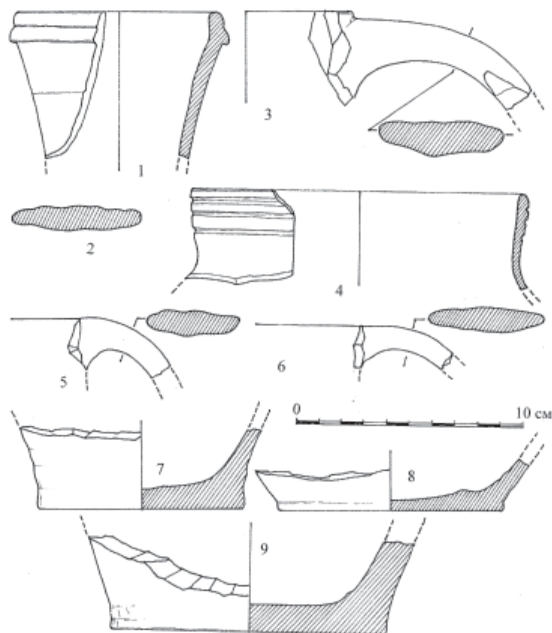

Рис. 3. Фрагменты керамики X–XV вв. с укрепления Сарымамбаш-Кермен.

Fig. 3. Fragments of 10th–15th century ceramics from the Sarymambash-Kermen fortification.

получить подтверждающих это предположение фактов. Единственное, что можно утверждать, так это то, что эти амфоры производились в поздне-византийском Херсоне с рубежа XII–XIII (?) вв. Финальной фазой их существования являются 70–90-е гг. XIII в., т.к. они встречены в слоях тотальных пожаров памятников (Херсон, Эски-Кермен, Бакла, Мангуп, Тепе-Кермен, Исар-Кая, Алустон, Сугдея и проч.), погибших в это время (Мыц, 2016, с. 69–101).

Неполивная кухонная и столовая керамика представлена фрагментами красноглиняных и коричневоглиняных кувшинов и горшков (рис. 3: 4–6, 8, 9). Из этой группы вполне определенно можно датировать серединой – второй половиной XIV–XV в. (Мыц, 1991, с. 100; Тесленко, 2014, с. 502,

рис. 13) только обломок венчика тонкостенного коричневоглиняного горшка, украшенного тремя врезными горизонтальными линиями (рис. 3: 4). Красноглиняная поливная керамика в конце 70-х гг. прошлого столетия датировалась по устоявшейся (под влиянием работ А.Л. Якобсона, Д.Л. Талиса, Е.А. Паршиной, А.И. Романчук и др.) к тому времени традиции XIII–XV вв. (рис. 4: 1–6). Этому не противоречат и современные данные. Врезной орнамент, выполненный по белому ангобу одинарной линией в виде дугообразных линий, имитирующих листья растений, появившись на поливных сосудах XIII в. (Якобсон, 1979, рис. 84: 2–4), особое распространение получают в XIV–XV вв. в художественном оформлении изделий мастерских золотоордынских городов. Весьма близкие по характеру декора красноглиняные поливные сосуды (блюда, тарелки, чаши) происходят из окрестностей Солхата (Крамаровский, Гукин, 2004, табл. 2/2001, № 38, табл. 20/2002, № 8,9, табл. 25/2002, № 8), Чембало (Адаксина, Мыц, Ушаков, 2010, с. 186, рис. 96, к.о. 95, с. 268, рис. 198, к.о. 105) и др.

Особняком от данной группы стоит обломок венчика чаши, изготовленной из светло-розовой глины (рис. 4: 7). Изделие покрыто по белому ангобу ярко-зеленой поливой. Подглазурная роспись выполнена в виде пятен темно-зеленого и коричневого тонов, а графический рисунок нанесен одинарной линией в форме сет-

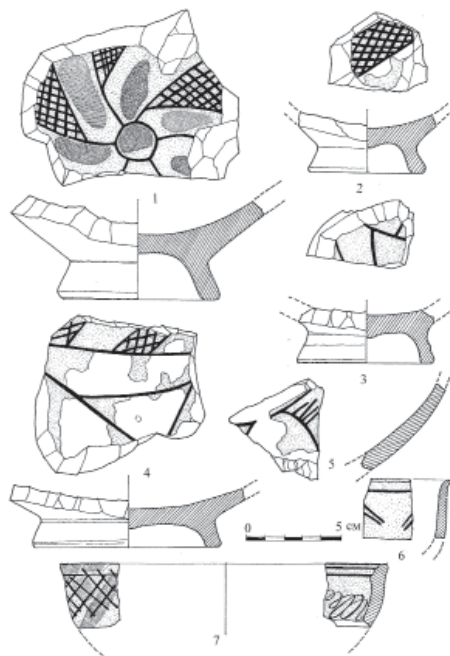

Рис. 4. Фрагменты поливной керамики XIV–XVII вв. с укрепления Сарымамбаш-Кермен.

Fig. 4. Fragments of 14th–17th century glazed ceramics from the Sarymambash-Kermen fortification

ки из штрихов и спиралей. Сосуды с подобным украшением характерны для османского времени. Они датируются XVI–XVII или серединой XVII – началом – первой половиной XVIII в. Встречаются на Балканах (Плетньов, 2004, с. 132–133, табл. 43, №№ 330,331; табл. 89, №№ 785–791), в Стамбуле (Hayes, 1992, p. 280–281, fig. 107) и Крыму (Тесленко, Лысенко, 2004, с. 269, рис. 18: 2, 3; Тесленко, 2012, с. 241, рис. 10: 4).

Об активной жизни на территории городища Сарымамбаш-Кермен в османское время свидетельствуют и материалы, собранные на памятнике в конце 80-х гг. XX в. В 1988 г. (по заказу отдела архитектуры Крымоблисполкома) осуществлялась инструментальная съемка крепости⁶. В ходе этих работ Ю.С. Ворониным (1948–2007) был собран подъемный матери-

ал, среди которого оказались обломки керамической водопроводной трубы, железные подковы, четырехгранные кованые гвозди, фрагменты бронзовых изделий, столовой, кухонной неполивной и поливной керамики, а также тарных сосудов. Все эти предметы в основном относятся к XVI–XVIII вв. Среди поливной керамики следует отметить наличие массивных толстостенных чаш XVI–XVII вв. с пестрой пятнистой бесформенной расцветкой под прозрачной крошущей поливой, а также блюд, тарелок и кувшинов XVII–XVIII вв., покрытых по плотному белому ангобу монохромной темно-зеленой поливой. Тарная керамика представлена коричневоглиняными «урнами» (Волоков, 2005, с. 484–485, рис. 1–3) с овальными в сечении горизонтальными ручками⁷. Кроме того, по сообщению Ю.С. Воронина, на памятнике было найдено пять монет. Из них две монеты Золотой Орды XIV–XV (дирхем хана Узбека – 1313–1342 гг. – с надчеканкой «хан», что свидетельствует об обращении моне-

⁶ Съемку в М 1:200 выполняли Е.Чекалкин и В.Семёнов. На чертежах съемки крепость датирована XVI в.

⁷ В 2002 г. Ю.С. Воронин передал мне копию инструментальной съемки крепости Сарымамбаш-Кермен в М 1:200 и показал коллекцию находок 1988 г., собранных на этом памятнике. В коллекции находилось 72 артефакта (подковы, гвозди, детали бронзового сосуда, фрагменты керамики и опись монет).

ты в начале XV в., пул Джанибека – 1342–1357 гг., – чеканенный в Сарае ал-Джедид в 1350-х гг.), и три Крымского ханства XVI–XVIII вв. (акче Девлет Гирея I – 1550–1577 гг., Адиль Гирея – 1666–1671 гг., 3-е правление Каплан Гирея I – 1730–1736 гг.).

Таким образом, собранный на памятнике в 70–80-е гг. XX в. подъемный материал датируется в очень широких пределах: от рубежа IX–X до 30-х гг. XVIII в. Поэтому время жизни на плато Сарымамбаш-Кермен условно (и предположительно) можно разделить на три хронологических периода: 1) «византийский» – IX–XIII вв.; 2) «золотоордынский» – XIV–XV вв.; и 3) «крымско-татарский» – XVI–XVIII вв.

Первоначально причины возникновения укрепления определялись мной следующим образом: после гибели в конце XIII в. крепости и поселения на Бакле часть населения вынуждена была в XIV в. уйти в более безопасные горные районы. Для защиты от нападений татар и строится укрепленное поселение Сарымамбаш-Кермен (Мыц, 1979, с. 7–10). Однако в настоящее время данная точка зрения нуждается в кардинальном пересмотре.

Согласно сложившейся еще в XIX в. историографической традиции (Хартахай, 1866, с. 220; Завадовский, 1885, с. 77–83; Лашков, 1895, с. 83–89; Смирнов, 2005, с. 126–127; Зайцев, 2009, с. 209; Умеров, 2013, с. 71–72), в Юго-Западном Крыму, в основном на территории долин рек Булганак и Альмы, после завоевания в XIII в. Таврики монголами, расположился бейлик беков Яшлавских (Сулешевых)⁸. До монгольского заво-

евания на данной территории якобы проживали аланы, столицей которых являлся город Кырк-Ер.

Ф.Ф. Лашков (1858–1917), предметно занимавшийся в 80–90-х гг. XIX в. изучением крымско-татарского землевладения, следующим образом локализовал местоположение владений беков Яшлавских: «бейлик яшлавских занимал ту местность, где и нынче находятся селения, называющиеся по имени беев Яшлавских. Это часть Дуванкойской и Мангушской волости с селениями Кучук (Малый) Яшлав и Биюк (Большой) Яшлав. Принимая во внимание свидетельство родословной, можно полагать, что яшлавские в указанной местности занимали все пространство между городом Кырком (ныне Чуфут-Кале) и рекой Альмой», ибо их предок Абак бей, перекочевав со своим родом в Крым, поселился, согласно родословной, «в Яшдаге (иначе Яшлаве), т.е. на полянах в молодом лесу, между городом Кырком и рекой Альмой» (Лашков, 1895, с. 83). Однако некоторые ярлыки, выдаваемые бекам Яшлавским, указывают на то, что их бейлик не ограничивался р. Альмой, а простирался на запад до р. Бельбек. Например, ярлык, выданный главе рода Шаган-бею в 1723/4 г. Саадет IV Гереем (1717–1724) свидетельствует о том, что беки Яшлавские получали по 100 акче «...от полной бочки вина, доставленной с р. Альма или Бельбе-

«Яшлау, прежде очень значительный и довольно многочисленный род, живший вокруг Бахчисарая; старший из них также носил имя бея. Надо думать, что именно для бывших яшлау-беев воздвигли две из могильных часовен (дюрбе – В.М.), видных в Эски-Юрте» (Паллас, 1999, с.151).

⁸ П.С. Паллас, совершивший поездку по Крыму в 1793–1794 гг., отмечал, что

ка в ханские города» (Лашков, 1895, с. 88–89).

Впервые упоминания владений беков Яшлавских отмечены в ханских ярлыках XVI в. Так, в ярлыке от 1530 г., выданном ханом Саадет I Гиреем (1524–1532) некоему Ибрагиму Эфенди, отмечается, что принадлежащий ему участок земли простирается «от могилы «хан-коган» по южной стороне до Большой горы при деревне Яшлав и до Улу-Буруна...до кишлы Яшлав Казык-бея...» (Лашков, 1895, с. 85). Но самыми значимыми (и надо полагать доходными) являлись права Яшлавских на город Кырк-Ер. В ярлыке, выданном Бахадыр I Гиреем (1637–1641) в 1637 г., беки Яшлавские названы «древнейшими владельцами города Кырка» (Смирнов, 2005, с. 126).

Ф.Ф. Лашков определял бейлик, как «удел, которым каждый из представителей шести бейских поколений: Ширинов, Барынов, Мансуров, Аргинов, Сиджиутов и Яшлавов владел на правах политического главы» (Лашков, 1895, с. 79). Л.И. Рославцева заключает: «Владения «каждого бейлика были строго определены. Бейлик имел собственную столицу, двор, устроенный по типу ханского, совет – «диван» (Рославцева, 2003, с. 181)⁹.

Имеющиеся источники указывают на то, что на протяжении XVI–XVIII вв. беки Яшлавские занимали разные по значению позиции в системе управления Крымским ханством. Судя по всему, наибольшего могущества

данный клан достиг в XVI в., когда представители рода долгое время занимали пост «министра иностранных дел» (Виноградов, 2006, с. 26–74). К середине XVIII в. позиции рода, по видимому, ослабли. Поэтому Шарль де Пейсонель (1727–1790) относит беков Яшлавских к второразрядным, хотя и отмечает, что Яшлау-бей «в числе других почетных прерогатив имел также привилегию отправлять должность обер-церемониймейстера на всех свадьбах дочерей и других родственников ханских, причем он распоряжался вполне самовластно, с правом даже жизни и смерти над всеми без различия» (цит. по Смирнов, 2005, с. 127).

Наиболее вероятным временем возникновения укрепления Сарымамбаш-Кермен следует считать 60–80-е гг. XIV в. – период длительной смуты («замятни» русских летописей) в Золотой Орде. Например, когда в 1363 г. после разгрома трех татарских орд (Кутлугубуги, Хаджибега и Тимурбега) на Синей Воде, Ольгерд предпринял поход на «Белобережье» (в устье Днепра), наместник Крымского улуса Кутлуг-Тимур приказывает обнести рвом и валом город Солхат (Мыц, 2009, с. 41–42). Сарайские ханы, в основном придерживавшиеся в 60–70-х гг. XIV в. оборонительной тактики, стремясь укрепиться в Сарае ал-Джедид, вынуждены были прибегнуть к возведению оборонительных сооружений и обносят столицу крепостными стенами, а это было делом неслыханным для Золотой Орды, кичившейся своей силой и не признававшей никакой фортификации. Письменные источники свидетельствуют, что еще один крупный городской центр Орды –

⁹ Следует признать, что до настоящего времени мы не имеем ясного представления о местоположении центров шести бейликов крымских беев и характере их застройки.

Хаджитархан – окружили стенами (Тизенгаузен, 1884, с. 184). Некоторые татарские беки в 60-х гг. XIV в. начинают возводить для собственной защиты укрепления, сходные по устройству с европейскими замками (Егоров, 1980, с. 195–196).

Не менее тревожными оказались десятилетия конца XIV–XV вв., когда Золотая Орда подверглась разгрому войсками Тамерлана (1395 г.), а затем на территории полуострова идет сложный политический процесс формирования Крымского ханства. После гибели в 1502 г. Большой Орды амбиции Крымского улуса часто порождали конфликты с соседними странами и народами, служившими поводом для нападения на полуостров. Например, адыги, в ответ на действия татар совершали походы в глубинные районы нанося оседлому населению значительный ущерб. Джорджио Интериано (в книге, впервые опубликованной в Венеции в 1502 г.) сообщал, что адыги «Ходят даже за Боспор вплоть до Херсонеса Таврического, той провинции, где находится колония Каффа, основанная в древности генуэзцами, Охотнее всего совершают походы в зимнее время, когда море замерзает, чтобы грабить жителей – скифов (крымских татар – В.М.)» (Адыги, 1974, с. 48). В 1518 г. сын Мехмеда I Гирея (1515–1523) Бахадыр Гирей совершил набег в Кабарду, но был разбит (Кагазежев, 2011, с. 12–13). Как сообщает Ибн Ризван, весной 1523 г. в стычке с черкесами под Астраханью погиб хан Мехмед I Гирей (Некрасов, 1990, с. 93). Принято считать, что именно к 20-м гг. XVI в. относятся

события, послужившие основанием для написания адыгской песни «Бахчисарайский поход». Согласно этому эпическому произведению адыгское войско во главе с князем Кабарды Талостаном Джанхоевым осадило Бахчисарай и якобы даже предприняло его штурм. Только получив большую дань, адыгские князья возвратились домой (Песня, 1986, с. 51–54).

В самом Крымском ханстве время от времени вспыхивали распри, в которых принимали активное участие все аристократические фамилии. Например, борьба за ханский престол в 1577–1588 гг., получившая в историографии название «династического кризиса Гиреев» (Виноградов, 2010, с. 274–299).

Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют высказать предположение, что городище в долине р. Бодрак было построено беками Яшлавскими не ранее 60–80-х гг. XIV в. и использовалось ими в качестве укрепленной резиденции до первой трети XVIII в. Сохранившиеся оборонительные сооружения указывают на то, что крепость предназначалась для защиты от нападений противника, не обладавшего средствами активного штурма крепостей. Особенности фортификации данного памятника: отсутствие башен, узкий и неглубокий ров, толстая, но низкая заградительная стена с легким турлучным парапетом (?), обмазанным глиной, – указывают на то, что она могла служить защитой только от стремительной атаки конницы, но не предназначалась для долговременной обороны.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Адаксина С.Б., Мыц В.Л., Ушаков С.В.* Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2011 г. // Материалы Южно-Крымской археологической экспедиции. Вып. X. СПб.-Симферополь: Изд-во ГЭ, 2012. 208 с.
2. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / сост. Горданов В.К. Нальчик: Эльбрус, 1974. 638 с.
3. *Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашута Л.П.* и др. Средневековые амфоры Херсонеса // Античная древность и средние века. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1971. Вып. 7. С. 81–101.
4. *Баранов И.А.* Памятники раннесредневекового Крыма // Археология Украинской ССР. Т. 3 / Отв. ред. В.Д. Баран. Киев: Наукова Думка, 1986. С. 231–248.
5. *Виноградов А.В.* Род Сулеша во внешней политике Крымского ханства во второй половине XVI в. // Тюркологический сборник 2005: Тюркские народы России и Великой степи / Отв. ред. С.Г. Кляшторный М.: Восточная литература, 2006. С. 26–74.
6. *Виноградов А.В.* Русско-крымские отношения в 1570–1590-х гг. в контексте династического кризиса Гиреев // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 2 / Отв. ред. Б.Р. Рахимзянов. Казань: Ихлас, 2010. С. 274–299.
7. *Волков И.В.* Крепость Лютик – Сеид-Ислам (предварительное сообщение и керамический комплекс) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. / Ред. С.Г. Бочаров, В.Л. Мыц. Киев: Издательский дом «Стилос», 2005. С. 482–490.
8. *Егоров В.Л.* Золотая Орда перед Куликовской битвой // Куликовская битва / Под ред. Л.Г. Бескровного. М.: Наука, 1980. С. 174–213.
9. *Завадовский А.Г.* Сто лет жизни Тавриды: В память празднования столетнего юбилея присоединения Крыма к России 8 апреля. 1783–1883: Вып. 1. Симферополь: Таврическая губернская типография, 1885. 334 с.
10. *Зайцев И.В.* Крымская историографическая традиция XV–XIX веков: пути развития. М.: Вост. лит-ра, 2009. 304 с.
11. *Казадзежев Ж.В.* Войны черкесских княжеств с Крымским ханством и западно-грузинскими владениями в 20–30 гг. XVI в. // Вестник Владикавказского научного центра. Т. II. 2011. № 2. С. 12–14.
12. *Кеппен П.И.* О древностях Южного берега и гор Таврических // Крымский сборник. СПб.: Тип. Императорской Акад. наук, 1837. 409 с.
13. *Крамаровский М.Г., Гукин В.Д.* Поселение Бокаташ II (Результаты полевых исследований Золотоордынской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 2001–2003 гг.). Вып. II. СПб.: ГЭ, 2004. 382 с.
14. *Лашков Ф.Ф.* Исторический очерк крымско-татарского землевладения // Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии (ИТАУК). 1895. № 23. С. 71–116.
15. *Мыц В.Л.* Отчёт об археологических разведках в Горном Крыму в 1978 г. // Архив ИАК РАН, инв. №105/1-6. 19 с.
16. *Мыц В.Л.* Укрепления Таврики X–XV вв. Киев: Наукова думка, 1991. 158 с.
17. *Мыц В.Л.* Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. Симферополь: Универсум, 2009. 427 с.
18. *Мыц В.Л.* Завоевание поздневизантийской Таврики монголами: историко-археологический контекст катастрофы последней четверти XIII века // Stratum plus. 2016. № 6. С. 69–106.
19. *Некрасов А.М.* Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV – первая половина XVI в.). М.:Наука, 1990. 125 с.
20. *Паллас П.С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным местностям Русского государства в 1793–1794 гг. / Пер. с нем. М.: Наука, 1999. 246 с.

21. Песня о Бахчисарайском походе // Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. 3. Ч. 1. 1986. С. 51–54.
22. *Плетнёва С.А.* Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: АН СССР, 1963. С. 5–72.
23. *Плетнёв В.* Битова керамика във Варна XV–XVIII век. Варна: Славена, 2004. 352 с.
24. *Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В.* Амфоры из комплексов Византийского Херсона. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1995. 169.
25. *Рославцева Л.И.* Система государственного устройства и общественный быт. Период Крымского ханства // Тюркские народы Крыма: Караимы. Крымские татары. Крымчаки / Отв. ред. С.Я.Козлов, Л.В.Чижова. М.: Наука, 2003. С. 177–183.
26. *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты в 2-х томах. Т. I. Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII века. М. ИД Рубежи XXI, 2005. 542 с.
27. *Тесленко И.Б.* Керамика из раскопок христианского храма в с.Малый Маяк (бывш. Биюк Ламбат, Южный берег Крыма // Древняя и средневековая Таврика / Археологический альманах. № 28 / Отв. ред. В.В. Майко. Донецк: Донбасс, 2012. С. 225–246.
28. *Тесленко И.Б.* Одна из гончарных традиций Таврики XIV–XV вв. (керамика группы Юго-Западного Крыма) // История и археология Крыма. Вып. I / Отв. ред. В.В. Майко. Симферополь: Бизнес-Информ, 2014. С. 495–511, 541–560.
29. *Тесленко И.Б., Лысенко А.В.* Средневековый христианский храм на южной окраине с. Малый Маяк и его археологическое окружение // «О древностях Южного берега и гор Таврических»: Сб. науч. трудов (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения Петра Ивановича Кепшена). Киев: ИД СтилоС, 2004. С. 260–296.
30. *Тизенгаузен В.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Арабские источники. СПб, 1884. 588 с.
31. *Умеров Э.С.* Административно-территориальное деление Крымского ханства: историография вопроса // V чтения памяти У. Боданинского: тез. докл. и сообщений Международной научной конференции (Бахчисарай, 23–27 октября 2013 г.). Симферополь: Антиква, 2013. С. 71–72.
32. *Ханаев В.В.* Византийский Херсон на рубеже тысячелетий (вторая половина X – первая половина XI века). Симферополь: Н.Орианда, 2016. 652 с.
33. *Хартахай Ф.* Историческая судьба крымских татар (статья первая) // Вестник Европы. СПб., 1866, июнь, Т. II. С. 182–239.
34. *Чхаидзе В.Н.* Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М.: ТАУС, 2008. 328 с.
35. *Шульц П.Н.* Тавро-Скифская экспедиция 1947 г. // КСИИМК. 1949. Вып. 27. М.: АН СССР. С. 56–66.
36. *Юргевич В.Н.* Псифисы древнего города Херсонеса о назначении почестей и наград Диофанту, полководцу Митридата Евпатора за покорение Крыма и освобождение херсонесцев от владычества скифов // Записки Одесского общества истории древностей (ЗООИД). Одесса, 1889. Т. 16. С. 21–45.
37. *Якобсон А.Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л. 1979. 164 с.
38. Hayes J.W. Excavation at Sarachane in Istanbul. Princeton: The Princeton University Press & Collection, 1992. Vol.2. The Pottery. 1992. 464 p.
39. Sazanov A. Les amphores de l'antiquite Tavrige et du moyen age continuite ou repture? Le cas de la mer noire // La Ceramique Medievale en Mediterranee. Actes du VIe congress de l'AIECM2 (Aix-en-Provence, 1995). Aix-en-Provence; Narrations Ed., Aix, 1997. P. 87–102.

Информация об авторе:

Мыц Виктор Леонидович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Государственный Эрмитаж (г. Санкт-Петербург, Россия); vic.mytz@yandex.ru

**SARYMAMBASH-KERMEN – A FORTIFIED 14TH–15TH CENTURY
RESIDENCE OF YASHLAVSKY-SULESHEVY BEKS**

V.L. Myts

The paper features the results of studying the fortifications of Sarymambash-Kermen fortified settlement in the Crimea. The available data allows to suggest that Sarymambash-Kermen fortified settlement was built by Yashlovsky beks not earlier than the 1360–80s and used as their fortified residence until the first third of the 18th century. The surviving defensive structures indicate that the fortress was designed for protection against the attacks by an enemy who did not possess the means for active fortress attacks. The fortification of this monument – characterized by the absence of towers, a narrow and shallow moat, a thick but low barrier wall, apparently covered from the outside with a stick banister coated with clay – indicates that it could only serve as a defence against swift attacks of the cavalry, but was not intended for long-term defence.

Keywords: archaeology, fortified settlement, Sarymambash-Kermen, beks, Yashlavsky, the Golden Horde, Crimean Khanate, residence, 14th century, 18th century.

REFERENCES

1. Adaksina, S. B., Myts, V. L., Ushakov, S. V. 2012. *Materialy Iuzhno-Krymskoi arheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the South Crimean Archaeological Expedition)*. Saint Petersburg-Simferopol: The State Hermitage Publ. (in Russian).
2. Gordanov, V. K. (comp.). 1974. *Adygi, balkartsy i karachaytsy v izvestiiakh evropeiskikh avtorov XIII-XIX vv. (The Adyghe, Balkarians and Karachais in the Works of European Authors of the 13th–19th cc.)*. Nal'chik: "El'brus" Publ. (in Russian).
3. Antonova, I. A., Danilenko, V. N., Ivashuta, L. P. et al. 1971. In Stepanenko, V. P. (ed.). *Antichnaia drevnost' i srednie veka (Antiquities and the Middle Ages)* 7. Sverdlovsk: Ural State University, 81–100 (in Russian).
4. Baranov, I. A. 1986. In Baran, V. D. (ed.). *Arkheologiiia Ukrainskoi SSR (Archaeology of the Ukrainian SSR)* 3. Kiev: "Naukova Dumka" Publ., 231–248 (in Russian).
5. Vinogradov, A. V. 2006. In Kliashturnyi, S. G. (ed.). *Tiurkologicheskii sbornik 2005: Tiurkskie narody Rossii i Velikoi stepi (Collected Papers on Turkic Studies 2005: The Turkic Peoples of Russia and the Great Steppe)*. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ., 26–74 (in Russian).
6. Vinogradov, A. V. 2010. In Rakhimzyanov, B. R. (ed.). *Srednekovoye tiurko-tatarskie gosudarstva (Medieval Turkic-Tatar States)* 2. Kazan: "Ikhlas" Publ., 274–299 (in Russian).
7. Volkov, I. V. 2005. In Bocharov, S. G., Myts, V. L. (eds.). *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia v X–XVIII vv. (Glazed Ceramics of the Mediterranean and Black Sea in 10th–18th Centuries)*. Kiev: "Stilos" Publ., 482–490 (in Russian).
8. Egorov, V. L. 1980. In Beskrovniy, L. G. (ed.). *Kulikovskaia bitva (The Battle of Kulikovo Pole)*. Moscow: "Nauka" Publ., 174–213 (in Russian).
9. Zavadovskii, A. G. 1885. *Sto let zhizni Tavriy: V pamiat' prazdnovaniia stoletnego iubileia prisoidineniia Kryma k Rossii 8 aprelia. 1783–1883: Vyp. 1 (One hundred Years of Tauris: In Memory of the Commemoration of the Centennial Anniversary of the Accession of the Crimea to Russia on April 8. 1783–1883: Issue 1)*. Simferopol': "Tavrisheskaya gubernskaya tipografiya" (in Russian).
10. Zaitsev, I. V. 2009. *Krymskaia istoriograficheskaia traditsiia XV–XIX vekov: puti razvitiia (Crimean Historiographical Tradition of the 15th–19th centuries: Development Trends)*. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ. (in Russian).

11. Kagazezhev, Zh. V. 2011. In *Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra (Vestnik of Vladikavkaz Scientific Centre)* 2(2). 12–14 (in Russian).
12. Keppen, P. I. 1837. *Krymskii sbornik (Crimean Collection)*. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences (in Russian).
13. Kramarovskii, M. G., Gukin, V. D. 2004. *Poselenie Bokataş II (Rezultaty polevykh issledovaniĭ Zolotoordynskoi arkheologicheskoi ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha v 2001–2003 gg.). Vyp. II (Bokataş II Settlement (Results of Field Studies of the Golden Horde Archaeological Expedition of the State Hermitage in 2001–2003). Issue II)*. Saint Petersburg: The State Hermitage Museum (in Russian).
14. Lashkov F.F. 1895. In *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of the Taurida Learned Archival Commission)* 23, 71–116 (in Russian).
15. Myts, V. L. 1978. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh v Gornom Krymu v 1978 g. (Report on Archaeological Surveys in the Mountainous Crimea in 1978)*. Simferopol. Scientific Archive of the Institute of Crimean Archaeology, Russian Academy of Sciences. Inv. no. 105/1-61. (in Russian).
16. Myts, V. L. 1991. *Ukrepleniia Tavriki X–XV vv. (Fortification of Taurica in the 10th–15th Centuries)*. Kiev: “Naukova dumka” Publ. (in Russian).
17. Myts, V. L. 2009. *Caffa i Feodoro v XV v. Kontakty i konflikty (Caffa and Theodoro in the 15th Century. Contacts and Conflicts)*. Simferopol: “Universum” Publ. (in Russian).
18. Myts, V. L. 2016. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 69–106 (in Russian).
19. Nekrasov, A. M. 1990. *Mezhdunarodnye otnosheniia i narody Zapadnogo Kavkaza (posledniaia chetvert' XV – pervaiia polovina XVI v.) (International Relations and Peoples of the Western Caucasus (Last Quarter of 15th – first half of 16th cc.))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
20. Pallas, P. S. 1999. *Nabliudeniia, sdelannye vo vremia puteshestviia po iuzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 gg. (Observations made during a Journey across the Southern Governorates of the Russian State in 1793–1794)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
21. 1986. Narodnye pesni i instrumentalnye naigryshi adygov. T. 3. Ch. 1 (*Folk Songs and Instrumental Motifs of the jokes of the Adyghe. Vol. 3. Part 1*). Nal'chik (in Russian).
22. Pletneva, S. A. 1963. In Rybakov, B. A. (ed.). *Keramika i steklo drevnei Tmutarakani (Ceramics and Glass of Ancient Tmutarakan)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 5–72 (in Russian).
23. Pletn'ov, V. 2004. *Bitova keramika vĭev Varna XV–XVIII vek (Household Ceramics of 15th–18th cc. in Varna)*. Varna: “Slavena” Publ. (in Russian).
24. Romanchuk, A. I., Sazanov, A. V., Sedikova, L. V. 1995. *Amfory iz kompleksov Vizantiiskogo Khersona (Amphoras from Byzantine Kherson Complexes)*. Ekaterinburg: Ural State University (in Russian).
25. Roslavitseva, L. I. 2003. In Kozlov, S. Ya., Chizhova, L. V. (eds.). *Tiurkskie narody Kryma: Karaimy. Krymskie tatory. Krymschaki (Turkic Peoples of the Crimea: The Karaims. The Crimean Tatars. The Krymchaks)* Moscow: “Nauka” Publ., 177–183 (in Russian).
26. Smirnov, V. D. 2005. *Krymskoe khanstvo pod verkhoventvom Otomanskoi Porty v 2-kh tomakh. T. I. Krymskoe khanstvo pod verkhoventvom Otomanskoi Porty do nachala XVIII veka (Crimean Khanate under the Supremacy of the Ottoman Porte in 2 volumes. Vol. I. Crimean Khanate under the Supremacy of the Ottoman Porte before the 18th century)*. Moscow: “Rubezhi XXI” Publ. (in Russian).
27. Teslenko, I. B. 2012. In Maiko, V. V. (ed.). *Drevniaia i srednevekovaiia Tavrika (Ancient and Medieval Tauris)*. Series: *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological almanac)* 28. Donetsk: “Donbass” Publ., 225–246 (in Russian).
28. Teslenko, I. B. 2014. In Maiko, V. V. (ed.). *Istoriia i arkheologiia Kryma (History and Archaeology of Crimea)* I. Simferopol: “Biznes-Inform” Publ., 495–511, 541–560 (in Russian).
29. Teslenko, I. B., Lysenko, A. V. 2004. «*O drevnostiakh Iuzhnogo berega i gor Tavricheskikh*»: *Sb. nauch. Trudov (po materialam konferentsii v chest' 210-letiiia so dnia rozhdeniia Petra Ivanovicha Keppena)* (“*On the Antiquities of the Southern Coast and the Mountains of the Tauris*” (based on the

Proceedings of the Conference commemorating the 210th Anniversary of Peter Ivanovich Keppen. Kiev: "Stilos" Publ., 260–296 (in Russian).

30. Tiesenhausen, V. G. 1884. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy. T. 1. Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh (Collected Works Related to the History of the Golden Horde. Vol. 1. Excerpts from Arab Writings)*. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

31. Umerov, E. S. 2013. *Administrativno-territorial'noi delenie Krymskogo khanstva: istoriografiiia voprosa // Vchteniia pamiati U. Bodaninskogo: tez. dokl. i soobshchenii Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Bakhchisarai, 23-27 oktiabria 2013 g.) 5th Readings in Memory of U. Bodaninsky: Abstracts and Reports of the International Scientific Conference (Bakhchisaray, October 23–27, 2013)*. Simferopol: "Antikva" Publ., 71–72 (in Russian).

32. Khapaev, V. V. 2016. *Vizantiiskii Kherson na rubezhe tysiacheletii (vtoraia polovina Kh – pervaiia polovina XI veka) (Byzantine Kherson at the Turn of the Millennia (second half of 10th – first half of 11th centuries)*. Simferopol: "N.Orianda" Publ. (in Russian).

33. Khartakhai, F. 1866. In *Vestnik Evropy (Вестник Европы)* II. 182–239 (in Russian).

34. Chkhaidze, V. N. 2008. *Tamatarkha. Rannesrednevekovyi gorod na Tamanskom poluostrove (Tamatarkha. Early Medieval Town on the Taman Peninsula)*. Moscow: "TAUS" Publ. (in Russian).

35. 1949. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture) XXX*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 56–66 (in Russian).

36. Iurgevich, V. N. 1889. In: *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii drevnostei (Notes of the Odessa Society of History of Antiquities)* 16. Odessa, 21–45 (in Russian).

37. Jakobson, A. L. 1979. *Keramika i keramicheskoe proizvodstvo srednevekovoi Tavriki (Ceramics and Ceramic Production of Medieval Taurica)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

38. Hayes J.W. 1992. *Princeton: The Princeton University Press & Collection*, Vol. 2.

39. Sazanov, A. 1997. In *La Ceramique Medievale en Mediterranee. Actes du VIe congress de l'AIECM2 (Aix-en-Provence, 1995)*. Aix-en-Provence; Narrations Ed., Aix. 87-102.

About the Author:

Myts Victor L. Candidate of Historical Sciences. State Hermitage. Dvortsovaya Naberezhnaya (Embankment), 34, Saint Petersburg, 190 000, Russian Federation; vic.mytz@yandex.ru

Статья поступила в номер 30.04.2018 г.

УДК 666.3

<https://doi.org/10.24852/pa2018.2.24.204.221>

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XV В. ИЗ РАСКОПОК В ГОРОДЕ АЗОВЕ

© 2018 г. Д.И. Зенюк, А.Н. Масловский

В статье рассматриваются материалы уникального для Азака закрытого комплекса 1 пол. XV в. Подробно обосновывается его датировка. Керамика, публикуемого объекта, представлена главным образом продукцией местных гончаров I группы, импортными трапезундскими амфорами и восточнокрымской поливой. Авторами высказываются некоторые соображения относительно методики анализа статистических данных о массовом керамическом материале. Данная работа представляет собой первый шаг в изучении известного по письменным и нумизматическим источникам, но ранее не представленного в археологических материалах периода жизни Азака после 1395 г.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, Азак, Юго-Восточный Крым, поливная керамика, роспись люстром, амфора, XV в., денежное обращение.

Вероятно, наименее изученной областью культуры городов Золотой Орды являются материалы XV в. Период, начавшийся после 1395 г., время угасания оседлой жизни в степях Восточной Европы, археологически документирован очень слабо. Вместе с тем даже умозрительно сложно предположить, что катастрофа оказалась настолько всеобъемлюща, что разом покончила со всем оседлым населением. Для территории Крыма и Волжской Булгарии памятники XV в. известны. В частности, в последнее время выразительные материалы дают раскопки Торецкого селища (Валиулина, 2011).

Для Нижнего Подонья ситуация менее определенная. С одной стороны, данные письменных источников указывают на наличие рядом с итальянскими факториями кварталов, заселенных: татарами, церкесами, евреями (Ковалевский, 1905, с. 158–159). Известно о чеканке в Азаке монеты в первые два десятилетия XV в. (Рева, 2014, с. 51–53). Более того, известны клады этого периода, найденные на

поселениях округа Азака (Федоров-Давыдов, Фомичев, 2004). С другой стороны, на территории городища были проведены исследования на сотнях участков, хотя и с разной степенью полноты, изучены все городские районы. При этом, хотя отдельные находки и какие-то невнятные следы жизни в виде выкладок в разрушенных жилищах, встречаются, но ни слоя, ни закрытых комплексов XV в., за единственным исключением раскопа по ул. Энгельса, 17 (рис. 1: 1), до сих пор не обнаруживалось. Но и здесь, судя по поливным импортам, мы имеем дело с материалами, преимущественно 2 половины XV в., возможно, даже начала XVI в., когда говорить о существовании золотоордынского города вряд ли возможно.

Поэтому комплекс, исследованный на ул. Фрунзе, 4 в 2014 г., на наш взгляд, представляет значительный интерес. Уже во время выборки ямы особенности состава находок привлекли к ней внимание. Однако при дальнейшем ее анализе мы столкну-

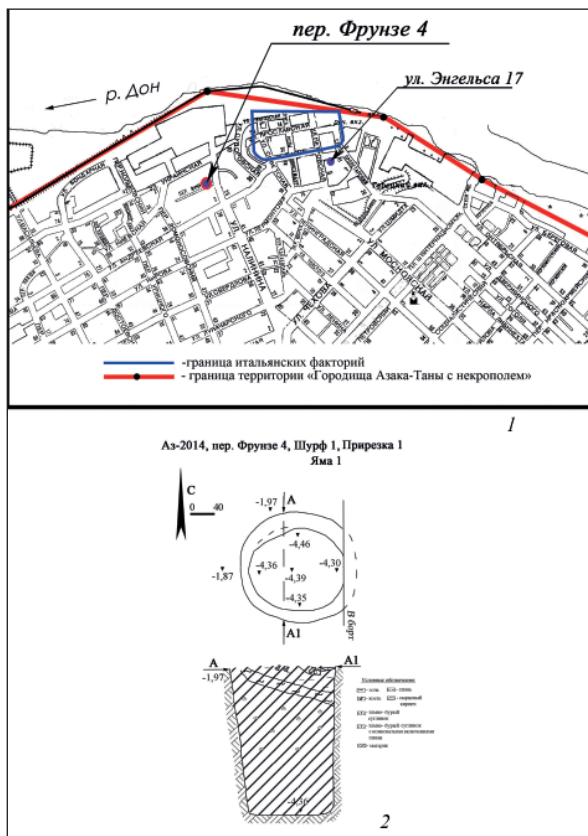

Рис. 1. Фрунзе 4. Яма 1.
1 – местоположение участка по ул. Фрунзе, 4;
2 – яма 1. План и разрез.

Fig. 1. Frunze 4. Pit 1. 1 – location of the site on the street Frunze 4;
2 – pit 1. Plan and section.

копами. Исследованная часть имела следующие размеры (рис. 1: 2). Верхний диаметр 1,8–1,9 м, нижний диаметр – 1,35×1,65 м, глубина 2,52 м. Ориентировочно первоначальная глубина комплекса составляла около 3 м. Верхняя часть стенок ямы осыпалась. Стенки имели зеленоватый оттенок (рис. 2: 2), что указывает на то, что некоторое время она использовалась в качестве выгребной, но изначально ею не была. Заполнение: золистый гумус с прослойками золы.

лись со сложностями методического характера, о чем мы расскажем ниже.

Участок по ул. Фрунзе, 4 расположен в северо-западной, практически не исследованной части городища (рис. 1: 1) на краю крутого склона коренного берега р. Дон, примерно в 300 м на юго-запад от гонуэзской Таны. Для уточнения сохранности и мощности культурного слоя на месте будущего строительства был заложен разведочный шурф 2×2 м (Зенюк, 2016, с. 190). После выявления пятна заполнения ямы он был увеличен еще на 2 кв. м. В дальнейшем исследования на участке продолжены не были, поскольку застройщик отложил на неопределенный срок свои планы по строительству.

Яма 1 была несколько повреждена в верхней части более поздними пере-

С северной стороны контур ямы, на уровне зачистки после снятия пл. б, имел нечеткие границы (рис. 2: 1). В северной части ямы также заметно отличались по характеру заполнения. В связи с этим верхние пласты снимались и анализировались отдельно. Это позволило установить, смешанный характер находок. Здесь были встречены развалы сосудов, относящихся к более раннему периоду, поэтому находки из верхних смешанных пластов, получивших обозначение яма 1А, при статистическом анализе в данной работе не использовались. Как именно в верхнюю часть ямы 1 попал грунт из более раннего комплекса, осталось неясным.

Всего в заполнении ямы 1 было найдено 482 фрагмента керамики

(табл. 1¹), кости животных и другие находки. Найдены также 2 медные монеты, отчеканенные в период правления Джанибека и Тохтамыша (рис. 2: 3–4). Вторая монета, казалось бы, позволяет датировать выпадение комплекса 1381–1395 гг. (рис. 2: 3). Однако уже при выборке заполнения было очевидно отличие состава находок из этой ямы от других ям с монетами Тохтамыша. После занесения данных в таблицы эта очевидность, которая возникала при взгляде на «кучки» черепков на столе, размывалась. Тем не менее при сопоставлении ямы 1 с серией представительных комплексов эпохи Тохтамыша в глаза бросается сокращение в несколько раз доли местной поливной керамики и кашины, при соответствующем увеличении доли восточнокрымской поливы. Менее заметно значительное увеличение доли трапезундских амфор и уменьшение доли лощеных сосудов среди местной керамики.

Для большей наглядности представим данные о доле местной продукции в комплексе поливных сосудов отдельно. Более того, ни в одном комплексе 2 половины XIV века не отмечено столь низкого процента местной поливы. Это нельзя объяснить какими-то особыми вкусами или, скажем, высоким имущественным достатком владельца усадьбы. Даже на усадьбе богатого купца (раскоп на ул. Мира, 35А), который действительно имел особенные вкусы и почти не пользовался кашинной посудой, доля местной поливы почти в 4 раза выше.

¹ Здесь и далее использована классификация керамического комплекса Азака А.Н. Масловского (Масловский А.Н., 2006).

Самым простым объяснением столь резкого сокращения доли продукции двух гончарных центров Золотой Орды в посудном наборе зажиточных горожан является прекращение их работы. Логично связать это событие с катастрофой 1395 г. Таким образом, рассматриваемый комплекс следует отнести ко времени после тамерлановского погрома. С учетом нескольких лет запустения города, упоминаемых письменными источниками (Ковалевский, 1905, с. 143–144), и какого-то периода, необходимого для хотя бы минимального восстановления экономики города, он мог сформироваться не ранее начала XV в. Датировка комплексов по поливной керамике представляется одной из самых надежных для золотоордынских памятников (Масловский, 2011), даже более достоверной, чем по единичным монетным находкам.

Вместе с тем нельзя игнорировать и некоторую размытость ожидаемых отличий в составе находок из данной ямы от комплексов времен Тохтамыша по другим параметрам, в частности, высокую долю импортной керамики в целом. Это нуждается в объяснении. В связи с этим здесь необходимо рассмотреть некоторые вопросы методики анализа находок из хозяйственных ям Азака, да и вообще массового археологического материала.

Прежде всего, следует сказать о нумизматике. Обилие монетных находок на золотоордынских памятниках играет с исследователями дурную шутку. Исследователи, и прежде всего нумизматы, склонны ставить знак равенства между датировкой встреченных в том или ином месте монет и временем существования конкретного городского района или всего города

Таблица 1

Состав керамических находок из ямы 1 по ул. Фрунзе, 4
и ям времен Тохтамыша из других районов города

		Фрунзе 4 Я 1 (2014)	Московская 7 Я-25 (1995)	Московская 38/40 Я-14А (1999)	Толстого 67 Я-17А (2008)
Азак (1 группа)		261(54,15%)	975(58,63%)	507(55,71%)	782(53,56%)
Азак (2 группа)	неполивная	3(0,62%)		5(0,55%)	23(1,58%)
	полива	4(0,83%)	285(17,14%)	34(3,74%)	137(9,38%)
Всего местной		268(55,6%)	1260(75,76%)	546(60%)	942(64,52%)
ЮВ Крым (3 группа)	неполивная	3(0,62%)	11(0,66%)	12(1,32%)	8(0,55%)
	полива	77(15,98%)	62(3,73%)	67(7,36%)	58(3,97%)
Нижнее Поволжье (4-5 группы)		2(0,41%)	10(0,6%)	30(3,3%)	17(1,16%)
Маджар (6-7 группы)		20(4,15%)	29 (1,74%)	43(4,73%)	144(9,86%)
Трапезунд (8 группа)		63(13,07%)	151 (9,08%)	64(7,03%)	39(2,67%)
ЮЗ Крым (9 группа)		2	1	3	2
Круглодонные горшки (10 группа)		1	5	1	
Триллиа (12 группа)		2			2
Византия (14 группа)		3(0,62%)		3(0,33%)	2
Константинополь (группа 15А)		2		5(0,55%)	1
Византия (16 группа)		4(0,83%)	1	2(0,22%)	
Подонье - Предкавказье (17-19 группа)		14(2,9%)	11(0,67%)	38(4,18%)	125(8,56%)
Русь (20 группа)			6(0,36%)	4(0,44%)	
Хорезм (22 группа)			6(0,36%)	1	5(0,34%)
Нижнее Поволжье (24 группа)		2(0,41%)	90(5,41%)	53(5,82%)	67(4,59%)
Крит(28 группа)		5(1,04%)		5(0,55%)	1
Хиос (29 группа)		1			
Испания (31 группа)		1	12(0,72%)	1	1
Амфоры группы клейма SSS (33 группа)		5(1,04%)			
Лепные кувшины (34 группа)		2			4
Прочее		4	8(0,48%)	31	24
Всего		482(100%)	1663(100%)	910(100%)	1460(100%)

Таблица 2

Соотношение местной и привозной поливной керамики из ямы 1 по ул. Фрунзе, 4 и ям времен Тохтамыша из других районов города

	Фрунзе 4 Я 1 (2014)	Московская 7 Я-25 (1995)	Московская 38/40 Я-14А (1999)	Толстого 67 Я-17А (2008)	Мира 35А Я-1 (2009)
Местная	4(4,21%)	285(62,91%)	34(19,54%)	137(48,58%)	10(15,87%)
импортная	91(95,79%)	168(37,09%)	140(80,46%)	145(51,42%)	53
Всего	95(100%)	453(100%)	174(100%)		63

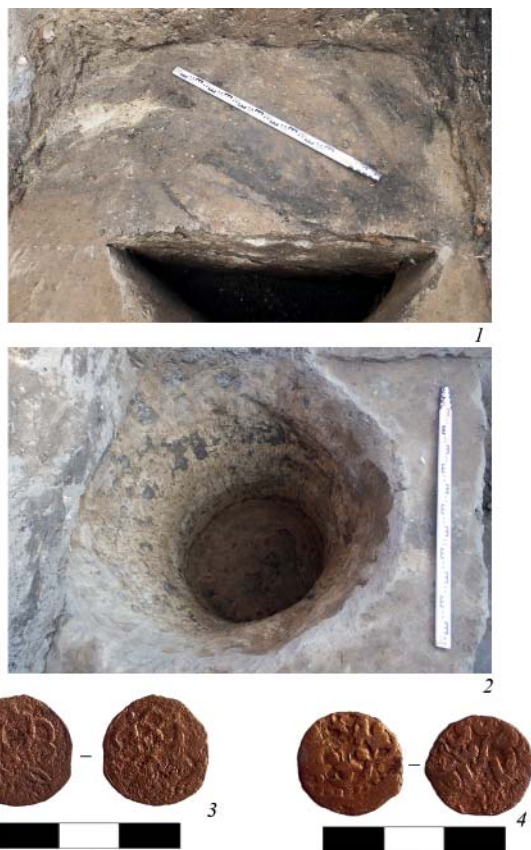

Рис. 2. Фрунзе 4. Яма 1.
 1 – контур ямы после снятия пл.6, 2 – яма 1 после завершения исследований;
 3 – анэпиграфный пул времен Тохтамыша;
 4 – анонимный пул времен Джанибека (Сарай ал-Джедид).

Fig. 2. Frunze 4. Pit 1. 1 – contour of the pit after removal of layer 6, 2 – pit 1 after the completion of the research, 3 – anepigraphic pool of the times of Tokhtamysh, 4 – anonymous pool of the times of Janibek (Saraj al-Jedid).

рынках (Федоров-Давыдов, 1958, с. 69). Более или менее регулярное обращение медных пулов начинает складываться только в конце XIII в. В силу этого вероятность обнаружения монет в комплексах начального периода существования золотоордынских городов в

в целом. Между тем существует целый ряд ограничений, о которых исследователи забывают. Во-первых, в домонгольский период на территории большей части Восточной Европы монетное обращение просто отсутствовало. Должен был пройти некий период, пока население вновь возникших поселений втянулось в товарно-денежные отношения. Во-вторых, для всех крупных золотоордынских городищ и немало числа сельских памятников будет справедливо утверждение о том, что большая часть монетных находок на них представлена медными пулами. Между тем их обращение возникает заметно позднее чеканки серебра и связано, как следует из сообщения Ф. Пеголотти, с розничной торговлей на городских

целом невелика. В-третьих, монета могла появиться на поселении спустя многие десятилетия после ее чеканки и потому не может служить основанием для датировки его возникновения.

В-четвертых, после катастрофы 1395 г. денежное обращение начинает деградировать столь же стремительно, как до этого распространилось. Как уже было сказано, монеты 1 четверти XV в. чеканки Азака происходят из кладов в его окрестностях. При этом ни разу они не были найдены в самом Азове. Следовательно, в повседневном обороте серебряная монета использовалась редко, превратившись в средство накопления. Хотя известны единичные медные пулы, отчеканенные на монетном дворе Азака в XV в. (Пипериди, 2005), относят-

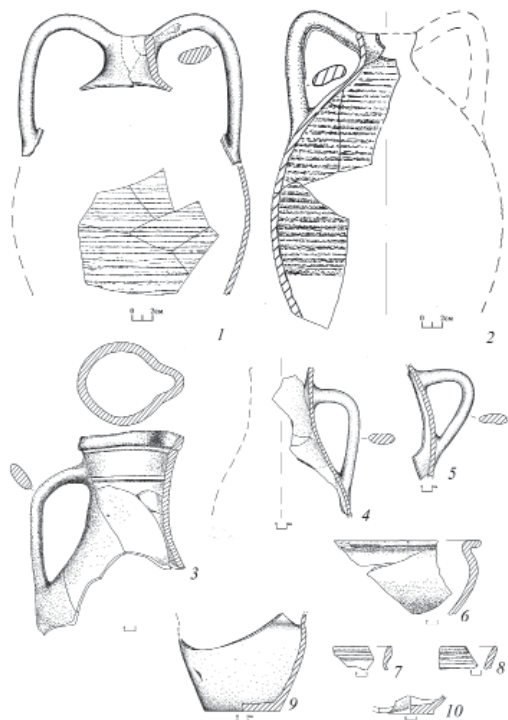

Рис. 3. Фрунзе 4. Яма 1. 1А группа керамики. 1–2 – амфоры; 3, 4, 9 – кувшины; 5 – корчага; 6 – таз; 7 – горшок; 8 – чаша; 10 – светильник.

Fig. 3. Frunze 4. Pit 1. 1A group of ceramics. 1–2 – amphorae, 3, 4, 9 – jugs, 5 – korchaga, 6 – basin, 7 – pot, 8 – bowl, 10 – lamp.

ся они, по мнению исследователя, к периоду, когда Азак вошел в сферу власти зарождающегося Крымского ханства, и найдены они также в Крыму. Также единичны выпуски меди других монетных дворов (Гончаров, 1997, с. 182–183). Таким образом, для еще сохранявшейся повседневной розничной торговли оставалась только возможность использования каких-то суррогатов и старой медной монеты. Не случайно, на раскопе по ул. Энгельса, 17, при большом количестве находок XV в., встречено только 3 дирхема, из которых определяется предположительно временем правления Менгли-Гирея только один.

Таким образом, при поиске комплексов XV в. рассчитывать на находки монет этого времени не приходится. Но встретить в них медные пулы предшествующего периода вполне вероятно. Следовательно, мы долж-

ны ориентироваться на керамику. И здесь нам следует уяснить, как формировался набор черепков, который оказывался в нашем распоряжении при раскопках.

Очевидно, что для изучения изменений бытовой материальной культуры идеально исследование существовавших недолго поселений или закрытых комплексов. К сожалению, первые немногочисленны и не позволяют создать хронологически непрерывную шкалу изменений. Вторые, на поселениях, существовавших много столетий, могут выделяться лишь достаточно условно. Казалось бы, поселенческие памятники Золотой Орды существовали недолго, порядка 100–150 лет, однако за это время успели произойти весьма существенные изменения. И для того чтобы охарактеризовать временные отрезки продолжительностью в 2–3 десятилетия, нужны закрытые комплексы, которые и позволят понять направления эволюции материальной культуры.

Хозяйственные ямы Азака могут считаться закрытыми комплексами в том смысле, что их заполнение происходило за короткий промежуток времени (иногда, вероятно, за 1–2 месяца) и все позднейшие перекопы, затрагивающие их, легко фиксируются. С другой стороны, состав мусора в их заполнении во многом случаен. Он мог определяться имущественным

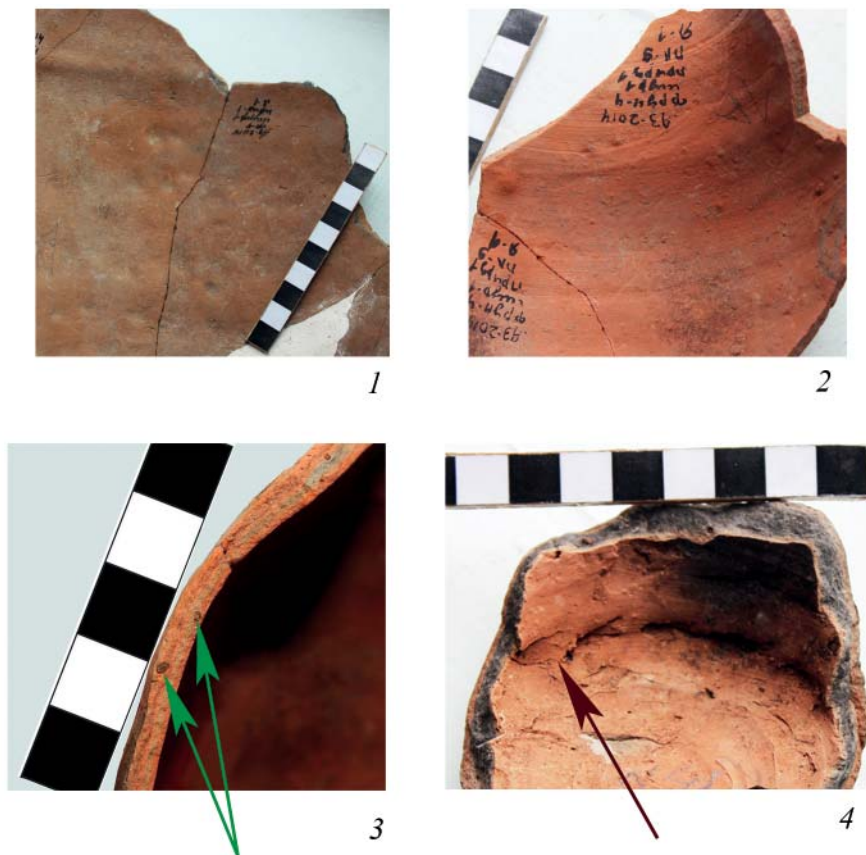

Рис. 4. Фрунзе 4. Яма 1. 1 группа керамики. 1 – следы ленточного налепа; 2 – следы вытягивания; 3 – излом черепка группы 1А с частицами бурого железняка; 4 – дно сосуда с не заглаженными стыковочными швами.

Fig. 4. Frunze 4. Pit 1. 1 group of ceramics. 1 – traces of cordon banding, 2 – traces of stretching, 3 – fracture shard of the group 1A with particles of brown iron, 4 – bottom of the vessel with unmolded docking seams.

достатком, этнической, религиозной или профессиональной принадлежностью владельца усадьбы или иными не известными нам обстоятельствами, вплоть до семейных конфликтов или времени года. Но мы все-таки исходим из предположения, что чаще всего разбивались и выбрасывались наиболее многочисленные среди имеющихся в быту сосудов.

По совокупности материалов серии ям, мы можем получить достаточно адекватное представление о состав-

ве керамического комплекса в целом в тот или иной отрезок времени, но для конкретного случая количественные характеристики могут заметно отклоняться от среднего значения. Но наиболее существенным представляется то, что на засыпку погребов мог пойти грунт срезанный, например, при расчистке участка или взятый из старой мусорной кучи и содержащий неоднократно переотложенные фрагменты керамики. В хозяйственных ямах, засыпанных в первые десятиле-

Таблица 3

Доля лощеных сосудов 1 группы керамики из ямы 1 по ул. Фрунзе, 4 и ям времен Тохтамыша из других районов города

	Фрунзе 4 Я 1 (2014)	Московская 38/40 Я-14А (1999)	Толстого 67 Я-17А (2008)	Мира 35А Жил-1 (2009)	В среднем в комплексах эпохи Тохтамыша
Лощеная	54(20,69%)	213(42,01%)	291(37,21%)	272(34,56%)	35,5%
1 группа всего	261(100%)	507(100%)	782(100%)	787(100%).	

тия существования города, материал будет хронологически однороден. Но с течением времени доля случайного мусора, относящегося к более раннему, по сравнению со временем засыпки ямы периоду, неизбежно возрастала. Следовательно, для поздних по времени ям, будет проявляться эффект удревнения комплекса находок из них.

Наша задача, таким образом, внести поправочные коэффициенты, которые позволили бы избавиться от подобных искажений и попытаться выявить признаки, на которые влияние случайного мусора сказывается в меньшей степени. Нельзя сказать, что на настоящий момент мы можем предложить критерии, которые позволили бы полностью исправить количественные данные, но мы можем попытаться скорректировать качественные оценки керамического комплекса.

Для ямы 1 по ул. Фрунзе присутствие случайного мусора достаточно очевидно. Здесь, например, встречены амфоры группы клейма SSS, никогда не встречающиеся в комплексах XIV в., вне пределов узкой полосы, вдоль берегового обрыва Дона, где собственно и фиксируются все находки, относящиеся к начальному периоду жизни Азака. Столь же маловероятной, представляется возможность бытования в период формирования данного комплекса амфор 12 группы и поливы 14 группы. Однако

простое исключение их из подсчетов представляется недостаточным. Необходимо как-то оценить вероятность бытования в этот период и другой керамики.

Ю.Б. Цетлиным была предложена методика для реконструкции стратиграфии на памятниках со смешанными материалами (Цетлин, 1988). Для этого им было предложено учитывать критерий крупности фрагментов. В самом деле, чем дольше черепок остается незахороненным, тем более вероятна его вторичная фрагментация. К сожалению, разработать универсальную шкалу крупности для средневековой керамики вряд ли возможно, хотя бы в силу больших различий механической прочности. В частности, кашинные сосуды и полива азацкого производства при равных условиях фрагментируются сильнее, чем поливная керамика из Юго-Восточного Крыма. Да и фрагменты одного сосуда, найденные в одной и той же яме, имеют часто очень разные размеры. Для черепков неполивной керамики золотоордынского производства можно предложить использовать в качестве свидетельства неслучайности его попадания в закрытый комплекс размер в 40 кв. см как минимальный. В качестве дополнительного оценочного критерия можно предложить фиксировать также наблюдения за тем, присутствуют ли в комплексе облом-

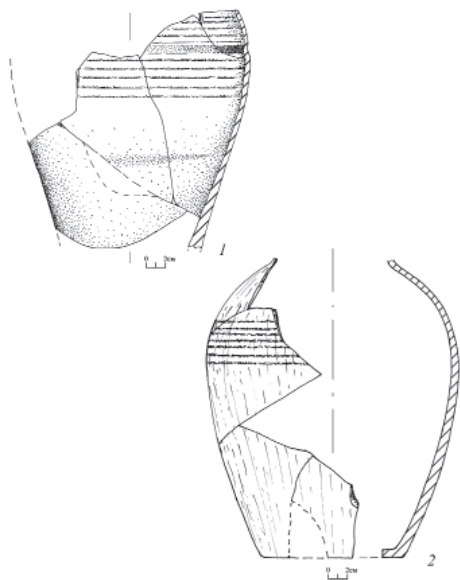

Рис. 5. Фрунзе 4. Яма 1. 1 группа керамики. 1 – амфора; 2 – кувшин с полосчатым лощением.

Fig. 5. Frunze 4. Pit 1. 1 group of ceramics. 1 – amphora, 2 – jug with banded burnishing.

ки, пусть даже не склеивающиеся, от одного сосуда. В некоторых случаях фиксируются следы износа на поливной керамике или следы окатанности черепков, что указывает на их случайное попадание в комплекс.

Исходя из этих критериев можно признать неслучайным попадание в рассматриваемый комплекс керамики 1, 3, 8, 16, 19, 28, 31 групп. Для некоторых других такой уверенности нет. Но вполне допустимо бытование в это время в Азаке сосудов 9 группы. Они почти всегда сильно фрагментируются и притом весьма характерны для крымских памятников XV в. (Тесленко, 2014). Тем не менее для каждого отдельного взятого черепка определение того, случаен ли он здесь, разумеется, невозможно.

Теперь попытаемся реконструировать керамический комплекс Азака в период заполнения данной хозяйственной ямы. Его основу составляли сосуды местного производства, изготовленные на этапе РФК (Развитие функций круга) – 5, в некоторых случаях возможно РФК-6 (Бобринский,

1978, с. 27). Мы выделяем их в подгруппу 1А (Масловский, 2006, с. 312). К ней принадлежит большинство крупных фрагментов и развалов сосудов местного производства из рассматриваемого комплекса. Они легко выделяются тонкими (3–5,5 мм) стенками с хорошо читаемыми волнами от вытягивания на круге (рис. 4: 2). Вместе с тем на многих образцах фиксируется косое течение формовочной массы, по крайней мере, на нижней половине сосуда.

На поверхности хорошо заметны бугорки выступающих частиц глиняного концентрата. Также характерны мелкие рыхлые частицы бурого железняка. Внутренняя серая прослойка очень тонкая, более светлая, часто она замещается прослойкой малинового или бордового цвета (рис. 4: 3). Лощение, как и ангоб, использовалось нечасто. Притом на некоторых фрагментах не ясно, являются ли нерегулярные косые или изогнутые полоски результатом целенаправленной деятельности. Ряд фрагментов имеет деформацию.

Основу ассортимента составляли одноручные кувшины со сливом на венчике, с узкими высокими плечами, профилированные на уровне максимального диаметра широким желобком. Используемая орнаментация ограничена поясками из 2–3 врезных линейных желобков. Выделяется минимум два размерных типа (рис. 3: 3, 4, 9). Диаметр дна составляет 6–7 см. По крайней мере, в данном ком-

Рис. 6. Фрунзе 4. Яма 1. 3 группа керамики.

1–8 – чаши; 9 – кувшин.

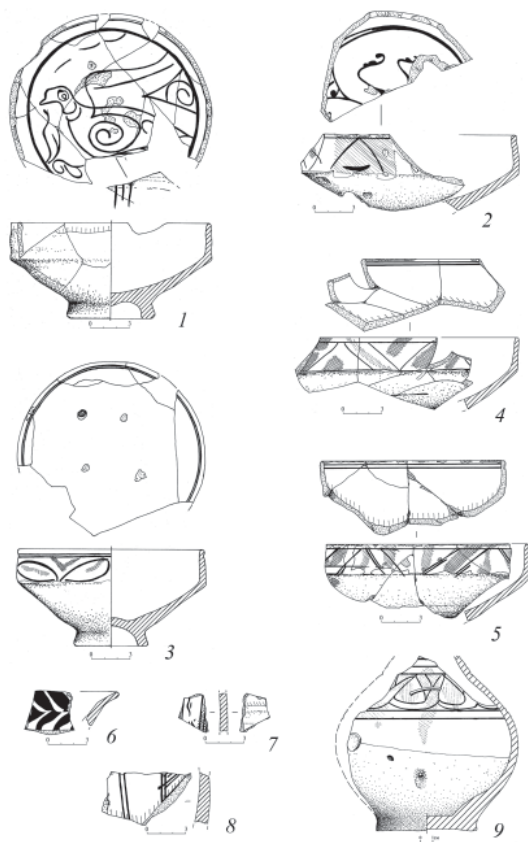
Fig. 6. Frunze 4. Pit 1. 3 group of ceramics.

1–8 bowls, 9 – jug.

плексе крупные сосуды не встречены. На втором месте, по численности, находятся амфоры обычные и для предшествующего периода с яйцевидным корпусом (рис. 3: 1–2). В ассортименте также сохранились другие формы сосудов: горшки (рис. 3: 7), чаши (рис. 3: 8), тазы (рис. 3: 6), светильники (рис. 3: 10) и, что весьма интересно, ранее не отмеченные для этой подгруппы корчаги небольшого размера (рис. 3: 5).

Их морфологию по причине единичности и фрагментарности находок охарактеризовать невозможно. Доля подгруппы 1А составляет около 60% всей керамики местного производства. С учетом того что некая часть черепков 1 группы также является случайным мусором, думаем, не ошибемся, предположив, что доля сосудов подгруппы 1 А достигала $\frac{3}{4}$ всей местной продукции. К сожалению, статистики по распространению этой подгруппы в комплексах предшествующего периода нет.

Вместе с тем можно уверенно говорить о сохранении среди местных гончаров мастеров, работавших по более примитивным технологиям (РФК-4), с хорошо читаемыми стыками налепных жгутов (рис. 4: 1). На

это указывает наличие двух развалов: лощеного кувшина среднего размера (рис. 5: 2), амфоры (рис. 5: 1) и нескольких крупных фрагментов. Некоторые сосуды изготовлены очень небрежно, как, например, сосуд с донным начинном (рис. 4: 4).

Статистически значимым представляется уменьшение доли керамики с полосчатым лощением (табл. 3) по сравнению с предшествующим периодом. Эта тенденция прослеживается на протяжении всего периода существования гончарства Азака, хотя в конкретных комплексах и могут фиксироваться заметные отклонения.

Учитывая малые размеры и разрозненность фрагментов 2 группы, можно говорить о полном исчезновении этих гончаров. При этом, конечно, от-

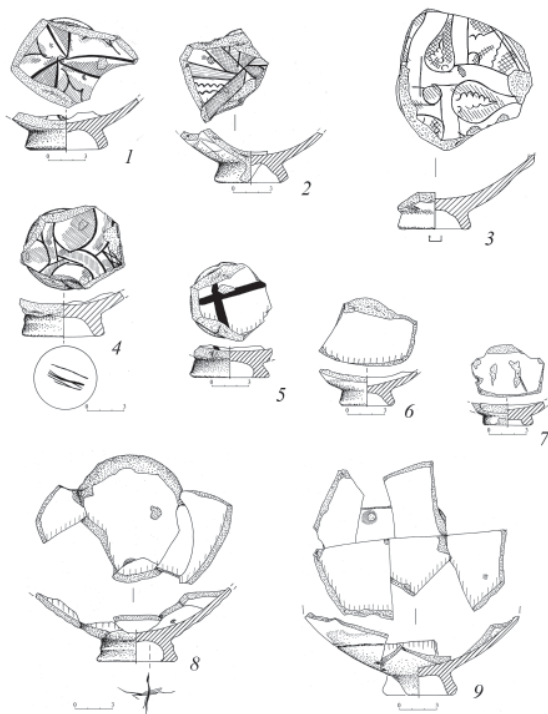

Рис. 7. Фрунзе 4. Яма 1. 3 группа керамики. 1–9 – чаши.

Fig. 7. Frunze 4. Pit 1. 3 group of ceramics. 1–9 – bowls.

Более половины сосудов имеют орнамент только на внешней стороне бортика (рис. 6: 3–5; 7: 6–9). Такие изделия встречаются начиная с середины XIV в., но никогда в таком количестве. Является ли это индивидуальной особенностью данного комплекса или это определенная мода, покажет будущее. Удивительно, что не представлены сосуды с орнаментом, выполненным двух-трехзубым резцом, которые также появляются с середины XIV в.

дельные изделия могли сохраниться и использоваться в быту и после 1395 г.

Ожидаемо возросла доля керамики производства Юго-Восточного Крыма, особенно поливных сосудов. Она составляет не менее 4/5 всей поливы. Большая ее часть представлена чашами двух типов: с прямым бортиком (рис. 6: 1, 4, 5) и бортиком, слабо загнутым внутрь, с отогнутым наружу краем (рис. 6: 2, 3). Диаметр чаш 14,5–16 см. Сосуды закрытых форм представлены меньшим числом образцов. Встречены кувшины с туловом, близким к шаровидному (рис. 6: 9), и аптечные амфоры. На некоторых кувшинах глазурь нанесена и на внутреннюю поверхность, что нехарактерно для XIV в. Почти все образцы имеют орнаментацию в технике сграффито с полихромной расцветкой. В декоре преобладают сильно стилизованные растительные элементы (рис. 7: 1–5).

Практически все образцы, взятые по отдельности, не могли бы быть определены как изделия XV в. Заметны некоторые тенденции, как, например, схематизация орнаментов, что, например, хорошо заметно на изображении птицы (рис. 6: 1). Более «грязными» – неравномерно окрашенными, с темными точками – становятся глазури. Но эти изменения начались гораздо раньше. Никаких резких изменений в гончарстве Юго-Восточного Крыма на рубеже XIV–XV в., подобных тем, которые произошли здесь около середины XIV в., не произошло.

Заметно увеличилась также доля трапезундских амфор. Если вычесть случайный мусор, она составит, вероятно, около 15%. Это представляется значимым признаком, поскольку начиная с середины XIV в. доля импортных амфор в среднем составляет менее 10%, хотя есть и исключения.

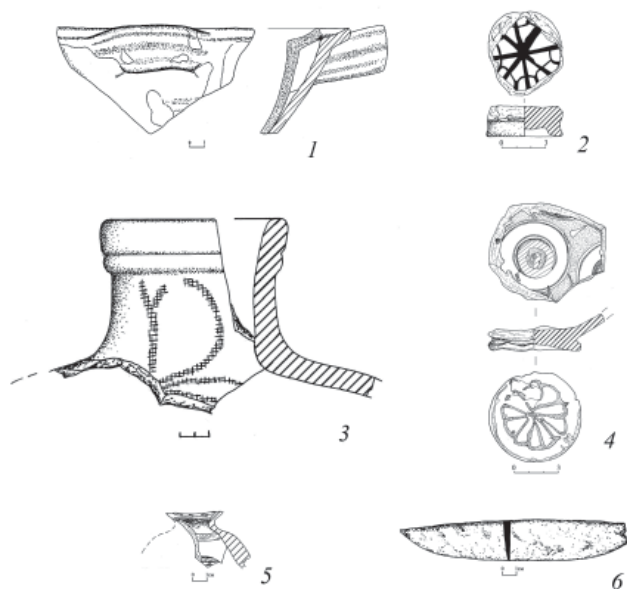

Рис. 8. Фрунзе 4. Яма 1. 16, 24, 28, 31 группы керамики, железо, стекло. 1 – котел (16 группа); 2 – донце чаши (24 группа); 3 – пифос (28 группа); 4 – донце чаши (31 группа); 5 – горло стеклянного сосуда; 6 – железный нож.

Fig. 8. Frunze 4. Pit 1. 16, 24, 28, 31 groups of ceramics, iron, glass. 1 – cauldron (16 group), 2 – bottom bowl (24 group), 3 – pithos (28 group), 4 – bottom bowl (31 group); 5 – the throat of the glass vessel; 6 – iron knife.

Несколько более половины обломков относятся к темно-красной подгруппе и, возможно, принадлежат всего 2–3 сосудам, но в силу их сильной фрагментированности нельзя определить особенности их технологии или морфологии. Черепок этих амфор имеет оранжево-красную окраску с более темным буро-красным цветом поверхности. На верхней части амфор нанесен жидкий ангоб, дававший очень длинные потеки.

Возможно, продолжали ввозиться поливные чаши константинопольского производства (группа 15А), но встреченные в комплексе фрагменты недостаточно крупны, чтобы утверждать это определенно. Более вероятно поступление сосудов 16 группы

(светлоглиняная поливная керамика византийского производства), поскольку столовые сосуды этой группы отмечены в ямах XV в. на раскопе по ул. Энгельса, 17. Встречен крупный фрагмент котла (рис. 8: 1).

Продолжали в небольшом количестве поступать сосуды 19 группы. Поскольку в подавляющем большинстве случаев места производства этой керамики не локализованы, сложно сказать имеем ли мы дело с продукцией немногих уцелевших сельских поселений округа Азака или они поступали с более удаленных территорий (Закубанье, Центральное Предкавказье).

Производство кашинной керамики в Нижнем Поволжье прекратилось, но какие-то сосуды могли сохраняться в быту еще какое-то время. Поэтому следует отметить донце чаши с росписью ультрамарином (рис. 8: 2). Но возможно перед нами продукция другого центра, поскольку по своим особенностям образец сильно отличается от стандартной золотоордынской кашины.

Также ожидаемо продолжилось поступление пифосов 28 группы (Крит) (рис. 8: 3). Недавно была предложена локализация этого производственного центра в Каталонии (Коваль, 2016, с. 108–116). Она основана на значительном числе находок в Барселоне

и мнению испанских специалистов. Хотя, как представляется В.Ю. Ковалю, – «Вряд ли стоит сомневаться в каталонском происхождении рассматриваемых здесь разновидностей амфор и пифосов» (Коваль, 2016, с. 113), гипотеза эта более чем сомнительна.

Во-первых, сама массовость находок не может служить доказательством местного производства транспортно-портировочной тары. Неясно, кстати, такой ли массовой категорией находок являются эти пифосы в слоях Барселоны? Сопоставим ли их процент, скажем, с долей трапезундских амфор в Азаке? В данном комплексе, напомним, их 13%, и тем не менее это не дает нам повода высказать гипотезу об их местном производстве, несмотря на несколько десятков склеенных экземпляров. Как можно понять из публикации, основная часть сосудов обнаружена в стенах зданий Барселоны (Коваль, 2016, с. 109). Вторичное использование тарных сосудов в архитектуре никак не говорит об их местном производстве. В противном случае пришлось бы считать византийские амфоры из стен храма продукцией Владимира Волынского (Якобсон, 1979, с. 111), но этого сейчас, кажется, никто утверждать не будет. Не найдено никаких производственных мастерских, браков. Помимо пифосов гончары должны были производить и другие виды сосудов. Представлены ли они в Барселоне?

Во-вторых, при всей отрывочности письменных источников у нас много упоминаний о поставках вин в Северное Причерноморье из самых различных центров, включая явно небольшие (Карпов, 1990, с. 129), самым западным пунктом из них, являлся Неаполь (Еманов, 1995, с. 57). Упоми-

наний о поступлении в Причерноморье испанских вин нет. Между тем по числу находок на территории Золотой Орды группа занимает второе место после трапезундских амфор. Сохранность испанских архивов, как нам представляется, не настолько ужасна, чтобы исчезли все интересующие нас упоминания об экспорте каталонских вин или оливкового масла.

Более того, испанские вина XIV в. не выделяются ни своим качеством, ни дешевизной. Бурное развитие товарного виноделия в Испании начинается только в XVI в. (Филиппс, 2004, с. 150–152), и поэтому предполагать их экспорт в восточном направлении на столь далекое расстояние в период существования Золотой Орды у нас нет оснований. С другой стороны, сохранилась масса данных о поставках в эпоху средневековья, в том числе в XIV–XV вв. греческих вин, среди которых и вина Кандии, вплоть до Англии (Филлиппс, 2004, с. 122–123). Все это, как и некоторые другие соображения, позволяют говорить, что на настоящий момент гипотеза о производстве этих пифосов на Крите выглядит предпочтительнее.

Последней из групп, встреченной в рассматриваемом комплексе, является испанская керамика с росписью люстром. Она представлена единичным донцем чаши (рис. 8: 4), которая относится к редкой серии ранее в Азаке не отмеченной. Она также относится к группе Пулы датирующейся периодом 1350–1400 гг. (Blake, 1986, p. 405, pl. 17, 992, 993; Ray, 1999, p. 53).

Среди некерамических находок упомянем железный нож (рис. 8: 5) и горлышко толстостенного стеклянного сосуда (рис. 8: 6). Следует также сказать об остеологических

материалах, которые могут несколько дополнить картину жизни посттимуровского Азака. Найдено всего 306 фрагментов костей, из которых треть костей кошки, что естественно не позволяет дать развернутую характеристику, но по приблизительным оценкам, выполненным остеозоологом Г.И. Тимониной, доля говядины составляла не менее 2/3 в мясном потреблении обитателей данного участка. Это, в свою очередь, указывает на сохранение либо в самом Азаке, либо в его округе пастбищного некоевого скотоводства.

Теперь следует уточнить время, когда был заброшен этот погреб. Нижней границей, очевидно, является 1400 г. С определением верхней хронологической границы существует сложность, поскольку материалы XV в. из Северного Причерноморья в целом не имеют разработанной дробной хронологии. Можно подойти к делу умозрительно и обратиться к данным письменных источников и нумизматики, о чем уже говорилось выше. Обе группы источников говорят о существовании Азака в I четверти XV в., но не позднее.

Анализ керамического материала из ямы позволяет высказать следующие соображения. Местное производство изменилось по сравнению со временем правления Тохтамыша слабо, что вероятно, указывает на первые десятилетия XV в. Правда, нам не известно, с какой скоростью происходили изменения в гончарстве Азака XV в. Остальные группы керамики, за исключением испанского люстра, дают еще меньше информации. Чаша с росписью люстром, как уже было сказано, относится к группе Пулы, которую исследователи датируют

1350–1400 гг. Но сама эта датировка достаточно умозрительна. Поскольку ранее именно эта серия чаш в Азаке не встречалась, можно предположить, что они выпускались в самом конце периода производства изделий группы Пулы. И это также указывает нам на начало XV в. как на время выпадения рассматриваемого комплекса. С другой стороны, подобные сосуды, носившие представительские функции, могли сохраняться в быту долго.

Можно подойти к проблеме с другой стороны и посмотреть, что в комплексе ямы 1 отсутствует, сопоставив с ранее найденными материалами раскопа по ул. Энгельса, 17. Нет в нем группы керамики «Черного Ерика» и «милетской группы», которая, по мнению исследователей, весьма характерна для XV в. (Волков, 2007, с. 31–32; Тесленко, 2005, с. 388–392) и которая в значительном количестве встречена на раскопе по ул. Энгельса, 17 (Масловский, 2000, с. 118). Нет также люстровых сосудов групп, характерных для материалов XV в. из раскопок в Крыму (Тесленко, 2004, с. 474–477) и Азове (Масловский, 2000, рис. 2: 2–7). К сожалению, время появления этих групп керамики нельзя считать точно установленным. По мнению И.Б. Тесленко, пик поступления испанской керамики с росписью люстром приходится на 1 половину XV в. (Тесленко, 2004, с. 477), а керамика «милетской группы» появляется не ранее 2 четверти XV в. (Тесленко, 2005, с. 393).

Суммируя вышесказанное, считаем возможным ограничить датировку ямы 1 на участке по ул. Фрунзе, 4 первой четвертью XV в. Несмотря на единичность в настоящем комплексе этого времени, он позволяет сделать несколько важных выводов.

Во-первых, о самом факте существования остатков золотоордынского города в нач. XV в. вне пределов итальянских факторий. Во-вторых, о наличии здесь достаточно зажиточного населения. В-третьих, о сохранении местного гончарного произ-

водства. В-четвертых, экономические связи этого городка ориентированы почти исключительно в юго-западном направлении, ограничиваясь морской торговлей. Предположительно можно говорить о сохранении какой-то сельской округи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
2. *Валулина С.И.* Художественные изделия из цветного металла Торецкого поселения XV в. // РА. 2011. № 4. С. 119–129.
3. *Волков И.В.* Поливная керамика могильника Черный Ерик-1 // Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X–XVIII вв. / Отв. ред. С.Г. Бочаров, В.Ю. Коваль. Ялта: Копи-Центр, 2007. С. 26–32
4. *Гончаров Е.Ю.* Медные монеты XIV в. Хаджи Тархана // Восточное историческое источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 5. / Отв. ред. Е.А. Давидович. М.: Институт Востоковедения РАН, 1997. С. 177–188.
5. *Еманов А.Г.* Север и Юг в истории коммерции на материалах Кафы XIII–XV вв. Тюмень: Город, 1995. 225 с.
6. *Зенюк Д.И.* Археологические исследования в Азове и Азовском районе в 2013–2014 гг. // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2013–2014 г. Вып. 29. / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Издательство Азовского музея-заповедника, 2016. С. 163–228.
7. *Карпов С.П.* Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли. М.: Изд-во МГУ, 1990. 336 с.
8. *Ковалевский М.М.* К ранней истории Азова // Труды XII Археологического съезда в Харькове. Т. II. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1905. С. 109–174.
9. *Коваль В.Ю.* Испанская керамика в средневековом Болгаре // Поволжская археология. 2016. № 4. С. 99–124.
10. *Масловский А.Н.* Работы I Азовского отряда в 1998 г. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1998 г. Вып. 16. / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Издательство Азовского музея-заповедника, 2000. С. 115–121.
11. *Масловский А.Н.* Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Вып. 21 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2006. С. 309–473.
12. *Масловский А.Н.* О датирующих возможностях поливной керамики XIII–XIV вв. для городов юга Восточной Европы // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II / Отв. ред. Н.А. Макаров, Е.Н. Носов. СПб.-М.-Великий Новгород: ИИМК РАН, 2011. С. 163–164.
13. *Пипериди К.Л.* Две неизданные монеты Азака XV века из случайных находок на территории Солхата // // Тр. Международ. нумизмат. конф. Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков (I МНК – Саратов 2001; II МНК – Муром 2003) / Под ред. П.Н. Петрова М.: Нумизматическая литература, 2005. С. 9.
14. *Рева Р.Ю.* Сайид-Ахмад I и Гийас ад-Дин I (историография открытия, генеалогия, вновь обнаруженные монетные выпуски) // Нумизматика Золотой Орды. № 4 / Гл. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2014. С. 48–60.

15. Тесленко И.Б. Испанская керамика с росписью люстром в Крыму // Сугдейский сборник / Отв. за вып. Н.М. Куковальская. Киев, Судак: «ТОВ Горобець», 2004. С. 467–494.

16. Тесленко И.Б. Турецкая керамика с росписью кобальтом в Крыму (проблемы хронологии) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. / Ред. С.Г. Бочаров, В.Л. Мыц. Киев: Издательский дом «Стилос», 2005. С. 385–410.

17. Тесленко И.Б. Одна из гончарных традиций Таврики XIV–XV вв. (керамика группы Юго-Западного Крыма) // История и археология Крыма. Вып. I / Отв. ред. В.В. Майко. Симферополь: Бизнес-Информ, 2014. С. 495–511.

18. Федоров-Давыдов Г.А. Денежно-весовые единицы Таны в начале XIV в. (По данным Франческо Пеголотти) // СА. 1958. № 3. С. 65–72.

19. Федоров-Давыдов Г.А., Фомичев Н.М. Клад дирхемов конца XIV – первой четверти XV вв. из Рогожкино // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2002 г. Вып. 19. / Отв. ред. В.Я. Княшко. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2004 С. 270–278.

20. Филлипс Р. История вина. М.: Эксмо, 2004 - 416 с.

21. Цетлин Ю.Б. О реконструкции археологической стратиграфии памятников эпохи неолита // СА. 1988. № 1. С. 5–16.

22. Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л. 1979. 164 с.

23. Blake H. The ceramic hoard from Pula (prov. Cagliari) and the Pula type of Spanish lusterware // Segundo Colloquio International de ceramica Medieval en el Mediterraneo Occidental. Madrid, 1986 P. 365–407

24. Ray A. Spanish Pottery 1248–1898 with a catalogue of the collection in the Victoria and Albert Museum. London: V&A Publications, 2000. 418 p..

Информация об авторах:

Зенюк Дмитрий Игоревич, ЗАО "ОКН-проект" (г. Ростов-на-Дону, Россия); zenjukproduction@mail.ru

Масловский Андрей Николаевич, кандидат исторических наук, заведующий отделом, Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник (г. Азов, Россия); maslovskiazak@mail.ru

CERAMIC COMPLEX OF THE FIRST QUARTER OF THE 15TH CENTURY FROM EXCAVATIONS IN THE TOWN OF AZOV

D.I. Zenyuk, A.N. Maslovsky

The paper features the materials of a simultaneous complex unique for Azak dated the 1st half of the 15th century. Its dating is thoroughly substantiated. The ceramics from the site in question is mainly represented by the 1st group of products crafted by local potters, imported Trebizond amphoras and East Crimean glazed ceramics. The authors make suggestions concerning the method of analysis of statistical data on mass ceramic material. This work is the first step in the study of the period of Azaq's existence after 1395, known from written and numismatic sources, but previously absent in archaeological materials.

Keywords: archaeology, the Golden Horde, Azaq, South-Eastern Crimea, glazed ceramics, lustre painting, amphora, 15th century, currency circulation.

REFERENCES

1. Bobrinsky, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniia (East-European Pottery. Sources and Research Methods)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

2. Valiulina, S. I. 2011. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (4), 119–129 (in Russian).
3. Volkov, I. V. 2007. In Bocharov, S. G., Koval, V. Yu. (eds.). *Polivnaia keramika Vostochnoi Evropy, Prichernomor'ia i Sredizemnomor'ia v X–XVIII vv. (Glazed Pottery of Eastern Europe, the Mediterranean and Pontic Regions in the 10th–18th Centuries)*. Yalta: “Kopi-Tsentr” Publ., 26–32 (in Russian).
4. Goncharov, E. Yu. 1997. In Davidovich, E. A. (ed.). *Vostochnoe istoricheskoe istochniko-vedenie i vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny (Oriental Historical Source Studies and Auxiliary Historical Disciplines)* 5. Moscow: Institute for Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 177–188 (in Russian).
5. Emanov, A. G. 1995. *Sever i Jug v istorii kommertsii na materialakh Kafy XIII–XV vv. (North and South in the History of Commerce by 13th–15th Centuries Materials from Caffa)*. Tyumen: “Gorod” Publ. (in Russian).
6. Zeniuk, D. I. 2016. In Kiiashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2013–2014 g. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2013–2014)* 29. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Open-Air Museum, 163–228 (in Russian).
7. Karpov, S. P. *Ital'ianskie morskoe respubliki i Iuzhnoe Prichernomor'e v XIII–XV vv.: problemy torgovli (Italian Maritime Republics and the Southern Black Sea Region in the 13th–15th cc.: Issues of Trade)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
8. Kovalevskii, M. M. 1905. In *Trudy XII Arkheologicheskogo s"ezda v Khar'kove (Proceedings of the 12th Archaeological Congress in Kharkov)* 2. Moscow: Tovarishchestvo tipografii A.I. Mamontova, 109–174 (in Russian).
9. Koval', V. Yu. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (4), 99–124 (in Russian).
10. Maslovskii, A. N. 2000. In Kiiashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region)*. 16. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, 115–121 (in Russian).
11. Maslovskii, A. N. 2006. In Kiiashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region)*. 21. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, 309–473 (in Russian).
12. Maslovskii, A. N. 2011. Makarov, N. A., Nosov, E. I. (eds.). In *Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda. Velikiy Novgorod — Staraya Russa (Proceedings of the 3rd (19th) All-Russian Archaeological Meeting. Veliky Novgorod — Staraya Russa)* II. Saint Petersburg; Moscow; Veliky Novgorod: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 163–164 (in Russian).
13. Piperidi, K. L. 2005. In Petrov, P. N. (ed.). *Monety i denezhnoe obrashchenie v mongol'skikh gosudarstvakh XIII–XV vekov (Coins and Currency Circulation in the Mongol States of 13th–15th Centuries)*. Moscow: “Numizmaticheskaya literatura” Publ., 148–152 (in Russian).
14. Reva R. Yu. 2014. . In Mirgaleev, I. M. (ed.-in-chief). *Numizmatika Zolotoi Ordy (Golden Horde Numismatics)*. 4. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 48–60 (in Russian).
15. Teslenko, I. B. 2004. In Kukoval'skaia, N. M. (ed.). *Sugdeiskii sbornik (Sugdaia Collected Works)*. Kiev, Sudak: “TOV Gorobets” Publ., 467–494 (in Russian).
16. Teslenko, I. B. 2005. In Bocharov, S. G., Myts, V. L. (eds.). *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia v X–XVIII vv. (Glazed Ceramics of the Mediterranean and Black Sea in 10th–18th Centuries)*. Kiev: “Stilos” Publ., 385–410 (in Russian).
17. Teslenko, I. B. 2014. In Maiko, V. V. (ed.). *Istoriia i arkheologiya Kryma (History and Archaeology of Crimea)* I. Simferopol: “Biznes-Inform” Publ., 495–511 (in Russian).

18. Fedorov-Davydov, G. A. 1958. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 65–72 (in Russian).
19. Fedorov-Davydov, G. A. 2004. In Kiyashko, V. Ya. (manag. ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region)* 19. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, 270–278 (in Russian).
20. Fillips, R. 2004. *Istoriia vina (History of Wine)*. Moscow: “Eksmo” Publ. (in Russian).
21. Tsetlin, Yu. B. 1988. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 5–16 (in Russian).
22. Jakobson, A. L. 1979. *Keramika i keramicheskoe proizvodstvo srednevekovoï Tavriki (Ceramics and Ceramic Production of Medieval Taurica)*. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).
23. Blake, H. 1986. In Segundo Colloquio Internacional de ceramica Medieval en el Mediterraneo Occidental. Madrid, 365–407.
24. Ray, A. 2000. *Spanish Pottery 1248–1898 with a catalogue of the collection in the Victoria and Albert Museum*. London: V&A Publications.

About the authors:

Zeniuk Dmitriy I. Closed joint-stock company "OKN-project". Ulyanovskaya St., 50, Rostov-on-Don, 344001, Russian Federation; zenjukproduction@mail.ru

Maslovsky Andrey N. Candidate of Historical Sciences. Azov History, Archaeology and Paleontology Museum-Reserve. Moskovskaya St., 38/40, Azov, 346780, Russian Federation; maslovskiazak@mail.ru

Статья поступила в номер 10.04.2018 г.

УДК 75.056

<https://doi.org/10.24852/pa2018.2.24.222.236>

ЧИНГИЗИДЫ НА МИНИАТЮРАХ ЛИЦЕВОГО ЛЕТОПИСНОГО СВОДА ИВАНА ГРОЗНОГО

© 2018 г. А.В. Чернецов

Статья посвящена рассмотрению серии миниатюр Лицевого летописного свода Ивана Грозного, многотомного создания книжной культуры. Данные миниатюры отражают деятельность представителей династии Чингизидов. На публикуемых композициях можно видеть изображения Батгя (Бату-хана); будущего великого хана Мунке (Менгу-кана); ордынских правителей Тохту (Тахтамира) и Ногая; Фатьму-Салтан – супругу известного сподвижника Ивана Грозного Шигалея (Шах-Али), занимавшего казанский и касимовский престолы. Миниатюры отражают представления высокопоставленных заказчиков из окружения московского царя и миниатюристов, работавших над украшением рукописи, о монгольском нашествии, власти золотоордынских ханов и дипломатическом этикете, использовавшемся при дворе государей всея Руси при приеме представителей династии Чингизидов. Исключительная многочисленность миниатюр свода позволяет рассматривать серию композиций, посвященных истории Золотой Орды и татарского народа, как важный и перспективный исторический источник.

Ключевые слова: история, Лицевой летописный свод Ивана Грозного, исторические миниатюры. Монгольская империя. Золотая Орда, Чингизиды, феодальная иерархия, дипломатический этикет.

Эта статья посвящена рассмотрению изображений представителей династии Чингизидов (Султанов, 2006) на миниатюрах исключительно богато иллюстрированного Лицевого летописного свода Ивана Грозного. Миниатюры, отражающие события монгольского нашествия и последовавшего за ними ордынского владычества, – сравнительно небольшая часть композиций, представленных на страницах томов свода. Тем не менее это все же достаточно представительная серия. В статье рассматриваются отдельные миниатюры, демонстрирующие значение и специфику данной серии композиций.

Нет необходимости лишней раз характеризовать богатство и научное значение колоссальной серии миниатюр

Лицевого летописного свода Ивана Грозного. Этому памятнику посвящены многочисленные публикации (см.; Арциховский, 2004, с. 75–223; Амосов, 1998; Лицевой летописный свод, 2003), в частности, ряд статей автора этой статьи (Чернецов, 1990; он же, 2015).

Чрезвычайное богатство томов свода миниатюрами и необыкновенное разнообразие представленных на них композиций, мотивов и отдельных объектов позволяют рассматривать их как своеобразную иконографическую энциклопедию своего времени. Многочисленность миниатюр существенно затрудняет возможности их обобщенной характеристики как в плане художественных особенностей, так и в плане изучения их содержания. По

этой причине на данной стадии изучения памятника представляется правоммерным рассмотрение этого массива по частям, отдельным группам, объединяющимся тематическими, композиционными или иными признаками.

Обращаясь к миниатюрам, связанным с монгольским нашествием и ордынским игом, мы едва ли можем искать на них беспристрастную картину событий прошлого. Русское летописание отражало взгляды влиятельных заказчиков и монахов-книжников, отмеченные национальными, региональными и религиозными пристрастиями (Чернецов, 2003). Лицевой летописный свод представляет собой порождение эпохи становления Русского централизованного государства и его официальной идеологии, в которой апология самодержавия сочеталась с религиозной исключительностью, воинствующим православием.

Свод создавался как обширная компиляция, нередко включавшая повествования, созданные книжниками, придерживавшимися различных, часто несогласованных между собой общественно-политических взглядов. Он содержит значительные вставки, связанные с публицистикой периода становления эпохи Московского царства. Однако об этом памятнике письменности нельзя сказать, что соответствующая идеология подчиняет себе весь его текст. Содержание Лицевого свода свидетельствует о том, что создававшие его книжники не вполне овладели приемами тенденциозного редактирования входящих в него частей, не всегда были способны последовательно придерживаться единой исторической концепции. В этом плане Свод ближе традиционному летописанию, сформировавшемуся в

эпоху феодальной раздробленности, чем такие характерные порождения эпохи становления самодержавия, как «Сказание о князях Владимирских» или «Степенная книга».

Наряду с отражением тенденциозных идейных представлений, связанных с формированием официальной доктрины московских самодержцев или более архаичных, восходящих к летописанию предшествующего времени, многие летописные статьи, вошедшие в состав свода, отмечены своеобразным средневековым объективизмом, сознательным стремлением фиксировать достоверную информацию. Тома Лицевого свода, освещающие события, близкие по времени его создания, подвергались более тщательной цензуре, в соответствии с соображениями политкорректности эпохи. Об этом свидетельствуют довольно многочисленные пометы на полях рукописей, предполагающие замену соответствующих листов исправленными.

Миниатюры, на которых представлены события монгольского завоевания, ордынское владычество, часто отмечены тенденциозностью. Миниатюристы, как и летописцы, фокусируют свое внимание на драматических кровавых событиях и разрушениях, мучениках, пострадавших за веру (см.: Чернецов, 2003, с. 12–17). В ряде случаев в тексте и на миниатюрах представлены события, не соответствующие исторической действительности. Это, например, недостоверное позднейшее предание о гибели Батыя во время похода в Венгрию (ПСРЛ, т. 10, с. 135–136; ЛЛС, 2009, кн. 6, с. 133). При работе над созданием текста и миниатюр не делалось никаких попыток скрыть военные поражения

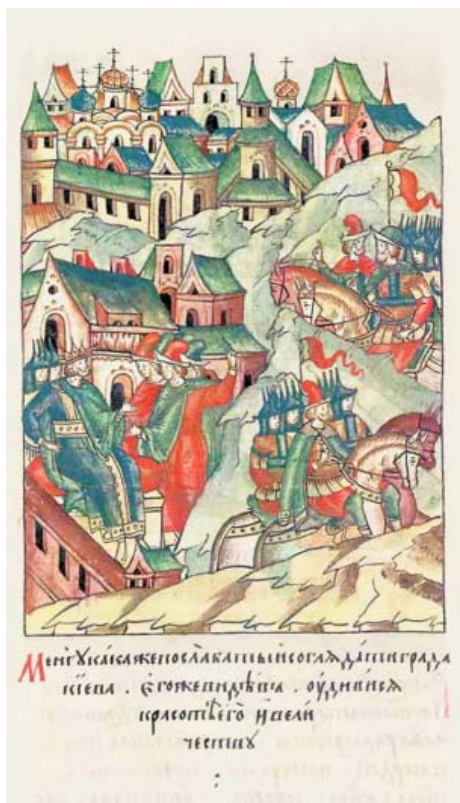

Рис. 1. Батый посылает Мунке на разведку окрестностей Киева – Лаптевский том Лицевого свода, л. 952 об.

Fig. 1. Batu sends Munghe for reconnaissance to the vicinities of Kiev – Laptev volume of the Illustrated Chronicle, fol. 952 r.

Ивана Грозного) и участвовавших в ее создании миниатюристов к представителям династии Чингизидов.

Первая композиция связана с событиями, описанными в своде под 1240 г., повторно упомянутыми в записях, датированных 1246 г. На л. 952 об. Лаптевского тома свода (РНБ, IV, 233; ЛЛС, 2009, кн. 6, с. 52) изображен Батый, посылающий Менгу-кана (в рукописи – Менгукан) осматривать подступы к Киеву (рис. 1). Миниатюра иллюстрирует повторное описание нашествия в составе включенной в Свод повести об убиении Михаила Черниговского (ПСРЛ, т. 10, 1885, с. 130). Те же события с сопутствующими иллюстрациями в более подробном варианте представлены на страницах Лицевого свода выше, в Голицынском томе (РНБ, IV, 225, лл. 355 об. – 359, ПСРЛ, т. 10, 1885, с. 115; ЛЛС, 2009, кн. 5, с. 434–441). В основе данного эпизода, очевидно, лежит летописная статья Ипатьевской летописи 1238 г., относящая событие к завершению похода 1237/8 гг., когда основные силы Батыя возвращались в степи (ПСРЛ, т. II, 1962, стб. 782). В этом исходном тексте имя Менгукан фигурирует в первоначальном, более правильном написании. В своде рассматриваемые события непосредственно предшествуют осаде Киева в 1240 г. Менгукан (Мунке), будущий великий хан Улуса великого хана (1251–1259), включавшего Монголию

русских или преуменьшить их значение, не изображать сцен, отражающих зависимость русских князей от ордынцев, в частности, связанных с получением ханских ярлыков. Можно сказать, что на миниатюрах свода недостаточно показано исключительно привилегированное положение русской православной церкви, имевшее место во времена ордынского владычества и закрепленное ханскими ярлыками (см.: Усманов, 1979; Плигузов, 1987). Вместе с тем посещения представителями высшего духовенства ордынских правителей, в ряде случаев завершавшиеся пожалованиями, представлены на ряде миниатюр Лицевого свода.

Обратимся к рассмотрению некоторых выразительных композиций, отражающих отношение заказчиков рукописи (ближайшего окружения

и Китай, участвовал в западном походе Батые. В Ипатьевской летописи при описании осады Киева Батыем в 1240 г. поименно перечисляются наиболее знатные полководцы, принимавшие участие в походе. В тексте упоминаются «татарин именем Товрул», «братья его (Батые) силныи воеводы Урдюи, Баидар, Бирюи, Каидан, Бечак и Меньгу и Кююк... воевода его первый Себедий богатур и Бурундай богатырь, иже взя Болгарьскую землю и Суждальскую» (ПСРЛ, т. II, 1962, стб. 784, 785). Сходные списки полководцев представлены и в тексте Лицевого свода (ПСРЛ, т. 10, 1885, с. 116). Среди них два будущих великих хана – Гуюк и Мунке. В той же летописной статье сообщается, что Гуюк уехал с театра военных действий на восток с тем, чтобы принять власть великого хана («Кююк, иже вратися, уведав смерть канову, и бысть каном»). Среди полководцев отмечены прославленные полководцы, богатуры (батыры) – Бурундай, покоритель Волжской Болгарии и сильнейшего русского княжества – Владимиро-Суздальской земли, а также Субэдей, один из главных полководцев, ранее разгромивших объединенное войско русских князей на р. Калке (1223).

Батый представлен в нижнем левом углу миниатюры, в длиннополном облачении, отделанном каймой, с расшитыми воротом и поясом, в городчатом венце. Все это соответствует обычной на миниатюрах свода условной иконографии образа царей (безразлично используемой при изображении византийских императоров, восточных государей и самого Ивана Грозного). В основу, несомненно, положен иконописный облик византийских императоров в лорном

облачении. При этом обычный для древнерусской иконографии городчатый венец не соответствует регалиям византийских императоров. Поверх императорского облачения на Батые изображен воинский плащ.

Хан изображен сидящим на престоле. Последний представлен в соответствии с обычной иконографией княжеских «столов» (сиденье простых форм, без спинки). Поверх престола положена подушка. За спиной Батые изображена группа воинов – его личная охрана. Это безбородые юноши в шлемах-шишаках и кольчугах. Как и на большинстве миниатюр Лицевого свода, татарские воины изображены неотличимыми от русских (а также от персонажей троянской войны, участников походов Александра Македонского и персонажей библейской истории).

Перед Батыем стоят его знатные приближенные в воинских плащах и длиннополых одеяниях. На всех изображены необычные для миниатюр свода высокие шапки, с отогнутым назад завершением и полями. Экзотические головные уборы в средневековой византийской и древнерусской иконографии обычно являются признаком иноземцев, иноверцев. По отношению к татарам этот прием обычно не использовался. Простонародье, представители знати, рядовые воины и даже цари татарского происхождения на миниатюрах свода почти никогда не отмечены чертами, национального или религиозного своеобразия. Отступления от этого правила крайне редки. Это могут быть персонажи без головных уборов, с обритыми головами, причудливыми усами. Головными уборами, сходными с рассматриваемыми, иногда (непоследо-

вательно) отмечены предводители ордынских посольств, наиболее знатные персонажи (татарские князья, мурзы, сеиты). В данном случае необычные шапки связаны с высоким положением вельмож, стоящих перед Батыем (среди которых были принцы крови и выдающиеся полководцы). Миниатюристы не решились отметить никого из них городчатыми венцами (вероятно, потому, что в тексте они не названы «царевичами»).

Поскольку в расположенном под миниатюрой тексте упомянут только Менгу-кан, возникает вопрос, можно ли его идентифицировать среди представленных персонажей. По-видимому, его следует искать среди двоих, лица которых изображены миниатюристом. Лица остальных загорожены стоящими перед ними фигурами.

Правее размещены две группы воинов всадников, которыми в обоих случаях предводительствует начальник в высокой красной шапке. Это, несомненно, Менгу-кан. Очевидно, его можно попытаться опознать по такой шапке и в толпе стоящих перед Батыем. Но среди этих вельмож красные шапки носят два персонажа, представленные в переднем ряду. Возможно, Менгу-кан в этой сцене изображен дважды – один раз выслушивающим повеление Батыя, другой – указывающим рукой направление задуманного похода. Один персонаж в красной шапке представлен в длинном пологом красном одеянии, на втором поверх этого одеяния надет зеленый воинский плащ (полководец уже приготовился выступить в поход). Позади фигур в красных шапках еще несколько персонажей, в аналогичных головных уборах, но покрашенных

в зеленый цвет. Очевидно, это другие представители рода Чингизидов, младшие родственники Батыя.

Отметим, что персонажи, предстоящие Батыею, представлены юными, безбородыми. Тот же Менгу-кан в роли предводителя конного отряда изображен с небольшой бородкой. Батый с воинами и вельможами показан на фоне условной архитектуры, что символизирует действие, происходящее в помещении. Показана часть оборонительной стены с башенкой, обозначающая, что персонажи находятся в городе.

Входящие в состав композиции отдельные эпизоды и объекты разделены стилизованными в традициях иконописания горками. В нижней правой части композиции изображен конный отряд Менгу-кана. Менгу-кан в походе носит кольчугу. Поверх нее на нем богатый кафтан с рукавами преувеличенной длины (обычная принадлежность парадной одежды эпохи). Над предводителем поднят развевающийся флаг.

Вторая группа всадников, изображенная над первой, представляет тот же отряд, подъезжающий к стенам Киева. Удивленный «красотой и величием» города, Менгу-кан обращивается к бородатому всаднику в полусферической шапке с полями. Такие шапки в своде обычно изображаются на головах как бояр, так и рядовых горожан. Шапка вместо шлема иногда изображается на предводителе отряда воинов. Вероятно, Менгу-кана мог сопровождать опытный военный советник. По-видимому, обращение высокородного вельможи из династии Чингизидов к рядовому воину не соответствовало представлениям миниатюристов об этикете. Менгу-кан

Рис. 2. Восшествие на престол Тохты (Тахтамира); сцена убийства Ногай – Первый Остермановский том Лицевого свода, л. 172.

Fig. 2. Tokhta (Takhtamir) ascends the throne; scene of assassination of Nogay – First Osterman volume of the Illustrated Chronicle, fol. 172 v.

указывает «советнику» рукой на поразивший его воображение город. На расположенном ниже изображении того же отряда бородатый спутник предводителя с шапкой вместо шлема на голове отсутствует.

Верхняя часть миниатюры представляет собой панораму Киева. Показаны городские стены с башнями, пятиглавый собор (очевидно, св. Софии). Еще один отдельный купол указывает, что в городе было несколько церквей. Несмотря на условность изображения, миниатюристу удалось создать образ, соответствующий «красоте и величеству» города. Наглядно показано, что он значительно превосходит тот, из которого Батый посылал Менгу-кана на разведку.

Вторая миниатюра (рис. 2) изображает восшествие на престол золото-

ордынского хана Тохты (в тексте Тахтамира). Она находится в рукописи Юстермановского тома свода (БАН, 31.7.30-1, л. 172) и соответствует тексту Никоновской летописи под 1294 г. (ПСРЛ, т. 10, 1885, с. 169; ЛЛС, Кн. 7, 2009, с. 22). Композиция может быть расценена как вполне шаблонная. Новопоставленный хан (царь) изображен на престоле описанного выше образца. Он облачен в традиционный для миниатюр свода царский наряд. Перед ним группа вельмож в расширенных длиннополых одеждах и полусферических головных уборах с небольшими полями. Сзади группа воинов в кольчугах и шлемах, вооруженных копьями. В верхней левой части миниатюры показана расправа над конкурентом хана – Ногаем, который в расположенной ниже подписи, также как и Тохта, назван «царем». Любопытно, что в тексте говорится только о победе над Ногаем, тогда как миниатюрист осмыслил это свидетельство, изобразив убийство этого правителя (персонаж без воинских доспехов поражает падающего царя мечом). Отметим, что Ногай был в действительности убит позже, в 1300 г.

Изображенные в нижней части миниатюры крепостные стены и башни символизируют, что воцарение происходило в городе, хотя в соответствующем тексте сказано просто «сяде на царстве во Орде». Отметим, что

крупнейшие городские центры Золотой Орды в Поволжье укреплений не имели. Воцарение представлено на фоне архитектуры. Следовательно, события происходят в помещении. Позади монарха ниша или проем, завешенный драпировкой. Оформление архитектуры и интерьера, очевидно, навеяно иконописными образцами византийского происхождения. Миниатюрист, по-видимому, забавлялся, komponуя условные изображения архитектуры, представляя конструкции, которые невозможно создать в ходе реального строительства. Сцена убийства Ногая также изображена на архитектурном фоне, т.е. это событие, по мысли миниатюриста, происходило в помещении.

Нельзя не отметить, что миниатюра ни в коей мере не отражает реалий дворцовой жизни золотоордынских ханов. Очевидно, миниатюристы и не ставили перед собой такой задачи. Тем не менее существенно, что они сочли необходимым посвятить данному событию (и многим другим подобным) отдельную композицию. Это объясняется самим иллюстрируемым текстом и принятым заказчиками и миниатюристами принципом полного отражения на изображениях всех упоминаемых событий. Воцарение ордынских правителей – в продолжение двух с половиной столетий верховных сюзеренов русских князей – воспринималось как основополагающий хронологический репер, точка отсчета. В древнерусской книжности известны случаи датировок событий по годам правления ордынских ханов («в шестое на десять лето владычества Тактамыша царя, и обладавшу ему Мамаевою Ордою, Заволжское царство обдержашу второму царю, име-

нем Темирькутлюю» – Житие, 1897, с. 85). Поэтому одна из первичных задач дальнейшего изучения миниатюр, связанных с ордынской тематикой – составление списка Чингизидов, а также их вельмож, военачальников и послов, попавших на миниатюры свода. Отметим, что ряд персонажей, таких как Батый или Тохтамыш, фигурируют на миниатюрах свода десятки раз. Вряд ли необходимо доказывать историческое значение таких личностей, как Батый или Мунке. То же касается Ногая, одно время возглавлявшего альтернативную политическую структуру на территории восточно-европейских степей, власть которого признавал ряд князей Северо-Восточной Руси. Не случайно воспоминание о нем сохранилось в названии одного из тюркских народов России.

Изображения представителей династии Чингизидов и связанных с ними исторических событий известны не только в русских рукописях. Они известны в китайских рукописях; их довольно много среди средневековых персидских миниатюр. Значительная подборка последних опубликована (без сведений о рукописях) в роскошно изданной книге монгольского исследователя Б. Нямаа (2005, с. 34, 35, 42 слл.). Отдельные события монгольского нашествия известны по западноевропейским изображениям. На персидских миниатюрах можно видеть более достоверные и детализированные изображения дворцовых сцен, связанных с Чингизидами, чем на миниатюрах Лицевого свода. Во всяком случае это, несомненно, касается правителей, принявших ислам. Миниатюры свода, уступающие им в плане качества исполнения и достоверности, важны, в первую очередь,

количественным изобилием. Разумеется, особенно многочисленны композиции, связанные с восточноевропейскими событиями.

Восточные персонажи миниатюр Лицевого свода не ограничиваются ордынцами. Значительная серия композиций посвящена известному походу Игоря Святославича Новгород-Северского на половцев (см.: Морозов, 1985) и другим сюжетам, связанным с этим тюркским народом. Значительное число миниатюр посвящено взаимоотношениям с Волжской Болгарией. В «византийских» томах свода изображено множество военных столкновений с народами Востока. В составе «русских» томов представлены миниатюры, иллюстрирующие турецкие завоевания на Балканах, а также осаду и взятие Константинополя. Значительная серия миниатюр посвящена полулегендарной биографии Тимура (Темир-Аксака). На одной из миниатюр представлен плененный Тимуром турецкий султан Баязид Йылдырым («Молниеносный»), победитель сербов в битве на Косовом поле, которого возят в клетке. Еще на одной миниатюре можно видеть прибытие в Москву посольства основателя Империи Великих Моголов в Индии – Бабура.

Падение ордынского ига традиционно связывают с событиями стояния на реке Угре. Эта дата является достаточно условной. С одной стороны, это событие было сразу же оценено современниками как историческое и отмечено ежегодным церковным праздником (ПСРЛ, т. XII, 1901, с. 212). Вместе с тем известно, что выплата ордынского выхода великими князьями московскими была прекращена до этого события. Случаи

задержки выплаты ордынского выхода фиксируются и ранее. Начиная с 1360 г. (еще до Куликовской битвы) в летописях упоминаются дальние походы новгородских ушкуйников, нередко значительно углублявшиеся в пределы территории Золотой Орды. Это были масштабные военные операции, проводившиеся многочисленными отрядами, создававшимися в порядке частного предпринимательства с грабительскими целями. В середине XIV в. глава русской церкви митрополит Феогност разрешает территориальный спор между Сарайской и Рязанской епархиями о Червленом Яре в пользу Рязани (Шенников, 1987; Цыбин, 2012). Его грамоту можно понять как меру, направленную к возвращению в состав русских земель территории, которая в результате нашествия отошла к Орде. В 1382 г. в докончании (мирном договоре) великого князя Дмитрия Донского с рязанским князем Олегом упоминаются «татарские места», отобранные русскими князьями (ДДГ, 1950, с. 25). Войска княжеств Северо-Восточной Руси, признававших власть ханов, включали большое число ордынских выходцев. По расчетам В.О. Ключевского, 17% родовитого, «столбового» русского дворянства «происхождения татарского и вообще восточного» (Ключевский, т. III, 1988, с. 193). Подобные цифры с трудом укладываются в обычные представления о взаимоотношениях сюзеренов с вассалами. В духовной грамоте (завещании) Дмитрия Донского (1389) допускается возможность освобождения от ордынского владычества («а переменит Бог Орду...») – (ДДГ, 1950, с. 36). В духовной грамоте Ивана III (1504 г.), напротив, оговаривается возможность возобновления в будущем

даннических отношений, и имеется даже своеобразная «разверстка» ордынского выхода «в Крым, и в Асторокань, и в Казань, и во Царевичев Городок (Касимов, Ханкирман)» (Там же, с. 362). Те же расчеты включены в договор великого князя Василия III с его братом Юрием (1504 г.) – (Там же, с. 365).

Принятый в Москве дипломатический этикет, который в те времена был весьма консервативен, включал признание превосходства Чингизидов (в частности, Крымского хана) над государями всея Руси (см.: Юзефович, 1988). По-видимому, в связи с этим вассальным татарским правителям Касимова обычно присваивался титул «царевичей», а не «царей». Можно вспомнить в этой связи неоднозначную эпизодическую фигуру Чингизида Симеона Бекбулатовича в роли великого князя московского и то, что он упоминается как возможный претендент на престол в тексте присяги на верность московским царям Борису Годунову и Лжедмитрию I.

Отражением сложных переплетений и тесных связей в татарско-русских отношениях первой половины XVI в. является еще одна миниатюра свода, изображающая состоявшуюся в 1536 г. встречу татарской царицы Фатьмы-Салтан с шестилетним Иваном Грозным (уже занявшим великокняжеский стол) – (рис. 3). Композиция находится в томе Лицевого свода, известном под названием Царственной книги (ГИМ, Син. 149, л. 128 об.; ЛЛС, Кн. 19, 2010, с. 482; соответствующий текст см.: ПСРЛ, т. 13, 1965, с. 426). Фатьма-Салтан – супруга царя Шигалея (Шах-Али), человека сложной судьбы, близкого сподвижника Ивана IV.

Шигалей с 1516 г. становится касимовским правителем (царевичем). В 1519–1521 гг. занимает казанский престол в качестве царя (хана). После этого он в летописных текстах постоянно именуется царем. В 1533–1535 гг. Шигалей оказался в опале и был сослан на Белоозеро. В 1536 г. его возвращают в Москву и включают в состав приближенных великокняжеской семьи. В дальнейшем Шигалей еще два раза занимал казанский престол (1546 и 1551–1552 гг.). Он участвовал во многих войнах Ивана Грозного, в частности, в Ливонской войне. Умер в 1566 г. касимовским правителем.

На миниатюрах изображены подробности приема Шигалея и его жены матерью великого князя Еленой Васильевной Глинской и малолетним великим князем. Встреча с последним была проведена в палатах великой княгини. Иван IV приветствовал царицу в соответствии с восточным этикетом, обратившись к ней «табуг салам». Это единственное сведение о том, что будущий царь мог говорить на восточных языках. Оно представляет собой весьма редкое указание на то, что московские государи могли в той или иной степени владеть этими языками. В 1446 г. прадеду Ивана Грозного Василию Темному ставили в вину «а татар любишь и речь их паче мерь» (ПСРЛ, т. 4, 1848, с. 125), что свидетельствует о том, что этот князь свободно владел татарским языком. Это, конечно, не удивительно, учитывая политическую зависимость Руси от Орды в его время, но прямых сведений о том, что переговоры ордынцев с русскими князьями могли проводиться без переводчиков, не сохранилось. По отношению к собы-

Рис. 3. Малолетний великий князь Иван IV (Грозный) и царица Фатьма-Салтан, супруга Шигалея (Шах-Али) – Царственная книга, л. 128 об.

Fig. 3. Grand Prince Ivan the Terrible as a child and the tsarina Fatma-Saltan, spouse of Shah-Ali (Shigaley) – Tsarstvennaya kniga (Royal book), fol. 128 r.

тиям 1536 г. важно иметь в виду, что речь шла о приеме великим князем зависимых от него, вассальных правителей из рода Чингизидов. Тем не менее московский придворный этикет требовал соблюдения в данном случае восточных церемоний. Взаимное приветствие великого князя и татарской царицы характеризуется словом «карашеваться», использовавшимся при описании приемов лиц восточного происхождения.

Миниатюра, изображающая обмен приветствиями между Иваном Грозным и татарской царицей, отличается от рассмотренных выше. Как и многие другие, связанные с позднейшими событиями, она осталась неоконченной (не подверглась иллюминаровке). На миниатюре дважды изображен малолетний великий князь. Он представлен в городчатом царском венце (на миниатюрах Лицевого свода он носит его до церковного венчания на царство в 1547 г.), в богатых одеждах с надетым поверх них расшитым кафтаном с рукавами преувеличенной длины. Великий князь, входящий в палаты, держит в руке посох, важный символ верховной власти. Царица изображена несколько раз – сидящей на престоле, вставшей перед великим князем, наконец, приветствующей (обнимающей) его. Головной убор царицы вполне аналогичен венцу великого князя. Из-под венца виден головной платок, скрывающий прическу, обычный при изображении замужних женщин. Верхний кафтан отличается от великокняжеского наличием мехового воротника. Руки царицы прорезаны через прорезы в кафтане, в то время как рукава преувеличенной длины оставлены пустыми. Позади великого князя и царицы представлена их свита, в первом случае – мужская, во втором – женская (замужние женщины в платках).

Можно задаться вопросом: где же великая княгиня, упоминаемая в тексте, расположенном под миниатюрой. Возможно, ее изображает фигура в короне, сидящая на престоле в верхнем левом углу композиции. В таком случае эта фигура совершенно идентична двум изображениям татарской царицы на той же миниатюре. Такая

версия не кажется невозможной – на миниатюрах на близлежащих страницах рукописи, при изображении встречи царицы с великой княгиней, их изображения полностью аналогичны, наподобие близнецов (л. 128). Но нельзя исключать и то, что на данной миниатюре великая княгиня отсутствует, и все три коронованные женские фигуры изображают одного персонажа – царицу Фатьму-Салтан.

Рассматриваемая миниатюра, изготовленная под надзором приближенных царя Ивана Грозного, свидетельствует, что московские государи не видели ничего зазорного в изъявлении дружеских чувств по отношению к представителям дома Чигизидов. Объятия малолетнего великого князя и татарской царицы отражают тесное переплетение исторических судеб и династических связей двух народов. Возможно, почетный прием, оказанный в 1536 г. царю Шигалею и его супруге, отчасти объясняется генеалогической легендой предков матери Ивана IV Елены Васильевны Глинской. По преданию, родоначальником князей Глинских был Мамай, знаменитый противник Дмитрия Донского

в Куликовской битве (Лихачев, 1930, с. 244).

Миниатюры Лицевого летописного свода преимущественно посвящены средневековой русской истории. Наряду с этим на многих из них подробно отражена библейская история, легендарные события Троянской войны, походы Александра Македонского, история древнего Рима. История Византийской империи проиллюстрирована на миниатюрах свода несравненно более подробно, чем в средневековых греческих лицевых рукописях. Отдельные композиции и их небольшие серии связаны и с историей неславянских народов Восточной Европы – лопарей (саамов), коми, мордвы. Крупнейший блок гораздо более многочисленных изобразительных материалов по истории Золотой Орды, татар и других тюркских народов, представленный на миниатюрах свода, заслуживает самого пристального внимания исследователей. Во многих случаях эти материалы связаны с масштабными историческими событиями и процессами и отражают давние традиционные связи и взаимовлияния.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амосов А.А. Лицевой летописный свод Ивана Грозного: комплексное кодико-логическое исследование. М.: Эдиториал УРСС, 1988. 392 с.
2. Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. Томск; М.: Водолей Publishers, 2004. 352 с.
3. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Отв. ред. С.В. Бахрушин. М.-Л.: АН СССР, 1950. 587 с.
4. Житие святого Стефана епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым. СПб.: Тип. Имп. АН, 1897, 112 с.
5. Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. III. Курс русской истории. Ч. III. М.: Мысль, 1988, 414 с.
6. Лихачев Н.П. Материалы для истории русской и византийской сфрагистики / Труды музея палеографии. Вып. 2. Л., 1930. 280 с.
7. Лицевой летописный свод XVI века. Методика описания и изучения разрозненного летописного комплекса / Сост. Е.А. Белоконь, В.В. Морозов, С.А. Морозов. М.: Российский государственный гуманитарный университет РГГУ, 2003. 223 с.

8. Лицевой летописный свод. Русская летописная история. Кн.: 19: 1528-1541 гг. М.: Форма-АКТЕОН, 2010. 670 с.
9. Лицевой летописный свод. Русская летописная история. Кн.: 5: 1217-1241 гг. М.: Форма-АКТЕОН, 2009. 542 с.
10. Лицевой летописный свод. Русская летописная история. Кн.: 6: 1242-1299 гг. М.: Форма-АКТЕОН, 2009. 490 с.
11. Лицевой летописный свод. Русская летописная история. Кн.: 7: 1290-1342 гг. М.: Форма-АКТЕОН, 2009. 501 с.
12. *Морозов В.В.* Лицевой летописный свод о походе Игоря Святославича // Взаимодействие древнерусской литературы и изобразительного искусства / Труды отдела древнерусской литературы / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР / Ред.: Д.С. Лихачев, Г.М. Прохоров, М.А. Салмина. Л.: Наука, 1985, Т. XXXVIII, С. 520–536.
13. *Нямаа Бадарчийн.* Монголын эзэнт гүрний зоосон мөнгө ба хаадын овгийн тамга (XIII–XIV зуун). Улаанбаатар: Монгол улс, 2005. 254 с.
14. *Плигузов А.И.* Древнейший список краткого собрания ярлыков, данных ордынскими ханами русским митрополитам // Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. Вып. 3. М.: АН СССР, 1987. С. 571–594.
15. Полное собрание русских летописей. Т. 10. Патриаршая или Никоновская летопись. СПб.: тип. Министерства внутренних дел, 1885. 169 с.
16. Полное собрание русских летописей. Т. 13. Патриаршая или Никоновская летопись. 2-я половина. Царственная книга. М.: Наука, 1965. 532 с.
17. Полное собрание русских летописей. Т. 9. Патриаршая или Никоновская летопись. СПб.: тип. Э. Праца, 1862. 256 с.
18. Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М.: Восточная лит-ра, 1962, 938 стб.
19. Полное собрание русских летописей. Т. IV, Новгородские и псковские летописи. СПб.: тип. Э. Праца, 1848, 360 с.
20. Полное собрание русских летописей. Т. XII. Патриаршая или Никоновская летопись. СПб.: тип. И.Н. Скороходова, 1901, 266 с.
21. *Султанов Т.И.* Чингисхан и Чингизиды. Судьба и власть. М.: АСТ, 2006, 445 с.
22. *Усманов М.А.* Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв. Казань: изд-во Казанского университета, 1979. 321 с.
23. *Цыбин М.В.* Рязанское княжество и Орда (археологический комментарий к грамотам митрополитов Феогноста и Алексея о Червленом Яре) // Восточноевропейский средневековый город в контексте этнокультурных, политических и поселенческих структур / Отв. ред. Л.А. Беляев. Рязань: Изд-во РИАМЗ. 2012. С. 102–106.
24. *Чернецов А.В.* Древнейшие события русской истории на миниатюрах XVI в. // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XLIV / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР / Ред.: Д.С. Лихачев. Л.: Наука, 1990. С. 422–432.
25. *Чернецов А.В.* К проблеме оценки исторического значения монголо-татарского нашествия как хронологического рубежа // Русь в XIII веке. Древности темного времени / Отв. ред.: Н.А. Макаров, А.В. Чернецов. М.: Наука, 2003. С. 2–17
26. *Чернецов А.В.* Католицизм глазами миниатюристов Лицевого летописного свода // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура. Сб. статей к 60-летию акад. Н.А. Макарова. / Отв. ред. П.Г. Гайдуков. М.; Вологда: ИА РАН; «Древности Севера», 2015. С. 410–414
27. *Шенников А.А.* Червленный Яр. Исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV–XVI вв. Л.: Наука, 1987. 142 с.
28. *Юзефович Л.А.* «Как в посольских обычаях ведется...». М.: Международные отношения, 1988. 219 с.

Информация об авторе:

Чернецов Алексей Владимирович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); avchernets@yandex.ru

**GENGHIZIDS IN MINIATURES
OF THE ILLUSTRATED CHRONICLE OF IVAN THE TERRIBLE**

A. V. Chernetsov

The article analyses the series of miniatures of the Illustrated Chronicle of Ivan the Terrible, the multi-volume creation of the Medieval Russian book-lore. The considered miniatures show activities of the representatives of the Genghizid dynasty. Compositions published in the article present the images of Batu-khan; the future Great Khan Munghe; the rulers of the Golden Horde khans Tokhta (Taktamir) and Nogai; the “tsarina” Fatma-Saltan, the wife of the well-known courtesan of Ivan the Terrible, Shah-Ali (Shigaley), who occupied thrones of Kazan and Kasimov (Khankirman). The miniatures reflect the ideas of Muscovite high officials (the Tsar's courtesans) and also that of painters, which illuminated the manuscript on the Mongol invasion, power of Khans of the Golden Horde and also the etiquette used at the court of the Sovereigns of the whole of Russia during receptions of the Genghizid dynasty persons. Great number of miniatures of the Chronicle makes the compositions devoted to the history of the Golden Horde and the Tatar nation an important and perspective historical source.

Keywords: history, Illustrated Chronicle of Ivan the Terrible, historical miniatures, Mongol Empire, Golden Horde, the Chinghizids, feudal hierarchy, diplomatic etiquette.

REFERENCES

1. Amosov, A. A. 1988. *Litsevoi letopisnyi svod Ivana Groznogo: kompleksnoe kodikologicheskoe issledovanie (Illustrated Chronicle of Ivan the Terrible: Comprehensive Codicological Study)*. Moscow: “Editorial URSS” Publ. (in Russian).
2. Artsikhovskii, A. V. 2004. *Drevnerusskie miniatiury kak istoricheskii istochnik (Old Russian Miniatures as a Historical Source)*. Tomsk; Moscow: “Vodolei” Publ. (in Russian).
3. Bakhrushin, S. V. (ed.). 1950. *Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udel'nykh kniazei XIV–XVI vv. (Wills and Contracts of the Great and Feudal Knyazes in 14th—16th Centuries)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
4. 1897. *Zhitie sviatogo Stefana episkopa Permskogo, napisannoe Epifaniem Premudrym (Panegyric to Saint Stephen of Perm written by Epiphanius the Wise)*. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences (in Russian).
5. Kliuchevskii, V. O. 1988. *Sochineniia v devyati tomakh. T. III. Kurs russkoi istorii. Ch. III (Works in nine volumes. Vol. 3. Russian History Course. Part 3)*. Moscow: “Mysl” Publ. (in Russian).
6. Likhachev, N. P. 1930. *Materialy dlia istorii russkoi i vizantiiskoi sfragistiki (Materials on the History of Russian and Byzantine Sphragistics)*. Trudy muzeia paleografii (Proceedings of the Museum of Paleography) 2. Leningrad (in Russian).
7. In Belokon, E. A., Morozov, V. V., Morozov, S. A. (comp.). 2003. *Litsevoi letopisnyi svod XVI veka. Metodika opisaniia i izucheniia razroznennogo letopisnogo kompleksa (Illustrated Chronicle of the 16th century. The Method of Description and Study of Fragmented Chronicle Complexes)*. Moscow: Russian State University for the Humanities (in Russian).
8. 2010. *Litsevoi letopisnyi svod. Russkaia letopisnaia istoriia. Kn.: 19: 1528-1541 gg. (Illustrated Chronicle. Russian Chronicle History. Book: 19: 1528-1541)*. Moscow: “Forma-AKTEON” Publ., (in Russian).

9. 2009. *Litsevoi letopisnyi svod. Russkaia letopisnaia istoriia. Kn.: 15: 1217-1241 gg. (Illustrated Chronicle. Russian Chronicle History. Book: 15: 1217-1241)*. Moscow: "Forma-AKTEON" Publ., (in Russian).
10. 2009. *Litsevoi letopisnyi svod. Russkaia letopisnaia istoriia. Kn.: 6: 1242-1299 gg. (Illustrated Chronicle. Russian Chronicle History. Book: 6: 1242-1299)*. Moscow: "Forma-AKTEON" Publ., (in Russian).
11. 2009. *Litsevoi letopisnyi svod. Russkaia letopisnaia istoriia. Kn.: 7: 1290-1342 gg. (Illustrated Chronicle. Russian Chronicle History. Book 7: 1290-1342)*. Moscow: "Forma-AKTEON" Publ., (in Russian).
12. Morozov, V. V. 1985. In Likhachev, D. S., Prokhorov, G. M., Salmina, M.A. (eds.). *Vzaimodeistvie drevnerusskoi literatury i izobrazitel'nogo iskusstva (Interactions of Old Russian Literature and Fine Arts)* Series: Trudy otdela drevnerusskoi literatury (Proceedings of the Department of Old Russian Literature) XXXVIII. Leningrad: "Nauka" Publ., 520–536 (in Russian).
13. Nyamaa, B. 2005. *Mongolyn ezent gyрnii зоосон мөнгө ба khaadyn овгийн тамга (XIII–XIV зуун). Coins of the Mongol Empire and Clan Tamgas of Khans (13–14 cc.)*. Ulanbaatar: Mongol uls (in Mongolian).
14. Pliguzov, A. I. 1987. In *Russkii feodal'nyi arkhiv XIV – pervoi treti XVI veka (Russian Feudal Archive of 14th – first third of 16th cc.)* 3. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 571–594 (in Russian).
15. *Patriarshaia ili Nikonovskaia letopis (Patriarch's or Nikon Chronicle)*. 1885. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) X. Saint Petersburg: "Ministry of Internal Affairs" Publ. (in Russian).
16. *Patriarshaia ili Nikonovskaia letopis'. 2-ia polovina. Tsarstvennaia kniga (Patriarch's or Nikon Chronicle. The 2nd half. The Regal Book)*. 1965. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) XIII. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
17. *Patriarshaia ili Nikonovskaia letopis'. (Patriarch's or Nikon Chronicle)*. 1862. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) IX. Saint Petersburg: "E. Prats" Publ. (in Russian).
18. *Ipat'evskaia letopis. (Ipatiev Chronicle)*. 1962. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) IX. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ. (in Russian).
19. *Novgorodskie i pskovskie letopisi. (Novgorod and Pskov Chronicles)*. 1848. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) IV. Saint Petersburg: "E. Prats" Publ. (in Russian).
20. *Patriarshaia ili Nikonovskaia letopis'. (Patriarch's or Nikon Chronicle)*. 1901. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) XII. Saint Petersburg: "I. N. Skorokhodov" Publ. (in Russian).
21. Sultanov, T. I. 2006. *Chingiskhan i Chingizidy. Sud'ba i vlast' (Genghis Khan and the Chingissids. Fate and Power)*. Moscow: "AST" Publ. (in Russian).
22. Usmanov, M. A. 1979. *Zhalovannye akty Dzhuchieva ulusa XIV–XVI vv. (Patents of the Ulus of Jochi of the 14th–16th cc.)*. Kazan: Kazan University (in Russian).
23. Tsybin, M. V. 2012. In Belyaev, L. A. (ed.). *Vostochnoevropeiskii srednevekovyi gorod v kontekste etnokul'turnykh, politicheskikh i poselencheskikh struktur (East European Medieval Town in the Context of Ethnocultural, Political and Settlement Structures)*, Moscow: "RIAMZ" Publ., 102–106 (in Russian).
24. Chernetsov, A. V. 1990. In Likhachev, D. S. (ed.). *Trudy otdela drevnerusskoi literatury (Proceedings of the Old Russian Literature Department)* XLIV. Leningrad: "Nauka" Publ., 422–432 (in Russian).
25. Chernetsov, A. V. 2003. In Makarov, N. A., Chernetsov, A. V. (eds.). *Rus' v XIII veke. Drevnosti temnogo vremeni (Rus in the 13th century. Antiquities of the Dark Age)*. Moscow: "Nauka" Publ., 2–17 (in Russian).
26. Chernetsov, A. V. 2015. In Gaidukov, P. G. (ed.). *Goroda i vesi srednevekovoi Rusi: arkheologiya, istoriia, kul'tura (Towns and Villages of Medieval Russia: Archaeology, History, Culture)*.

Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; Vologda: "Drevnosti Severa" Publ., 410–414 (in Russian).

27. Shennikov, A. A. 1987. *Chervlenyi Iar. Issledovanie po istorii i geografii Srednego Podon'ia v XIV–XVI vv. (Chervleny Yar. Study on the History and Geography of the Middle Don Region of the 14th–16th cc.)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

28. Yuzefovich, L. A. 1988. «*Kak v posol'skikh obychaiakh vedetsia...*» ("As per the Embassy Customs...") Moscow: "Mezhdunarodnye otnosheniia" Publ. (in Russian).

About the Author:

Chernetsov Alexey V. Doctor of Historical Sciences. Professor. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; avchernets@yandex.ru

Статья поступила в номер 16.04.2018 г.

Новейшие археологические исследования Болгарского городища

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/pa2018.2.24.237.252>

РАСКОПКИ НА ЮЖНОЙ ОКРАИНЕ БОЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА В 2016 ГОДУ (РАСКОП ССХVII)

© 2018 г. О.В. Лопан, И.В. Волков, А.Г. Ситдиков

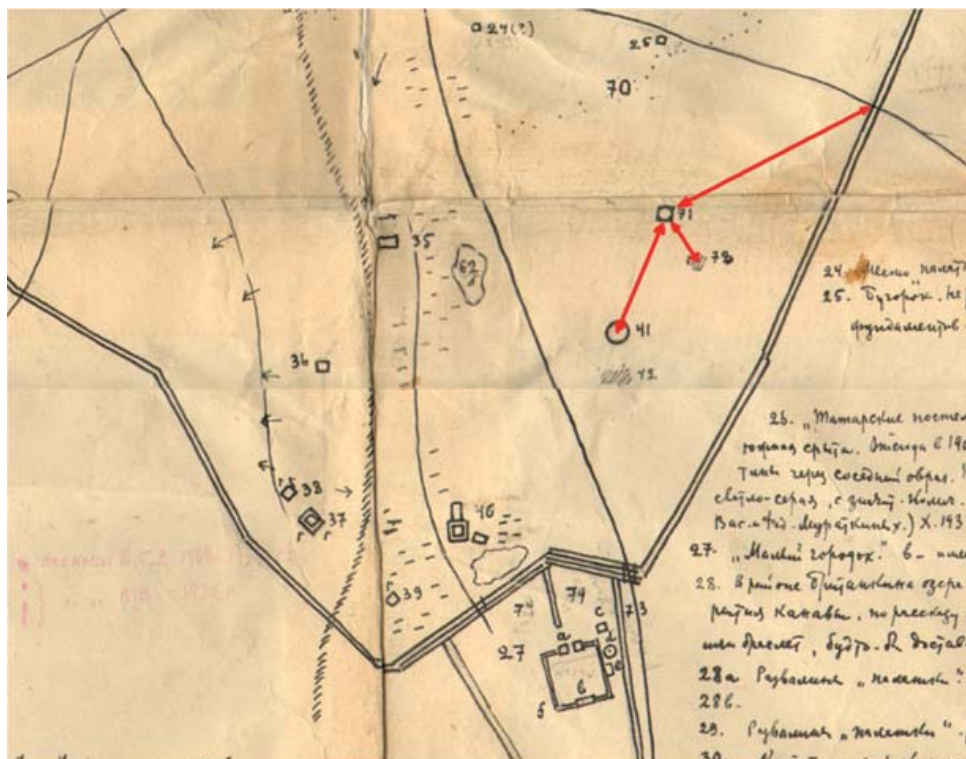
В статье публикуются результаты археологических исследований, проведенных в 2016 г. на южной окраине Болгарского городища. Раскоп был заложен на возвышенности, где предположительно располагался объект № 71, отмеченный на плане Н.Ф. Калинина (составлен в 1930–1940-е гг.). Исследованный участок относится к дальней периферии городища: культурный слой здесь слабо насыщен находками и полностью нарушен в результате распашки. В раскопе выявлены столбовые и хозяйственные ямы, связанные с наземной постройкой. Это сооружение было возведено из дерева и глины (сырцового кирпича). Вероятно, основная часть постройки располагалась западнее, за пределами раскопа. Возможно, объект № 71 был нанесен на план Н.Ф. Калинина из-за высокой концентрации горелого сырца на пашне. Авторы допускают и другие варианты локализации объекта № 71 на местности. Судя по найденным монетам, авторы полагают, что данный участок был освоен в течение очень короткого периода – в 1330–1340-х гг.

Ключевые слова: археология, Волжская Булгария, Золотая Орда, Болгарское городище, раскопки, ландшафт.

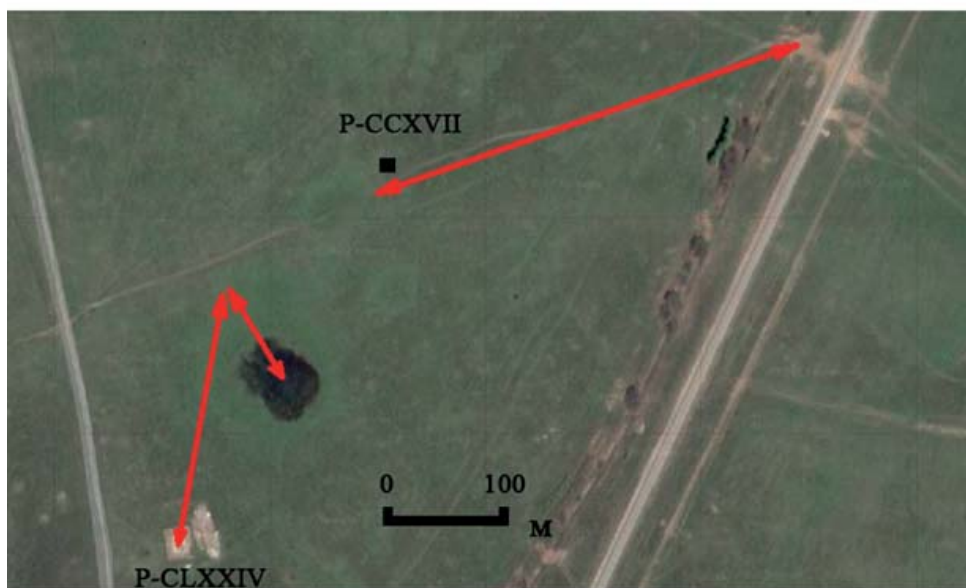
Основной задачей исследований, проведенных на южной окраине Болгарского городища в 2016 г., являлась отработка методики поиска остатков сооружений, погребенных под пахотным слоем городища, которая базируется на основе перекрестного анализа старых планов памятника и специфического набора признаков современного культурного ландшафта городища, отраженного на общедоступных цифровых космических снимках, а также проверка результатов применения геофизических методов для поиска археологических объектов.

На планах XVIII–XIX вв. в южной части городища отмечено мало объектов, а интерпретация их условных обозначений является весьма про-

блематичной. «План экономическому селу Болгарам» (РГВИА, ф. 418, оп. 1, д. 544), который в архивной описи отнесен к первой четверти XIX в., в действительности отражает ситуацию около 1765 г. Такой же план должен прилагаться к рапорту полковника Свечина по организации селитренного завода. На нем и каменные развалины, и древние колодцы обозначены как ямы. На планах, связанных с производением А. Шмита, напротив, и ямы, и постройки объяснены как остатки «палат». Планы второй половины XIX – начала XX в. фиксируют большее число объектов, но не снабжены достаточно подробными экспликациями. Избранный для поиска объект – особенный: он обо-

А

Б

Рис. 1. Болгарское городище: А – фрагмент плана Н.Ф. Калинина. Стрелками показаны привязки к ближайшим ориентирам;

Б – космический снимок с теми же привязками.

Fig. 1. Bolgar fortified settlement: А – fragment of the plan by N.F. autograph. Arrows indicate references to the nearest landmarks; Б – space image with the same references.

значен под № 71 исключительно на составленном в 1932–1942 гг. плане Н.Ф. Калинина, из чего следует, что этот объект – не каменная «палата» и не колодец, стабильно отмечаемые на всех более ранних планах. Объяснения знаку в экспликации нет, но сам символ больше всего напоминает тот значок, которым на данном плане отмечена Черная палата. Возможный вариант интерпретации – сырцовая или кирпичная постройка, пятно которой в 1-й половине XX в. еще могло быть видно на пашне. Привязка именно этого объекта к местности проблематична: если брать за ориентир расстояние или от ближайшего проема вала, или от ближайшего мавзолея, исследованного раскопом CLXXIV в 2012 г. (Елкина, 2014; Лазукин, 2014), или от ближайшего и самого большого верхового озера, то наиболее вероятные точки расположения № 71 на городище оказываются в разных местах (рис. 1: А). При двух последних вариантах привязки объекта № 71 на космических снимках местности прослеживаются лишь некие очень большие аморфные пятна с невыразительными границами. Тем не менее, пока сбрасывать их со счетов в качестве возможных вариантов локализации объекта № 71 преждевременно. Но только в одном случае – при привязке к ближайшей перемычке вала – на космической съемке просматривается относительно четкое пятно некоего объекта (рис. 1: Б). Именно последний участок представлялся наиболее перспективным для поиска объекта № 71. В современном ландшафте памятника это место – наиболее возвышенное из трех возможных. Поскольку от перемычки рва и вала в юго-восточной части памятника до

объекта № 71 и по настоящее время проходит почти по прямой в направлении запад–восток основная грунтовая дорога через южную часть городища, именно это расстояние могло бы быть измерено Н.Ф. Калининым относительно точно.

В 2014 г. на этом месте В.Г. Бездудным были проведены георадарная и магнитометрическая съемки, выявившие невыразительные аномалии. Помимо того, в пределах видимого на космической съемке пятна, почвоведческим буром в 2014 г. были сделаны четыре скважины диаметром около 7 см. Три из них показали только наличие пахотного слоя, под которым находилась светлая погребенная лесная почва. В четвертой, сразу под пахотным слоем, бур зацепил почти чистый массив перегоревшего сырцового кирпича толщиной до 15 см, после чего бурение было остановлено. Это позволило предположить на данном месте наличие постройки с конструкциями из сырцового кирпича.

Раскоп ССХVII был заложен таким образом, чтобы в его пятно попала скважина с перегоревшим сырцом, а большая его часть была направлена в сторону центра видимого на космической съемке пятна. Микро-рельеф исследованного участка выражен в незначительном наклоне поверхности в направлении на СВ (от центра пятна к периферии) – общий перепад высот в пределах раскопа достигал максимум 17 см. Участок относится к дальней периферии городища – культурный слой здесь незначительно насыщен находками и нарушен вспашкой повсеместно до уровня погребенной почвы. Мощность пахотного слоя на исследованном участке в среднем составляет

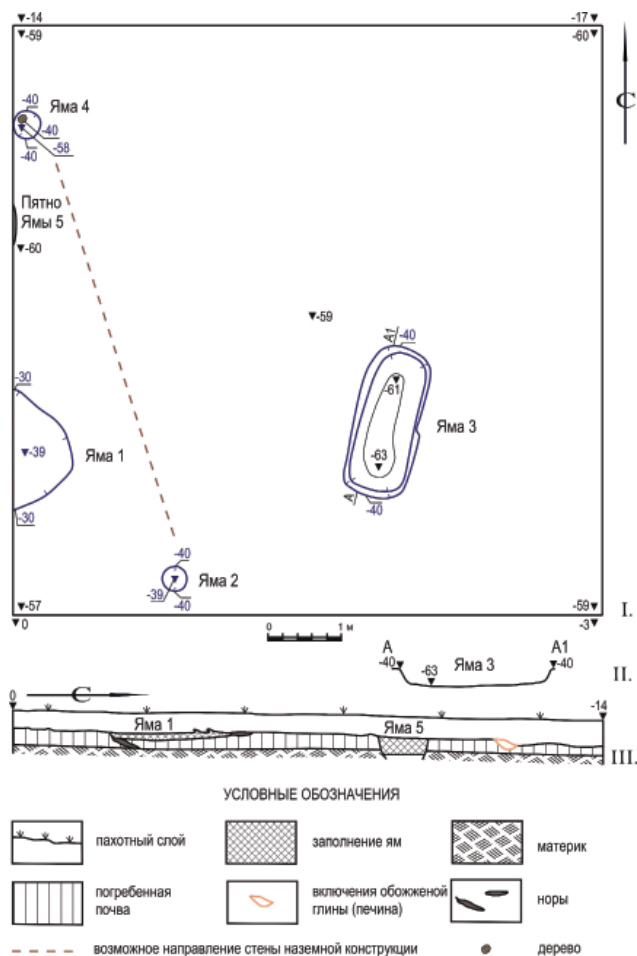

Рис. 2. Болгарское городище, раскоп ССХVII. I – сводный план объектов на раскопе: синим цветом обозначены контуры ям, расположенных в слоях, лежащих выше материка; II – разрез ямы 3; III – профиль западного борта раскопа.

Fig. 2. Bolgar fortified settlement, excavation ССХVII.

I – general plan of objects at the excavation: blue colour indicates the contours of pits located in the layers above the bed rock; II – cross-section of pit 3; III – profile of the Western edge of the excavation.

около 30 см, а ниже залегал слой погребенной лесной подзолистой почвы толщиной около 15 см (рис. 2: III). Материк на данном участке представлен суглинком разных оттенков желто-коричневого цвета.

В раскопе были выявлены столбовые и хозяйственные ямы, связанные с неким наземным сооружением,

которое было возведено с применением дерева и сырцового кирпича и, судя по находкам монет, функционировало преимущественно в 1340-х гг. (рис. 2)

Яма 1. Пятно ямы 1 было выявлено на глубине 0,3 м – оно выделялось на фоне верхней части погребенной почвы более темным цветом, немногочисленными вкраплениями мелких зерен пещины и глинистыми желтыми включениями.

Яма 1 представляла собой линзообразное углубление до 10 см в центре. Яма попадала в раскоп лишь частично, уходя под западный борт. Размеры исследованной части ямы составили 1,64 м по борту и до 0,8 м с запада на восток. Вероятно, яма 1 связана или с нахождением на этом месте наземного сооружения, или с движением грунта в западном направлении в результате оплыва какой-то крупной углубленной конструкции, расположенной рядом, за пределами раскопа. В заполнении ямы 1 был найден фрагмент железного изделия в виде стержня с боковым выступом-ушком (рис. 7: 9).

Яма 2. Пятно ямы 2, выявленное на глубине 0,3 м, выделялось на фоне верхней части погребенной почвы более темным цветом и немногочисленными включениями мелких зерен пе-

чины. Яма представляла собой небольшое, округлое в плане, линзообразное углубление размерами 33–35 см и глубиной до 8 см в центре. Эту яму, более всего напоминающую столбовую, можно интерпретировать как часть наземной конструкции, хотя объективности ради следует отметить, что ямки подобных правильных округлых очертаний могут также оставлять гнезда землероев.

Яма 3 (рис. 2: I, II). Уже после снятия первого пласта в центральной части раскопа прослеживалась несколько повышенная концентрация мелких зерен пещины, а на глубине 0,3 м, на уровне нижней части пахотного слоя, между полосами борозд от плуга, стало просматриваться округлое углистое пятно диаметром около 1,2 м, которое больше всего напоминало линзу просадки над ямой. Четкие контуры пятна ямы проступили на глубине 0,4 м, на фоне погребенной почвы. Заполнение ямы в разных ее частях значительно отличалось по составу: в южной части была значительно выше концентрация угля, а в северной, заметно более светлой, – пещины. В плоскости зачистки хорошо просматривалось пятно скважины, сделанной буром в 2014 году, приходящейся как раз на кусок горелого сырцового кирпича. Яма имела вытянутую форму, близкую к прямоугольнику с сильно скругленными углами. Габариты ямы после выборки заполнения составили 2,05×0,90–0,95 м при прослеженной глубине до 23 см. Дно

Рис. 3. Болгарское городище, раскоп ССХVII. Комплекс находок из ямы 3: 1 – монета медная типа «двуглавый орел»; 2 – кусок «губчатого железа»; 3 – железная пластина-накладка; 4 – гвоздь железный; 5, 6 – керамические пряслица; 7 – фрагмент желтоглиняного сосуда с «подражанием» штампованному орнаменту.

Fig. 3. Bolgar fortified settlement, excavation ССХVII. Complex of findings discovered in pit 3: 1 – copper coin of the “double-headed eagle” type; 2 – fragment of “sponge iron”; 3 – iron plate-overlay; 4 – iron nail; 5, 6 – ceramic spindles; 7 – fragment of a yellow clay vessel with “imitation” of a stamped ornament.

ямы лишь на несколько сантиметров уходило в материк. Интенсивность заполнения в нижней части существенно уменьшалась: нижние 8–10 см почти не содержали находок.

В заполнении ямы 3 было встречено довольно большое для данного участка число находок: медная монета типа «двуглавый орел» (1340-е гг.) (рис. 3: 1), два керамических пряслица (рис. 3: 5, 6), фрагмент железного гвоздя (рис. 3: 4), обломок желез-

Таблица 1

Распределение индивидуальных находок по пластам и объектам на раскопе ССХVII

	Пл. 1	Пл. 2	Пл. 3	Пл. 4	Я. 1	Я. 3	Всего
Гвозди железные и их фрагменты	13	7	6	1		1	28
Ножи железные и их фрагменты	6	1	2	1			10
Фрагменты железных навесных замков	1	1	1				3
Фрагменты железных иголок	1	3				1	5
Ключ железный	1						1
Рамка железной пряжки			1				1
Фр. прочих изделий из железа и неопред. ж. п.	27	12	8		1	1	49
Куски железного шлака или криц	1	2					3
Медный выплеск			1				1
Монеты медные	4	2	1	1		1	9
Фрагменты предметов из медных сплавов		1	5				6
Бляшка медная сбруйная	1						1
Буса стеклянная	1						1
Венчик фарфоровой чашки	1						1
Пряслица керамические						2	2
Ручка хорезмского кувшина		1					1
Фрагмент поливной керамики группы ЮВК	1						1
Фрагменты кашинных сосудов с глазурью	3		2				5
Всего находок на пласте или объекте	61	30	27	3	1	6	128

ной иглы; кусок «губчатого железа» (рис. 3: 2), железная пластина-накладка (рис. 3: 3), а также 79 фрагментов керамики. Назначение ямы не вполне понятно – больше всего она подходит для бадраба. Обилие горелого сырцового кирпича, вероятно, свидетельствует о том, что бадраб прекратил существование и превратился в помойку, когда ближайшая наземная постройка была разрушена или находилась в состоянии ремонта.

Яма 4 была зафиксирована на глубине 0,4 м: пятно заполнения, состоявшего из смеси очень небольшого количества гумуса с большим количеством печины и желтого суглинка, контрастно выделялось на фоне погребенной почвы. В яме находились остатки полуистлевшего деревянного столба диаметром около 12 см. Поперечник выбранной ямы составил 35–

38 см, максимальная глубина в центре ямы достигала 18 см.

Яма 5. Пятно ямы 5 было выявлено в профиле западного борта – в зону раскопа яма заходила не более чем на 3 см, а по западному борту ее ширина составляла около 0,65 м. Гумусное заполнение содержало комочки глины и небольшое количество печины. Судя по зацепленной части, яма имела значительный поперечник.

Местоположение и заполнение ям 4 и 5 может указывать на то, что к западу от границы раскопа, вероятно, располагалось наземное сооружение, возведенное с использованием дерева, сырцового кирпича и глиняной обмазки (печины). Наблюдавшееся в слое значительное повышение концентрации фрагментов горелого сырца и обмазки у западного борта раскопа соответствует местоположению

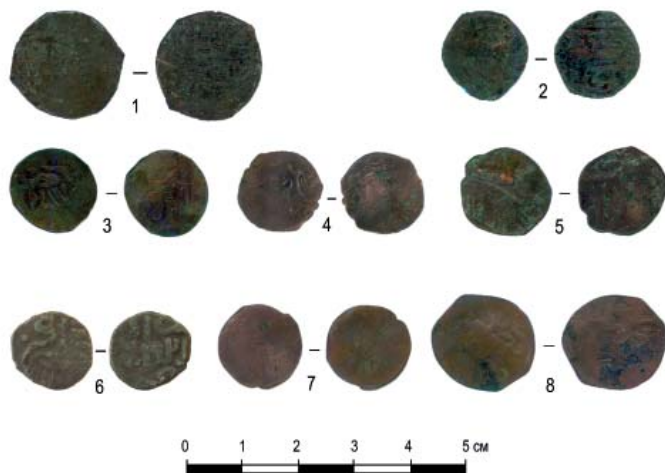

Рис. 4. Болгарское городище, раскоп ССХVII. Монеты медные: 1 – болгарский чекан с именем Насир-лид-Дина, перечеканенный штемпелями каана Менгу (1251–1259); 2 – «лев и солнце»; 3–7 – «двуглавый орел»; 8 – «розетка».

Fig. 4. Bolgar fortified settlement, excavation CCXVII. Copper coins: 1 – Bolgar mint with the name of Nasir-lid-Din, reminted with the stamps of Mongke Khan (1251–1259); 2 – “Lion and the Sun”; 3–7 – “two-headed eagle”; 8 – “rosette”.

аномалии, выявленной во время геофизических исследований, проведенных В.Г. Безудным.

Коллекция индивидуальных находок, полученная в ходе работ на раскопе ССХVII, включает 128 предметов, изготовленных из железа, медных сплавов, глины и стекла (табл. 1). Подавляющее большинство этих предметов были найдены в слое распашки и лишь небольшое количество вещей происходит из ям.

На раскопе найдено девять медных монет: шесть из них относятся к типам «двуглавый орел», чеканившимся в 1340-е гг. (рис. 4: 3–7), одна из которых встречена в заполнении ямы 3 (рис. 3: 1); по одной монете «лев и солнце» (1330-е гг.) (рис. 4: 2) и «розетка» (1350-е гг.) (рис. 4: 8). Еще один пул был выпущен значительно раньше: болгарский чекан с именем Насир-лид-Дина, перечеканенный

штемпелями каана Менгу (1251–1259) (рис. 4: 1). Нумизматический материал раскопа ССХVII в очередной раз красноречиво иллюстрирует тот факт, что южная часть городища интенсивно осваивалась только в течение очень короткого периода – преимущественно 1340-х гг. И именно в этот период было целесообразно возводить укрепления вокруг данной территории (Губайдуллин, 2016а, с. 21, 22; Губайдуллин, 2016б, с. 112). К этому же времени должна относиться и большая часть прочих предметов, найденных на исследованной площади.

Около четверти вещей коллекции составляют неопределимые обломки железных предметов, среди которых преобладают узкие кованые пластины, некоторые из которых могут являться черешками или рабочими частями инструментов (рис. 8). Гвозди и их обломки встречены в количестве 28 экземпляров (что составляет более 20% коллекции) и представлены костылями различных размеров (рис. 5: 1–5), строительными гвоздями с симметрично раскованными округлыми шляпками (рис. 5: 7–12) и маленьким сапожным гвоздиком (рис. 5: 6). Детали строительного крепежа представлены также фрагментами четырех железных пластинчатых скоб (рис. 5: 13–15) и двумя пробоями – большим

Рис. 5. Болгарское городище, раскоп ССХVII. Изделия из железа: 1–12 – гвозди; 13–15 – скобы; 16, 17 – пробойи; 18 – «заплатка» от чугунного котла.

Fig. 5. Bolgar fortified settlement, excavation CCXVII. Iron articles: 1–12 – nails; 13–15 – brackets; 16, 17 – clamps; 18 – “patch” from a cast iron boiler.

одноствержневым (рис. 5: 17) и малым двухствержневым (рис. 5: 16). Также были встречены три фрагмента от навесных замков (рис. 6: 7–9).

В слое распашки был найден железный «лопатообразный» ключ длиной 6,9 см с подквадратной лопастью, расположенной в одной плоскости со стержнем и снабженной с торца простым прямоугольным вырезом (рис. 6: 10). В обобщающей статье Л.Л. Савченковой подобные ключи в Болгаре не учтены (Савченкова, 1996). На болгарских памятниках «ло-

патообразные» ключи с округлыми лопастями с аналогичными прорезами встречались на селищах X–XIII вв. в низовьях Камы – на Измерском I и на Старокуйбышевском IV – тип IB1 по типологии Е.П. Казакова (Казаков, 1991, с. 74, рис. 29: 26, 27). В Новгороде, в напластованиях последней четверти XII в., был найден маленький ключик с такой же лопастью, как и у ключа из Болгара (Кудрявцев, 2012, рис. 3: 2) (рис. 10: 2). Аналогичный новгородскому экземпляру ключик также происходит с территории первоначального поселка в древнем Гродно (Воронин, 1954, рис. 12: 5) (рис. 10: 1). На древнерусских памятниках изредка также встречаются небольшие ключи-

«лопатки» с несколько более сложными Т-образными торцевыми вырезами в подквадратных или подпрямоугольных лопастях (Хорошев, 1997, табл. 5, тип А: 7, 8; Чернов, Бойцов, 1992, рис. 5: № 400; Кудрявцев, 2012, рис. 3: 3) (рис. 10: 3). Еще один ключ, длиной 6,9 см, с Т-образной лопастью происходит с золотоордынского городища Ангелинский Ерик в Краснодарском крае (предмет был найден владельцем участка А.А. Тихановым) (рис. 10: 4). Также довольно крупные размеры имеет ключ, найденный в Твери (Лапшин, 2009, рис. 84: 15).

Р.Л. Розенфельдт, выделив особый тип врезных сундучных замков, найденных в напластованиях XII в. во

Рис. 6. Болгарское городище, раскоп ССХVII. Изделия из железа: 1–6 – ножи; 7–9 – детали навесных замков; 10 – ключ.

Fig. 6. Bolgar fortified settlement, excavation ССХVII. Iron articles: 1–6 – knives; 7–9 – padlock fragments; 10 – key.

Вщиже и Старой Рязани, связал с ними ключи с подобной конфигурацией лопасти и выреза (Розенфельдт, 1951). По наблюдениям А.А. Кудрявцева, в Новгороде период бытования нутряных замков данного типа, также как и относящихся к ним ключей с прямоугольным или Т-образным вырезом в лопасти (именуемых им в целом «ключами с Т-образной лопастью»), ограничен XII–XIII вв.: лишь одна находка подобного замка здесь датируется 3-й четв. XIV вв. (Кудрявцев, 2012, с. 121–122). Будучи редки на Руси, подобные замки и ключи были гораздо более распространены в североевропейских городах (Кудрявцев, 2012, с. 122). Врезные замки подобного типа имеют такую же схему работы механизма, что и навесные замки типа А по Б.А. Колчину (Кудрявцев, 2012, с. 122), датирующиеся X–XIII вв. (Колчин, 1982, рис. 3; Хорошев, 1997). Это сходство механизмов и вызванная им схожесть общей формы у ключей от навесных замков типа А и у «ключей с Т-образной лопастью» приводя к тому, что последние изделия часто неправомерно рассматриваются как принадлежность навесных замков типа А (Кудрявцев, 2012, с. 121, 122).

Ножи и их обломки на раскопе ССХVII представлены в количестве 10 экземпляров (рис. 6: 1–6). Они имеют стержневидные, уплощенные и суженные к концу черешки и клиновидные в сечении лезвия с уступами при

переходе к спинке и брышку. Полную сохранность имели два изделия: длиною 18,2 см с прямой спинкой и длиною 13,5 см с изогнутой спинкой при длине лезвий 12,7 и 10 см соответственно (рис. 6: 1, 2).

В пахотном слое был найден обломок железной обувной подковки обычного для золотоордынских городов типа (рис. 7: 1) – с узкой тонкой пластиной на шипах (Хованская, 1951, с. 124; Егоров, Полубояринова, 1974, табл. I: 22; Fyodorov-Davydov, 1984, ill. 96: 15; Савченкова, 1996, с. 63–64, рис. 29: 1–8; Недашковский, 2000, рис. 16: 1–3). По наблюдениям Л.Л. Савченковой, на Болгарском городище большинство подобных подковок связаны напластованиями золотоордынского времени.

На уровне погребенной почвы была встречена большая рамка железной пряжки размерами 49×37 мм (рис. 7: 2). Подобные изделия имеют широкий

Рис. 7. Болгарское городище, раскоп ССХVII. Находки: 1 – обломок железной обувной подковы; 2 – рамка железной пряжки; 3–6 – иглы железные; 8–12 – изделия из железа (9 – из ямы 1; 11–12 – не поддаются датировке); 13 – заклепка медная; 14–16 – фрагменты изделий из листов медного сплава; 17 – сбруйная бляшка из медного сплава.

Fig. 7. Bolgar fortified settlement, excavation CCXVII. Findings: 1 – fragment of an iron horseshoe; 2 – frame of an iron buckle; 3–6 – iron needles; 8–12 – iron articles (9 – from pit 1, 11–12 – undated); 13 – copper rivet; 14–16 – fragments of articles made of copper alloy sheets; 17 – copper plaque made of a copper alloy.

территориальный и хронологический охват (Руденко, 2001, с. 33, рис. 13; Белорыбкин, 2001, рис. 92; 93). При раскопках на южной окраине Болгарского городища, как в слое распахши, так и в заполнении объектов периодически встречаются фрагменты предметов непонятного назначения в виде железных стерженьков с боковыми ушками, в которых обычно прослеживаются отверстия. На раскопе ССХVII были найдены фрагменты двух железных стерженьков с боковыми ушками, один из которых был встречен в заполнении ямы 1 (рис. 7: 8, 9).

Железная подтреугольная пластина-накладка размерами 4,8×2,1 см была найдена в яме 3 (рис. 3: 3). Там же встречен большой кусок «губчатого железа» дисковид-

ной формы – поперечником около 11 и толщиной около 2,5 см, представляющий собой шлак или непрокованную крицу (рис. 3: 2). Также в яме 3 были найдены пара керамических пряслиц диаметром 2,8 и 3,4 см (рис. 3: 5, 6) и фрагмент желтоглиняной керамики с «подражанием» штампованному орнаменту – полем, заполненным тычковыми оттисками (рис. 3: 7).

В пахотном слое была встречена большая цилиндрическая полихромная буса-подвеска длиной 35 мм и диаметром 11 мм из непрозрачного стекла, декорированная по черной основе спирально расположенными нитями-зигзагами желтого и бирюзового цветов (рис. 9: 7) – тип III по типологии, разработанной М.Д. Полуобяриновой для стеклянных изделий Болгарского городища (Полубояринова, 1988, с. 187). Зигзагообразная форма накладным нитям декора была придана за счет хорошо видимых на данном экземпляре продольных «над-

Рис. 8. Болгарское городище, раскоп ССХVII. Изделия из железа.

Fig. 8. Bolgar fortified settlement, excavation ССХVII. Iron articles.

резов», произведенных по еще мягкому стеклу. По центру подвески линия одного из «надрезов» перекрыта продолговатой каплей бирюзового стекла, возможно, здесь имела место неудавшаяся попытка припаивания дополнительной маленькой накладной бусины, наличие которых характерно для подвесок типа III, подтип 2 (Полубояринова, 1988, с. 187).

Глазурованная керамика на раскопе представлена несколькими мелкими обломками кашинных сосудов, включая фрагменты двух чаш (рис. 9: 1–5), а образцом дальнего керамического импорта является обломок венчика китайской фарфоровой чашки с фестончатым краем (рис. 9: 6).

Коллекция рядовой керамики, собранная на раскопе, невелика и содержит всего 823 фрагмента, из которых порядка 90 происходят из ям. В керамической коллекции преобладают, что характерно для данного периода и этого участка городища, фрагменты разнообразных изделий 1-й общеполгарской группы керамики по Т.А. Хлебниковой (82,5%, в т. ч. 45 фрагментов керамических труб) (Хлебникова, 1988). Фрагменты керамических изделий 19-й группы составляют 10,2%; 14-й группы – 4,3%; 18-й группы – 1,6%; 13-й группы – 0,7%; прочая керамика (включая поливную XIX–XX вв.) – 0,7%.

Предметы позднего времени, связанные с округой русского поселения на месте Болгара, единичны: это два фрагмента поливной керамики

XIX–XX вв. и плоская круглая выбитая из медного листа сбруйная бляшка-«пуговица» диаметром 26 мм с двумя пробитыми подпрямоугольными отверстиями, предназначавшимися для крепления к сбруе посредством продевавшегося в них узкого ремешка (рис. 7: 17). Разнообразные сбруйные бляшки из медного листа с парными подпрямоугольными отверстиями характерны для археологических объектов XVIII – начала XX в. (Сыроватко, Чувиляева, 2007, с. 371, рис. 12; Богомоллов, Гоняный, Дедук, Шибанин, Шеков, 2011, рис. 16: 1; Сташенков, Королев, Кочкина, 2012, с. 259, рис. 11: 3). Подобные изделия нередко встречаются на территории золотоордынских городищ Поволжья – Селитренного, Царевского, Водянского (Fedorov-Davydov, 1984, ill. 11: 14–16; Федоров-Давыдов, 1981, рис. 98: 21). На Болгарском городище они попадают повсеместно – и в центре, и на окраинах.

Коллекция остеологического материала из раскопа содержала всего лишь 118 костных фрагментов. Опре-

Рис. 9. Болгарское городище, раскоп ССХVII: 1–5 – фрагменты кашинной глазурованной керамики; 6 – обломок венчика китайской фарфоровой чашки; 7 – буса-подвеска из стекла; 8 – фрагмент красноглиняного поливного кувшина группы Юго-Восточного Крыма; 9 – фрагмент ручки сероглиняного хорезмского кувшина.

Fig. 9. Bolgar fortified settlement, excavation CCXVII: 1–5 – fragments of kashine glazed ceramics; 6 – fragment of the collar of a Chinese porcelain cup; 7 – glass pendant bead; 8 – fragment of a red clay glazed pitcher from the South-Eastern Crimea group; 9 – fragment of the handle of a gray clay Khwarezm pitcher.

деление было проведено с.н.с. Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, к.в.н. Г.Ш. Асылгараевой: «Определены оказались 96 фрагментов. Большая часть принадлежит мелкому рогатому скоту – 57 костных фрагментов – и крупному рогатому скоту – 37 фрагментов. Также диагностированы одиночные кости от лошади и собаки. Кости птиц и рыб на данном раскопе не диагностированы».

Для данного периферийного участка городища насыщенность индивидуальными находками – 7–8 предметов «на квадрат» является довольно значительной. Однако ассортимент находок весьма скуден: преобладают простые предметы хозяйственного назначения: обломки железного крепежа и орудий, гвозди, ножи, иглы, детали навесных замков, пара глиняных пряслиц. Обращает на себя внимание почти полное отсутствие украшений, за исключением одной бусы-подвески, и малое количество фрагментов парадной глазурованной посуды – кашинной (рис. 9: 1–5), красноглиняной (рис. 9: 8), фарфоровой (рис. 9: 6). Даже изделия из

меди представлены только одной заклепкой (рис. 7: 13) и шестью мелкими фрагментами листовых пластинок (рис. 7: 14–16). Невысока также насыщенность костными остатками. Возможно, исследованный участок относится к хозяйственным задворкам.

Можно предположить, что основанием для нанесения здесь Н.Ф. Калининским на плане городища объекта № 71 могло стать присутствие боль-

Рис. 10. Ключи-«лопатки» от внутренних замков, аналогичные ключу с раскопа ССХVII: 1 – Гродно (по: Воронин, 1951. рис. 12: 5); 2, 3 – Новгород (по: Кудрявцев, 2012. рис. 3: 2, 3); 4 – городище Ангелинский Ерик.

Fig. 10. “Blade” keys for interior locks similar to the key from excavation 217: 1 – Grodno (after: Voronin, 1951. Fig. 12: 5); 2, 3 – Novgorod (after: Kudryavtsev, 2012. Fig. 3: 2, 3); 4 – Angelinsky Erik settlement.

шого количества горелого сырца на пашне. Наибольшая концентрация печины, видимо, находилась западнее, а незначительные размеры раскопа не позволили приблизиться к центру пятна – в раскоп попала лишь крайняя, восточная часть сооружения, границу которого, возможно, отмечают столбовые ямы 2 и 4, рас-

положенные по линии СС3–ЮЮВ, а основная часть конструкции осталась за пределами раскопа, к западу (рис. 2).

Существует также вероятность того, что нанесенный Н.Ф. Калиным на план объект № 71 связан с другим пятном – одним из оговоренных прежде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белорыбкин Г.Н. Золотаревское поселение. Пенза: Изд-во ПГПУ, 2001. 200 с.
2. Богомолов В.В, Гоняный М.И., Дедук А.В., Шебанин Г.А., Шеков А.В. Археологические исследования усадьбы второй половины XVII – начала XVIII века в деревне Филино // Археология Подмосквья: Материалы научного семинара. Вып. 7. / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2011. С. 331–365.
3. Воронин Н.Н. Древнее Гродно (по материалам археологических раскопок 1932–1949 гг.) / Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. III. / МИА. № 41. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 240 с.
4. Губайдуллин А.М. Археологические исследования оборонительных сооружений Болгарского городища золотоордынского периода // Археологические исследования 2015 г.: Болгар и Свяжск / авторы-составители: А.Г. Ситдииков, Р.Р. Валиев, А.С. Старков. Казань: Казанская недвижимость, 2016а. С. 21–22.
5. Губайдуллин А.М. О строительстве оборонительных сооружений Болгарского городища в золотоордынский период // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы Седьмой Международной конференции посвящённой памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова (Ялта, 8–12 ноября 2016 г.). / Ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Казань, Ялта, Кишинёв: Stratum plus, 2016б. С. 111–112.
6. Егоров В.Л., Полубояринова М.Д. Археологические исследования Водянского городища в 1967–1971 гг. // Города Поволжья в средние века / Отв. ред. А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1974. С. 39–79.
7. Елкина И.И. Мавзолей XIV века в южной части Болгарского городища (раскоп СLXXIV 2012 г.) // Поволжская археология. 2014. №2. С. 131–144.
8. Казаков Е.П. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. 176 с.
9. Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода / Ред. Б.А. Колчин, В.Л. Янин. М.: Наука, 1982. С. 156–177.

10. *Кудрявцев А.А.* Хронология замков и ключей средневекового Новгорода (по материалам Неревского раскопа) // РА. 2012. № 4. С. 119–124.
11. *Лазукин А.В.* Предварительные итоги исследования некрополя в южной части Болгарского городища (раскоп CLXXIV 2012 г.). // Поволжская археология. 2014. № 2. С. 145–164.
12. *Латишин В.А.* Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.) // Труды ИИМК РАН. Т. XXX. СПб: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 540 с.
13. *Недашковский Л.Ф.* Золотоордынский город Укек и его округа. М.: Восточная литература, 2000. 224 с.
14. *Полубояринова М.Д.* Стекланные изделия Болгарского городища // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 151–219.
15. *Розенфельдт Р.Л.* Новая конструкция древнерусских врезных замков // КСИИМК. Вып. XXXIX. М.: Изд-во Академии Наук СССР. 1951. С. 140–141.
16. *Руденко К.А.* Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв.: Изделия аскизского круга в Среднем Поволжье. Казань: Заман, 2001. 256 с.
17. *Савченкова Л.Л.* Черная металлургия и металлообработка на Болгарском городище // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН Татарстана, 1996. С. 89–153.
18. *Стаиенков Д.А., Королев А.И., Кочкина А.Ф.* Исследования на селище Красная Пахра I в 2008 году // Археология Подмосквья: Материалы научного семинара. Вып. 8. / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2012. С. 246–265.
19. *Сыроватко А.С., Чувиляева Ю.Н.* Исследования на территории музея-усадьбы Ф.М. Достоевского «Даровое» // Археология Подмосквья: Материалы научного семинара. Вып. 3. / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН; Министерство культуры Правительства МО, 2007. С. 366–372.
20. *Федоров-Давыдов Г.А.* Монгольское завоевание и Золотая Орда // Степи Евразии в эпоху средневековья / Археология / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981. С. 229–236.
21. *Хлебникова Т.А.* Неполивленная керамика Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 8–102.
22. *Хованская О.С.* Новые данные о городе Болгаре // КСИИМК. Вып. XXXVIII. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 120–127.
23. *Хорошев А.С.* Замки, ключи и замочные принадлежности // Древняя Русь. Быт и культура / Археология / Отв. ред.: Б.А. Колчин, Т.А. Макарова. М.: Наука, 1997. С. 14–17.
24. *Чернов С.З., Бойцов И.А.* Раскопки в Историческом проезде и изучение Великого посада Москвы XIII – XIV вв. // СА. 1992. № 1. С. 211–230.
25. *Fedorov-Davydov G.A.* The culture of the Golden Horde Cities // BAR IS. Vol. 198. Oxford, 1984. 278 S, 113 Ill.

Информация об авторах:

Лопан Оксана Витальевна, старший научный сотрудник, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева); lopan@heritage-institute.ru

Волков Игорь Викторович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева; planu_2010@mail.ru

Ситдииков Айрат Габитович, чл.-корр АН РТ, доктор исторических наук, директор, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, зав. кафедрой, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

EXCAVATIONS ON THE SOUTHERN OUTSKIRTS
OF BOLGAR FORTIFIED SETTLEMENT IN 2016 (EXCAVATION CCXVII)

O.V. Lopan, I.V. Volkov, A.G. Sitdikov

The paper contains the results of archaeological studies conducted in 2016 on the Southern outskirts of Bolgar fortified settlement. The excavation was made on a hill at the estimated location of site No. 71 marked on a plan by N.F. Kalinin (compiled in the 1930–40s). The investigated site corresponds to the far periphery of the fortified settlement: the cultural at the site contains a scarce number of findings and has been completely disrupted as a result of ploughing. The excavation features pillar and household pits associated with a ground structure. The structure was erected from wood and clay (earth bricks). The major portion of the building was presumably located outside of the excavation to the West. Perhaps, site No. 71 was plotted on the plan by N.F. Kalinin due to the high concentration of burnt earth bricks in the ploughland. The authors admit the possibility of other territorial locations of site No. 71. According to the discovered coins, the authors are convinced that the site was reclaimed within a very short period of time in the 1330–40s.

Keywords: archaeology, Volga Bulgaria, the Golden Horde, Bolgar fortified settlement, excavations, landscape.

REFERENCES

1. Belorybkin, G. N. 2001. *Zolotarevskoe poselenie (Zolotarevskoe Settlement)*. Penza: Penza State Pedagogical University (in Russian).
2. Bogomolov, V. V., Gonianyi, M. I., Deduk, A. V., Shebanin, G. A., Shekov, A. V. 2011. In Engovatova, A. V. (ed.). *Arkheologiya Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminara (Archaeology of the Moscow Region: Proceedings of the Seminar)* 7. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 331–365 (in Russian).
3. Voronin, N. N. 1954. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii drevnerusskikh gorodov (Materials and Studies on the Archaeology of Old Russian Towns)* III. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in Archaeology of the USSR) 41. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
4. Gubaidullin, A. M. 2016. In Sitdikov, A. G., Valiev, R. R., Starkov, A. S. (comp.). *Arkheologicheskie issledovaniia 2016 g.: Bolgar i Sviiazhskaia (Archaeological Studies in 2016: Bolgar and Sviiazhskaia)*. Kazan: “Kazanskaia nedvizhimost” Publ., 21–22 (in Russian).
5. Gubaidullin, A. M. 2016. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na Evraziiskom prostranstve. Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy (Dialogue of the Urban and Steppe Cultures in the Eurasian Space. Historical Geography of the Golden Horde)*. Kazan; Yalta; Kishinev: “Stratum plus” Publ., 111–112 (in Russian).
6. Egorov, V. L., Poluboiarinova, M. D. In Smirnov, A. P., Fyodorov-Davydov, G. A. (eds.). *Goroda Povolzh'ia v srednie veka (Towns of the Volga Region in the Middle Ages)*. Moscow: “Nauka” Publ., 39–79 (in Russian).
7. Elkina, I. I. 2012. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (2), 131–144 (in Russian).
8. Kazakov, E. P. 1991. *Bulgarskoe selo X–XIII vekov nizovii Kamy (10th – 13th Century Bulgar Village in the Lower Kama Region)*. Kazan: “Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).
9. Kolchin, B. A. 1982. In Kolchin, B. A., Yanin, V. L. (eds.). *Novgorodskii sbornik (50 let raskopok Novgoroda) (Novgorod Collected Works (50 Years of Excavations in Novgorod))*. Moscow: “Nauka” Publ., 156–177 (in Russian).
10. Kudriavtsev, A. A. 2012. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (4), 119–124 (in Russian).
11. Lazukin, A. V. 2014. In *Povolzhskaia arkheologiya (Volga River Region Archaeology)*. (2), 145–164 (in Russian).
12. Lapshin, V. A. 2009. *Tver' v XIII–XV vv. (po materialam raskopok 1993–1997 gg.) (Tver in the 13th – 15th Centuries (based on the materials from excavations made in 1993–1997))*. Series: Pro-

ceedings of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, XXX. Saint Petersburg: Faculty of Philology and Arts of the St. Petersburg State University (in Russian).

13. Nedashkovskii, L. F. 2000. *Zolotoordynskie goroda Nizhnego Povolzh'ia i ikh okruga (The Golden Horde City Ukek and its Suburbs)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).

14. Poluboiarinova, M. D. 1988. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (Town of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: "Nauka" Publ., 151–219 (in Russian).

15. Rozenfel'dt, R. L. 1951. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 39, 140–141 (in Russian).

16. Rudenko, K. A. 2001. *Tiurkskii mir i Volgo-Kam'e v XI–XIV vv.: Izdeliia askizskogo kruga v Srednem Povolzh'e (Turkic World and the Volga-Kama Region in the 11th–14th cc.: Articles of the Askiz Range in the Middle Volga Region)*. Kazan: "Zaman" Publ. 141 (in Russian).

17. Savchenkova, L. L. 1996. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (Town of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History Institute named after G. Ibragimov, Academy of Sciences of Tatarstan, 89–153 (in Russian).

18. Stashenkov, D. A., Korolev, A. I., Kochkina, A. F. 2012. In Engovatova, A. V. (ed.). *Arkheologiia Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminara (Archaeology of the Moscow Region: Proceedings of the Seminar)* 8. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 246–265 (in Russian).

19. Syrovatko, A. S., Chuviliaeva, Yu. N. 2007. In Engovatova, A. V. (ed.). *Arkheologiia Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminara (Archaeology of the Moscow Region: Proceedings of the Seminar)* 3. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 366–372 (in Russian).

20. Fedorov-Davydov, G. A. 1981. In Pletneva, S. A. (ed.). *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Eurasian Steppes in the Middle Ages)*. Archaeology of the USSR 18. Moscow: "Nauka" Publ., 229–236 (in Russian).

21. Khlebnikova, T. A. 1988. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (Town of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: "Nauka" Publ., 8–102 (in Russian).

22. Khovanskaia, O. S. 1951. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* XXXVIII. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 120–127 (in Russian).

23. Khoroshev, A. S. 1997. In Kolchin B. A., Makarova T. A. (eds.). *Drevniaia Rus'. Byt i kul'tura (Ancient Russia. Everyday Life and Culture)*. Series: Archaeology of the USSR 16. Moscow: "Nauka" Publ., 14–17 (in Russian).

24. Chernov, S. Z., Boitsov, I. A. 1992. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 211–230 (in Russian).

25. Fyodorov-Davydov, G. A. 1984. In BAR IS. Vol. 198. Oxford, 1984. 278 S, 113 Ill.

About the Authors:

Lopan Oxana V. Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage named after Dmitry Likhachev. Kosmonavtov Str., 2, Moscow, 129301, Russian Federation; lopan@heritage-institute.ru

Volkov Igor V. Candidate of Historical Sciences. Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage named after Dmitry Likhachev. Kosmonavtov Str., 2, Moscow, 129301, Russian Federation; plany_2010@mail.ru

Sitdikov Airat G. TAS Corresponding Member. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Head of department, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Статья поступила в номер 01.03.2018 г.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОНЧАРНЫХ ГОРНОВ НА БОЛГАРСКОМ ГОРОДИЩЕ В 2016 ГОДУ (РАСКОП ССХVI)¹

© 2018 г. С.Г. Бочаров

В 2016 в рамках реализации мероприятий комплексного проекта «Культурное наследие – Остров-град Свияжск и древний Болгар» проводились исследования на раскопе ССХVI. Общая площадь вскрытого культурного слоя составила 256 кв. м. Всего в раскопе выявлено 14 сооружений (5 хозяйственных ям, 4 горна для обжига керамики, 2 предгорновые ямы, 2 площадки для подхода к топочным камерам горнов и одно сооружение связанное с ними) позднезолотоордынского периода. Наличие четырех горнов для обжига керамики, функционировавших в период 1330–1360 гг., может являться прямым свидетельством наличия гончарного производства на Болгарском городище в позднезолотоордынский период. Разрушение горнов происходило в начальный период «Великой замятни» в Золотой Орде (1359–1380 гг.) примерно во второй половине 60-х гг. XIV в. Автор полагает, что в тот период в уже заброшенном горне № 4 (сооружение б) было сделано санитарное захоронение семи человек. В результате раскопок получена коллекция из 741 индивидуальных находок, в том числе керамические браки сосудов сфероконической формы, кувшинов и не обожжённая лента, используемая при лепке сосудов. Коллекция массового материала насчитывает 8334 обломка керамики местного Болгарского производства.

Ключевые слова: археологические исследования, историческая топография, Золотая Орда, Болгарское городище, раскоп ССХVI, керамическое производство, первая общebolгарская группа керамики, горны по обжигу керамики.

Раскоп ССХVI², расположенный в юго-восточной части средневекового Болгарского городища X–XV вв. (г. Болгар, Спасский район, Республика Татарстан), исследовался в рамках реализации мероприятий комплексного проекта «Культурное наследие – Остров-град Свияжск и древний Болгар». Находился в 150 м юго-западнее музеефицированного комплекса гон-

чарного производства Болгарского музея-заповедника, в 330 м северо-западнее взлетно-посадочной полосы старого аэродрома и в 630 м юго-западнее средневековой бани «Белая Палата» (рис. 1: 1).

Перед проведением земляных исследований изучаемый участок средневековой городской территории был обследован методами естественных

¹ Работа выполнена за счет средств субсидии, выделенной в рамках государственной поддержки Казанского (Приволжского) федерального университета в целях повышения его конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров / The work is performed according to the Russian Government Program of Competitive Growth of Kazan Federal University.

² Пользуясь случаем, хочу поблагодарить А.Г. Ситдикова любезно разрешившего опубликовать некоторые материалы происходящие из исследований руководимой им экспедиции.

Рис. 1. Болгарское городище – 2016 г. Раскоп ССХVI. 1 – план Болгарского городища с нанесением местоположения раскопа; 2 – план геомагнитных аномалий южнее Галанкина озера (по В.Г. Бездудному); 3 – план геомагнитных аномалий на площади раскопа (по В.Г. Бездудному).

Fig. 1. Bolgar fortified settlement – 2016. Excavation ССХVI. 1 – plan of the Bolgar settlement with plotted location of the excavation; 2 – plan of geomagnetic anomalies to the South of Galankino Lake (after V.G. Bezdudny); 3 – plan of geomagnetic anomalies across the excavation area (after V.G. Bezdudny).

наук – проведена магниторазведка (рис. 1: 2). Современная дневная поверхность раскопа ССХVI представляла собой поле, покрытое растительностью (травой). Раскоп был размечен в единой геоинформационной системе и ориентирован по линии север-юг. В плане он имел форму квадрата, общей площадью 256 кв. м (Ситдииков, Бочаров, Иожица, Куклина, Яворская, 2017, с. 13–15) (рис. 1: 3; рис. 2).

В западной части Болгарского городища в районе Галанкина озера археологические исследования про-

водились еще в 40-е гг. XX в. экспедицией под руководством А.П. Смирнова и с этих первых исследований были получены важнейшие сведения о средневековых ремесленных производствах.

В 1948 г. на западной стороне Галанкина озера несколькими небольшими раскопами с общим для экспедиции того года номером 3 и с выделением отдельных участков раскопок с литерами 3а, 3б, 3с, О.С. Хованской были исследованы три мастерские по производству непо-

ливной керамики с шестью горнами. Прослежены конструктивные особенности горнов, выявлен основной ассортимент продукции каждой мастерской (Смирнов, 1948, л. 50). Установлено, что несколько горнов объединялись одним котлованом, то есть сооружались одновременно. Стратиграфия этого участка городища выглядит следующим образом – под пашенным слоем, насыщенным керамикой XIV века, залегает культурный слой XIV века (IV – поздний)³ мощностью 26–30 см, местами углубляясь до 40–50 см. Остальные слои по общеполгарской шкале (I–II, III, V) отсутствовали (Смирнов, 1948, л. 52). Дополнительные обследования не выявили остатков поселка, синхронного производственным комплексам (Смирнов, 1948, л. 64), однако была зафиксирована землянка, предшествующая слоям XIV в. По мнению автора раскопок О.С. Хованской, землянка датируется домонгольским временем (Смирнов, 1948, л. 65, 69). Ассортимент продукции мастерских оказался стандартизирован. В основном выпускались крупные тарные сосуды (хумы, хумчи или корчаги), в меньшей степени кувшины и трубы, в небольшом количестве сфероконусы, копилки, кумганы и чайники (афтобы) (Смирнов, 1948, л. 76). О.С. Хованская считает, что эти мастерские работали сезонно, никаких следов постоянного поселения вблизи мастерских не обнаружено (Смирнов, 1948, л. 80). Работу производственного комплекса исследовательница связыва-

ет исключительно с XIV в. Находки монет в раскопах подтверждают это. Прекращение работы горнов хорошо датируется находкой медной монеты хана Хызра 1362 г. (Смирнов, 1948, л. 61). С завершением функционирования мастерских связаны и следы междоусобиц: с северной стороны горна № 3, на уровне рабочей площадки для выгрузки и загрузки посуды, обнаружено два скелета взрослых людей в согнутых позах и без могильных ям (Смирнов, 1948, л. 67–68). На раскопе 3с в горне был обнаружен разбитый череп ребенка и несколько его костей (Смирнов, 1948, л. 72).

Следующий этап исследований района Галанкина озера начинается в 1969 г. При прокладке водопроводной траншеи длиной 362 м, прошедшей через городище, в районе к северу и северо-западу от Галанкина озера Н.Д. Аксёновой были проведены археологические раскопки и сделаны интересные наблюдения над стратиграфией данного участка городища, зафиксировано более 20 различных сооружений и отмечены скопления медного шлака (Аксёнова, 1969, л. 8–15).

Наиболее важный этап изучения западной части Болгарского городища наступил в 1978–1979 гг. в связи с благоустройством территории аэродрома, когда к северо-западу от Галанкина озера было заложено несколько раскопов (LXI–LXIV, LXVI). На общей площади около 740 кв. м открыты остатки жилых сооружений – преимущественно это были глубокие жилые землянки, а также различные по назначению ямы как с бытовыми, так и с производственными остатками (Аксёнова, Полубояринова, Крамаровский, 1979, л. 8–29). Стратиграфическая

³ Здесь и далее в тексте статьи нумерация слоев приводится по единой стратиграфической шкале Болгарского городища (Хлебникова, 1987, с. 47–53).

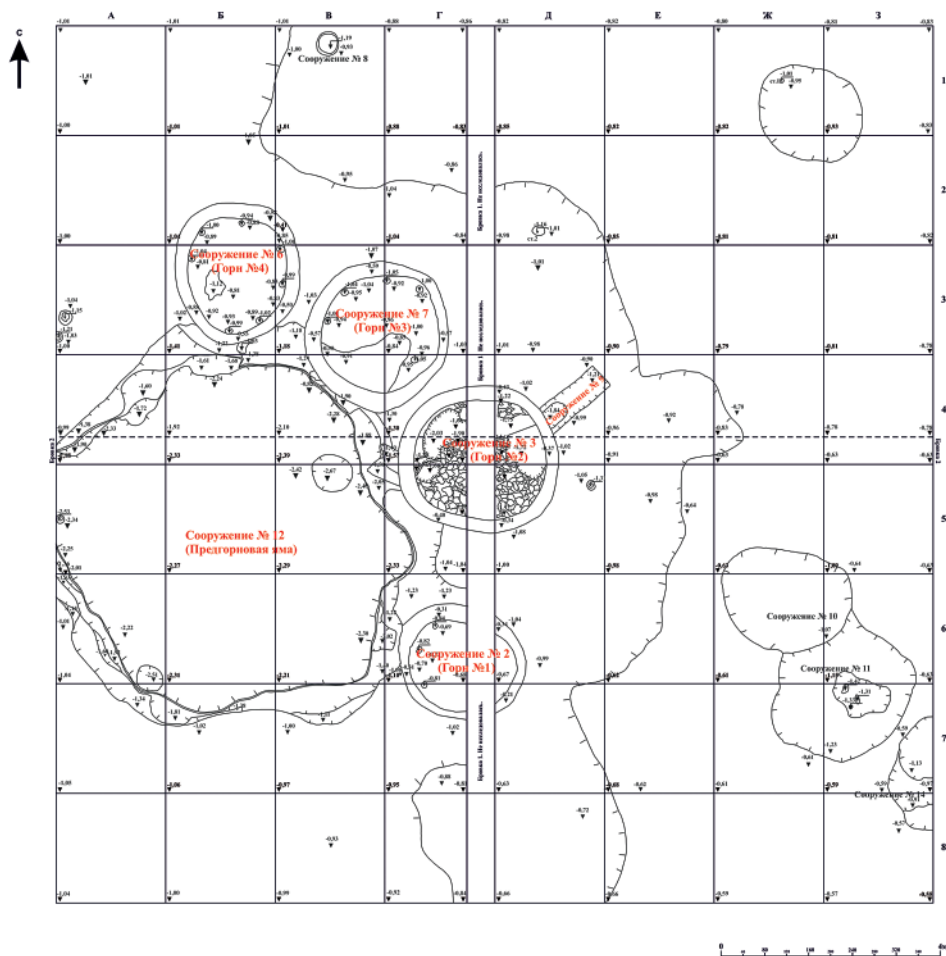

Рис. 2. Болгарское городище – 2016 г. Раскоп ССХVI.
План раскопа по материковой поверхности.

Fig. 2. Bolgar fortified settlement – 2016. Excavation CCXVI.
Plan for excavation along the bed rock surface.

ситуация на этих раскопах совпадает с той, что обнаружена на производственных комплексах: I слой – пахотный слой села Болгары и IV – позднеордынский слой XIV века. Все выявленные на раскопах сооружения датируются в пределах середины XIV в. и некоторые, по мнению исследователей, перекрыты слоем пожара 1361 г. Примерно в это время прекращают работать все керамические горны, выявленные предыдущими археологическими раскопками.

А в заполнении культурных напластований и объектов выражено преобладает продукция горнов, обнаруженных вблизи Галанкина озера (Аксенова, Полубояринова, Крамаровский, 1979, л. 41). Из находок исследователи особо отметили около 600 фрагментов железных и медных шлаков, обрезки медных пластин, некоторое количество заготовок и поделок из кости, а также 102 обломка древнерусской

керамики, что существенно больше, чем на раскопах в центральной и восточной частях городища (Аксенова, Полубояринова, Крамаровский, 1979, л. 41). По-видимому, исследованиями выявлены остатки металлургических производств как черного, так и цветного металла, а также косторезного производства.

В 1980 г. Г.Ф. Полякова обследовала район к северу от Галанкина озера (раскоп LXX, площадь 242 кв. м), выявила следы большой керамической мастерской и провела ее археологические исследования (Полякова, 1980, л. 3–14). В зону раскопа попало два горна и еще два были расположены за пределами исследованной площади, но их остатки хорошо считывались на поверхности. Автор раскопок сообщает, что 4 горна были объединены общим «котлованом», то есть имели единую пригорновую яму. Горны двухъярусные, состоящие из обжигательной камеры и топки. Топочное помещение и обжигательная камера были углублены в грунт, что способствовало получению и длительному сохранению необходимой температуры, давало возможность более качественного обжига сосудов. Устье топки пробивали в материке и выводили в «предгорновую» яму. Топочное помещение опиралось на глинобитный столб и уступы стенок топки (Полякова, 1980, л. 12). Изнутри вертикальные стенки обжигательной камеры были обмазаны глиной, а в нижней части располагались продухи. Сверху обжигательная камера была, возможно, перекрыта куполообразной конструкцией, состоящей из глины и кирпича, остатки подобных перекрытий обнаружены в заполнении всех исследованных сооружений (Хован-

ская, 1954, л. 361; Полякова, 1980, л. 18). По-видимому, раскопом Г.Ф. Поляковой 1980 г. зафиксирована наиболее крупная мастерская в этом районе Болгара. Ассортимент продукции керамических мастерских западного участка городища подробно разбирается в публикации О.С. Хованской и отчете Г.Ф. Поляковой. Преимущественно это крупные формы изделий: корчаги, миски, кувшины, а также трубы. Некоторое небольшое количество обломков, найденных внутри горнов и имеющих производственные следы, относятся и к «малым» формам – небольшие горшки и сфероконусы. Некоторые сосуды перекалены и черепок приобрел коричневый цвет (Хованская, 1954, с. 359). По мнению Г.Ф. Поляковой, все изготавливаемые сосуды принадлежат к общebolгарской группе керамике красного цвета, часть из них покрыта вертикальным лощением (Полякова, 1980, л. 19). На раскопе Г.Ф. Поляковой зафиксированы также несколько столбовых ям, ямы для хранения глины, а также остатки двух более ранних жилищ (Полякова, 1980, л. 23). Стратиграфические наблюдения Г.Ф. Поляковой показали, что крупная мастерская функционировала в 50-х гг. XIV в. и к началу 1360-х гг. прекратила функционирование.

Стратиграфическая ситуация несколько различается на раскопах, где встречены сугубо производственные сооружения и на тех участках, где фиксируется жилье. Общим для всех культурных напластований вокруг Галанкина озера можно считать следующие стратиграфические данные.

Верхние слои (от 0,04 до 0,06 м) составляют современный дерновый слой, под которым расположен пахот-

ный слой, толщина которого на разных участках колеблется от 0,20 до 0,40 м. В этом слое есть как находки из средневековых культурных напластований, так и немногочисленные находки, характеризующие жизнь села Болгары XIX–XX вв. (слой I–II). Под пахотным слоем с современными находками располагаются средневековые культурные напластования IV-го позднеордынского слоя. По стратиграфическим наблюдениям Г.Ф. Поляковой эти напластования характеризуются неоднородностью: верхний горизонт представляет собой серую супесь с большим количеством культурных остатков, а нижний горизонт – слабо гумусированный рыжеватый предматерик с небольшим количеством находок (Полякова, 1980, л. 9). Других слоев по общеполгарской шкале (III, IV – ранний, V–VI домонгольские слои) на раскопах в районе Галанкина озера не обнаружено. Исключение составляет сложно датированная землянка из раскопа О.С. Хованской, которую исследовательница датирует домонгольским временем. В археологическом отчете О.С. Хованская выражает удивление по этому поводу, так как основной домонгольский город располагался далеко в северо-восточном направлении от исследуемого района.

Заканчивая историографический обзор отметим, что в целом по характеру культурных напластований, остаткам сооружений и вещевому материалу активное освоение данного участка городища можно отнести ко второй четверти и середине XIV в. Здесь функционировали ремесленные производства: преимущественно гончарное, металлургия железа и бронзы, а также, возможно косторезное. К

востоку от мастерских располагалась жилая застройка. Прекращение функционирования мастерских и в целом данного района города датируется исследователями началом 1360-х гг. Их гибель исследователи связывают с мощной междоусобицей, происходившей в Золотой Орде в эти годы, следы разрушения, связанные с этим событием, археологически зафиксированы в материалах Болгарского городища.

В процессе работ 2016 г. были исследованы культурные напластования, относящиеся к двум хронологическим горизонтам: временам русского села XIX–XX вв. (I и II слои) и золотоордынского государства 1330–1360 гг. (IV – поздний слой).

С жизнедеятельностью русского села связаны верхние пласты, содержащие следы механической распашки земли в XX веке.

Все исследованные сооружения и ямы (14 объектов) относятся к позднеордынскому времени (IV – поздний слой), среди них 4 горна для обжига керамики, 2 предгорновые ямы, 3 конструкции, связанные с горнами и 5 ям хозяйственного назначения. Сооружения раннеордынского времени (IV – ранний слой) на раскопе ССХVI не зафиксированы.

Приведем краткое описание основных сооружений. Гончарный горн 1 (сооружение 2 по общей нумерации объектов) (рис. 2) был зафиксирован при зачистке 4 пласта. Метрические показатели сооружения – диаметр 1,7 м, толщина стенок – до 0,28 м, высота – 1,6 м, исследованная глубина заполнения – до 0,44 м, глубина обжигательной камеры – до 0,44 м. Сооружение не было изучено полностью с целью его дальнейшей реставрации и музеефикации (рис. 3: 3; рис. 4: 1).

Рис. 3. Болгарское городище – 2016 г. Раскоп ССХVI. 1 – горн 3 (сооружение 6) на уровне пятого пласта, вид с запада; 2 – степень сохранности обжигательных камер горнов 3 и 4 (сооружения 7 и 6), вид с запада; 3 – восточная часть раскопа с горнами 1 и 2 (сооружения 2 и 3), вид с юга; 4 – горны 1–4 (сооружения 2, 3, 7 и 6) вид с северо-запада.

Fig. 3. Bolgar fortified settlement – 2016. Excavation ССХVI. 1 – hearth 3 (structure 6) at the level of the fifth layer, view from the West; 2 – preservation degree of the firing chambers of hearths 3 and 4 (structures 7 and 6), view from the West; 3 – Eastern portion of the excavation with hearths 1 and 2 (structures 2 and 3), view from the South; 4 – hearths 1–4 (structures 2, 3, 7 and 6), view from the North-West.

Судя по стратиграфическим наблюдениям и находкам из заполнения горна (553 фрагмента гончарной керамики первой общebolгарской группы⁴, пряслице и 3 фрагмента сфероконических сосудов), время функционирования данного объекта может быть определено 1330–1360 гг. (Ситдииков, 2017, л. 45–47).

Горн 2 (сооружение 3) был зафиксирован при зачистке 4 пласта. Метрические показатели сооружения – диаметр 2,3 м, толщина стенок – до 0,4 м, высота – 1,52 м,

глубина – 1,5 м, глубина обжигательной камеры – 0,3 м, толщина перегородки – 0,16 м, глубина топочной камеры – до 1,04 м (рис. 2). Описание конструкции горна приводится по схеме, предложенной А.А. Бобринским (1991, с. 93–133). Обжиговый блок – устройство для размещения изделий – представлено простой камерой (неоформленный внутренний объем, но с основанием, в котором отсутствует большой теплопроводный канал). Тип – РИ-2. Загрузочно-разгрузочное устройство для изделий полностью сформированное (рис. 4: 2). Тип – ЗР-3. Дымоотводно-тяговое устрой-

⁴ Группы болгарской керамики даны по Т.А. Хлебниковой (1984, 207–232).

Рис. 4. Болгарское городище – 2016 г. Раскоп ССХVI.

- 1 – горн 1 (сооружение 2), вид с запада из предгорновой ямы (сооружение 12);
 2 – горн 2 (сооружение 3), вид с юго-запада из предгорновой ямы (сооружение 12);
 3 – горн 3 (сооружение 7), вид с юга из предгорновой ямы (сооружение 12);
 4 – горн 4 (сооружение 6), вид с юго-запада из предгорновой ямы (сооружение 12).

Fig. 4. Bolgar fortified settlement – 2016. Excavation ССХVI.

- 1 – hearth 1 (structure 2), view from the West from the pre-hearth pit (structure 12);
 2 – hearth 2 (structure 3), view from the South-West from the pre-hearth pit (structure 12);
 3 – hearth 3 (structure 7), view from the South from the pre-hearth pit (structure 12);
 4 – hearth 4 (structure 6), view from the South-West from the pre-hearth pit (structure 12).

ство – частично сформированное (в проеме специально оставлены отверстия для создания тяги и выхода дыма). Тип – ДТ-2. Наблюдательное устройство за ходом нагревания изделий предположительно неоформленное. Его функции выполняли дымоводно-тяговые устройства. Тип – НН-1. Теплопроводно-разделительный блок – разделительное устрой-

ство между блоками частично сформировано (верхняя поверхность выступает в роли основания устройства для размещения обжигаемых изделий, а нижняя служит перекрытием над топочным блоком (рис. 5: 1). Тело РБ используется для сооружения в нем теплопроводных каналов). Тип – РБ-2. Теплопроводные каналы – трубчатые, частично сформиро-

Рис. 5. Болгарское городище – 2016 г. Раскоп ССХVI. 1 – горн 2 (сооружение 3), вид перегородки между топочной и обжигательными камерами с востока; 2 – горн 2 (сооружение 3), вид обжигательной камеры и опорного столба с востока; 3 – горн 2 (сооружение 3), опорный столб с востока; 4 – горн 3 (сооружение 7), вид перегородки между топочной и обжигательными камерами с юга.

Fig. 5. Bolgar fortified settlement – 2016. Excavation ССХVI. 1 – hearth 2 (structure 3), view of the partition between the heating and firing chambers from the East; 2 – hearth 2 (structure 3), view of the firing chamber and support pillar from the East; 3 – hearth 2 (structure 3), support pillar viewed from the East; 4 – hearth 3 (structure 7), view of the partition between the heating and firing chambers from the South.

ванные (ТК-Т2). Топочный блок – устройство для размещения и сжигания топлива – представлен сформированной топкой периферического действия (рис. 5: 2). Тип – СТП-2. Загрузочное устройство для топлива – нижнее горизонтальное дифференцированное (рис. 5: 3). Тип – ЗТ-3/1/3. Устройство для первичной концентрации тепловой энергии – полностью сформированное. Тип – КТЗ. Судя по стратиграфическим наблюдениям и сопутствующему материалу, время функционирования горна 2 может быть определено так же, как и горна 1, в пределах 1330–1360 гг.

Всего из сооружения происходило 10 индивидуальных находок: фрагмент замка железного; копилка глиняная (рис. 9: 2); пряслице керамическое; монета медная (Хызр, чекан Гюлистана, 762 г. х. = 1360–1361 гг.); фрагмент сфероконического сосуда; два фрагмента железных предметов и 3 фрагмента железных гвоздей, а также 165 фрагментов гончарной керамики первой общеболгарской группы: 55 фрагментов относятся к красноглиняным лощеным сосудам, 75 – к красноглиняным не лощеным, 8 – к коричневоглиняным лощеным, 3 – к коричневоглиняным нелоще-

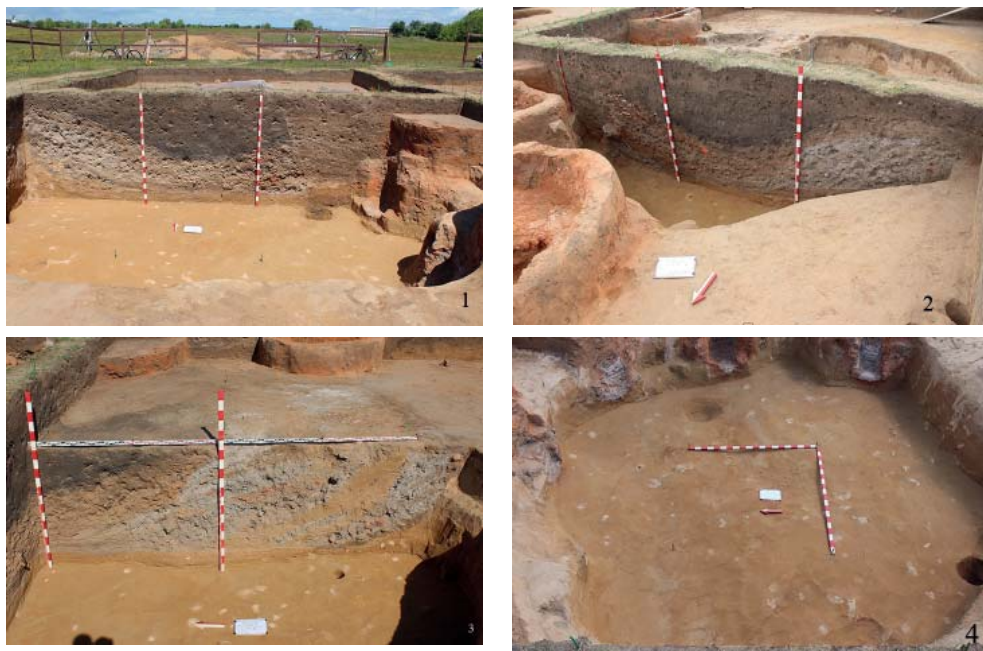

Рис. 6. Болгарское городище – 2016 г. Раскоп ССХVI. 1 – пригорновая яма (сооружение 12), продольный стратиграфический профиль, вид с юга; 2 – пригорновая яма (сооружение 12), продольный стратиграфический профиль, вид с северо-запада; 3 – пригорновая яма (сооружение 12), поперечный стратиграфический профиль, вид с запада; 4 – пригорновая яма (сооружение 12), пол сооружения, вид с запада.

Fig. 6. Bolgar fortified settlement – 2016. Excavation ССХVI. 1 – pre-hearth pit (structure 12), longitudinal stratigraphic profile, view from the South; 2 – pre-hearth pit (structure 12), longitudinal stratigraphic profile, view from the North-West; 3 – pre-hearth pit (structure 12), transverse stratigraphic profile, view from the West; 4 – pre-hearth pit (structure 12), floor of the structure, view from the West.

ным, 10 – к сероглиняным лощеным и 14 – к сероглиняным не лощеным (Ситдииков, 2017, л. 47–49).

Горн 3 (сооружение 7) был также зафиксирован при зачистке 4 пласта (рис. 3: 1, 2, 4). Диаметр 1,8 м, толщина стенок – до 0,28 м, высота – 1,58 м (рис. 4: 3), исследованная глубина – до 0,31 м (рис. 2). Сооружение не было изучено полностью с целью его дальнейшей реставрации и музеефикации (рис. 5: 4). В сооружении обнаружены 394 фрагмента гончарной керамики первой общеболгарской группы: 146 фрагментов относятся к красноглиняным лощеным сосудам, 111 – к красноглиняным нелощеным,

74 – к коричневоглиняным лощеным, 46 – к коричневоглиняным нелощеным, 17 – к сероглиняным лощеным. Также было зафиксировано 10 обломков водопроводных труб. Судя по стратиграфическим наблюдениям, время функционирования данного объекта совпадает со временем двух вышеописанных горнов и приходится на 1330–1360 гг. (Ситдииков, 2017, л. 52–53).

Горн 4 (сооружение 6) был зафиксирован при зачистке 4 пласта. Диаметр 2,1 м (рис. 3: 2), толщина стенок – до 0,3 м, высота – 1,5 м, исследованная глубина – до 0,44 м (рис. 3: 4), сохранившаяся глубина обжигательной

Рис. 7. Болгарское городище – 2016 г. Раскоп ССХVI. Пригорновая яма (сооружение 12). 1 – глиняные ленты, применяемые при скульптурной лепке сосудов (оин. 530); 2 – кусок засохшей глины со следами пальцев рук гончара (оин. 547).

Fig. 7. Bolgar fortified settlement – 2016. Excavation ССХVI. Pre-hearth pit (structure 12). 1 – clay bands used in sculptural moulding of vessels (individual finding 530); 2 – fragment of dried clay with traces left by the potter's fingers (individual finding 547).

камеры – до 0,44 м (рис. 3: 2). Сооружение не было изучено полностью с целью его дальнейшей реставрации и музеефикации (рис. 4: 4). На уровне 6 пласта – в заполнении обжиговой камеры зафиксировано санитарное погребение 7 человек (рис. 10: 1). В заполнении горна найдены 8 индивидуальных предметов: фрагменты корчаги коричневоглиняной; фрагменты горшка коричневоглиняного; фрагменты двух сфероконических сосудов; труба водопроводная (рис. 9: 3); фрагмент литейной формы и две медные монеты (обе – Хызр, чекан Гюлистана, 762 г. х. = 1360–1361 гг.). Также обнаружены 452 фрагмента гончарной керамики первой общеболгарской группы: 209 фрагментов относятся к красноглиняным лощеным сосудам, 218 – к красноглиняным нелощеным, 23 – к коричневоглиняным лощеным, 2 – к коричневоглиняным нелощеным. Судя по стратиграфическим наблюдениям, время функционирования горна 4 то же, что и трех других – 1330–1360 гг. (Ситдииков, 2017, л. 50–52).

Сооружение 9 было зафиксировано при зачистке пласта 6 в кв. Д 4 и

Е 4, отметка – 0,87 м в виде пятна прямоугольной формы, ориентированного по линии юго-запад–северо-восток. Сооружение представляло собой прямоугольную площадку с одной высокой ступенью в центре конструкции. Размеры исследованной части составляют 1,33×0,52 м (рис. 2). Глубина сооружения – 0,96 м в юго-западной части, на уровне дна ступеньки; 0,22 м – в центральной и северо-восточной частях. Находки в заполнении сооружения отсутствовали (Ситдииков, 2017, л. 54). Возможно, данное сооружение являлось дополнительной площадкой для подхода к топочной камере горна 2 (сооружение 3).

Сооружение 12 было зафиксировано на уровне 6 пласта (отметка – 0,83 м) в кв. А, Б, В 5-7 и Г 5-6, а в кв. Б 3, А, Б, В 4 – на уровне 7 пласта (отметка -1,02 м). Форма сооружения неправильная прямоугольная со скругленными углами. Размер верхней исследованной части – 7,00×4,63 м, дна сооружения – 5,98×4,56 м (рис. 2). В северной части постройки прослежены три ряда ступеней, вырезанных в материке (отметки -1,38 м, -1,61 м,

Рис. 8. Болгарское городище – 2016 г. Раскоп ССХVI. 1 – пригорновая яма (сооружение 12), бракованный сфероконический сосуд, первая общеболгарская группа (оин. 582); 2 – пригорновая яма (сооружение 12) бракованный сфероконический сосуд, первая общеболгарская группа (оин. 669); 3 – пласт 5, слой светло-серого плотного суглинка, сфероконический сосуд, первая общеболгарская группа (оин. 259); 4 – пригорновая яма (сооружение 12), сфероконический сосуд, первая общеболгарская группа (оин. 589).

Fig. 8. Bolgar fortified settlement – 2016. Excavation ССХVI. 1 – pre-hearth pit (structure 12), defective spherical cone vessel, first all-Bolgar group (individual finding 582); 2 – pre-hearth pit (structure 12), defective spherical cone vessel, first all-Bolgar group (individual finding 669); 3 – layer 5, dense layer of light gray loam, spherical cone vessel, first all-Bolgar group (individual finding 259); 4 – pre-hearth pit (structure 12), defective spherical cone vessel, first all-Bolgar group (individual finding 589).

-1,72 м), в южной части – два ряда (отметки – -1,4 м, -1,82 м). Дно сооружения относительно ровное – лишь в северной части материк повышается на 0,1 м (рис. 6: 4). В юго-западной части обнаружено углубление округлой формы размером 0,4×0,42 м, дно которого располагалось на 0,2 м ниже уровня пола сооружения 12 (отметка -2,51 м). На всей остальной площади дно сооружения зафиксировано на отметках -2,27 – -2,32 м.

Заполнение сооружения включало в себя большое количество прослоек и пятен, основные из них: светло-серой плотной супеси, золы, золы с включениями фрагментов керамики и керамического шлака, песка с включениями пятен золы, бурой плотной супеси с включениями прокала (обожженной глины), фрагментов битого кирпича и керамики (рис. 6: 1–3). Всего из со-

оружия 12 происходило 208 индивидуальных находок. Особо хотелось бы выделить две глиняные ленты, применяемые при скульптурной лепке сосудов (рис. 7: 1), кусок засохшей глины со следами пальцев рук (рис. 7: 2), сфероконические сосуды (рис. 8: 4) два из которых бракованные изделия (рис. 8: 1 и 2), три медных монеты: анонимный пул Болгарского чекана с изображением тамги, вписанной в звезду. Анонимный пул Сарайского чекана времени правления хана Узбека (1313–1341 гг.) с изображениями льва и солнца, а так же анонимный пул времени правления хана Джанибека (1342–1357 гг.) с изображением двуглавого орла; красноглиняный кувшин болгарского производства (рис. 9: 1) (Ситдигов, 2017, л. 57–60)

В заполнении сооружения 12 зафиксированы также 6840 фрагментов

Рис. 9. Болгарское городище – 2016 г. Раскоп ССХVI. 1 – пригорновья яма (сооружение 12), кувшин первой общеболгарской группы (оин. 451); 2 – горн 2 (сооружение 3), керамическая копилка, первая общеболгарская группа (оин. 700); 3 – горн 3 (сооружение 7), труба водопроводная, первая общеболгарская группа (оин. 738).

Fig. 9. Bolgar fortified settlement – 2016. Excavation ССХVI. 1 – pre-hearth pit (structure 12), pitcher from the first all-Bolgar group (individual finding 451); 2 – hearth 2 (structure 3), ceramic money box, first all-Bolgar group (individual finding 700); 3 – hearth 3 (structure 7), water pipe, first all-Bolgar group (individual finding 738).

керамики. Большую часть составили осколки гончарных сосудов общеболгарской группы. Кроме того, были обнаружены 212 фрагментов водопроводных и 14 экземпляров дымогарных труб.

Сооружение № 12 по своей форме, местоположению и характеру заполнения являлось предгорновой ямой и связано со всеми четырьмя горнами (рис. 10: 2 и 3). По находкам из заполнения и общей стратиграфической ситуации объект можно датировать тем же временем, что и горны по производству керамики 1330–1360 гг. (IV – поздний слой) (Ситдигов, 2017, л. 60).

В результате археологических исследований 2016 г. на раскопе ССХVI был получен значительный керамический материал золотоордынского времени, представленный преимущественно красноглиняными сосудами, произведенными в Болгаре. Особо следует отметить большое количество находок сфероконических сосудов (рис. 8: 3) как фрагментов, так и целых форм. Также были обнаружены фрагменты импортной глазурованной керамики, произведенной в Нижнем Поволжье, Юго-Восточном Крыму, Китае и Закавказье. Получена значительная нумизматическая

Рис. 10. Болгарское городище – 2016 г. Раскоп ССХVI. 1 – горн 4 (сооружение 6), погребение, состоящее из 7 костяков; 2 – общий вид горнов 1–4 (сооружения 2, 3, 6 и 7) и связанных с ними производственных сооружений, вид с юга; 3 – общий вид горнов 1–4 (сооружения 2, 3, 6 и 7) и связанных с ними производственных сооружений, вид с запада.

Fig. 10. Bolgar fortified settlement – 2016. Excavation ССХVI. 1 – hearth 4 (structure 6), burial consisting of 7 skeletons; 2 – general view of hearths 1–4 (structures 2, 3, 6 and 7) and associated production facilities, view from the South; 3 – general view of hearths 1–4 (structures 2, 3, 6 and 7) and associated production facilities, view from the West.

коллекция, насчитывающая 70 экземпляров.

При исследовании горна 4 (сооружение 6), было зафиксировано погребение, состоящее из 7 костяков (рис. 10: 1). Данное погребение, скорее всего, относится ко времени Вели-

кой замятни в Золотоордынском государстве и относится к периоду, когда производственный горн уже не функционировал (Ситдигов, 2017, л. 51).

В ходе исследований 2016 г. на раскопе ССХVI удалось зафиксировать горны для обжига керамики,

объединенные общей для всех сооружений большой предгорновой ямой (рис. 10: 2). Вероятно, все четыре горна и связанные с ними вспомогательные сооружения функционировали одновременно. Все 4 горна сохранились до нижнего уровня стенок обжигательной камеры (рис. 10: 3). Один из горнов (сооружение 3) был изучен полностью. В процессе исследований в этой печи зафиксирован опорный столб (рис. 5: 2 и 3), над которым была расположена перегородка между топочной и обжигательной камерами. Большое количество сферо-

конических сосудов (в том числе со следами производственного брака), обнаруженных в заполнении предгорновой ямы, позволяет говорить об их изготовлении непосредственно на исследованном участке. Зафиксированы только производственные сооружения, жилые помещения в пределах раскопа отсутствуют. Новыми исследованиями были подтверждены датировки времени функционирования гончарных производственных комплексов в районе Галанкина озера в пределах временного диапазона 1330–1360 гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксенова Н.Д. Отчет о работах на Болгарском городище в 1969 году / Архив ИА РАН, Р-1, № 3921
2. Аксенова Н.Д., Полубояринова М.Д., Крамаровский М.Г. Отчеты о работах на Болгарском городище в 1978-79 гг. / Архив ИА РАН, Р-1, № 3921
3. Бобринский А.А. Гончарные мастерские и горны Восточной Европы (по материалам II–V вв. н.э.). Москва: Наука, 1991. 215 с.
4. Полякова Г.Ф. Отчёт о работе на Болгарском городище в 1980 году. Раскоп LXX / Документальный фонд БГИАЗ. Инв. № 66-1. КП-405.
5. Ситдигов А.Г. Отчет об археологических раскопках в Спасском районе, г. Болгар, на Болгарском городище (Раскоп ССХVI) в 2016 г. Т. I. Казань, 2017 // НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф. 4. Оп. 1. 202 л.
6. Ситдигов А.Г., Бочаров С.Г., Иожица Д.В., Куклина А.А., Яворская Л.В. Раскоп ССХVI // Археологические исследования 2016 г.: Болгар и Свияжск / Авт.-сост. А.Г. Ситдигов, Р.Р. Валиев, А.С. Старков. Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2017. С. 13–15.
7. Смирнов А.П. Отчет Болгарской экспедиции 1948 г. / Архив ИА РАН, Р-1, № 219.
8. Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии: к вопросу об этнокультурном составе населения. М.: Наука, 1984. 241 с.
9. Хлебникова Т.А. История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия, топография // Город Болгар. Очерки истории и культуры / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1987. С. 32–88.
10. Хованская О.С. Гончарное дело города Болгара // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. I / МИА. № 42 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 356–368.

Информация об авторе:

Бочаров Сергей Геннадиевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); sgbotcharov@mail.ru

ARCHAEOLOGICAL STUDIES OF POTTERY HEARTHES AT BOLGAR FORTIFIED SETTLEMENT IN 2016 (EXCAVATION CCXVI)

S.G. Bocharov

Excavation CCXVII was investigated in 2016 within the framework of a complex project Cultural Heritage - the Island Town of Sviyazhsk and Ancient Bolgar. The total area of the exposed cultural layer was 256 square metres. A total of 14 structures (5 pits, 4 hearths for ceramics firing, 2 pre-hearth pits, 2 platforms for accessing heating chambers of the hearths and a single auxiliary structure) of the late Golden Horde period were identified in the excavation. The presence of four hearths for ceramics firing, which operated in the period of 1330–1360, can represent a direct evidence of pottery production in Bolgar settlement during the late Golden Horde period. The hearths were destroyed in the early period of the Great Troubles in the Golden Horde (1359–1380) circa the second half of the 1360s. The author suggests that a sanitary burial of 7 people was arranged in the previously abandoned hearth No. 6 (structure 6) during the period in question. As a result of the excavations, the researchers obtained a collection of 741 individual findings, including defective ceramic vessels of a spherical shape, pitchers and an unfired band used for ceramic moulding. The collection of mass material amounts to 8,334 fragments of locally manufactured Bolgar ceramics.

Keywords: archaeological studies, historical topography, the Golden Horde, Bolgar fortified settlement, excavation CCXVI, ceramic production, first all-Bolgar group of ceramics, ceramics firing hearths.

REFERENCES

1. Aksenova, N. D. 1970. *Otchet o rabotakh na Bolgarskom gorodishche v 1969 godu (Report on Works Conducted at Bolgar Fortified Settlement in 1969)*. Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, R-1, no. 3921 (in Russian).
2. Aksenova, N. D., Poluboiarinova, M. D., Kramarovskii, M. G. 1980. *Otchet o rabotakh na Bolgarskom gorodishche v 1978–79 gg. (Report on Works Conducted in Bolgar Fortified Settlement in 1978–79)*. Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, R-1, no. 39621 (in Russian).
3. Bobrinsky, A. A. 1991. *Goncharye masterskie i gorny Vostochnoi Evropy (po materialam II–V vv. n.e.) (Pottery Workshops and Kilns of Eastern Europe (based on the Materials of the 2nd–5th centuries A.D.))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
4. Poliakova, G. F. *Otchet o rabote na Bolgarskom gorodishche v 1980 godu (raskop LXX) (Report on the Fieldwork in the Bolgar Fortified Settlement in 1980 (Excavation Area LXX))*. Documentary Fund of the Bolgar Historical and Architectural Preservation Area. Inv. no. 66-1. КП-405. (in Russian).
5. Sitdikov, A. G. 2017. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh v Spasskom raione, g. Bolgar, na Bolgarskom gorodishche (Raskop CCXVI) v 2016 g. T. I (Report on Archaeological Excavations conducted in Spassky District, Bolgar Town, at Bolgar Fortified Settlement (Excavation 216) in 2016. Vol. 1.)*. Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Fund 4. Inv. 1, p. 202 (in Russian).
6. Sitdikov, A. G., Bocharov, S. G., Iozhitsa, D.V., Kuklina A.A., Yavorskaya, L. V. 2017. In Sitdikov, A. G., Valiev, R. R., Starkov, A. S. (comp.). *Arkheologicheskie issledovaniia 2016 g.: Bolgar i*

The work was funded by a subsidy granted within the framework of state support of Kazan (Volga region) Federal University in order to increase its competitiveness among the world leading research and educational centres / The work is performed according to the Russian Government Program of Competitive Growth of Kazan Federal University.

Sviiazhska (Archaeological Studies in 2016: Bolgar and Sviyazhsk). Kazan: "Kazanskaia nedvizhimost" Publ., 13–15 (in Russian).

7. Smirnov, A. P. 1949. *Otchet Bolgarskoi ekspeditsii 1948 g. (Report of the Bolgar Expedition of 1948)*. Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, R-1, no. 219 (in Russian).

8. Khlebnikova, T. A. 1984. *Keramika pamiatnikov Volzhskoi Bolgarii: (K voprosu ob etnokul'turnom sostave naseleniia) (Ceramic Ware of the Volga Bulgaria Sites. On the Question of Ethnic-cultural Composition of the Population)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

9. Khlebnikova, T. A. 1987. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar: Ocherki istorii i kul'tury (Town of Bolgar. Essays on History and Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ., 32–88 (in Russian).

10. Khovanskaia, O. S. 1954. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition)* I. Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR)* 42. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 356–368 (in Russian)..

About the Author:

Bocharov Sergei G. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sgbotcharov@mail.ru

Статья поступила в номер 13.06.2018 г.

УДК 904 "04/14"

<https://doi.org/10.24852/pa2018.2.24.270.289>

ИССЛЕДОВАНИЯ РЕМЕСЛЕННО-ТОРГОВОГО РАЙОНА СРЕДНЕВЕКОВОГО БОЛГАРА¹

© 2018 г. Д.Ю. Бадеев, В.Ю. Коваль

В ходе многолетних археологических исследований центральной части золотоордынского Болгара была выявлена и изучена уникальная для Восточной Европы постройка – здание городского базара середины XIV в. В статье рассматриваются этапы развития городского района, в котором возникла данная постройка. На площадке исследования впервые на территории Болгарского городища были изучены железоплавильные сыродутные горны подземного типа, которые по своим конструктивным особенностям близки к горнам «салтовского типа» и датируются X в. В конце домонгольского периода и в золотоордынский период комплексы по производству железа сменяются усадьбами, на которых располагаются производства связанные с выплавкой и обработкой цветных металлов, прежде всего, меди. Максимального развития ремесленные производства на данном участке достигают в первой половине XIV в. С этим периодом связано функционирование меднолитейной, стеклообрабатывающей, ювелирной и косторезной мастерских. В непосредственной близости располагался район по обработке железа. Таким образом, возникновение городского базара в районе исследования, не в последнюю очередь, связано с максимальной концентрацией ремесленного производства на данном участке средневекового Болгара.

Ключевые слова: археология, средневековый город, ремесло, сыродутный горн, каменная литейная форма, нижний монетный штемпель, Волжская Болгария, Золотая Орда.

Одним из наиболее археологически изученных участков Болгарского городища на данный момент является район, который располагается на верхней надпойменной террасе в 80–150 м к юго-западу от Соборной мечети, на пересечении улицы Назаровых (ранее Комсомольской) и Школьного переулка (рис. 1: 1, 3). Общая площадь многолетних (с 1989 по 2017 г.) археологических исследований на данном участке составила 2504 кв. м. Уже на начальном этапе работы Поволжской археологической экспедиции под руководством А.П. Смирнова данный район вызывал пристальное внимание ис-

следователей. Так, в 40-гг. XX в. Н.Ф. Калинин при составлении плана Болгарского городища с деталями археологических наблюдений на этом месте были отмечены «развалины» крупного объекта (План Болгарского городища...), которые находились на территории жилого двора (рис. 1: 2). Исследования 1947–1949 гг. в зоне, прилегающей с юга и юго-востока к территории с «развалинами», позволили выявить здесь остатки ремесленного производства домонгольского и золотоордынского периодов (XII – начала XV в.): наземные металлургические горны для плавки меди, железа и чу-

¹ Исследование выполнено в рамках проекта, поддержанного РФФИ (№ 18-09-00316\18).

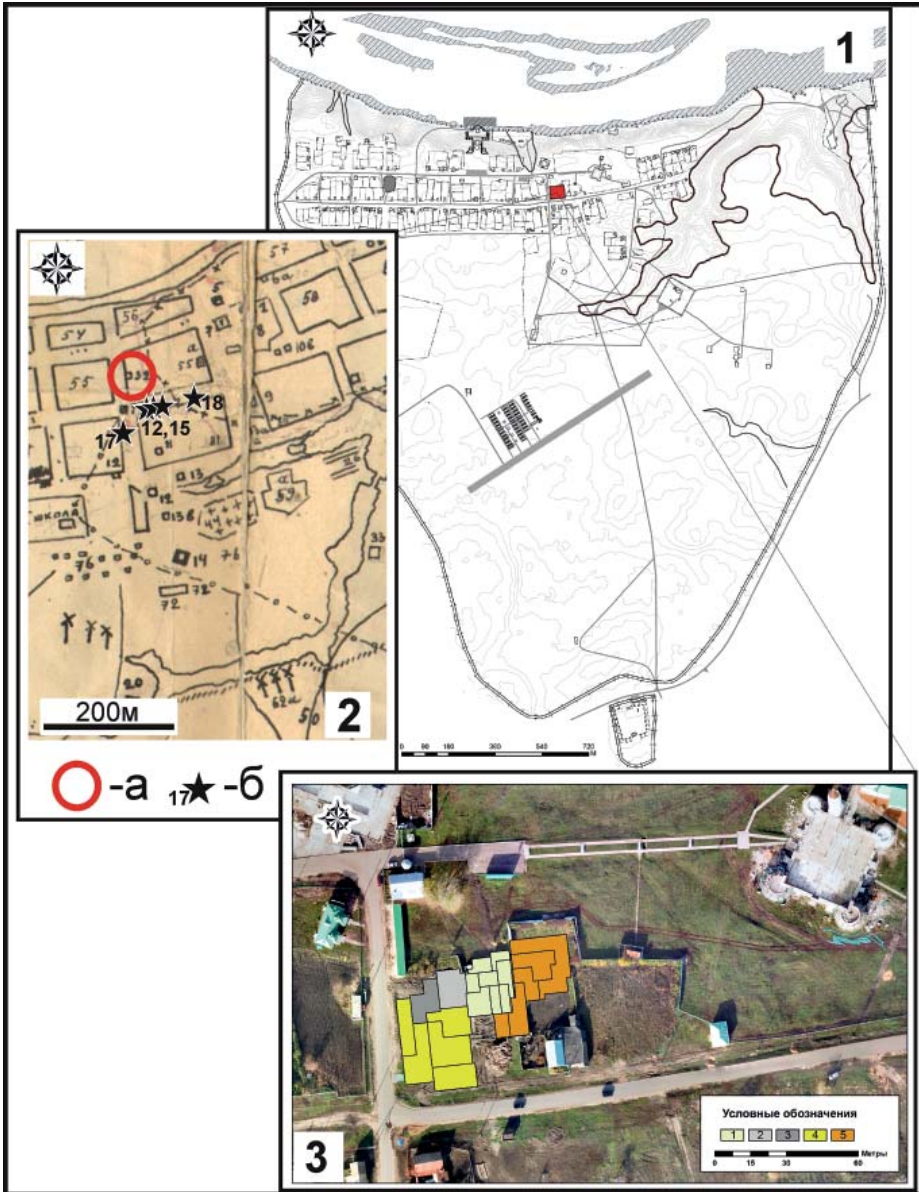

Рис. 1. Место проведения археологических исследований: 1 – на топоплане Болгарского городища; 2 – на фрагменте Плана Болгарского городища, составленного Н.Ф. Калининым (а – «развалины» крупной постройки; б – исследования 1947–1949 гг. с номерами раскопов; 3 – на космоснимке участка городища (1 – раскопы 1989–1993 гг., 2000 г.; 2 – раскоп CLXII, 2011 г.; 3 – раскоп CLXIV, 2012 г.; 4 – раскоп CLXXIX, 2012–2016 гг.; 5 – раскоп CXCII, 2013–2017 гг.).

Fig. 1. Archaeological study location: 1 – on a topographic plan of Bolgar fortified settlement; 2 – on a fragment of the Plan of the Bolgar fortified settlement compiled by N.F. Kalinin (a – “ruins” of a large building; б – studies of 1947–1949 with excavation numbers; 3 – on a space image of a settlement area (1 – excavations of 1989–1993, 2000; 2 – excavation CLXII of 2011; 3 – excavation CLXIV of 2012; 4 – excavation CLXXIX of 2012–2016; 5 – excavation CXCII of 2013–2017).

гуна, а также ямы, заполненные отходами косторезной мастерской и следы кожевенного производства (Хованская, 1951, с. 120–126). Все это позволило интерпретировать данную часть Болгара как ремесленный район: «интересен факт, что ремесленный квартал, расположенный к юго-западу от Четырехугольника, просуществовал с начала возникновения города вплоть до его окончательного падения» (Смирнов, 1974, с. 13).

В 1989 г. появилась возможность для проведения археологических раскопок непосредственно на месте упомянутых выше «развалин», на бывшей «усадебке Бушевых». За шесть полевых сезонов (1989–1993, 2000 г.) археологических исследований под руководством М.Д. Полубояриновой, Н.А. Кокориной (ИА РАН) и Г.Ф. Поляковой (ГИМ) были обнаружены остатки крупной каменно-кирпичной постройки, которая в раскопах была представлена завалами битого обожженного золотоордынского кирпича, фундаментной траншеей шириной 1–1,2 м (камень из которой был выбран в XIX в.), а также примыкавшими к ней под прямым углом с северо-востока двумя кирпичными кладками на глиняном растворе (шириной до 1 м каждая). Кроме того, под завалами битого кирпича встречались остатки обгоревших деревянных конструкций, что свидетельствовало о гибели выявленной постройки в результате пожара. Несмотря на вскрытие различных конструкций, ограниченность площадки исследования не позволила исследователям точно установить пространственное расположение, габариты и назначение обнаруженного сооружения. Все выявленные объекты, как и сопутствующий им

многочисленный торговый инвентарь (монеты, чашечки весов и гирьки), значительное количество изделий из стекла (прежде всего, бусы и перстни, в том числе, бракованные) и фрагменты глинобитного горна располагались в напластованиях, связанных с поздним золотоордынским слоем (второе десятилетие XIV – первая половина XV в.). Подобный набор находок позволил исследователям предположить, что обнаруженная ими постройка выполняла функции своеобразного торгового пространства – «рыночной площади», где могла осуществляться и ремесленная деятельность (Кокорина и др., 1994; Кокорина, 2005; Полубояринова, 2006).

Исследования «рыночной площади» возобновились в 2011 г. благодаря совместным усилиям Институты археологии Академии наук Республики Татарстан и Российской Академии наук. За 7 полевых сезонов на раскопах CLXII, CLXIV, CLXXIX и CXCI была исследована уникальная для средневекового периода Восточной Европы постройка городского базара. Промежуточные результаты ее исследований, конструктивные особенности и детали внутреннего устройства базара нашли свое отражение в ряде публикаций, а также были представлены на различных, в том числе международных конференциях (Баранов и др., 2012; Kovaletal., 2014; Коваль, Бадеев, 2015; Бадеев, Коваль, 2017). Однако остатки базара занимали только самую верхнюю позицию в стратиграфии исследованного участка, под ними были вскрыты отложения центральной части Болгара мощностью более 1 м, содержавшие интереснейший разновременный материал. Изучение этих напластований позволило

разработать более детальную стратиграфию этой части городища, выделив в составе позднезолотоордынского горизонта 3 хронологических кластера («субгоризонта»). Установленные временные рамки на основе монетного материала для каждого «субгоризонта» не превышали 30 лет. На раскопе CLXXIX (2015, 2016 г.) раннезолотоордынский горизонт IV слоя был разделен на 2 «субгоризонта»: «нижний» и «верхний». Последний состоял из коричневой супеси, насыщенной углями и медным шлаком, его мощность не превышала 10–12 см, датируется по монетному материалу концом XIII – началом XIV в. и был связан с функционированием медеплавильной мастерской. Кроме того, проведенные работы позволили установить планировочную структуру данного участка золотоордынского города, наметить улицу и усадьбы золотоордынского периода (Бадеев, 2016; Бадеев, Валиев, 2016).

В предлагаемой публикации основное внимание будет уделено производственным комплексам, открытым на изученном участке города. Их обзор представлен в хронологическом порядке. С начальным периодом существования города на раскопах CLXIV, CLXXIX и СХСII связаны металлургические объекты для производства кричного железа – сыродутные горны подземного (тигельного) типа с предгорновыми ямами, площадки скопления железной руды (бурый железняк), подготовленной к выплавке (на раскопе СХСII в 2017 г. было собрано свыше 50 кг гранулированной руды), а также значительное количество железного шлака, прослойка которого на отдельных участках достигала мощности 10 см. Всего на исследованной

территории было выявлено 3 горна подземного (тигельного) типа разной степени сохранности (рис. 2). Горны данного типа на Болгарском городище были выявлены впервые. Все они располагались в нижней части напластований домонгольского слоя VI. Помимо высокого содержания железного шлака данные отложения характеризуются прослойками темно-коричневой и серой супеси, насыщены золой, углями и мелкими обломками кальцинированных костей животных. Степень насыщенности находками и керамикой прослоек и объектов, синхронных металлургическим комплексам, невысокая. Из них происходило 2 саманидских дирхема (определение Д.Г. Мухаметшина), зонные гагатовые бусы, бусы-лимонки и лимоновидные многочастные пронизки желтого и темно-синего цвета, а также бусы из тянутой трубочки с металлической фольгой (серебростеклянные и ложнозолотостеклянные лимонки). Данный набор находок по аналогиям с материалами восточноевропейских памятников датируется в рамках второй половины IX – начала XI в.

Наилучшую сохранность имел горн, зафиксированный в раскопе CLXXIX 2012 г. (рис. 3: 1–2). Диаметр верхней части колбы-тигля 27 см, высота 50 см, он был впущен в материковую яму глубиной до 65 см. Снаружи тигель горна был обложен мелкозернистым материковым песком, выполнявшим роль футеровки. Песчаная засыпка и материковые стенки ямы прокалились до красного цвета в ходе использования горна. Зафиксирован также один воздуходушный канал, который располагался с юго-западной стороны тигля, в 20 см от его дна. Диаметр отверстия в тигле

Рис. 2. Расположение металлургических производственных комплексов в районе исследования: 1 – горны подземного (тигельного) типа; 2 – места скопления мелкодробленной железной руды.

Fig. 2. Location of metallurgical production complexes in the study area: 1 – underground (crucible) hearths; 2 – accumulation areas of finely crushed iron ore.

под воздуховодный канал не более 5 см. Канал имел длину около 40 см и выходил на уровень дневной поверхности (рис. 3: 1–2). В предгорновой яме, которая располагалась к востоку от горна и была исследована в раскопе 1989 г., выявлено около 1806 кусков железного шлака (Полубояринова, 1990, с. 17). Устройство отводного канала было установлено на примере еще одного горна с раскопа СХСII 2017 г. Основная часть горна была уничтожена перекопом начала XX в., сохранилась лишь нижняя его часть, которая посредством канала для отвода шлака (длиной 50 см, шириной 20–32 см, высотой 8–18 см, с наклоном в 20°) соединялась с предгорновой ямой. На стенке предгорновой ямы отводной канал был представлен пятном трапецевидной формы

(рис. 3: 3). Сама предгорновая яма в плане имела овальную форму, вытянутую по оси северо-восток – юго-запад. Северо-восточный край ямы выходил за границы раскопа. Зафиксированные размеры ямы составили 160×146 см, глубина – 125 см. Стенки ямы отвесные, дно плоское, неровное. В придонной части ямы располагалась прослойка железного шлака с углями и единичными включениями серой супеси. Мощность данной прослойки достигала 30 см. Верхняя часть заполнения ямы образована прослойкой светло-серой супеси с единичными включениями песка и углей (по своей морфологии соответствует переотложенному почвенному слою), которая, в свою очередь, перекрыта прослойкой рыжего песка с включениями серой супеси с единичными углями.

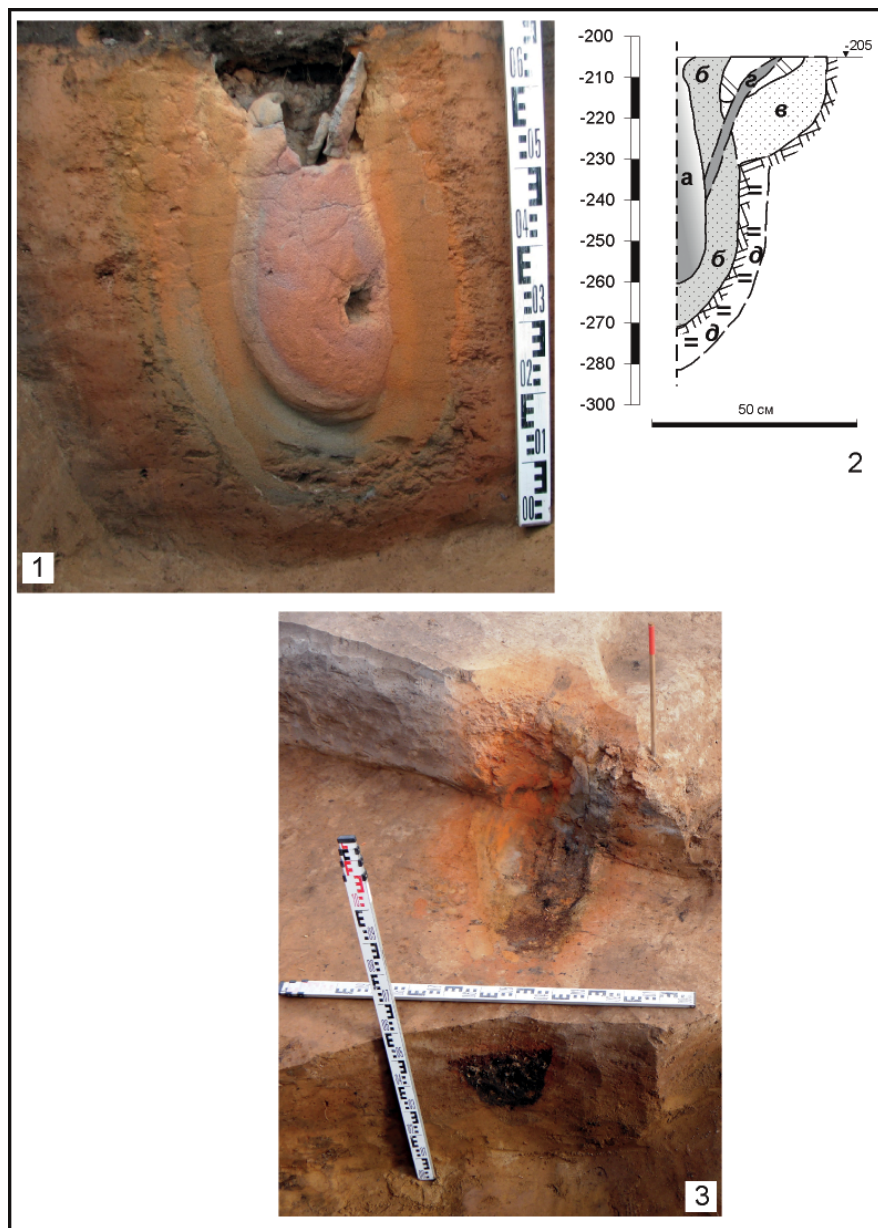

Рис. 3. Металлургические горны домонгольского периода. 1 – горн подземного (тигельного) типа (раскоп CLXXIX, 2012 г.) – фото (вид с 3); 2 – горн подземного (тигельного) типа (раскоп CLXXIX, 2012 г.) – чертеж (разрез): а) тигель-колба; б) прокаленный песок; в) рыжий песок; г) воздухопроводный канал; д) прокаленный материк; 3 – остатки горна подземного (тигельного) типа с отводным каналом на стенке предгорновой ямы (раскоп СХСII, 2017 г.) – фото (вид с С3).

Fig. 3. Metallurgical hearths of the pre-Mongol period. 1 – underground (crucible) hearth (excavation CLXXIX of 2012) – photograph (view from the West); 2 – underground (crucible) hearth (excavation CLXXIX of 2012) – drawing (cross-section): а) crucible flask; б) calcined sand; в) red sand; г) air channel; д) calcined bed rock; 3 – remains of an underground (crucible) hearth with a drainage channel on the wall of a pre-hearth pit (excavation СХСII of 2017) – photograph (view from the North-West).

Последняя прослойка, скорее всего, соотносится с просадкой в яму напластований домонгольского слоя V. Плохую сохранность имел и третий аналогичный горн с предгорновой ямой, который был выявлен на раскопе CLXIV (Баранов, Губайдуллин, 2016, с. 206).

Представленные горны конструктивно близки к сырдутным горнам лесостепной зоны на территории салтово-маяцкой культуры. Отличительной чертой последних является присутствие двух воздухопроводных каналов (Афанасьев, Николаенко, 1982; Афанасьев, 1987, с. 75–80, рис. 48; Степовой, 2011, с. 12–16). Наличие подобных горнов на Болгарском городище представляется вполне закономерным, поскольку носители салтово-маяцкой культуры, безусловно, принимали активное участие в генезисе болгарских городов на Средней Волге. Датировка горнов может быть проведена как на базе стратиграфических данных и сопутствующих находок, так и по указанным выше аналогиям с территории салтово-маяцкой культуры. Эти основания позволяют уверенно соотносить открытые горны с самым ранним этапом освоения данной территории – первой половиной X в.

В XI–XII вв. широкое распространение получают металлургические горны наземного типа, наиболее ранние из которых были глинобитными, имели полусферическую форму. Четыре горна данного типа на территории Болгарского городища были выявлены в напластованиях, которые по их стратиграфическому положению были датированы XII в. Располагались эти объекты в 60–80 м к юго-юго-западу от рассматриваемой нами пло-

щадки – на раскопе 17 (1949 г.). Горны в плане имели овальную (104×110 см, 110×115 см) или округлую (диаметром 80 см) форму, общая высота горнов достигала 50 см (Ефимова, 1951, с. 131–133, рис. 55; Семькин, 1996, с. 90, 91, рис. 35). Возможно, к одному из подобных горнов относилось сооружение, частично исследованное в раскопе СХСП (2017 г.), северная сторона которого выходила за границы раскопа. В плане оно имело округлую форму диаметром до 110 см, стенки слегка наклонные (толщиной до 10 см) сохранились на высоту до 30 см. Дно плоское глинобитное, как и стенки, прокаленное, мощностью 5–6 см. Верхняя часть сооружения была уничтожена поздней постройкой, а само оно просело в заполнение предгорновой ямы, относящейся к более раннему горну «салтовского» типа. В заполнении сооружения встречены отдельные куски железного шлака, на дне зафиксирована мощная (до 10 см) угольно-зольная прослойка.

Исходя из материалов раскопок к югу от площадки исследования – раскопы 12, 15 (по описи раскопов, составленной Т.А. Хлебниковой), производство железа, а также чугуна в первой половине XIV в. возобновляется на рассматриваемой территории. Топография таких изменений в положении района черной металлургии может быть связана с непродолжительным временем существования городских укреплений начала XIII в. (остатками которых являлся так называемый «замошный вал»). Во время их функционирования огнеопасное производство могло быть вынесено за границу укрепленной части города. После взятия города монголами в 1236 г. и как минимум частичного

разрушения существовавших укреплений производственные комплексы вновь возвращаются на территорию, где они располагались в XII в. Впрочем, нельзя исключать того, что металлургические производства продолжали существовать в этом районе почти непрерывно с XII по XIV в., закрываясь на одних усадьбах и возникая на других.

Ремесленные комплексы золотоордынского периода на площадке исследований 2011–2016 гг., в первую очередь, были связаны с меднолитейным и ювелирным производством. Так, на раскопе CLXXIX (2015 г.) в напластованиях, которые по монетному материалу и стратиграфии датированы концом XIII – первой третью XIV в., были выявлены остатки медеплавильного комплекса (Бадеев, Коваль, 2016, с. 83–84). Они были представлены пятном прокала округлой формы (диаметром – 80 см и мощностью до 12–15 см) и фрагментом деревянного настила, который располагался к северо-востоку от пятна прокала и состоял из покрытых медными окислами деревянных досок ориентированных по оси северо-восток–юго-запад (рис. 4). В непосредственной близости от пятна прокала отмечено скопление обожженной глины, которая, возможно, была обломками горна, предназначенного для выплавки меди и изготовления сплавов. Вокруг данных объектов была отмечена концентрация медных шлаков, она широкой полосой протянулась на 4 м с юго-запада на северо-восток. Кроме того, в заполнении синхронных сооружений объектов (подвалов) и в прослойках с ним связанных было выявлено большое количество обрезков и обломков медных изделий, подготовленных к

переплавке (рис. 5: 1), а также костей животных, покрытых зеленым налетом окиси меди. Подобная ситуация была зафиксирована и на раскопе 18 (1949 г.), где помимо «громдного количества медных шлаков, слитков меди и сильно окисленных, совершенно деформированных медных изделий», были обнаружены две медеплавильные печи (горны) «в сильно разрушенном состоянии», которые были датированы первой половиной XIV в. (Хованская, 1951, с. 121–122). Еще одна постройка с «горном для плавки цветных металлов», датированная серединой XIV в., была выявлена на краю надпойменной террасы, к северу от перекрестка ул. Мухамедьяра (б. Набережной) и Школьного переулка (раскоп CXLVIII) (Губайдуллин, 2013, с. 193, 198, рис. 8). Таким образом, можно говорить о формировании в конце XIII – начале XIV в. к западу, юго-западу и югу от Соборной мечети обширного ремесленного района, основу которого составляли ремесленники, занимавшиеся обработкой меди и цветных металлов. Эти же мастера, проживавшие на данном участке городища, могли иметь непосредственное отношение и к чеканке монет в Болгаре, иначе трудно объяснить наличие в заполнении одной из заглубленных построек конца XIII в. (раскоп СХСII 2014 г.) нижнего монетного штампеля (рис. 5: 2). Железный монетный штампель имел четырехгранную клиновидную форму, приспособленную для крепления в деревянной колоде, высота изделия 16 см. Верхняя часть штампеля имела круглую форму диаметром 3,2 см. Изображение штампеля намеренно испорчено после прекращения его использования и теперь трудно определимо. Интерпретация

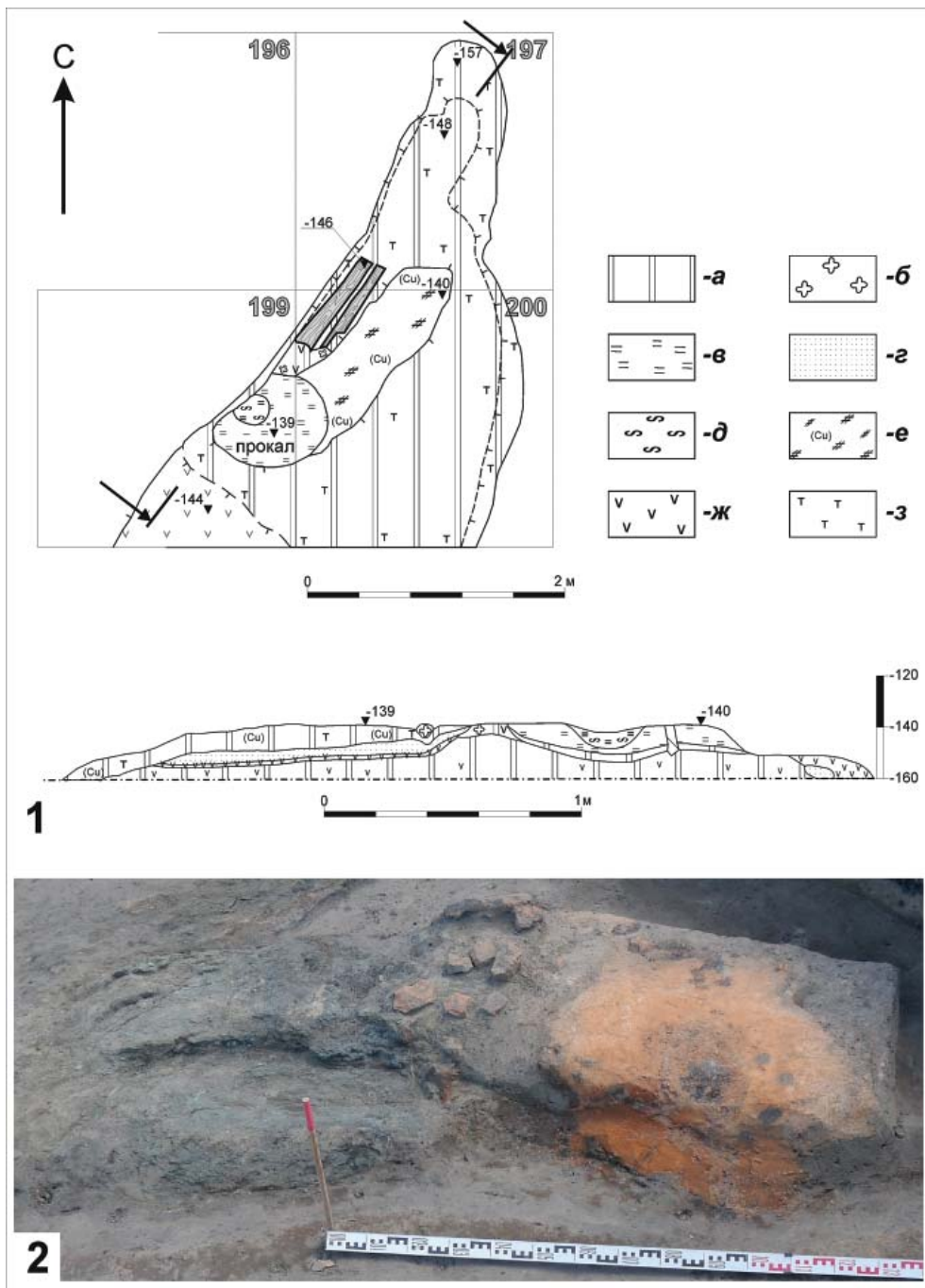

Рис. 4. Остатки медеплавильного комплекса – сооруж. 29 (раскоп CLXXIX – 2015 г.):
 1 – чертеж: а) коричневая супесь; б) печьна, обожженная глина; в) прокаленный грунт; г) рыжий песок; д) зола; е) медный шлак; ж) угли; з) древесный тлен;
 2 – фото (вид с СЗ).

Fig. 4. Remains of a copper smelting complex – structure 29 (excavation CLXXIX of 2015): 1 – drawing: a) brown sandy loam; b) stove, burnt clay; c) calcined soil; d) red sand; e) ash; e) copper slag; g) coals; h) decayed wood; 2 – photograph (view from the North-West).

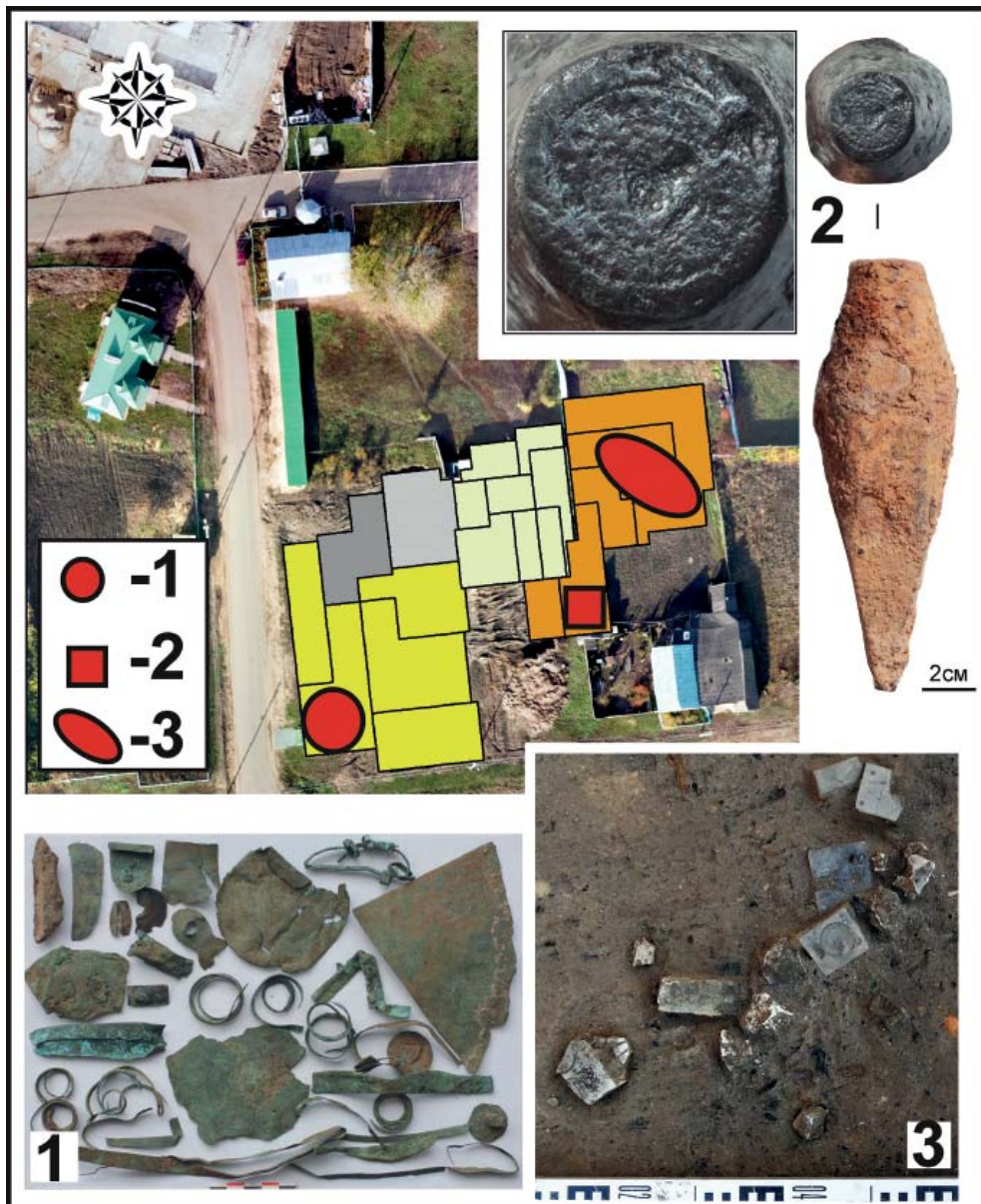

Рис. 5. Планиграфия производственных комплексов и отдельных находок в месте проведения археологических исследований: 1 – расположение меднолитейной мастерской и обломков медных изделий, подготовленных к переплавке; 2 – железный монетный штампель (инд. находка № 387, раскоп СХСII – 2014 г.) и место его обнаружения; 3 – участок максимальной концентрации каменных литейных форм и скопление створок форм в заполнении ямы 85 – in situ (раскоп СХСII – 2016 г.).

Fig. 5. Planigraphy of production complexes and individual findings at the archaeological study site: 1 – location of a copper foundry and fragments of copper articles prepared for remelting; 2 – iron coin stamp (individual finding No. 387, excavation CXCII of 2014) and its discovery location; 3 – location with a maximum concentration of stone foundry moulds and an accumulation of mould flaps in the filling material of pit 85 – in situ (excavation CXCII of 2016).

данного изображения была предложена Д.Г. Мухаметшиным, он находит в нем аналогии среди «серебряных анэпиграфных монет конца XIII в.» (Мухаметшин, Федорова, 2016, с. 24). Исходя из имеющихся у нас данных, это первая археологическая находка монетного штампера из золотоордынского центра монетного чекана.

К концу XX в. в Болгаре было «найдено 62 литейные формы, относящиеся ко времени существования городища» (Полякова, 1996, с. 158). В то время как с рассматриваемой нами площадки исследования (с учетом материалов 1989–1993, 2000 и 2017 г.) происходит около 100 створок каменных литейных форм. Литейные формы в значительной степени связаны с напластованиями и объектами конца XIII–XIV в., где в некоторых случаях они располагались скоплениями до 7 экз. Максимальная концентрация находок литейных форм была отмечена на участках раскопа СХСII (2016, 2017 г.) – 86 экземпляров (рис. 5: 3). Это количество сопоставимо с общим числом находок данной категории с территории всего Болгарского городища. Материалом для изготовления найденных форм служили местные известняковые породы, сланцевые породы с Урала, а также обломки талькохлоритовых котлов из Средней Азии (рис. 6). Состав изделий, предназначенных для отливки в эти формы, весьма разнообразен и включает щитковые перстни (с овальными и прямоугольными орнаментированными щитками), бусинные височные кольца, серьги, пластинчатые браслеты, игольник, грузики грибовидной формы, пуговицы, бусы, ременные бляхи и пряжки, различные привески и медальоны, навершие голов-

ного убора. По количеству рабочих плоскостей створки были как односторонние, так и двусторонние. Значительное количество створок составляли комплекты. На одном из таких комплектов, предназначенном для отливки перстня со вставкой, удалось выявить надпись, прочерченную кириллическими буквами на одном из тюркских наречий. И хотя литейные формы с различными граффити не являются такой уж редкостью, в том числе и для Болгара (Кокорина, 2012), форма с читаемой надписью впервые встречена на территории городища. По мнению А.А. Медынцевой, надпись «можно понять как подпись мастера-камнереза, выточившего эту форму». Кроме того, надпись носила благожелательный характер: «живи в довольстве.....коврючь Ясень», далее на боковых сторонах формы было дополнено тем же почерком: «выточивший формочку» (Медынцева и др., 2018, с. 141–145). Такое количество литейных форм может быть связано с располагавшейся здесь ювелирной мастерской. К сожалению, производственного брака или самих изделий, соотносимых с мастерской, пока выявлено не так много: прежде всего, это серьги в виде знака вопроса, единичные щитковые серебряные и медные перстни, небольшие пряжки, а также медные колечки диаметром от 1 до 1,8 см. В этом же месте (раскоп СХСII 2017 г.) в заполнении подвала середины XIV в. были найдены 45 обломков керамических тиглей. Кроме того, из напластований и объектов позднезолотоордынского горизонта IV слоя с раскопа происходит и инструментарий, который принято связывать с мастерами-ювелирами: пинцеты, мерная ложечка, миниатюрный топорик для

Рис. 6. Каменные литейные формы (раскоп СХСII, 2016 г.): 1–3 – местный известняк; 4–5 – стенки талькохлоритовых котлов; 6–8 – уральские сланцевые породы.

Fig. 6. Stone foundry moulds (excavation СХСII of 2016): 1–3 – local limestone; 4–5 – talc chlorite boiler walls; 6–8 – Ural shale rocks.

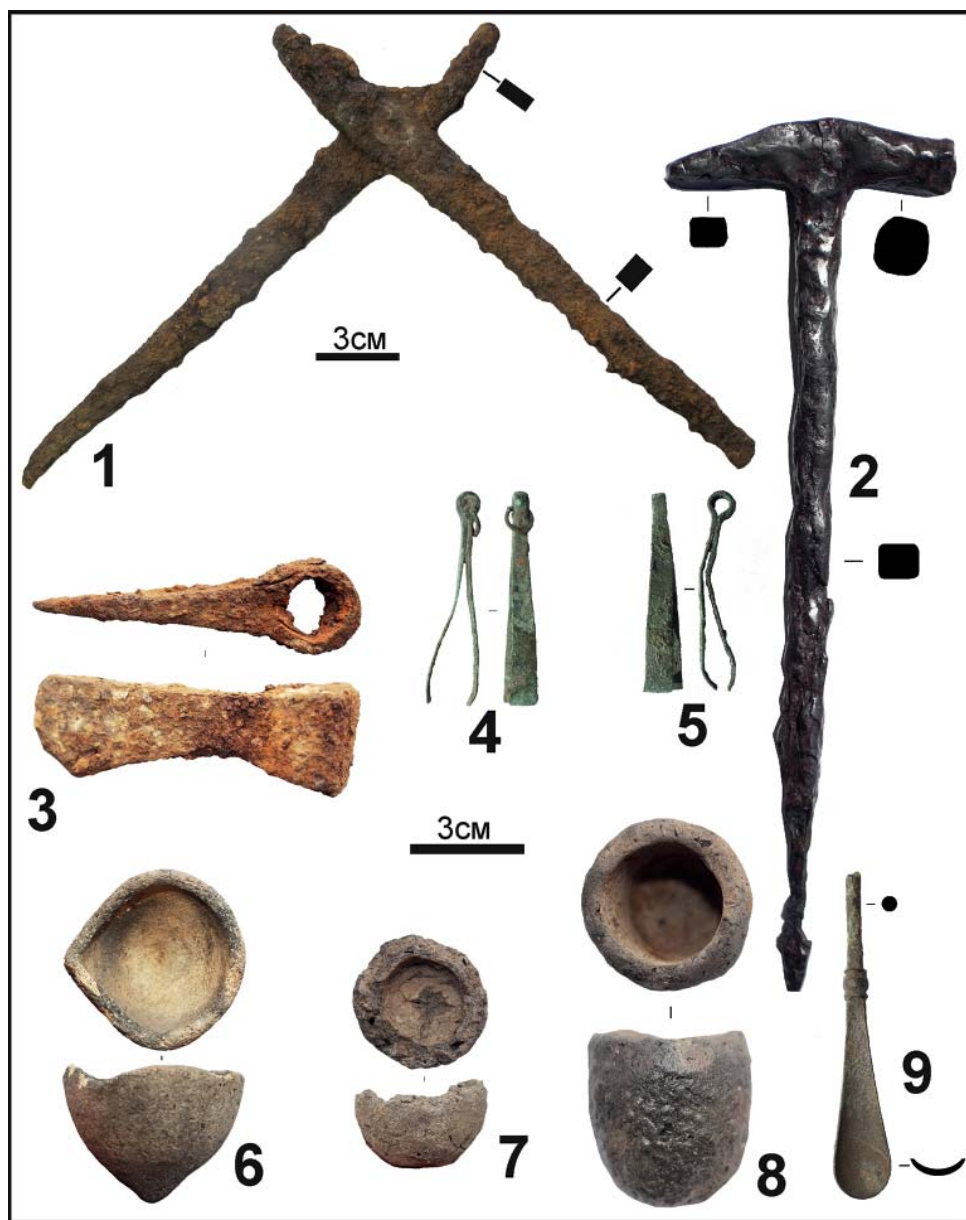

Рис. 7. Инструменты ювелира с площадки раскопов CLXXIX, СХСII: 1 – клещи железные (раскоп СХСII, 2017 г., № 1466); 2 – молоточек железный (раскоп CLXXIX, 2015 г., № 333); 3 – топорик миниатюрный железный (раскоп СХСII, 2016 г., № 205); 4, 5 – пинцеты медного сплава (раскоп СХСII, 2016 г., №1605; 2017 г., № 1146); 6–8 – тигли керамические (раскоп СХСII, 2016, №№1140, 569; раскоп CLXXIX, 2015 г., № 631), 9 – мерная ложечка медного сплава (раскоп СХСII, 2016 г., № 295).

Fig. 7. Jeweller tools from the site of excavation CLXXIX, CXCII: 1 – iron pincers (excavation CXCII of 2017, No. 1466); 2 – small iron hammer (excavation CLXXIX of 2015, No. 333); 3 – miniature iron ace (excavation of CXCII of 2016, No. 205); 4, 5 – tweezers made of a copper alloy (excavation CXCII, 2016, No. 1605, 2017, No. 1146); 6–8 – ceramic crucibles (excavation CXCII of 2016, Nos. 1140, 569, excavation CLXXIX of 2015, No. 631), 9 – measuring spoon made of a copper alloy (excavation CXCII of 2016, No. 295).

рубки проволоки, молоточек и клещи (рис. 7). Таким образом, можно говорить, что раскопами СХСII, CLXXIX удалось изучить часть ремесленного района медников и ювелиров, сформировавшегося в данной части городища в конце XIII – первой половине XIV в. При этом с медниками и ювелирами к середине XIV в. соседствовали усадьбы, на которых выявлены материалы, свидетельствующие об изготовлении на них стеклянных изделий (прежде всего, бус и щитковых перстней), изделий из кости и рога, а также янтаря (Полубояринова, 2006; Антипина и др., 2015). Благодаря исследованию широкими площадями на данном участке Болгарского городища стало возможным наметить планировку и размеры 5 усадеб ремесленников XIV в. Средняя площадь выявленных усадеб составила 640 кв. м, что сопоставимо с нижней границей «средних и крупных» усадеб Великого Новгорода (Бадеев, Валиев, 2016, с. 107).

К середине XIV в. на месте как минимум 4 усадеб (в том числе, связанных с ювелирным и стеклообработывающим производством) и уличной трассы 20–40-х гг. XIV в., ориентированной в направлении запад-северо-запад – восток-юго-восток, возводится здание городского базара. Постройка базара была осуществлена сразу после того, как часть усадеб, располагавшихся к востоку-северо-востоку от трассы улицы, пострадала в результате локального пожара, о чем свидетельствуют зафиксированные в раскопе СХСII (2013 г.) остатки сгоревшего крупного погребца (Коваль, Бадеев, 2015, с. 195). В результате перепланировки данного участка от северо-восточного входа базара в сторону Соборной мечети формирует-

ся новая улица, ограниченная двумя кладками (каждая шириной не более 1 м) из обожженного кирпича, которые также выполняли функцию оград усадеб (рис. 8: 1). Всего к северо-востоку от здания городского базара было выявлено 6 подвалов, время существования и гибели которых было синхронно торговой постройке. Подвалы представляли собой прямоугольные в плане ямы с размерами сторон не более 4–4,5 м, при глубине от уровня их дневной поверхности не менее 120–130 см. На дне ям, вдоль стен, зафиксированы остатки каркасных и каркасно-столбовых конструкций. Вероятно, некоторые из этих подвалов могли располагаться под жилыми домами. Однако каких-либо следов наземных конструкций, как и отопительных систем, зафиксировано не было. Затруднительно определить и размеры возможных наземных построек, располагавшихся над данными объектами. В двух погребцах (ямы 13 и 90) сохранились следы обугленных конструкций, хотя структура их заполнения свидетельствует о частичном разборе сгоревших объектов. Кроме того, в заполнении трех объектов (ямы 62, 83, 206) были выявлены человеческие останки, которые принадлежали 4 индивидам. В двух случаях (ямы 62 и 83) они располагались в нижней части заполнения, в одном (яма 206) – ближе кверху. Лишь один костяк (из ямы 62) имел полную сохранность, остальные были представлены разрозненными частями скелета. Вероятно, практически сразу после гибели в пожаре и последующей частичной разборки сгоревших конструкций образовавшиеся ямы были использованы под санитарные захоронения. Из заполнения подвалов (прежде всего, ямы 13, 84,

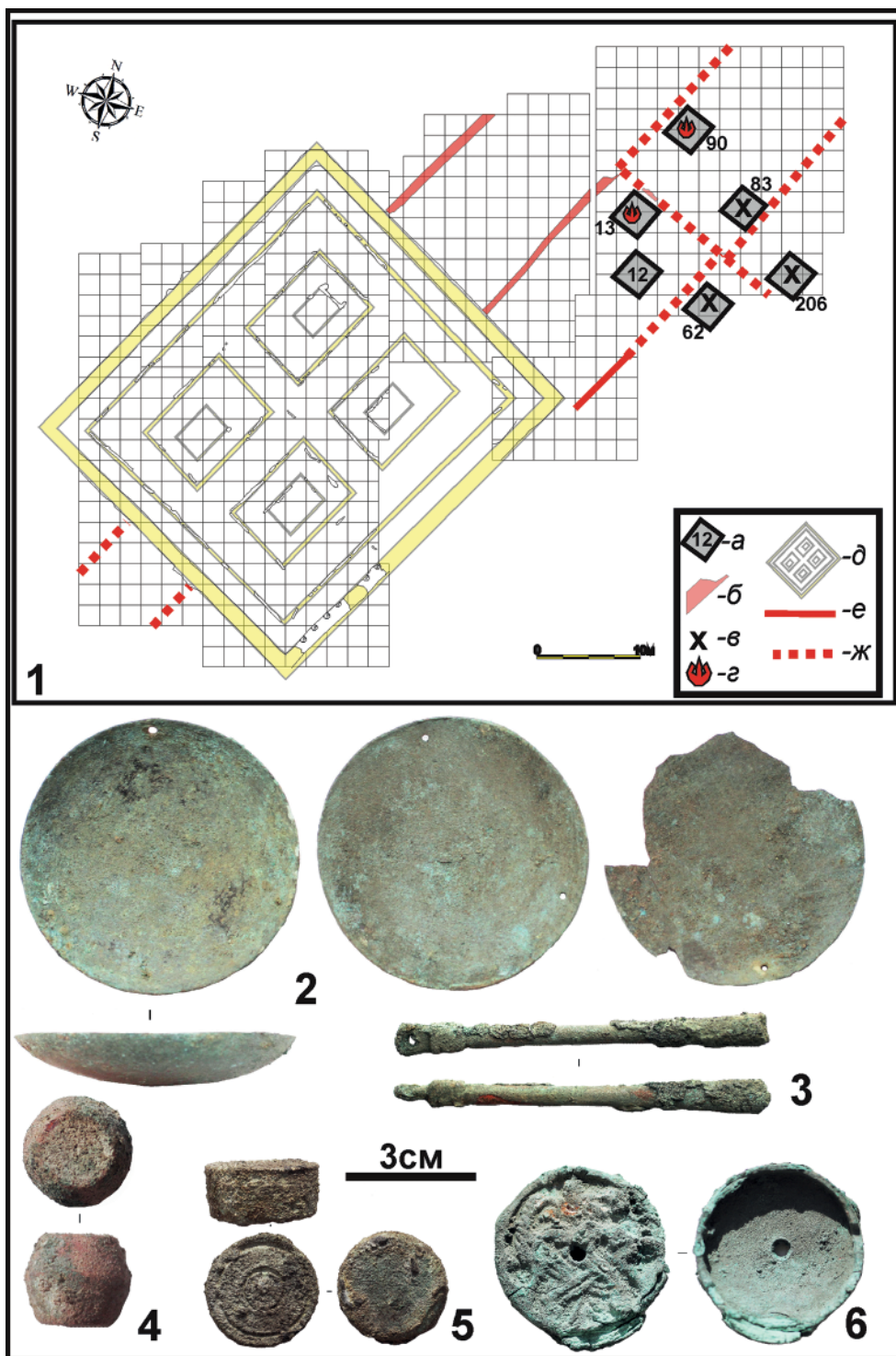

Рис. 8. Городской базар и синхронные ему постройки с сопутствующим торговым инвентарем: 1 – схема расположения объектов 50–70 гг. XIV в. (а – заглубленные сооружения (с номерами объектов/ям согласно отчёту) – подвалы; б – кладки из обожженного кирпича – ограды; в – санитарные захоронения или разрозненные части человеческих скелетов в заполнении сооружений; г – сооружения с остатками обугленных деревянных конструкций; д – здание городского базара; е – линия деревянного частокола – межусадебная ограда; ж – предполагаемые границы усадеб); 2 – чашечки весов медного сплава (раскоп СХСII, 2016, яма 90, № 1548); 3 – деталь бронзовых весов для малых взвешиваний (раскоп СХСII, 2016, яма 90, № 1548); 4 – гиришка свинцовая в медном кожухе битрапецеидной формы (раскоп СХСII, 2015, яма 13, № 767) – вес 58,8 гр.; 5 – гиришка свинцовая в медном кожухе цилиндрической формы (раскоп СХСII, 2015, яма 13, № 900) – вес 28,5 гр.; 6 – створка бронзово-свинцовой гиришки с рельефным изображением (раскоп СХСII, 2015, яма 13, № 846).

Fig. 8. Town bazaar and synchronous buildings with accompanying trade equipment: 1 – layout of sites of the 1350–70s. (a – buried structures (with object/pit numbers according to the report) – cellars, б – burnt brickwork – fences; в – sanitary burials or individual parts of human skeletons in the filling material of the structures, г – buildings with the remains of charred wooden structures, д – building of a town bazaar, е – wooden picket fence line – an inner estate fence, ж – estimated boundaries of the estates); 2 – cups of scales made of a copper alloy (excavation СХСII of 2016, pit 90, No. 1548); 3 – fragment of bronze scales for weighing small articles (excavation СХСII of 2016, pit 90, No. 1548); 4 – lead weight in a copper casing of a bi-trapezoid shape (excavation СХСII of 2015, pit 13, No. 767) – 58.8 g in weight; 5 – lead weight in a copper casing of a cylindrical shape (excavation СХСII of 2015, pit 13, No. 900) – 28.5 g in weight; 6 – flap of a bronze-lead weight with a relief image (excavation СХСII of 2015, pit 13, No. 846).

90) происходит представительная по составу коллекция торгового инвентаря: чашечки весов из медного сплава (9 экз.), различного типа весовые гиришки (13 экз.), обломок пробирного камня, детали бронзовых весов для малых взвешиваний – 2 экз. (рис. 8: 2–6), а также целые формы красноглиняных копилков, небольшие цилиндрические замки, в том числе с оставшимися в них ключами (28 экз.)². Во многом аналогичный торговый инвентарь был выявлен и при исследовании здания городского базара (Коваль, 2013). Характер находок свидетельствует, что как минимум на одной усадьбе (с ямами 13, 90), при-

мыкавшей к базару с северо-востока, проживали люди, связанные с торговлей. Монетный материал с территории базара и заполнения подвалов (к наиболее поздним монетам относились дирхемы и пулы чекана 60-х гг. XIV в.) позволяет предположить, что рассмотренные объекты просуществовали непродолжительное время и погибли в результате пожара и разрушения в 60 – начале 70-х гг. XIV в. Данное бедствие принято связывать с захватом города ордынским князем Булак-Тимуром (Жиромский, 1958).

Представленный обзор напластований предшествовавших строительству торгового комплекса середины XIV в., позволяет утверждать, что базар возник не просто в центральной части города, а в месте максимальной концентрации ремесленного производства, прежде всего, связанного с обработкой цветных металлов и производством изделий из железа. Именно ремесленные объединения

² Нельзя исключать того, что часть этих находок могла быть переложена из нижележащих напластований, связанных с комплексом ювелирной мастерской, или попала в заполнение ям в результате засыпки грунтом с территории, примыкающей с СЗ улицы, на которой могла осуществляться торговля.

в городах Востока стояли за возведением базаров, на продаже продукции которых они и специализировались. Возможно, схожие процессы происходили и в Болгаре. Дополнительным подтверждением этому являются на-

ходки, обнаруженные при исследовании болгарского базара, которые являлись товаром или использовались в торговле, – пробирные камни для проверки качества изделий из цветных металлов и партия железных стремян.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Антипина Е.Е., Яворская Л.В., Ситдииков А.Г.* Необычные изделия из бараньих лопаток из ремесленного квартала Болгарского городища (раскопки 2013–2015 гг.) // КСИА. Вып. 241. 2015. С. 402–408.
2. *Афанасьев Г.Е.* Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. // Археологические открытия на новостройках. Вып. 2 / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1987. 198 с.
3. *Афанасьев Г.Е., Николаенко А.Г.* О салтовском типе сыродутного горна // СА. 1982. № 2. С. 168–175.
4. *Бадеев Д.Ю.* Городская планировка Болгара к юго-западу от Соборной мечети в 30–70 гг. XIV в. // КСИА. Вып. 237. 2015. С. 200–211.
5. *Бадеев Д.Ю., Валиев Р.Р.* Усадьбы золотоордынского Болгара к юго-западу от Соборной мечети // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы Седьмой Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова. Казань; Ялта; Кишинёв: Stratum plus, 2016. С. 105–107.
6. *Бадеев Д.Ю., Коваль В.Ю.* Отчет об археологических раскопках на Болгарском городище в 2015 г. Т. I. Раскопы CLXXIX, CXСII, CCVI. М., 2016 / Архив ИА РАН. Р-1, № 47571.
7. *Бадеев Д.Ю., Коваль В.Ю.* Центральный базар города Болгара – итоги изучения в 2011–2016 гг. // Тр. V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Т. II / Ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2017. С. 265–269.
8. *Баранов В.С., Бадеев Д.Ю., Коваль В.Ю.* Исследования остатков монументальной постройки к юго-западу от Соборной мечети в Болгаре // Поволжская археология. 2012. № 1. С. 158–171.
9. *Баранов В.С., Губайдуллин А.М.* О некоторых итогах изучения домонгольских напластований Болгарского городища на раскопах CLXXII и CLXXVI в 2012 году // Поволжская археология. № 2 (16). 2016. С. 193–218.
10. *Губайдуллин А.М.* Исследования в центральной части Болгарского городища («дом ремесленника») // Поволжская археология. 2013. № 3 (5). С. 191–199.
11. *Ефимова А.М.* Металлургические горны в городе Болгаре // КСИИМК. Вып. XXXVIII. М.: Изд-во Академии Наук СССР. 1951. С. 128–135.
12. *Жиромский Б.Б.* К вопросу о походе Булак-Тимура // СА. 1958. № 1. С. 88–96.
13. *Коваль В.Ю.* Торговый инвентарь из раскопок базара середины XIV в. в Болгаре // Поволжская археология. 2013. № 2. С. 9–33.
14. *Коваль В.Ю., Бадеев Д.Ю.* Исследования центрального базара Болгара в 2012–2013 гг. // КСИА. Вып. 237. 2015. С. 188–199.
15. *Кокорина Н.А.* Ювелирная мастерская из Болгара // Древности Поволжья: эпоха средневековья (исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды) / Отв. ред. К.А. Руденко. Казань: Школа, 2005б. С. 109–132.
16. *Кокорина Н.А.* Знаки ремесленников на болгарских литейных формах // Поволжская археология. 2012б. № 1. С. 129–143.

17. Кокорина Н.А., Полубояринова М.Д., Полякова Г.Ф. Исследование торгово-ремесленного квартала в центральной части Болгара (1989–1993 гг.) // Город Болгар и его округа. Тезисы докладов научной конференции, посвященной 25-летию БГИАЗ. Болгар, 1994. С. 22–23.

18. Медынцева А.А., Бадеев Д.Ю., Коваль В.Ю. Надпись на литейной форме из Булгара // Нескончаемое лето. Сборник статей в честь Е.А. Рыбиной. / Отв. ред. В.К. Сингкх. М. – Великий Новгород: МГУ, 2018. С. 141–145.

19. Мухаметшин Д.Г., Федорова Е.А. Нумизматические материалы из Болгар по итогам раскопок 2014 г. // Нумизматика Золотой Орды. № 6 / Ред. И.М. Миргалеев. Казань: Изд-во: Ин-т истории АН РТ, 2016. С. 18–32.

20. План Болгарского городища, составленный Н.Ф. Калининым / Архив ИЯЛИ АН РТ. Ф.8. Оп. 1. Д. 13. Л. 8.

21. Полубояринова М.Д. Раскоп CIV // Отчет о работах на Болгарском городище в 1989 году. Болгары; Казань; Москва, 1990 / Док. фонд БГИАМЗ. Инв. № 55–1/93.

22. Полубояринова М.Д. Стеклоделательная мастерская XIV в. в Болгаре // РА. 2006. № 4. С. 152–158.

23. Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН Татарстана, 1996. С. 154–268.

24. Семькин Ю.А. Черная металлургия и металлообработка на Болгарском городище // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АНТ, 1996. С. 89–153.

25. Смирнов А.П. Новые данные об исторической и социальной топографии города Великие Болгары // Города Поволжья в средние века / Отв. ред.: А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1974. С. 4–13.

26. Степовой А.В. Металлургическое производство населения лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры (Ютановский археологический комплекс). Автореф. Дисс... канд.ист.наук. Воронеж, 2011. 22 с.

27. Хованская О.С. Новые данные о городе Болгаре // КСИИМК. Вып. XXXVIII. М.: Изд-во Академии Наук СССР. 1951. С. 120–127.

28. Koval V., Badeev D., Sitdikov A. The central market of the city Bolgar in the 14th century // 20th Annual Meeting of the European Association of Archeologists. Abstracts of the oral and poster presentations. Istanbul. 2014. P. 115.

Информация об авторах:

Бадеев Денис Юрьевич, научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); denisbadeev@mail.ru

Коваль Владимир Юрьевич, кандидат исторических наук, заведующий отделом, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); kovaloka@mail.ru

STUDIES OF THE TRADE AND CRAFT DISTRICT OF MEDIEVAL BOLGAR

D.Yu. Badeev, V.Yu. Koval

The long-term archaeological studies of the central part of the Golden Horde Bolgar have resulted in the discovery and study of a unique structure for Eastern Europe – the building of a town bazaar of the mid-14th century. The article considers the stages of development of the town district where the structure was erected. The study area featured the first underground iron-smelting catalan hearth studied in territory of Bolgar fortified settlement, which are similar to the “Saltovo type” of hearths in term of their design features and dated 10th century.

The study was conducted within the framework of a project supported by the RFBR (No. 18-09-00316\18).

At the end of the pre-Mongol period and during the Golden Horde period, iron production complexes were replaced with manors accommodating production facilities associated with the smelting and processing of non-ferrous metals, primarily copper. Craft industries of the region reached their highest level of development in the first half of the 14th century. This period is associated with the operation of copper-smelting, glass-working, jewellery and bone carving workshops. An iron processing district was located in the immediate vicinity of the region. Thus, the emergence of a town bazaar in the study area is in no small part related to the maximum concentration of craft industries in this area of medieval Bolgar.

Keywords: archaeology, medieval town, craft, catalan hearth, stone foundry mould, lower coin stamp, Volga Bulgaria, the Golden Horde.

REFERENCES

1. Antipina, E. E., Yavorskaya, L. V., Sitdikov, A. G. 2015. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkeologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* (241). 402–408 (in Russian).
2. Afanasyev, G. E. 1987. *Naselenie lesostepnoi zony basseina Srednego Dona v VIII-X vv. (alanskii variant saltovo-maiatskoi kul'tury) (Population of the Forest-Steppe Area of the Middle Don Basin in 8th–10th Centuries (the Alan Variant of the Saltovo-Mayaki Culture))*. Series: Rescue Archaeological Investigations 2. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
3. Afanas'ev, G. E., Nikolaenko, A. G. 1982. In *Sovetskaia Arkeologiya (Soviet Archaeology)* (2), 168–175 (in Russian).
4. Badeev, D. Yu. 2015. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkeologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 237. 200–211 (in Russian).
5. Badeev, D. Yu., Valiev, R. R. 2016. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na Evraziiskom prostranstve. Istoricheskaya geografiya Zolotoi Ordy (Dialogue of the Urban and Steppe Cultures in the Eurasian Space. Historical Geography of the Golden Horde)*. Kazan; Yalta; Kishinev: "Stratum plus" Publ., 105–107 (in Russian).
6. Badeev, D. Yu., Koval, V. Yu. 2016. *Otchet ob arkeologicheskikh raskopkakh na Bolgarskom gorodishche v 2015 g. T. I. Raskopy CLXXIX, CXCL, CCVI (Report on Archaeological Activities at Bolgar Fortified Settlement in 2015. Vol. 1. Excavations 179, 192, 206)*. Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, R-1, no. 47571 (in Russian).
7. Badeev, D. Yu., Koval', V. Yu. 2017. In Derevianko A. P., Tishkin, A. A. (eds.). *Trudy V (XX) Vserossiiskogo arkeologicheskogo s'ezda v Barnaule – Belokurikhe (Proceedings of the 5th (21st) All-Russia Archaeological Congress in Barnaul-Belokurikha)* II. Barnaul: Altai State University, 265–269 (in Russian).
8. Baranov, V. S., Badeev, D. Yu., Koval', V. Yu. 2012. In *Povolzhskaya arkeologiya (Volga River Region Archaeology)* (1), 158–171 (in Russian).
9. Baranov, V. S., Gubaidullin, A. M. 2016. In *Povolzhskaya arkeologiya (Volga River Region Archaeology)* (2), 193–218 (in Russian).
10. Gubaidullin, A. M. 2013. In *Povolzhskaya arkeologiya (Volga River Region Archaeology)* (3), 191–199 (in Russian).
11. Efimova, A. M. 1951. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* XXXVIII. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 128–135 (in Russian).
12. Zhiromskii, B. B. 1958. In *Sovetskaia Arkeologiya (Soviet Archaeology)* (1), 88–96 (in Russian).
13. Koval', V. Yu. 2013. In *Povolzhskaya arkeologiya (Volga River Region Archaeology)* (2), 9–33 (in Russian).
14. Koval', V. Yu., Badeev, D. Yu. 2015. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkeologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 237. Moscow: "Iazyki slavianskoi kul'tury" Publ., 188–199 (in Russian).

15. Kokorina, N. A. 2005. In Rudenko, K. A. (ed.). *Drevnosti Povolzh'ia: epokha srednevekov'ia (issledovaniia kul'turnogo naslediiia Volzhskoi Bulgarii i Zolotoi Ord)* (*Antiquities of the Volga Region: the Medieval Period (Studies of the Cultural Heritage of Voga Bulgaria and the Golden Horde)*). Kazan: "Shkola" Publ., 109–132 (in Russian).
16. Kokorina, N. A. 2012. In *Povolzhskaia arkheologiia (Volga River Region Archaeology)* (1), 129–143 (in Russian).
17. Kokorina, N. A., Poluboiarinova, M. D., Poliakova, G. F. 1994. *Gorod Bolgar i ego okrug. Tezisy dokladov nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 25-letiiu BGLAZ (Bolgar Town and its Neighbourhood)*. Bolgar. 22–23 (in Russian).
18. Medyntseva, A. A., Badeev, D. Yu., Koval', V. Yu. 2018. In Singkkh, V. K. (ed.). *Neskonch-aemoe leto. Sbornik statei v chest E.A. Rybinoi (Endless Summer. Collection of Articles in Honour of E.A. Rybina)*. Moscow - Velikii Novgorod: Moscow State University, 141–145 (in Russian).
19. Mukhametshin, D. G., Fedorova, E. A. 2016. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Numizmatika Zolotoi Ord* (*Golden Horde Numismatics*) 6. Kazan: Shigabuddin Mardzhani History Institute, Tatarstan Academy of Sciences, 18–32 (in Russian).
20. *Plan Bolgarskogo gorodishcha, sostavlennyi N.F. Kalininym (Plan of Bolgar Fortified Settlement compiled by N.F. Kalinin)*. Archive of the Institute for Language, Literature and History, fund 8, dossier 13 (in Russian).
21. Poluboiarinova, M. D. 1990. In Otchet o rabotakh na Bolgarskom gorodishche v 1989 godu. Bolgary; Kazan; Moscow. Documentary Fund of the Bolgar Historical and Architectural Museum and Preservation Area. Inv. no. № 55–1/93 (in Russian).
22. Poluboiarinova, M. D. 2006. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (4), 152–158 (in Russian).
23. Poliakova, G. F. 1996. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (Town of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History named after G. Ibragimov, Academy of Sciences of Tatarstan, 154–268 (in Russian).
24. Semykin, Yu. A. 1996. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (Town of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History named after G. Ibragimov, Academy of Sciences of Tatarstan, 89–153 (in Russian).
25. Smirnov, A. P. 1974. In Smirnov, A. P., Fyodorov-Davydov, G. A. (eds.). *Goroda Povolzh'ia v srednie veka (Towns of the Volga Region in the Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ., 176–182 (in Russian).
26. Stepovoi, A. V. 2011. *Metallurgicheskoe proizvodstvo naseleniia lesostepnogo varianta saltovo-maiatskoi kul'tury (Yutanovskii arkheologicheskii kompleks) (Metallurgical Production of the Population of the Sorest-Steppe Version of Saltovo-Mayaki Culture (Yutanovsky Archaeological Complex))*. PhD. Thesis. Voronezh (in Russian).
27. Khovanskaia, O. S. 1951. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* XXXVIII. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 120–127 (in Russian).
28. Koval, V., Badeev, D., Sitdikov, A. 2014. In *20th Annual Meeting of the European Association of Archeologists. Abstracts of the oral and poster presentations. Istanbul* 115 (in English).

About the authors:

Badeev Denis Yu. Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; denisbadeev@mail.ru

Koval Vladimir Yu. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanova St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; kovaloka@mail.ru

Статья поступила в номер 13.04.2018 г.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/pa2018.2.24.290.296>

НАХОДКА ЛИТЕЙНОЙ ФОРМЫ ИЗ РАСКОПА СХСІХ БОЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА¹

© 2018 г. Р.С. Зоря

В статье вводится в научный оборот каменная разъемная литейная форма, обнаруженная в результате работ 2014 г. на раскопе СХСІХ Болгарского городища. Она относится к типу закрытых и состоит из двух створок, каждая из которых имеет по две рабочие плоскости. Форма содержит семь лож для производства лунниц замкнутого типа, одно из них содержит надпись, выполненную почерком насх. На основных смежных рабочих плоскостях расположено литейное гнездо для отливки полого браслета – подражания известным витым со сканой перевитью. Концы изделия выполнены в виде звериных головок. При его изготовлении использовалась техника литья «навыплеск». находка выявлена в слое 20–40 гг. XIV в.

Ключевые слова: археология, Болгарское городище, Золотая Орда, литейная форма, лунница замкнутого типа, литой полый браслет, литье «на выплеск», бронзолитейное производство.

Находки литейных форм из раскопок золотоордынских городов не раз привлекали внимание исследователей (Рындина, 1963, с. 267–269; Крымина, 1977, с. 249–266; Полякова, 1996, с. 158–163; Кокорина, 2010, с. 129–143; Афоньков, Кубанкина, 2013, с. 312–321; и др.). Помимо других инструментов – льячек и тиглей, литейные формы являются свидетельством наличия литейного производства и представляют особый интерес для изучения технологии ювелирного дела. Литье было широко распространено и на Болгарском городище, которое являлось крупным центром производства изделий из цветных металлов (Полякова, 1996, с. 154).

В данной статье вводится в научный оборот каменная литейная фор-

ма, обнаруженная в результате работ Болгарской археологической экспедиции на 9 секторе раскопа № СХСІХ в 2014 году (Ситдииков и др., 2016, с. 18, рис. 2). Публикуемая форма относится к типу закрытых и состоит из двух створок, каждая из которых имеет по две рабочие плоскости² (рис. 1: 2). Для того чтобы улучшить качество отливаемых изделий и уменьшить времязатраты, связанные с их последующей доработкой, такие как устранение литейных швов путем шлифования и полировки, рабочие плоскости должны быть как можно точнее подогнаны друг к другу и надежно закреплены. Для этого используют штифты, которые располагаются в углублениях смежных створок (Рыбаков, 1948, с. 147; Рындина, 1963, с. 218). На

1 Автор выражает глубокую благодарность А.Г. Ситдиикову за разрешение публикации данного материала.

2 Для удобства дальнейшего изложения и описания створкам были присвоены римские номера, а рабочим плоскостям – арабские. Литейные гнезда получили буквенные обозначения.

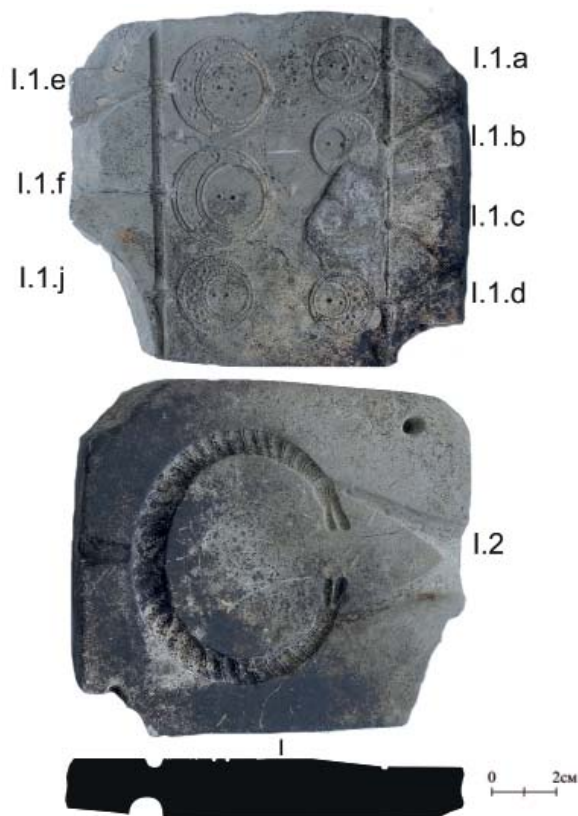

Рис. 1. Болгарское городище 2014 год. Раскоп СХСХХ, Сектор 9. Литейная каменная форма. Створка I (№ 859 по описи индивидуальных находок).

Fig. 1. Bolgar fortified settlement. 2014. Excavation СХСХХ, Sector 9. Stone foundry mould. Flap I (No. 859 in the inventory of individual findings).

обеих створках формы четко прослеживаются следы от этих углублений, полученные путем сверления. На рабочих плоскостях I.2 и II.2 (рис. 1: 2) они находились в двух углах, расположенных по диагонали, а на II.1 – сохранились лишь в нижней части (рис. 2). Логично предположить, что углубления располагались в ее верхней части и на плоскости I.1, в местах сколов.

Створка I (№ 859 по описи индивидуальных находок) была обнаружена в кв. Э 7 на уровне 5 пласта во 2 субгоризонте позднезолотоордынского слоя, который датируется 20–40 гг. XIV в. Углы сколоты. Размеры находки: 10,4×11,7 см, толщина до 2,2 см (рис. 1).

Створка II (№ 2008 по описи индивидуальных находок) была найдена в кв. Э9 на уровне 8 пласта во 2 субгоризонте позднезолотоордынского слоя, который датируется 20–40 гг. XIV в. Углы сколоты. Размеры плитки: 11,6×10,3 см, толщина до 1,9 см (рис. 2) (Ситдииков и др., 2015, с. 16; 2016, с. 13).

Смежные рабочие плоскости I.1 и II.1 содержат 7 литейных лож, каждое из которых предназначалось для изготовления лунниц замкнутого типа (Гольмстен, 1914, с. 13). Лунницы отливались сразу с ушком – это объясняется наличием узкого, до 3 мм, канала подокруглой в сечении формы, расположенного перпендикулярно литниковым рукавам. В этот канал помещался стержень, препятствующий попаданию металла в ушко (Крымина, 1977, с. 251). Чтобы металл мог обтечь стержень и проникнуть в литейное гнездо, литниковые рукава в местах пересечения с каналом были углублены на 1–2 мм. С противоположных боковых граней створок к каждому литейному гнезду подведен литник, причем для гнезд а-г литниковые рукава собраны

по два и при выходе на боковую грань образуют по одному входному отверстию, в которое подавался раскаленный металл. Это давало мастеру возможность одновременно отливать несколько изделий и ускоряло производственный процесс.

Литейные гнезда «а», «б», «с», «д»³ служили для отливки малых⁴ лунниц ($d=1,7$ см). Имитация зерни достигалась путем высверливания в форме мельчайших углублений ($d=0,1$ см), а резьба – нанесением тонких насечек по периметру окружности ложа.

Литейное гнездо «е» предназначалось для изготовления лунницы среднего размера ($d=2,7$ см). Имитация зерни достигалась путем высверливания в форме мельчайших углублений ($d=0,1$ см), а гравировка и резьба – нанесением тонких прямых и зигзагообразных насечек по периметру внешней и внутренней окружностей изделия соответственно. Необходимо отметить, что ложе II.1.e в сравнении с I.1.e проработано не так тщательно и детально. Эта особенность позволяет выдвинуть предположение, что ложе II.1.e являлось внутренней (натальной) стороной, а I.1.e – внешней (видимой).

Литейное гнездо «ф» служило для отливки лунницы такого же размера, как и предыдущая ($d=2,7$ см). Особый интерес вызывает ложе I.1.f, поскольку содержит надпись. Ее перевод сделан

³ На створке I литейное гнездо «с» повреждено, «д» сколото полностью.

⁴ По классификации В.В. Гольмстен.

Рис. 2. Болгарское городище 2014 год. Раскоп СХСІХ, Сектор 9. Литейная каменная форма. Створка II (№ 2008 по описи индивидуальных находок).
Fig. 2. Bolgar fortified settlement. 2014. Excavation СХСІХ, Sector 9. Stone foundry mould. Flap II (No. 2008 in the inventory of individual findings).

И.В. Волковым⁵. Исследователь полагает, что надпись выполнена «плохим» почерком насх и потому возможны разные варианты ее прочтения. Наиболее вероятным является вариант: «عمل نوحی», перевод: «Работа Нуха». Менее вероятный вариант: «عمل بو حسن», приблизительный перевод: «Работа этого Хасан». При таком чтении надписи больше

⁵ Автор выражает искреннюю признательность к.и.н. И.В. Волкову за перевод надписи и комментарии к ней.

погрешностей. Не ясно, почему использовано турецкое слово «этот» – в таком случае имя «Хасан» должно быть в родительном падеже, однако подобное окончание отсутствует. Если перевести надпись как «Сделал этот Хасан», то принципиально остается не ясным, почему после арабского «сделал» идет турецкое слово «этот».

Орнамент описываемого ложа включал имитацию зерни, которая достигалась путем высверливания в форме мелких углублений ($d=0,13$ см), а гравировка и резьба – нанесением тонких зигзагообразных и прямых насечек по периметру внешней и внутренней окружностей соответственно. Сторона П.1.f орнаментирована иначе – ниже петельки для подвешивания в ложе вырезан цветок, состоящий из семи лепестков. По бокам от него расположены две S-образные насечки. По периметру внешней окружности нанесены прямые насечки, а по периметру внутренней – зигзагообразные.

Литейное гнездо «j» предназначалось для изготовления лунницы среднего размера ($d=2,2$ см). Имитация зерни достигалась путем высверливания в форме мельчайших углублений ($d=0,1$ см), а гравировка и резьба – нанесением тонких прямых насечек по периметру внешней и внутренней окружностей изделия.

Смежные рабочие плоскости I.2 и П.2 содержали литейное ложе, которое использовалось для отливки полного браслета с концами в виде звериных головок, который был похож на витые со сканой перевитью. В данном случае применялась техника литья «на выплеск», о чем свидетельствуют два противолежащие литника: верхний – широкий (2,1 см) и нижний –

узкий (0,9 см). Наличие двух литников обеспечивало быстрое удаление металла из формы при одновременном заполнении литейного гнезда для получения тонкой пустотелой отливки, так как быстрее всего металл застывал в местах соприкосновения со стенками (Рындина, 1962, с. 91). От верхнего литника к концам браслета подведены два литейных рукава, которые обеспечивали синхронное заполнение литейного гнезда. Чем выше температура плавления, тем быстрее застывает металл, и тем меньше времени его необходимо держать в форме. Как уже ранее отмечалось исследователями, получение тонкостенных отливок из тугоплавких сплавов требует использования форм, у которых диаметр верхнего литника значительно превышает диаметр нижнего. В результате этого скорость заполнения превышала скорость выливания не успевшего застыть металла (Рындина 1963, с. 260–261). Велика вероятность того, что при литье в данное ложе могли использоваться свинцово-оловянистые сплавы. Автору удалось найти прямую аналогию готовому изделию – фрагмент такого же браслета был обнаружен на 13/12 ярусе 15 пласта в 1834 квадрате Неревского раскопа в Новгороде. Он был отлит из оловянисто-свинцового сплава и датирован концом XIII в. (Седова, 1981, с. 102; с. 111, рис. 43: 11).

Литье «навыплеск» возникает в Древней Руси в конце XII в. и обозначает момент перехода мастера от выполнения индивидуальных заказов к массовому производству, т.е. ориентации на рынок (Рыбаков, 1948, с. 271; Рындина, 1962, с. 94). После монгольского нашествия эта технология считалась практически утрачен-

ной, однако сохранялась в Новгороде вплоть до XIV в. (Рындина, 1962, с. 94). Применение форм для литья "навыплеск" в золотоордынских городах традиционно объяснялось пребыванием в них русских ремесленников, которые принесли технику и сами формы. Во многих формах этого типа отливались изделия, находящие близкие аналоги среди русского материала (Крымина, 1977, с. 265; Полякова, 1996, с. 159). Необходимо отметить, что кроме публикуемой находки коллекция из раскопок Болгарского городища насчитывает еще 13 подобных форм, которые введены в научный оборот (Полякова, 1996, с. 158).

Подведем некоторые итоги. Изготовление формы требовало хорошего материала и инструментов, а также опытного мастера-резчика. Значительные затраты труда на изготовление формы могли быть оправданы при условии массового производства и сбыта, т. е. наличием широкого круга заказчиков и рынка сбыта (Рыбаков, 1948, с. 264; с. 271). Эксплуатация двух широких плоскостей каждой створки в качестве рабочей поверхности может являться свидетельством

ценности сырья для изготовления литейных форм. В пользу этого предположения указывает факт использования практически всего свободного пространства на рабочих плоскостях I.1 и II.1.

В описанной нами форме можно было одновременно отливать несколько предметов, для гнезд а-ф литниковые рукава собраны по два и при выходе на боковую грань образовывали по одному входному отверстию, в которое подавался раскаленный металл. Применение таких конструкций облегчало и ускоряло работу мастеров и делало их труд более производительным.

Тщательное рассмотрение формы позволяет говорить о высоком качестве ее исполнения: рабочие поверхности хорошо отполированы, рисунки детально проработаны, внутренняя поверхность литейных лож гладкая, отшлифованная. Скорее всего, предметы, отлитые в данной форме, являлись конечным продуктом и поступали на рынок без значительных доработок, не считая удаления (спиливания) следов литейных швов и шлифования.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Афоньков Н.Н., Кубанкина О.А.* Литейные формы с Увекского городища из коллекции Саратовского областного музея краеведения // Археология восточноевропейских степей. Вып. 11. Материалы IV международной Нижневолжской археологической конференции (Саратов, 18–21 октября, 2013) / Под ред. доц. В.А. Лопатина. Саратов: ИЦ "Наука", 2013. С. 312–321.
2. *Гольмстен В.В.* Лунницы императорского исторического музея имени императора Александра III. М.: Синод. тип., 1914. 20 с. 1 л. табл.: ил.; 32.
3. *Кокорина Н.А.* Знаки ремесленников на болгарских литейных формах // Поволжская археология. 2012б. № 1. С. 129–143.
4. *Крымина М.М.* Литейные формы из золотоордынских городов Нижнего Поволжья // СА. 1977. № 3. С. 249–266.
5. *Полякова Г.Ф.* Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН Татарстана, 1996. С. 154–268.
6. *Рыбаков Б.А.* Ремесло Древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1948. 792 с.

7. Рындина Н.В. О древнерусском литье "на выплеск" // СА. 1962. № 3. С. 91–98.
8. Рындина Н.В. Технология производства новгородских ювелиров X–XV вв. / МИА. № 117 / Ред. А.В. Арциховский, Б.А. Колчин. М.: Наука, 1963. С. 200–266.
9. Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.
10. Ситдииков А.Г., Бочаров С.Г., Масюта Д.А., Иожица Д.В., Куликов А.В., Лесная Е.С., Яворская Л.В. Раскоп СХСІХ // Археологические исследования 2014 г.: Болгар и Свияжск / Авторы-составители: Ситдииков А.Г., Валиев Р.Р., Старков А.С. Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2015. С. 16–18.
11. Ситдииков А.Г., Бочаров С.Г., Масюта Д.А., Иожица Д.В., Лесная Е.С., Яворская Л.В., Данильченко А.И. Раскоп СХСІХ // Археологические исследования 2015 г.: Болгар и Свияжск / авторы-составители: Ситдииков А.Г., Валиев Р.Р., Старков А.С. Казань: «Издательский дом «Казанская недвижимость», 2016. С. 13–15.

Игнформация об авторе:

Зоря Роман Станиславович, аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); romanzyora@bk.ru

FOUNDRY MOULD DISCOVERED AT EXCAVATION CXCIX OF BOLGAR FORTIFIED SETTLEMENT

R.S. Zorya

The paper introduces into scientific discourse a split stone foundry mould discovered a result of activities of 2014 at excavation No. CXCIX of Bolgar settlement. It belongs to the closed type and consists of two flaps, each of which has two working planes. The mould contains seven grooves for the production of closed lunulas of a closed type, one of them contains an inscription in Naskh script. The main adjacent working planes of the mould feature a smelting groove for moulding a hollow bracelet – imitation of the renowned braided bracelets with interwoven filigree. The ends of such articles have the shape of animal heads. The author concludes that it was manufactured with the use of the “splashing”. The finding in question was discovered in the layer of Bolgar settlement dated the 1320–40s.

Keywords: archaeology, Bolgar fortified settlement, the Golden Horde, foundry mould, closed lunula, hollow cast bracelet, the casting “splashing” casting technique, bronze casting.

REFERENCES

1. Afon'kov, N. N., Kubankina, O. A. 2013. In Lopatin, V. A. (ed.). *Arkheologiya vostochno-evropeiskikh stepei (Archaeology of the East European Steppe)* 11. Saratov: “Nauka” Publ., 312–321 (in Russian).
2. Gol'msten, V. V. 1914. *Lunnitsy imperatorskogo istoricheskogo muzeia imeni imperatora Aleksandra III (Lunulas from the Imperial Historical Museum named after Emperor Alexander III)*. Moscow: “Sinodal'naia tipografiia” Publ. (in Russian).
3. Kokorina, N. A. 2012. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (1), 129–143 (in Russian).
4. Krymina M.M. 1977. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 249–266 (in Russian).
5. Poliakova, G. F. 1996. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (Town of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History named after G. Ibragimov, Academy of Sciences of Tatarstan, 154–268 (in Russian).

6. Rybakov, B. A. 1948. *Remeslo Drevney Rusi (Craft of Ancient Rus)*. Moscow: Nauka Publ. (in Russian).
7. Ryndina, N. V. 1962. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 91–98 (in Russian).
8. Ryndina, N. V. 1963. In Artsikhovskii, A. V., Kolchin, B. A. (eds.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 117. Moscow: "Nauka" Publ., 200–266 (in Russian).
9. Sedova, M. V. 1981. *Iuvelirnye izdeliia drevnego Novgoroda (X–XV vv.) (Jewelry of Old Novgorod (10th–15th Centuries))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
10. Sitdikov, A. G., Bocharov, S. G., Masyuta, D. A., Iozhitsa, D. V., Kulikov, A. V., Lesnaya E. S., Yavorskaya, L. V. 2015. In Sitdikov, A. G., Valiev, R. R., Starkov, A. S. (comp.). *Arkheologicheskie issledovaniia 2014 g.: Bolgar i Sviiazhsk (Archaeological Studies in 2014: Bolgar and Sviiazhsk)*. Kazan: "Kazanskaia nedvizhimost" 16–18 (in Russian).
11. Sitdikov, A. G., Bocharov, S. G., Masyuta, D. A., Iozhitsa, D. V., Lesnaya E. S., Yavorskaya, L. V., Danilchenko, A. I. 2016. In Sitdikov, A. G., Valiev, R. R., Starkov, A. S. (comp.). *Arkheologicheskie issledovaniia 2015 g.: Bolgar i Sviiazhsk (Archaeological Studies in 2015: Bolgar and Sviiazhsk)*. Kazan: "Kazanskaia nedvizhimost" Publ., 13–15 (in Russian).

About the Author:

Zorya Roman S. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; romanzorya@bk.ru

Статья поступила в номер 13.05.2018 г.

ТИПЫ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ДЕРЕВО-ЗЕМЛЯНЫХ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ И СПОСОБЫ ИХ ВОЗВЕДЕНИЯ

© 2018 г. А.М. Губайдуллин

В статье рассматриваются основные типы оборонительных сооружений, которые возводились в Средние века из дерева и грунта, а также способы, которые применялись для их строительства. Автор обращает внимание на целый комплекс строительных приемов, основанный на многовековом опыте и сложных инженерных вычислениях. Для средневековых дерево-земляных памятников фортификации выделяются несколько типов деревянных внутривальных конструкций, например срубы, столбовая конструкция, частокол или плетень, каркас в виде горизонтально положенной деревянной решетки. В некоторых случаях современная насыпь вала может являться остатками развалившейся срубной крепостной стены с внутренней засыпкой, которая была установлена на поверхность земли. В статье рассматриваются и специальные способы насыпки валов, чередование и взаиморасположение в них насыпей из однородного или различного по составу грунта, дополнительное укрепление склонов валов и рвов, а также обращается внимание на форму, которая специально им придавалась. Оборонительные рвы являлись обязательным элементом в системе военно-инженерных сооружений средневековых государств и были представлены несколькими типами. Известны укрепленные поселения как с различными типами рвов, так и с их сочетанием на одном городище. Автор делает вывод о том, что разнообразие форм и типов данных объектов, предназначенных не только для пассивной, но и активной обороны, свидетельствует о специальном их выборе и применении для каждого конкретного случая, который зависел, в первую очередь, от месторасположения укрепленного поселения и занимаемой им площади.

Ключевые слова: археология, Средние века, городища, фортификация, оборонительные валы и рвы.

Время появления первых дерево-земляных оборонительных сооружений уходит в глубь тысячелетий. Территория их распространения приходилась на регионы с умеренным климатом и преобладанием лесных и лесостепных зон, где существовали неограниченные ресурсы необходимых для строительства материалов – дерева и относительно «мягкого» грунта. Лишь много позже для возведения крепостных построек начинает использоваться также камень. Комбинирование этих ма-

териалов при возведении объектов фортификации прослеживается затем на протяжении нескольких столетий с постепенным переходом к использованию в эпоху средневековья в Западной Европе только камня. На территории же Восточной Европы и Западной Сибири дерево-земляные конструкции применялись вплоть до Нового времени включительно. Они строились из наиболее доступного и относительно дешевого материала, имевшегося тогда в неограниченном количестве.

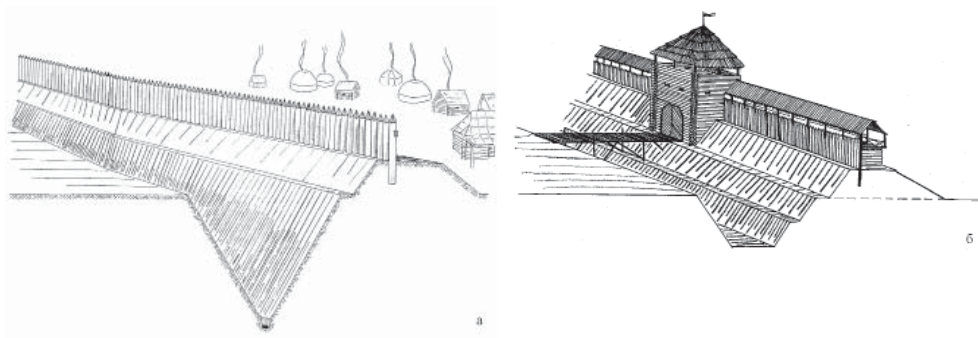

Рис. 1. Типы оборонительных сооружений: а – тип ограды в виде частокола; б – тыновая ограда.

Fig. 1. Types of defensive structures: a – type of fencing in the form of a picket fence; b – lattice fence.

В Средние века на территории Древней Руси и Волжской Булгарии подавляющее большинство военно-оборонительных сооружений возводилось из дерева и грунта. Они разделялись на несколько типов: частокол (рис. 1а), тыновая ограда (рис. 1б), гиппы (т.н. «косой острог») (рис. 2), столбовые конструкции (каркасно-столбовые) (рис. 3) и городни (рис. 4) (Губайдуллин, 2006). Необходимо заметить, что в основном так и шло их развитие – от простого к сложному. Как минимум большинство из них устанавливались на специальных насыпях, оборонительных валах. Последние, таким образом, являлись фундаментом крепостных стен, поднимая оборонительные постройки над прилегающей местностью, что позволяло более эффективно прикрывать и оборонять поселение и, в первую очередь, контролировать саму эспланаду¹. Так, деревянная стена высотой в 3–4 м, установленная на валу, давала общее возвышение дерево-земляной конструкции не менее 5–6 м.

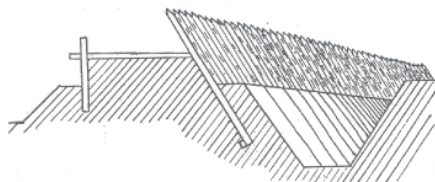
¹ Эспланада (франц. *esplanade*) – открытое пространство перед крепостью.

При определении первоначального облика надземных крепостных сооружений чаще всего приходится опираться на выявленные следы деревянных внутривальных конструкций, которые предназначались для укрепления тулова оборонительных насыпей. К ним относятся: срубы различных типов; частокол или плетень; горизонтальная деревянная решетка и др. Однако не всегда тип внутривальных конструкций может свидетельствовать о виде надвальных стен. Например, каркас крепостной насыпи мог представлять собой сруб или двойной плетень, тогда как поверх вала устанавливалась тыновая ограда. Поэтому их реконструкция не всегда может быть точна.

В некоторых же случаях современная насыпь вала может представлять собой остатки разрушенной крепостной стены, которая в древности стояла на дневной поверхности земли и имела внутреннюю забутовку из грунта (Моргунов, 2009, с. 72–110). Мы не исключаем такой реконструкции, однако насколько широко ее можно применять? Для некоторых древнерусских городищ – возможно.

Рис. 2. Типы оборонительных сооружений: гипсы (косой острог).

Fig. 2. Types of defensive structures: gypas (oblique stockades).

Если же считать, что все валы представляют собой забутовку каких-либо развалившихся конструкций, то оборонительные насыпи, дошедшие до нашего времени и имеющие высоту максимум 2–2,5 м (а часто и меньше), являются остатками крепостных стен высотой ок. 3–3,5 м². Тогда теряется весь смысл в ее возведении, т.к. она не может нести возложенные на нее оборонительные функции, для которых всегда предназначались долговременные фортификационные сооружения Древнего мира и Средних веков – времен, предшествовавших применению огнестрельной артиллерии. В первую очередь, конечно, это возможность обстреливать как можно дальше прилегающую территорию благодаря своему возвышению, т.е. держать нападающего противника вдали от основных укреплений, не давая ему приблизиться к оборонительному рву и непосредственно штурмовать или разрушать крепостную стену. Сама высота ее должна была препятствовать быстрой эскаладе³, а также требовала для этого длинных и соответственно тяжелых лестниц. Тем более что основные узлы обороны – крепостные башни – во время, предшествующее монголь-

² Это с учетом того, что валы сейчас находятся в оплывшем состоянии, в той или иной степени.

³ Эскалада (лат. *scala*-лестница, франц. *escalade*) – преодоление фортификационных сооружений противника во время штурма.

скому нашествию, строились далеко не часто, по крайней мере, в системе дерево-земляных сооружений Волжской Булгарии. Об этом может свидетельствовать очень небольшое количество археологических данных по данным объектам. Похожая картина существовала и на территории Древней Руси, где в русских крепостях XI–XII вв., как правило, башни не возводились (Раппопорт, 1965, с. 36).

По мнению военного инженера XIX века Ф.Ф. Ласковского, древнерусские «земляные ограды» имели главное достоинство, заключавшееся в значительной высоте оборонительных насыпей, глубине рвов и труднодоступной крутизне внешних покапостей, а также они могли «иметь на вершине тын, или рубленную стену» (Ласковский, 1858¹, с. 68; Ласковский, 1858², л. 7–8) (рис. 5)⁴. Это, скорее, относится к городищам с одной линией обороны, тогда как при двух- и более

⁴ Подавляющее большинство крепостных валов, если они не подвергались позднему воздействию, имеют ровные отлогости, т.е. они изначально были выровнены при возведении и сохранились в таком виде до нашего времени. Очень сомнительно, что их специально разравнивали крестьяне (или кто-либо еще) в эстетических целях. При разрушении крепостной стены, засыпанной грунтом, такого бы не произошло и они не могли бы иметь современный «ровный» вид, даже если учитывать их оплыв и оседание в течение столетий.

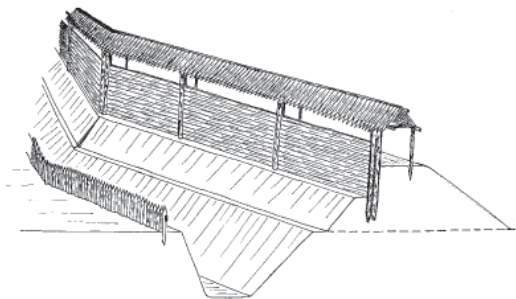

Рис. 3. Типы оборонительных сооружений: столбовая конструкция стен.

Fig. 3. Types of defensive structures: pillar structure of the walls.

рядных системах защита поселения компенсировалась возможностью многоуровневого обстрела противника еще на подступах к самим крепостным сооружениям, а также трудностью их быстрого преодоления. В этих случаях необязательно было возводить мощные оборонительные насыпи, что мы и видим на многих укрепленных поселениях Волжской Булгарии домонгольского периода. В древнерусском военном зодчестве многорядная оборона также применялась, но значительно реже и только в Южной и отчасти Центральной Руси (Голицын, 1877, с. 43; Кирпичников, 1976, с. 58). Здесь наблюдается одно из отличий принципов обороны Булгарского государства от Древней Руси в X – нач. XIII в., причем булгары строили такие оборонительные линии как в один пояс, так и в несколько отдельных, используя для различных целей, в том числе и оборонительных, широкое пространство между валами –

«болонье» (Губайдуллин, 2006, с. 40; Коваль, 2016, с. 66).

На территории Среднего Поволжья довольно редко наблюдаются остатки внутривальных деревянных конструкций. Чаще всего они прослеживаются лишь только в виде остатков древесного тлена или гумусированных следов от столбовых ям и бревен. Также их возможное существование иногда фиксируется по характеру залегания и взаиморасположения слоев внутри тулова вала. В большинстве же случаев отмечается полное отсутствие внутривальных конструкций изначально, что связано со способами возведения оборонительных насыпей (Белорыбкин, 2001, с. 15–18; Белорыбкин, 2003, с. 62).

Крепостные валы возводились из грунта, взятого в процессе рытья оборонительных рвов. Состав земли, вынутой из них, по-видимому, диктовал и способ их возведения. Согласно данным археологических исследо-

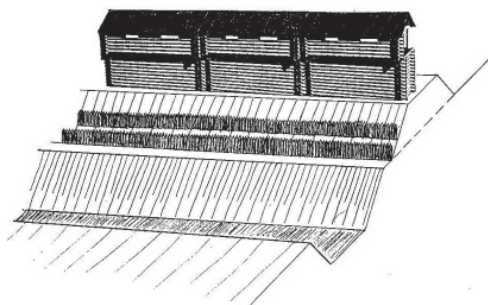

Рис. 4. Типы оборонительных сооружений: городни.

Fig. 4. Types of defensive structures: gorodnyas.

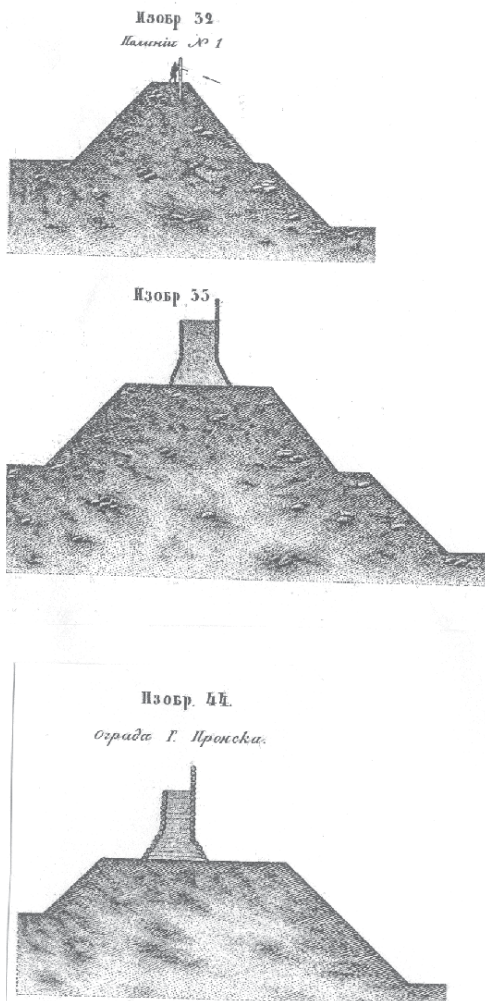

Рис. 5. Типы оборонительных сооружений (по Ф.Ф. Ласковскому).

Fig. 5. Types of defensive structures (after F.F. Laskovsky).

ваний, накопленным к нашему времени, выделяются пять технологий строительства. Первая представлена чередующимися насыпями, частично перекрывающимися друг друга, где первая сооружена вдоль рва, а все остальные отступают от нее во внутреннюю сторону (рис. 6а). Второй технологический способ имеет такие же характеристики, но здесь первоначальную насыпь возводили на расстоянии в несколько метров от линии рва, а все последующие насыпались во внешнюю сторону (рис. 6б). Третий обладает сложной структурой из-за раз-

личного взаиморасположения слоев (рис. 6в). В этих случаях иногда для скрепления насыпей использовалось перекрытие из мощного слоя суглинка или супеси. Четвертый представлен внутренним устройством валов, которые имеют центральное ядро, перекрываемое одним или несколькими слоями, расположенными друг над другом (рис. 6г). Варьирует в них и состав грунта, когда ядро оборонительных насыпей сложено из тяжелой материковой глины, а перекрывающие их слои – из более легкого суглинка, или же наоборот – основы валов состоят из супеси, а остальные слои из суглинка. Пятый технологический способ наиболее простой по устройству и представлен однородным грунтом – супесью или суглинком (рис. 6д).

В качестве варианта второго технологического способа можно привести процесс создания одного из участков линии обороны Болгарского городища. По результатам исследований раскопа ССVII, располагавшегося на западной стороне крепостных сооружений города, были определены стадии возведения данного объекта фортификации. Впервые нам удалось выявить следы от трассировки будущей оборонительной линии. Она представляла собой полосу шириной до 50 см и глубиной ок. 15 см, которая шла непосредственно под оборо-

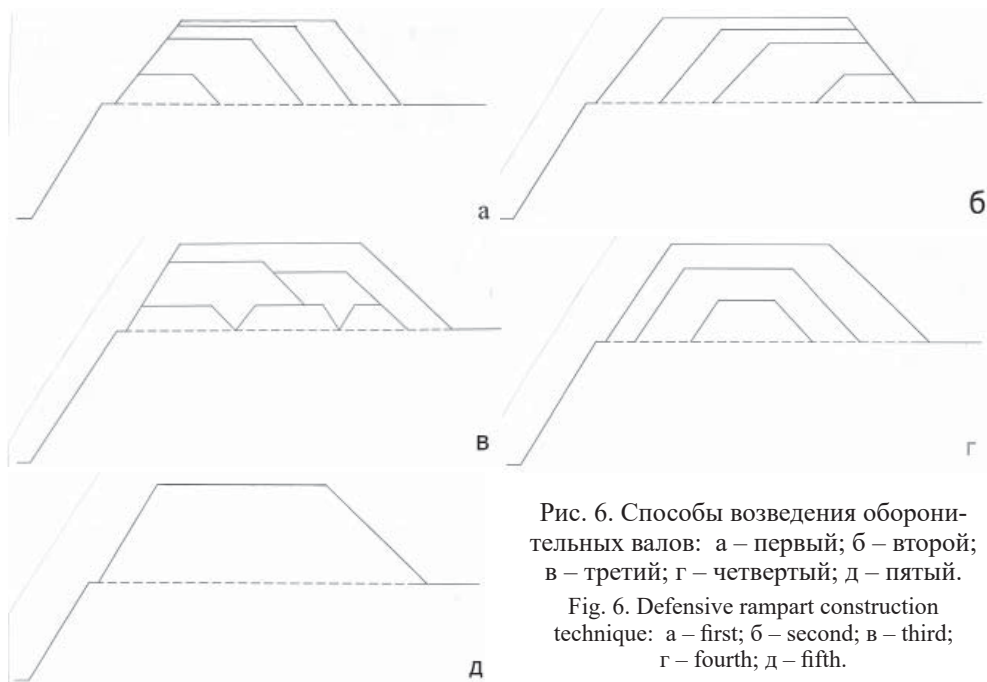

Рис. 6. Способы возведения оборонительных валов: а – первый; б – второй; в – третий; г – четвертый; д – пятый.

Fig. 6. Defensive rampart construction technique: a – first; б – second; в – third; г – fourth; д – fifth.

нительной насыпью вдоль ее оси и была проведена, возможно, лемехом (рис. 7). Вслед за тем поверхность земли подверглась разравниванию при помощи боронения. Не исключено, что это осуществлялось посредством применения сучковатого бревна, о чем свидетельствовали следы от полос глубиной до 5–7 см, шедших немного наискосок по отношению к оси укрепления. Вряд ли они являлись свидетельством ранней распашки, т.к. были выявлены только под валом. Кроме того, из перекрытой насыпью почвы происходили находки фрагментов красноглиняной керамической посуды XIII–XIV вв., свидетельствующие о существовании в этом месте раннего поселка.

Оборонительная насыпь возводилась из грунта, взятого при рытье рва, при этом сохранялся обратный порядок залегания земли (рис. 8). Основанием вала служила первоначальная насыпь, сложенная из темно-серой

гумусированной супеси. Далее строители присыпали к ней с внутренней стороны еще две небольшие насыпи из коричневого и желтого суглинков, после чего они были перекрыты серо-желтым плотным суглинком. Завершающим этапом стало возведение сверху и с внешней стороны еще двух более мощных слоев, состоящих из желтой супеси с суглинистыми включениями и желтого песка. Вдоль внешней отлогости вала была также устроена берма⁵ шириной около 60 см, которая с течением длительного времени оказалась перекрыта оплывшей верхней насыпью. Следует заметить, что такой же способ строительства был зафиксирован нами и в восточной части Болгарского городища, где

⁵ Берма (лат. *bermae*) – узкий уступ (полоса нетронутой земли) между валом и рвом, предохранявший оборонительную насыпь от осыпания в ров.

Рис. 7. След трассировки линии вала.

Болгарское городище.
Раскоп ССVII.

Fig. 7. Trace of rampart line marking. Bolgar fortified settlement.

Excavation CCVII.

Рис. 8. Оборонительный вал в западной части Болгарского городища.

Южная стенка
раскопа ССVII.

Fig. 8. Defensive rampart in the Western part of Bolgar fortified settlement. Southern wall of excavation CCVII.

линия обороны возводилась одновременно с западной.

Средневековые оборонительные валы дошли до нашего времени в оплывшем состоянии и их первоначальный вид довольно сложно установить. Однако, используя сведения по составу грунта, из которого они возведены, можно с той или иной степенью вероятности определить их первоначальный облик. Для этого хорошо применяются специальные расчеты, приведенные известным военным инженером А.З. Теляковским. Например, если при насыпке слоями земля плотно утрамбовывалась, то

заложение⁶ отлогостей⁷ создавалось «...при глинистом грунте до 1/3, при обыкновенном до 2/3, и наконец при сыпучем от 1 до 1,1/2 своей высоты» (Теляковский, 1839, с. 10). Не смотря на то, что это поздние указания, думается, что их можно использовать и при реконструкции первоначального облика средневековых крепостных ва-

⁶ Заложение – горизонтальное расстояние между вершиной и подошвой всякой отлогости.

⁷ Отлогости – наклонные плоскости, ограничивающие вал и ров.

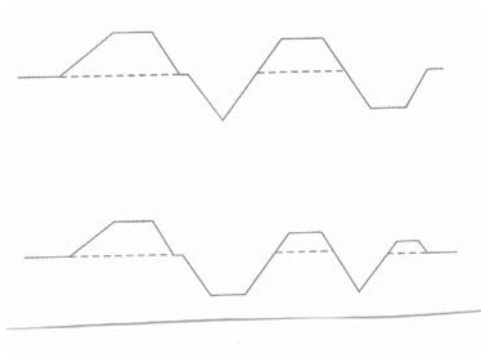

Рис. 9. Типы и сочетания оборонительных рвов.

Fig. 9. Types and combinations of defensive moats.

лов⁸. Для большей же долговечности и препятствию оплыва оборонительных насыпей использовались обкладка дерном, глиняная обмазка, обжиг отлогостей, каменные панцири или решетка из деревянных слег и кольев. Также для этого применялась и берма, которой придавалась ширина не более 1 м.

Необходимо отметить и малоисследованный раздел военного зодчества Волжской Булгарии и Древней Руси, который касается профилировки рвов, являвшихся обязательным элементом в системе военно-инженерных сооружений. Их типичные профили – трапециевидные или треугольные. В средневековье использовались в небольшом количестве и рвы подпрямоугольной формы. В болгарской фортификации отмечаются укрепленные поселения как с одним типом рвов, так и с их сочетанием на одном городище (рис. 9). Судя по данным археологии, которые имеются в нашем распоряжении, можно предположительно констатировать наиболее частое применение рвов треугольной формы. Преимущества этого типа за-

ключаются в том, что их преодоление для противника более затруднительно. Однако их труднее было вырывать, а неприятелю легче засыпать. Также «...при одинаковой ширине и глубине треугольного рва с трапециальным, первый доставляет менее земли для насыпи...» (Теляковский, 1839, с. 11–12). Для того чтобы компенсировать недостаток грунта, болгарские «градодельцы» в целях увеличения насыпи вала часто брали землю и с внутренней его стороны, создавая таким образом второй ров.

Во время исследований болгарских оборонительных рвов иногда отмечается одна их особенность, когда контрэскарп создавался более крутым, чем эскарп, что делалось не случайно, т.к. это должно было затруднять противнику сход в ров, а осажденным позволяло вести более действенный обстрел его дна. В военно-оборонительной науке Волжской Булгарии использовались и другие типы рвов с заложением эскарпов и контрэскарпов примерно равными друг другу. Таким образом, разнообразие форм и типов рвов говорит о специальном их выборе и применении для каждого конкретного укрепленного поселения, зависящего от его месторасположения и размеров.

⁸ Следует отметить, что в средневековье оборонительным валам, при возведении, вероятнее всего, придавалась трапециевидная форма.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белорыбкин Г.Н.* Золотаревское поселение. Пенза: Изд-во ПГПУ, 2001. 200 с.
2. *Белорыбкин Г.Н.* Западное Поволжье в средние века. Пенза: Изд-во ПГПУ, 2003. 200 с.
3. *Голицын Н.С.* Русская военная история. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1877. Ч. I. 250 с.
4. *Губайдуллин А.М.* Фортификационный словарь. Казань: Институт истории АН РТ, 2006. 144 с.
5. *Кирпичников А.Н.* Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л.: Наука, 1976. 138 с.
6. *Коваль В.Ю.* Города Волжской Булгарии: проблемы и перспективы исследований // Средневековая археология Волго-Уралья : сб. науч. трудов к 65-летию юбилею д.и.н., проф., член-корр. АН РТ Ф.Ш. Хузина / Отв. ред. А.Г. Ситдииков. Казань: ИА им. А.Х. Халикова АН РТ, 2016. С. 64–66.
7. *Ласковский Ф.[Ф.]* Карты, планы и чертежи к I части материалов для истории инженерного искусства в России. СПб.: Тип. Императорской Акад. наук, 1858². 28 л.
8. *Ласковский Ф.[Ф.]* Материалы для истории инженерного искусства в России. СПб.: Тип. Императорской Акад. наук, 1858¹. Ч. I. 316 с.
9. *Моргунов Ю.Ю.* Древо-земляные укрепления Южной Руси X–XIII веков. М.: Наука, 2009. 303 с.
10. *Раннопорт П.А.* Древние русские крепости. М.: Наука, 1965. 88 с.
11. *Раннопорт П.А.* Военное зодчество западно-русских земель X–XIV вв. // МИА. № 140. Л.: Наука, 1967. 242 с.
12. *Теляковский А.З.* Фортификация. СПб.: Тип. И.И. Глазунова и К^о, 1839. Ч. I. 172 с.

Информация об авторе:

Губайдуллин Айрат Маратович, доктор исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); airg_g@mail.ru

TYPES OF MEDIEVAL WOODEN AND EARTH DEFENSIVE STRUCTURES AND METHODS OF THEIR CONSTRUCTION

A.M. Gubaidullin

The paper considers the primary types of defensive structures built in the Middle Ages from wood and earth, as well as the methods used for their construction. The author identifies an entire complex of construction methods based on centuries of experience and complex engineering calculations. The medieval wood and earth fortification sites are characterized by several types of vaulted wooden structures, such as log houses, pillar structures, picket fences or hedges, and a frame in the form of a horizontal wooden grating. In certain cases, the contemporary rampart earthwork can represent the remains of a collapsed log fortress wall with an internal backfill on the ground surface. The article considers the specific rampart filling techniques, alternation and mutual arrangement of embankments consisting of homogeneous or heterogeneous soil composition, additional reinforcement of the slopes of ramparts and moats, and draws attention to the shape deliberately rendered thereto. Defensive moats were an indispensable element in the system of military engineering structures in medieval states, and were represented by several types. There are fortified settlements with various types of moats, and combinations thereof in a single settlement. The author concludes that the variety of forms and types of these structures designed for not only passive, but also active defence, testifies to their special selection and application for each specific case, which primarily depended on the location of the fortified settlement and the area it occupied.

Keywords: archaeology, the Middle Ages, settlements, fortifications, defensive ramparts and moats.

REFERENCES

1. Belorybkin, G. N. 2001. *Zolotarevskoe poselenie (Zolotarevskoe Settlement)*. Penza: Penza State Pedagogical University (in Russian).
2. Belorybkin, G. N. 2003. *Zapadnoe Povolzh'e v srednie veka (The Western Volga Region in the Middle Ages)*. Penza: Penza State Pedagogical University (in Russian).
3. Golitsyn, N. S. 1877. *Russkaia voennaia istoriia (Russian Military History)* 1. Saint Petersburg: "Tipografiya tovarishchestva Obshchestvennaia pol'za" Publ. (in Russian).
4. Gubaidullin A. M. 2006. *Fortifikatsionnyi slovar' (Dictionary of Fortification)*. Kazan: Mardjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).
5. Kirpichnikov, A. N. 1976. *Voennoe delo na Rusi v XIII–XV vv (Military Arts of Rus in the 13th–15th cc.)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
6. Koval' V. Yu. 2016. In Sitdikov, A. G. (ed.). *Srednevekovaia arkheologiya Volgo-Ural'ia: sb. nauch. trudov k 65-letnemu iubileiu d.i.n., prof., chlen-korr. AN RT F.Sh. Khuzina (Medieval Archaeology of the Volga-Urals (in Honour of Fayaz Khuzin's 65th Birthday))*. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. 64–(in Russian).
7. Laskovsky F.[F.] 1858. *Karty, plany i chertezhi k I chasti materialov dlia istorii inzhenernogo iskusstva v Rossii (Maps, Plans and Drawings for Part I of Materials on the History of Engineering in Russia)*. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences (in Russian).
8. Laskovsky, F. [F.]. 1858. *Materialy dlia istorii inzhenernogo iskusstva v Rossii (Materials on the History of Engineering in Russia)*. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences (in Russian).
9. Morgunov, Yu. Yu. 2009. *Drevo-zemlianye ukrepleniia Iuzhnoi Rusi X–XIII vekov (Wood and Soil Fortifications of Southern Rus in the 10th–13th centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
10. Rappoport, P. A. 1965. *Drevnie russkie kreposti (Ancient Russian Fortresses)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
11. Rappoport P.A. 1967. *Voennoe zodchestvo zapadno-russkikh zemel' X–XIV vv. (Military Architecture of Western Russian Lands in the 10th–14th cc.)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology) 140. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
12. Teliakovskii, A. Z. 1839. *Fortifikatsiia (Fortification)* 1. Saint Petersburg: "Tipografiya I.I. Glazunova i Ko" Publ. (in Russian).

About the author:

Gubaidullin Airat M. Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; airg_g@mail.ru

Статья поступила в номер 13.04.2018 г.

К ВОПРОСУ ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ МЯСНЫМИ ПРОДУКТАМИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА БОЛГАР¹

© 2018 г. Л.В. Яворская

В статье представлены результаты археозоологического изучения коллекций костных остатков животных из 7 раскопок, исследованных в 2012–16 гг. на Болгарском городище, осуществленного автором по методической схеме, разработанной в ИА РАН. Проведен анализ остеологических спектров и спектров мясного потребления на раскопках, расположенных в разных частях городища по трем культурно-хронологическим горизонтам: домонгольскому, раннеордынскому и позднеордынскому. Выявлено, что во все эпохи основным мясным продуктом горожан была говядина, а баранина и конина дополняли белковую диету. Источником поставок мяса были поселения ближайшей округи города, где разводили домашних копытных. В ранний золотоордынский период в Болгаре появились новые ремесленные производства, которые в больших объемах обрабатывали бараньи шкуры. Для этих производств из кочевнических степных хозяйств поставлялся мелкий рогатый скот, а мясо забитых животных поступало в пищу горожан, что увеличило долю баранины в спектрах мясного потребления по всему городу в золотоордынский период. Наиболее мощные накопления костных остатков мелкого рогатого скота фиксируются в центральной части золотоордынского Болгара непосредственно на территории ремесленного квартала. Изотопные исследования палеодиеты животных из раскопок в центральной части городища подтвердили происхождение коров и лошадей из лесотепной округи города, а овец – из аридных степных районов.

Ключевые слова: археозоологические материалы, средневековый Болгар, домашние копытные, остеологические спектры, спектры мясного потребления, средневековые ремесленные производства, поставки мясных продуктов.

Реконструкция жизнеобеспечения крупных средневековых городов является отдельной проблемой в археологии. В связи с отсутствием документальных письменных источников о системе снабжения городов продукцией сельского хозяйства на первый план выходят те сведения, которые могут предоставить археологические исследования и археобиологические материалы, добытые при раскопках: кости животных и макроостатки растений. Эти материалы еще весьма недостаточно изучены для сельских поселений Золотой Орды и потому

основным объектом исследований являются обширные коллекции из городов, в данном случае выборки костей животных из культурных напластований крупного средневекового города Болгар (Спасский район, Республика Татарстан). Основную часть костей животных, содержащихся в культурном слое городов, традиционно относят к категории «кухонных остатков» (Цалкин, 1956), которые являются основой для изучения мясной диеты жителей. Оценка роли каждого мясного продукта в белковой диете горожан позволяют выстроить гипотезы о воз-

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 18-09-00316 А.

возможностях поставок различных видов мяса из ближней и дальней сельскохозяйственной округи города.

В данном исследовании на основе коллекций костных остатков животных, собранных при археологических исследованиях Болгара в 2012–2016 гг. анализируется мясное потребление жителей различных районов в разные периоды средневековой истории, что позволит понять специфику поставок мясных продуктов в город и роль степных кочевников в них.

Коллекции с семи раскопов обрабатывались по единой методической схеме, разработанной в лаборатории естественнонаучных методов в археологии ИА РАН (Антипина, 2004; 2016). Особенности этой методической схемы неоднократно обсуждались на примере Болгара (Яворская, 2012; 2013; 2015). Фиксируется общее количество костей на раскопе, а не только определенных, анализируется заполнение слоев и объектов костями животных по культурно-хронологическим горизонтам, что позволяет судить об изменениях в интенсивности жизнедеятельности на конкретных участках, а также динамике остеологических спектров домашних копытных в различные хронологические периоды.

Стратиграфическая шкала Болгарского городища включает в себя семь культурно-хронологических горизонтов, традиционно называемых здесь слоями. В данной работе будут обсуждаться накопления костей животных, полученные при археологических исследованиях из раннебулгасского слоя VI (конец X в.), предмонгольского слоя V (XI – первая треть XIII в.) и из двух горизонтов IV золотоордынского слоя – IV – раннего (вторая треть

XIII – начало XIV в.) и IV – позднего (XIV – начало XV в.). На раскопе № CLXXIX исследователями выявлены еще три субгоризонта в составе IV – позднего (Коваль, Бадеев, 2015, с. 193).

Раскоп № CLXXIX располагался в центральной части городища примерно в 120–150 м к юго-западу от Соборной мечети средневекового Болгара. На раскопе представлены все слои стратиграфической шкалы городища эпохи средневековья от домонгольских слоев V и VI до верхних субгоризонтов IV позднеордынского слоя (Коваль, Бадеев, 2015, с. 193). Наиболее полно исследовалась коллекция костных остатков из раскопов 2012–2013 годов, объем которой составил свыше 80 тысяч фрагментов (Яворская, 2015, с. 240). История накопления культурных напластований на данном участке городища очень яркая. В домонгольском VI слое здесь зафиксированы остатки железодельного производства, а сам участок был городской окраиной и оставался таковым далее, в период расцвета домонгольского города в конце XI – начале XIII века. После разгрома города монгольскими войсками и пожара здесь восстанавливается жизнь и в период Золотой Орды этот район становится центральным в городе, здесь строится Соборная мечеть и позднее городской базар. Параллельно с функционированием жилой застройки, в конце XIII века, здесь вновь начинают активно развиваться разнообразные ремесленные производства, которые продолжают функционировать почти до конца XIV века. Таким образом, на протяжении веков данный участок города имел специфичное функцио-

нальное назначение жилой застройки, сопровождающей ремесленные производства.

На соседнем с этим участке в центре золотоордынского Болгара в 270 м к юго-востоку от Соборной мечети на раскопе № СХСVI также зафиксированы остатки жилых сооружений и нескольких ремесленных производств – керамического, металлургического, косторезного и кожевенного, датирующихся ранним и поздним горизонтами золотоордынского IV слоя. Коллекция из средневековых напластований составила 46,5 тысяч костных фрагментов (Антипина, Яворская, Ситдиков, 2015, с. 402).

В северо-западной части городища в 230 м к востоку от урочища Бабий бугор в 2013 году был исследован раскоп № CLXXXIX. На площади свыше 800 кв. м были выявлены культурные напластования и сооружения обоих крупных горизонтов золотоордынского времени: зафиксирована усадебная застройка со следами кузнечного ремесла в одном из позднеордынских жилищ (Ситдиков, Бочаров, 2014). Коллекция из средневековых напластований составила свыше 30 тыс. костных фрагментов.

В 2014–2015 годах в северо-восточной части памятника, вблизи Иерусалимского оврага, был исследован раскоп № СХСIX, площадью 2,5 тыс. кв. м. Здесь были обнаружены напластования и сооружения всех периодов в истории городища и следы почти всех известных для средневековья ремесленных производств Болгара (Ситдиков и др., 2016). Обработка коллекции костных остатков животных из этого раскопа пока не завершена, но исследована выборка из культурных напластований средне-

вековой эпохи общей численностью почти в 40 тыс. фрагментов.

В 2016 году на западной окраине городища раскопом № ССХVI изучались остатки средневековой гончарной мастерской, датирующейся позднеордынским периодом (Ситдиков и др., 2017). Кости животных, полученные при раскопках этого объекта, принадлежали к категории «кухонных остатков», это означает, что где-то вблизи располагалось жилье. Коллекция составила свыше 2,5 тысяч костных фрагментов, и ее можно считать представительной.

В том же 2016 году были заложены небольшие раскопы в юго-восточной части памятника недалеко от комплекса Ханской усыпальницы и Малого минарета. На всех раскопах были выявлены остатки жилых сооружений IV позднеордынского периода, датирующихся примерно серединой XIV века. Однако в третьей четверти века на этой территории образовался могильник и жилая застройка прекратила существовать (Ситдиков, Бочаров, 2017). Костные остатки отложились во время функционирования жилья, представляют собой отбросы кухни. С двух раскопов коллекции оказались представительны: на раскопе № ССХХI она составила 591 фрагмент, а на раскопе № ССХХIII – 2013 фрагментов.

Таким образом, исследованием по единой методической схеме удалось охватить почти все значимые районы золотоордынского города и некоторые участки домонгольского. Все коллекции представляют собой преимущественно «кухонные» остатки, и на большинстве раскопов фиксируется жилая застройка с сопровождающими ее ремесленными производствами.

Вне зависимости от местоположения и датировок практически во всех раскопах Болгара фиксируются костные остатки млекопитающих, птиц, рыб. Во всех коллекциях свыше 80% от общей численности составляют определяемые до вида кости домашних копытных – крупного и мелкого рогатого скота, лошади, свиньи, верблюда и осла. Встречаясь почти в каждом раскопе кости свиньи, как правило, единичны и занимают в коллекциях долю менее 1%. Остатки транспортных животных – осла и верблюда – фиксируются еще реже и не на каждом раскопе. Таким образом, для средневековой эпохи анализ заполнения культурных напластований костями животных возможен преимущественно на количественных соотношениях остатков трех наиболее многочисленных видов «мясных» домашних копытных: крупного и мелкого рогатого скота, а также лошади.

Домонгольские слои с представительными выборками костных остатков обнаружены на двух раскопах – в центральной и северо-восточной частях городища. Следует отметить, что для этого периода оба исследованных района являлись городскими окраинами: ров, опоясывающий домонгольский город с южной стороны, проходил вблизи территории раскопа № CLXXIX и обнаружен в пределах раскопа № СХСІХ. Оказалось, что на жилых окраинных участках города домонгольского периода остеологические спектры сходны: доля костей мелкого рогатого скота составляет чуть более 50% от всех остатков домашних копытных, затем следуют доли КРС и лошади (табл. 1). Некоторые различия между участками города фиксируются лишь для долей

крупных копытных: в восточной части доля «кухонных» остатков лошади несколько выше, чем в центре: 12% против 7%. Доля КРС здесь соответственно ниже: 36% против 41% (табл. 1). Обратим внимание, что высокая доля остатков лошади сохраняется в северо-восточной части города и в последующие периоды – в золотоордынское время. Возможно предположить некую специфику использования лошади населением этого участка города.

Напластования раннеордынского периода выявлены на четырех из изученных раскопов. Для северо-восточной части города в этот период остеологические спектры по всем видам остатков животных остались неизменными. В остальных районах – в центре и на северо-западе городища – наблюдается некоторое снижение в спектре долей крупных копытных и повышение доли мелкого рогатого скота примерно на 15% по отношению к домонгольскому периоду (табл. 1).

Позднеордынское время зафиксировано на всех семи изучаемых раскопах. Существенных различий с раннеордынским периодом в остеологическом спектре домашних копытных не выявлено – почти во всех частях города оказалась та же иерархия и средние показатели по видам: доля МРС несколько выше 60%, КРС – свыше 30%, лошади – около 10% (табл. 1). Немного отличаются от средних показатели из раскопа на северо-востоке городища. Наиболее заметные отличия в остеологическом спектре демонстрируют показатели из раскопа № CLXXIX в центре города – здесь наиболее низкая доля остатков КРС – ниже 20% и очень высокая,

Остеологические спектры домашних копытных из раскопов Болгарского городища 2012-16 гг.(%)

Периоды:		Домонгольский				Раннеордынский				Позднеордынский			
Районы города	№ рас-копа	КРС	Ло-шадь	МРС	Всего (чис-ло)	КРС	Ло-шадь	МРС	Всего (чис-ло)	КРС	Ло-шадь	МРС	Всего (чис-ло)
Центр	CLXXIX	41,1	7,4	51,6	4582	25,3	4,9	69,8	21808	19,4	2,5	78,1	31257
	CXCVI					31,4	1,9	66,7	28643	33,3	2,2	64,5	11183
Северо-запад	CLXXXIX					30,1	3,0	66,5	10001	32,5	3,8	63,7	16893
Запад	CCXVI									33,3	4,9	61,8	1239
Северо-восток	CXCIX	36,2	11,9	51,9	615	36,1	10,3	53,6	4185	39,5	11,2	49,3	30692
Юго-восток	CCXXI									25,7	4,9	67,5	399
	CCXXXIII									33,3	3,1	63,6	1187

около 80%, доля костей мелкого рогатого скота (табл. 1). Отметим, что соседний раскоп № CXCVI, расположенный в непосредственной близости (60–100 м) от раскопа № CLXXIX, таких необычных показателей не дает.

Общей тенденцией, выявленной при анализе остеологических спектров, следует считать неуклонный рост остатков мелкого рогатого скота и параллельное снижение доли крупных копытных – коровы и лошади – в культурных напластованиях Болгара в золотоордынское время. Эта тенденция проявилась на раннеордынском этапе развития города, но продолжилась и в позднеордынский период, наиболее контрастные показатели демонстрируют в позднеордынское время остеологические спектры раскопа № CLXXIX. К особенным и необычным можно отнести остеологические спектры северо-восточного района города, где на протяжении всех периодов истории довольно высокой остается доля лошади.

Еще необычная черта была выявлена на раскопе № CXCVI. Здесь при похожих с другими раскопами остеологических спектрах был зафиксиро-

ван необычный анатомический набор остатков мелкого рогатого скота. Исследование материалов данного раскопа убедительно показало, что на данном участке в центре города в слоях и сооружениях раннеордынского периода производилась заготовка сырья для косторезного производства. Наиболее заметной и необычной чертой здесь стал специфичный анатомический набор мелкого рогатого скота, где доля лопаточных костей достигла 40% (Антипина, Яворская, Ситдииков, 2015). Не исключено, что здесь же заготавливались пригодные для косторезного производства различные кости других животных, однако достоверно это установить не удалось. На костях животных из раскопа № CXCVI в изобилии отмечены следы «кухонного» дробления, которые маркируют «кухонные остатки». Однако, поскольку при исследовании этих материалов был установлен факт целенаправленного отбора конкретных костей под нужды производства, остеологический спектр оказался измененным, соответственно нет смысла высчитывать на его основе мясную диету жителей.

Доля остатков каждого вида в общем количестве костей домашних «мясных» копытных – остеологический спектр – служит основой для выяснения относительных объемов потребления мясной пищи горожанами.

Процедура вычисления мясного потребления на основе остеологических спектров неоднократно описана в работах сотрудников лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН (Антипина, 2016; Яворская, 2015). Обычно при наличии следов «кухонной» разделки на костях, характерном для «мясного потребления» анатомическом наборе остатков в подсчеты вводят коэффициенты кратности веса мясных туш для данной конкретной популяции домашних копытных и на основе остеологических спектров вычисляют спектры мясного потребления для всех исследуемых объектов.

Наиболее заметная черта в мясном потреблении горожан Болгара такова: во все периоды в диете жителей превалирует говядина. За единственным исключением ее доля в мясном рационе всех районов не опускается ниже 60%, в большинстве же случаев – близка к 70% (табл. 2). Остальные 30–40% совокупной доли двух других мясных продуктов – конины и баранины – оказываются по-разному распределены в различных районах города. Начиная с домонгольского и на протяжении всего золотоордынского периода для северо-восточного района доля конины на 1–4% превышает долю баранины. В остальных районах города и во все периоды мясо лошадей не занимает важного места в диете, его доля – 6–12% (табл. 2). Баранина становится вторым мясным ресурсом после говядины преимущественно в золотоордынский период, за исклю-

чением северо-восточного района это мясо составляет не менее 20% белкового рациона жителей (табл. 2). Для центральной части города в пределах раскопа № CLXXIX характерны особенно высокие показатели по баранине, которые коррелируют с показателями по говядине – самыми низкими в городе в ранне- и позднеордынский периоды. Эти показатели, нарушающие общую картину мясного потребления в золотоордынском Болгаре, требуют отдельного обсуждения.

Исследование коллекций костей животных на данном участке города по нескольким дополнительным стратиграфическим и культурно-хронологическим горизонтам, выделенным раскопщиками (Коваль, Бадеев, 2015, с. 193), позволило оценить динамику накопления в напластованиях костных остатков трех основных видов домашних копытных. По крупным периодам в истории данного участка города годовое накопление костных остатков от домонгольского периода к раннеордынскому увеличивается в 5 раз, а от раннеордынского к позднеордынскому времени возрастает еще в пять раз (Яворская, 2015, с. 242, табл. 2). Динамика остеологических спектров на данном участке города характеризует быстрый рост в напластованиях остатков мелкого рогатого скота от домонгольского периода к ранне- и позднеордынским и параллельно с этим снижение доли костей крупных копытных – рогатого скота и лошади (Яворская, 2015, с. 145, табл. 5). Изучение мясного потребления на основе остеологических спектров выявило существенные изменения в мясной диете горожан этого участка от домонгольского периода к золотоордынскому (Яворская, 2013,

Спектры мясного потребления различных районов города Болгар по материалам раскопок 2012-16 гг.

Район городища	Говядина	Конина	Баранина
Домонгольский период			
Центр	72,8	12,0	15,2
Северо-восток	64,9	19,6	15,5
Раннеордынский			
Центр	61,1	10,8	28,1
Северо-запад	68,5	6,3	25,2
Северо-восток	66,3	17,3	16,4
Позднеордынский			
Центр	57,0	6,0	37,0
Северо-запад	69,3	7,6	23,1
Запад	69,2	9,4	21,4
Северо-восток	68,0	17,0	15,0
Юго-восток	71,2	6,1	22,7

с. 97; 2015, с. 248, рис. 2). В домонгольское время доля говядины превышала доли как конины, так и баранины примерно в 5 раз. На протяжении всего золотоордынского периода, уже с раннеордынских напластований и в трех позднеордынских горизонтах фиксируются резкий рост доли баранины и одновременно снижение долей мяса крупных домашних копытных. Во второй трети XIV века (слой IV – поздний, субгоризонт 2), в период наивысшего расцвета золотоордынского Болгара, наблюдаются и наиболее высокие значения баранины в спектрах мясного потребления – они лишь на 11% ниже значений для говядины (Яворская, 2013, с. 97, диаграмма 2). Таким образом, изменения как в остеологических спектрах, так и спектрах мясного потребления, а также в интенсивности накопления костей в культурных напластованиях золотоордынского времени следует связать преимущественно со значи-

тельным увеличением роли мелкого рогатого скота в быту горожан в этой части города. Если данные по мясному потреблению в этой части города распространить на весь город, то наиболее простое и понятное объяснение было бы следующим: с появлением золотоордынского государства новое население страны – степные кочевники – активно поставляют в быстро растущий город свою скотоводческую продукцию – баранину (Яворская, 2013, с. 97). Такое предположение находит косвенное подтверждение в исследованиях коллег-остеологов коллекций костей животных из раскопок предшествующих лет в Болгаре. Они также фиксировали существенно большие накопления костных остатков мелкого рогатого скота, по сравнению с количеством костей коров и лошадей (Петренко, Асылгараева, 2007, с. 312). Однако распределение этих специфичных накоплений по хронологи-

ческим горизонтам и районам города ими не отслеживалось.

По результатам нашего исследования можно признать, что со вступлением Болгара в период Золотой Орды во всех исследуемых районах города фиксируется несколько более высокое потребление баранины, чем в домонгольский период: с 15% оно повышается до 21–25% (табл. 2). Однако очень высокие показатели, доходящие до 28% в раннеордынский и до 37% в позднеордынский периоды, демонстрирует только центральный участок города (табл. 2). Следы на костях, а также анализ анатомического набора костных остатков мелкого рогатого скота не оставляют сомнений в том, что эти кости являются кухонными остатками, а их накопление связано с мясным потреблением. Резкий всплеск потребления баранины локально, лишь на одном участке города удивителен. Однако все проясняет анализ археологической ситуации в золотоордынский период в исследуемом районе.

В раннеордынский период, в его позднем горизонте, в центральной части города начинается активное функционирование огромного количества ремесленных производств различной специализации, включая производства продукции из животного сырья – из кости и шкур домашних копытных. В этом же районе, на соседнем раскопе № СХСХVI, в раннеордынском горизонте нами зафиксирована даже специализированная заготовка сырья для производства костяных изделий, отбор лопаточных костей производился именно из тушек мелкого рогатого скота. Похожие мощные скопления лопаток и других костей мелкого рогатого скота отмечены для этого же

периода и на раскопах №№ LXXXIII и LXXXIV в центральной ремесленной части города (Аксенова, Полубояринова, Хлебникова, Шарифуллин, 1983, с. 15). Логично предположить, что огромное количество костей мелкого рогатого скота, представленных как специально выбранными лопатками, так и обычными «кухонными» остатками стали «побочным» продуктом производства овечьих шкур и изделий из них. Эти производства сохранились в центре города и в позднеордынский период, а накопление костей мелкого рогатого скота в культурных напластованиях неуклонно нарастало год от года, немного снизившись лишь в период строительства, функционирования и руинизации здесь центрального городского базара (Яворская, 2015, с. 248).

Механизм распределения мясных продуктов, полученных как «побочные» от специализированных производств, пока не очень ясен. Возможно, куски приготовленной баранины становились для торговцев и ремесленников, проживающих и работающих в данном квартале, повседневной пищей лишь в определенные сезоны, когда забой животных активизировался. Важно, что эти остатки составили мощные накопления в культурном слое центра Болгара и существенно изменили здесь как остеологические спектры, так и спектры мясного потребления по отношению к обычным.

В свете всех изложенных данных структура мясного потребления Болгара в различные периоды его истории может быть реконструирована следующим образом.

Основным мясным продуктом во все периоды городской истории была говядина. В золотоордынский период

по всем районам вместе с активизацией в городе производства продукции из животного сырья несколько вырастает потребление баранины по отношению к домонгольскому периоду, однако мощные накопления «кухонных» и «ремесленных» остатков мелкого рогатого скота фиксируются локально в центральной части города непосредственно в ремесленном квартале. В северо-восточном районе города, где традиционно с домонгольского времени вторым по значимости мясным продуктом после говядины была конина, в золотоордынское время сохраняется ее потребление на том же уровне.

Отсюда становится понятна структура поставок мясных продуктов в город. Наиболее важным источником поступления «мясных» животных должны были быть сельские поселения городской округи, где еще в домонгольский период и позднее содержался и разводился крупный рогатый скот для получения горожанами основного белкового продукта. Там же и с теми же целями, но в значительно меньшем количестве разводили овец, коз и лошадей. В золотоордынское время количество таких поселений, очевидно, должно было увеличиться, чтобы обеспечить мясными продуктами быстро разрастающийся густонаселенный город. Мелкий рогатый скот степных кочевников начинает поставляться в Болгар только в золотоордынское время начиная с раннеордынского времени и именно в связи с появлением в городе ремесленных производств по обработке шкур. «Побочные» продукты этих производств – мясные части туш, – в свою очередь, несколько повышают долю баранины

в мясной диете в разных районах города в этот период и позднее.

Именно такая структура поставок мясного скота в Болгар подтверждается результатами исследования тяжелых изотопов углерода и азота из коллагена костей домашних и диких животных из золотоордынских слоев в центральной части Болгара. Полученные показатели палеодиеты домашних копытных выявили, что крупный рогатый скот и лошади выращивались преимущественно в округе Болгара, а овцы поступили в город из аридных районов, то есть из хозяйств степных кочевников (Яворская, Антипина, Энгватова, Зайцева, 2015, с. 59).

Из проведенного исследования удалось сделать следующие выводы:

1. Структура мясного потребления Болгара во все периоды его истории обычна для городов средневековья. Основным мясным продуктом в ней является говядина. Конина и баранина предстают дополнительными, менее значимыми, белковыми ресурсами.

2. Обеспечение продуктами как небольшого домонгольского города, так и огромного золотоордынского осуществлялось, в первую очередь, из его сельскохозяйственной округи.

3. Скот степных кочевников поставлялся в Болгар в золотоордынское время для нужд ремесла, производившего продукцию из шкур животных. Эти «производственные» поставки несколько увеличили долю баранины в пищевом рационе горожан, но не сделали ее основным мясным продуктом в золотоордынское время.

4. На примере Болгара удалось показать, что нельзя распространять результаты археозоологического исследования локальной выборки костных

остатков на всю территорию города. Помимо того, что в северо-восточной части обнаружен район с традиционной специфичной мясной диетой с высокой долей конины в рационе, в центре города, в силу локализации здесь ремесел, накопление костных остатков шло более интенсивно, а спектры оказались измененными по отношению к обычным для города.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксенова Н.Д., Полубояринова М.Д., Хлебникова Т.А., Шарифуллин Р.Ф. Отчет об археологических исследованиях Болгарского городища в 1982 году. Т. III. Болгары, Казань, Москва, 1983/ Архив ИА РАН, Р-1, № 9809.
2. Антипина Е.Е. Археозоологические материалы (глава 7) // Каргалы. Т. III / Ред и сост. Е.Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 182–239.
3. Антипина Е.Е. Современная археозоология: задачи и методы исследования // Междисциплинарная интеграция в археологии (по материалам лекций для аспирантов и молодых сотрудников) / Отв. ред. Е.Н. Черных, Т.Н. Мишина. М.: ИА РАН, 2016. С. 96–117.
4. Антипина Е.Е., Яворская Л.В., Ситдииков А.Г. Необычные изделия из бараньих лопаток из ремесленного квартала Болгарского городища (раскопки 2013-2015 гг.) // КСИА. 2015. № 241. С. 402–408.
5. Коваль В.Ю., Бадеев Д.Ю. Исследования центрального базара Болгара в 2012–2013 гг. // КСИА. Вып. 237. 2015. С. 188–199.
6. Петренко А.Г., Асылгараева Г.Ш. Археозоологические материалы из раскопок Казанского кремля. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2003. 320 с.
7. Ситдииков А.Г., Бочаров С.Г. Раскоп CLXXXIX // Археологические исследования 2013 г.: Болгар и Свияжск / Авт.-сост. А.Г. Ситдииков, Р.Р. Валиев, А.С. Старков. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2014. С. 15–16.
8. Ситдииков А.Г., Бочаров С.Г. Раскопы ССXXI, ССXXII и ССXXIII // Археологические исследования 2016 г.: Болгар и Свияжск / Авт.-сост. А.Г. Ситдииков, Р.Р. Валиев, А.С. Старков. Казань: ИД «Казанская недвижимость», 2017. С. 18–19.
9. Ситдииков А.Г., Бочаров С.Г., Иожица Д.В., Куikliна А.А., Яворская Л.В. Раскоп ССXXVI // Археологические исследования 2016 г.: Болгар и Свияжск / Авт.-сост. А.Г. Ситдииков, Р.Р. Валиев, А.С. Старков. Казань: ИД «Казанская недвижимость», 2017. С. 13–15.
10. Ситдииков А.Г., Бочаров С.Г., Масюта Д.А., Иожица Д.В., Лесная Е.С., Яворская Л.В., Данильченко А.И. Раскоп СХСIX // Археологические исследования 2015 г.: Болгар и Свияжск / авторы-составители: Ситдииков А.Г., Валиев Р.Р., Старков А.С. Казань: «Издательский дом «Казанская недвижимость», 2016. С. 13–15.
11. Цалкин В.И. Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси / МИА. № 51. М.: Наука, 1956. 184 с.
12. Яворская Л.В. Костные останки животных из раскопа CLXII города Болгара: некоторые новые методы обработки и оценки археозоологических материалов // Поволжская археология. 2012. № 1. С. 216–237.
13. Яворская Л.В. Специфика заполнения культурных слоев и динамика мясного потребления в городе Болгар (по археозоологическим материалам раскопа CLXXIX). // Поволжская археология. 2013. № 3 (5). С. 91–102.
14. Яворская Л.В. Динамика заполнения костями животных центральной части Болгарского городища как показатель интенсивности жизнедеятельности его обитателей // КСИА. Вып. 237. 2015. С. 239–251.
15. Яворская Л.В., Антипина Е.Е., Энгватова А.В., Зайцева Г.И. Стабильные изотопы углерода и азота в костях домашних животных из трех городов Европейской

части России: первые результаты и интерпретации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2015. № 1 (31). С. 54–64.

Информация об авторе:

Яворская Лилия Вячеславовна, кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); lilechka.yavorska@list.ru

**TO THE QUESTION OF PROVIDING MEAT PRODUCTS
TO THE MEDIEVAL CITY OF BOLGAR**

L.V. Yavorskaya

The results of archaeozoological study of collections of bone remains of animals from 7 excavations investigated in 2012–16 on the Bolgar fortified settlement are represented in the paper. The research was carried out by the author according to the methodical scheme developed at the Institute of archaeology of the Russian Academy of Sciences. The osteological spectra and spectra of meat consumption at excavations located in different parts of the site have been analyzed concerning three cultural and chronological horizons: the Pre-Mongolian, the Early Horde and the Late Horde horizons. It was revealed that in all epochs the beef was main meat product of the townspeople, while lamb and horse meat supplemented the protein diet. The settlements of the nearest city district where domestic ungulates were bred were the source of meat. In the early Golden Horde period, new handicraft industries appeared in Bolgar, which processed sheep skins in large quantities. For these industries, small cattle were supplied from nomadic steppe farms, and the meat of slaughtered animals was fed to the citizens, which increased the share of lamb in the spectra of meat consumption throughout the city during the Golden Horde period. The most powerful accumulations of bone remains of small cattle are recorded in the central part of the Golden Horde Bolgar directly in the territory of the craft quarter. Isotope studies of paleo-diets of animals from excavations in the central part of the ancient settlement confirmed the origin of cows and horses from the forest-steppe area of the city, and sheep from arid steppe areas.

Keywords: archaeozoological materials, medieval city of Bolgar, domestic ungulates, osteological spectra, patterns of meat consumption, medieval craft production, supply of meat products.

REFERENCES

1. Aksenova, N. D., Poluboiarinova, M. D., Khlebnikova, T. A., Sharifullin, R. F. 1983. *Otchet ob arkhеologicheskikh issledovaniyakh Bolgarskogo gorodishcha v 1982 godu (Report on Archaeological Studies of Bolgar Fortified Settlement in 1982)* III. Bolgar, Kazan, Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, R-1, no. 9809 (in Russian).
2. Antipina, E. E. 2004. In Chernykh, E. N. (ed.). *Kargaly (Kargaly)* III. Moscow: "Iazyki slavianskoi kul'tury" Publ., 182–239 (in Russian).
3. Antipina, E. E. 2016. In Chernykh, E. N., Mishina, T. N. (eds.). *Mezhdistsiplinnaya integratsiya v arkhеologii (po materialam lektzii dlia aspirantov i molodykh sotrudnikov) Interdisciplinary Integration in Archaeology (based on Lectures for Postgraduate Students and Young Employees)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 96–117 (in Russian).
4. Antipina, E. E., Yavorskaya, L. V., Sitdikov, A. G. 2015. In *Kratkie soobshcheniya Instituta arkhеologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 241. 402–408 (in Russian).

The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project No. 18-09-00316 A

5. Koval', V. Yu., Badeev, D. Yu. 2015. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 237. 188–199 (in Russian).
6. Petrenko, A. G., Asylgaraeva, G. Sh. 2003. *Arkheozoologicheskie materialy iz raskopok Kazanskogo kremlia (Archaeological Materials from the Excavations of the Kazan Kremlin)*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
7. Sitdikov, A. G., Bocharov, S. G. 2014. In Sitdikov, A. G., Valiev, R. R., Starkov, A. S. (comp.). *Arkheologicheskie issledovaniia 2013 g.: Bolgar i Sviiazhsk (Archaeological Studies in 2013: Bolgar and Sviyazhsk)*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 15–16 (in Russian).
8. Sitdikov, A. G., Bocharov, S. G. 2017. In Sitdikov, A. G., Valiev, R. R., Starkov, A. S. (comp.). *Arkheologicheskie issledovaniia 2016 g.: Bolgar i Sviiazhsk (Archaeological Studies in 2016: Bolgar and Sviyazhsk)*. Kazan: "Kazanskaia nedvizhimost" Publ., 18–19 (in Russian).
9. Sitdikov, A. G., Bocharov, S. G., Iozhitsa, D.V., Kuklina A.A., Yavorskaya, L. V. 2017. In Sitdikov, A. G., Valiev, R. R., Starkov, A. S. (comp.). *Arkheologicheskie issledovaniia 2016 g.: Bolgar i Sviiazhsk (Archaeological Studies in 2016: Bolgar and Sviyazhsk)*. Kazan: "Kazanskaia nedvizhimost" Publ., 13–15 (in Russian).
10. Sitdikov, A. G., Bocharov, S. G., Masyuta, D. A., Iozhitsa, D.V., Lesnaya E.S., Yavorskaya, L. V., Danilchenko, A. I. 2016. In Sitdikov, A. G., Valiev, R. R., Starkov, A. S. (comp.). *Arkheologicheskie issledovaniia 2015 g.: Bolgar i Sviiazhsk (Archaeological Studies in 2015: Bolgar and Sviyazhsk)*. Kazan: "Kazanskaia nedvizhimost" Publ., 13–15 (in Russian).
11. Tsalkin, V. I. 1956. *Materialy dlia istorii skotovodstva i okhoty v Drevnei Rusi (Materials on the History of Cattle Breeding and Hunting in Ancient Rus)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 51. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
12. Yavorskaya, L. V. 2012. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (1), 216–237 (in Russian).
13. Yavorskaya, L. V. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (3), 91–102 (in Russian).
14. Yavorskaya, L. V. 2015. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 237. 239–251 (in Russian).
15. Yavorskaya, L. V., Antipina, E. E., Engovatova, A. V., Zaitseva, G. I. 2015. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istorii. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia (Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations)* 1(31). 54–64 (in Russian).

About the Author:

Yavorskaya Liliya V. Candidate of Historical Sciences. Associate Professor. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitriya Ulyanova St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; lilechka@yavorska@list.ru

Статья поступила в номер 19.04.2018 г.

КОМПЛЕКСНЫЕ ГЕОФИЗИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ БОЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА В 2016 ГОДУ

© 2018 г. В.Г. Бездудный, В.Н. Марчук, А.Г. Ситдинов

На территории Болгарского городища в районе Галанкина озера в 2016 г. были проведены комплексные геофизические исследования (магнитометрия, георадиолокация) в зонах предполагаемого керамического производства. Применялись различные методы геофизических исследований и виды аппаратуры, включая многоантенный радарный комплекс (МАРК 300-8). Выявлены и локализованы горны к западу, югу и востоку от Галанкина озера. Один комплекс горнов геофизическими методами исследован с максимально возможным качеством. Затем этот производственный комплекс был археологически исследован раскопом ССХVI. Реконструкция на основе геофизических данных дала высокую степень выявления деталей и отдельных элементов производственных сооружений и их общей системы в рамках участка исследования.

Ключевые слова: археология, Болгарское городище, Галанкино озеро, керамическое производство, горны, георадар, магнитометр.

В 2016 году Лабораторией «Археологическая геофизика» продолжено проведение комплексных геофизических (георадарных и магнитометрических) исследований Болгарского городища в районе Галанкина озера.

Основной целью работ было расширить площадь геофизических исследований на изучаемом участке. Задачи включали в себя выявление аномалий, связанных с археологическими объектами (остатками строений, производственных комплексов) при помощи магнитометрии и георадара, а также уточнение их месторасположения.

Возможность использования такого подхода к исследованию археологических памятников поселенческого типа была успешно применена в предыдущие периоды (Бездудный, Стародубцев, 2016, с. 156–160).

Для георадарного исследования применялся многоантенный радарный комплекс МАРК 300-8, исполь-

зующий сверхширокополосные радиоимпульсы с центральной рабочей частотой 300 МГц и 8 каналами сбора данных. Принцип работы георадарного комплекса состоит в излучении и приеме отраженной электромагнитной волны. Импульс георадара излучается передающей антенной, распространяется в грунте, отражается от подповерхностных объектов и неоднородностей грунта, затем отраженные сигналы поступают на приемную антенну, усиливаются и после дискретизации сохраняются для обработки. По амплитуде и времени запаздывания отраженных импульсов можно оценить глубину залегания исследуемых объектов и радиофизические параметры грунта. Перемещение радарного блока осуществлялось при помощи мини-трактора. Производительность МАРК 300-8 – 1 Га площади за 4 часа чистого рабочего времени. Один проход позволяет получать 8 георадарных профилей на расстоянии

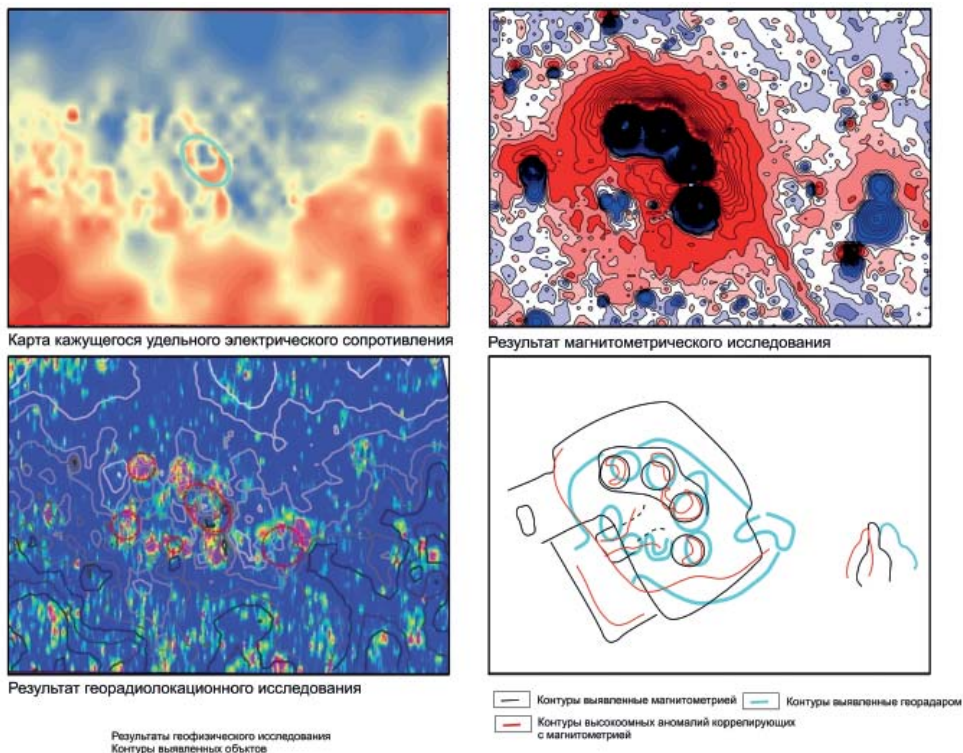

Рис. 1. Результаты комплексного геофизического исследования.
Наложение результатов на каждый вид геофизического исследования.
Объединение всех результатов в единых границах участка.

Fig. 1. Results of a comprehensive geophysical study. Imposition of results on each type of geophysical study. Combination if all the results within the common boundaries of the site.

0,25 м между собой. Скорость сбора данных составляет 10 кадров в секунду, где каждый кадр состоит из 8 выборок по 512 отсчетам. Таким образом, при штатной скорости движения мини трактора 1 м/сек, расстояние между отдельными выборками в георадарном профиле превышает 5 см. Глубина проникновения импульса во многом зависит от радиофизических свойств грунта, на которые влияет его плотность, влажность и соленость. Для сухого песка (идеальный грунт) глубина фиксации различных объектов – от 1,5 до 2 м. Ширина полосы охвата комплекса за один проход – 200 см. Для работы ком-

плекса применяется пакет программ Gerad 3D-Pro, включающий программу сбора, программу объединения массивов данных, программу обработки трехмерных массивов радиолокационных данных.

Для магнитометрического исследования применялся процессорный оверхаузеровский датчик POS-2 в его градиентометрической (двухканальной) модификации. Проводилось измерение вертикального градиента магнитного поля земли на участках исследования. Измеряемая величина – вертикальный градиент магнитного поля Земли, т.е. разница значений магнитного поля Земли, измеренных

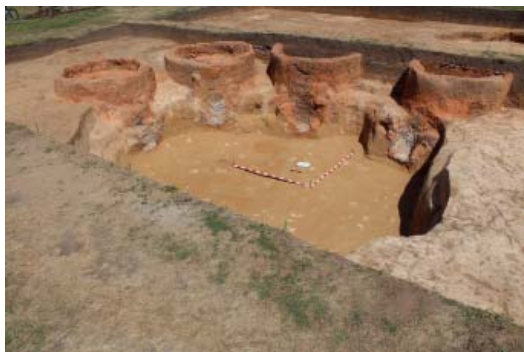

Рис. 2. Многокамерный горн, раскопки. Общий вид с ЮЗ.

Fig. 2. Multi-chamber hearth, excavations. General view from the South-West.

одновременно (синхронно) по верхнему и нижнему датчикам и деленная на расстояние между датчиками над предполагаемым объектом. Расстояние между датчиками градиентометра – 2 м, высота нижнего датчика над дневной поверхностью 0,3 м. Среднее магнитное поле данного региона – 54000 нТл. Методика исследования –

непрерывная съемка, время каждого физического наблюдения – 1/2 сек. Это позволило получать значения градиента магнитного поля с удовлетворяющей точностью $\pm 0,1$ нТл/2м. Внутри участков профили располагаются на расстоянии 0,5 м, шаг измерений по профилю около – 0,5 м. Полученные данные обработаны при помощи специализированных программ. Результат представлен в виде распределения

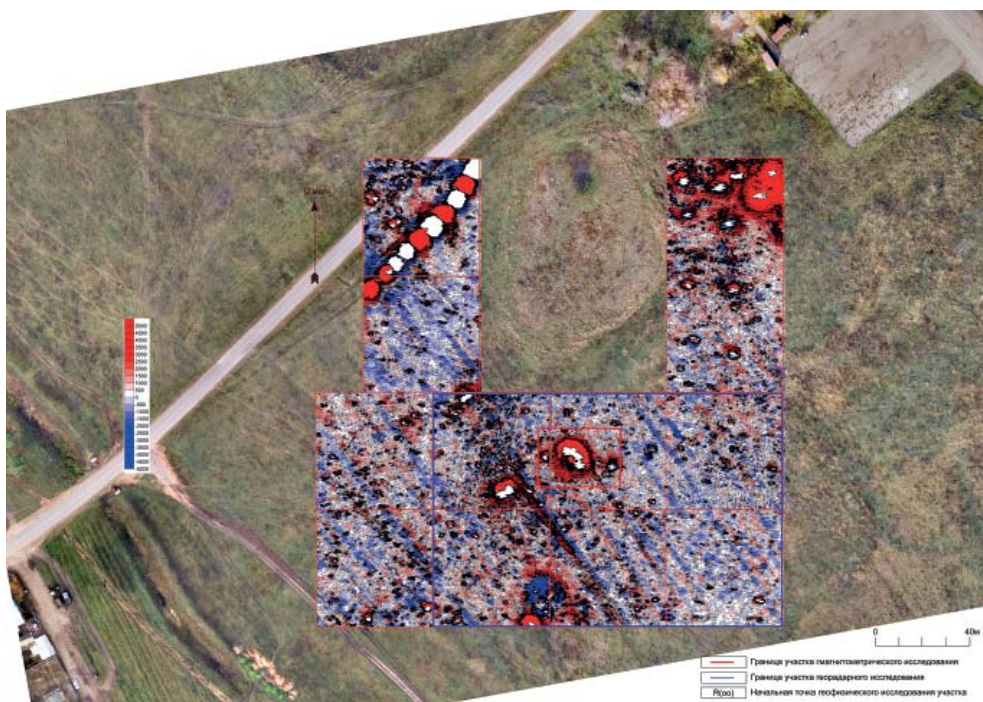

Рис. 3. Распределение градиента магнитного поля на участках исследования производственной зоны Болгарского городища, около озера Галанкино. Наложение на фрагмент космо-снимка.

Fig. 3. Distribution of the magnetic field gradient in the study sections of the production area of Bolgar fortified settlement near Galankino Lake. Imposition of a space image of the fragment.

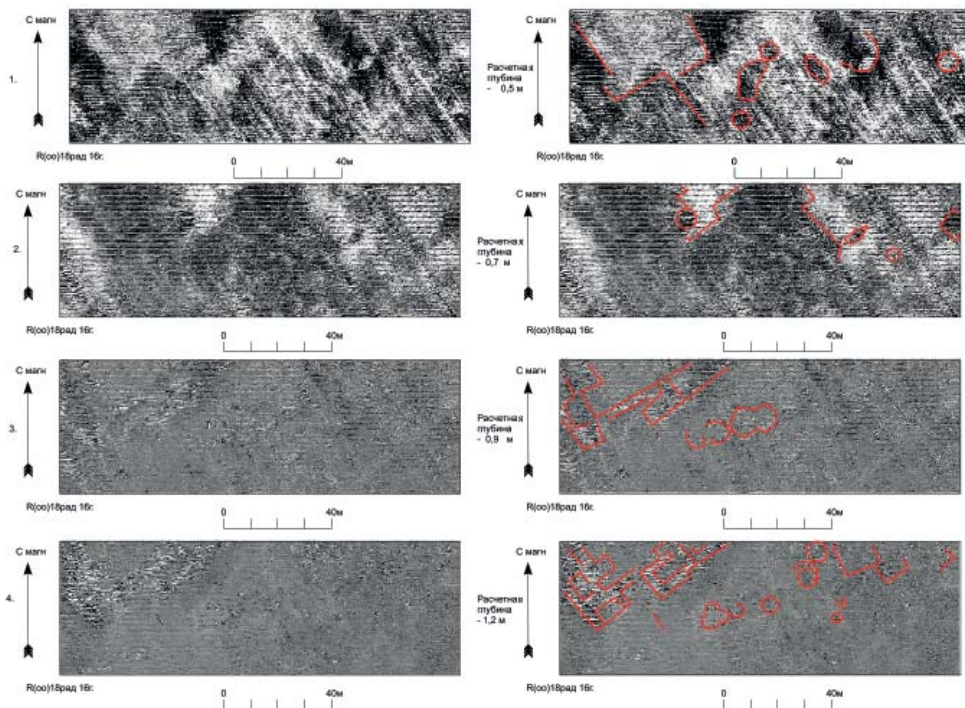

Рис. 4. Примеры послойных планов георадарной съемки, одного из участков исследования, на расчетные глубины, с прорисовкой / без прорисовки выявленных изменений в грунте.

Fig. 4. Examples of the layered plans of georadar photography for one of the study sites at calculated depths with and without tracing of the identified changes in the ground.

градиента магнитного поля в цвете и черно-белом вариантах.

Магнитометрией в предыдущий период была исследована площадь 1,5 га южнее и восточнее Галанкина озера. Выявлен ряд аномалий, которые интерпретируются как производственные площадки с горнами для обжига керамики. Совместно с гео-

физиками Казанского (Приволжского) федерального университета проведены углубленные исследования одного из выявленных комплексов аномалий магнитного поля (рис. 1). Применялись методы магнитометрии, электропрофилирования, георадиолокации, причем в максимальном качестве производства съемки. Следует отметить,

Рис. 5. Прорисовка изменений в грунте на участках георадарного исследования (район озера Галанкино).
Fig. 5. Tracing of changes in the ground in georadar study areas (area of Galankino Lake).

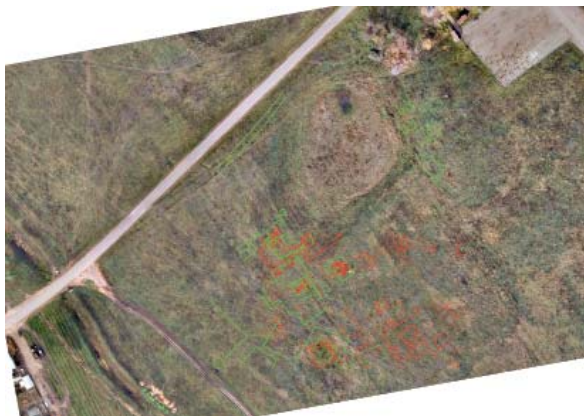

Рис. 6. Наложение на космо-снимок предполагаемых контуров археологических объектов (район озера Галанкино).

Fig. 6. Imposition of the estimated contours of archaeological sites on the space image (area of Galankino Lake).

что увеличение детализации геофизической съемки приводит к снижению производительности измерений. Выбор между большой площадью исследования и детализацией определяется целью конкретной решаемой задачи. В данном случае выбран метод последовательного приближения: большая площадь со средним качеством изображения и отдельно выявленные объекты с максимальным качеством.

По результатам анализа данных геофизики проведены археологические исследования, которые подтвердили выводы результатов геофизического обследования (Ситдииков и др., 2017, с. 13). Раскопан многокамерный горн (рис. 2). Площадка геофизических исследований 2016 года расположена южнее и западнее Галанкина озера. Исследование данной площадки является продолжением геофизических работ 2015 года. Площадка была выкошена от сухостоя и травы перед геофизическими исследованиями. Площадка включает в себя участки

магнитометрии – №№ 16, 17, 19, 20, 22, 23 и георадарной съемки №№ 18, 21. Общая площадь магнитометрических исследований в 2016 г. составляла 1,5 га. Произведено 52463 точек наблюдений магнитного поля. Общая площадь георадарного исследования участков №№ 18, 21 – 15000 кв. м. Произведено 60000 м георадарных профилей.

Произведена сборка результатов магнитометрических исследований 2015 и 2016 г. (рис. 3). Результаты магнитометрических исследований различных лет стыкуются и соотносятся друг с другом. Участки № 18 – (150×50 м), № 21 (150×50 м) георадарной съемки перекрывают часть участков магнитометрии.

По итогу георадарных исследований произведена обработка полученных данных. Выстроено распределение электромагнитного импульса на радарограммах по каждому георадарному профилю и произведено объединение их в послойные планы (планиграфические разрезы на различные расчетные глубины исследования в масштабе). Диэлектрическая проницаемость грунтов на момент исследования не определялась, введено табл. значение $\epsilon - 9$. Привязать относительную глубину полученных послойных планов к истинной глубине затруднительно. Можно предположить, что нижние послойные планы даны в диапазоне истинных глубин до 1 м от поверхности исследования. Послойные планы даны в порядке заглубления их под поверхность ис-

следования последовательно для каждого участка на расчетных глубинах 0,3–1,4 м. Пример послойных планов одного из участков даны с прорисовкой / без прорисовки выявленных объектов для визуализации интерпретации (рис. 4). Анализ полученного результата позволяет говорить о фиксации георадаром археологических объектов на глубину проникновения электромагнитного импульса. Более толстые линии отображают достаточно четко выраженные структуры на послойных планах, относящиеся к археологическим объектам. Тонкими линиями выделены менее читаемые изменения в грунте. Окружностями обозначены места предположительных археологических объектов круглой формы (возможно, горны, хозяйственные ямы) (рис. 5). Произведена генерализация полученного результата георадарного исследования и объединение его с результатом магнитометрического исследования данной территории (рис. 6).

Полученные результаты позволяют сделать некоторые выводы. Вполне определенно прослеживается корреляция результатов магнитометрии и георадара. Сравнение и анализ результатов магнитометрии и георадара дают возможность предположить, что нами зафиксированы элементы строений и конструкций производственного назначения. В рамках исследованной территории выявлена общая структура производственной застройки в районе Галанкина озера. Имеется возможность уточнения границ и функционального назначения отдельных объектов, используя другие геофизические методики и режимы геофизических исследований. К сожалению, на данном этапе геофизических исследований невозможно четко определить границы и контуры всех предполагаемых археологических объектов и их прошлое хозяйственное назначение. Требуется дополнительные исследования, которые помогут в уточнении интерпретаций полученных результатов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бездудный В.Г., Стародубцев Г.Ю., Кайзер Э., Вингер К., Лясковская Л.Е., Щеглова О.А.* Начало комплексных исследований гочевского средневекового поселения (северо-восточная часть посада городищ Крутой Курган и Царский дворец) // Естественно научные методы в изучении и сохранении памятников Костенко-Борщевского археологического района / Отв. ред. В.Н. Ковалевский. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2017. С. 156–161.
2. *Ситдииков С.Г., Бочаров С.Г., Иожица Д.В., Куклина А.А., Яворская Л.В.* Раскоп ССХVI // Археологические исследования 2016 г. Болгар и Свяжск / Авторы-составители: А.Г. Ситдииков, Р.Р. Валиев, А.С. Старков. Казань: Казанская недвижимость, 2017. С. 13–15.

Информация об авторах:

Бездудный Владимир Григорьевич, руководитель, Лаборатория Археологическая Геофизика. (г. Ростов-на-Дону, Россия); lekt88@mail.ru

Марчук Василий Николаевич, кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник. ФИРЭ им. В.А.Котельникова РАН (г. Фрязино, Россия); marchuk@ms.ire.rssi.ru

Ситдииков Айрат Габитович, чл.-корр АН РТ, доктор исторических наук, директор, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, зав. кафедрой, Казанский (При-волжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

COMPREHENSIVE GEOPHYSICAL STUDIES OF BOLGAR FORTIFIED SETTLEMENT IN 2016

V.G. Bezdudny, V.N. Marchuk, A.G. Sitdikov

Comprehensive geophysical studies (magnetometry, georadiolocation) were conducted in the estimated areas of ceramic production at Bolgar fortified settlement near Galankino Lake in 2016. Different geophysical study methods were applied with the use of various equipment were used, including a multi-antenna radar complex (MARK 300-8). Hearths were discovered and localized to the West, South and East of Galankino Lake. A single complex of hearts was studied with maximum possible accuracy using the geophysical methods. Then the production complex was archaeologically investigated at excavation 216. A reconstruction on the basis of geophysical data provided a high degree of identification of details and individual elements of production facilities and their general system within the study area.

Keywords: archaeology, Bolgar fortified settlement, Galankino Lake, ceramic production, hearths, georadar, magnetometer.

REFERENCES

1. Bezdudnyi, V. G., Starodubtsev, G. Yu., Kaizer, E., Vinger, K., Liaskovskaya, L. E., Sheglova, O. A. 2017. In Kovalevsky, V.N. (ed.). *Estestvenno nauchnye metody v izuchenii i sokhranении pamiatnikov Kostenko-Borshchevskogo arkheologicheskogo raiona (Multidisciplinary methods in the study and preservation of sites in the Kostenki-Borshchevo archaeological area)*. Voronezh : VSU Publishing House, 156–161 (in Russian).
2. Sitdikov, A. G., Bocharov, S. G., Iozhitsa, D.V., Kuklina A.A., Yavorskaya, L. V. 2017. In Sitdikov, A. G., Valiev, R. R., Starkov, A. S. (comp.). *Arkheologicheskie issledovaniia 2016 g.: Bolgar i Sviyazhsk (Archaeological Studies in 2016: Bolgar and Sviyazhsk)*. Kazan: “Kazanskaia nedvizhimost” Publ., 13–15 (in Russian).

About the Authors:

Bezdudnyi Vladimir G. Laboratory of Archaeological Geophysics, Rostov-on-Don, Russian Federation; lekt88@mail.ru

Marchuk Vasily. N. Candidate of Physical and Mathematical Sciences. Fryazino branch of the state budgetary institution of science V.A. Kotelnikov Institute of Radio Engineering and Electronics. Russian Academy of Sciences. Vvedensky Sq., 1, Fryazino, Moscow Region, 141190, Russian Federation; marchuk@ms.ire.rssi.ru

Sitdikov Airat G. TAS Corresponding Member. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Head of department, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Статья поступила в номер 01.05.2018 г

УДК 904. 572.08

<https://doi.org/10.24852/pa2018.2.24.326.341>

КОМПЛЕКСНАЯ ОЦЕНКА СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ ТЕРРИТОРИИ БОЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА (ТАТАРСТАН, РОССИЯ)¹

© 2018 г. Б.М. Усманов, И.И. Гайнуллин, П.В. Хомяков

Авторами решается научная задача по созданию системы анализа состояния территории расположения объекта культурного наследия (памятника археологии) с использованием как методов археологических исследований, так и применяемых в практике геоморфологических и геоэкологических исследований. Разрабатывается новая методика оценки рисков разрушения памятников археологии в пределах территории Болгарского городища при помощи дистанционного зондирования, комплексных полевых исследований и картографо-геоинформационных подходов к обработке полученных данных. Современными инструментальными методами осуществлялся сбор информации об опасных экзогенных процессах и антропогенном воздействии в пределах памятника. С использованием разновременной аэрофотосъемки осуществлен анализ изменения функционального использования территории Болгарского городища. Итогом проведенных исследований является серия как инвентаризационных, так и оценочных карт, а также рекомендации для минимизации нагрузки на рассматриваемый объект археологического наследия. Полученные результаты будут использованы авторами для создания методики оценки рисков разрушения памятников археологии.

Ключевые слова: археология, культурное наследие, антропогенный фактор, экзогенные процессы, дистанционное зондирование, аэрофотосъемка, геоинформационные системы, городища, средневековье.

Болгарское городище – уникальное археологическое и архитектурное наследие Волжской Булгарии и Золотой Орды. Международное значение Болгарского историко-архитектурного комплекса подтверждено включением его в качестве номинанта в Список Всемирного наследия UNESCO, в котором памятник, будучи уникальным свидетельством существования самобытной болгарско-татарской цивилизации, занял свою особую нишу. Болгарский комплекс раскрывает важный аспект истории отношений, культур-

ного взаимодействия степных культур и городских цивилизаций Азии и Европы. Тем более важно в этой связи проводить последовательную работу по выявлению антропогенных и экзогенных процессов и рисков, ведущих к разрушению памятника, утрате определенных элементов, составляющих неповторимый облик Болгарского городища и потере культурного слоя, несущего бесценные исторические свидетельства жизни Болгара.

Разработка стратегии сохранения культурного наследия на осно-

¹ Работа выполнена за счет средств субсидии, выделенной в рамках государственной поддержки Казанского (Приволжского) федерального университета в целях повышения его конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров.

ве анализа современного состояния, прогноз и оценка рисков для памятников археологии с использованием современных методов (анализ ДДЗ, ГНСС-технологии и ГИС) являются неотъемлемой частью современных археологических исследований во всем мире (Wang, 2015). Современные технологии заметно упростили задачу по проведению мониторинга современного состояния памятников археологии. Так, например, на основе комплексных исследований возможно задокументировать ландшафтные изменения для охраны и управления культурным наследием на всех уровнях, от отдельных памятников до общей картины в целом (Risbol et al, 2015; Gainullin et al, 2017; Asăndulesei et al, 2017). При этом широко применяются различные методы обработки разновременных аэрофото-и космоснимков: проводится сравнительный анализ изменения состояния памятника (Lasaronara et al, 2012; Gainullin et al, 2016), планирование адресных археологических охранно-спасательных работ (Banerjee, 2013), осуществление реконструкции древних ландшафтов и первоначального облика объектов археологии, относящихся к различным историческим эпохам (Reinhold, 2016). Таким образом, при использовании ДДЗ в археологии выделяются следующие задачи (Hritz, 2014):

1) поиск, точная фиксация и мониторинг состояния памятников археологии в быстроизменяющемся современном ландшафте;

2) понимание процессов формирования ландшафта;

3) выявление и интерпретация экономических, экологических и социальных факторов, на

основании которых можно сделать долгосрочный прогноз состояния памятников и расчет моделей землепользования;

4) установление взаимосвязи между окружающей средой и человеком.

Кроме того, использование и анализ ДДЗ является неотъемлемой частью неразрушающих методов, используемых в изучении памятников археологии наряду с геофизическими исследованиями, направленными на выявление объектов и минимизацию разрушений, наносимых облику памятника археологическими раскопками (Гайнуллин и др., 2012).

За последние 5 лет в современных археологических исследованиях как в России, так и за рубежом, благодаря своей невысокой цене и легкости в использовании, все более широкое применение получили мультироторные беспилотные летательные аппараты (БПЛА) (Жуковский, 2015).

Сейчас они широко используются в различных областях, когда быстро и недорого необходимо получить данные дистанционного зондирования с близкого расстояния. Stefano Campana в обобщающей работе «Drones in Archaeology. State-of-the-art and Future Perspectives» (Campana, 2017) на основании анализа использования БПЛА в археологических исследованиях последних 10 лет и появления программных инструментов обработки 3D-съемки и создания 3D-моделей памятников выделяет 4 основных области применения дронов в археологии:

1. Документирование раскопа и осуществление 3D-съемки слоев и выявленных объектов.

2. Трехмерное обследование зданий и сооружений на территории памятников археологии.

3. Изучение объектов археологии в изменяющемся ландшафте.

4. Проведение археологической разведки и поиск новых объектов.

Использование беспилотников открывает новые возможности не только для мониторинга отдельных объектов или памятников, но и для сохранения памятников археологии в целом, в условиях все возрастающего техногенного воздействия и природных процессов, которые ежедневно угрожают культурному наследию. БПЛА способствуют разработке высокоточных 3D-моделей памятников и археологических объектов, включая те, которые имеют значительный размер (как Българское городище), открывая новые перспективы для изучения объектов всемирного наследия и их сохранения. Процессы, оказывающие разрушительное воздействие на памятники археологии: интенсивное сельское хозяйство, строительные работы, промышленная деятельность и развитие населенных пунктов и их инфраструктуры, а также естественные процессы и систематические грабежи – отображаются с использованием БПЛА (высокодетальные аэрофотоснимки и полученные на их основе цифровые модели рельефа), при этом создаются цифровые модели фактических условий окружающей среды, для проведения мониторинга современного состояния памятников археологии и обнаружения археологических памятников (Asandulesei et al, 2017; Esposito et al, 2013). Благодаря способности к быстрой и эффективной съемке использование беспилотников является прорывом при проведении современных археологических изысканий и принятии решений в деле

обеспечения сохранности объектов культурного наследия.

Использование высокоточного геодезического оборудования в настоящее время становится обычным и необходимым при проведении археологических работ. Если раньше было достаточно построить планы в условной системе координат с помощью оптических нивелиров или теодолитов, то сейчас практически все археологические исследования подразумевают применение как цифровых тахеометров и нивелиров, так и высокоточных ГНСС приемников. В настоящее время ГНСС (глобальные навигационные спутниковые системы) технологии используются преимущественно для съемки археологических раскопок, что позволяет археологам получать результаты в электронной форме, помогая создавать сетку раскопа и управлять общим процессом организации. Кроме того, спутниковые методы также позволяют записывать точное местоположение находки, точную длину и пространственную ориентацию найденных объектов. При использовании БПЛА спутниковые методы особенно необходимы для обоснования координат наземных реперов, необходимых для более точного позиционирования и взаимной ориентации фотоснимков, на основе которых строятся модели археологических объектов (Dubini et al, 2016). Также ГНСС-технологии эффективны для фиксации и изучения динамики опасных экзогенных процессов, несущих угрозу разрушения памятнику (Gaynullin et al, 2014). Таким образом, ГНСС-технологии позволяют более точно собирать данные, строить сложные многослойные карты, которые

Рис. 1. Местоположение исследуемой территории Болгарского городища.

Fig. 1. General geographical location of the study area.

полезны при анализе данных, а также для формирования геобазы данных по исследуемому объекту. Применение современных технологий и методов позволяет осуществлять составление карты рисков для памятников истории и культуры, что является приоритетной задачей при управлении культурным наследием, основой при принятии решений и осуществлении конкретных мероприятий по сохранению объектов археологии (Wu et al, 2014; Romanescu et al, 2014). Как и в проводимом авторским коллективом исследовании, современные междисциплинарные методы используются в определении тех или иных рисков для памятников (Del Lungoa et al, 2015).

В данном контексте под рисками мы понимаем меру степени, в которой археологические объекты могут быть повреждены или разрушены в силу характера своего местоположения в

результате воздействия конкретной опасности (Glossary, 1997), Рабочая группа UNEP определяет риски как «подверженность опасности в результате внешнего воздействия и возможность снижения риска в определенный момент времени» (UNEP 2000). Оценка рисков – непростая задача, и на данный момент нет утвержденных методик по ее проведению еще (Nicu, 2017). В нашем случае оценка рисков – это инструмент для определения значимых факторов естественных и антропогенных негативных процессов и подверженных их воздействию элементов объектов культурного наследия.

Определение участков с высокой степенью рисков разрушения позволит обеспечить целостность объектов культурного наследия, смягчить возможные последствия и приведет к лучшему управлению культурным наследием уполномоченными госорганами и всеми заинтересованными сторонами (Cutter, 1996; Гайнуллин и др., 2017). Разработанные подходы оценки рисков можно распространить на объекты культурного наследия других регионов, что поможет свести к минимуму затраты на возмещение ущерба и, что более важно, на проведение охранных мероприятий. При этом, на наш взгляд, необходимым является интеграция естественнонаучных методов и археологических данных в среде ГИС (отображение и преобразование данных в цифровом формате, пространственный анализ, 3D-визуализация) (Коровов, 2011, Gainullin et al, 2018).

История изучения

Болгарское городище расположено на территории Спасского района

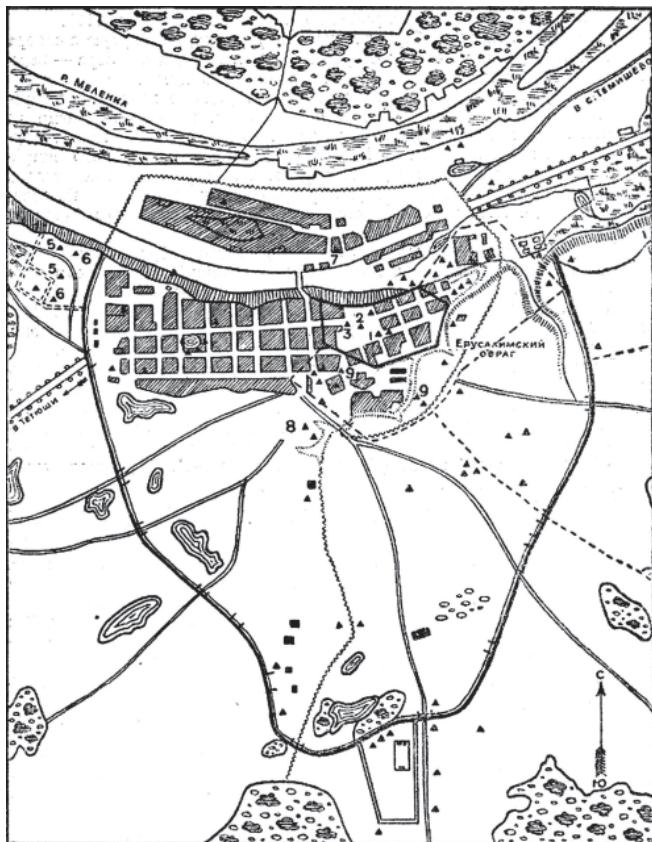

Рис. 2. План Болгарского городища с указанием отдельных памятников и комплексов (по Смирнову, 1951).

Fig. 2. Plan of the Bolgar fortified settlement with individual sites and archaeological complexes (after: Smirnov, 1951)

Республики Татарстан в 83 км к югу от Казани, на левом берегу Волги, у ее слияния с Камой (рис. 1). Городищу посвящено огромное количество археологической и исторической литературы. Памятник описывается с XVIII в., в XIX – начале XX в. последовательно изучается, однако систематическое археологическое исследование памятника началось в 1938 г. под руководством А.П. Смирнова. Вышедшая в 1951 г. монография А.П. Смирнова «Волжские булгары», подводит определенный итог изучения Болгарского городища

под руководством А.П. Смирнова и дает нам ценнейшее описание некоторых экзогенных и антропогенных процессов, происшедших на территории памятника за период 1938–1950 гг., и, что составляет особую ценность для нас данной работы, описание уже утраченных при заполнении ложа Куйбышевского водохранилища участков в пойме, которые территориально также относились к городищу.

До затопления поймы Куйбышевским водохранилищем городище находилось в 6 км от р. Волги и с севера ограничивалось р. Меленкой – старицы р. Кама, на берегу которой размещалось значительное количество сооружений, относящихся к периоду функционирования памятника (рис. 2). В ходе исследований 1938–1940 гг. были зафиксированы многочисленные здания, которые «сохранились лучше построек верхней площади города, так как сильнее засыпаны обвалами и покрыты более мощными намывными слоями», что говорит об активных склоновых процессах на территории, занятой городищем. Кроме того, автор утверждает, что многочисленные находки керамики в пойменной части могли попасть сюда в результате «смыва с верхнего плато городища» (Смирнов, 1951).

Рис. 3. Совмещение АФС 1958 г. с современным космоснимком (2016).
Fig. 3. Georeferencing of an aerial photo (1958) with modern satellite image (2016).

Приводятся и описания негативных антропогенных процессов. Смирнов указывает, что большая часть площади городища, окруженная валом и рвом, на момент написания работы, распаивается, что подтверждается и архивной аэрофотосъемкой 1958 г. Автор отмечает значительное количество небольших возвышений со следами строительных материалов – остатки построек, которые «в прежние годы гораздо отчетливее выступали среди пашни» (Смирнов, 1951)

и, хотя не приводятся точные количественные данные о характере разрушения и временном промежутке, мы можем сделать вывод о значительном разрушительном антропогенном воздействии на городище в период 1938–1950 гг. Также в работе указывается и на значительное количество находок, совершенных на усадьбах и огородах местных жителей.

Первое полноценное подробное описание территории городища с указанием проблемных участков и раз-

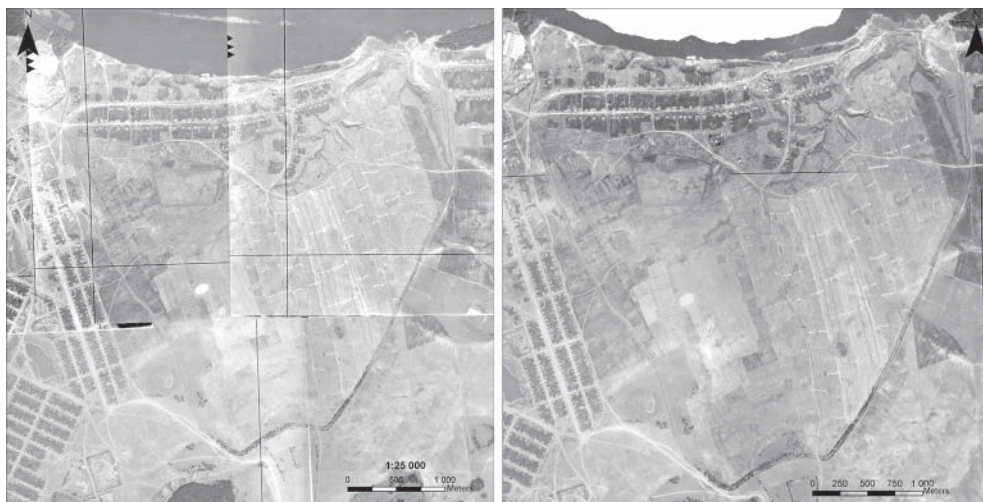

Рис. 4. Накидной монтаж (слева) и мозаика (справа)
на территорию Болгарского городища.

Fig. 4. Preliminary compilation of aerial photos (left) and seamless mosaic (right)
on the territory of the Bolgar fortified settlement.

личных негативных экзогенных и антропогенных процессов приведено в разделе В.Н. Калущкова и П.М. Шульгина «Природный ландшафт Болгарского городища» атласа «Великий Болгар» (2013 г.). Авторами приводится карта опасных и неблагоприятных природных процессов на территории музея-заповедника и дается характеристика устойчивости территориальных комплексов. К «проблемной территории», по их мнению, относится большая часть основной поверхности второй надпойменной террасы Волги. Авторы отмечают риски проявления оползневых процессов на крутых уступах и склонах оврагов и необходимость постоянного экологического мониторинга территории городища. По мнению авторов, основное негативное влияние на памятник оказывают рекреационные воздействия туристов и жителей (грунтовые и пешеходные дороги, стихийные стоянки), выпас скота и т.д., при этом наиболее интенсивное влияние выпаса

скота и вытаптывание растительности паломниками и туристами оказываются на центральную часть музея-заповедника (Атлас..., 2013). Несмотря на столь подробный анализ ландшафта Болгарского городища, проведенного В.Н. Калущковым и П.М. Шульгиным, нашему коллективу, благодаря использованию современных технологий и методов ландшафтных исследований, удалось в значительной мере уточнить и дополнить полученные ими материалы.

Методы и результаты

Исследование территории Болгарского городища проводилось в несколько этапов.

1. Обработка архивных аэроснимков.

По итогам отбора и поиска снимков территории месторасположения Болгарского городища было выписано 2 пакета с архивными аэрофотоснимками (АФС) масштаба 1:17000, соответствующих листам Генштаба № 39-39-А-а и № 39-27-В-в, в резуль-

Рис. 5. Размещение опорных точек на территории Болгарского городища.

Fig. 5. Ground control points on the territory of the Bolgar fortified settlement.

тате анализа было найдено 8 снимков 1958 г. Снимки были отсканированы в разрешении 1200 dpi в формате *.tif.

Затем была осуществлена геопривязка каждого из отсканированных АФС в программе ArcMap 10.4.1 по характерным признакам рельефа и местности на базе современного космоснимка (рис. 3).

В результате был создан наглядный монтаж на всю территорию Болгарского городища, дающий представление о состоянии памятника на 1958 г. (рис. 4). В программе AgisoftPhotoScan из архивных АФС было построено плотное облако, 3D-модель и ортофотоплан на территорию городища.

2. Полевые исследования.

В июле–сентябре 2017 г. проведено полевое обследование территории Болгарского городища. Были выпол-

нены следующие работы:

Низковысотная съемка с использованием БПЛА.

Съемка опорных точек ГНСС-оборудованием.

Построена цифровая модель рельефа Болгарского городища.

Низковысотная съемка с использованием БПЛА. В связи с большой площадью городища съемка производилась полигонами в среднем 500×500 м, в период июль–сентябрь. После каждого облета проводился предварительный анализ данных на месте, в г. Болгар, на основании чего принималось решение о повторной съемке

некоторых из участков. Таким образом, из многочисленных проведенных облетов городища для дальнейшего исследования были выбраны 18 полигонов. Кроме того, облеты включали в себя панорамную (в том числе сферическую) фотосъемку и видеофиксацию объекта.

В используемом для съемки ПО Pix4DCapture были заложены следующие параметры: перекрытие снимков – 65%; тип съемки – ортофото; угол наклона камеры – 90; высота полета – 100 м.

В результате получено 2798 изображений площади в 6.1 км², разрешение съемки составило 4.16 см/пикс.

Съемка опорных точек ГНСС-оборудованием

На Болгарском городище I при организации съемки помимо 18 мар-

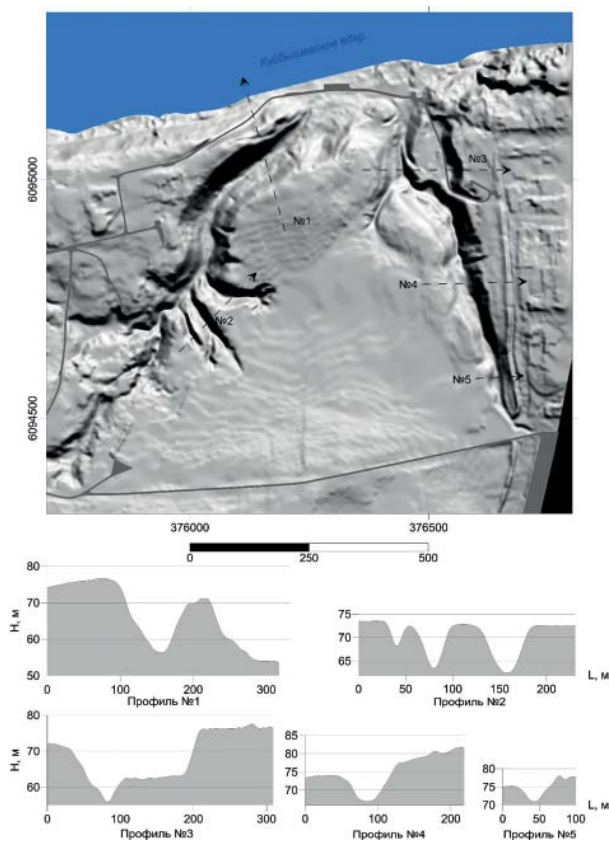

Рис. 6. Фрагмент цифровой модели рельефа в районе Иерусалимского оврага.

Fig. 6. Fragment of the digital relief model at Jerusalem gully area.

керов, расположенных по центрам областей полетов, использовались характерные объекты на территории городища, хорошо различимые на снимках (рис. 5). Точность определения координат опорных точек составила 0.01–0.03 м в плане и 0.02 м по высоте. Общее количество опорных точек составило 76, 6 из них не применялись в расчетах из-за высоких погрешностей. Таким образом, окончательная поправка географических данных объекта проведена по 70 опорным точкам. Средняя ошибка в плане составила 3 см, по высоте – 39 см.

Обработка полученных данных

Обработка данных БПЛА производилась в программе AgisoftPhotoScan. На основе съемки были построено плотное облако из 52 282 413 точек для создания ЦМР территории памятника и ортофотоплан в системе координат WGS 84 UTM зона 39, метрическая. Разрешение ортофотоплана составило 0,05 м. По ортофотоплану отрисованы дороги, растительный покров, акватория Куйбышевского водохранилища для оформления топоплана.

На основании полученных материалов в ПО Surfer 13 была построена цифровая модель рельефа городища (рис. 6), позволяющая получить не только визуальное представление о современном состоянии памятника археологии, но и провести детальный анализ эрозионных процессов, а также подробное описание размеров, формы и оборонительных сооружений. По цифровой модели были построены изолинии рельефа для оформления топоплана и проведен предварительный морфометрический анализ для получения характеристик оценки опасности развития современных экзогенных процессов, построены продольные профили, показывающие характер рельефа городища (рис. 7). Также построены карты уклонов территории и экспозиции склонов, которые использовались для

выявления участков потенциальной эрозионной опасности.

Оценка нагрузки

Для анализа риска разрушения памятников вследствие **природного воздействия** нами были применены показатели, позволяющие оценить вероятность возникновения современных экзогенных процессов, – крутизна склонов, поскольку с увеличением уклона склона активизируются различные процессы денудации, и экспозиция склона, т.к. его ориентация влияет на скорость протекания экзогенных процессов (наиболее высок риск их возникновения на склонах холодной экспозиции – северной и западной). Кроме того, по результатам визуального осмотра местности и дешифрирования аэроснимков и ортофотопланов фиксировались геоморфологические процессы, такие как линейная эрозия, оползни и другие гравитационные процессы на склонах.

Для комплексной оценки влияния **хозяйственной деятельности** на состояние земель исследуемых объектов в качестве показателей использовались площади, относящиеся к различным типам использования территории (Yermolaev et al, 2015). Поскольку степень трансформации в наибольшей степени зависит от характера использования территории, то по результатам дешифрирования были выделены следующие основные функциональные типы территорий:

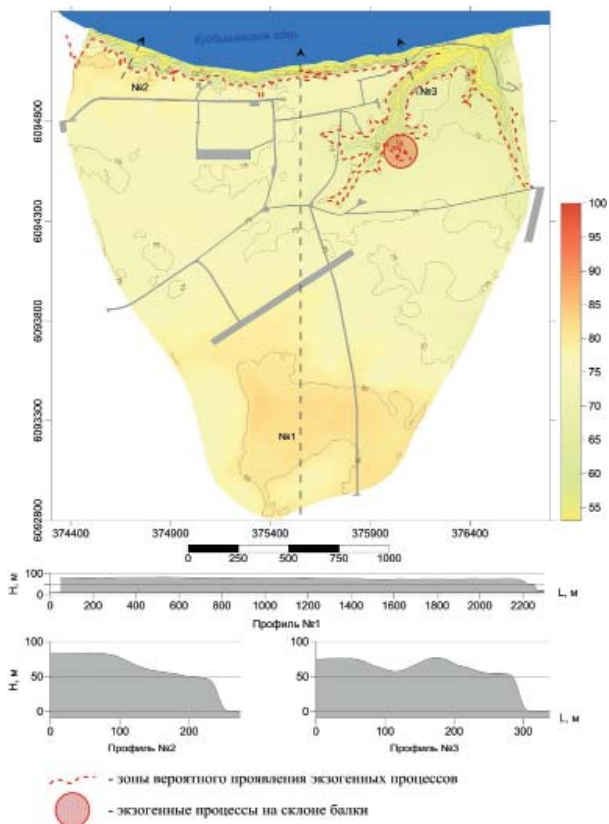

Рис. 7. Карта рельефа и экзогенных опасностей на территории Болгарского городища.

Fig. 7. Relief and exogenous hazards on the territory of the Bolgar fortified settlement.

рекреационная, лесохозяйственная, сельскохозяйственная (пашни, сенокосно-пастбищные угодья), промышленно-урбанистическая (здания и сооружения), транспортная и т.д. Каждому из них присвоен балл антропогенной преобразованности, который возрастает по мере увеличения хозяйственного воздействия. Также по результатам визуального осмотра местности и дешифрирования аэроснимков и ортофотопланов фиксировались следы антропогенного вмешательства – недавние раскопки, ямы, дороги, лесопосадки, выпас скота и т.п.

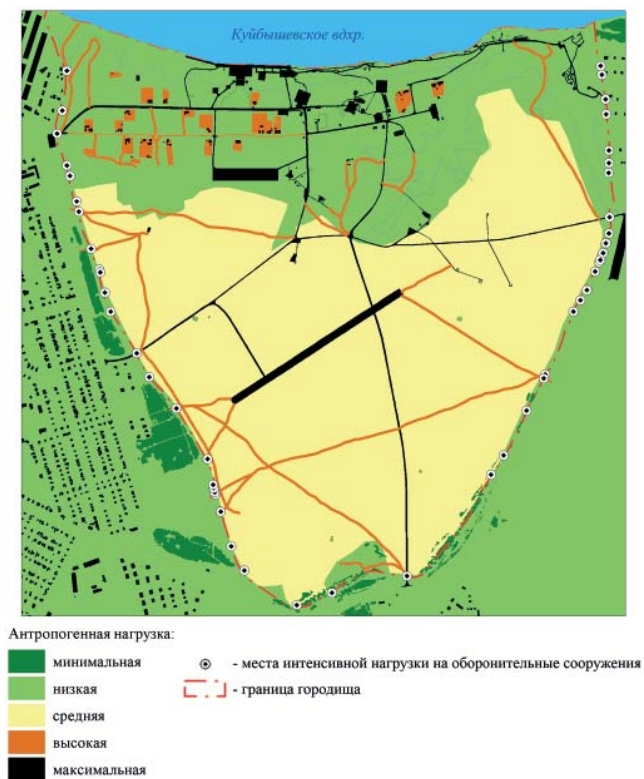

Рис. 8. Антропогенная нагрузка на территорию Болгарского городища.

Fig. 8. Anthropogenic impact on the territory of the Bolgar fortified settlement.

Результаты

Большая часть территории заповедника находится на 3 террасе р. Волга, на севере и на юге заповедника – это склоны террас крупных рек (Ландшафты Республики Татарстан, 2007). Овражная сеть в Болгарском ландшафтном районе развита слабо, в среднем густота овражной сети одна из наиболее низких по территории РТ – 0,03 км/км². Густота балочной сети – 0,4 км/км². В северо-восточной части исследуемого городища находятся две балки: одна простирается на 800 м вдоль восточной границы до восточных ворот, другая – на 1,1 км в юго-западном направлении от северо-восточного угла заповедника. В насто-

ящий момент активные склоновые процессы на склонах балок обнаружены на южных откосах Иерусалимского оврага (рис. 6).

По степени интенсивности почвенной эрозии Болгарский ландшафтный район относится к категории эрозионно-опасных, но на исследуемой территории почвы относятся к категории несмытых.

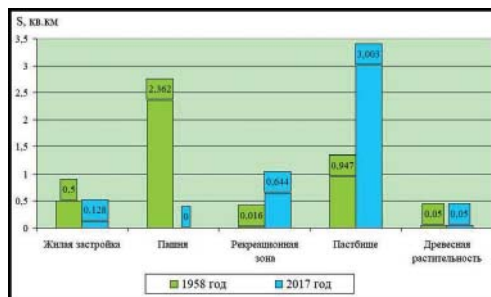
Еще одной зоной риска возникновения современных экзогенных процессов выступает склон р. Волга, ныне Куйбышевского водохранилища, характеризующийся достаточной для этого крутизной. По полевые исследования и сравнительный анализ данных архивной аэрофотосъемки и современных космоснимков не выявили современных склоновых процессов. Этому способствуют система островов, защищающая берег от ветрового волнения, и современные инженерные сооружения – пирс, а также обустройство набережной.

Функциональное зонирование и антропогенные нагрузки

У западной границы заповедника располагается г. Болгар, а у северо-восточной – поселок Приволжский. Находящиеся на территории городища здания и участки относятся либо к частному сектору, либо к инфраструктуре музея-заповедника. Большая часть территории заповедника относится к сено-

Рис. 9. Функциональное использование территории Болгарского городища в 1958 и 2017 гг.

Fig. 9. Land use at the territory of the Bolgar fortified settlement in 1958 and 2017 years

косно-пастбищным угодьям. По периметру встречаются залесенные участки. Таким образом, к основным факторам антропогенного воздействия можно отнести селитебную нагрузку, рекреационное воздействие и незначительное сельскохозяйственное использование территории (рис. 8).

Анализ разновременных снимков показал, что за 60 лет Болгарское городище подверглось значительному негативному антропогенному воздействию: в западной части городища оборонительные сооружения находятся вплотную к застройке, на востоке валы сильно оплыли и увеличилась площадь древесной растительности в южной части. Северная часть городища находится под воздействием различных экзогенных процессов (овражная эрозия, оползни). Также заметны изменения в инфраструктуре памятника, связанные с его развитием в архитектурно-исторический комплекс, – появились асфальтовые дороги и пешеходные тропы, взлетно-посадочная полоса, новые объекты для привлечения туристов (пристань, музеи, торговые ряды). В результате этого площадь земель под зданиями, сооружениями, асфальтовыми дорогами и тротуарами увеличилась практически в 4 раза с 1% до 3,84%. Несмотря на значительный рост рекреационной нагрузки, развитая инфраструктура способствует организованному посещению комплекса

туристами и снижению воздействия на большую часть территории памятника. В то же время, в связи увеличением рекреационной зоны, на территории городища значительно, практически в 4 раза, сократилась площадь под жилую застройку с усадьбами, которая на 1958 г. составляла 13% (50 га) от общей площади памятника до 3,3% (13 га) на 2017 г. (рис. 9). Если в 1958 г. большая часть территории памятника использовалась как пахотные угодья (61 % территории), то в настоящее время такая категория в функциональной структуре памятника отсутствует: ей на смену пришли пастбищные угодья (78,5 % от общей территории). Неизменными остаются площади, занятые древесной растительностью – не более 5 га. Данное постоянство объясняется опять же тем, что центральная часть городища в разные годы использовалась под основные категории сельскохозяйственной деятельности: в 1958 г. – пахотные угодья, в 2017 г. – пастбищные. Древесная растительность же произрастает в недоступных для сельскохозяйственного освоения местах – это ров и вал городища на востоке, а также небольшие овраги и западины в северной части городища.

На данный момент не ведется распашка, но территория активно используется местными жителями для выпаса крупного рогатого скота и сенокоса, что приводит к нагрузке на оборонитель-

ные сооружения, которые вследствие многократной ежедневной перегонки скота на определенных участках сильно деформированы. По ортофотоплану было выделено 50 фрагментов поврежденных «народными» и скотобойными тропами оборонительных сооружений (рис. 8).

В качестве рекомендаций по минимизации негативных воздействий предлагаются следующие мероприятия:

Ограничение и устранение несанкционированных проездов и троп для уменьшения воздействия на оборонительные сооружения и площадку городища.

Прекращение либо ограничение выпаса скота, при этом – обустройство организованного перехода КРС для скорейшего устранения воздействия на систему валов и рвов.

Мониторинг экзогенных процессов на склонах Иерусалимского оврага.

Вывод

Методы и результаты нашей работы находятся в тренде современных археологических междисциплинарных исследований и должны стать неотъемлемой частью современных археологических исследований. Проводимая оценка рисков, угрожающих существованию памятников, может обеспечить заинтересованные организации важной информацией об объектах культурного наследия и помочь сохранить уникальные археологические и географические данные. Систематизация и хранение данных в ГИС позволяет проводить многолетний анализ изменений памятников археологии и с достаточным основанием прогнозировать их разрушение, что позволит планировать проведение охранно-спасательных работ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атлас «Великий Болгар» / Науч. ред. А.Г. Ситдилов. Москва, Казань: Феория. 2013. С. 30–40.
2. Гайнуллин И.И., Дёмина Ю.В., Усманов Б.М. Опыт применения ГИС-технологий для оценки интенсивности разрушения археологических памятников в зоне влияния Куйбышевского водохранилища // КСИА. 2012. № 226. С. 54–63.
3. Гайнуллин И.И., Хомяков П.В., Ситдилов А.Г., Усманов Б.М. Качественная оценка состояния средневековых городищ Республики Татарстан по данным дистанционного зондирования // Поволжская археология. 2017. № 2(20). С. 303–320.
4. Жуковский М.О. Использование мультиторных БПЛА и фотограмметрических технологий обработки аэрофотосъемки в современных археологических исследованиях // Виртуальная археология (эффективность методов). Материалы Второй Международной конференции (Санкт-Петербург, 1–3 июня 2015 г.). СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2015. С. 69–80.
5. Коробов Д.С. Основы геоинформатики в археологии. Учебное пособие. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2011. 224 с.
6. Ландшафты Республики Татарстан. Региональный ландшафтно-экологический анализ / Под ред. О.П. Ермолаева. Казань: Слово. 2007. 411 с.
7. Смирнов А.П. Волжские Булгары / Труды ГИМ. Вып. XIX. М.: Изд-во ГИМ, 1951. 275 с.
8. Asăndulesei A. Inside a Cucuteni Settlement: Remote Sensing Techniques for Documenting an Unexplored Eneolithic Site from Northeastern Romania // Remote Sensing. 9(1). 41. 2017. 22 p.

9. Banerjee R., Srivastava P. K. Reconstruction of contested landscape: Detecting land cover transformation hosting cultural heritage sites from Central India using remote sensing // *Land Use Policy*. 34. 2013. pp. 193–203.
10. Campana S. Drones in archaeology. State-of-art and future perspectives // *Archaeological Prospection*. 24. 2017. Pp. 275–296.
11. Cutter S.L. Vulnerability to Environmental Hazards. // *Progress in Human Geography*. 20. 1996. Pp. 529–539.
12. Del Lungo S., Sabia C.A., Pacellab C. Landscape and cultural heritage: best practices for planning and local development: an example from Southern Italy // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 188. 2015. pp. 95–102.
13. Dubbini M., Curzio L.I., Campedelli A. Digital elevation models from unmanned aerial vehicle surveys for archaeological interpretation of terrain anomalies: Case study of the Roman castrum of Burnum (Croatia) // *Journal of Archaeological Science. Reports* 8. 2016. pp. 121–134.
14. Esposito S., Fallavollita P., Melis M. G., Balsi M., Jankowski S. UAS imaging for archaeological survey and documentation // *Proc. SPIE* 8903. 2013.
15. Gainullin I.I., Khomyakov P.V., Sitdikov A.G., Usmanov B.M. Study of anthropogenic and natural impacts on archaeological sites of the Volga Bulgaria period (Republic of Tatarstan) using remote sensing data // *Proc. SPIE* 9688. 2016.
16. Gainullin I.I., Khomyakov P.V., Sitdikov A.G., Usmanov B.M. Qualitative assessment of the medieval fortifications condition with the use of remote sensing data (Republic of Tatarstan) // *Proceedings of SPIE – The International Society for Optical Engineering*. 2017. Vol.10444. Art. № 104440X. doi: 10.1117/12.2279136.
17. Gainullin I.I., Khomyakov P.V., Usmanov B.M. Study of medieval fortified settlements destruction under natural and anthropogenic factors using remote sensing data // *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. 2018. Vol.107, Is.1. Art. № 012006.
18. Gaynullin I.I., Sitdikov A.G., Usmanov B.M. Abrasion processes of Kuibyshev Reservoir as a factor of destruction of archaeological site Ostolopovo (Tatarstan, Russia) // *Advances in Environmental Biology*. 8(4). 2014. pp. 1027–1030.
19. Glossary of Environment Statistics, Studies in Methods / Series F. No. 67. United Nations. New York. 1997.
20. Hritz C. Contributions of GIS and Satellite-based Remote Sensing to Landscape Archaeology in the Middle East // *Archaeol. Res*. 22(3). 2014. pp. 229–276.
21. Lasaponara R., Masini N., Holmgren R., Backe, Forsberg Y. Integration of aerial and satellite remote sensing for archaeological investigations: a case study of the Etruscan site of San Giovenale // *Journal Of Geophysics And Engineering*. 9(4). 2012. pp. 26–39.
22. Nicu I.C. Natural hazards – a threat for immovable cultural heritage. A review. // *International Journal of Conservation Science* 8(3). 2017. Pp. 375–388.
23. Reinhold S., Belinskiy A., Korobov D. Caucasia top-down: Remote sensing data for survey in a high altitude mountain landscape // *Quaternary International*. 402. 2016. pp. 46–60.
24. Risbol O., Briese C., Doneus M. Nesbakken, A. Monitoring cultural heritage by comparing DEMs derived from historical aerial photographs and airborne laser scanning // *Journal of Cultural Heritage*. 16(2). 2015. pp. 202–209.
25. Romanescu G., Nicu I.C. Risk maps for gully erosion processes affecting archaeological sites in Moldavia, Romania // *Zeitschrift für Geomorphologie*. NF 58(4). 2014. pp. 509–523.
26. Wang J.-J. Flood risk maps to cultural heritage: Measures and process // *Journal of Cultural Heritage*. 16(2). 2015. pp. 210–220.
27. Wu P.-S., Hsieh C.-M., Hsu M.-F. Using heritage risk maps as an approach to estimating the threat to materials of traditional buildings in Tainan (Taiwan) // *Journal of Cultural Heritage*. 15(4). 2014. pp. 441–447.

28. Yermolaev O.P., Usmanov B.M., Muharamova, S.S. The basin approach and mapping to the anthropogenic impact assessment on the east of the Russian Plain // International Journal of Applied Engineering Research. 10(20). 2015. pp. 41178–41184.

Информация об авторах

Усманов Булат Мансурович, старший преподаватель, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); BUsmanof@kpfu.ru

Гайнуллин Искандер Ильгизович, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); gainullis@gmail.com

Хомяков Петр Валериевич, инженер 1 категории, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); Petr.Khomyakov@ksu.ru

COMPLEX STUDY OF CURRENT STATE OF THE BOLGAR FORTIFIED SETTLEMENT TERRITORY (TATARSTAN, RUSSIA)

B.M. Usmanov, I.I. Gainullin, P.V. Khomiakov

The scientific task of creating a system for assessment of cultural heritage object (monument of archaeology) territory state using both archaeological and geoecological research methods has been solved by the authors. A new method for assessing the risks of destruction of archeological monuments within the territory of the Bolgar fortified settlement with the use of remote sensing methods, complex field studies and cartographic-geoinformation approaches to data processing is developed. Modern instrumental methods have been used in order to collect information on dangerous exogenous processes and anthropogenic impact within the monument territory. An analysis of the changes in the functional use of the Bolgar fortified settlement territory with the aid of a multi-time aerial survey was carried out. Series of both inventory and evaluation maps, as well as recommendations for minimizing the impact on the archaeological heritage object under study are the results of the conducted studies. The obtained results will be used by the authors for creation a methodology for assessing the risks of destruction of archeological monuments.

Keywords: archaeology, cultural heritage, anthropogenic factor, exogenous processes, remote sensing, geoinformation systems, fortified settlements, Middle Ages.

REFERENCES

1. In Sitdikov A.G. (ed.). 2013. *Atlas «Velikiy Bolgar» (Atlas “Great Bolgar”)* Kazan: “GLAV-DEZIGN Ltd” Publ. (in Russian).
2. Gainullin, I. I., Demina, Iu. V., Usmanov B. M. 2012. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 226, 54–63 (in Russian).
3. Gainullin, I. I., Khomyakov, P. V., Sitdikov, A. G., Usmanov B. M. 2017. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (2), 303–320 (in Russian).
4. Zhukovskii, M. O. 2015. In *Virtual'naia arkheologiya (effektivnost' metodov) (Virtual Archaeology (Method Efficiency))*. Saint Petersburg: The State Hermitage Museum, 69–80 (in Russian).
5. Korobov, D. S. 2011. *Osnovy geoinformatiki v arkheologii (Basics of Geoinformatics in Archaeology)*. Moscow: Lomonosov Moscow State University (in Russian).
6. In Ermolaev, O. P. (ed.). 2007. *Landshafty Respubliki Tatarstan. Regional'niy landshaftno-ekologicheskii analiz (Landscapes of the Republic of Tatarstan. Regional landscape-ecological analysis)*. Kazan: “Slovo” Publ. (in Russian).

This work is performed according to the Russian Government Program of Competitive Growth of Kazan Federal University.

7. Smirnov, A. P. 1951. *Volzhskie bulgary (Volga Bulgars)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 19. Moscow: State Historical Museum (in Russian).
8. Asändulesei A., 2017. In *Remote Sensing* 1(17). 41.
9. Banerjee, R., Srivastava, P. K. 2013. In *Land Use Policy* 34, 193–203.
10. Campana, S. 2017. In *Archaeological Prospection* 24. 275–296.
11. Cutter, S. L. 1996. In *Progress in Human Geography*, 20. 529–539.
12. Del Lungoa, S., Sabiaa, C.A., Pacellab, C. 2015. In *Procedia - Social and Behavioral Sciences* 188, 95–102.
13. Dubbini, M., Curzio, L.I., Campedelli, A. 2016. In *Journal of Archaeological Science. Reports* 8, 121–134.
14. Esposito, S., Fallavollita, P., Melis, M. G., Balsi, M., Jankowski, S. 2013. In *Proceedings of SPIE – The International Society of Optical Engineering*, 8903.
15. Gainullin, I.I., Khomyakov, P.V., Sitdikov, A.G., Usmanov, B.M. 2016. In *Proceedings of SPIE – The International Society of Optical Engineering*, 9688.
16. Gainullin, I. I., Khomyakov, P. V., Sitdikov, A. G., Usmanov, B. M. 2017. In *Proceedings of SPIE – The International Society of Optical Engineering*, Vol.10444. Art. № 104440X. doi: 10.1117/12.2279136.
17. Gainullin, I. I., Khomyakov, P. V., Usmanov, B. M. 2018. In *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. 107, Is. 1. Art. № 012006.
18. Gaynullin, I. I., Sitdikov, A. G., Usmanov, B. M. 2014. In *Advances in Environmental Biology* 8(4). 1027–1030.
19. 1997. *Glossary of Environment Statistics, Studies in Methods*. F. 67. United Nations. New York.
20. Hritz, C. 2014. In *Journal of Archaeological Research* 22(3), 229–276.
21. Lasaponara, R., Masini, N., Holmgren, R., Backe, Forsberg Y. 2012. In *Journal of Geophysics and Engineering* 9(4). 26–39.
22. Nicu, I. C. 2017. In *International Journal of Conservation Science* 8(3). 375–388.
23. Reinhold, S., Belinskiy, A., Korobov, D. 2016. In *Quaternary International*. 402. 46–60.
24. Risbol, O., Briese, C., Doneus, M. Nesbakken, A. 2015. In *Journal of Cultural Heritage* 16(2) 202–209.
25. Romanescu, G., Nicu, I.C. 2014. In *Zeitschrift für Geomorphologie* NF 58(4), 509–523.
26. Wang, J.-J. 2015. In *Journal of Cultural Heritage* 16(2), 210–220.
27. Wu, P.-S., Hsieh, C.-M., Hsu, M.-F. 2014. In *Journal of Cultural Heritage* 15(4), 441–447.
28. Yermolaev, O.P., Usmanov, B.M., Muharamova, S.S. 2015. In *International Journal of Applied Engineering Research* 10(20), 41178–41184.

About the Authors:

Usmanov Bulat M. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; BUsmanof@kpfu.ru

Gainullin Iskander I. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; gainullis@gmail.com

Khomyakov Petr V. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Petr.Khomyakov@ksu.ru

Статья поступила в номер 24.04.2018 г.

Хроника

УДК 929:902

<https://doi.org/10.24852/pa2018.2.24.342.347>

Л.А. БЕЛЯЕВ И АРХЕОЛОГИЯ ПОВОЛЖЬЯ

© 2018 г. В.Ю. Коваль, В.С. Баранов, И.И. Елкина,
О.Н. Глазунова, С.Б. Григорян

Статья посвящена юбилею Леонида Андреевича Беляева – известного российского археолога, организатора науки, члена-корреспондента РАН, главного редактора журнала «Российская археология». На фоне основных вех жизненного пути юбиляра рассматривается роль археологии Поволжья в становлении его как исследователя, а также тот вклад, который был им внесен в изучении средневековых древностей Поволжья. Сегодня Л.А. Беляев – один из наиболее авторитетных археологов-медиевистов, решающих основные теоретические задачи исторической науки, руководящий крупными полевыми проектами, создающий новые направления в научном исследовательском процессе. Широта научных интересов Л.А. Беляева ярко характеризует его масштабную личность.

Ключевые слова: архитектурная археология, «авраамическая археология», Л.А. Беляев, Поволжье, Институт археологии РАН.

Леонид Андреевич Беляев – известный специалист по археологии и истории культуры Московской Руси, которому 17 марта 2018 г. исполнилось 70 лет. Его исследования заложили основы археологического изучения русских монастырей и сравнительного анализа религиозных древностей Средиземноморья. Им написано более 500 научных трудов, в их числе

20 книг, включая 10 авторских монографий. Л.А. Беляев знаменит, прежде всего, как виртуозный архитектурный археолог, глубокий знаток культовых древностей (христианских, исламских и иудейских), автор концепции «авраамической археологии», соединяющей в компаративном исследовании культурные древности, корни которых были возвращены на Ближнем Востоке,

Болгар-1984.
На археологической базе.
Bolgar-1984.
At the archaeological center.

объединяющей изучение христианской, исламской и иудейской культур в их археологическом аспекте. В наше время, когда разделение мировоззрений все чаще приводит к трагическим последствиям, а политическое или религиозное противостояние искусственно проецируется на прошлое, ощущается дефицит объединительных тенденций, в т.ч. и в науке. Именно поэтому мастерство синтеза научных знаний всегда являлось одним из главных достоинств юбиляра.

Применительно к средневековой археологии Восточной Европы Л.А. Беляев впервые показал свой исследовательский талант при изучении каменных надгробий центральных районов Руси, издав капитальный свод таких памятников, в котором сравнительный формально-типологический анализ был проведен на широком фоне византийского и романского искусства. Тем самым раннее русское надгробие было введено в круг культур средневековой Европы, а памятники Средиземноморья и России были рассмотрены в рамках единой культурной зоны.

Как крупный организатор Л.А. Беляев проявил себя при проведении столь масштабных исследований, каковыми были и остаются Российско-Палестинская экспедиция в Иерихоне (Палестинская автономия) и Новоиерусалимская в Подмосковье. Каждая из них является и торжеством заявленного исследователем подхода в рамках «авраамической археологии», и в то же время примером проведения классических раскопок на современном методическом уровне. При этом в Новом Иерусалиме были проведены масштабные исследования одного из важнейших сакральных центров России на значительной части его площади. В последнее время Л.А. Беляев много сил отдал археологии Московской Руси, являющейся синтезом всех доступных видов источников, с целью уточнить и обогатить знания по истории России XV–XVII вв.

Однако все эти яркие научные достижения не появились на пустом месте. Им предшествовал период накопления опыта, формирования личности ученого. После окончания МГУ Леонид Андреевич 13 лет (с 1976 по

Болгар-1982. На Малом городке.
Bolgar-1982. At the Malyi Gorodok.

1989 г.) посвятил работе в «Спецпроектреставрации» на самых разных памятниках – от Тобольска на востоке до Смоленска на западе, от Таджикистана и Старого Крыма на юге до Белозерья на севере, участвуя в раскопках разнообразнейших памятников – каменных, сырцово-кирпичных, древо-земляных крепостей, античных храмов, мусульманских мечетей, православных монастырей. Этот колоссальный опыт стал ему чрезвычайно полезен в будущем, когда пришла пора синтезировать полученные знания.

В этом калейдоскопе городов, природных зон, народов и культур, попадавших в сферу интересов ученого, Поволжье занимает свое особое и чрезвычайно важное место. Впервые Л.А. Беляев попал туда еще студентом исторического факультета МГУ, когда в течение 4 полевых сезонов ему довелось поработать на ключевых памятниках золотоордынской цивилизации – Селитренном, Царевском и Водянском городищах – в составе Поволжской экспедиции во главе с

А.Н. Смирновым и Г.А. Федоровым-Давыдовым. Можно предположить, что именно это первое прикосновение к средневековым древностям Поволжья оставило наиболее важный отпечаток в душе начинающего ученого, а общение с выдающимися исследователями, фактически с нуля поднимавшими археологию Золотой Орды, не могло не повлиять на его мироощущение. Мир средневекового Востока тогда впервые приоткрылся перед ним и поманил к себе. Поэтому не вызывает удивления, что в следующее десятилетие Леонид Андреевич так много работал в Хорезмской археологической экспедиции на территории Казахстана, Узбекистана и Туркмении. Возвращение в Поволжье произошло в те же самые годы и было связано с реставрационными работами, проводившимися в таких разных по хронологии и происхождению, но, безусловно, выдающихся памятниках, какими являются остров-град Свияжск и Болгарское городище. На каждом из них Л.А. Беляев провел несколько полевых сезонов (с 1977 по

Свияжск, 1982

Sviyazhsk, 1982

1982 г.). Значение работ на каждом из этих памятников трудно переоценить. На них работали выдающиеся реставраторы Татарстана и России. В Болгаре с 1938 г. проводились масштабные (для тех лет) раскопки, однако археологическое изучение памятников архитектуры не отличалось большой тщательностью, а в Свияжске и вовсе не велось. Поэтому Л.А. Беляев стал во многих смыслах пионером археологического изучения сложных архитектурных объектов. В Свияжске – в полном смысле этого слова, а в Болгаре – человеком, возродившим профессиональное археологическое изучение средневековой архитектуры. Его исследования на «Малом городке» были первыми безупречно проведенными, с методической точки зрения, раскопками за всю историю изучения этой загадочной части города. Итогом этих его работ стала фундаментальная статья, обобщившая данные о «Малом городке», которая уже в наши дни превратилась в капитальную монографию, представившую двухвековую историю изучения данного феномена.

После 1982 г. Л.А. Беляев не возвращался к самостоятельным полевым работам в Поволжье, хотя в

2012–2013 гг. он организовывал новые исследования на «Малом городке», проводившиеся уже в рамках охранно-спасательных работ, завершившихся обнаружением ранее не известного мавзолея на его площадке. Однако проблемы золотоордынской археологии Поволжья всегда оставались в круге его внимания и были одним из источников его теоретических штудий.

Научные достижения Л.А. Беляева высоко оценены как археологическим сообществом, так и профессиональными историками, музейоведами, а также структурами государственной власти – он лауреат премии Президиума РАН им. И.Е. Забелина, премии Москвы в области литературы и искусства (2012 г.), премии Государственного Исторического музея им. И.Е. Забелина (2016 г.). За создание Иерихонской экспедиции и формирование археологического музея в Российском Музейно-парковом комплексе в Иерихоне он удостоен Благодарности Президента РФ В.В. Путина.

Л.А. Беляев ведет большую научно-организационную работу. С 1994 г. он возглавляет сектор археологии Москвы (реорганизованный в 2015 г. в полноценный отдел) Института

археологии РАН. В 2001 г. назначен главным редактором главного археологического издания страны – журнала «Российская археология». Он член Ученого совета Института археологии РАН и Ученых советов многих музеев (Государственные музеи Московского Кремля, Центральный музей древнерусского искусства и культуры им. Андрея Рублева и др.), член редколлегии журнала «Византийский временник». С 2008 г. Л.А. Беляев руководит секцией археологии научно-методического совета Министерства культуры РФ и является членом его президиума. В 2016 г. Л.А. Беляев был избран членом-корреспондентом

Российской Академии наук, а в 2017 г. стал президентом Научного комитета по управлению археологическим наследием Национального комитета ИКОМОС, Россия.

Нет сомнения, что этот выдающийся исследователь сможет сделать еще очень много на благо российской науки. Хочется пожелать ему здоровья, энергии, бодрости духа для выполнения тех ответственных задач и обязанностей, которые возложены на него коллегами по археологическому цеху и которые он решает со столь свойственными ему оптимизмом, доброжелательностью и принципиальностью.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ Л.А. БЕЛЯЕВА

1. Казанский собор на Красной площади (в соавт. с Г.А. Павлович). М.[б.и.], 1993. 98 с.
2. Древние монастыри Москвы по данным археологии. М.: ИА РАН, 1994. 456 с.
3. Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М.: Наука, 1996. 358 с.
4. Русские церковные древности: археология христианских древностей средневековой Руси. М. Фонд археологии, 1996 (в соавт. с А.В. Чернецовым). 88 с.
5. Христианские древности. Введение в сравнительное изучение. М.: Институт «Открытое общество», 1998. 575 с.
6. Московская Русь: от Средневековья к Новому времени. М.: Астрель, 2005. 454 с.
7. От библейских древностей к христианским. Очерки археологии эпохи формирования иудаизма и христианства (в соавт. с Н.Я. Мерпертом). М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2007. 392 с.
8. Русское средневековое надгробие XIII–XVII века. Материалы к своду. Вып. 1. (Редактор-составитель). М.: Наука, 2006. 360 с.
9. *Archeologia abrahamica*. Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама. (Редактор-составитель). М.: Индрик, 2009. 454 с.
10. Сакральное пространство средневековой Москвы (в соавт. с А.Л. Баталовым). М.: Дизайн. Информация. Картография, 2010. 400 с.
11. Опыт изучения исторических некрополей и персональной идентификации методами археологии / Методика полевых археологических исследований. М.: ИА РАН, 2011. 53 с.
12. Некрополь Данилова монастыря в XVIII–XIX веках: историко-археологические исследования (1983–2008). М. : Даниловский благовестник; ИА РАН, 2012. 503 с.
13. Родовая усыпальница князей Пожарских и Хованских в Спасо-Евфимиевом монастыре Суздаля: 150 лет изучения. М.: ИА РАН, 2013. 264 с.
14. Церковь Вознесения в Коломенском: архитектура, археология, история (в соавт. с А.Л. Баталовым). М.: МГОМЗ, 2013. 204 с.

Информация об авторах:

Коваль Владимир Юрьевич, кандидат исторических наук, заведующий отделом, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); kovaloka@mail.ru

Баранов Вячеслав Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); sl.baranov@mail.ru

Елкина Ирина Игоревна, научный сотрудник. Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); ira-elkina@yandex.ru

Глазунова Ольга Николаевна, научный сотрудник. Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); olga-glazunova2007@yandex.ru

Григорян Светлана Багратовна, старший лаборант, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); lana384@yandex.ru

L.A. BELYAEV AND THE ARCHEOLOGY OF THE VOLGA REGION

V.Yu. Koval, V.S. Baranov, I.I. Elkina, O.N. Glazunova, S.B. Grigoryan

The article is dedicated to the jubilee of Leonid Andreevich Belyaev, a renowned Russian archaeologist, scientific figure, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, and chief editor of the Russian Archaeology journal. The milestones of his life are considered along with the role of the Volga region archaeology in his development as a researcher, as well as the contribution made by Leonid Andreevich to the study of the medieval antiquities of the Volga region. Today, Leonid Andreevich Belyaev is one of the most recognised archaeologists-medievalists solving the fundamental theoretical problems of historical science, managing large field projects, and establishing new directions in the scientific research process. The range of Leonid Andreevich's scientific interests vividly characterizes the tremendous scope of his personality.

Keywords: architectural archaeology, Abrahamic archaeology, L.A. Belyaev, the Volga Region, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences

About the authors:

Koval Vladimir Yu. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanova St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; kovaloka@mail.ru

Baranov Vyacheslav S. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Halikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sl.baranov@mail.ru

Elkina Irina I. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; ira-elkina@yandex.ru

Glazunova Olga N. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; olga-glazunova2007@yandex.ru

Grigoryan Svetlana B. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; я); lana384@yandex.ru

Статья поступила в номер 23.05.2018 г.

УДК 902

<https://doi.org/10.24852/pa2018.2.24.348.353>

**ПАМЯТИ А.Г. МУХАМАДИЕВА
(1933–2018)**

© 2018 г. Л.Ф. Недашковский, А.Г. Ситдиков, Г.Ш. Асылгараева

В некрологе, посвященном памяти Азгара Гатаулловича Мухамадиева, видного нумизмата, археолога и историка, доктора исторических наук, Заслуженного профессора Казанского университета, члена-корреспондента Академии наук Республики Татарстан, отмечаются основные вехи его творческого пути. Раскрывается значительный вклад ученого в изучение нумизматики и истории денежного обращения Волжской Булгарии и Золотой Орды

Ключевые слова: археология, нумизматика, история, Поволжье, Золотая Орда, Волжская Болгария.

25 апреля 2018 г. не стало Азгара Гатаулловича Мухамадиева, видного нумизмата, археолога и историка, доктора исторических наук, Заслуженного профессора Казанского университета, члена-корреспондента Академии наук Республики Татарстан.

А.Г. Мухамадиев родился 8 сентября 1933 г. в д. Сынгряново Илишевского района Башкирии. После окончания полного курса средней школы, в 1954–1958 гг., он служил в Военно-

Морском Флоте в качестве машиниста-турбиниста на боевом крейсере. Вернувшись после службы на флоте, в 1958 г. поступил на историко-филологический факультет Казанского государственного университета. Занимаясь по индивидуальному плану, в 1963 г. Азгар Гатауллович закончил и историческое, и филологическое отделения; он получил специальность «историк-археолог» и был оставлен на кафедре истории СССР в качестве стажера-исследователя.

Еще в годы учебы в Казанском университете А.Г. Мухамадиев принимал активное участие в раскопках Царевского городища в Волгоградской области, возглавлявшихся крупнейшим специалистом в области изучения Золотой Орды Г.А. Федоровым-Давыдовым, проводившим широкие целенаправленные раскопки нижне-волжских золотоордынских памятников и создавшим современную школу изучения археологии Улуса Джучи. Начиная с 1964 г. Азгар Гатауллович стал самостоятельно вести раскопки Поволжской археологической экспедиции на Царевском городище, готовить их материалы к публикации. Многолетнее изучение им и других известных золотоордынских археологических памятников, Селитренного и Водянского городищ, также нашло отражение в статьях и отчетах о полевых исследованиях ученого.

В 1965–1968 гг. А.Г. Мухамадиев обучался в очной аспирантуре в Москве под научным руководством Г.А. Федорова-Давыдова. Учеба в одном из ведущих центров науки – Московском университете – не только углубила знания Азгара Гатаулловича по золотоордынской нумизматике, но и дала представление об истории Улуса Джучи в целом. Он с большим увлечением и интересом изучал нумизматические коллекции музеев Москвы и Казани, взвешивал и сопоставлял монеты, выявляя центры чеканки и новые монетные типы. И первые публикации А.Г. Мухамадиева были посвящены джучидской нумизматике, которая станет его основной научной тематикой на многие годы. Целый ряд из открытых А.Г. Мухамадиевым фактов по истории денежно-весовой системы Улуса Джучи XIII–XIV вв.

вошел в «золотой фонд» науки, были выявлены неизвестные ранее монеты золотоордынского правителя XV в., Гияс ад-Дина.

После успешной защиты кандидатской диссертации «Булгаро-татарская денежно-весовая система XIII–XV вв.» (1969 г.) Азгар Гатауллович вернулся в Казань и работал научным сотрудником Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР.

В 1971 г. он стал старшим преподавателем кафедры истории СССР до советского периода Башкирского государственного университета. С этого времени его судьба была неразрывно связана с преподавательской деятельностью.

В 1974 г. Азгар Гатауллович вновь возвращается в Казань, на должность старшего научного сотрудника Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР, и параллельно по совместительству начинает читать курсы лекций по истории СССР, нумизматике и археологии в Казанском университете, в котором он работал до последних дней жизни. В 1980 г. А.Г. Мухамадиев окончательно переходит в Казанский государственный университет и становится доцентом кафедры истории СССР. После защиты докторской диссертации (1992 г.) Азгар Гатауллович становится профессором Казанского государственного университета, а в 1993 г. получает ученое звание профессора; в 1994–1998 и 2001–2007 гг. он заведовал кафедрой археологии и этнологии. С 2014 г. А.Г. Мухамадиев являлся Заслуженным профессором Казанского университета.

Азгар Гатауллович вел активную научную работу. Обширный нумизматический материал по монетной чеканке и денежному обращению в Улусе Джучи и Волжской Булгарии позволил ему уточнить свои прежние выводы и сделать целый ряд новых открытий. Результаты его многолетних исследований были обобщены в монографии «Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв.». Расширив первоначальные хронологические рамки своей работы, А.Г. Мухамадиев изучал монеты и денежное обращение ранних государств Восточной Европы – Хазарского каганата и Волжской Булгарии, а также денежно-весовые системы народов Среднего Поволжья. Результаты этих исследований были изложены им в ряде монографий – «Древние хазарские и булгаро-татарские монеты» (на тат. яз.), «Древние монеты Поволжья» и «Древние монеты Казани». Десятилетия упорных работ позволили А.Г. Мухамадиеву защитить в 1992 г. в Институте истории материальной культуры РАН в Санкт-Петербурге докторскую диссертацию «Денежное обращение Поволжья и Приуралья VI–XV вв.».

Научная деятельность Азгара Гатаулловича была тесно связана с исследованиями Казани. В 1976–1977 гг. он, совместно с А.Х. Халиковым и Л.С. Шавохиным, участвует в раскопах Казанского Кремля. Одновременно, в 1976 г. он вместе с Р.Г. Фахрутдиновым изучал Русско-Урматское селище. В дискуссии о времени основания Казани, он, как и другие казанские археологи, историки и лингвисты, отстаивал точку зрения, что город на кремлевском холме возник во второй половине XII в., критикуя попытки отнести его

основание к концу XIV в. С 1995 г. А.Г. Мухамадиев возобновил свои работы в Казанском Кремле, давшие новые интересные материалы. Накопленные материалы позволили Азгару Гатаулловичу сформулировать предположение, что основание Казани следует, возможно, отнести к концу X в.

Большое внимание уделял А.Г. Мухамадиев обобщению материалов по истории Улуса Джучи. Прекрасное знание разнообразных источников по данной теме (археологических, нумизматических и письменных) позволили ему выработать свою концепцию истории этого государства. Подробно характеризует он политическое развитие государственности Улуса Джучи, а также закономерности его образования и распада.

Другой темой, которая являлась предметом давних размышлений и исследований А.Г. Мухамадиева, была проблема происхождения и развития тюркского языка. Он считал, что нумизматика является еще явно не достаточно используемым источником по истории языка. В качестве обоснования этого подхода исследователь приводил данные, собранные им на основе надписей на золотоордынских и раннесредневековых среднеазиатских монетах; ученый предложил свой вариант прочтения домусульманской хорезмийской письменности.

Азгар Гатауллович принимал активное участие в работе Академии наук Республики Татарстан, в 1995 г. он был избран ее членом-корреспондентом. А.Г. Мухамадиев был активным участником научных конференций различного масштаба, в том числе международных. Его успехи были высоко оценены общественно-

стью и правительством Республики Татарстан, в 1994 г. ему было присвоено звание «Заслуженный деятель науки Республики Татарстан», а в 2008 г. – присуждена Государственная премия Республики Татарстан в области науки и техники.

Деятельность Азгара Гатаулловича не ограничивалась только научными исследованиями. Много он сделал в области преподавания археологии и нумизматики – практически все студенты, окончившие в последние десятилетия Казанский университет по историческим специальностям, обучались у него. А.Г. Мухамадиев был членом диссертационных советов по

историческим наукам и археологии, готовил аспирантов по археологии и истории Улуса Джучи, среди его учеников – кандидаты и доктора наук. Молодые историки и археологи учились у А.Г. Мухамадиева любви к науке и творчеству, простоте, выдержке, товарищеским отношениям с друзьями и коллегами, отзывчивости и готовности помочь. Азгар Гатауллович не боялся высказывать свою точку зрения, был активным, трудолюбивым человеком, настоящим патриотом своего народа и своей Родины. Память об этом ученом, преподавателе и прекрасном человеке сохранится у всех, знавших его.

ОСНОВНЫЕ РАБОТЫ А.Г. МУХАМАДИЕВА

Монографии

1. *Мухамадиев А.Г.* Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М.: Наука, 1983. 164 с.
2. *Мухамадиев А.Г.* Древние хазарские и булгаро-татарские монеты. Казань: Татар. кн. изд-во, 1986. 176 с. (на тат. яз.).
3. *Мухамадиев А.Г.* Древние монеты Поволжья. Казань: Татар. кн. изд-во, 1990. 159 с.
4. *Мухамадиев А.Г.* Древние монеты Казани. Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. 200 с.
5. *Мухамадиев А.Г.* Новый взгляд на историю гуннов, хазар, Великой Булгарии и Золотой Орды. Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. 159 с.

Статьи

6. Семеновский клад золотоордынских монет XV в. // Сборник студенческих работ историко-филологического факультета Казанского гос. ун-та. Вып. 1. Казань, 1964. С. 87–99.
7. Раскопки на Царевском городище // АО 1965 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1966. С. 193–195 (соавт. Вайнер И.С., Федоров-Давыдов Г.А.).
8. Два клада татарских монет XV в. // СА. 1966. № 2. С. 259–273.
9. Раскопки золотоордынских городов в Нижнем Поволжье // АО 1968 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1969. С. 172–174 (соавт. Булатов Н.М., Вайнер И.С., Галкин Л.Л., Егоров В.Л., Федоров-Давыдов Г.А.).
10. Булгаро-татарская денежно-весовая система XIII–XV вв. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 1969. 25 с.
11. Клад татарских монет XIV в. // МИА. № 169. М.: Наука, 1969. С. 147–155.
12. Раскопки золотоордынских городов на Нижней Волге // АО 1969 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1970. С. 174–175 (соавт. Егоров В.Л., Федоров-Давыдов Г.А.).

13. Об обрезанных монетах в Волжской Болгарии в конце XIV в. (Мало-Атрянский клад) // Нумизматика и эпиграфика. Т. VIII / Отв. ред. Д.Б. Шелов. М.: Наука, 1970. С. 53–66.
14. Раскопки богатой усадьбы в Новом Сарае // СА. 1970. № 3. С. 149–161 (соавт. Федоров-Давыдов Г.А.).
15. Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай) в 1959–1966 гг. // Поволжье в средние века / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Наука, 1970. С. 68–171 (соавт. Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С.).
16. Раскопки золотоордынских городов на Нижней Волге // АО 1970 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1971. С. 175–177 (соавт. Булатов Н.М., Вихляев В.И., Егоров В.Л., Федоров-Давыдов Г.А., Шитов В.Н.).
17. Раскопки золотоордынских городов на Нижней Волге // АО 1971 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1972. С. 233–235 (соавт. Булатов Н.М., Вихляев В.И., Гусева Т.В., Егоров В.Л., Носкова Л.М., Федоров-Давыдов Г.А.).
18. Деньги, денежная терминология и денежный счет Булгара в предмонгольский период // СА. 1972. № 2. С. 63–72.
19. Склеп с кладом татарских монет XV в. из Старого Сарая // Новое в археологии. Сборник статей, посвященный 70-летию А.В. Арциховского / Ред. В.Л. Янин. М.: Изд-во МГУ, 1972. С. 308–316 (соавт. Федоров-Давыдов Г.А.).
20. Раскопки мечети XIV в. на Водянском городище // АО 1972 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1973. С. 171–172 (соавт. Гусева Т.В., Носкова Л.М., Федоров-Давыдов Г.А.).
21. Раскопки золотоордынских городов на Нижней Волге // АО 1973 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1974. С. 147–148 (соавт. Гусева Т.В., Егоров В.Л., Носкова Л.М., Федоров-Давыдов Г.А.).
22. Раскопки двойного дома на Водянском городище в 1970 г. // Города Поволжья в средние века / Отв. ред. А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1974. С. 80–88.
23. Раскопки Поволжской археологической экспедиции на Селитренном городище // АО 1975 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1976. С. 159–160 (соавт. Булатов Н.М., Гусева Т.В., Егоров В.Л., Федоров-Давыдов Г.А.).
24. Раскопки в Иске-Казани // АО 1976 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1977. С. 165–166 (соавт. Фахрутдинов Р.Г.).
25. Раскопки в Казанском Кремле // АО 1976 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1977. С. 179–181 (соавт. Халиков А.Х., Шавахин Л.С.).
26. Раскопки усадьбы на Царевском городище // Вестник МГУ, серия IX история. 1978. № 3. С. 88–102 (соавт. Федоров-Давыдов Г.А.).
27. Раскопки в Казанском Кремле // АО 1977 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1978. С. 187–188 (соавт. Халиков А.Х., Шавахин Л.С.).
28. Монеты как источник по изучению болгарского языка // Исследования по источниковедению истории Татарии / Отв. ред. М.К. Мухарямов и др. Казань: Татар. кн. изд-во, 1980. С. 122–135.
29. Бронзовые слитки – первые металлические деньги Поволжья и Приуралья (I тысячелетие н. э.) // СА. 1984. № 3. С. 219–222.
30. Денежное обращение Поволжья и Приуралья VI–XV вв. Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. СПб., 1992. 63 с.
31. Золотая Орда // Материалы по истории татарского народа / Отв. ред. С.Х. Алишев. Казань: Б.и., 1995. С. 136–185.
32. Город Биляр по нумизматическим данным // Биляр и Волжская Булгария: Изучение и охрана археологических памятников. Тезисы научной конференции. Казань, 1997. С. 56–59.

33. Некоторые итоги археологических исследований Сарай аль-Махруса (Селитренное городище) в 2005 г. // Татарская археология. 2006. № 1–2(16–17). С. 218–222 (соавт. Зеленева Ю.А., Ситдинов А.Г., Пигарев Е.М.)

34. Средневековые поселения Нижнего Поволжья (исследования 2008–2009 гг.) // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». Казань, 17 марта 2009 г. Вып. 1. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. С. 406–419 (соавт. Валиев Р.Р., Мирсияпов И.Ю., Ситдинов А.Г.).

35. О проблемах объективного исторического подхода к исследованию болгаро-татарской нумизматики // Нумизматика Золотой Орды. 2011. № 1. С. 103–107.

36. Археологические исследования «Больничного бугра» Селитренного городища 2006–2009 гг. // Поволжская археология. 2013. № 2(4). С. 212–251 (соавт. Валиев Р.Р., Пигарев Е.М., Ситдинов А.Г.).

Информация об авторах:

Недашковский Леонард Федорович, доктор исторических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); Leonard.Nedashkovsky@kpfu.ru

Ситдинов Айрат Габитович, чл.-корр АН РТ, доктор исторических наук, директор, Институт археологии им. А.Х.Халикова АН РТ, зав. кафедрой, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

Асылгараева Гульшат Шарипзяновна, кандидат ветеринарных наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); gul_shat@mail.ru

AD MEMORIAM A. G. MUKHAMADIEV (1933–2018)

L.F. Nedashkovsky, A.G. Sitdikov, G.Sh. Asylgaraeva

In obituary the main milestones of scientific creativity of Azgar Gataullovich Mukhamadiev – Dr. habil., honored Professor of Kazan University, Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences, prominent numismatist, archaeologist, historian are marked. A significant contribution of the scientist in numismatics and monetary circulation history of Volga Bulgaria and Golden Horde is defined.

Keywords: archaeology, numismatics, history, Volga River region, Golden Horde, Volga Bulgaria.

About the Authors:

Nedashkovsky Leonard F. Doctor of Historical Sciences. Kazan (Volga region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russian Federation; Leonard.Nedashkovsky@kpfu.ru

Sitdikov Airat G. TAS Corresponding Member. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Head of department, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Asylgaraeva Gulshat Sh. Candidate of Veterinary Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; gul_shat@mail.ru

Статья поступила в номер 18.05.2018 г.

УДК 069.4

<https://doi.org/10.24852/pa2018.2.24.354.359>

**СЕКЦИЯ «АРХЕОЛОГИЯ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ» В РАБОТЕ
ЕЖЕГОДНОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«АСТРАХАНСКИЕ КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ»**

© 2018 г. М.М. Имашева

В статье представлено краткое обозрение работы секции «Археология Нижнего Поволжья» на ежегодной научной конференции «Астраханские краеведческие чтения», проводимой с 2009 г. Конференция традиционно проходит в конце мая в здании Астраханского Краеведческого музея. Организатором научного мероприятия является Астраханский государственный объединенный историко-архитектурный музей-заповедник. На конференции обсуждаются проблемы истории, географии, биологического многообразия, полиэтнического взаимодействия, музейного и архивного дела, литературоведения и т.д. Одной из центральных является секция археологии, которая внесла весомый вклад в популяризацию и научное осмысление богатого археологического наследия в регионе.

Ключевые слова: археология, международная научная конференция, Нижнее Поволжье, Астраханская область, музей-заповедник.

Практически во всех регионах России ежегодно проводятся краеведческие мультидисциплинарные конференции. Такая форма организации научных форумов дает возможность специалистам в разных областях обсудить актуальные проблемы краеведения. Такие конференции, при условии их ежегодного проведения, являются своеобразным дискуссионным клубом, а также устоявшимся календарным этапом исследовательской работы.

Осенью 2008 г. руководство ОГУК «Астраханский государственный объединенный историко-архитектурный музей-заповедник» обратилось в министерство культуры Астраханской области с инициативой об организации международной краеведческой конференции. Заместитель директора музея-заповедника по науке к.и.н. Куратов А.А. разработал программу форума, которая вот уже на протяжении

десятилетия остается в неизменном виде. Он же предложил и название – «Астраханские краеведческие чтения».

В рамках конференции ежегодно начиная с 2009 г. (когда были проведены первые чтения), функционируют 7 постоянных секций: «Природное наследие Астраханского края», «Археология Нижнего Поволжья», «Астраханский край в XVI–XXI вв.», «Социокультурное взаимодействие народов Астраханского края», «Культурное наследие Астраханского края», «Деятельность и коллекции музеев Астраханского края», «Литературное краеведение». Также ежегодно организуется тематическая секция. Например, в 2015 г. она была посвящена 70-летней годовщине Победы в Великой Отечественной войне; в 2017 г. – 300-летию юбилею Астраханской губернии. С 2015 г. в отдельную секцию выде-

лено направление «Начинающий краевед».

По итогам каждой конференции публикуется сборник, в котором представлены все доклады, принятые к обсуждению. На сегодняшний день в свет вышли 9 выпусков за 2009–2017 гг.

Секция «Археология Нижнего Поволжья» чтений стала практически единственной научно-публикационной площадкой в Астрахани, на которой презентуются и обсуждаются актуальные вопросы археологических исследований в регионе.

Уже на первой конференции, которая открылась 18 мая 2009 г. (в Международный день музеев), сформировался круг постоянных участников секции. Конференция сразу же приобрела статус межрегиональной, а с 2012 г. – международной, в работе которой принимают участие исследователи не только из Астрахани, но и из других регионов, прежде всего, авторитетных научных центров.

Среди постоянных участников следует отметить астраханских археологов: к.и.н. Д.В. Васильева, заведующего археологической лабораторией Астраханского государственного университета; к.и.н. Е.М. Пигарёва, научного сотрудника Института археологии АН РТ; С.Ю. Скисова, скульптора, художника, сотрудника АГОИАМЗ; к.и.н. Т.Ю. Гречкину, сотрудника фонда «Наследие»; к.и.н. С.А. Котенькова, заместителя директора Каспийского филиала института Океанологии РАН. В работе конференции ежегодно принимали участие также археологи из других регионов.

Согласно утвержденным принципам «Краеведческих чтений» к участию в них принимаются любые мате-

риалы, которые представят краеведы без каких-либо возрастных или ведомственных ограничений. Поэтому в материалах конференции присутствуют и молодые исследователи – студенты университетов, участники археологических экспедиций, энтузиасты. На наш взгляд, такая возможность позволяет творческой молодежи осуществить пробу сил, понять, насколько возможно в будущем связать свою судьбу с археологией.

Кроме того, на суд научной общественности представлены работы астраханских энтузиастов, которые в большинстве своем являются коренными жителями тех местностей, где ведутся археологические раскопки, излагается не научный, а публицистический взгляд на проблемы археологии края. Такими авторами являются Р.У. Джуманов, А.Д. Мусаев, А.Ю. Сумин и др.

Географические рамки исследований, представленных в секции «Археология Нижнего Поволжья», охватывают территорию Волжско-Ахтубинской поймы. Как известно, территория эта богата археологическим материалом, относящимся к разным эпохам. Но наиболее популярными в секции стали исследования, отражающие период начала нашей эры и средневековья, преимущественно сарматскую, хазарскую и золотоордынскую эпохи. Последняя абсолютно доминирует в представленных за девять лет на секции сообщениях. Таким образом, хронологические рамки этих исследований условно охватывают I–XVI вв.

На первых «Чтениях» в 2009 г. на археологической секции было представлено 10 докладов (12 авторов), 7 из которых посвящены археологии

золотоордынского периода, 1 – сарматскому периоду, 2 – археологии хазарского периода. Сумина О.Н., сотрудник АГОИМЗ, рассказала о коллекции сосудов позднесарматского периода в музее. Практически все авторы – астраханцы, за исключением волгоградского исследователя Воронцова И.А. («Золотоордынская булава из Царевского городища») и представителей Археологического научного центра г. Уфы Яминова Я.Ф. и Яминовой С.А. («Бокка: европейские путешественники XIII в. и археология»). Астраханские исследователи Скисов С.К. и Лосев Г. А. представили очень интересную работу «Археологические памятники Волго-Ахтубинской поймы (новые открытия)», в которой в презентативной форме были показаны достижения нижневолжской археологии конца XX – начала XXI вв.

В 2010 г. на секции археологии было заслушано 11 докладов, 5 из которых (Васильев Д.В.; Голод А.А.; Курочкина С.А.; Бездудный В.Г. и Пигарёв Е.М.; Курочкина С.А.) посвящены изучению материальных находок Селитренного городища. Сумина О.Н. представила обзор коллекции астраханского краеведческого музея – «Предметы эпохи поздней бронзы». Болдырева Е.М. описала особенности поливной керамики Самосдельского городища. Пантелеев С.А. затронул вопрос о датировке городища Мошак. Жирова А.Г. раскрыла историю изучения погребальных памятников эпохи раннего и развитого средневековья на территории Астраханского края. География участников, преимущественно астраханская, три иногородних докладчика – Голод А.А. (Москва), Курочкина С.А. (Марий Эл),

Бездудный В.Г. (Ростов-на-Дону). Заключительный доклад Пигарёва Е.М. «Инвестиционный проект по созданию и комплексному развитию (музеефикации) историко-археологического и природно-ландшафтного музея-заповедника «Великая степь» (рабочий вариант)» был ожидаем, так как на его основе предполагалось создание (впоследствии реализовано) музейного комплекса под открытым небом «Сарай-Бату».

Третий год работы «Чтений» (2011 г.) не привел к существенному расширению состава участников археологической секции, хотя докладов было представлено 16. Некоторые участники – краевед Джуманов Р.У., сотрудник АГОИМЗ Жирова А.Г. – представили по две статьи. За исключением археологов из Марий Эл (Данилов П.С., Зеленева Ю.А., Курочкина С.А.) все остальные участники – астраханцы. Кроме доклада Новичкова А.Б. и Суминой О.Н. о предметах вооружения раннесарматского времени из развезанного погребения у станции Досанг, остальные доклады относились к исследованиям средневекового периода, домонгольской и золотоордынской материальной культуры на материалах Селитренного и Самосдельского городищ. Были также затронуты вопросы топографии и хронологии городов Нижнего Поволжья (Р.У. Джуманов, Д.В. Васильев, Пигарёв Е.М.).

Несмотря на то что четвертая ежегодная конференция приобрела статус международной, это не отразилось на работе секции «Археология Нижнего Поволжья». Авторами 10 докладов, представленных в 2012 г., были исключительно астраханские исследователи. Вновь был затронут

вопрос топографии и хронологии возникновения некоторых средневековых поселений в Астраханском крае (И.С. Котеньков). Сумин А.Ю. расширил хронологию докладов об археологии Нижнего Поволжья, осветив тему «Энеолитическое погребение у поселка Комсомольский». Сумина О.Н. представила обзор археологического изучения территории Астраханского кремля. Остальные авторы традиционно обратились к археологии Золотой Орды.

Пятые юбилейные «Астраханские краеведческие чтения» 2013 г. объединили в археологической секции 10 докладов, из которых только один был представлен иногородним участником (Мухамедьянова Э.Т., г. Казань, «Керамика городища Мошаик: типологизация по технико-технологическим признакам»). Вопреки сложившейся традиции, на пятых чтениях докладов, относящихся к золотоордынскому периоду было всего 3 доклада (два в соавторстве – Гречкина Т.Ю., Кутуков Д.В., Скисов С.Ю.; Тюленев Н.И.). Отличительной особенностью работы секции в 2013 г. было представление работ сравнительно-исторического характера, основанных на анализе письменных источников в сопоставлении с данными археологии: Котеньков И.С. «К вопросу о топографии маршрута похода Мервана 737 г.»; Васильев Д.В. «Анализ некоторых сведений ал-Гарнати о городе Саксине»; Буржаков Р.А. «Некоторые свидетельства о работорговле в Дешти-Кипчаке и Нижнем Поволжье в домонгольскую эпоху»; Тюленев Н.И. «Проблема религиозной толерантности в Золотой Орде».

Шестая конференция 2014 г., с точки зрения археологических до-

кладов, оказалась наименее репрезентативной. Из 6 представленных исключительно астраханскими исследователями докладов, причем два – энтузиастами-краеведами, жителями сел области (Сиражетдинов Ш.К. «Реконструкция быта жителей золотоордынского сельского поселения на основе материалов села Новые Булгары Икрянинского района»; Елизаров А.А., Синченко И.В. «Сарматские «следы» и захоронения на Лиманской земле и сопредельных районах Калмыкии»). В продолжение традиции сравнительно-исторических исследований предыдущего года Котеньков С.А. и Котеньков И.С. выступили с докладом «Рассказ о Бачмане. Некоторые спорные вопросы хронологии, географии, этнографии исторических событий». К серьезным научным сообщениям этого года относятся статьи Скисова С.Ю. «Золотоордынские памятники в северной части Дельты Волги. Новые материалы» и Пигарёва Е.М. «Золотоордынские монеты из сборов археологической экспедиции на Селитренном городище в 2009 году (к общей статистике находок)».

В рамках Седьмых «Краеведческих чтений» 2015 г. на секции «Археология Нижнего Поволжья» было рассмотрено 7 докладов, относящихся к исследованию золотоордынского периода. Как и в предыдущие годы, все участники представляли Астраханскую область. Но Пигарёвым Е.М. в соавторстве с Зеленевым Ю.А. (Йошкар-Ола) был представлен отчет «Археологические исследования совместной археологической экспедиции ИКЦ «Сарай-Бату» и МАРГУ в 2014 году», что явилось свидетельством того, что археология Нижнего Поволжья является исследователь-

ским полем не только для астраханцев, хотя в рамках конференции они практически не представлены. Доклады Котенькова С.А. «Астраханский край в системе великого шелкового пути» и Котенькова И.С. «Завоевание монголами дельты Волги в свете средневековых источников» носят источниковедческий характер.

На археологической секции Восьмых «Астраханских краеведческих чтений» в 2016 г. представлено 9 докладов, один из которых – авторским коллективом марийских и татарстанских ученых (Пигарёв Е.М., Валиев Р.Р., Воробьёва Е.Е., Зеленева Ю.А., Ситдинов А.Г., Яранцева Н.С. «Раскопки на Больничном бугре Селитренного городища в 2014–2015 гг.»). Е.М. Пигарёв перешел на работу в Институт археологии АН РТ им. А.Х. Халикова и представляет теперь эту научно-исследовательскую организацию. С точки зрения популяризации историко-археологического наследия края, интересна статья сотрудника АГОИМЗ Стукалова Г.В. «Онгоны из фондов Астраханского музея-заповедника». Васильев Д.В. и Попов П.В. продолжили исследование материалов Самосдельского городища («Православный крест с Самосдельского городища», «Комплекс лепной керамики из предматериковых слоев Самосдельского городища»); Панкова И.А. и Шельдешова Ю.В. – Красноярского городища («Находка китайской монеты на Красноярском городище», «Мусульманский некрополь Красноярского городища» (по материалам раскопок 2001 года). Сковцов С.Ю., Тимофеев А.А., Подкопашова Е.П. – Селитренного городища («Золотая Орда, чума и деньги (клад 2012 года с Селитренного городища в

историческом контексте)», «Иконка-литик с городища Сарай-Бату», «Золотоордынское блюдо с изображением мифического существа»).

Девятые чтения 2017 г. оказались самыми «провальными» по количеству участников в археологической секции, на которую было представлено всего 5 докладов, 2 из которых освещают работу археологов из других регионов (Пигарев Е.М. «Золотоордынские монеты из сборов археологической экспедиции на Селитренном городище в 2012–2015 гг. (к общей статистике находок); Пигарёв Е.М., Зеленева Ю.А., Яранцева Н.С. «Раскопки на Больничном бугре Селитренного городища в 2014–2016 гг.»). Вместе с тем, на наш взгляд, такая ситуация сложилась в связи с тем, что организаторами чтений в 2017 г. было принято решение выделить в отдельный том секцию «Начинающий краевед», куда были направлены материалы школьников, студентов, областных энтузиастов, в связи с чем произошло общее сокращение количества докладов и участников в рамках всей конференции. Следует отметить статью Д.В. Васильева «Еще раз о мавзолеях у поселка Лапас», обозначившую, на наш взгляд, один из новых векторов археологических исследований в регионе.

Подводя итог в преддверии Девятой, юбилейной, конференции, следует отметить большой вклад международной научной конференции «Астраханские краеведческие чтения» в разработку краеведческой тематики Нижнего Поволжья, популяризации научных знаний о родном крае. Секция «Археология Нижнего Поволжья», безусловно, внесла свой весомый вклад в эту деятельность.

Кроме того, она стала признанной в свободном доступе выложены на региональной исследовательской сайте Астраханского краеведческого площадкой. Материалы конференции музея.

Информация об авторе

Имашева Марина Маратовна, доктор исторических наук, доцент, Казанский (Приволжский) Федеральный университет (г. Казань, Россия); imaschewa@yandex.ru

SECTION "ARCHAEOLOGY OF THE LOWER VOLGA REGION" IN THE ANNUAL INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE "ASTRAKHAN REGIONAL READING»

M.M. Imasheva

The paper presents a brief review of the work of the sections "Archaeology of the Lower Volga region" at the annual scientific conference "Astrakhan local lore readings" held since 2009. The conference is traditionally held in end of May in the building of the Astrakhan Regional Museum. The Astrakhan state United historical and architectural Museum-reserve have been the conference organizers. Issues on history, geography, biological diversity, multiethnic interaction, museum and archival affairs, literary studies have been discussed. The section of archeology, which has made a significant contribution to the promotion and scientific understanding of the rich archaeological heritage in the region held a central place at the conference.

Keywords: archaeology, international scientific conference, Lower Volga region, Astrakhan region, Museum-reserve.

About the Author:

Imasheva Marina M. Doctor of Historical Sciences. Associate professor. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; imaschewa@yandex.ru

Статья поступила в номер 27.03.2018 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГОИАМЗ – Астраханский государственный объединенный историко-архитектурный музей-заповедник

АЕС – Археология евразийских степей

АКМ – Астраханский краеведческий музей

АМЗ – Астраханский музей-заповедник

АО – Археологические открытия

АССР – Автономная советская социалистическая республика

АФС – аэрофотоснимок

БАН – Библиотека Академии наук. СПб

БГИАПМЗ – Билярский государственный историко-археологический и природный музей-заповедник

БГИАЗ – Болгарский государственный историко-архитектурный заповедник

БГИАМЗ – Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник

БНЦ – Бурятский научный центр

БПЛА – беспилотный летательный аппарат (UAV – unmanned aerial vehicle)

ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет

ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры

ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы

ГБУ РК БИКАМЗ – Государственное бюджетное учреждение Республики Крым Бахчисарайский историко-культурный археологический музей-заповедник

ГИМ – Государственный исторический музей. М.

ГИС – географическая информационная система

ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. Москва.

ГНСС – глобальные навигационные спутниковые системы

ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.

ДДЗ – данные дистанционного зондирования

ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей

ИА АН РТ – Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан

ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук

ИАЭТ – Институт археологии и этнографии

ИИМК АН СССР – Институт истории материальной культуры Академии наук СССР. Москва.

ИТОИАЭ – Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии

ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии

ИЯЛИ АН РТ – Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан

ИЯЛИ КФАН СССР – Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала Академии наук СССР

КСИА – Краткие сообщения института археологии

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.;Л.

ЛЛС – Лицевой летописный свод

МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии

МГУ – Московский государственный университет

МДЗ – методы дистанционного зондирования

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

НА ИАК РАН – Научный архив Института археологии Крыма Российской академии наук. Симферополь.

НА РТ – Национальный архив Республики Татарстан

НФ МАРТ ИА АН РТ – Научный фонд Музея археологии Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан

ОАИЭ – Общество археологии, истории и этнографии

ОАК – Отчеты археологической комиссии

ОАН – Объект археологического наследия

ПО – программное обеспечение

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

РА – Российская археология

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РИАМЗ – Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник

РИЦ – редакционно-издательский центр

РИЦ – Редакционно-издательский центр

РНБ – Российская Национальная библиотека. СПб

РТ – Республика Татарстан

РФК – развитие функций круга

СА – Советская археология

Син – Отдел рукописей ГИМ, Синодальное собрание

СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук

ЦМР – цифровая модель рельефа

DEM – digital elevation model

GIS – geographic information system

GNSS – Global Navigation Satellite Systems (глобальная спутниковая навигационная система)

UNESCO – United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization

UTM – Universal Transverse Mercator (Универсальная поперечная Меркатора)

UTM – универсальная проекция Меркатора

WGS 84 – World Geodetic System 1984 (всемирная система геодезических параметров Земли 1984 года)

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Общие положения. Поволжская археология – международный рецензируемый журнал, посвященный проблемам археологии и смежным дисциплинам. Журнал выходит ежеквартально на русском и английском языках. Все публикации рецензируются и сопровождаются резюме на английском и русском языках.

Научный журнал «**Поволжская археология**» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин (антропология, археозоология, биоархеология, нумизматика, эпиграфика, этноархеология и др.). Публикации каждого номера журнала группируются в разделы: «Статьи», «Дискуссии», «Критика и библиография», «Хроника». Согласно условиям отбора научных изданий для включения в ведущую мировую базу данных отслеживания цитируемости SCOPUS, основным требованием к публикуемому материалу является соответствие его научным критериям (актуальность, научная новизна и т.д.).

При отборе статей редакция отдает предпочтение аналитическим и дискуссионным статьям и публикациям новых данных, а также статьям и заметкам, в которых имеются ссылки на материалы, изданные в предшествующих номерах нашего журнала.

Авторы заключают с редакцией **Соглашение**, в котором гарантируют, что предлагаемые ими статьи не были опубликованы прежде в иных изданиях. Авторы также гарантируют отсутствие каких-либо форм неправомерного заимствования в предоставляемых для публикации материалах.

Материалы, направляемые в редакцию журнала, авторы должны сопроводить «внешней» рецензией, заверенной печатью организации.

Все материалы и отсканированный оригинал рецензии принимаются в электронном виде по адресу: arch.pov@mail.ru. Оригинал рецензии на поступающую статью должен быть отправлен по адресу: 420012, г. Казань, ул. Бутлерова, д. 30.

Все поступающие материалы проходят в редакции «внутреннее» рецензирование. Решение редколлегии о принятии материалов к публикации, отклонении или необходимости их доработки сообщается автору после заключения рецензентов.

Небольшие исправления стилистического и формального характера могут быть внесены в статью без согласования с авторами. При необходимости более серьезных исправлений правка согласовывается с авторами или же направляется им на доработку.

Порядок приема материалов

Прием материалов для рассмотрения к публикации в журнале «Поволжская Археология» осуществляется по единому графику:

№ 1 (**март**) – не позднее **1 декабря** текущего года

№ 2 (**июнь**) – не позднее **1 марта** текущего года

№ 3 (**сентябрь**) – не позднее **1 июня** текущего года

№ 4 (**декабрь**) – не позднее **1 сентября** текущего года

Материалы, поступившие в редакцию после указанной даты, могут рассматриваться на выход в другом номере журнала, в соответствии с его тематикой. **Датой поступления материала в номер** считается дата принятия редактором его окончательного варианта, а не рабочей версии.

В исключительном случаях, по согласованию с редакцией журнала, срок приема материалов в ближайший номер может быть продлен, но не более чем на три недели.

При подготовке работ к публикации в журнале Поволжская археология следует строго выполнять *редакционные требования* и следовать *этическим принципам редакции*.

Пожалуйста, обратите внимание на необходимость подачи **полного комплекта материалов**:

1. **Соглашение с автором** является обязательным для заполнения и фиксирует согласие автора с условиями публикации в журнале. Документ соглашения доступен для заполнения по адресу: (<http://archaeologie.pro/ru/for-authors/article-submission/>) или по требованию, обратившись по адресу **arch.pov@mail.ru**. Без соглашения материал на рассмотрение редакции не принимается;

2. **Текст** в электронном виде

3. **Список** использованной литературы

4. **Иллюстративный материал**: рисунки, фотографии, таблицы/диаграммы с исходными файлами, использованными для их построения

ИНСТРУКЦИИ И РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ

Уважаемые коллеги, процесс обработки публикаций будет более оперативным, если рукопись приведена в соответствии с приведенными ниже рекомендациями, и сопровождается **полным комплектом необходимых материалов**.

Если у Вас возникают какие-либо вопросы перед подачей материала, пожалуйста, свяжитесь с техническим отделом по электронному адресу **arch.pov@mail.ru**.

РЕЗЮМЕ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

ПОДГОТОВКА ТЕКСТА

Объем принимаемых материалов зависит от раздела журнала, в который вы планируете подать статью.

ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ. 15–40 тысяч знаков (с пробелами), включая таблицы, список литературы, подрисуночные подписи и аннотации. Статья должна включать в себя не более 8–10 иллюстраций.

ДИСКУССИИ. 15–40 тысяч знаков (с пробелами), включая таблицы, список литературы, подрисуночные подписи и аннотации. Статья должна включать в себя не более 8–10 иллюстраций.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ. 15–20 тысяч знаков и 1 иллюстрация. При составлении библиографии трудов того или иного ученого следует указывать только основные, наиболее значимые работы (не более 20–25 работ).

ХРОНИКА. Не более 15 тысяч знаков и 2–3 иллюстрации.

Формат принимаемых материалов

Материалы принимаются в форматах **.doc* и **.rtf*. (формат **.docx* не принимается)

Не следует набирать заголовки и выделения в тексте всеми прописными буквами.

Не следует производить табуляцию и разделять абзацы пустой строкой.

Статья должна содержать (см. **Образец оформления статьи**):

– УДК;

– **Название** статьи на русском языке;

– **Фамилия, Имя, Отчество** автора (авторов) на русском языке;

– **Аннотация-резюме** (объем 100–200 слов или 800–1500 знаков с пробелами) и ключевые слова (6–10 слов) на русском языке;

– **Список литературы (библиография)**

– **Список сокращений**, который должен включать в себя расшифровку всех аббревиатур, используемых как в тексте статьи, так и в списке литературы;

– **Название** статьи на английском языке;

– **Фамилия, Имя, Отчество** автора (авторов) на английском языке;

– **Резюме (Abstract)** (объем 100–200 слов или 800–1500 знаков с пробелами) и ключевые слова (6–10 слов) на английском языке.

– **Иллюстрации** (рисунки, фотографии) в виде отдельных файлов в формате JPG, TIF, с разрешением не меньше 300 dpi;

– **Таблицы** в формате Word (в тексте) или MS Excel;

– **Подписи к иллюстрациям и таблицам**, приводятся в общем файле после списка литературы (см. *Образец оформления статьи*);

– **Сведения об авторе или авторах** (в случае коллективной работы): Ф.И.О. (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы, адрес организации, город, страна, занимаемая должность – на русском и английском языках.

Сокращения (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

Числа (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

Хронология и датировки (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

Радиоуглеродные датировки (общие требования) (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

Некалиброванные датировки (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

Калиброванные датировки (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

ИЛЛЮСТРАЦИИ (подробно см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

Рисунки и фотографии в виде отдельных файлов в формате JPG, TIF, с разрешением не меньше 300 dpi; Иллюстрации, вставленные в MS Word или Excel-файл, **не принимаются**.

Если рисунок содержит **номера или текст**, они должны быть **впечатаны** в электронном виде, а не вписаны от руки. Исключение составляют архивные материалы.

ДИАГРАММЫ должны быть оформлены в программе **MS Excel**. При этом **обязательно** вместе с диаграммами MS Excel необходимо предоставлять также таблицы, на основе которых они были выстроены.

ТАБЛИЦЫ. Наглядный материал может быть представлен в табличной форме.

Таблица строится в программе MS Excel или MS Word;

Таблицы должны иметь номер и заголовок (на английский язык заголовок не переводится);

Если Таблица включает рисунки, то их необходимо прислать отдельно в формате *.tif или *.jpg.

БИБЛИОГРАФИЯ И СИСТЕМА ССЫЛОК (подробно см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

В статьях, публикуемых в журнале «Поволжская археологи», используется нижеприведенная система составления внутритекстовых ссылок и оформления библиографии. В случае несоответствия данным требованиям присланные материалы будут отправлены автору для доработки.

Библиографические ссылки на литературу и источники в тексте даются в круглых скобках: фамилия автора без инициалов (кроме работ однофамильцев) или сокращенное название (если издание не имеет автора), год издания через запятую; ссылка на страницу, рисунок и т.п. Пожалуйста, убедитесь в том, что **все** внутритекстовые ссылки включены в библиографический список.

Например:

(Смирнов, 1964, с. 23–25, рис. 5: 1; 6: 3; табл. XII, 16; Свод памятников, 2007, с. 93, № 590).

Список литературы (библиография) составляется в алфавитном порядке (фамилия и инициалы автора, название работы, место, издательство, год издания, страницы) на языке оригинала. Сначала на кириллице (на русском, болгарском, украинском и т.д.), затем – на латинице (на английском, немецком, французском и т.д.). Библиографический список не следует делать излишне пространственным (не более 50), ссылки на собственные работы автора (авторов) должны составлять не более 25%. Пожалуйста, убедитесь в том, что все ссылки, приведенные в библиографии, присутствуют в тексте статьи.

Например:**Описание монографии (книги)**

1. *Петренко А.Г.* Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М.: Наука, 1984. 174 с.

2. *Плетнева С.А.* От кочевий к городам / МИА. № 142. М.: Наука, 1967. 198 с. (для монографий в серии МИА).

3. *Халиков А.Х.* Приказанская культура / САИ. Вып. В1-24. М.: Наука, 1980. 128 с.

4. *Марков В.Н.* Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (об этнокультурных компонентах ананьинской общности) / Археология евразийских степей. Вып. 4. Казань: ИИ АН РТ, 2007. 143 с.

5. Археологическая карта Татарской АССР. Предволжье / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. 116 с.

6. Город Болгар: культура, искусство, торговля / Отв. ред. П.Н. Старостин. М.: Наука, 2008. 276 с.

Описание статьи в продолжающемся издании (сборнике трудов)

1. *Асылгараева Г.Ш.* Морфологические исследования средневековых археозоологических материалов из археологических раскопок Казанского кремля // Археология и естественные науки Татарстана. Кн. 1 / Отв. ред. А.Г. Петренко. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. С. 63–133.

2. *Чижевский А.А.*, Каменное изваяние с острова Березовая Грива // Тверской археологический сборник. Вып. 7 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2009. С. 419–427.

3. *Халиков А.Х.* Мезолит Среднего Поволжья // МИА. 1966. № 126. С. 185–193.

Описание статьи в научном сборнике

1. *Белорыбкин Г.Н.* Монголы в землях обугаризированных буртас // Волжская Булгария и монгольское нашествие / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. С. 82–87.

2. *Напольских В.В.* Проблема начала финно-угорско-иранских контактов // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский / Археология евразийских степей. Вып. 20. Казань: Отечество, 2014. С. 76–89.

Описание материалов конференции

1. *Ситдииков А.Г., Хузин Ф.Ш.* Казанская археология: итоги и перспективы // Тр. IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том. I. Казань: Отечество, 2014. С. 8–10.

2. *Казаков Е.П.* Проявления языческой культуры в древностях Урало-Поволжья болгарского времени // XVII Уральское археологическое совещание. Материалы научной конференции (Екатеринбург, 19–22 ноября 2007 г.). Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2007. С. 251–253.

Описание статьи в журнале

1. *Яворская Л.В.* Костные останки животных из раскопа CLXII города Болгара: некоторые новые методы обработки и оценки археозоологических материалов // Поволжская археология. 2012. № 1. С. 216–237.

2. *Галимова М.Ш., Чурбанов А.А.* Археоминералогические исследования эпохи камня Волго-Камья // КСИА. 2012. Вып. 227. С. 174–181.

3. *Валулина С.И., Зиливинская Э.Д.* Стекланные изделия Самосдельского городища // Уч. зап. Казан. гос. ун-та. 2010. Том 152, кн. 3, ч. 1. С. 63–76.

Описание статьи в электронном журнале

Rady M. The Gesta Hungarorum of Anonymus, the Anonymous Notary of King Bela: A Translation. *Slavonic and East European Review*, 2009, no. 87 (4). Доступно по URL: <http://www.discovery.ucl.ac.uk/18975/1/18975.pdf>

Описание ссылки на Web-сайт

1. The Berry flint. URL: http://www.geocaching.com/geocache/GC42TVE_Le_silex_blondu_Berry (дата обращения: 23.09.2014).

Описание книги, переведенной с иностранного языка

Gerberstein S. *Rerum Moscoviticarum commentarii*. Munchen, Osteuropa-Institut, 2007. 586 S. (Russ. ed.: Yanin V.L. *Zapiski o moskovii*. Moscow: Moscow University Publ., 1988, 430 p.).

Описание рецензии

Кузьмина Е.Е. Рец. на: В.П. Шилов. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука, 1975 // СА. 1977. № 3. С. 261–265.

Описание полевого отчета

1. *Генинг В.Ф.* Отчет об археологических раскопках Федотовского городища 1954 г. Ижевск, 1955 / Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 966.

2. *Генинг В.Ф., Одинцов В.В.* Отчет о раскопках Нырғындинского II могильника // Отчет об исследованиях Удмуртского отряда Нижнекамской археологической экспедиции в 1969 г. Т. II. Свердловск, 1969 / Архив Археологического музея УрГУ. Ф. II. Д. 756.

Описание диссертации и автореферата диссертации

1. *Агеев Б.Б.* Пьяноборская культура (вопросы хронологии и общественного строя). Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1983. 18 с.

2. *Подосенова Ю.А.* Височные украшения населения Пермского Предуралья в эпоху средневековья. Дисс... канд. ист. наук. Пермь, 2009. 272 с.

Образец оформления статьи

УДК 904 “04/14”

**Исследования в центральной части
Болгарского городища («Дом Ремесленника»)**

© 2013 г. А.М. Губайдуллин

Аннотация-резюме на русском языке

Ключевые слова: на русском языке

ТЕКСТ СТАТЬИ (на русском языке)

ЛИТЕРАТУРА

Информация об авторе:

Губайдуллин Айрат Маратович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); airg_g@mail.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

**Researches in the Central Part of the Bulgar Ancient
Settlement ("House of the Handicraftsman")**

A.M. Gubaydullin

Abstract (на английском языке)

Keywords: (на английском языке)

About the Author:

Gubaidullin Airat M. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; airg_g@mail.ru

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, к изданию в журнале не принимаются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

Журнал основан в апреле 2012 г.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ
№ ФС77-61900 от 25 мая 2015 г.
выдано Роскомнадзором

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии АН РТ
420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30
Технический редактор Хамидуллин Б.Л.
Подписано в печать 25.06.2018 г. Формат 70×108 ¹/₁₆
Печать офсетная. Бумага мелованная. Печ. л. 23,0. Усл. печ. л. 32,2.
Общий тираж 1000 экз. Первый завод 150 экз. Заказ №

Издательство «Фэн»
Академии наук Республики Татарстан
420111, г. Казань, ул. Баумана, 20